

Перед нами едва ли
не самая удачная серия
любовно-приключенческих
романов со времен
«Трех мушкетеров»
Александра Дюма.

Анн Голон

АНЖЕЛИКА И КОРОЛЬ

Самая популярная романтическая сага всех времен.

Annotation

«Анжелика и король» – третья из серии книг, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов», написанным Анн Голон. Во Франции времен Людовика XIV все пути вели в Версаль. Любая красавица почитала за счастье предстать перед взором короля-солнце, хотя жить при дворе было ничуть не менее опасно, чем отправиться босиком через джунгли. Как сложится судьба мечтавшей о придворной жизни великолепной красавицы Анжелики, которая не утратила тоски по истинной любви?..

Впервые на русском языке полная версия знаменитого романа!

- [Анн Голон](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)

- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [Глава XXVI](#)
- [Глава XXVII](#)
- [Глава XXVIII](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
 - [Глава XXXIII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXV](#)
 - [Глава XXXVI](#)
 - [Глава XXXVII](#)
 - [Глава XXXVIII](#)
 - [Глава XXXIX](#)
 - [Глава XL](#)
 - [Глава XLI](#)
 - [Глава XLII](#)
 - [Глава XLIII](#)
 - [Глава XLIV](#)
 - [Глава XLV](#)
 - [Глава XLVI](#)
 - [Глава XLVII](#)
 - [Глава XLVIII](#)
 - [Глава XLIX](#)
 - [Глава L](#)
 - [Глава LI](#)
 - [Глава LII](#)
 - [Глава LIII](#)
 - [Глава LIV](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
-

Анн Голон

Анжелика и король

Anne Golon

Angélique et le Roy

Copyright © Anne Golon – 1959

The Russian translation is done after the original text revised by the author.

© М. Брусовани, перевод (главы 1–24), 2014

© А. Серебрянникова, перевод (главы 25–54), 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Часть первая

Двор

Глава I

Анжелике не спалось. Ее воображение, как бывало в детстве перед Рождеством, рисовало радужные картины. Дважды она вскакивала с постели и зажигала свечи, чтобы полюбоваться двумя разложенными в креслах возле ее ложа туалетами. Завтра ей предстоит надеть их для королевской охоты и вечернего бала. Особенно Анжелика была довольна охотничьим костюмом. Она заказала портному жемчужно-серый бархатный камзол мужского кроя, так как этот наряд еще больше подчеркивал точеные формы молодой женщины. Белую войлочную шляпу с широкими полями украшали страусовые перья, похожие на слой пушистого снега. Однако больше всего Анжелику восхищал шарф. На этот еще только входивший в моду аксессуар она возлагала большие надежды, рассчитывая привлечь внимание и возбудить любопытство именитых придворных дам. Если этот ворох накрахмаленного тонкого батиста, прелестно расшитого мельчайшими жемчужинками, несколько раз обернуть вокруг шеи, он будет выглядеть точно расправившая нежные крылышки бабочка. Эта мысль пришла ей в голову накануне. Она долго в задумчивости вглядывалась в свое отражение в зеркале, перебрав и скомкав с десятков самых прекрасных шарфов, доставленных ей из дорогой галантерейной лавки. А затем решила повязать шарф а-ля кавалер – как всадник, но сделать узел больше, чем мужской. Анжелика рассудила, что женскому личику твердый воротник охотничьего камзола только навредит, а эта белая пена под подбородком придаст наряду изысканность женственности.

Анжелика не находила себе места: она беспокойно вертелась и вскакивала с постели и уже подумывала позвонить, чтобы ей принесли отвар вербены. Это помогло бы ей уснуть хоть на несколько часов: завтра предстоит нелегкий день. Охотники поздним утром соберутся вблизи Версаля, в королевском лесу Фос-Репоз. Как и всем прочим живущим в Париже приглашенным, Анжелике придется выехать спозаранку, чтобы в назначенное время прибыть в Карфур-де-Беф, куда за ними из Версаля будут посланы экипажи. Здесь, прямо посреди леса, располагались стойла, куда привилегированные гости заранее посылали своих верховых лошадей. И к началу охоты кони были свежими. Как раз сегодня Анжелика позаботилась о том, чтобы в сопровождении двух лакеев отправить туда свою бесценную кобылу Цереру, чистокровную испанку, обошедшуюся ей

в тысячу пистолей.

Она встала и снова зажгла свечи. Бальный туалет решительно удался. Атласное ярко-розовое платье с расшитым изящными цветочками из розового перламутра пластроном и накидкой того же, только еще более насыщенного, цвета. Украшения она выбрала из жемчуга, тоже розового: серьги в виде виноградной грозди, тройную нитку жемчуга на шею, а в прическу – диадему в форме полумесяца. Анжелика приобрела их у ювелира, который вызывал у нее симпатию, потому что рассказывал о теплых морях, где родился этот жемчуг, о нескончаемых сделках, сложных экспертизах и долгих путешествиях, совершенных жемчужинами, скрытыми в шелковых мешочках, переходивших из рук арабских купцов к греческим или венецианским. Благодаря умению расхвалить каждую жемчужину как редчайший образец и убедить покупательницу, что изделие, должно быть, похищено из райского сада, торговцу удавалось впятеро завысить цену. Хотя для того, чтобы завладеть такими сокровищами, ей пришлось потратить целое состояние, Анжелику не мучили сомнения, обычно сопровождавшие безумные приобретения. И сейчас она с восхищением разглядывала украшения, покоившиеся на столике возле изголовья ее постели в своих футлярах, выстланных белым бархатом.

Анжелика желала получить все самое изысканное и драгоценное, что могла предложить ей жизнь. Эта жажда обладания скрашивала выпавшие на ее долю годы нищеты. Она чудом успела. Пока она могла еще позволить себе самые роскошные драгоценности, самые пышные туалеты, мебель, гобелены, безделушки, созданные руками самых прославленных мастеров.

И все эти сверхдорогие, умело отобранные аксессуары свидетельствовали о вкусе женщины опытной, но не пресыщенной.

Анжелика не разучилась восторгаться. Порой она изумлялась сама себе и втайне благодарила Небеса за то, что невзгоды не сломили ее. Напротив, она по-прежнему была молода духом.

Она обладала гораздо более богатым опытом, чем любая (или почти любая) молодая женщина ее возраста, и куда реже испытывала разочарование. Ее жизнь была полна редкостных и волшебных радостей, какие выпадают только в детстве. Если вам не доводилось голодать, доступно ли вам наслаждение от куска свежесдобитого хлеба? И если вам случалось топтать парижские мостовые своими босыми ногами, а потом вдруг вы стали обладательницей таких вот жемчугов – есть от чего почувствовать себя самой счастливой женщиной на свете!

Она в который раз задула свечи и, вновь улегшись на тонких,

благоухающих ирисом простынях, томно потянулась и подумала: «Как прекрасно быть богатой, да к тому же красивой и молодой!»

Она не добавила: «...и желанной», потому что вспомнила о Филиппе, и ее радость угасла, словно солнце, на которое набежала черная туча.

Анжелика тяжело вздохнула: «Филипп!»

Как же он должен ее презирать! Ей на память пришли два месяца, прожитые после повторного вступления в брак с маркизом дю Плесси-Бельером, и нелепая ситуация, в которой она оказалась по собственной вине. На следующий день после того, как Анжелика была принята в Версале, двор возвращался в Сен-Жермен. Ей же следовало ехать в Париж. Было бы логично остановиться в особняке мужа, на Фобур-Сент-Антуан, однако, прибыв туда после долгих колебаний, она обнаружила, что дверь заперта. Швейцар сообщил, что господин последовал за королем и двором, не оставив никаких распоряжений на ее счет. Поэтому молодая женщина была вынуждена вновь поселиться в принадлежавшем ей до замужества особняке на улице Ботрейи. Там она и жила в ожидании нового приглашения от короля, которое позволило бы ей занять свое место при дворе. Но за ней не присылали, и она начинала чувствовать беспокойство. И вот однажды у Нинон мадам де Монтеспан пожурила ее:

– Что с вами, моя дорогая? Вы лишились рассудка? Вы пренебрегаете уже третьим приглашением короля! То у вас трехдневная лихорадка, то газы, или вдруг вас уродует прыщик на носу и вы не осмеливаетесь появиться. Вот уж дурные оправдания, да и король вряд ли их оценит, потому что болезненные люди приводят его в ужас. Вы причиняете ему беспокойство.

Так Анжелика узнала, что супруг, которому король выражал желание видеть ее на торжествах, не только не сообщал ей об этом, но еще и выставял перед государем в смешном свете.

– Во всяком случае, – заверила мадам де Монтеспан, – я собственными ушами слышала, как король говорил маркизу дю Плесси, что желает видеть вас в среду на охоте. «И постарайтесь, – раздраженно добавил он, – чтобы здоровье мадам дю Плесси-Бельер не вынудило ее вновь обмануть наши ожидания, иначе мне придется письменно порекомендовать ей вернуться в провинцию». Иными словами, вы рискуете впасть в немилость.

Ошеломленная, а затем и взбешенная, Анжелика, слегка поразмыслив, придумала план, как поправить неловкое положение. Она приедет на охоту и поставит Филиппа перед свершившимся фактом. А если король начнет расспрашивать – что же, она скажет правду. В присутствии короля Филиппу останется лишь смириться. В строжайшей тайне она заказала себе

новые туалеты, велела отправить в Версаль кобылу и приготовить карету, чтобы выехать на рассвете. Этот рассвет вот-вот наступит, а она и глаз не сомкнула. Она заставила себя смежить веки, ни о чем не думать и постепенно тихонько погрузилась в сон.

Вдруг ее грифон Арий, свернувшийся калачиком под толстым стеганым одеялом, задрожал, вскочил и залаял. Анжелика схватила песика и прижала к себе, стараясь снова укрыть и утихомирить. Собачка не переставала рычать и дрожать. Ее удавалось успокоить на несколько мгновений, а затем она с резким тьяканьем снова выскакивала из-под одеяла.

– Что с тобой, Арий? – рассердившись, спросила молодая женщина. – Что случилось? Ты услышал мышей?

Прикрыв ему пасть ладонью, она прислушалась, чтобы уловить, что же так беспокоит грифона. И тут до нее донесся едва различимый шум, определить природу которого ей не удалось. Будто какой-то твердый предмет скользит по гладкой поверхности. Арий рычал.

– Тихо, Арий, тихо!

Так она ни за что не уснет! Внезапно у нее перед глазами, под закрытыми веками, из полузабытых воспоминаний возникло видение страшных рук с узловатыми пальцами, этих грязных рук парижских воров, которые под плотным покровом ночи, приложив невидимый алмаз, режут стекло.

Она вскочила. Да, верно. Звук доносился от окна. Воры!..

Сердце билось так сильно, что она не слышала ничего, кроме его глухих торопливых ударов. Арий вырвался и снова стал пронзительно лаять. Она поймала его и, едва не придушив, заставила умолкнуть. Анжелика прислушалась, ей показалось, что в комнате кто-то есть. Стукнула створка. «Они» вошли.

– Кто здесь? – ни жива ни мертва, крикнула она.

Никто не ответил, но к алькову приблизились шаги.

«Мой жемчуг!» – пронеслось у нее в мозгу.

Анжелика вытянула руку, схватила горсть драгоценностей. Почти тотчас же на нее обрушилась душная масса тяжелого одеяла. Грубые руки обхватили ее, так что она и шевельнуться не могла, а другие руки стягивали ее тело веревкой. Она извивалась как угорь и вопила, задыхаясь под плотной тканью. Ей удалось вырваться, она глубоко вдохнула и крикнула:

– На помощь! На п...

Два толстых пальца сдавили ей горло, она захлебнулась криком. Она

задыхалась. Перед глазами мелькали красные искры. Истерическое тьявканье грифона затухало...

«Я умираю, – подумала она. – Грабитель задушил меня!.. До чего глупо!.. Филипп! Филипп!..»

Свет померк.

Придя в себя, молодая женщина почувствовала, как что-то выскользнуло у нее из пальцев и с шумом упало на плитки пола.

«Мой жемчуг!»

Все тело затекло. Анжелика неловко свесилась с тюфяка, на котором лежала, и заметила россыпь розовых жемчужин. Наверное, она так и держала их в стиснутом кулаке, когда ее похитили и привезли в это незнакомое место. Анжелика растерянно обвела глазами помещение. Оно походило на келью, сквозь сводчатое зарешеченное оконце медленно просачивался рассветный туман, борясь с желтым светом стоящей в конуре масляной лампы. Мебель состояла из нетесаного стола, трехногого табурета и деревянной рамы с набитым конским волосом тюфяком вместо кровати.

«Где я? В чьей власти? Чего от меня хотят?»

Жемчуг у нее не украли. Веревки, которыми ее опутали, теперь были развязаны, но тяжелое одеяло по-прежнему окутывало ее поверх тонкой ночной сорочки из розового шелка. Анжелика нагнулась, подобрала жемчужное ожерелье и машинально надела его на шею. Затем одумалась, сняла и сунула под подушку.

Снаружи раздались звонкие удары колокола. Ему вторил еще один. Взгляд Анжелики уперся в висящее на оштукатуренной стене небольшое распятие из черного дерева, украшенное веточкой священного букса.

«Монастырь! Я в монастыре...»

Внимательно прислушавшись, она различила звуки органа и голоса, затянувшие песнопения.

«Что все это значит? О боже мой! Как болит шея!»

Она еще немного полежала, стараясь собраться с мыслями и убедить себя, что ей снится дурной сон и что она вот-вот пробудится от своего нелепого кошмара.

Раздавшиеся в коридоре шаги заставили ее вскочить. Мужские шаги. Быть может, это ее похититель? Ну нет! Она его так не отпустит! Он обязан внести ясность в ее положение. Ей ли пугаться бандитов! Если будет необходимость, она напомнит ему, что принц нищих Деревянный Зад – ее друг.

Шаги замерли перед дверью. В замочной скважине повернулся ключ, и кто-то вошел в келью. При виде того, кто стоял перед ней, Анжелика замерла в изумлении.

– Филипп!

Меньше всего она могла рассчитывать на то, что здесь появится ее муж. Тот самый Филипп, который на протяжении двух месяцев, проведенных ею в Париже, не удостоил ее ни одним визитом, хотя бы из вежливости, он даже не вспомнил о том, что у него есть жена.

– Филипп! – повторила она. – О Филипп, какое счастье! Вы пришли спасти меня?..

Однако ледяная отчужденность на лице дворянина помешала ей броситься ему на шею.

Он стоял в дверном проеме, великолепный в своем обшитом серебряным сутагом замшевом камзоле мышинного цвета и высоких сапогах из белой кожи. На воротник из венецианских кружев в идеальном порядке ниспадали светлые локоны его парика. Серую бархатную шляпу украшали белые перья.

– Как вы себя чувствуете, сударыня? – поинтересовался он. – Здоровы ли вы?

Будто они встретились в чьей-нибудь гостиной.

– Я... Филипп, я не знаю, что со мной произошло, – в полной растерянности пробормотала Анжелика. – Кто-то набросился на меня прямо в моей спальне... Меня похитили и привезли сюда. Не могли бы вы объяснить мне, кто совершил это злодеяние?

– Охотно. Ла Вьолет, мой старший камердинер.

– ?..

– По моему приказанию, – любезно добавил он.

Анжелика вздрогнула. Ей открылась истина.

Босиком, в одной сорочке, она по холодному полу подбежала к окну, вцепилась в железную решетку. Солнце освещало зарождающийся погожий летний день. Это солнце увидит, как король со своим двором охотится на оленя в лесу Фос-Репоз. Но госпожи дю Плесси-Бельер среди гостей не будет. Вне себя, она повернулась к мужу:

– Вы сделали это, чтобы помешать мне присутствовать на королевской охоте!

– Сколь же вы догадливы!

– Разве вам не известно, что его величество никогда не простит мне подобной неучтивости и отправит меня в провинцию?

– Именно этого я и добиваюсь.

– О... вы... вы не человек... вы дьявол!

– Неужели? А знаете ли, вы ведь не первая женщина, делающая мне столь изысканный комплимент.

Филипп смеялся. Похоже, его молчаливая жена была вне себя от ярости.

– К тому же не такой уж дьявол, – продолжал он. – Я заточу вас в монастырь, чтобы в молитве и умерщвлении плоти вы могли духовно возродиться. Сам Господь Бог не знал бы, что возразить.

– И сколько же времени мне предстоит быть наказанной?

– Посмотрим-посмотрим... По меньшей мере несколько дней.

– Филипп... я... Кажется, я вас ненавижу.

Он расхохотался, губы приоткрылись и в жестокой гримасе обнажили великолепные белые зубы.

– А вы прекрасно сопротивляетесь. Досаждать вам – одно удовольствие.

– Досаждать мне!.. Это вы называете «досаждать»? Вторжение со взломом! Похищение! Подумать только, ведь именно вас я звала на помощь, когда этот зверь пытался задушить меня...

Филипп перестал смеяться и нахмурился. Подойдя к Анжелике, он принялся изучать голубоватые следы на ее шее.

– Черт возьми! Пожалуй, висельник перестарался. Однако полагаю, вы заставили его попотеть, а для этого парня нет ничего важнее приказа. Я велел ему справиться с делом по возможности тихо, дабы не привлечь внимания ваших людей. Он проник в дом через заднюю дверь оранжереи. И все же в следующий раз посоветую ему не так буйствовать.

– Значит, вы предполагаете «следующий раз»?

– Да, пока не обуздаю вас. Пока вы так дерзко поднимаете голову, пока отвечаете мне с такой надменностью, пока пытаетесь ослушаться меня. Я королевский ловчий. Я привык усмирять злобных псов. И добиваться того, что все они начинают лизать мне руки.

– Лучше бы я умерла! – яростно выкрикнула Анжелика. – Убейте меня!

– Нет. Я предпочитаю укротить вас.

Задыхаясь от обиды и гнева, она отвела глаза, не в силах выдержать его синего взгляда. Их поединок не сулил примирения, но она и не такое видала. Анжелика не собиралась сдаваться:

– Полагаю, сударь, вы чересчур властолюбивы. Было бы любопытно узнать, что вы предполагаете предпринять, чтобы добиться своей цели?

– О, в моем распоряжении довольно средств, – досадливо отвечал он. –

Например, заточить вас. Что вы скажете о том, чтобы немного задержаться здесь? Или вот еще... Могу разлучить вас с сыном.

– Вы этого не сделаете.

– Отчего же? Я могу также лишить вас содержания, существенно сократить ваши доходы, принудить вас выпрашивать у меня пропитание...

– Вы говорите глупости, дорогой мой. Мое состояние принадлежит мне.

– Это легко поправимо. Вы моя жена. Муж обладает всеми полномочиями. Я не столь глуп, чтобы в один прекрасный день не найти способа перевести все ваши деньги на свое имя.

– Я буду защищаться.

– Кто станет вас слушать? Согласен, у вас достало хитрости заслужить снисходительность короля. Однако после вашей сегодняшней бестактности, боюсь, теперь вы не сможете на это рассчитывать. Засим оставляю вас наедине с вашими мыслями, поскольку должен спустить свору. Полагаю, вам больше нечего мне сказать?

– Отчего же! Я скажу, что всем сердцем ненавижу вас!

– Это еще ничего. В один прекрасный день вы будете умолять о смерти, чтобы избавиться от меня.

– А вам-то какая выгода?

– Наслаждение мезтью. Вы жестоко унизили меня, но однажды и я увижу, как вы рыдаете, молитесь о пощаде, превращаетесь в жалкое, полубезумное существо.

Анжелика пожала плечами:

– Ну и зрелище! Почему бы тогда не камера пыток, раскаленное железо, дыба, раздробленные члены?..

– Нет... На это я не пойду. Вероятно, я испытываю определенную привязанность к красоте вашего тела.

– Неужели? Кто бы мог подумать! Вы крайне редко проявляете эту привязанность.

Филипп, который был уже возле двери, обернулся и, прищурившись, посмотрел на свою пленницу:

– Уж не сетуете ли вы на это, моя дорогая? Что за приятная неожиданность! Значит, я пренебрегал вами? Вы находите, что я недостаточно пожертвовал на алтарь ваших прелестей? Что, у вас перевелись любовники, чтобы отдавать должное вашей красоте, коли вы требуете ласк от супруга? Впрочем, мне показалось, что вы без удовольствия провели со мной первую брачную ночь. Хотя, возможно, я ошибся...

– Подите прочь, Филипп, – произнесла Анжелика, увидев, что муж направляется к ней, и предчувствуя неладное.

В тонкой ночной сорочке она ощущала себя нагой и беспомощной.

– Чем дольше я на вас смотрю, тем меньше мне хочется покинуть вас. – Он обнял ее и прижал к себе.

Она вздрогнула, и страстное желание разрыдаться нервной судорогой стиснуло ее горло.

– Оставьте меня! О, умоляю вас! Оставьте меня!

– Обожаю слушать, как вы умоляете.

Схватив Анжелику, он, как тряпичную куклу, швырнул ее на монашеский тюфяк.

– Филипп, вы не забыли, что мы в монастыре?

– И что же? Уж не полагаете ли вы, что пара часов, проведенных в этой убогой обители, приравнивают вас к праведнице, давшей обет целомудрия? Впрочем, не важно. Мне всегда доставляло невероятное наслаждение насиловать монахинь.

– Не знаю никого, кто был бы столь же низок, как вы!

– Ваш любовный словарь не из самых нежных, – хмыкнул он, отстегивая пряжку перевязи. – Вам бы следовало пополнить его в салоне прелестной Нинон. Бросьте жеманничать, мадам! Вы очень своевременно напомнили мне, что у меня есть обязанности по отношению к вам, и я их исполню.

Анжелика прикрыла глаза. Она перестала противиться, зная по опыту, чего ей может стоить это сопротивление. Безучастная и презрительная, она стерпела его несносные объятия, точно наказание. «Я всего лишь поступаю подобно всем несчастным в браке женщинам, – думала она, – а уж мне ли не знать, что их легион. Они смиряются с неизбежностью и мечтают о своих любовниках или мысленно читают молитвы, принимая ласки пятидесятилетнего пузатого супруга, навязанного им волею корыстного отца». Впрочем, о Филиппе такого не скажешь. Он не был ни пятидесятилетним, ни пузатым, к тому же Анжелика желала вступить в брак именно с ним. А теперь сколько угодно могла кусать себе локти. Слишком поздно. Ей следовало бы научиться ставить на место господина, которого сама же себе и выбрала. Это животное, и женщина для него не более чем вещь, непосредственно при помощи которой он достигает физического наслаждения. Однако животное сильное и гибкое, так что в его объятиях сложно избежать мыслей о нем или бормотать молитвы. Он торопливо приступил к делу, точно воин, которым движет желание, – воин, который в неистовстве сражений утратил привычку давать волю чувствам.

Однако, прежде чем выпустить Анжелику из своих объятий, он сделал одно едва заметное движение – позже она решила, что это ей почудилось: прикоснулся к запрокинутой шее молодой женщины и в почти неуловимой ласке задержал свою руку в том самом месте, где оставили голубоватый след грубые пальцы лакея.

Но через мгновение он уже поднялся и теперь со злобной усмешкой смотрел на нее сверху вниз:

– Ну вот, милочка, вы и образумились, как мне кажется. А что я говорил? Скоро будете ползать предо мной на коленях. А пока желаю вам приятно провести время в этом славном местечке с такими толстыми стенами. Здесь вы сможете вволю плакать, кричать и проклинать. Вас никто не услышит. Монахини получили распоряжение приносить вам пищу, но ни на шаг не выпускать за порог кельи. Кстати, они зарекомендовали себя отменными тюремщицами. Вы не единственная подневольная пансионерка этого монастыря. А теперь – с вашего позволения, мадам! Быть может, вскоре вы услышите звук рога. Я специально для вас прикажу дать сигнал к началу охоты.

Издавательски смеясь, Филипп вышел. Смех у него был отвратительный. И смеялся он, только когда мстил.

После его ухода Анжелика долго неподвижно лежала, кутаясь в грубое одеяло, хранившее мужской запах жасминовой воды и сырмятной кожи. Ее одолевали усталость и отчаяние. Ночные тревоги в сочетании с досадной распрей лишили ее сил, и она уступила требованиям мужа. Изнасилованная, она ослабела и теперь погрузилась в оцепенение, граничащее с блаженством. К горлу подступила столь же мгновенная, сколь и внезапная тошнота. Несколько мгновений Анжелика боролась с мерзким недомоганием, на висках выступили капельки пота. Она вновь рухнула на тюфяк, чувствуя себя совершенно подавленной. Эта минутная дурнота подтверждала симптомы, которым вот уже месяц она так не хотела поверить. Однако теперь следовало признать очевидное. Пережитая ею в Плесси-Бельер мерзкая первая брачная ночь, о которой она не могла вспомнить, не залившись краской стыда, принесла свои плоды. Она беременна. Она носит дитя от Филиппа, человека, которого ненавидит и который поклялся отомстить ей и мучить ее, пока не сведет с ума.

На мгновение Анжелика почувствовала, что силы оставили ее, и уже готова была смириться и отказаться от борьбы. Ею овладела сонливость. Уснуть! Сон вернет ей бодрость. Однако теперь не время спать. Потом будет слишком поздно. Иначе она навлечет на себя гнев короля и навсегда

будет изгнана не только из Версаля, но и из Парижа.

Он вскочила, подбежала к массивной деревянной двери и замолотила в нее кулаками, обдирая руки в кровь.

– Откройте! Выпустите меня отсюда! – кричала она.

Солнце уже волнами заливало келью. В этот час участники королевской охоты собирались в курдонёре, экипажи гостей въезжали через ворота Сент-Оноре. Только Анжелика пропустит это событие.

«Мне необходимо быть там! Мне необходимо быть там! Если я лишусь поддержки короля, мне конец! Только король может призвать Филиппа к порядку. Мне во что бы то ни стало необходимо принять участие в королевской охоте!

Филипп говорил, что отсюда слышно сигнал к началу королевской охоты. Значит ли это, что я в монастыре недалеко от Версаля? О, мне совершенно необходимо выбраться отсюда».

Она, словно зверь в клетке, металась по келье, пытаясь придумать выход. Наконец в коридоре послышался громкий стук сабо. На мгновение Анжелика замерла в надежде, потом бросилась к своей убогой постели и с самым безмятежным видом вытянулась на ней. В замке повернулся массивный ключ, и на пороге появилась женщина. Не монахиня, а служанка в грубом перкалевом чепце и бумазейном платье. В руках она держала поднос.

Буркнув какое-то приветствие, она принялась расставлять на столе скудную пищу: склянку с водой, миску, от которой исходил смутный запах чечевицы с салом, круглый хлебец.

Анжелика с интересом разглядывала служанку. Возможно, эта девушка станет ее единственной связью с внешним миром за целый день. Следовало воспользоваться случаем. Похоже, незнакомка была не из неповоротливых крестьянок, что обычно прибирают в монастырях. Пожалуй, даже хорошенькая, с большими, полными огня и злобы черными глазами. А движения бедер под складками бумазейной юбки красноречиво говорили о характере ее прежних занятий. Опытный глаз Анжелики не мог ошибиться. Да и проклятия, слетевшие с губ девицы, когда та случайно уронила на пол ложку, не оставляли сомнений. Это, очевидно, была одна из самых приветливых подданных его величества принца нищих.

– Привет, сестричка, – прошептала Анжелика.

Служанка обернулась, и глаза ее округлились, когда она заметила опознавательный знак парижских воров, которым приветствовала ее Анжелика.

– Так вот оно что, – пробормотала девица, едва оправившись от

изумления, – вот оно что! Могла ли я подумать... А мне сказали, будто ты настоящая маркиза. Значит, бедная моя монашка, ты тоже попалась этим мерзавцам, слугам Общества Святых Даров? Да уж, не повезло... С ними, предвестниками несчастья, нет никакой возможности спокойно заниматься своим делом!

Запахнув на дразняще высокой груди серый шерстяной платок, она присела на краешек тюфяка:

– Я в этой тюрьме уже полгода. Представь, что за веселье! Встретить тебя – просто чудо! Хоть немного повеселее. Ты в каком квартале работала?

Анжелика неопределенно махнула рукой:

– Везде понемногу.

– А кто твой «кот»?

– Деревянный Зад.

– Принц нищих! Ух ты, красотка, знать, тебя обласкали. Для новенькой ты больно быстро вскарабкалась наверх. А ты ведь новенькая. Я тебя прежде никогда не видала. Тебя как звать?

– Прекрасная Анжелика.

– А меня – Воскресенье. Из-за одной моей особенности. Я работала только по воскресеньям. Чтобы не быть как все. Не поверишь, это отличная идея. Я прекрасно наладила свой промысел. Прогуливалась только перед церквями. Еще бы! У тех, кто туда входил, было предостаточно времени, пока шла служба, поразмыслить и принять решение. Прекрасная дева после прекрасной мессы – почему бы и нет? От клиентов отбою не было, я не успевала всех обслужить. Какой крик поднимали у церковных ворот все эти святоши и попы! Будто весь Париж из-за меня пропустил мессу! Вот уж им пришлось попотеть, чтобы меня арестовали! Требуя моего заточения, они добрались аж до самого парламента! Попы – исчадие ада. Но они сильны. И вот я здесь. В монастыре августинок в Бельвю. Теперь мой черед ходить к вечерне. А с тобой что приключилось?

– Один покровитель захотел, чтобы я принадлежала только ему. Я его обманула, заставила его раскошелиться, а потом – дудки! Он мне не понравился. Вот он и решил поквитаться со мной, заперев в монастырь, пока я не одумаюсь.

– Сколько же скверных людей на свете, – вздохнула Воскресенье, воздев глаза к небу. – А твой дружок вдобавок еще и скряга. Слыхала я, как он торговался с игуменьей о цене за твое содержание. Двадцать экю, и не больше. Именно столько платит Общество Святых Даров, чтобы меня держали под замком. На такие деньги тебе полагаются только горох да

бобы.

– Негодяй! – воскликнула Анжелика, особенно оскорбленная этой последней деталью. Можно ли вообразить себе более отвратительную личность, чем Филипп! К тому же он еще и скуп! Сторговался платить за нее, как за уличную девку!

Она схватила Воскресенье за руку:

– Послушай! Ты должна вытащить меня отсюда. Вот что я придумала. Дай мне свою одежду и расскажи, как отсюда выбраться.

Однако та заупрямилась:

– Еще чего! Да и как я помогу тебе выйти отсюда, когда и сама понятия не имею, как удрать.

– Это не одно и то же. Монахини тебя знают. Тебя они сразу заметят. А меня ни одна из них, кроме игуменьи, и близко не видела. Даже если мы повстречаемся в коридоре, я им всякого могу наболтать.

– И правда, – вынуждена была признать Воскресенье. – Тебя сюда привезли перевязанной, точно колбаса. К тому же среди ночи. И сразу отнесли сюда.

– Вот видишь! У меня все шансы справиться! Давай нижнюю юбку, да побыстрей!

– Не торопитесь, маркиза, – проворчала девица, окинув Анжелику недобрый взглядом. – Похоже, ваш девиз «мне все, другим ничего». А что же за свои труды получит оставшееся за этими решетками бедняжка Воскресенье? Уж конечно, неприятности, да вдобавок, возможно, увязну еще глубже?

– А вот что. – И Анжелика, быстро скользнув рукой под подушку, извлекла оттуда нитку розового жемчуга.

Воскресенье была так поражена сиянием жемчуга цвета утренней зари, что могла лишь восхищенно присвистнуть.

– Это же подделка, да, сестрица? – в растерянности прошептала она.

– Вовсе нет. Прикинь на вес. Да возьми же! Оно твое, если сможешь мне.

– А ты не шутишь?

– Слово даю. С этим, когда выйдешь отсюда, тебе будет на что нарядиться, как принцессе, и обзавестись своей мебелью.

Воскресенье перебирала в пальцах королевское украшение.

– Ну что, ты решилась?

– Я согласна. Но у меня идея лучше твоей. Подожди. Я сейчас.

Ожерелье исчезло в складках юбки. Девица вышла. Ее отсутствие длилось целую вечность. Наконец, едва переводя дух, она вернулась с

целым ворохом одежды и медным кувшином.

– Уф, вредная сестра Ивонна прямо-таки вцепилась в меня. Еле от нее избавилась. Надо спешить, потому что скоро закончится утренняя дойка. К этому времени женщины из окрестных деревень приходят за молоком на монастырскую ферму. Надевай эти лохмотья, бери кувшин и подушечку. Спустишься по лестнице, что ведет с голубятни, – я тебе покажу, – а когда окажешься во дворе, смешаешься с остальными женщинами и постарайся вместе с ними выйти через паперть. Только смотри, хорошенько удерживай на голове кувшин с молоком.

План Воскресенья был благополучно осуществлен. Не прошло и четверти часа, как госпожа дю Плесси-Бельер, в короткой юбке в красную и белую полоску и облегающем черном лифе, уже шла по пыльной дороге с похвальным желанием добраться до Парижа, который виднелся там, вдали, в солнечной дымке. В одной руке у нее были башмаки – слишком большие, а в другой она несла опасно раскачивавшийся медный кувшин.

Она появилась на ферме под конец, когда послушницы, подоив коров, распределяли молоко между женщинами, которые должны были доставить его в Париж и предместья.

Проводившая переключку старая монахиня призадумалась было, откуда взялась новенькая, но Анжелика ловко прикинулась простушкой и на все вопросы отвечала на своем пуатевинском диалекте. К тому же она изо всех старалась всучить монахиням несколько монеток, которые ей великодушно выдала Воскресенье, так что ей налили молока и отпустили.

Теперь следовало поторапливаться. Она находилась на полпути между Версалем и Парижем. Поразмыслив, она рассудила, что направиться прямо в Версаль было бы безумием. Могла ли она предстать перед королем и его двором в полосатой юбчонке какой-то девки-молочницы?!

Лучше было вернуться в Париж, к своим нарядам и карете, и, срезав путь через лес, поскорей присоединиться к королевской охоте.

Анжелика шла быстро, но ей казалось, будто она совсем не продвигается. Босые ноги натыкались на острые камни. Стоило ей надеть огромные башмаки, она оступалась и теряла их. Молоко плескалось, подушка соскальзывала с головы.

Наконец с ней поравнялась колымага жестянщика, ехавшего в Париж. Она махнула ему:

- Не подвезете ли меня, дружок?
- Охотно, красавица. За поцелуй доставлю вас прямо к Нотр-Дам.
- На это можете не рассчитывать. Поцелуй я берегу для своего суженого. Зато для ваших деток дам вам этот кувшин молока.

– По рукам! Вот ведь удача! Залезайте, девица столь же прекрасная, сколь и премудрая.

Лошадка бежала резво. К десяти часам они уже были в Париже. Жестянщик доставил ее до самой набережной. Анжелика, словно эльф, упорхнула к своему особняку, где швейцар едва не лишился чувств, увидев госпожу, одетую в крестьянские лохмотья.

С раннего утра прислуга судачила о тайнах этого жилища. К ужасу от исчезновения хозяйки примешалось удивление при виде огромного верзилы, спесивого и наглого лакея господина дю Плесси-Бельера, явившегося, чтобы реквизировать в особняке Ботрейи всех лошадей и кареты.

– Всех моих лошадей! Все мои кареты! – в оцепенении повторяла Анжелика.

– Да, сударыня, – подтвердил мажордом Роже.

Он не поднимал глаз: видеть госпожу в черном лифе и белом чепце ему было так же неловко, как если бы она стояла перед ним совершенно нагая.

Анжелика мужественно отнеслась к произошедшему:

– Ну что же! Обращусь за помощью к друзьям. Жавотта, Тереза, поторапливайтесь! Мне нужна ванна. Подготовьте мой охотничий костюм. И пусть мне соберут в дорогу провизию и бутылку хорошего вина.

От чистого звона часов, отбивающих полдень, она вздрогнула.

«Бог знает, какое оправдание Филипп изобретет на этот раз, чтобы объяснить его величеству мое отсутствие! Что я приняла слабительное и теперь лежу в постели, мучимая приступами тошноты... Он на все способен, скотина! А теперь неужели, лишившись лошадей и кареты, я прибуду только к заходу солнца! Проклятый Филипп!»

Глава II

– Проклятый Филипп! – твердила Анжелика.

Вцепившись в дверцу кареты, она беспокойно смотрела на ухабистую дорогу, по которой враскачку двигалась убогая карета.

Лес становился гуще. Корни гигантских дубов вылезали из грязи, словно толстые зеленые змеи, и сплетались прямо посреди дороги. Но разве можно назвать дорогой грязную канаву, уже перепаханную недавним проездом несчетных экипажей и всадников?

– Мы никогда не доберемся, – простонала молодая женщина, повернувшись к сидящей возле нее Филониде де Паражон.

Быстрым движением веера старая жеманница поправила на голове съехавший от постоянной тряски парик и весело ответила:

– Не теряйте рассудок, милочка. Все всегда куда-нибудь добираются.

– Все зависит от того, в каком экипаже и за сколько времени, – возразила Анжелика, нервы которой были на пределе. – А когда целью путешествия является присоединиться к королевской охоте, а в ней следовало бы участвовать вот уже шесть часов, и когда рискуешь прийти туда пешком, чтобы услышать, как трубят отбой, есть от чего впасть в ярость. Если король заметил мое отсутствие, он никогда не простит мне очередной неучтивости...

Сильный удар, сопровождающийся ужасным треском, буквально столкнул обеих дам.

– Черт бы побрал вашу старую колымагу! – воскликнула Анжелика. – Бочка из-под селедки и то прочнее! Только и годится что на растопку!

На сей раз мадемуазель де Паражон оскорбилась:

– Пожалуй, я соглашусь с вами, что мой передвижной кабинет не обладает достоинствами великолепных карет, имеющих в ваших конюшнях. Однако мне представляется, что нынче утром вы были очень рады получить его в свое распоряжение, поскольку господин дю Плесси-Бельер, ваш супруг, счел разумным и очень забавным приказать увести всех ваших лошадей в одному ему известное тайное место...

Анжелика снова вздохнула.

Где же ее личный экипаж с прошитой золотом амарантовой упряжью и красной шелковой бахромой? А ведь она так радовалась, что сможет наконец участвовать в королевской охоте в лесах Версаля!

Она представила, как приезжает к месту сбора почетных гостей в

карете, запряженной шестью вороньими, с тремя лакеями в новых синезелтых ливреях, с кучером и фореитором в красных кожаных сапогах и фетровых шляпах с перьями. Присутствующие стали бы перешептываться: «Чей это столь великолепный экипаж?» – «Он принадлежит маркизе дю Плесси-Бельер. Знаете, той самой, что... Она не часто выезжает. Муж прячет ее. Редкий ревнивец... Впрочем, кажется, король о ней справлялся...»

Она с превеликим тщанием подготовилась к решающему дню. Она твердо решила, что больше не позволит отстранить себя. Стоит ей сделать первый шаг ко двору, она сделает и другой, и напрасно Филипп будет стараться оттеснить ее. Анжелика привлечет к себе внимание красотой, изяществом, своеобразием. Она утвердится при дворе, зацепится, внедрится, подобно всем остальным, бездельникам и честолюбцам. К черту робость и скромность!

Прикрывшись веером, мадемуазель де Паражон насмешливо прыснула:

– Не будучи великой предсказательницей, могу угадать ваши мысли. Узнаю боевой настрой. Какую крепость вы готовитесь взять штурмом? Уж не самого ли короля? Или, быть может, собственного мужа?

Анжелика передернула плечами:

– Короля? Он всем обеспечен и хорошо защищен. Законная супруга – королева, признанная любовница – мадемуазель де Лавальер, а сколько у него их еще... Что же до моего мужа, то почему вы вообразили, что меня может интересовать укрепление, которое уже сдалось? Подобаает ли – если использовать одно из ваших выражений, – чтобы, подписав брачный контракт, супруги продолжали интересоваться друг другом? Крайнее мещанство!

Старая дева хихикнула:

– А вот я нахожу, что милейший маркиз тем не менее проявляет интерес к вам, да к тому же прелюбопытнейшим способом. – Она сластолюбиво провела языком по сухим губам. – Расскажите еще, моя дорогая. Это самая забавная история из всех, что мне довелось слышать. Неужели? Нынче утром, когда вы уже собрались двинуться в сторону Версаля, у вас в стойлах не осталось ни одной лошади? И исчезла половина ваших слуг? Должно быть, господин маркиз дю Плесси выказал великодушие по отношению к вашим людям. И вы ничего не заподозрили? Ничего не слышали? А ведь в свое время, дорогуша, вы слыли такой хитрой бестией!

Очередной толчок сотряс экипаж. Сидящую на неудобной откидной

скамеечке напротив Анжелики горничную Жавотту так потрянуло, что она почти завалилась на свою госпожу и смяла бант из золотого полотна, которым маркиза прикрепила к своему поясу хлыст. Прекрасный бант превратился в тряпку, и Анжелика в сердцах отвесила горничной пощечину. Та, захныкав, вновь уселась на свое место. Анжелика охотно продолжила бы раздачу, энергично приложив ладонь к густо залепленному свинцовыми белилами лицу Филониды де Паражон. Она догадывалась, что ее злключения доставляют той огромное удовольствие. Однако именно к старой жеманнице, соседке и почти свидетельнице своих неприятностей, она обратилась в растерянности – после неслыханного фортеля Филиппа у нее не было иного выхода, как позаимствовать экипаж приятельницы. Мадам де Севинье была в провинции. Ее бы, разумеется, выручила Нинон де Ланкло, но репутация великой куртизанки отдалила ее от двора, а принадлежащий ей экипаж мог быть узнан. Что же касается прочих парижских знакомств Анжелики, эти дамы сегодня либо тоже находились в Версале, либо же их туда не пригласили, и тогда от них не стоило ждать ничего, кроме ревливой озлобленности. Оставалась мадемуазель де Паражон.

Но изнывающей от нетерпения Анжелике пришлось ждать, пока страшно взволнованная старая дева нацепит свои самые лучшие и давно вышедшие из моды смехотворные наряды; пока служанка распутает свалывшиеся пряди ее парадного парика, пока кучеру почистят ливрею, наведут блеск на давно облезший лак дрянной кареты.

И вот наконец они выехали на дорогу. Но что это была за дорога!

– Вот ведь дорога! Ах, что за дорога! – простонала Анжелика, в очередной раз пытаясь среди образующих тесный коридор деревьев разглядеть опушку.

– Не стоит изводить себя, – назидательно промолвила мадемуазель де Паражон. – Вы так ничего не добьетесь, разве что испортите цвет лица. А это совсем ни к чему. Дорога как дорога. Сердиться следует разве что на короля, ему как будто доставляет удовольствие, чтобы мы барахтались в этой грязи. Я слышала, прежде здесь иногда гнали быков из Нормандии, поэтому дорогу называли Бычьей. Наш покойный король Людовик Тринадцатый охотился в здешних местах, однако ему и в голову не приходило тащить сюда весь цвет своего двора. Людовик Благочестивый^[1] был человеком разумным, простым и здравомыслящим.

Ее рассуждения были прерваны треском, за которым последовали чудовищные толчки. Экипаж накренился, потом раздался оглушительный скрежет, у кареты отвалилось колесо, и все три незадачливые

путешественницы попадали друг на друга.

Оказавшись в самом низу, поскольку сидела как раз на стороне слетевшего колеса, Анжелика с тоской думала о своем прелестном наряде наездницы, на который теперь обрушились обе ее спутницы: и мадемуазель де Паражон, и Жавотта. Впрочем, особенно шевелиться, чтобы выбраться, она не отважилась, потому что окно кареты разбилось, а Анжелике только и не хватало порезаться и перепачкать наряд кровью!

Открылась другая дверца, показалась хитроватая физиономия лакея Флипо.

– Не ушиблись, маркиза? – запыхавшись, спросил он.

Анжелика была не в том состоянии, чтобы напоминать ему о хороших манерах.

– А старушка Бастилия как? Держится?

– Держится, – весело отвечала ему Филонида, которой очень нравились приключения. – Дай руку, негодник, и помоги мне выбраться отсюда.

Флипо поднатужился и вытащил ее. Очень скоро, благодаря помощи кучера, которому удалось успокоить и распрячь лошадей, обе женщины и девчонка-горничная уже стояли на грязной дороге.

Все обошлись без единой царапины.

Однако положение их оставалось плачевным.

Анжелика предпочла не раздражаться проклятиями. Гневом делу не поможешь. Теперь все пропало! Ей не только не удастся сегодня принять участие в королевской охоте: она НИКОГДА не сможет вернуться ко двору! Король не простит очередного проявления ее пренебрежения. Может быть, следует написать ему или броситься к его ногам? Попросить вмешаться мадам де Монтеспан или маркиза де Лозена? На какую же причину ей сослаться? Поломка кареты? Разумеется, это правда, однако правда, похожая на нелепый предлог. На поломку кареты всегда жалуются, чтобы оправдать неловкое опоздание.

Присев на пень, она погрузилась в столь горестные размышления, что не заметила приближения небольшой группы всадников.

– А вот и люди, – вполголоса пробормотал Флипо.

Наступила тишина, слышно было лишь, как шлепают по грязи копыта лошадей. И тут мадемуазель де Паражон прошептала:

– Боже милосердный! Бандиты! Мы погибли!

Глава III

Анжелика подняла голову. На темной пустынной дороге эти высокие худые мужчины с обветренными лицами и темными глазами и впрямь не вызвали особого доверия. Черные усы и бородки вышли из моды вот уже несколько лет назад, такие теперь непривычно видеть в Иль-де-Франс. Поблекшая форма со следами выцветшей или оборванной вышивки. Вылинявшие шляпы украшали поредевшие перья. Плечи незнакомцев были прикрыты драными плащами. Однако почти у всех были сабли. Двое господ, возглавлявших маленький отряд, держали богато украшенные, хотя прорванные и продырявленные знамена. Знамена, которые явно познали опалющее дыхание ветра сражений.

Несколько пеших, с копьями и мушкетами, равнодушно миновали опрокинутую карету. Однако первый всадник, должно быть командир, остановился перед двумя дамами и их слугами:

– Го-о-споди! Милые дамы, похоже, покровительствующий путникам бог Меркурий коварно покинул вас?

В отличие от своих товарищей, он был довольно крепкого телосложения. Впрочем, свободные складки его камзола наводили на мысль о том, что в прежние времена всадник отличался большей дородностью. Он приподнял шляпу, и дамы увидели молодое обветренное лицо.

Певучий выговор незнакомца не оставлял никаких сомнений в его происхождении. Анжелика любезно улыбнулась и приветливо ответила:

– Сударь, да вы, верно, гасконец!

– От вас ничего не скрыть, о прекраснейшая из нимф здешних лесов! Чем мы можем быть вам полезны?

Всадник склонился к Анжелике, чтобы лучше разглядеть ее, и молодой женщине показалось, что он вздрогнул. Внезапно она осознала, что прежде уже где-то встречала этого человека. Но где?.. Она подумает об этом позже. Сейчас важно другое.

– Сударь, вы можете оказать нам огромную услугу. Мы направлялись на королевскую охоту, но наш экипаж сломался. Не может быть и речи о том, чтобы быстро починить эту старую карету. Но если бы кто-нибудь из вас посадил к себе на коня меня, а другие – мою спутницу и горничную и доставили бы нас к Карфур-де-Беф, мы были бы вам очень признательны!

– Карфур-де-Беф? Мы и сами держим путь туда! Все чертовски удачно

складывается!

Не больше четверти часа понадобилось всадникам, чтобы доставить дам, которых они посадили на коней позади себя, до назначенного места.

На опушке леса у подножия холма Фос-Репоз было полно экипажей и верховых лошадей. В ожидании возвращения господ кучера и лакеи играли в кости или выпивали на скромном лесном постоялом дворе, никогда прежде не видывавшем такой прибыли. Среди них Анжелика заметила своего конюшего. Спрыгнув на землю, она крикнула:

– Жанику, приведи мне Цереру!

Слуга со всех ног бросился к стойлам.

Спустя несколько секунд Анжелика уже была в седле. Выбравшись из сутолоки, она пришпорила кобылу и помчалась к лесу.

Церера была стройная, изящная лошадка блестящей золотистой масти, за которое и получила свое имя, данное ей в честь богини лета. Анжелика любила ее за роскошную красоту, она не имела обыкновения дружески привязываться к животным, потому что у нее и без того хватало забот. Но Церера была такой послушной, что Анжелика с большим удовольствием ездил на ней верхом. Сойдя с тропы, всадница пустила лошадь по склону к вершине холма. Кобыла споткнулась в высоком ковре из сухих листьев, потом выровнялась и быстро преодолела подъем. На вершине деревья по-прежнему скрывали горизонт. Анжелика ничего не могла разглядеть. Молодая женщина прислушалась. Откуда-то с востока до нее донесся отдаленный лай, потом звук охотничьего рога; его хором подхватили другие рога. Услышав «водный мотив», означающий, что олень вошел в воду, Анжелика улыбнулась: охота еще не закончилась.

– Церера, красавица, давай поспешим. Быть может, нам удастся избежать позора.

Она пустила лошадь галопом по гребню холма, пробираясь через чащу дикого леса, почти непроходимого с давних времен, изредка посещаемого одинокими охотниками и браконьерами с арбалетами на плече или бандитами, ищущими убежища в чаще деревьев с узловатыми ветками и густой листвой. Людовик XIII и молодой Людовик XIV вырвали помнящие друидов старые дубы из их векового сна. Дыхание блистательного двора проникало сквозь неподвижный туман, и аромат женских духов смешивался с тяжеловатым запахом грибов и прелых листьев.

Собачий лай приближался. Должно быть, загнанному оленю удалось переплыть реку. Он не признавал себя побежденным и продолжал свой бег, преследуемый по пятам сворой собак. Он двигался в сторону Анжелики. Наездница слегка натянула поводья, лошадь перешла на шаг, а потом

встала. Глухой перестук копыт был все ближе. Анжелика выбралась из чащи. Над ее головой листва постепенно расступалась, позволяя увидеть поблескивание болотца в низине. Вокруг плотной стеной стоял лес, но вдали можно было разглядеть небо, обложенное продолговатыми темными тучами, среди которых медленно садилось бледное солнце. Наступающие сумерки смягчали туманный пейзаж, поглощали синие и зеленые оттенки, которыми лето щедро раскрасило деревья. Сбегая с холма, ручейки сохраняли свою прохладу и свежесть в долине.

Вдруг послышался дружный собачий лай. На лесной опушке замаячила коричневая масса. Это был олень, совсем молодое животное с едва начавшими ветвиться рогами. Под его копытами из болотца брызнули фонтаны воды. Несущаяся за ним свора собак казалась бело-рыжей рекой. Потом из зарослей показалась лошадь с наездницей в красном камзоле. Почти тут же со всех сторон появились всадники и стали спускаться по травянистому склону. В одно мгновение нежная буколическая картинка долины сменилась жестокой сумятицей, где упорный собачий лай смешивался с конским ржанием, улюлюканьем охотников и раскатистыми звуками рогов, давших сигнал к расправе. На мрачном фоне леса разноцветными тучами расползались группы вельмож и знатных дам в богатых одеждах, на которых переливались в последних лучах заходящего солнца вышивки, перевязи и плюмажи.

Тем временем олень последним усилием сумел прорвать роковой круг. Воспользовавшись проходом, он бросился под спасительный покров зарослей. Раздались возгласы разочарования. Увязшие в болотце собаки приготовились к новой погоне.

Анжелика тихонько тронула поводья и тоже принялась спускаться. Момент показался ей подходящим, чтобы смешаться с толпой.

– Не стоит продолжать преследование, – произнес чей-то голос у нее за спиной. – У животного уже не осталось сил. А если поскачете через низину, то только забрызгаетесь с ног до головы. Поверьте мне, прекрасная незнакомка, и оставайтесь лучше здесь. Готов поспорить, что слуги воспользуются этой заминкой, чтобы взять собак на сворку. Тут-то мы и предстанем перед королем!..

Анжелика обернулась. Она не была знакома с этим дворянином, так внезапно возникшим в нескольких шагах от нее. Под пышным напудренным париком она разглядела приятное лицо. Одет он был весьма изысканно. В знак приветствия незнакомец приподнял украшенную белоснежными перьями шляпу.

– Пусть разразит меня гром, сударыня, если я когда-либо прежде имел

случай видеть вас. Это невозможно, потому что я не смог бы забыть ваше лицо.

– Случай? Быть может, при дворе?

– При дворе? – с возмущением запротестовал незнакомец. – Но я живу там, сударыня. Я там живу. Вы не могли незамеченной пройти перед моими глазами. Не пытайтесь обмануть меня, сударыня. Вы никогда не бывали при дворе.

– Бывала, сударь... – И после короткой паузы Анжелика добавила: – Однажды...

Он рассмеялся:

– Однажды? Как мило! – Он размышлял, нахмутив светлые брови. – И когда же? На последнем балу? Нет... не припомню... Более того, это невероятно, но могу поспорить, что вас не было сегодня утром во время сбора в Фос-Репоз.

– Кажется, вы всех здесь знаете...

– Всех? Верно! У меня на то есть все возможности, а мне известно, что следует помнить о людях, чтобы они помнили о вас. Этому принципу я стараюсь следовать с ранней юности. У меня непревзойденная память!

– Ну что же, тогда не соблаговолите ли вы стать моим проводником в этом столь мало знакомом мне обществе? Будете называть мне имена. Например, мне было бы любопытно узнать, кто та наездница в красном, которая следовала сразу за собаками. Она великолепно держится в седле. Не каждый мужчина мог бы скакать с такой скоростью.

– Вы попали в самую точку, – со смехом отвечал Анжелике ее собеседник. – Это мадемуазель де Лавальер.

– Фаворитка?

– Ну да. Фаворитка, – с самодовольным видом, смысл которого Анжелика в тот момент не смогла уяснить, подтвердил он.

– Не думала, что она такая опытная охотница.

– Она родилась на коне. Еще в детстве ездила без седла на самых горячих лошадях. Носилась во весь опор. Так решительно...

Анжелика с удивлением посмотрела на всадника:

– Кажется, вы очень близко знакомы с мадемуазель де Лавальер.

– Она моя сестра.

– О... – задохнувшись от волнения, пробормотала Анжелика, – вы...

– Маркиз де Лавальер к вашим услугам, прекрасная незнакомка.

Он снял шляпу, насмешливо пощекотав ей нос кончиком своего белого плюмажа.

Несколько раздосадованная, она отстранилась и пустила свою лошадь

по склону в низину. Там стоял густой туман, скрывавший заводи. Маркиз де Лавальер следовал за ней.

– Видите, я же вам говорил! – воскликнул он. – Вот, неподалеку трубят отбой. Охота окончена. Господин дю Плесси-Бельер, должно быть, уже взялся за свой большой нож и аккуратно вскрыл оленю горло. Случалось ли вам когда-нибудь видеть этого господина при исполнении его высочайших обязанностей главного ловчего?.. Это зрелище достойно внимания. Господин главный ловчий столь хорош собой, столь изящен и столь надушен, что кажется, он не способен воспользоваться перочинным ножиком... Как бы не так! Он управляет с тесаком, будто вырос на бойне в обществе мясников.

– Филипп еще в молодости прославился тем, что в одиночку охотился на волков в лесах Нейля, – с наивной гордостью сообщила Анжелика. – Местные прозвали его Волкодавом.

– Теперь мой черед сказать, что вы, похоже, на удивление близко знакомы с маркизом дю Плесси.

– Он мой муж.

– О святой Юбер, покровитель охоты! Вот ведь занятно!

Он рассмеялся. Смеялся он от души, не без удовольствия и не без корысти. Жизнерадостный придворный везде уместен. Должно быть, он репетировал свой смех с таким же тщанием, как актер «Бургундского отеля», главного французского театра.

Однако он быстро умолк и обеспокоенно переспросил:

– Ваш муж? Так вы маркиза дю Плесси-Бельер? О, я о вас слышал. Вы не... бога ради, уж не впали ли вы в немилость у короля?

Он почти со страхом смотрел на нее.

– Ах, вот и его величество! – внезапно воскликнул он.

И, покинув ее, поскакал к выезжающему на опушку небольшому отряду всадников. Среди придворных Анжелика сразу узнала короля.

Его скромный наряд отличался от костюмов других вельмож. Людовик XIV любил удобную одежду. Говорили, будто, надев по необходимости парадный туалет, король после церемонии немедленно освобождался от него. А уж для охоты он тем более отказывался от стесняющих движения кружев и побрякушек. В тот день на короле был коричневый суконный охотничий костюм с очень скромной золотой отделкой по краю петель и карманов. Высокие охотничьи сапоги черной броней закрывали его ноги до самого паха. Он выглядел одетым скромнее мелкопоместного дворянина.

Но по манерам его невозможно было ни с кем спутать. Величавость

движений, каковым он умел придать необыкновенное изящество, достоинство и спокойствие в любых обстоятельствах, придавала ему поистине царственный вид.

В руке он держал легкий деревянный жезл с кабаньим копытом на конце. Этот жезл, торжественно преподнесенный ему главным ловчим в начале охоты, предназначался всего лишь для того, чтобы раздвигать ветки, которые могли бы преградить путь монарху. Кроме того, на протяжении веков он представлял собой почетный знак и играл заметную роль в ритуале псовой охоты.

Подле короля гарцевала амазонка в красном камзоле. Возбужденное скачкой, неприметное и не отличающееся особой красотой лицо фаворитки порозовело. Анжелика разглядела в ее чертах недолговечное очарование, отозвавшееся в ее душе какой-то тайной жалостью. Анжелика не стала особенно задумываться о природе этого чувства, однако ей показалось, что даже на вершине придворных почестей мадемуазель де Лавальер все же нелегко противостоять дворцовым интригам. В ее свите Анжелика заметила принца Конде, мадам де Монтеспан, Лозена, Лувуа, Бриенна, Юмьера, мадам дю Рур и де Монтозье, принцессу д'Арманьяк, герцога Энгиенского, чуть в отдалении Мадам – восхитительную принцессу Генриетту и, разумеется, Месье – брата короля со своим неразлучным фаворитом шевалье де Лорреном. И разумеется, многих других, не столь узнаваемых, однако они все как один были отмечены печатью пышной роскоши, богатства и ненасытной жадности.

Король с нетерпением всматривался в ведущую из леса тропку. По ней шагом ехали два всадника. Один из них был Филипп дю Плесси-Бельер, тоже с небольшим легким позолоченным жезлом, оканчивающимся копытцем козы. После охоты его одежда и парик пришли в едва заметный беспорядок.

При виде красоты мужа сердце Анжелики сжалось от гнева и сожаления. Какой будет его реакция, когда он, несколько часов назад оставивший супругу задыхающейся в застенках монастыря, заметит ее среди приглашенных? Анжелика решительно дернула поводья. Она достаточно хорошо знала Филиппа, чтобы не опасаться: в присутствии короля он вряд ли позволит себе какую-либо выходку. А что потом?..

Филипп придерживал белоснежного скакуна, чтобы не опережать своего спутника.

Старик с загорелым лицом и седым пушком бородки на старинный манер не торопился. Похоже, несмотря на очевидное нетерпение короля, он даже нарочито медлил, вдобавок напустив на себя сердитый вид.

– Старик де Сальнов полагает, что его величество слишком долго заставлял его спешить, – произнес кто-то совсем рядом с Анжеликой. – Он сетовал, что в прежние времена, при Людовике Тринадцатом, не принято было приглашать на охоту столько никчемных «ветреников», которые топчутся под ногами и своим присутствием лишь задерживают охоту.

На самом деле господин де Сальнов был главным ловчим покойного короля. И обучал ныне здравствующего монарха основам своего захватывающего искусства. А теперь сердился на ученика, что тот не чтит традиционных установлений. Превратить охоту в придворное развлечение! Черт побери! Король Людовик XIII не окружал себя юбками, когда им овладевало желание поохотиться в окрестных лесах. Господин де Сальнов никогда не упускал случая напомнить об этом своему ученику. Старик все еще не осознал, что Людовик XIV уже не тот толстощекий мальчуган, которого он когда-то впервые посадил на лошадь. Король же – из учтивости и привязанности – держал старого отцовского слугу на прежней должности. Настоящим главным ловчим, хотя и нетитулованным, был Филипп дю Плесси. Что он и доказал, когда, приблизившись к королю, передал маркизу де Сальнову почетный знак – жезл с копытцем козы.

Сальнов принял его и, согласно церемониалу, получил из рук короля жезл с кабаньим копытом, переданный им монарху утром.

Охота закончилась. И тут король отрывисто спросил:

– Сальнов, собаки утомились?

Старый маркиз все не мог отдышаться. Его усталость не была притворной. Все, кто принимал активное участие в охоте, – придворные, доезжачие и слуги – валились с ног.

– Собаки? – Сальнов пожал плечами. – Пожалуй, что да.

– А лошади?

– Думаю, они тоже.

– И все это ради двух безрогих оленей. – Король раздраженно окинул взглядом свиту.

Анжелике показалось, будто этот непроницаемый взгляд, в котором ничего невозможно было прочесть, скользнул по ней и король ее узнал. Она едва заметно отступила.

– Ну что же, – продолжал король, – будем охотиться в среду.

Наступило напряженное и словно бы ошеломленное молчание. Кое-кто из дам забеспокоился, смогут ли они уже послезавтра вновь сесть в седло.

Повысив голос, король повторил:

– Будем охотиться послезавтра, вы слышите, Сальнов? И нам

понадобится олень с ветвистыми рогами. Чтобы отростков было не меньше десяти!

– Да, сир, я понял с первого раза, – отвечал старый маркиз.

Он низко поклонился и отъехал в сторону, бормоча себе под нос, но так, чтобы приглашенные на охоту могли расслышать:

– Поразительно то, что я всегда слышу вопрос, не устали ли собаки и лошади, но никогда – не утомлены ли люди...

– Господин де Сальнов! – окликнул его Людовик XIV. И когда главный ловчий вновь приблизился, громко, чтобы все слышали, произнес: – Вам следовало бы знать, что мои охотники *никогда не устают*. По крайней мере, они так говорят.

Сальнов еще раз поклонился.

Король пустился в путь, за ним двинулась пестрая толпа придворных, которым оставалось лишь изо всех сил стараться прямо держаться в седле.

Поравнявшись с Анжеликой, король приостановился.

Уставившись на нее тяжелым, непроницаемым взглядом, он, казалось, не видел ее. Анжелика не опустила головы. Мысленно она твердила себе, что никогда не знала страха и что сегодня самообладание тоже ей не изменит. Взглянув на короля, она улыбнулась ему самым естественным образом. Монарх дернулся, словно его укусила пчела, щеки его залились румянцем.

– Но... вы ведь... мадам дю Плесси-Бельер? – надменно поинтересовался он.

– Ваше величество столь добры, что вспомнили меня?

– Полноте, мы помним о вас, а вот вы о нас – нет, – ответил Людовик XIV, призывая в свидетели подобного легкомыслия и неблагодарности всю свою свиту. – Поправились ли вы?

– Благодарю вас, ваше величество, однако здоровье мое всегда было отменным.

– Тогда как же могло случиться, что вы трижды отклонили наши приглашения?

– Сир, простите меня, но мне ни разу не передавали их.

– Вы удивляете меня, сударыня. Я сам лично сообщил господину дю Плесси о моем желании видеть вас на придворных празднествах. Неужели он мог оказаться столь беспечен, чтобы забыть о моей просьбе?

– Сир, быть может, мой супруг рассудил, что место молодой женщины в ее жилище, за домашними делами, а не в светских увеселениях и придворных забавах.

Тут же вслед за королевской все украшенные плюмажами шляпы

повернулись к Филиппу, который в этот момент окаменел на своем белоснежном скакуне и превратился в статую, олицетворяющую бессильную ярость.

Король не совсем понял, что произошло. Однако он отличался остроумием и владел умением тактично выходить из затруднительных положений. Он рассмеялся:

– Ха-ха-ха, маркиз! Да разве такое возможно! Неужели столь сильна ваша ревность, что вы не остановитесь ни перед чем, чтобы скрыть от наших глаз принадлежащее вам сокровище? Поверьте, в своей скупости вы зашли чересчур далеко! На сей раз прощаю, но приказываю вам радоваться успехам мадам дю Плесси. Что же касается вас, сударыня, то не стану толкать вас на путь супружеского неповиновения, поощряя ваше успешное появление здесь. Однако ваше стремление к независимости мне нравится. А посему без колебаний примите участие в том, что вы называете придворными забавами. Я лично гарантирую, что господин дю Плесси не упрекнет вас.

В знак усерднейшего повиновения Филипп снял шляпу и, держа ее в отведенной в сторону руке, низко поклонился королю.

Теперь Анжелика видела вокруг себя лишь натянутые улыбки на лицах, несколькими секундами ранее выражавших только любопытство и жадное стремление поскорее разорвать ее на части.

– Примите мои поздравления! – сказала ей мадам де Монтеспан. – У вас дар ставить себя в невероятные положения, но вы также блестяще владеете искусством великолепно выпутываться из них. Недавняя сцена напомнила мне проделки бродячих фокусников на Новом мосту. Сперва мне показалось, что стоит королю приказать, и вся свора кинется на вас. Мгновением позже у вас был такой вид, будто вы отчаявшаяся жертва, преодолевшая тысячи препятствий и вырвавшаяся из стен узилища, чтобы любой ценой принять приглашение его величества.

– Не поверите, но вы совершенно правы!

– Ах, расскажите же скорей.

– Может быть... как-нибудь в другой раз.

– Рассказывайте. Так этот Филипп такое чудовище? Как жаль! Столь хорош собой...

Пустив лошадь в галоп, Анжелика прервала разговор. Всадники и собаки спускались по извилистой тропе с холма Фос-Репоз, а рога трубили сигнал окончания охоты для опоздавших. Вскоре в просвете между деревьями показался запруженный экипажами перекресток.

На опушке леса стоял отряд оборванных военных, командир которого

оказал помощь Анжелике и мадемуазель де Паражон. Едва появился королевский поезд, флейтист и барабанщик заиграли военный марш. За ними выступали два знаменосца и командир со своими офицерами и небольшим войском.

– О боги, – раздался женский голос, – что это за пугала в лохмотьях, осмелившиеся в подобном виде предстать перед королем?

– Благодарите небо, что в последние годы вам не довелось близко встречаться с этими пугалами! – со смехом воскликнул какой-то молодой господин со здоровым румянцем на щеках. – Это мятежники из Лангедока!

Анжелика замерла, как от удара громом.

Имя! Она сразу вспомнила имя, которое искала в памяти, когда в полумраке подлеска разглядела изуродованное шрамом лицо гасконского дворянина:

– Андижос!

Это был Бернар д'Андижос, дворянин из Тулузы, веселый приживальщик в Отеле Веселой Науки, вечно перемещавший свое сытое брюхо из одного веселенького местечка в другое. И вдруг оказывается, именно он пронесся через Лангедок, сея искры одного из самых страшных провинциальных мятежей того времени!..

Она словно бы вновь видела в мутном свете печального утра этого товарища ее счастливых дней, полупьяного юного Сербалана, выхватывающего из ножен шпагу с криком:

– Черт побери! Вы не знаете гасконцев, сударыня! Слушайте все! Я иду на войну против короля.

Может, и он, Сербалан, тоже здесь, среди этих внезапно возникших призраков иных времен, которые казались Анжелике столь далекими, хотя с тех пор, как стоявшему у начала всех этих беспорядков Пейраку вынесли несправедливый приговор, минуло едва ли семь лет.

– Мятежники из Лангедока? – глуповато повторил возле нее голос молодой женщины. – Не опасно ли позволять им приблизиться к королю?

– Нет, не волнуйтесь, – успокоил ее румяный дворянин. Это был молодой Лувуа, военный министр. – Эти господа пришли с повинной. После шести лет разбоя, грабежа и столкновений с королевскими войсками можно надеяться, что наша прекрасная юго-восточная провинция вернется в лоно королевской власти. Однако потребовалось не только личное участие его величества, чтобы дать понять господину д'Андижосу бесполезность его мятежа. Наш государь пообещал сохранить ему жизнь и забыть о его былых проступках. Взамен он должен взять на себя усмирение капитулов^[2] крупных городов на юге. Готов побиться об заклад, что

отныне у его величества не будет более преданных подданных.

– Все равно они напугали меня! – вздрогнув, промолвила дама.

Король спешил, и все всадники свиты последовали его примеру.

Отделившийся от своего отряда д'Андижос сделал то же самое. Его выцветшая одежда, стоптанные сапоги, рассеченное свежим шрамом лицо – все составляло резкий контраст блестящему обществу. Он шел с гордо поднятой головой, не опуская глаз, и был воплощением побежденного, у которого не осталось ничего, кроме чести.

Приблизившись к королю, он стремительно выхватил свою шпагу. Придворные бросились было между ним и своим монархом. Но, вонзив оружие в землю, тулузский дворянин резким ударом сломал его и бросил оба обломка к ногам Людовика XIV. После чего приблизился еще на шаг и, преклонив колена, облобызал ногу короля.

– Дорогой маркиз, кто старое помянет, тому глаз вон, – сказал тот, почти дружески прикоснувшись рукой к плечу мятежника. – Всякий может ошибиться, и подданные склонны к этому более, нежели короли, получившие Божественное предназначение и способные с более очевидной уверенностью управлять народом. Однако не думайте, что это право исключает обязанности; и одна из них – умение прощать. Осмелившись поднять против меня оружие, мои мятежные подданные, возможно, привели меня в меньшее негодование, нежели те, что, находясь в непосредственном моем окружении, служили и угождали мне. Хотя мне было известно, что в то же время они предают меня и не испытывают по отношению ко мне ни подлинного почитания, ни подлинной приязни. Я люблю искренние поступки. Встаньте же, маркиз. Жаль только, что вы сломали свою доблестную шпагу. Этим вы обязали меня преподнести вам другую, ибо я назначаю вас полковником и поручаю вам четыре роты драгун. А теперь проводите меня до кареты. Поедем вместе, я приглашаю вас в Версаль.

– Ваше величество оказывает мне честь, – отвечал отважный д'Андижос, голос которого дрожал от волнения, – однако я не смею сопровождать вас в подобном виде. Моя форма...

– Пустяки! Не стоит говорить! Мне нравятся одежды, пахнущие порохом сражений. Своей вы можете гордиться. Я верну вам ее. На следующих празднествах вы снова наденете свой голубой камзол с красными обшлагами и с золотой вышивкой в тех местах, где он был пробит пулями... Кстати... Знаете ли, господа, – продолжал Людовик XIV, обращаясь к своим приближенным, – давно уже мне пришла в голову мысль создать платье для тех, к кому я испытываю наиболее сильное

уважение. Что вы на это скажете? Орден Синих Камзолов?.. И первым его кавалером станет господин д'Андижос.

Придворные единодушно приветствовали такую идею. Можно было предвидеть, что синие камзолы послужат причиной ожесточенного соперничества...

Бернар д'Андижос представил королю своих командиров.

– Я распорядился, чтобы сегодня вечером ваш отряд любезно приняли и вы могли славно попить, – сказал король. – Господин де Монтозье, позаботьтесь об этих смельчаках.

Все бросились к своим экипажам. Изнемогающие от жажды охотники подзывали разносчиков прохладительных напитков, мелких торговцев, которые были поставщиками двора и сопровождали его во всех передвижениях. Пришло самое время, опрокинув стаканчик, двинуться в путь. Темнело. Королю не терпелось вернуться в Версаль. Зажглись фонари и факелы.

Держа под уздцы Цереру, Анжелика не знала, на что решиться. Она все еще пребывала в волнении от появления д'Андижоса и его лангедокских мятежников. Доносившийся до нее прекрасный голос короля, в котором, несмотря на его молодость, звучали отеческие нотки, бальзамом ложился на ее испуганное и настрадавшееся сердце. Некоторые слова она даже приняла на свой счет.

Признается ли она господину д'Андижосу? Заговорит с ним? Что они могут сказать друг другу? Между ними будет стоять одно имя. Имя, которое никто из них не осмелится произнести вслух. И над ними, заслоня свет праздничных фонариков, будет витать огромная черная тень казненного...

Какая-то карета, поворачивая, едва не задела ее.

– Что вы делаете? – приоткрыв дверцу, крикнула госпожа де Монтеспан. – Где ваш экипаж?

– По правде сказать, его у меня больше нет. Он опрокинулся в канаву.

– Тогда садитесь ко мне.

Чуть дальше они повстречали мадемуазель де Паражон и Жавотту и, захватив их, все вместе прибыли в Версаль.

Глава IV

В те времена леса вплотную подступали к замку. Так что, выехав из-под сени деревьев, вы совсем близко видели холм и на нем дворец. В темноте в высоких окнах звездами мерцали факелы.

Повсюду царило оживление. Король объявил, что, вопреки своему прежнему решению, вечером не отбудет в Сен-Жермен и еще на три дня останется в Версале. Вместо того чтобы паковать багаж, следовало, напротив, позаботиться о ночлеге его величества, а также домочадцев и почетных гостей. А также устроить на постой и накормить лошадей.

На переднем дворе яблоку негде было упасть – повсюду повозки, солдаты и лакеи, экипаж госпожи де Монтеспан пришлось остановить на площади. Дамы вышли. Атенаис немедленно примкнула к какой-то веселой компании. Анжелика задержалась возле мадемуазель де Паражон.

– Вам стоит поспешить, чтобы не пропустить церемонию раздачи добычи собакам, – посоветовала сведущая в придворных делах старая дама.

– А что будет с вами? – спросила Анжелика.

– А я прислонюсь к коновязи. Будет очень странно, если я не встречу кого-нибудь из знакомых среди тех, кто отправляется в Париж. Меня король не приглашал. Поспешите, красавица. Все, о чем я прошу, – это чтобы вы по возвращении подробно поведали мне обо всех чудесах, увиденных вами в сиянии короля-солнца.

Анжелика пообещала, обняла старуху и оставила ее в туманной темноте. А та, с набеленным лицом, в старомодной накидке и чепце, украшенном розовыми лентами, наивно радовалась тому, что в этот достопамятный день ей было дозволено оказаться в такой близости ко двору.

Анжелика вышла за пределы заколдованного круга и начала восхождение в мир избранных. «В сиянии короля-солнца», – мысленно твердила она, пробираясь сквозь толпу.

Самое главное происходило в глубине, возле центрального здания замка, в третьем небольшом дворике, который называли Оленьим двором. Несмотря на кажущуюся неразбериху, отбор приближенных, которым предстояло окружать короля во время раздачи добычи, был строжайшим. Швейцарец с алебардой остановил Анжелику, и церемониймейстер учтиво поинтересовался ее титулом. Стоило маркизе произнести свое имя, он

незамедлительно пропустил ее и даже проводил по лестницам и салонам на один из выходящих в Олений двор балконов второго этажа.

Двор освещали бесчисленные факелы. Казалось, от них запылывал фасад дворца из розового кирпича, по которому металась тень с султанами. Тысячи позолоченных украшений балконов, водостоков, горшков сверкали на багровом фоне подобно переливчатой вышивке.

Затрубили в рога.

Король с королевой вышли на центральный балкон. Их окружали принцы и принцессы крови, самые именитые дворяне.

Из темноты по склону холма приближался лай собачьей своры. Из тени возле ограды Оленьего двора выступили два пса и вошли в освещенный круг, волоча за собой что-то.

Из бесформенного тюка сочилась кровь и свисали лохмотья кишок. Это была собачья доля, состоящая из внутренностей двух убитых оленей. Псаря волокли ее, завернув в свежесодранную оленью шкуру. Позади них следовали доезжачие в красных ливреях со сворой голодных собак, которых они сдерживали при помощи длинных плетей.

Навстречу им с крыльца сошел Филипп дю Плесси-Бельер с жезлом, увенчанным копытцем козы. Он успел переодеться в сверкающий, тоже красный мундир с четырьмя десятками горизонтальных и двумя десятками вертикальных позолоченных петлиц на карманах и переобуться в желтые кожаные сапоги с красными каблуками и серебряными позолоченными шпорами.

– Выправка у него великолепная, как у короля, – отметил кто-то возле Анжелики.

– Но в манерах меньше изящества. У Филиппа дю Плесси всегда такой вид, будто он собрался на войну.

– Не стоит забывать, что он к тому же еще и маршал.

Молодой человек не сводил глаз со стоящего на балконе короля. Тот махнул своим жезлом.

Тогда Филипп передал свой знак отличия сопровождающему его пажу. После чего подошел к псарям и обеими руками принял от них сочащуюся кровью ношу. Его драгоценный шелковый наряд, украшенный кружевом и позументом, мгновенно обагрился. Невозмутимый и прекрасный дворянин донес собачью долю до середины двора и там положил ее перед выстроившимися полукругом псами; тьяканье и лай сменились хриплым воем. Псаря продолжали сдерживать их ударами плетей, приговаривая: «Назад! Назад!»

Наконец король снова подал знак и собак спустили. Хищно чавкая,

они принялись пожирать добычу. Сверкали их острые зубы.

Чувствовалось, что псы, которых ежедневно натаскивали и кормили сырым мясом, – настоящие хищники. От тех, кто дрессировал и приучал их, требовались качества гладиаторов. Вооруженный лишь тонкой плетью, Филипп держался к своре ближе всех остальных. Порой он с нарочитой небрежностью стегал дерущихся и готовых перегрызть друг другу горло гончих. И усмирённые собаки тут же с рычанием расходились. Отвага и хладнокровие главного ловчего, с гордо поднятой светловолосой головой стоящего посреди этого жуткого пира в своих роскошных, залитых кровью одеждах, в кружевах и перстнях, придавали зрелищу еще более зловещий оттенок.

Охваченная одновременно отвращением и страстным возбуждением, Анжелика не могла отвести глаз от середины двора. Спектакль заворожил всех присутствующих.

– Черт возьми! – пробурчал какой-то мужской голос прямо над ее ухом. – Глядя на него, можно подумать, он только и может, что лакомиться сластями да флиртовать с дамами. Так нет же! В жизни не встречал охотника, который осмелился бы вмешиваться, когда собаки дерутся за свою долю, не опасаясь, что они набросятся на него.

– Верно подмечено, сударь, – согласился маркиз де Роклор, который тоже наблюдал за этим захватывающим зрелищем. – Освоившись при дворе, вы частенько будете слышать, что наш главный ловчий – один из самых необычных представителей общества.

– Охотно вам верю, сударь, – отвечал Бернар д'Андижос.

Повернувшись, чтобы поприветствовать своего собеседника, он разглядел лицо Анжелики. В ярком свете факелов они узнали друг друга.

На ее губах мелькнула грустная улыбка.

– И ты, Брут, – прошептала она.

– Так это вы, мадам, – сдавленным голосом ответил д'Андижос. – В лесу-то я еще сомневался. Не верил своим глазам. Вы... здесь... при дворе... Вы, мадам?

– Как и вы, месье д'Андижос.

Он хотел было возразить, но смолчал. Оба отвели глаза и стали смотреть на Олений двор, куда только что на съедение собакам бросили два остова убитых животных. Сухо хрустели кости. Щелкая плетьюми, псари улюлюкали, исполняя какой-то дикий танец вокруг своры.

– Мы сражаемся, – пробормотал д'Андижос, – бьемся, убиваем... Это что-то вроде огня, что пожирает вас изнутри... А потом мятеж... становится привычкой... И пожар уже не унять... И однажды вдруг

понимаешь, что сам не знаешь, что именно ты ненавидишь, за что сражаешься... И тут появляется король!

Шесть лет беспощадных, безнадежных войн горечью откликнулись в веселой и доброй душе гасконца. Шесть лет разбойничьей жизни – жизни загнанной дичи на бесплодных землях юга, где слишком быстро высыхает и становится черной пролитая кровь.

Зажатые в дюнах Ланд, увязшие в песках, отброшенные к морю, его соратники видели пришествие исполненного великодушия короля. Сурового юного короля, который говорил им: «Дети мои...»

– Это великий король, – уверенно произнес д'Анджос. – В служении ему не может быть бесчестия.

– Золотые слова, дорогой мой, – подтвердил за их спинами маркиз де Лозен.

Положив руки на плечи Анжелики и д'Анджоса, он просунул между ними смеющееся лицо человека, вечно затевавшего какую-нибудь проделку:

– Вы меня узнаете? Я Антуан Нонпар де Комон де Пегилен де Лозен.

– Как же не узнать вас? – сквозь зубы пробурчал д'Анджос. – Первые свои глупости мы совершили вместе. И потом их было еще немало. Последний раз, когда мы встречались...

– Да!.. Хм-хм, – закашлялся Пегилен, – если память мне не изменяет, мы все трое были в Лувре...

– И вы скрестили шпаги с Месье, старшим братом короля...

– ...который как раз только что попытался убить присутствующую здесь даму...

– ...с помощью своего фаворита шевалье де Лоррена.

– Мои подвиги стоили мне Бастилии, – заметил Лозен.

– А я был объявлен вне закона.

– А вы, ангел мой Анжелика, какая судьба была уготована вам после того незабываемого вечера?

Они вопрошающе смотрели на нее, но она не ответила, и оба поняли ее молчание.

Маркиз д'Анджос глубоко вздохнул:

– Не думал, что однажды нам доведется встретиться при таких обстоятельствах.

– Не лучше ли встретиться при таких обстоятельствах, чем не встретиться вовсе? – любезно заметил Пегилен. – Колесо судьбы вертится, Месье, брат короля, стоит в нескольких шагах от нас, как всегда нежно опираясь на руку своего миньона. Но мы-то живы, и положение наше, как

мне кажется, не так уж плохо. «Кто прошлое помянет...», как прекрасно сказал сегодня король. И благоразумие, мои ягнятки!.. Постараемся, чтобы взгляд государя не упал на нашу компанию и не разглядел в ней зародыш будущей интриги. Благоразумие!.. Я вас люблю, но вынужден бежать вашего общества...

Приложив палец к губам, как лакей из комедии, он покинул их и смешался с гостями в другой части балкона.

На камнях Оленьего двора остались обломки дочиста обглоданных костей. Последний псарь подцепил вилами вылизанную оленью шкуру и потащил ее вон, подгоняя собак в сторону псарни:

– Ату, ату! Взять!

Рога протрубили окончание раздела собачьей доли. Затем прозвучал сигнал окончания охоты.

Балконы опустели.

У входа в ярко освещенные залы, изображая балаганного зазывалу, кривлялся и размахивал руками неисправимый Пегилен де Лозен:

– Радуйтесь, дамы и господа! Вы присутствовали при самом ошеломительном, прежде невиданном зрелище: господин маркиз дю Плесси-Бельер в роли великого укротителя. Вы содрогнулись, господа? Вы затрепетали, дамы? Вы желали бы быть волчицами, чтобы покориться этой прекрасной руке. И вот теперь хищники пресытились, боги удовлетворены. От оленя, чей великолепный голос еще нынче утром раздавался в чаще леса, не осталось ничего. Ну же, дамы и господа! Идемте танцевать!..

Глава V

Однако никто не танцевал, поскольку состоящий из двадцати четырех скрипок королевский оркестр еще не прибыл из Сен-Жерменского дворца. Однако рядом с большой гостиной первого этажа во всю силу своих легких дудели в трубы крепкие молодцы. Эти бравые фанфары призваны были усилить выделение желудочного сока. Уже сновали придворные повара, вынося множество серебряных блюд со сладостями, фруктами и благовониями. Уже на четырех больших, накрытых камчатными скатертями столах расставляли кушанья: одни под крышками в виде серебряных или золоченых колоколов, другие – на заполненных угольями чашах, чтобы не остывали. Чего там только не было: заливные куропатки, фазаны в овощах, жаркое из косули, фаршированные голуби, тушеный окорок с рисом в горшочках. В середине каждого стола, в окружении подносов с инжиром и дынями, возвышались вазы с осенними плодами.

Когда подавали горячее, знающая толк в гастрономических изысках Анжелика насчитала восемь блюд, а в перерывах – несметное количество салатов. Она восхищалась красотой скатертей с ароматом мушмулы и искусно сложенными салфетками. А ведь это была всего лишь легкая закуска!

Сидя ели только король с королевой, Мадам и Месье. Принц Конде, перекинув через плечо салфетку, лез из кожи вон, прислуживая им. Его старания вывели из себя сеньора Бульонского, главного камергера, на которого, согласно этикету, были возложены эти обязанности. Однако, принимая во внимание близкое родство принца с королевской семьей, он не осмелился явно выразить свое недовольство.

За исключением этого момента, все шло гладко, и присутствующие лакомились от души. Когда подняли крышки, на одном блюде обнаружили источающие божественный аромат четыре огромных черных кабаньих головы в соусе из зеленых трюфелей; на другом – глухари во всем их красно-синем оперении; зайцы, фаршированные фенхелем. Да к тому же такое количество супов и похлебок, что попробовать все не представлялось возможным. Поэтому сотрапезники предпочли им восхитительные ароматные красные вина местных виноградников. Их только что согрели в кувшинах, опуская туда раскаленный металлический прут.

Анжелика с удовольствием угостилась жареной перепелкой и

несколькими салатами, предупредительно предложенными ей маркизом де Лавальером, и выпила бокал малинового вина. Маркиз настаивал, чтобы она отведала «располагающего к легкой болтовне» сладкого ликера. Паж принесет им два стаканчика, они устроятся возле окна и поболтают. Она уклонилась.

Удовлетворив любопытство и отдав дань чревоугодию, Анжелика опять подумала о мадемуазель де Паражон, сидящей на тумбе в сыром вечернем тумане. Стянуть для старой подруги объедки с королевского стола было бы очень вульгарно. И все же она с ловкостью проделала это. Спрятав в широких складках платья кусок миндального торта и две прекрасные груши, она незаметно выскользнула из зала. Стоило ей сделать несколько шагов по двору, как ее окликнул Флипо. Он принес тяжелую накидку из шелка и бархата, давеча оставленную ею в карете Филонида.

– А, вот и ты! Ну что, можно ли исправить мой экипаж?

– Как бы не так! С ним уже ничего не сделать. Когда стемнело, мы с кучером вышли на дорогу и попросились в повозку к бондарям, направлявшимся в Версаль.

– Ты видел мадемуазель де Паражон?

– Она там. – Флипо неопределенно махнул рукой в темноту, где мелькали огни фонарей. – Она беседовала с одной из ваших парижских сестриц; я слышал, та ей сказала, что сможет взять мадемуазель де Паражон с собой в наемной карете.

– Я очень рада. Бедняжка Филонида! Надо будет подарить ей новый экипаж.

Для надежности она попросила Флипо проводить ее через невероятное скопление экипажей, лошадей и портшезов к тому месту, где он видел мадемуазель де Паражон. Анжелика издали заметила ее, а в своей «парижской сестрице» узнала молодую госпожу Скаррон. Эта бедная, но достойная вдова нередко посещала двор как просительница в надежде однажды получить какое-нибудь место или скромное содержание, что помогло бы ей наконец вырваться из вечной нищеты.

Обе женщины усаживались в уже переполненную наемную карету, занятую в основном мелким людом, из коих многие тоже были просителями и несолоно хлебавши возвращались после бесплодно проведенного в Версале дня. Король передал, что сегодня челобитных не примет. Завтра. После мессы.

Некоторые просители еще оставались, решившись заночевать в углу двора или в деревенской конюшне. Другие, добравшись до Парижа, ранним утром сядут на баржу в Булонском лесу, а потом срежут путь через

лес и вновь с упорством будут топтаться в королевской прихожей с прошениями в руках.

Когда Анжелика подошла, общественный экипаж как раз тронулся, так что приятельницы ее не увидели. Обе они уезжали, пребывая в восторге от дня, проведенного при дворе, где они знали всех, хотя их не знал никто. Они принадлежали к тому разряду рабочих пчел, которые летают вокруг монаршего улья и собирают свой медок с малейшего происшествия, попавшего в поле их зрения. Эти особы знали двор лучше, чем большинство дам, априори допущенных туда по праву своего высокого происхождения, но не владеющих хитростями этикета не имеющих опыта и прерогатив, право на которые дает титул, порой и покровительство, протекция короля или знатного вельможи.

Они, разумеется, были уже в курсе оскорбления, нанесенного сеньору Бульонскому принцем Конде, взявшим салфетку, чтобы прислуживать королю. Следует ли сеньору Бульонскому требовать удовлетворения? Вправе ли принц поступать в соответствии с титулом и своим славным прошлым? Город и двор долго еще будут обсуждать это.

После продолжительных споров Леонида де Паражон решительно покончит с этим щекотливым вопросом. Госпожа Скаррон будет слушать, размышлять, соглашаться или ничего не скажет... Анжелика пообещала себе вскоре навестить обеих. Ей необходим их совет.

Она накинула плащ на плечи и отдала принесенные для приятельницы кусок торта и фрукты лакею.

– Ну до чего ж здесь прекрасно, маркиза, – прошептал мальчишка. Его глаза блестели. – В повозке бондарей мы подъехали со стороны кухонь. Королевской гастрономии, как они тут говорят. Ага, я бы сказал, божественной гастрономии. Лучше не может быть даже в раю. Там тепло и вкусно пахнет. На вертелах столько дичи, что аж голова кружится... Идешь по колено в перьях... А все эти повара в своих кружевных манжетах до самых пальцев, со шпагой на боку и еще с какой-то лентой на животе, размешивающие соусы...

Если бы не звание гостя короля, Анжелика охотно последовала бы за слугой, чтобы тоже насладиться описываемым им зрелищем. Глядя на первый этаж правого крыла замка, где располагались кухни, в полыхании печей и жаровен на открытом воздухе можно было наблюдать необычное оживление, которое распространялось аж до садов на юге.

– Я там и Жавотту видел, – сказал Флипо. – Она шла наверх готовить покои госпожи маркизы.

– Мои покои? – спросила удивленная Анжелика.

Она еще не задумывалась о том, как ей предстоит провести здесь ночь.

– Похоже, где-то там. – Размахивая своими большими руками во все стороны, Флипо указал в совершенно черное небо, где верхние этажи замка можно было различить лишь по ряду освещенных окошек.

– Там еще был Ла Вьолет, камердинер господина маркиза. Он сказал, что для его господина уже поставили кровать. Тогда Жавотта захотела отнести туда ваши пожитки. Я так разумею, что она еще хотела чуток поболтать с Ла Вьоветом...

Щелканье хлыста и окрики заставили их прижаться к стене, ограждавшей большой подъездной двор. Мимо них проехали крытые повозки и несколько фиакров, а затем две кареты, откуда высыпала кучка аббатов в напудренных париках, кружевных брыжах, черных рединготах и чулках и башмаках с пряжками.

Это прибыла королевская капелла. Чуть позже появились музыканты с инструментами и хористы: группа закутанных до самых глаз подростков, которых раздраженно напутствовал беспокойный краснолицый человек:

– Не открывайте рот, пока не войдете в помещение. Я вас палкой поколочу, если станете дышать на улице. Нет ничего опаснее, чем туман в этом проклятом месте.

Анжелика узнала господина Люлли, того самого, которого прозвали Королевским Шутом. В Париже она не раз присутствовала на балетах, которыми он дирижировал и авторство которых себе приписывал. Подозревали, что он заимствует чужую музыку, столь мало отвратительный характер музыканта соответствовал его творчеству.

– Найди Жавотту, – приказала Анжелика Флипо, – и пришли ко мне. Или лучше вернись и проводи меня в предназначенную мне спальню. Я боюсь заблудиться.

– А разве господин маркиз не показал ее вам?

– Я даже не знаю, где сейчас господин маркиз, – сухо ответила Анжелика.

– Ваш муженек, осмелюсь сказать... – начал было Флипо, у которого имелись собственные соображения относительно того, как супруг вел себя по отношению к ней.

Дав ему тумака, Анжелика заставила мальчишку умолкнуть и, прежде чем отпустить выполнять поручение, привычно ощупала карманы его ливреи. Она любила Флипо и охотно сделала бы его своим пажом, если бы он мог избавиться от деревенского выговора, сопливого носа и отвратительной манеры прикарманивать любой попавшийся ему на глаза и не предназначенный для него пустяк. Однако всем известно, как сложно

избавиться от вредных привычек. В его карманах Анжелика обнаружила табакерку, перстень и две нитки стеклянных бус, которые, по всей вероятности, как раз сейчас оплакивали какие-нибудь кухонные девушки, а также кружевной платок.

– На сей раз прощаю, – строго произнесла она, – но чтобы я никогда не видела у тебя золота или часов.

– Часов? Фу! – с отвращением выдохнул Флипо. – Я это зверье не люблю. Пялятся на вас да еще бормочут что-то, будто живые.

Вернувшись в залы, Анжелика, несмотря на всеобщее оживление, не могла освободиться от тревожных мыслей. С минуты на минуту ей предстоит встретиться с Филиппом. Какую линию поведения предпочесть: предстать разъяренной? Безразличной? Или выбрать примирение?

Остановившись в дверях ярко освещенной анфилады парадных залов, она искала мужа глазами и не находила.

Заметив за одним из столов госпожу де Монтозье и других дам, среди которых ей была знакома мадам дю Рур, Анжелика присела к ним с намерением принять участие в игре. Госпожа де Монтозье удивленно взглянула на нее, затем поднялась и сказала, что Анжелика не может сидеть здесь, поскольку за этим столом находятся только те дамы, которым дозволено ездить в карете королевы и трапезничать с ней.

Молодая женщина извинилась. Из боязни допустить новую оплошность, она уже не осмелилась присесть за другой стол и приняла решение самостоятельно отправиться на поиски своей спальни.

В нижних этажах покоев для придворных не было. Всё, кроме королевских апартаментов, подверглось переустройству. Зато в чердачных помещениях располагались грубо разделенные перегородками и обыкновенно предназначенные для челяди спаленки, в которых, однако, даже самые знатные вельможи в тот вечер рады были найти пристанище. Здесь было оживленно, как в улье, все бродило из кельи в келью среди беспорядочно громоздившихся кофров и сундуков, которые все подносили лакеи. Дамы беспокоились за свои туалеты и бранили нагруженных пышными платьями служанок, приглашенные с тревогой вглядывались в узкие коридоры в поисках отведенной им «норы».

Приставленные к гостям квартирмейстеры в голубых ливреях заканчивали помечать мелом на дверях имена жильцов каждой спальни. Взволнованные придворные следовали за ними, сопровождая каждую новую надпись ропотом разочарования или криками ликования.

Сообразительный Флипо окликнул Анжелику:

– Псст! Сюда, маркиза. – И пренебрежительно добавил: – Маловата

ваша клетушка. Неужто можно так вот поселиться во дворце короля!

Все его представления о роскоши вельможной жизни были поколеблены.

Появилась взволнованная Жавотта с пылающими щеками:

– Ваш несессер у меня, мадам. Я его из рук не выпускала.

Проникнув в комнату, Анжелика обнаружила причину волнения своей служанки. Это был Ла Вьолет, главный камердинер маркиза дю Плесси.

О смирении крепкого малого говорило только имя, Ла Вьолет – этим прозвищем наделяют покорных и робких людей. Этот был огромного роста, жизнерадостный, как новобранец, развязный, как парижанин, хотя родился в провинции Пуату, и рыжий, как англичанин, среди которых он мог бы поискать предков из тех, кто в четырнадцатом и пятнадцатом веках оккупировал Аквитанию. Несмотря на исполинский рост, ливрея и роль лакея превосходно ему подходили, он был изворотлив, скор, искусен, говорлив и всегда в курсе событий.

Однако стоило ему увидеть Анжелику, как его словоохотливость иссякла и он, разинув рот, уставился на вновь прибывшую. Та ли это женщина, которую всего несколько часов назад он связал, как окорок, и передал сестрам-монахиням монастыря августинок в Бельвю?

– Да, это я, чертов висельник! – вне себя от ярости, прорычала Анжелика. – Вон из моей жизни! Немедленно! Ничтожество, чуть не задушившее супругу своего господина!

– Ма-а-ам... Ма-а-ам маркиза, – заблеял Ла Вьолет, к которому от смятения вернулся крестьянский говор, – я не виноват. Это все господин маркиз... это он...

– Сказано, вон отсюда!

Вытянув вперед руку, она принялась осыпать его ругательствами, богатый набор которых она усвоила с детства. Это оказалось слишком для Ла Вьолета. Он струхнул. Почти дрожа от страха, с опущенными плечами, он прошел мимо нее и направился к дверям. И там столкнулся с маркизом.

– Что здесь происходит?

Анжелика умела оказать сопротивление.

– Добрый вечер, Филипп, – произнесла она.

Он опустил на нее невидящий взгляд. Но внезапно Анжелика заметила, как лицо его передернулось, глаза в изумлении широко раскрылись, потом в них появилось выражение страха и почти отчаяние.

Она не могла не обернуться в уверенности, что у нее за спиной он увидел по меньшей мере черта.

Но обнаружила лишь болтающуюся створку двери, на которой один из

одетых в голубые ливреи лакеев белым мелом только что написал имя маркиза.

– Вот чем я вам обязан! – мгновенно взорвавшись и молотя кулаком по двери, выкрикнул он. – Вот оскорбление, которое вы нанесли мне... Потеря уважения... Забвение... Невнимание короля... *Немилость!*..

– Но почему? – Она испугалась, решив, что он спятил.

– Вы что, разве не видите, что написано на этой двери?

– Почему же? Ваше имя.

– Да! Мое имя! Вот именно, – осклабился он, – мое имя. И все.

– А что бы вы желали там увидеть?

– То, что я привык видеть во всех резиденциях, куда сопровождал короля, и что из-за вашей глупости, вашей наглости, из-за ваших неразумных поступков сегодня отсутствует. Слово «ДЛЯ»! «ДЛЯ»!

– Что «для»?

– ДЛЯ господина маркиза дю Плесси-Бельера, – сквозь зубы процедил он, побледнев от гнева и горя. – «ДЛЯ» – значит специальный гость его величества. Это слово свидетельствует о расположении короля, как если бы он лично приветствовал вас на пороге этой спальни.

Жест, которым он указал в сторону узкой, заставленной мебелью клетушки в мансарде, вернул Анжелике чувство юмора.

– Не слишком ли вы взволнованы из-за своего «ДЛЯ»? – проговорила она, едва сдерживая смех. – Послушайте, Филипп, должно быть, дело всего лишь в забывчивости лакея. Его величество по-прежнему испытывает к вам самое глубокое уважение. Не вы ли сегодня были удостоены чести держать канделябр при отходе короля ко сну?

– То-то и оно, что не я, – буркнул маркиз. – Вот и еще одно доказательство недовольства короля по отношению ко мне. Несколько мгновений назад я был лишен этой почетной обязанности!

На громкий голос главного ловчего в коридор выглянули обитатели соседних спален.

– Ваша супруга права, маркиз, – вмешался герцог де Граммон, – напрасно вы беспокоитесь. Его величество сам взял на себя труд сообщить вам, что если он нынче вечером предложил вам отказаться от канделябра, то лишь для того, чтобы оказать честь герцогу Бульонскому. Вам известно, что тот не мог прийти в себя после того, как ему пришлось уступить принцу честь прислуживать королю во время трапезы.

– Но слово «ДЛЯ»? Почему его нет? – воскликнул Филипп и снова в отчаянии ударил кулаком в дверь. – Я теряю королевские милости из-за этой девчонки!

– А я-то чем виновата с вашим проклятым «ДЛЯ»? – Анжелика, разозлившись, тоже повысила голос.

– Вы вызываете недовольство короля своими опозданиями на его празднества, своими несвоевременными появлениями...

Анжелика негодовала:

– И вы смеете упрекать меня, хотя именно вы... вы!.. Все мои кареты, все лошади...

– Довольно! – холодно отрезал Филипп.

Он занес руку. Молодая женщина почувствовала, как голова у нее словно бы раскололась, из глаз посыпались искры. Она поднесла руку к горячей щеке.

– Полно, маркиз, полно, – проговорил герцог де Граммон, – не будьте так жестоки.

Анжелике казалось, что никогда в жизни ей не случалось сносить подобного оскорбления. Он дал ей пощечину! В присутствии слуг и придворных позволил себе гнусную семейную сцену.

Залившись краской стыда, она кликнула Жавотту и Флипо. Те в сильном смятении выскочили из спальни: один – с сундучком, другая – с накидкой.

– Вот-вот, уходите и спите где хотите и с кем хотите!

– Маркиз! Маркиз! Не будьте так грубы! – снова попытался вмешаться герцог де Граммон.

– Сударь, всяк хозяин у себя дома, – отрезал вспыльчивый дворянин, захлопывая дверь перед его носом.

Анжелика пробралась сквозь толпу собравшихся и удалилась, сопровождаемая их лицемерно-жалостливыми комментариями и ироническими улыбками.

Неожиданно приоткрылась дверь и чья-то рука схватила ее за край накидки.

– Мадам, – сказал маркиз де Лавальер, – каждая женщина в Версале желала бы получить разрешение, только что данное вам вашим супругом. Советую поймать его на слове и воспользоваться моим гостеприимством.

Она с негодованием высвободилась:

– Прошу вас, сударь...

Ей хотелось как можно быстрее бежать отсюда. Спускаясь по широким мраморным ступеням, она заливалась слезами.

«Глупец, низкий человек в обличье вельможи... Глупец! Глупец!»

Но Филипп опасный глупец, а она сама выковала цепи, связывающие ее с ним, сама предоставила ему опасную власть – власть мужа над женой.

В стремлении отомстить он не пощадит ее. Анжелика догадывалась, с каким мрачным упорством, с каким удовольствием он будет преследовать свою цель – подчинить, унижить ее. Она знала лишь одно уязвимое место в его броне: необыкновенная привязанность к королю, объяснимая не страхом или любовью, но исключительной верностью, непоколебимой преданностью. Именно на этом чувстве следовало сыграть. Привлечь короля в союзники, добиться от него постоянного места при дворе, что заставило бы Филиппа склониться перед ее обязанностями; постепенно поставить Филиппа перед выбором: или он впадет в немилость у государя, или прекратит истязать жену. А как же счастье? Счастье, о котором она, невзирая ни на что, робко мечтала в тот вечер, когда над притихшим лесом Нейля и белыми башнями небольшого замка вставала круглая луна, чтобы осветить ее первую брачную ночь. Горькое разочарование!.. Горькое воспоминание! Он разрушил все!

Анжелика усомнилась в своей привлекательности и красоте. Не чувствуя себя любимой, женщина перестает считать себя достойной любви. Способна ли она продолжать схватку, в которую ввязалась? Она осознавала собственные слабости. Она любила Филиппа и причинила ему зло. В своем упорном стремлении к успеху, своей неистовой жажде противостоять превратностям судьбы она загнала его в угол и вынудила жениться на ней, иначе его род навсегда навлек бы на себя гнев короля. Он предпочел взять ее в жены, но не простил. По вине Анжелики родник, к которому оба могли бы припасть, отравлен. Рука, которую она могла бы протянуть Филиппу, внушала ему ужас.

В отчаянии и печали Анжелика вытянула вперед свои белые руки и посмотрела на них.

– Какое же пятно вы не можете смыть с них, о восхитительная леди Макбет? – раздался возле нее голос маркиза де Лозена.

Он поклонился:

– Где пролитая вами кровь? Да ваши ручки совсем замерзли, красавица. Что вы делаете на этой лестнице, да еще на сквозняке?

– Сама не знаю.

– Все вас покинули? Обладательницу столь прекрасных глаз? Непростительно. Идемте же ко мне.

Их с радостными восклицаниями окружили несколько молодых дам, среди которых была и госпожа де Монтеспан.

– Господин де Лозен, мы вас искали. Сжальтесь над нами!

– Ах, меня так легко разжалобить. Чем могу быть вам полезен, дамы?

– Приютите нас. Говорят, будто король приказал построить для вас в

деревне особняк. А здесь у нас нет права даже на квадратик пола в передней у королевы.

– Но разве вы не состоите в свите королевы, как мадам дю Рур и мадам д’Артиньи?

– Так-то оно так, однако художники привели нашу обычную спальню в полную негодность. Там, кажется, собираются поместить Юпитера и Меркурия... На потолке. Так что сами боги изгнали нас...

– Ну что вы, не стоит расстраиваться. Я вас всех провожу к себе в особняк.

Компания покинула замок. В сгустившемся тумане чувствовалось дыхание близкого леса.

Подозвав лакея с фонарем, маркиз повел дам вниз по склону холма.

– Вот мы и пришли, – сказал он, останавливаясь перед нагромождением белых камней.

– Пришли? И куда же?

– В мой особняк. Король действительно приказал построить его для меня, однако пока положен лишь первый камень.

– Какая злая шутка! – в ярости прошипела Атенаис де Монтеспан. – Заставить нас продрогнуть до костей, месить грязь...

– Осторожно, не упадите в яму, – любезно предупредил Пегилен, – здесь все перекопали.

На обратном пути мадам де Монтеспан несколько раз оступилась, вывихнула лодыжку и вновь разразилась бранью. До самого замка она осыпала маркиза ругательствами, которые сделали бы честь любому солдату из караульного отряда.

Лозен еще продолжал смеяться, когда проходящий мимо маркиз де Лавальер крикнул, что он может опоздать к церемонии надевания ночной рубашки. Король направлялся в свою спальню, и дворянам надлежало присутствовать при малом отходе ко сну, когда первый лакей передаст рубашку главному камергеру, который собственноручно наденет оную на его величество. Маркиз де Пегилен поспешно покинул дам, однако не преминул заверить их, что гостеприимно приглашает их... к себе в спальню, расположенную «где-то наверху».

Так что четыре молодые женщины в сопровождении Жавотты поднялись наверх, где, по выражению мадам де Монтеспан, теснота была такая, что стены трещали.

После недолгих поисков они обнаружили заветную почетную надпись на низкой дверце:

«ДЛЯ маркиза Пегилена де Лозена».

– Вот счастливичик Пегилен! – вздохнула госпожа де Монтеспан. – Несмотря на все самые глупые выходки, король продолжает держать его в любимчиках. Хотя ростом он вовсе не вышел, да и лицо у него неприметное.

– Однако оба этих недостатка он компенсирует двумя великолепными достоинствами, – возразила госпожа дю Рур. – Маркиз умен, и в нем есть что-то, чего я не берусь определить, почему ни одна дама, узнав его, никогда не оставит его ради другого.

Совершенно очевидно, того же мнения придерживалась и юная госпожа де Роклор, обнаруженная в спальне Пегилена. Служанка как раз подавала ей батистовую рубашку, расшитую тончайшими кружевами и предназначенную исключительно для того, чтобы не утаить прелести красавицы. После минутного смущения та опомнилась и очень мило проворковала, что маркиз послал своих приятельниц укрыться у него, а она его неверно поняла. Это наименьшая услуга, какую можно оказать друг другу в столь необыкновенных обстоятельствах, как пребывание в Версале.

Госпожа дю Рур была счастлива: она давно подозревала, что госпожа де Роклор – любовница Пегилена, а теперь наконец представился случай лично в этом убедиться.

В крохотной спальне широким было лишь окно, выходившее в лес. Только что поставленная дополнительная кровать с пологом целиком заняла ее. Вся компания протиснулась в клетушку, так что в ней невозможно было повернуться. Зато из-за тесноты в ней, к счастью, было тепло, и в печурке весело плясал огонь.

– Ну что же, – сказала госпожа де Монтеспан, стаскивая заляпанные грязью ботинки, – давайте-ка освободимся от последствий дьявольской шутки нашего Пегилена.

Промокшие чулки она тоже стянула, остальные дамы последовали ее примеру. Все четверо в пышных юбках уселись на пол и вытянули к огню хорошенькие ножки.

– А не пожарить ли нам сухариков? – предложила Атенаис.

Служанка была отправлена в кухню, откуда вернулась в сопровождении поваренка в белом колпаке, который принес корзинку сырого теста и длинную двузубую вилку. С этими принадлежностями дамы устроились в уголке возле очага. Госпожа д'Артиньи достала из сумки и разостлала плюшевый коврик и принялась ловко тасовать колоду карт.

– Сыграем? – предложила она госпоже дю Рур.

– С удовольствием.

– А вы, Атенаис, будете?

– У меня нет ни одного су. Вчера вечером у госпожи де Креки я все проиграла.

Анжелика тоже отказалась. Ей хотелось поговорить с мадам де Монтеспан. Госпожа д'Артиньи настаивала. Игра требовала четырех участниц. В отчаянии она решила привлечь лакея и поваренка.

– Так не умеем мы в карты-то, г-гос-госпожа, – пролепетал оробевший мальчишка.

– Тогда организуем партию в басет, – решила графиня, беря в руки стаканчик с игральными костями.

– А у меня и денег нет, чтобы проигрывать, – приврал лакей.

Госпожа д'Артиньи вытащила из своей бездонной сумки кошелек и бросила им:

– Вот вам для начала. И зря вы так обрадовались, нечего растягивать рот до ушей. Я в два счета все у вас отыграю.

И они принялись выбрасывать кости. Поваренок в одной руке держал стаканчик с костями, а в другой – длинную вилку для сухариков.

Появился господин де Лозен в сопровождении дворянина из числа своих друзей. Тот вступил в игру вместо лакея. Господин де Лозен и мадам де Роклор отправились в постель. Как только они задернули полог, все о них забыли.

Анжелика подхватывала пальчиками обжигающее лакомство и меланхолично грызла, размышляя о Филиппе. Как укротить его, как одержать над ним победу или хотя бы избежать его мести и не позволить ему разрушить ее жизнь, построенную с таким трудом?

Она вспоминала, как, восседая в своем долбленом корыте, философ воровского мира Деревянный Зад давал ей советы:

– Не позволяй Болтуну брать над тобой верх, иначе тебя ждет смерть... Самая худшая: смерть твоей души.

Но разве можно сравнивать грубого Болтуна с утонченным маркизом? Анжелика дошла до того, что решила: этот последний – гораздо страшней. Настанет день, когда его глупые выходки, вроде украденных карет, уступят место более опасным действиям. Он-то уж прекрасно знал, что ее можно уязвить, лишив сыновей или свободы. Если ему придет в голову жестокая мысль истязать Флоримона и Кантора, что уже прежде случалось, как она может их защитить?.. К счастью, оба ее мальчика были в надежном укрытии в Монтелу, где целыми днями для поправки здоровья бегали в Пуату по окрестным полям с деревенскими ребятами. Пока она могла не беспокоиться об их участи. Она укорила себя за то, что в первую ночь,

которую ей довелось провести при дворе в Версале, она истязает себя воображаемыми страхами.

Огонь в очаге полыхал все жарче. Она попросила Жавотту принести несессер, вынула из него две изящно украшенные пергаментные ширмы и предложила одну из них госпоже де Монтеспан. Прекрасная молодая женщина залюбовалась сундучком с золотыми накладками, снаружи обитым красной кожей, а изнутри белым дамастом. В нем, разделенные перегородками, каждый в своем отделении, были уложены канделябр из слоновой кости, мешочек из черного шелка с десятью восковыми свечами, чехол для шпилек и булавок, два небольших круглых зеркальца и одно овальное, украшенное жемчужинами. Там же находились два кружевных чепца и рубашка из тонкого полотна, золотой футляр с тремя гребнями и другой, где хранились щетки.

Последние были сделаны из белого с красным черепахового панциря с золотыми завитушками и представляли собой настоящее произведение искусства.

– Я заказала их из панциря черепахи, которая водится в теплых морях, – пояснила Анжелика. – Не подумайте, что это бычий рог, и уж тем более не ослиное копыто...

– Вижу, – с некоторой завистью вздохнула маркиза де Монтеспан. – Ах, чего бы я не отдала, чтобы обладать столь прекрасными вещицами! А ведь мне следовало бы заложить свои драгоценности, чтобы вернуть последний карточный долг. Я этого не сделала. Иначе как бы я могла нынче вечером появиться в Версале? Господин де Вантадур, которому я должна тысячу пистолей, подождет. Он человек учтивый.

– Но разве вы не назначены фрейлиной королевы? За эту должность вам непременно станут платить жалованье...

– Пустяки! Сущие гроши! Мне уже пришлось удвоить расходы на туалеты. Я потратила две тысячи ливров на маскарадный наряд, в котором участвовала в балете господина Люлли «Орфей». Его танцевали в Сен-Жерменском дворце. О, было так мило! Особенно мой костюм. Впрочем, и балет тоже. Я изображала нимфу и вся была обвешана прелестными финтифлюшками в виде трав и цветов. Король, разумеется, исполнял роль Орфея. Мы с ним составили первую пару. Бенсерад рассказал об этом в своей хронике. И поэт Лорэ тоже.

– В свете много говорят о знаках внимания, которые оказывает вам король... – заметила Анжелика.

Госпожа де Монтеспан вызывала у Анжелики смешанные чувства. Она завидовала не красоте придворной дамы – они были чем-то похожи,

потому что обе происходили из благородных семейств Пуату, – а, пожалуй, какой-то лучезарной дерзости ее манер и высказываний. Анжелика и сама за словом в карман не лезла, однако рядом с Атенаис чувствовала ее превосходство и старалась помалкивать. Она на себе ощущала огромное обаяние речи молодой маркизы. К изумлению собеседников, их нимало не шокировала сглаженная изысканностью речи и прелестными оборотами некоторая смелость ее идей. Подобный способ выражения, когда благодаря естественности и изяществу допустимы самые циничные разговоры, являлся фамильным достоинством и даже носил имя «язык Мортемаров».

Этим талантом природа щедро наградила обеих сестер мадам де Монтеспан: госпожу де Тианж и Мари-Мадлен, очаровательную аббатису монастыря в Фонтевро, а также их брата, герцога Вивоннского. Наслаждаясь беседой с ними, их все же слегка побаивались.

Семья Мортемар де Рошешуар славилась своей многочисленностью и имела большой вес в провинции. Анжелика де Сансе, предки которой, как и положено, фигурировали в гербовнике Пуату, не могла не восхищаться великолепием воспоминаний, связанных с наиболее знаменитыми домами Пуату. Во время оно сам Эдуард Английский отдал одну из своих дочерей за господина де Мортемара. А нынешний герцог Вивоннский был крестником короля и королевы-матери.

В сияющих небесно-голубых очах мадам де Монтеспан светилась гордость за чересчур дерзкий девиз рода:

Еще морей не знала твердь и мрак царил в природе,
Но и тогда Рошешуар был славен плодородьем.

Однако это не помешало Атенаис прибыть в Париж почти без средств, в старой карете, а вступив в брак, изо всех сил сражаться с невыносимыми денежными затруднениями. Слишком гордая и гораздо более ранимая, чем могло показаться, молодая женщина так страдала, что частенько плакала.

Анжелике лучше, нежели кому-либо другому, были знакомы унижительные проблемы, с которыми пришлось столкнуться блистательной Монтеспан. Со времен знакомства с Атенаис и ее супругом Анжелике сотни раз случалось умирять вспльчивых кредиторов, одалживая Атенаис деньги, хотя долг ей никогда не возвращали и даже никогда не благодарили. Оказывая семейству подобные услуги, Анжелика испытывала даже некоторое удовлетворение.

Порой она спрашивала себя, что заставляет ее поддерживать столь

своеобразную дружбу, тем более что, по правде сказать, Атенаис была ей не слишком симпатична; к тому же из элементарной осторожности ей следовало бы держаться подальше от этой женщины. Однако ее привлекала жизненная сила молодой маркизы. Анжелика всегда инстинктивно, каким-то особым чутьем стремилась к тем, кому суждено преуспеть. Атенаис как раз из таких. Ее честолюбие было бурным, как море, упомянутое в девизе их рода. И Анжелика предпочла отдаться на волю его волн, даже не пытаясь плыть против течения.

Атенаис же, вероятно, полагала удобным поддерживать отношения со столь великодушной подругой, владеющей значительным состоянием, хотя и принесенным коммерческими аферами; с подругой, которую можно было посещать, не рискуя потеряться в ее тени. Несмотря на красоту, Анжелика не затмевала ее.

Когда Анжелика вскользь упомянула о королевских знаках внимания, лицо госпожи де Монтеспан, в тот вечер выражавшее глубокую озабоченность, немного прояснилось.

– Королева на позднем сроке беременности, а мадемуазель де Лавальер – на раннем. Самый подходящий момент привлечь внимание короля. – Атенаис адресовала Анжелике самую обворожительную улыбку, на какую только была способна эта злючка. – Ах, голубушка, о чем вы вынуждаете меня говорить, я бы и помыслить не могла! Я бы чрезвычайно опечалилась и устыдилась, если бы король пожелал сделать меня своей любовницей. И не осмелилась бы впредь предстать перед королевой, являющей собой образец добродетельной женщины.

Анжелика была не столь глупа, чтобы поверить такому целомудренному заверению. Впрочем, некоторые черты в характере Атенаис удивляли ее, хотя она не могла понять, являются ли они проявлением лицемерия или же искреннего чувства. Взять хотя бы набожность маркизы. Будучи достаточно легкомысленной, госпожа де Монтеспан не пропускала ни одной обедни, ни одного богослужения, так что королева твердила всем и каждому, что вполне довольна статс-дамой, выказывающей подобное рвение.

– А помните ли вы визит, – смеясь, продолжала Анжелика, – который мы втроем с Франсуазой Скаррон нанесли гадалке Монвуазен? Сдается мне, вам уже тогда очень хотелось спросить у нее, добьетесь ли вы расположения короля...

– Пустяки! – Маркиза сделала движение рукой, словно отмахнулась от собственных прихотей. – Кстати, в ту пору я еще не входила в свиту ее величества и искала способ приблизиться ко двору. А эта Вуазен тогда

наговорила нам одних глупостей...

– Что всех нас полюбит король!

– Даже Франсуазу!

– Вот уж извините, если память мне не изменяет, по словам пророчицы, судьба Франсуазы окажется еще более блистательной. Она выйдет за короля замуж!

И обе от всей души расхохотались:

– Франсуаза Скаррон – королева Франции!

Игроки не обращали на их веселье никакого внимания. Слышалось только, как встряхивают кости в стаканчике и звенят монеты, которые выигравшие опускают в кошельки. Поваренок сжег сухарики.

Анжелика подбросила полено в очаг.

– Я как раз нынче вечером видела Франсуазу. Она покидала Версаль, не дождавшись случая передать королю очередное прошение. Бедняжка Франсуаза!

– Она слишком усердствует со своими прошениями. Вечно вертится перед глазами. Во вторник она была в Сен-Жерменском дворце. Король немедленно повернулся к ней спиной, я даже слышала, как он сказал герцогу де Сент-Эньяну: «Мадам Скаррон непрерывно напоминает о себе; когда она прекратит преследовать меня?»

– К счастью, его слова не достигли ушей бедной просительницы!

– Ах, даже услышь она этот сомнительный комплимент, огорчение не вызвало бы у нее отвращения к ходатайствам. Я Франсуазу знаю, она неумоима. Вот уже два года она безуспешно подает прошения. И знаете, каков результат? Что она предстает перед королем все чаще и чаще. Кончится тем, что ее будет не отличить от тех, кто изображен на гобеленах дворцов Сен-Жермена, Версаля или Фонтенбло.

– Тоже способ обратить на себя внимание. А у Франсуазы прекрасные глаза, изумительный цвет лица и самая восхитительная фигура на свете.

– Волосы слегка темноваты, вы не находите? Однако надо признать, ей не откажешь в предупредительности и способностях. Пожалуй, она заслуживает какой-нибудь скромной должности при дворе. Редко встретишь столь образованную даму, да в придачу еще и столь уступчивую.

«Да уж, уступчивую... Бедность научит», – подумала Анжелика.

Этим крошечным панегириком в адрес Франсуазы д'Обинье, бывшей подруги по пансиону, Атенаис де Монтеспан полностью исчерпала свой интерес к кому бы то ни было, кроме собственной персоны.

– Ах, как я несчастна! – неожиданно со вздохом воскликнула она. –

Вообразите, я задолжала каретнику тысячу восемьсот ливров! Он к тому же шорник и изготовил всю упряжь для моего сегодняшнего выезда. Не знаю, заметили ли вы, из какой она прекрасной кожи? Я специально заказала позолотить ее, чтобы выглядело как ткань с вышивкой. Настоящее чудо!

– За тысячу восемьсот ливров...

– О, долг не столь огромен! Я с легкостью могу пренебречь сетованиями господина Гобера и попросить его подождать, подобно его собратьям: портному, вышивальщику или ювелиру. Только вот моему невыносимому супругу Пардайану вздумалось вмешаться и отдать в залог мои серьги в виде трех веточек с крупными бриллиантами. А я очень дорожу этим украшением. Но потеряю его, если завтра не заплачу. Видели ли вы когда-нибудь супруга, который с подобной неуклюжестью и неосмотрительностью пытался уладить дело? Деньги у него не держатся... Он играет! Он играет! Никак не могу урезонить его. Да к тому же еще самые сумасбродные идеи... Чувствую, я закончу свою жизнь, как тетушка де Бельгард, знаете, герцогиня? Его родня, спешу заверить, не моя... Супруг стал ревновать ее. Ему семьдесят пять лет, ей – пятьдесят пять. Он запирает ее в своем замке, лишает самого необходимого, так что ей даже приходится рвать простыни, чтобы сшить себе рубашки... Вот какое наказание меня ждет за неосторожное согласие на этот брак. Все эти Пардайаны де Монтеспан со странностями...

От пощечины Филиппа у Анжелики все еще полыхала щека. Болтовня госпожи де Монтеспан вовсе не представлялась ей забавной. Выражение ее лица заметно развеселило Атенаис.

– Не поминайте старое. Филиппа связывают с вами узы гораздо более прочные, нежели супружеские чувства. Говорят, вы позволяете ему бесконечно черпать из ваших торговых закромов.

При дворе Анжелика желала быть маркизой дю Плесси-Бельер, и никем другим. Намек мадам де Монтеспан на коммерческую деятельность заставил ее стиснуть зубы.

– А вам бы лучше оставить заботы о том, попаду ли я в заточение, – в гневе заметила она. – Пора подумать о том, что вы потеряете. Было бы неглупо с вашей стороны помочь мне закрепиться при дворе, например указать свободную должность, которую я могла бы занять.

Атенаис воздела руки к небесам:

– Бедняжка вы моя! Что вы такое вообразили? Свободная должность при дворе? Легче найти иголку в стоге сена. Все только и ждут, однако ни за какое золото никуда не пристроиться...

– Однако же вы добились должности фрейлины королевы.

– Король сам меня назначил. Мне частенько удавалось рассмешить его, когда он навещал мадемуазель де Лавальер. Его величество счел, что я смогу развлечь королеву. Король очень внимателен к жене. Он так дорожил моим присутствием подле нее, что имел чуткость положить мне дополнительную оплату, просить которую я бы не осмелилась. Впрочем, иметь покровителя совершенно необходимо. И покровительство короля – самое надежное! Ну-ка, подумаем, чем вы могли бы заняться? Или вы могли бы, по своему обыкновению, что-нибудь придумать и подать ходатайство его величеству. Ваше предложение рассмотрел бы Совет. А если бы вам удалось провести его через парламент, вы получили бы должность.

– Это представляется мне чересчур сложным и трудновыполнимым. Что вы имеете в виду, когда говорите «придумать по своему обыкновению»?

– Мм, право, не знаю... Достаточно иметь немного воображения... Впрочем, вот недавний случай. Я знаю, что господин Дюлак, мажордом маркиза де Лавальера, и Коллен, камердинер герцогини, вдвоем подали прошение милостиво разрешить им взимать по два су с каждого арпана на всех пустошах, расположенных между общиной Медона в районе Сен-Клу и деревней Шаньи, близ Версаля. Гениальная идея, если учесть, что король выбрал эти края и здесь станут покупать земли. А что на самом деле мы понимаем под словом «пустошь»? Поскольку за просителей ходатайствовала мадемуазель де Лавальер, король тотчас подписал. Он ей никогда ни в чем не отказывает. Парламенту оставалось лишь зарегистрировать документ. С подобной привилегией два этих господничка в один прекрасный день рискуют распухнуть от экию... Впрочем, отвалить такой жирный кусок челяди – большая ошибка нашей фаворитки! Она не умеет сказать «нет». Королю уже стала мешать вся эта толпа просителей, которыми она его обременяет. А первый среди них – ее брат-маркиз: подлинный гений прошений. Он мог бы дать вам ценный совет, тем более я заметила, что вы ему небезразличны... А пока могу представить вас королеве. Поговорите с ней. Может статься, вы привлечете ее внимание.

– О, будьте так добры! – порывисто воскликнула Анжелика. – А я обещаю вам, что найду в своих торговых закромах что-нибудь, что утешит вашего шорника.

Маркиза де Монтеспан была в восторге и не скрывала своих чувств.

– Договорились. Вы ангел! А станете архангелом, если к тому же

сможете раздобыть мне попугая. Да, именно такого, какими вы торгуете: большую заморскую птицу. Знаете, с красными и зелеными перьями... Ах, это моя мечта!

Глава VI

На рассвете госпожа де Монтеспан зевнула и потянулась. Она почти всю ночь проболтала с Анжеликой: в крошечной спальне им так и не удалось прилечь и хоть немного отдохнуть.

Поваренок посапывал, привалившись к камину. Госпожа д'Артиньи исчезла. Госпожа дю Рур и составивший им компанию в игре молодой человек вполголоса беседовали, сидя на плиточном полу. Речь шла не о любви, а о суровой бухгалтерии. До Анжелики доносились слова: «расходы... торги... выплаты... излишки».

За пологом кровати заворочались два сонных тела, кто-то зевнул и послышался нежный шепот.

– Думаю, мне стоит спуститься, – решила Атенаис. – Скоро королева позовет фрейлин. Хочу оказаться у нее в числе первых, чтобы сопровождать государыню к мессе. Вы пойдете?

– Возможно, теперь не самое подходящее время, чтобы представляться королеве?

– Верно. Лучше по возвращении из часовни. Встанете где-нибудь у нас на пути. Но прежде мне следует показать вам выгодные места, откуда вы при любых обстоятельствах сможете видеть их величества и по возможности показаться им. Это большое искусство. Спускайтесь со мной. Заодно покажу вам небольшую туалетную комнату возле покоев королевы. Фрейлины пользуются ею, чтобы поболтать и причесаться. У вас есть что-нибудь из одежды, кроме охотничьего костюма?

– О да, в сундуке. Только нужно отыскать моего мальчишку-лакея, чтобы отправить его за платьем в спальню мужа.

– Для начала наденьте что-нибудь простое. После мессы король примет просителей, потом удалится работать с министрами. А вот вечером, думаю, будет комедия или маленький балет. Вы сможете надеть свои лучшие украшения. А теперь идемте.

В коридоре было холодно и промозгло. Госпожа де Монтеспан спускалась по лестнице, не обращая ни малейшего внимания на пронизывающий ветер, обдувающий ее прелестные обнаженные плечи.

– Неужели вам не холодно? – спросила Анжелика.

Маркиза беззаботно махнула рукой. Она обладала выносливостью, свойственной всем придворным, привыкшим в залах, открытых всем ветрам или, наоборот, раскаленных горячим пламенем свечей, терпеть

худшие неудобства: жару и стужу, усталость от долгого стояния на ногах, бессонные ночи, тяжесть перегруженных золотым шитьем и драгоценностями туалетов.

Твердый характер, движение, а главное, крепкое телосложение поддерживали силы в этих дамах, героически и с восторгом принимавших свои мучения.

В детстве Анжелика частенько недоедала и с тех пор зябла и не могла обходиться без накидок. У нее их была целая коллекция. И очень красивых. Та, в которую она куталась теперь, из чередующихся бархатных и шелковых квадратов, по цвету прекрасно подходила к ее зеленым глазам. Капюшон украшало венецианское кружево, которое она могла опустить на лицо, когда не хотела быть узнанной.

Госпожа де Монтеспан рассталась с Анжеликой у входа в пиршественный зал. Казалось, кроме неподвижных, как статуи, несущих вахту швейцарцев с алебардами и крахмальными брыжами, ничто в огромном дворце еще не пробудилось. Дневной свет только начинал постепенно вытеснять из гостиных ночной мрак. Галереи и вестибюли, при свете дня сверкавшие зеркалами и позолотой, зияли в темноте, словно гигантские таинственные пещеры.

Горели редкие свечи.

– Я вас покидаю, – шепнула фрейлина королевы, боясь нарушить редкую в здешних местах тишину. – Здесь есть крошечный будуар, вы можете пока посидеть там. Очень скоро появятся придворные, которые обязаны присутствовать при пробуждении короля. Его величество встает рано. Скоро увидимся.

Она удалилась, а Анжелика подошла к указанному ей маркизой скрытому за гобеленом будуару.

– О, простите, – пробормотала она, поспешно захлопывая дверь.

Бедняжке следовало бы догадаться, что этот уголок, каким бы маленьким он ни был, если в нем поместился диван, мог служить лишь для галантных встреч.

«Надо же, – думала она, – я и вообразить не могла, что у госпожи де Субиз такая красивая грудь. Зачем она прячет столь обольстительное сокровище?»

Разумеется, партнер отнюдь не господин де Субиз. Об этом ей тоже следовало бы догадаться. В Версале принято было закрывать глаза на распущенность, зато супружеские утехи воспринимались как плебейство и шокировали общество.

Итак, Анжелике не оставалось ничего, кроме как бродить по большим

пустынным залам.

Она остановилась в первом. Это был Ионический зал, названный так из-за двенадцати колонн, поддерживающих карниз. Было совсем светло. Анжелика могла различить изящество фриза из белых волют, катящихся по краю тени, словно спокойные морские волны к мрачному океану. Потолок с глубокими позолоченными кессонами черного дерева утопал в темноте. Хрустальные люстры возникали из него подобно подвешенным на тончайших незаметных нитях оледенелым диковинам, феерическим сталактитам. В тройном зеркале на стене отражались окна, в которые постепенно проникал дневной свет.

Молодая женщина оперлась о мраморный подоконник и выглянула в парк. Он тоже пробуждался ото сна. Совершенно пустая песчаная терраса без единой тени у подножия замка напоминала чистую прибрежную отмель. Чуть ниже стояли волны тумана, окутывая аллеи стриженных высоких грабов, из очертаний которых выстраивался призрачный город с белыми и голубоватыми стенами, хранящими тайны совершенных садов с кружевными лужайками и водоемами с черной и зеленой водой, где плавают лебеди.

Когда появится солнце, можно будет увидеть, как вдали сверкают в его лучах эти водоемы, начиная от двух прудов на террасе к пруду Латоны, потом к пруду Аполлона, похожему на серебряный круг. Оттуда к золотому кресту Большого канала, где останавливались укрощенные воды, мертвые и дикие, воды больших болот, где обитают утки и нырки и которые простираются так далеко, куда хватает глаз...

– О чем мечтаете, маркиза?

Анжелика не увидела обладателя шепчущего голоса. Она озадаченно огляделась: обратиться к ней могла лишь стоящая напротив мраморная статуя.

– О чем мечтаете, маркиза?

– Но... Кто вы?

– Я Аполлон, бог красоты, которому вы в столь ранний утренний час любезно составили компанию.

– ...

– Прохладно, не так ли? Вы хотя бы в накидке, я же совершенно наг. Мраморное тело не слишком-то греет, знаете ли.

Анжелика вздрогнула, заглянула за статую, но ничего не увидела. Тут ее внимание привлек лежащий на полу возле постамента статуи узел разноцветного тряпья. Она наклонилась и протянула к нему руку. Узел подпрыгнул, как козочка, и перед Анжеликой появился забавный гномик.

Он отбросил закрывавший его лицо капюшон.

– Баркароль! – воскликнула Анжелика.

– К вашим услугам, Маркиза Ангелов.

Карлик королевы отвесил глубокий поклон. Ростом он был не выше семилетнего ребенка. Его поставленное на маленькие кривые ножки крошечное бесформенное тельце заставляло мгновенно забыть о красоте его умного лица. На голову он нахлобучил багровую шелковую шляпу, украшенную медалями и бубенчиками. Камзол с кружевными манжетами и штаны тоже были шелковые, наполовину багровые, наполовину черные, но без бубенчиков и украшений. На боку висела миниатюрная шпага.

Давненько Анжелика не видела Баркароля. Она нашла, что он выглядит как настоящий дворянин, и сказала ему об этом.

– Правда? – обрадовался Баркароль. – Думаю, если бы не рост, я мог бы соперничать с любым из прекрасных господ, что здесь разгуливают. Ах, если бы еще наша добрая королева согласилась снять с моей шляпы эти колокольцы, она доставила бы мне огромное удовольствие. Но она утверждает, что в Испании все шуты носят колокольчики и если она перестанет слышать подле себя этот карильон, то станет еще печальней. К счастью, у меня и двух моих товарищей нашелся союзник. Сам король. Он нас просто не переносит. И каждый раз, навещая королеву, прогоняет нас ударами своей трости. Мы удираем с ужимками и прыжками, так что наши погремушки бренчат на весь дворец. Пока король с королевой беседуют, и даже в самые интимные и деликатные моменты, мы при первой возможности неистово сотрясаем своими колокольчиками. Что приводит его в дурное расположение духа. Наконец королева это заметила. Теперь она только вздыхает и уже ничего не говорит, если мы не пришиваем на место случайно оторвавшийся бубенец. А скоро мы попытаемся получить еще одну привилегию.

– Какую же?

– Парик, – отвечал Баркароль, закатив глаза.

Анжелика расхохоталась:

– Боюсь, вы становитесь претенциозным, господин Баркароль.

– Я стараюсь возвыситься, проникнуть в общество, – самодовольно произнес карлик.

Но в его взгляде зрелого мужчины Анжелика сумела прочесть печаль и иронию. Он насмеялся над самим собой.

– Я так рада снова тебя видеть, Баркароль! Давай поговорим.

– А вы не боитесь за свою репутацию? О нас станут судачить. А вдруг ваш муж вызовет меня на дуэль?

– У тебя же есть шпага?

– Верно! Смелость города берет. Полюбезничаю-ка я с вами, прекрасная маркиза. Только давайте смотреть в окно. Люди подумают, что мы любимся садами, и не смогут догадаться о моих пылких признаниях.

Он просеменил к окну и по-детски уткнулся носом в стекло.

– Что вы скажете о дворце? Мило, не так ли? Маркиза Ангелов, значит, ты, вельможная дама, не отказываешься от своей дружбы с карликом королевы?

Анжелика стояла возле него, глядя в сад. Она положила руку на плечо маленького человека:

– Баркароль, от воспоминаний вроде тех, что объединяют нас, не отказываются. – И совсем тихо добавила: – Даже если бы мы захотели, не смогли бы...

В лучах солнца туман рассеялся. День будет ясным. Теплым и сияющим, будто весной. Вынырнув из тумана, грабы обретали свой зеленый оттенок, водоемы – голубоватую прозрачность, цветы – яркую окраску. Принялись за работу садовники с тачками и граблями. Их было много, и с высоты эспланады они казались совсем крошечными.

– Иногда, – произнес карлик вполголоса, – наша королева нервничает. Она не видела меня весь день. Куда мог запропасться ее любимый карлик?.. Он в Париже, что бы там ни говорило ваше величество. Чтобы отдать должное другому величеству, чем ни один из его подданных не позволил бы себе пренебречь. Это принц нищих Деревянный Зад. О Маркиза Ангелов, подданных вроде нас не так много. Способных раскошелиться и вывалить в общий котел увесистый, как тыква, кошелек. Думаю, Деревянный Зад очень меня любит.

– Меня тоже, – проговорила Анжелика.

Она представила себе наводящего страх принца нищих. Кто мог бы заподозрить ее в тайных прогулках, которые порой приводили прекрасную маркизу дю Плесси-Бельер, в маске и саржевом платье, в самое сердце Фобур-Сент-Оноре? И каждую неделю ее самые верные слуги несли туда корзины с драгоценными винами, дичь и жаркое.

– Ничего не бойся, Маркиза Ангелов, – прошептал Баркароль, – мы умеем хранить тайны. И не забывай, что с нами ты никогда не будешь одинока и тебе никогда не будет угрожать опасность... даже здесь.

Он обернулся и выразительным движением своей маленькой руки обвел великолепный зал.

– Здесь!.. В королевском дворце, где каждый более одинок и уязвим, чем в любом другом месте на земле...

Прикрывая раздираемые зевотой рты кружевными манжетами, появились первые придворные. Издали слышался стук их деревянных каблуков по каменному полу. Лакеи принесли поленья. В огромных каминах разжигали огонь.

– Скоро выйдет старуха. Да вот и она.

Мимо Анжелики прошла пожилая женщина в плаще с капюшоном. Ее седые волосы прикрывал накрахмаленный крестьянский чепец из тончайшего батиста. При ее появлении некоторые дворяне отставили ногу в легком поклоне. Казалось, она не заметила их. Со спокойной величием она шла своей дорогой.

– Куда это она?

– К королю. Это госпожа Амлен, его кормилица. За ней сохранилось право первой по утрам входить в опочивальню короля. Она раздвигает полог и целует его. Осведомляется, хорошо ли он спал и чувствует ли себя свежим и бодрым... Они перекидываются словечком. Великие мира сего топчутся на пороге... Потом она удаляется, и весь день ее никто не видит. Никто не знает, где она скрывается со своей прялкой... Эта старуха – ночная птица. Но министров, принцев и кардиналов постоянно грызет зависть, что эта парижская мещаночка каждый день получает первую улыбку монарха и зачастую срывает его первую милость.

Король просыпался.

Вслед за кормилицей вошли три лейб-медика в черных мантиях. На пышных пудренных париках торчали остроконечные шапки – символ их уважаемой профессии. Один за другим они приближались к монарху, щупали пульс, справлялись о его здоровье, обменивались несколькими латинскими словами и исчезали.

После этого начинается первый выход: принцев крови.

Перед склонившимися в поклоне принцами крови король встает с постели. Главный камергер подает ему халат, который поддерживает камердинер. Его величество имеет право самостоятельно надеть короткие штаны, после чего один из офицеров спешит пристегнуть подвязки.

Поскольку право подать рубашку являлось привилегией первого дворянина, следовало дожидаться, пока тот появится, гордо шествуя во главе второго выхода, состоящего из представителей высшей знати и специально приглашенных вельмож.

Когда король получает рубашку, камердинер поддерживает правый рукав, а хранитель королевского гардероба помогает надеть левый.

Третий выход, состоящий из герцогов и пэров, уже толпится в дверях со счастливым ропотом и множеством поклонов, от которых расшитые камзолы никнут, как цветочное поле под ураганным ветром.

Тем временем королевский гардеробщик повязывает галстук. Это его право. Однако, если специальный лакей, отвечающий за галстук, сочтет, что узел плох, он подправляет, а иногда даже перевязывает его. Это – его право. При условии, если он заранее убедился, что в спальне не присутствует никто из старших камердинеров.

Четвертый выход – государственные секретари, пятый – послы, шестой – лиловый и пурпурный – кардиналы и епископы. Все они постепенно заполняют опочивальню короля.

С первого взгляда король узнаёт присутствующих и замечает отсутствующих. Он задает вопросы, интересуется сплетнями и радуется остроумным ответам. Думая о простых смертных, вынужденных томиться за позолоченными дверьми, «апостолы версальского рая» испытывали невероятное наслаждение, что удостоились видеть короля в шлафроке.

Глава VII

Перед Анжеликой прошли все эти имеющие доступ в святилище «апостолы».

– Мы «души в чистилище», – сказала ей одна из роскошно одетых дам, уже слетевшихся к опочивальне короля, чтобы оказаться в первых рядах и увидеть, как король с королевой проследуют в часовню.

Во втором выходе принял участие маркиз дю Плесси-Бельер.

Анжелика убедилась, что он вошел в королевскую опочивальню, и бросилась наверх.

Ей чудом удалось не заблудиться в лабиринтах коридоров, где царил невообразимый беспорядок и пахло пудрой, ирисовой эссенцией и сгоревшими свечами.

Напевая вполголоса, Ла Вьолет до блеска надраивал шпаги своего хозяина. И смиренно предложил госпоже маркизе помочь ей одеться. Анжелика без церемоний выставила его вон. Она не стала искать Жавотту или камеристку и сама как сумела зашнуровала корсет. Чтобы не опоздать к выходу небольшой свиты королевы, обратно ей пришлось бежать. Носик у королевы покраснел, это было заметно, несмотря на покрывающий ее румяное лицо слой пудры. Она провела в слезах всю ночь... Как она горестно поведала своим фрейлинам, король не заглянул к ней даже на минутку. А подобное упущение случалось крайне редко, ибо Людовик XIV почитал своим долгом соблюдать приличия и всегда захаживал в опочивальню королевы, чтобы хотя бы на мгновение юркнуть в супружеское ложе. Чаще всего он тут же засыпал, однако приходил же. Опять вчера в лесу его распалила эта несносная Лавальер, строящая из себя Диану-охотницу.

Свита Марии-Терезии повстречалась с окружением мадемуазель де Лавальер, тоже направлявшейся в часовню. Мария-Терезия с достоинством проследовала мимо, хотя губы ее дрожали от едва сдерживаемых то ли рыданий, то ли проклятий. Фаворитка смиренно присела в реверансе. Когда она поднялась, Анжелика увидела ее кроткие голубые глаза с каким-то затравленным выражением. В свете и блеске Версаля она была уже не охотницей, а загнанной ланью. Мнение Анжелики подтвердилось. Фаворитка теряла свое влияние. Благосклонность к ней короля клонила к закату, если монарх еще не совсем отвернулся от нее. Мария-Терезия напрасно обвиняла бедную маркизу. Уже появились другие соперницы, ко

всему готовые и гораздо более опасные...

Вскоре король вышел из часовни и направился в сады. Ему сообщили, что, узнав о его пребывании в Версале, у ограды в ожидании его «чудодейственного» наложения рук собрались несколько страдающих золотухой окрестных жителей. Король не мог им отказать. Их оказалось немного. Это будет всего лишь краткая церемония, затем его величество в салоне Дианы примет прошения.

Какой-то молодой дворянин из свиты короля пробрался сквозь толпу и склонился перед Анжеликой:

– Его величество распорядился напомнить мадам дю Плесси-Бельер, что завтра он непременно рассчитывает видеть ее на охоте с раннего утра.

– Поблагодарите его величество, – взволнованно воскликнула она, – и уверьте короля, что лишь смерть может стать причиной моего отсутствия!

– Большого его величество и не требует. Однако он соблаговолил отметить особо, что если вы испытываете какие-либо затруднения, ему было бы любопытно знать их причину.

– Не премину сообщить, господин де Лувуа. Вас ведь так зовут?

– Совершенно верно.

– Я хотела бы побеседовать с вами. Это возможно?

Заметно удивленный, Лувуа согласился, сказав, что, если госпожа дю Плесси подождет в галерее, он, возможно, сумеет встретиться с ней, когда король, приняв прошения, отправится к себе в кабинет.

– Я буду ждать. И не сочтите за труд подтвердить его величеству, что завтра я буду на охоте.

– Нет, не будете, – раздался тихий голос Филиппа прямо у нее над ухом. – Сударыня, жене следует повиноваться мужу. Я никогда не давал вам разрешения появляться при дворе, а вы проникли сюда вопреки моей воле. Приказываю вам уехать и вернуться в Париж.

– Это нелепо, Филипп, – так же вполголоса отвечала Анжелика. – Нелепо и бестактно сверх всякой меры. От моего присутствия при дворе вам одна выгода. По какой причине вы изводите меня?

– По той причине, что вы первая взяли изводить меня.

– Это несерьезно. Оставьте меня в покое.

– При условии, что вы незамедлительно оставите Версаль.

– Нет.

– Вы не поедете завтра на охоту.

– Поеду!

Присоединившийся к свите короля Лувуа уже не присутствовал при супружеской размолвке. Случайные свидетели насмешливо косились в их

сторону. Того и гляди семейные сцены дю Плесси-Бельер станут известным развлечением!

Ближе всех находился маркиз де Лавальер. Он изо всех сил старался сделать вид, что даже не смотрит в их сторону. В профиль он был очень похож на удода.

Чтобы не стать посмешищем, Анжелика решила прекратить спор.

– Довольно, Филипп. Я поеду на охоту. И закончим этот разговор.

Оставив его, она миновала галерею и направилась в небольшую гостиную, где было немногочленно.

«Если бы у меня была официальная должность при дворе, я зависела бы от короля, а не от настроения этого сумасброда», – твердила она себе.

Как же добиться получения должности? А главное, поскорее?

Именно поэтому она внезапно вспомнила о недавней беседе с Лувуа.

Заработала ее деловая смекалка. Ей вспомнилось, что, когда она затеяла в Париже свое дело с каретами по пять су, Одиже говорил ей о некоем Лувуа, знатном вельможе и большом политике, а заодно владельце привилегии на извоз между Лионом и Греноблем.

Очевидно, что речь шла именно об этом Лувуа. Она не думала, что он столь молод, однако не следовало забывать, что он сын того самого Летелье, государственного секретаря и канцлера Королевского совета.

Стоит предложить ему выгодную сделку и попытаться заручиться не только его поддержкой, но также покровительством отца...

Сквозь толпу придворных к ней пробирался маркиз де Лавальер.

Первым ее желанием было скрыться, однако она передумала.

Ей говорили об этом маркизе де Лавальере как о большом ценителе выгодных для себя комбинаций. Он лучше, чем кто-либо иной, был в курсе того, что происходит при дворе. У него можно что-нибудь выведать.

– Надеюсь, король не обиделся на вас за вчерашнее опоздание на охоту, – начал маркиз, подойдя к Анжелике.

«Так вот почему вы рискнули продолжить интрижку со мной», – подумала она, заставив себя приветливо ему улыбнуться.

Когда она заговорила о должности при дворе, его лицо приняло сочувственное выражение.

– Бедная малышка, о чем вы говорите! Даже не одного, а десяток человек следовало бы убить, чтобы при дворе освободилось хоть одно самое крошечное местечко. Подумайте только, все должности в королевских опочивальнях продаются лишь поквартально...

– Что это значит?

– Что их можно получить только на три месяца. Потом они вновь

выставляются на аукцион. Короля это очень удручает, ведь ему приходится видеть все новые лица на тех должностях, где он хотел бы лицезреть привычные физиономии. Поскольку он ни за что не согласен расстаться со своим главным камердинером Бонтаном, ему постоянно приходится не только помогать тому выкупать должность, но заодно еще и оплачивать право выкупа. Что, разумеется, вызывает неудовольствие других.

– Боже, какие сложности! Неужели король не может навязать свою волю и запретить столь странные сделки?

– Надо стараться уважить всех, – произнес маркиз де Лавальер с выражением, явно показывающим, что и ему эти непреложные правила представляются столь же нелепыми, как если бы смена времен года пошла вспять.

– А как же вы сами устраиваетесь? Я слышала, вы очень обеспечены.

– Молва преувеличивает. Я королевский лейтенант, с самым скромным жалованьем. С лежащими на мне обязанностями экипировать и содержать четыре роты при дворе я не сумел бы свести концы с концами, если бы не некоторые ухищрения...

Не завершив фразы, он остановил проходившего мимо придворного.

– Их приговорили? – тревожно спросил маркиз.

– Да.

– К колесованию?

– К колесованию, с отсечением головы.

– Превосходно, – с удовлетворением произнес молодой маркиз де Лавальер. – Вот как раз одна из моих обязанностей, – охотно пояснил он Анжелике, чье наивное изумление льстило его самолюбию. – Главным образом я занимаюсь «выморочным имуществом». Могу поспорить, вы не знаете, что это.

– Право, я много чем занималась, и уверяю вас...

– Ну что же, значит, вам известно, что, когда один из подданных государства приговаривается к смертной казни, его имущество, как бы велико оно ни было, поступает в распоряжение королевской казны. Им распоряжается король, и главным образом для того, чтобы одарить тех, кому он желает выказать свое расположение. Мой долг – бдительно наблюдать за подобными делами и первым делать запрос. Король поступил бы несправедливо, отказав мне. Ему же это ничего не стоит, не так ли? Например, только что я следил за процессом заместителя бальи Шартра, отъявленного вора, на чьей совести было немало преступлений. Он разбойничал в регионе с двумя сообщниками, господами де Каром и де ла Ломбардьером, и вместе с ними был арестован за грабежи. Как вы только

что слышали, их приговорили к смертной казни. Им отрубят головы. Отличное дельце мне подвернулось!

Он потер руки.

– Этого известия я ждал с самого утра, вот почему я не сопровождал короля на церемонии чудодейственного прикосновения к золотушным. Надеюсь, он не заметил моего отсутствия; но я не мог пропустить новость. У этих бандитов огромное состояние, даже не считая украденного. Я заранее составил прошение, чтобы воспользоваться им и получить вознаграждение. И передать свое ходатайство я смогу незамедлительно. В таких делах главное – быстрота. Ну и конечно, чутье. Знаете, у меня есть еще один план, более тонкий. Но там я тоже рассчитываю преуспеть и прийти первым. Дело касается графа Редфорда, только что убитого в Танжере француза, состоявшего на службе у английского короля. Если мне удастся доказать, что этот Редфорд – англичанин, я смогу встать в очередь на его наследство, поскольку имущество проживающих во Франции иностранцев после их смерти тоже попадает в королевскую казну...

– Но как же вы докажете, что этот француз был англичанином?

– Как-нибудь. Что-нибудь придумаю. В этом я мастер... Вынужден вас покинуть, красавица, ибо полагаю, что его величество вот-вот вернется с прогулки по садам.

«Этот прекрасный господин, право слово, очень проворен, – в некотором замешательстве подумала Анжелика, – у него повадки коварного кота и психика стервятника».

Вернулся Лувуа. Проходя мимо Анжелики, он поклонился и шепнул, что, к своему величайшему сожалению, вынужден присутствовать на второй аудиенции, после чего доставит себе удовольствие посвятить прекрасной маркизе несколько мгновений, поскольку потом он прислуживает его величеству за столом и у него не будет ни минуты свободной.

Анжелика покорно кивнула и выразила восхищение работоспособностью молодого короля: говорят, будто он ложится в три часа ночи, просыпается в шесть к утренней мессе, а потом неотрывно занимается делами!

Покинув ее, Лувуа направился к неважно одетому молодому человеку, довольно неуместно выглядевшему в этом изысканном собрании. Обветренное лицо выделялось в обрамлении кружевного жабо и неловко сидящего на голове парика. Он сухо поприветствовал Лувуа и подтвердил:

– Да, я посланник с острова Дофина.

После чего оба устремились в кабинет короля, не обращая внимания

на бурные негодующие протесты еще одного только что появившегося дворянина с военной выправкой.

– Месье, король очень срочно вызвал меня к этому времени. Я должен пройти первым!

– Знаю, господин маршал, однако я тоже военный и должен исполнять приказы короля, который, узнав, что присутствующий здесь господин прибыл, распорядился пропустить его прежде кого бы то ни было.

– Я обладаю преимущественным правом среди всех маршалов и не потерплю, чтобы какой-то морской офицер перешел мне дорогу.

– Этот офицер – личный гость короля, следовательно, к величайшему моему сожалению, имеет все преимущества, мессир де Тюренн.

Тюренн, грубый пятидесятидвухлетний солдафон, побледнел от гнева, но сделал над собой усилие:

– Сдается мне, его величество вовсе не имеет почтения к должности, которую сам же мне пожаловал. Ну что же. Позовет меня в другой раз, когда сможет посвятить некоторое время старым служакам – и полезным людям.

Тюренн пронесся сквозь толпу придворных, как если бы совершал смотр своих войск. Черные глаза полыхали из-под густых седеющих бровей. Два молодых прапорщика, несущие вахту возле одной из дверей, выхватили из ножен свои шпаги и с двух сторон обступили старого генерала.

– Боже мой, – воскликнула потрясенная Анжелика, – неужели его сейчас арестуют?

Как будто случайно оказавшийся подле нее маркиз де Лавальер расхохотался:

– Отчего вы, милый друг, приписываете нашему государю столь черные помыслы? Можно подумать, вы никогда не покидали своей глуши. Арестовать господина маршала! Да за что же, боги мои?

– Разве он не произнес только что оскорбительные слова в адрес короля?

– Подумаешь! Мессир де Тюренн не стесняется в выражениях – как все военные. А поскольку его обошли, он бесится. И он прав. Так что совершенно справедливо, что ему дана привилегия иметь собственную кавалерийскую стражу и двух прапорщиков, обязанных сопровождать его со шпагой наголо повсюду, где он располагается на постой, даже во дворце короля.

– Если у него есть столь значительные привилегии, почему же он тогда сердится по пустякам?

Маркиз задумался.

– Пожалуй, я тоже разделяю раздражение нашего маршала. Как верховному главнокомандующему, ему везде положено проходить первым. Армия – основа королевства.

– А разве не знать? – Ей захотелось поддразнить маркиза.

На губах молодого де Лавальера мелькнула презрительная улыбка.

– Ваш вопрос звучит по-мещански. Неужели вам надо напоминать, что армия – это знать, а знать – это армия? Кому в королевстве принадлежит честь платить кровавый налог? Знати! С юных лет отец внушил мне, что я должен носить шпагу и что моя шпага, как и моя жизнь, принадлежит королю.

– Нет необходимости преподавать мне урок. – Анжелика залилась краской. – Мое происхождение не менее благородно, нежели ваше, господин де Лавальер. Можете навести справки. И помимо всего прочего, я супруга маршала Франции.

– Не станем же мы ссориться из-за подобных пустяков, – со смехом проговорил маркиз. – Вы немного наивны, но обворожительны. Мне кажется, мы подружимся. Если вы заметили, что я рассердился, это потому, что мы при дворе, где мой «зять»-король слишком часто оказывает предпочтение мещанам и самым заурядным людям. Как можно пропустить перед мессиром де Тюренном какого-то неотесанного штурмана...

– Быть может, этот штурман принес известия, в данный момент особенно интересующие его величество?

На ее плечо легла чья-то рука. Анжелика вздрогнула. Перед ней стоял некто в черном, кого поначалу она, как ни старалась, никак не могла вспомнить.

Хриплый, тихий и в то же время властный и настойчивый голос произнес:

– Именно об этом я незамедлительно просил бы вас, сударыня, со мной переговорить.

– О чем, месье? – с беспокойством спросила Анжелика.

Лавальер, только что державшийся гордо и независимо, как подобает дворянину, непрестанно кланялся:

– Господин министр, умоляю вас напомнить его величеству о моей нижайшей просьбе, касающейся моего назначения на освободившуюся должность заместителя шартрского бальи. Вам известно, что этого страшного бандита только что приговорили к отсечению головы.

Суровый незнакомец бросил на него неприязненный взгляд и пробурчал:

– Хм... Посмотрим...

И тут Анжелика узнала господина Кольбера, нового министра финансов и члена Совета.

Оставив согнувшегося в поклоне придворного, Кольбер властно увлек госпожу дю Плесси прочь из дворца, в укромную часть галереи.

Он подал знак секретарю, который следовал за ними, и тот протянул министру черный бархатный портфель с несколькими папками. Кольбер вытащил оттуда пожелтевший листок.

– Сударыня, вам, вероятно, известно, что я не придворный, не дворянин, а всего лишь суконщик. Так что после того, как мы с вами побеседовали о делах, я понял, что вы, хоть и принадлежите к знати, занимаетесь торговлей... В сущности, я обращаюсь к вам за советом как к члену купеческой гильдии...

Он старался придать своей речи игривый тон, но это плохо ему удавалось. Анжелика была раздосадована. Когда наконец ей перестанут тыкать в нос ее шоколадом?

Она прикусила губу. Однако, взглянув на Кольбера, заметила, что, несмотря на холод, лоб у него мокрый от пота. Парик сбился набок, и похоже, утром министр вытолкал взапой своего цирюльника.

Предубеждение маркизы рассеялось. Не станет же она ломаться...

– Да, я занимаюсь торговлей, однако гораздо менее значительной, чем то, о чем вы говорите, господин министр. Чем я могу быть вам полезна? – степенно ответила она.

– Пока не знаю, сударыня. Смотрите сами. Я обнаружил ваше имя в списках акционеров Ост-Индской компании. Мое внимание привлекло то, чего я раньше не знал: что вы знатного происхождения. Вы являете собой особый случай, а когда мне сказали, что вы процветаете, я подумал, что вы могли бы просветить меня относительно некоторых неизвестных мне подробностей, касающихся этой компании...

– Господин министр, вам не хуже моего известно, что эта компания, так же как дублирующая ее компания Ста Акционеров, пятью акциями которой я тоже владела, торговала с Америкой, а теперь они не стоят ни су!

– Я говорю вам не о стоимости акций, которые нынче и правда не котируются, а о ваших реальных прибылях, которые вы должны были извлечь из торговли, когда другие теряли деньги.

– Единственная моя реальная прибыль заключалась в том, что я усвоила, чего *не следует делать*, и я очень дорого заплатила за эту науку. Потому что делами управляли воры. Они рассчитывали на чудотворные барыши, тогда как успех дела в дальних краях – это всегда *результат*

труда.

Лицо Кольбера, изборожденное морщинами, прочерченными бессонными ночами, осветилось неким подобием улыбки. Она коснулась его глаз, но губы остались по-прежнему крепко сжатыми.

– То, что вы мне говорите, в некотором смысле напоминает мой собственный девиз: «Труд может все».

– «Именно желание придает удовольствие всему, что предстоит сделать, – на одном дыхании продекламировала Анжелика, подняв указательный палец, – и прилежание доставляет радость».

Теперь улыбка осветила все угрюмое лицо министра, так что оно стало почти приветливым.

– Вам известна даже фраза из моего доклада относительно оной отдаленной компании, – удивленно и с волнением произнес он. – Интересно, много ли есть среди уважаемых акционеров компании людей, давших себе труд прочесть мои слова.

– Мне было интересно знать, что думает об этом власть, которую вы представляете. Дело само по себе было жизнеспособно и логично.

– Следовательно, вы полагаете, что подобное предприятие может и должно работать? – заинтересовался министр.

Однако он сразу успокоился и бесцветным голосом перечислил тайные авуары мадам дю Плесси-Бельер, она же мадам Моран:

– Единоличное владение оборудованным двенадцатью пушками шестисоттонным судном «Святой Иоанн Креститель», который доставляет вам с Мартиники и Сан-Доминго какао, перец, пряности и древесину ценных пород...

– Совершенно точно, – подтвердила Анжелика. – Надо было развивать мою торговлю шоколадом.

– Капитаном у вас на нем корсар Гинан.

– Верно.

– Когда вы принимали его на службу, было ли вам известно, что он подчинялся господину Фуке, в настоящее время находящемуся в тюрьме? Вы, мадам, не задумывались о том, сколь опасно подобное поведение, или это вам Фуке посоветовал?

– Я не имела случая беседовать с господином Фуке, – сказала Анжелика.

Она чувствовала себя очень беспокойно. Кольбер всегда действовал как непримиримый враг Фуке и тайно плел коварные сети, в которые тот в конце концов и попался.

– А ваше судно? Вы отправляете его в Америку. Почему не в

Индию? – сухо поинтересовался Кольбер.

– В Индию? Я думала об этом. Однако французское судно не смогло бы действовать в одиночку, а на покупку нескольких кораблей у меня нет средств.

– Однако ваш корабль беспрепятственно преодолевает путь до Америки?

– В этом направлении можно не опасаться берберских корсаров. Из-за них судно не имеет никаких шансов обогнуть острова Зеленого Мыса, и если его не задержат по дороге из Франции, это непременно случится на обратном пути.

– Тогда как же этого удастся избежать невероятно процветающим голландским и английским компаниям?

– Они следуют караваном, выходят из Гааги или Ливерпуля настоящей флотилией – от двадцати до тридцати крупнотоннажных судов. К тому же не совершают больше двух походов в год.

– А почему же французы не последуют их примеру?

– Господин министр, уж если вы этого не знаете, откуда же знать мне? Может, дело в характере? Или в деньгах? Могу ли я в одиночку позволить себе содержать персональную флотилию? К тому же для французских судов потребовался бы еще промежуточный порт стоянки на полпути в Восточную Индию.

– К примеру, остров Дофина?

– К примеру, остров Дофина, но только при условии, что управлять этим предприятием будут не военные, а главное, и не наша знать.

– Тогда кто же?

– Да попросту те, кто привык осваивать новые территории, торговать и считать, я хочу сказать, купцы, – уверенно ответила Анжелика и неожиданно рассмеялась.

– Сударыня, мы говорим о серьезных вещах! – возмутился задетый за живое Кольбер.

– Простите, я вдруг представила себе, как благородный господин маркиз де Лавальер высаживается на пустынный берег и видит бегущую к нему толпу совершенно нагих дикарей. Половину он тут же перебил бы, а вторую взял в рабство.

– Рабы являются необходимым и доходным товаром.

– Не отрицаю. Но когда речь идет о том, чтобы устроить прилавки и открыть филиал в какой-нибудь новой стране, такой метод неприемлем. Это еще мягко сказано, хотя вполне объясняет неудачи французских походов и тот факт, что поселившихся в тех местах французов

периодически истребляют.

Господин Кольбер бросил на нее взгляд, в котором можно было прочесть восхищение.

– Черт побери, я и подумать не мог... – Он поскреб плохо выбритый подбородок. – За десять минут я узнал больше, чем за десятки бессонных ночей, проведенных над бесполезными докладами.

– Господин министр, мое мнение следует взвесить. Я слушаю нарекания торговцев и мореплавателей, но...

– Их словами не следует пренебрегать. Благодарю вас, сударыня. Буду очень признателен, если вы сообразоволюте подождать меня полчаса в передней.

– Сколько угодно, господин министр...

Она вернулась в переднюю, где от злорадствующего маркиза де Лавальера узнала, что ею интересовался Лувуа, но, не найдя, отправился обедать.

Анжелика сдержала приступ досады. Она рассчитывала на Лувуа. Она так ждала разговора с молодым военным министром, чтобы добиться должности при дворе, а теперь, из-за непредвиденной встречи с Кольбером, который завел разговор о морской торговле, она упустила свой шанс. Однако время подгоняло. Какая еще нелепая идея могла вырваться в голове Филиппа? Если Анжелика будет слишком открыто сопротивляться мужу, он вполне может снова запереть ее. Мужья имели абсолютную власть над женами. Ей необходимо укорениться при дворе, пока не поздно...

От ярости Анжелике хотелось затопать ногами, к тому же отчаяние ее еще удвоилось, когда придворным объявили, что его величество перенес аудиенцию на завтра и все могут быть свободны.

На пороге к ней подошел секретарь господина Кольбера:

– Не соизволит ли госпожа маркиза последовать за мной? Вас ожидают.

Помещение, куда привели Анжелику, отличалось прекрасными пропорциями, но было не таким просторным, как гостиные. Пугающе огромным ей показался лишь очень высокий потолок, украшенный живописным плафоном с пейзажем, где на фоне голубого неба среди белых облаков высился Олимп. Окна закрывали темно-синие шелковые занавеси, затканые золотыми и серебряными лилиями. Таким же шелком были обиты кресла с высокими спинками и три стоящих вдоль стены табурета. Деревянные панели, как во всех помещениях Версаля, были декорированы инкрустациями из искусственного мрамора в виде плодов, виноградных

лоз и гирлянд. Все это великолепии сверкало новым сусальным золотом, тщательно нанесенным на каждую деталь, листик за листиком. Сочетание золота с темно-синим шелком придавало всему ансамблю отпечаток строгости и великолепия.

Комната была создана мужчиной для мужчины. Это Анжелика сразу отметила.

Господин Кольбер стоял к ней спиной. В глубине комнаты был расположен стол со столешницей из цельного куска черного мрамора на львиных лапах золоченой бронзы. У стола сидел король.

Пораженная, Анжелика замерла на месте.

– А вот и агент моей разведки, – обернувшись, сказал министр. – Прошу вас, сударыня, подойдите поближе и извольте поделиться с его величеством вашим опытом... скажем, опытом арматора... расскажите об Ост-Индской компании. Это под особым углом осветит аспекты проблемы.

Людовик XIV поднялся навстречу Анжелике с галантностью, которой он удостаивал каждую женщину, даже самого скромного положения. Осознав, что в растерянности даже не сделала придворный реверанс, она, проклиная в душе господина Кольбера, присела в глубоком поклоне.

– Мне известно, что вы не имеете обыкновения шутить, господин Кольбер, – произнес король, – но я не предполагал, что агент разведки, глашатай судовладельцев, о котором вы говорили мне, предстанет в образе одной из дам нашего двора.

– И тем не менее госпожа дю Плесси-Бельер является влиятельным акционером компании. В намерении вести торговлю в Индии она снарядила судно, но вынуждена была отказаться от своей затеи, обратив свои усилия на Америку. И сейчас она изложит вам причины такого решения.

Анжелика размышляла, как ей себя повести. Король терпеливо ждал. Его карие глаза рассматривали молодую женщину. Она успела прочесть в них ту отличающую большинство поступков Людовика XIV кропотливую и осмотрительную мудрость, столь поразительную для двадцатисемилетнего государя, которую пока мало кто из его министров успел разглядеть. На губах короля появилась тень улыбки, и он приветливо спросил:

– Отчего вы смущаетесь?

– Мне известно, что ваше величество не любит своеобразных репутаций. Полагаю, это как раз мой случай: быть одной из дам, принятых при дворе, и заниматься судоходством... Вот я и опасюсь, что...

– Можете говорить откровенно, не боясь вызвать мое раздражение.

Судоходство или что-то другое, вот увидите, при дворе чего только нет, так что я уже ничему не удивляюсь. Если господин Кольбер полагает, что ваши сведения помогут нам прояснить ситуацию, то говорите же, сударыня, и пусть вас заботит лишь возможность послужить интересам королевства.

Он не предложил Анжелике присесть, отметив таким образом, что принимает ее как одного из своих соратников, каковые, вне зависимости от возраста и достоинства, никогда не должны были сидеть в его присутствии, если только он специально не предлагал им.

Ей пришлось объяснить королю, почему, несмотря на прибыль, которую она рассчитывала получить, снарядив судно, она отказалась торговать с Восточной Индией: из-за опасности нападения бороздящих океан от Португалии до берегов Африки берберских пиратов, чьим единственным промыслом был грабеж одиноких судов. Не преувеличивает ли она ущерб, наносимый пиратами? Ведь многие французские корабли отваживаются на одиночное плавание и со славой возвращаются из долгого путешествия через мыс Доброй Надежды. Анжелика заметила, что речь идет не о торговых судах, а о корсарах, рассчитывающих на быстроходность своего корабля, чтобы избежать встречи с берберами, которые плавают с почти пустыми трюмами, довольствуясь только торговлей золотом, жемчугом и драгоценными камнями. А груженное товарами крупнотоннажное судно не способно уйти от юрких алжирских или марокканских галер. Они окружают его, словно муравьи – навозного жука. Пушки зачастую стреляют слишком далеко. Экипажу остается лишь рассчитывать на победу в рукопашной во время абордажа. Так было дважды с ее судном «Святой Иоанн Креститель», которое благодаря матросам сумело избежать разграбления. Но не кровопролитного боя. Один произошел в открытом море в виду Гасконского залива, другой – на стоянке у острова Горе. Было убито и ранено много членов экипажа. И она отказалась от этой затеи.

Король задумчиво слушал.

– Значит, все дело в эскорте?

– Отчасти, сир. Англичане и голландцы выходят в море группами, в сопровождении военных судов. Так им удается поддерживать свою торговлю.

– Я не очень-то жалую этих торговцев соленой селедкой, однако было бы глупо не перенять у наших врагов их методы, коли они хороши. Организуйте это, Кольбер. Крупные караваны больших торговых судов под охраной военных кораблей.

Некоторое время король с министром обсуждали детали нового проекта, затем государь, неожиданно повернувшись к Анжелике, поинтересовался, почему она скептически относится к этой идее. Ей пришлось признаться, что она считает коллективные походы противными французскому духу. Каждому хочется вести свое дело по-своему. Кое-кто из арматоров согласился бы выйти в море вместе, а у других не найдется денег, чтобы оснастить судно. Анжелика уже делала попытки найти единомышленников для формирования серьезного конвоя, но ей это никогда не удавалось.

Рука Людовика XIV легла на стол, и он тяжело оперся на нее.

– На сей раз они станут действовать по приказу короля, – произнес он.

Анжелика смотрела на эту руку, в которой уже ощущалась сила монаршей воли. Прошло уже больше часа, как они разговаривали в кабинете, и ей казалось, что король не отпустит ее, что она открыла ему не все тайны своего удачного – или неудачного – опыта судовладелицы. Он обладал даром задавать вопросы, заставляя собеседника подвести итог. Каковы другие причины провала похода к Восточной Индии? Продолжительность пути, отсутствие французского порта для стоянки... Он об этом уже подумал. Неужели она не слышала, что два года тому назад им была отправлена экспедиция для подтверждения владения островом Дофина? Да, она знает, но никто особенно на эту экспедицию не рассчитывал, потому что она была обречена на провал.

Король вздрогнул и стиснул зубы.

– И откуда же это вам известно? Я только что принимал посланника господина де Монтверга, главы экспедиции. Его помощник несколько дней назад высадился в Бордо... Утром он прибыл в Версаль с приказом не общаться с кем бы то ни было до встречи со мной. Отложив все важные дела, я принял его, и он только что вышел из моего кабинета. Неужели он позволил себе болтать?

Пришлось сказать все. О том, что мореплаватели уже давно были в курсе сложностей, с которыми столкнулась экспедиция на остров Дофина. Что несколько судов взяли на борт больных цингой или раненных в боях с дикарями... Так что арматоры оказались осведомлены быстрее, чем король, благодаря связям между судами разных стран, перевозившими почту... Почему экспедиция была обречена на провал, будучи только военной, хотя следовало бы привлечь купцов, и так далее...

Анжелика уверенно говорила о морских делах, потому что, как у каждого обладающего живым воображением человека, перед ее глазами сразу возникали точные образы. А пристальное внимание короля

придавало ей сил.

На пороге этого кабинета умолкали фривольные сплетни, нескончаемая болтовня придворных, и, пока снаружи шумел праздник, в нем решалась судьба мира. Так работал король, способный уединиться здесь от всех и вся, чтобы каждую минуту идти к одной-единственной цели.

Только когда он поднялся, Анжелика почувствовала, как она устала, как проголодалась, и осознала, что только что она, как со старинным другом, два часа проговорила с королем. Кольбер откланялся. Анжелика собиралась последовать за ним, но Людовик удержал ее:

– Извольте остаться, сударыня.

Обойдя стол, король приблизился к своей собеседнице. Он был спокоен, любезен. Он собрался что-то сказать, но передумал. Взгляд государя блуждал по обращенному к нему лицу молодой женщины и внезапно под внешней привлекательностью как будто обнаружил то, чего никогда бы не стал искать в нем: душу, мысль, личность.

Тихо и задумчиво он спросил:

– Придете ли вы завтра на мою охоту?

– Сир, имею твердое намерение быть.

– Я поговорю с маркизом дю Плесси, чтобы он поддержал ваши добрые намерения.

– Сир, благодарю вас.

В комнате установилось молчание. Анжелика не поняла, почему неожиданно ее сердце дважды гулко стукнуло. Она почувствовала, что краснеет.

Между тем в кабинете появился королевский постельничий герцог де Шаро:

– Будет ли его величество присутствовать на большом ужине или желает, чтобы ему подали отдельно?

– Раз уж большой ужин предусмотрен, не станем разочаровывать бездельников, совершивших путешествие в Версаль, чтобы участвовать в нем, – ответил король. – Идемте к столу.

Анжелика сделала реверанс и повторила его на пороге кабинета.

Его величество спросил:

– Мне кажется, у вас есть сыновья? Сколько им лет? Могут ли они служить при дворе?

– Сир, они еще слишком юны: одному семь, другому девять лет.

– Ровесники дофина. Он скоро выйдет из-под женской опеки и будет передан гувернеру. Мне бы хотелось заодно обеспечить мальчика

товарищами, которые могли бы разделить его игры и помочь немного встряхнуться. Представьте нам своих детей.

Под завистливыми взглядами собравшихся придворных Анжелика в третий раз присела в реверансе.

Глава VIII

Близился королевский ужин.

Целая армия слуг под командованием своих предводителей накрыла стол и расставила стулья согласно этикету. После тщательного осмотра зала распорядитель открыл двери для жаждущих присутствовать при трапезе его величества придворных. Они разместились в заранее оговоренном порядке, а в передней и коридорах теснилась публика, которой будет дано разрешение пройти вдоль королевского стола.

Людовик XIV остановился в дверном проеме и в ответ на реверансы присутствующих слегка наклонил голову. Затем он с улыбкой вошел в зал и занял место за столом.

Месье, его брат, тут же поспешил с глубоким поклоном подать ему салфетку.

Стоя за спиной государя, главный камергер крепко стиснул свою салфетку, а взгляд его красноречиво свидетельствовал, что он никому, даже принцу крови, не позволит отобрать ее.

В передней гвардейцы призывали присутствующих освободить проход – по коридору, напоминая церковную процессию, шла свита.

Гвардеец при полном параде возглавлял шествие слуг, которые несли на плечах огромную раку, покрытую тканью с золотым и серебряным шитьем. За ними следовал мажордом с жезлом, распорядитель зала, дворянин-хлебодар, офицеры, секретари и буфетчики.

В раке находилось блюдо короля.

Перед королевским столом медленно проходила публика. Парижские мещане и мещанки, мелкие служащие, ремесленники, рабочие, женщины из народа. Каждый старался запечатлеть образ вкушающего ужин короля Франции, ослепительное сверкание хрусталя и золотой посуды.

Король говорил мало, но от его взгляда ничто не могло укрыться. Анжелика не раз замечала, как он слегка приподнимался, чтобы поприветствовать какую-нибудь входящую придворную даму, при виде которой камергер спешно приказывал принести еще один табурет. Другим дамам, напротив, не полагалось ни приветствия, ни табурета. Этих дам, «не сидячих», было большинство. Анжелика входила в их число и уже ног под собой не чувала от долгого стояния.

Госпожа де Шуази шепнула ей:

– Я слышала, что король давеча говорил вам про ваших сыновей.

Голубушка, вам повезло! Даже не сомневайтесь! Ваши сыновья далеко пойдут, если таким образом вы приучите их знать только с достойными людьми. Они с детства привыкнут галантно вести себя и на всю жизнь сохранят манеры, которые помогут им преуспеть при дворе. Вот, например, мой сын-аббат. Я с самого раннего детства поощряла это направление. Ему еще нет двадцати, а он уже сумел устроить так, что скоро получит епископский сан.

Но сейчас Анжелику гораздо меньше заботило будущее Флоримона и Кантора, нежели возможность перекусить, да к тому устроившись поудобнее.

Она постаралась как можно незаметнее покинуть пиршественный зал и неожиданно наткнулась на общество дам, усевшихся за игорными столиками. Лакеи проносили блюда со съестным, и красавицы, не отрывая взглядов от карт, поклевывали из них.

Какая-то высокая полная дама встала из-за стола, подошла к Анжелике и расцеловала ее в обе щеки. Это была Великая Мадемуазель, старшая дочь брата Людовика XIII.

– Всегда рада вас видеть, красавица. Мне кажется, вы игнорируете двор. Последние месяцы меня это очень удивляло, но я не осмеливалась спросить короля. Вы же знаете, мои разговоры с ним всегда плохо начинаются и никогда не заканчиваются ничем хорошим. Несмотря на то, что он мой кузен и мы невероятно привязаны друг к другу. И вот наконец вы здесь. Вы кого-то ищете?

– Да простит мне ваше высочество, я ищу, куда присесть.

Добрая принцесса озабоченно огляделась:

– Здесь для вас это совершенно невозможно, потому что среди нас Мадам.

– К тому же, ваше высочество, мне известно, что мой титул не позволяет мне сидеть в вашем присутствии.

– Тут вы ошибаетесь. Вы знатная дама, а я всего лишь внучка Франции по дедушке, Генриху Четвертому. Так что у вас есть право сидеть при мне на полу и даже на табурете, что я с удовольствием и предложила бы вам, дружочек. Но в присутствии Мадам, супруги Месье, это невозможно, совершенно невозможно.

– Понимаю. – Анжелика вздохнула.

– Однако знаете что, – продолжала Великая Мадемуазель, – сыграйте с нами. Нам нужна партнерша. Нас только что покинула вконец разорившаяся госпожа д'Артиньи.

– Как же я могу играть, не присев?

– Но вы можете сесть! – с раздражением воскликнула другая дама. – Идите сюда. Идите же.

И она потянула Анжелику поклониться Мадам, которая, с картами в одной руке и крылышком дичи в другой, послала ей рассеянную улыбку.

Однако не успела Анжелика занять место за карточным столом, как ее решительно схватила за руку госпожа де Монтеспан:

– Сейчас самое время представить вас королеве. Поспешим.

Госпожа дю Плесси пробормотала присутствующим свои извинения и быстрыми шагами последовала за подругой.

– Атенаис, – попросила она на ходу, – просветите меня относительно «права табурета». Мне самой не разобраться. Когда, почему, при каких обстоятельствах и обладая каким титулом придворная дама имеет право опустить свой зад на сиденье?

– Почти никогда. Ни в присутствии короля, ни в присутствии королевы, разве что она принадлежит к королевской семье. Впрочем, есть разного рода правила и исключения. Ах уж это право табурета! Со времен двора старинных кельтских королей добиться получения этой привилегии – мечта каждого, а главное, каждой. Мне думается, что в те времена такое право касалось только мужчин. Традиция сохранилась при французском дворе и распространилась на женщин. Табурет представляет собой знак очень высокого чина или очень большой милости. Им пользуются лица, принадлежащие к дому королевы или короля. Но бывают и отдельные исключения.

– Какие?

– Например, игра. Если вы участвуете в игре, то можете сидеть даже в присутствии монархов. Если занимаетесь вышиванием, тоже. По меньшей мере, надо держать в руках нечто похожее на рукоделие. Есть притворщицы, которые просто-напросто крутят в пальцах бант. В конце концов, как вы понимаете, есть множество способов все уладить...

Вокруг королевы суетились камеристки, которые одевали и причесывали ее к вечернему празднеству. Перед ней на туалетном столике были расставлены шкатулки с драгоценностями. Мария-Терезия поочередно примеряла золотые и серебряные кольца с бриллиантами, браслеты, диадемы. Надела крупные грушевидные серьги с бриллиантами невиданного размера – говорили, будто они доставлены из Индии.

Присев бесчисленное количество раз в глубоком реверансе и поцеловав королеву в руку, Анжелика встала в сторонке. Она вспоминала, как впервые

увидела инфанту в день ее бракосочетания с королем в Сен-Жан-де-Люз. Где светлые, почти бесцветные шелковистые волосы с подложенными для пышности накладками? Где тяжелые испанские юбки, поддерживаемые, согласно свято хранимой традиции, старомодными фижмами в форме обруча? Теперь государыня была одета на французский манер, что совсем не шло к ее дородной фигуре. Ее лицо, прежде такое нежное, с бело-розовой кожей, тщательно оберегаемое в тени мадридского дворца, покрылось пятнами и прожилками. У нее часто краснел нос. Можно было только удивляться, как, оказавшись в столь невыгодном положении, бедняжка сохранила естественное величие. Несмотря на благочестие и недалекий ум, она обладала веселым нравом. Испанский характер проявлялся в приступах бешеной ревности и страсти, которую она питала к королю. Она любила придворные увеселения и сплетни и наивно радовалась малейшему проявлению внимания со стороны короля.

Перехватив взгляд Анжелики, королева коснулась пальчиком бриллиантового ожерелья, сверкающего на ее груди.

– Смотреть следует сюда... а не сюда, – закончила она, слабо улыбнувшись, и указала на свое лицо.

В углу карлики резвились с любимыми собачками королевы. Баркароль заговорщицки подмигнул Анжелике.

Затем все отправились прогуляться по саду – погода да и время благоприятствовали этому. Факельное шествие вызвало большой переполох при дворе, все бросились переодеваться.

Анжелика воспользовалась комнатой, отведенной фрейлинам королевы. Госпожа де Монтеспан укоризненно заметила подруге, что ее украшения слишком неприметны для нынешнего вечера. Послать за другими в Париж, в особняк на улице Ботрейи, не оставалось времени. К Анжелике незамедлительно были направлены два придворных ломбардских ювелира, готовые в обмен на скромное вознаграждение уступить ей на несколько часов великолепные драгоценности. Целая кипа документов гарантировала, что августейшие клиенты не сбегут неизвестно куда, прихватив с собой взятые напрокат украшения.

Анжелика подписала бумаги и, освободившись от «скромной» суммы в двести ливров (!) – на эти деньги она могла бы купить себе по меньшей мере два драгоценных браслета, – спустилась в большую галерею на первом этаже, где был устроен театр.

Король уже занял свое кресло. Строгости этикета не оставили ни одного свободного места. Анжелике пришлось довольствоваться доносящимися до нее взрывами смеха зрителей из первых рядов.

– Что вы думаете об уроке, преподнесенном нам господином Мольером? – произнес у нее над ухом чей-то голос. – Не правда ли, очень поучительно?

Голос был таким приветливым, что, увидев Филиппа, Анжелика решила, что ей пригрезилось. Он возник перед ней как привидение, в расшитом серебром парадном туалете из розового атласа. Только он со своим великолепным цветом лица и светлыми усами мог, не боясь показаться смешным, позволить себе подобный наряд. Маркиз улыбался; Анжелике стоило труда держаться естественно.

– Разумеется, урок господина Мольера презабавнейший, однако вынуждена признаться, что со своего места я мало что поняла.

– Очень жаль. Позвольте мне помочь вам подойти поближе.

Обняв жену за талию, он увлек ее за собой. Зрители охотно расступались перед ними. Всем известная благосклонность короля к Филиппу придавала придворным любезности. К тому же маршальское звание обеспечивало маркизу дополнительные права, например въезжать в карете прямо во двор Лувра или сидеть в присутствии короля. Однако на Анжелику привилегии мужа не распространились.

Они легко нашли себе место справа от сцены. Пришлось стоять, зато слышно было превосходно.

– Мы нашли удачное место, – сказал Филипп. – Отсюда мы можем видеть спектакль, а нас видит король. Великолепно.

Он по-прежнему обвивал рукой талию Анжелики. К тому же склонился к ней, так что она ощутила щекой шелковистое прикосновение его волос.

– Вам необходимо прижиматься ко мне? – вполголоса сухо поинтересовалась она, по здравом размышлении рассудив, что к новому поведению мужа следует относиться с подозрением.

– Совершенно необходимо. Своими злобными выходками вы ловко втянули в игру короля. А я не хочу, чтобы его величество сомневался в моих добрых намерениях. Желания короля – закон.

– Ах вот оно что. – Анжелика взглянула на него.

– Да, именно так... И продолжайте смотреть на меня. Пусть никто не сомневается, что господин и госпожа дю Плесси-Бельер помирились.

– Это столь важно?

– Желание короля.

– О! Вы...

– Стойте смирно.

Анжелика ощутила, как его рука железной хваткой еще сильнее сжала

ее талию, хотя голос оставался спокойным.

– Чудовище, вы меня задушите!

– Ничто не доставило бы мне большего удовольствия. Терпение; как знать, может, так и случится. Однако сейчас не место и не время... Смотрите, а вот и Арнольф, сейчас он заставит Агнесу читать одиннадцать правил супружества. Прошу вас, мадам, прислушайтесь.

Разыгрываемая пьеса еще не была представлена парижской публике. Король первым видел ее. На сцене Арнольф, вступая в законный брак, нес своей молодой жене какую-то нескончаемую тарабарщину:

В кармане у меня и руководство есть,
Где жен обязанность изложена исправно.
Не знаю автора, но, верно, малый славный.
Вот собеседник вам на каждый день и час.
Теперь читайте вслух – я буду слушать вас^[3].

Роль Арнольфа исполнял сам Мольер. Его одухотворенное лицо преобразилось, передавая мелкие подозрения недалекого мещанина. Жена комедианта, Арманда Бежар, тоже была прекрасна в образе Агнесы, юной и якобы простодушной и глуповатой красавицы. Бойко и послушно она читала:

Жене, что по закону, честно
На ложе мужнее идет,
Должно быть хорошо известно,
Каков бы ни был обиход,
Что муж, ее беря, лишь для себя берет.

Арнольф отвечал:

Я после объясню вам этих слов значенье.
Пока читайте сплошь, не прерывая чтенья.

Прелестница продолжала:

Благоразумная жена
И платье надевать должна,
Какое только муж захочет.
Красива ли жена – оценит муж один,
И что одобрил господин...

Анжелика рассеянно слушала. Комедия нравилась ей, но близость Филиппа настораживала.

«Ах, если бы он искренне обнимал меня, – думала она, – без злых воспоминаний о наших размолвках...»

Ей хотелось повернуться к нему и сказать: «Филипп, давай прекратим вести себя как сварливые, неуживчивые дети... Я чувствую, что между нами есть многое, что позволило бы нам понять друг друга, а возможно, и полюбить. И я надеюсь. Ведь ты был моим старшим кузенком, я тобой восхищалась, о тебе я мечтала в детстве».

Она украдкой поглядывала на него, удивленная, что ее волнение не передается его великолепному телу, столь мужественному, несмотря на жеманный наряд. Напрасно в придворных кругах распускали ужасные сплетни о маркизе дю Плесси: он не был ни жалким типом, ни лотарингским проходимцем. Рядом с ней стоял бог Марс – бог войны, суровый, неумолимый и холодный, как мраморная статуя.

Где, под какой маской скрывалось живое тепло этого человека, казалось бы лишённого обычных человеческих реакций? Анжелике казалось, что она для него всего лишь деревянная кукла; обидно.

В своей нравоучительной комедии «Школа жен» господин Мольер думал только об обычных мужчинах, таких как все, мещанах или дворянах, которые выходят из себя, когда их обманывают, становятся посмешищем ради пары прекрасных глаз и бледнеют, если хорошенькая женщина чересчур томно притрагивается к ним. Но к такому, как Филипп дю Плесси, психология великого комедиографа неприменима. Как к нему подобраться?

В это время на сцене Арнольф узнает, что Агнеса не только не любит его, но вдобавок к тому питает страсть к светлокудтому Орасу. Арнольф раздражается проклятьями:

Не знаю, для чего я трачу время даром
И не закончу спор хорошеньким ударом.

С ума сведет меня ее насмешек лед,
А хлопну раза два – и сердце отойдет.

В своем притворном гневе Мольер был великолепен и одновременно столь искренен. Все знали, что актер ревнив и страдает от кокетства чересчур хорошенькой Бежар.

О странности любви! Изменницам в угоду
Теряем силу мы и отдаем свободу.
Известно каждому, как много между них
Нелепых выдумщиц и ветрениц пустых;
Коварны мысли их, сердца непостоянны,
В решениях слабы, в желаниях престранны,
Чужда им честь – и все ж их любит целый свет,
Как будто лучше их на свете зверя нет.

- Ха-ха-ха! – веселились зрители.
- Глупцы, – вполголоса произнес Филипп. – Смеются. Хотя нет среди них ни одного, кто не считал бы, что «лучше их на свете зверя нет»...
- По крайней мере, в их жилах течет кровь, – возразила Анжелика.
- А головы забиты глупостями!

Нет, полно дерзости мне выносить от вас! —

вопил Арнольф.

И если речи вас мои не обуздали,
То я вас вытряхну немедленно подале.
Меня отвергли вы, не внемлете добру —
Я в монастырскую упрячу вас дыру!

Партер сотрясался от смеха.

– Пожалуй, конец мне нравится, – сказал Филипп. – А каково ваше мнение, сударыня?

– Этот Мольер – ловкач, – продолжал он, помолчав. Представление закончилось, зрители через сад возвращались в зал. – Знает, что пишет в

первую очередь для короля и двора. Поэтому выводит на сцену мещан и простолюдинов. Однако, когда он пишет образ вечного мужчины, каждый все-таки чувствует себя задетым.

«А наш Филипп не так глуп», – удивилась Анжелика.

Он взял ее за руку. Подобная вольность испугала Анжелику.

– Не бойтесь, я вас не обожгу, – сказал Филипп. – На глазах у публики я не причиню вам никакого вреда, мы условились. Принцип главного ловчего. Дрессировка должна проводиться при закрытых дверях и с глазу на глаз. Обсудим лучше наши дела. Вы согласны? Первый тур. Вы выиграла в первом забеге, вынудив меня на вас жениться. Я обошел вас во втором, подвергнув небольшому заслуженному наказанию. Но победа за вами, поскольку, несмотря на мои запреты, вы появились в Версале и радушно приняты здесь. Признаю себя побежденным, и мы начинаем второй тур. Выкрав вас, я выигрываю первый забег, сбежав, вы одерживаете верх во втором. Однако было бы любопытно узнать, как вам это удалось. Пока счет опять равный. Кто выиграет на сей раз?

– Судьба рассудит.

– Или сила нашего оружия. Возможно, вы снова победите. Ваши шансы очень велики. Однако будьте осторожны! Хочу предупредить вас об одной вещи: итог турнира подведу я. У меня репутация человека, упорно идущего к своей цели и не отступающего со своих позиций. На что вы готовы поспорить, что в один прекрасный день, благодаря моим заботам, не окажетесь заточенной в каком-нибудь монастыре в глухой провинции и не будете прясть кудель без всякой надежды когда-нибудь оттуда выбраться?

– На что готовы поспорить вы, что в один прекрасный день не влюбитесь в меня до беспамятства?

Филипп замер и глубоко вздохнул, словно одно лишь подобное предположение повергло его в крайнее негодование.

– Ну что же, коли вы предлагаете, давайте держать пари, – со смехом продолжала Анжелика. – Если выигрываете вы, я отдаю вам все свое состояние, торговлю и суда. К чему мне все это, не правда ли, если я окажусь в заточении: изуродованной, истощенной, обезумевшей от пережитых страданий?

– Вы смеетесь, – сказал он, глядя на нее. – Вы смеетесь! – повторил он с угрозой в голосе.

– А вы бы чего хотели? Невозможно все время плакать.

И все же глаза ее наполнились слезами, а когда Анжелика подняла голову, чтобы взглянуть на мужа, он увидел на хрупкой шее маркизы

синяки, которыми она была обязана ему. Взятые напрокат ожерелье не могло их скрыть.

– А если победу одержу я, Филипп, – прошептала она, – то потребую, чтобы вы отдали мне золотую цепь, принадлежащую вашей семье со времен первых королей. Ту, которую старший сын надевает на шею своей невесте. Уже не припомню связанной с этим украшением легенды, однако знаю, что говорят, будто она обладает магическим даром придавать доблести и отваги женщинам рода дю Плесси-Бельер. Со мной вы отступили от этой традиции.

– Вы в этом не нуждались, – сухо возразил Филипп.

И, оставив ее, широким шагом направился к дворцу.

На следующий день на заре весь двор скакал к лесу.

Охота оказалась очень удачной. К полудню во мху лежал великолепный олень, увенчанный рогами с десятью отростками.

Возвращаться в Сен-Жермен было решено сразу после раздачи собачьей доли. Анжелика ехала в карете, предоставленной ей госпожой де Монтеспан. Перед самым отъездом она увидела принца Конде, издали выражавшего ей дружеские чувства взмахами трости.

Анжелика присела в реверансе.

– Месье, – сказала она ему, – двор – поразительное место. У вас такой богатый опыт, не сообразовали ли дать мне несколько советов?

– Дитя мое, – отвечал тот, – при дворе следует делать только три вещи: хорошо обо всех отзываться, просить каждую освободившуюся должность и присаживаться где только возможно!

Глава IX

Из Версаля в Париж Анжелика отправилась в фиакре.

Погрузившись в свои размышления, она и не заметила, как оказалась дома. Ей не верилось, что прошло всего три дня. Новая жизнь при дворе занимала ее, тревожила и восхищала. Она даже не пыталась распутать существующие там сложные интриги. Роскошь и увеселения на сей раз покорили ее меньше, чем бурлящая жизнь этого замкнутого мира, рассчитанная, как балет, и взрывоопасная, как вулкан.

Покой особняка на улице Ботрейи пойдет ей на пользу. Она ощущала ломоту во всем теле, особенно ныли колени – из-за бесчисленных реверансов. Она подумала, что статус придворного, вероятно, до самого преклонного возраста способствует поддержанию гибкости мышц. Ей пока что явно не хватало закалки.

«Горячая ванна, легкий ужин – и в постель! Вряд ли Филипп готов заточить меня в монастырь уже завтра. И кто знает, быть может, нагоняй от короля хотя бы на некоторое время удержит его в рамках приличия».

Ею снова овладевал оптимизм. Она посмотрела на Париж и по сравнению с золотистыми далями Версаля нашла его в вечернем сумраке чересчур серым, зато там ее ждал отдых.

Ведущие в большой двор особняка ворота были распахнуты настежь.

«Следует незамедлительно отчитать привратника за подобный беспорядок», – подумала она, спрыгивая на землю, когда наемный экипаж остановился возле будки швейцара. Флипо, чья расторопность всегда уступала подвижности маркизы, сделал прыжок, чтобы успеть подхватить шлейф ее накидки.

– Мои извинения, простите, маркиза, – бормотал он.

Поглощенная зрелищем, разворачивающимся у нее на глазах, Анжелика даже не сделала лакею замечания.

– Да у меня в особняке настоящая деревенская ярмарка!

Двор, три дня назад оставленный ею совершенно пустым, теперь был забит колясками, наемными фиакрами, портшезами и даже тремя каретами, правду сказать, скорее скромными, зато очень громоздкими.

– Сдается мне, маркиза, к вам будто весь город прикатил. Видать, приняли ваше жилище за постоянный двор, уж вы не прогневайтесь.

Госпожа дю Плесси с трудом пробралась сквозь шумную разношерстную толпу кучеров и, без сомнения, низкоразрядных лакеев,

поскольку большинство из них не имели ни ливрей, ни отличительных знаков и даже не знали в лицо хозяйку особняка.

Один из них, источающий запах дешевого вина красноносый мужлан, проводил ее бранью:

– Куда спешишь, красотка, тебе еще рано! Там полно людей поважнее, а ждут они с самого утра.

Флипо проорал наглецу, что это владелица особняка. Тот не слишком забеспокоился:

– Брось пугать. Здешняя владелица – знатная дама, у нее богатств на миллионы, а король, говорят, ни на шаг от нее не отходит. Уж она бы не притащилась сюда в старой колыхаге и с одним-единственным мальчишкой-лакеем вроде тебя на запятках. Вот я, к примеру, всего-навсего состою на службе у главного лакея господина де Лавальера. И что? Он пусть только главный лакей, но богач, не то что твоя маркиза. Вон, глянь хоть на его карету там, в углу. Надеюсь, у вас не хватит нахальства пытаться пролезть раньше нас? Как бы не так!

Анжелика оттолкнула грубияна и проследовала дальше под неодобрительные выкрики дворни и грубоватые шутки.

Скрывая растущее беспокойство, она прошла в переднюю, плотно набитую совершенно незнакомыми людьми.

– Тереза! Марион! – позвала она.

Никто из слуг не появился. Но звук ее голоса слегка усмирил «захватчиков».

Один из них, в обильно расшитой позументом богатой ливрее, бросился к ней – и тут же принялся приседать в придворных реверансах, каких не отверг бы ни один принц.

– Да простит мне госпожа маркиза крайнюю вольность, которую я себе позволил, – начал незнакомец, побледнев и лихорадочно роясь в полах своего редингота. – Ах, наконец-то! – облегченно вздохнул он, извлекая оттуда пергаментный свиток, перевязанный роскошной шелковой лентой. – Я сьер Кармен, главный камердинер маркиза де Лавальера, и явился к вам с прошением о праве сдачи внаем карет между Парижем и Марселем...

При виде исписанного каллиграфическим почерком листка вся толпа принарядившихся горемык мгновенно покрылась белыми лепестками, точно внезапно зацветшее диковинное растение. Будто взмыла ввысь стая чаек. С одной только разницей, что эти «птицы» никуда не улетели.

– У меня тоже есть прошение: я бывший боевой офицер Людовика Тринадцатого. Взгляните на мою аккуратную бороду. Право снабжать стульями королевские спектакли целиком обеспечило бы остаток дней

старейшего из слуг королевства...

Несмотря на воинственную внешность, бедный старик трясся от немоги и был почти слеп.

Полная пожилая дама, по всей видимости из знатных, чья неоднократно залатанная шаль, однако, свидетельствовала о бедности, оттеснив ветерана, бросилась на землю к ногам Анжелики.

– Я баронесса де Водю, но мне крайне сложно поддерживать свое положение. Прошу вас всего лишь добыть для меня исключительное право разгрузки свежего улова в парижском порту, и вы осчастливите мою старость.

Первой реакцией Анжелики было неудержимое желание расхохотаться. Запинаясь, она спросила:

– Свежего улова? Но, бедная моя баронесса, с трудом верится, что вы можете отличить селедку от скумбрии...

Пожилая дама поднялась с колен и бросила на Анжелику змеиный взгляд:

– Фи, дорогая маркиза! Нежели вы полагаете, что я стану заниматься подобными ужасами. Разумеется, я найду старого марсельца, и он пожизненно будет платить мне за пользование привилегией, которую я непременно получу благодаря расположению к вам нашего всемогущего государя. Всего несколько су за каждую повозку с рыбой, въезжающую в ворота Сен-Дени.

Какой-то старичок с редкой бородкой решительно, с неожиданной для него силой оттолкнул баронессу:

– Госпожа дю Плесси-Бельер, вы непременно должны меня выслушать, клянусь вам, потому что я сделал научное открытие, однако это совершенно секретно.

– Сударь, я вас не знаю и не должна знать. Обратитесь к господину Кольберу: он интересуется учеными.

Тут вмешался добродушный колосс, которому поддакивал миловидный молодой человек:

– Давайте обсудим этого суконщика-скопидома! Он ни черта не смыслит в изящной словесности, а в науках – не более того. Сударыня, хотя бы не будьте несправедливы по отношению ко мне и месье Перро. Мы встречались у мадемуазель де Ланкло, а также у мадам де Севинье.

– Ах, я узнаю вас, господин де Лафонтен, и господина Перро, кажется, тоже! Вы ведь интендант королевских строений.

– Да, мадам, – покраснев, отвечал молодой человек.

– Заходите, – пригласила обоих Анжелика.

Она подтолкнула обоих в комнату на первом этаже, служившую кабинетом. И с облегчением выдохнула, когда ей удалось закрыть дверь.

Она заметила, что старик с бороденкой воспользовался возможностью и тоже прощмыгнул за ними следом, однако не стала затевать ссору, чтобы избавиться от него.

Надо сказать, ей не случалось беседовать с господином де Лафонтеном, но она столько раз видела его длинную фигуру в криво нахлобученном, траченном молью парике, что их можно было считать старыми знакомыми. Говорили, будто он любитель изящной словесности и пишет стихи. Еще ходили слухи, что он столь задумчив, что однажды целых три недели не вспоминал, что женат. Он забавлял Нинон своей рассеянностью и остроумием. Анжелика относилась к нему довольно сдержанно, обнаружив у него, живущего на королевскую пенсию, тысячу уловок прихлебателя, прибегающего к едва замаскированному попрошайничеству.

– Как и почему вы впутались в этот балаган? – строго спросила она. – Разве вы не знали, что я в Версале?

– Напротив, знали. Именно с тем, чтобы застать вас тотчас по возвращении из сих благословенных мест, мы с раннего утра томимся в передней. Слухи о благосклонности короля...

– Да что же это за благосклонность такая, о которой мне уже все уши прожужжали? – воскликнула Анжелика. – Неужто я единственная, кого принимали в Версале? Я появилась там почти впервые.

– Что не помешало королю беседовать с вами наедине больше двух часов.

– Наедине? Там находился господин Кольбер, и дело происходило в рабочем кабинете его величества... Знали бы вы, о чем мы беседовали, не придумывали бы всякий вздор. Речь шла о... Хотя вас это не касается.

– Вы совершенно правы, – просюсюкал Лафонтен с видом, который давал понять, что простому смертному не следует проникать в тайны богов. – Нам довольно знать, что Юпитер встретил Венеру, что их свидание проходило под покровительством Меркурия, и этот союз олимпийских богов может предвещать лишь самое огромное блаженство.

Анжелика рухнула на диван и раскрыла веер.

– Я не Венера, к тому же король не показался мне похожим на Юпитера. Что же касается господина Кольбера – вы ведь его имели в виду, упомянув Меркурия, – то ничего удивительного, если вы вызвали его недовольство. Должно быть, он решил, что вы насмехаетесь, потому что, несмотря на невероятные способности, у него нет ничего от персонажа с

крылышками на сандалиях.

– Если быть точным, я намекал на его необычайный коммерческий талант. Разве вам не известно, что Меркурия считают богом торговли?

– Я не знала. И господин Кольбер, полагаю, тоже. Какая печальная вещь – неведение! – скривив насмешливую гримаску, посетовала Анжелика.

– Вот почему этот тупой министр испытывает такое презрение к изящной словесности, – сварливым тоном заметил поэт.

– Разумеется, вы преувеличиваете...

– А как иначе объяснить только что совершенный им акт вандализма, когда он отобрал пенсии у трех четвертей писателей, которых поддерживал король?

– Однако я слышала, будто он сделал это для того, чтобы тщательно проштудировать вопрос и вернуть пенсии большинству литераторов, увеличив сумму...

– А как пока жить поэту, у которого всего-навсего пожетонная плата от Академии словесности в размере тридцати двух су в день?

– На тридцать су можно купить фунт отличного масла, две курицы, дюжину яиц, кувшин сидра и два фунта нута или бобов. И у вас еще останется, чтобы выпить чашку горячего шоколада в «Испанской карлице», – смеясь, отвечала молодая женщина, понявшая, к чему клонит столь же практичный, сколь и мечтательный поэт.

Добрейший Лафонтен стал похож на опечаленного комика.

– Увы, дорогая маркиза, хотя ваши подсчеты безжалостно точны, вы забыли о существующих тонкостях. Например, для получения пожетонной платы мы обязаны иметь присутственные часы, подтверждать нашу деятельность, как если бы труд поэта мог измеряться, как сукно, локтями! Короче, мы много работаем, значит, нам надо много есть.

Анжелика поднялась с дивана и вынула из шкатулки кошелек.

– Здесь хватит, чтобы вы смогли дождаться возвращения вашей пенсии, господин де Лафонтен. Что же касается благосклонности короля ко мне, на это особенно не рассчитывайте, потому что – вы же знаете – всеобщая молва вечно пытается сотворить из мухи слона.

Судя по выражению лица поэта в этот момент, помощь Анжелики превысила все его ожидания.

– А чего бы хотели вы, господин Перро? – обратилась она к молодому человеку.

Тот вздрогнул:

– Я, сударыня... Но... даже не знаю... То есть... ваши желания прежде

всего...

– Ах так, тогда выскажу их вам без малейшего смущения. Я хочу, чтобы меня оставили в покое и я смогла бы искупаться в горячей ванне.

– «Купание Сусанны»! – восторженно воскликнул Лафонтен. – О, прелестное полотно!

Когда Анжелика направилась к небольшой двери, ведущей в ее покои, поэт последовал за ней.

– Я не Сусанна, – категорическим тоном произнесла она, – а вы не старцы.

– А я – да, – поспешно отозвался третий визитер, о котором она и думать забыла.

– Что – вы?

– Я старец, если вам угодно, прекрасная дама... А еще я Савари, аптекарь, и мне необходимо видеть вас наедине, чтобы побеседовать о деле, касающемся короля, вас, а главное – науки.

– О, сжальтесь! – простонала Анжелика. – У меня болит голова, разве вам не понятно? И ни музыки, ни наука мне ничем не помогут. Послушайте, вот, вы тоже возьмите кошелек и уходите, прошу вас!

Старик с бородкой как будто не заметил денег, которые ему протягивала маркиза. Приблизившись, он властно сунул ей в рот что-то, что она от изумления немедленно проглотила.

– Ничего не бойтесь, сударыня! Это шарики от самых жестоких головных болей; их секрет я привез с Востока, я ведь аптекарь, как уже имел честь сообщить вам, да к тому же продавец москательных товаров и издавна торгую с Востоком.

– Вы торговец? – Анжелика с удивлением разглядывала его тщедушную старческую фигуру.

– Я помощник двух эшевенон Марсельской торговой палаты, вот почему я слышал, что господин Кольбер говорил, что вы ведете морскую торговлю.

Молодая женщина осторожно заметила, что ее единственное судно совершает рейсы только в Ост-Индию, и никогда – на Восток.

– Ничего, – упорствовал ее собеседник, – я не о вашем судне, а по поводу дела, в котором заинтересован лично король, да и вы тоже.

Анжелика с большим удовольствием послала бы его ко всем чертям. К тому же обе знаменитости Академии наконец учтиво удалились через заднюю дверь.

– Моя просьба покажется вам очень странной, – продолжал аптекарь, – нескромной и даже нелепой. Тем хуже! Ибо я надеюсь только

на вас и отступать не могу. Буду краток. Через несколько дней его величество будет принимать чрезвычайного посла, о визите которого пока даже не догадывается. Во всяком случае, это неофициально. Еще короче: посол его величества персидского шах-ин-шаха Надредина приедет вести переговоры с королем Франции о взаимном сотрудничестве и дружбе.

– А вы секретный агент персидского шаха? – улыбнулась Анжелика.

Лицо пожилого господина помрачнело от огорчения, что сделало его похожим на несчастного ребенка. Со стоном он продолжал:

– Увы! Я бы очень хотел! И справился бы не хуже другого. Персидский, турецкий, арабский и древнееврейский – языки, на которых я бегло говорю и пишу. Я пятнадцать лет провел в рабстве – сначала у султана в Константинополе, потом в Египте – и уже вот-вот должен был быть продан султану Марокко, который прослышал о моих познаниях в медицине, когда при посредничестве святых отцов с мыса Мерси одному моему родственнику удалось меня выкупить. Но дело не в этом. Я бы хотел, чтобы вы, в интересах вашего короля, а также лично в ваших и на благо науки, раздобыли крошечную частицу редчайшего товара, который посол непременно привезет нашему государю. Речь идет о минеральной жидкости, за неимением лучшего называемой «мумиё». Персы имеют его в чистом виде, я же сумел достать лишь образцы, взятые именно с мумий в египетских захоронениях. Оно применялось при их бальзамировании.

– И эту гадость вы заставили меня проглотить? – воскликнула Анжелика.

– А разве вам не стало лучше?

Она с удивлением заметила, что мигрень прошла.

– Вы маг! – с невольной улыбкой сказала маркиза.

– Всего лишь ученый-исследователь, сударыня. И если вы сможете достать мне образчик этой жидкости, я благословлю вас, потому что она поможет мне в работе, которой я посвятил всю свою жизнь. Мне никогда не удавалось раздобыть ни единой капли. Я только однажды видел ее в сосуде, охраняемом тремя мамелюками. Видел и нюхал. Она воняет на сто туазов вокруг. Отвратительный, хотя и восхитительный запах. Немного трупом и немного мускусом... Просто великолепно! – Аптекарь был вне себя от восторга.

Анжелика начинала подозревать, что, вероятно, имеет дело с безумцем или человеком, страдающим синдромом преждевременного старения. «Главное, не прекословить», – подумала она и попыталась освободиться от посетителя, потихоньку выпроводив его. И пообещала сделать все возможное. Хотя она сомневается, что сможет получить доступ к столь

ценному дару.

– Вы можете все! – твердо заверил он. – Вам непременно следует быть там, когда приедет посол со своим подношением. И если окружение короля, а главное, невежественные лекари пренебрегут этой драгоценностью и кощунственно пожелают выбросить ее, обещайте мне, что соберете хоть малую каплю. О, самое главное, СПАСИТЕ МОЕ МИНЕРАЛЬНОЕ МУМИЁ!

Анжелика пообещала сделать все, о чем он просит.

– Спасибо! Тысяча раз спасибо, прекрасная госпожа! Вы возвращаете мне надежду.

С поразительной гибкостью он преклонил перед ней колена и многократно коснулся ковра своим плешивым лбом. Затем поднялся, извиняясь за восточную привычку, сохраненную им со времен рабства у берберов.

Анжелика повторяла свои обещания, незаметно подталкивая безумного ученого к выходу. И все же не смогла удержаться и спросила его, чему обязана столь внезапным приливом просителей.

Старик выпрямился. Теперь он выглядел совершенно здоровым, владеющим собой и вполне здравомыслящим. Он сказал, что, едва увидев Анжелику, тотчас понял, что она создана для того, чтобы всегда и везде занимать первое место.

– Но где же вы меня видели?

– При дворе.

– При дворе? Вы?

– Разве я не говорил вам, что являюсь помощником эшевенон Марсельской торговой палаты?

И, не вдаваясь в подробности, продолжал:

– Я не могу не знать о растущем расположении короля по отношению к вам по причинам, только что изложенным вам господами из Академии. Но еще более увеличивает ваше значение все усиливающееся недоверие к госпоже де Лавальер при дворе.

– Недоверие? А я полагала, что она на пике королевской милости.

– Так и есть, сударыня. Однако ученый вроде меня только из одного этого может заключить, что ее падение близко, ибо вершина кривой, «максимум», как сказал Декарт, – роковым образом совпадает со спадом, называемым «минимум». Но в этих предположениях, так сказать математических, я вижу и другие, естественные и инстинктивного характера, к числу коих относится факт, что крысы первыми бегут с тонущего корабля. Постоянные визитеры госпожи де Лавальер, и даже

главный камердинер, покинули ее, чтобы прийти к вам. Это означает, что в предполагаемом забеге на звание следующей фаворитки его величества ставить следует на вас.

– Вздор! – Анжелика пожала плечами. – Для вашего возраста, мэтр Савари, у вас чересчур богатое воображение.

– Вот увидите! Вот увидите! – проговорил старикашка, глаза его сверкнули за толстыми стеклами пенсне, и он наконец исчез.

Оставшись одна, Анжелика заметила, что в доме что-то изменилось. В нем внезапно наступила полная тишина.

Не рискуя выглянуть в переднюю, она дернула шнурок колокольчика. Через мгновение послышались шаги Роже, ее мажордома.

– Госпожа, ужин подан.

– Давно пора! А где же все просители?

– Я распустил слух, что вы тайно отбыли в Сен-Жермен. И все эти болваны тотчас покинули особняк, чтобы броситься за вами. Да простит нас госпожа маркиза, мы не знали, как противостоять такому натиску.

– Вам следовало бы знать, мэтр Роже, иначе мне придется обойтись без ваших услуг, – властно произнесла она.

Молодой мажордом согнулся пополам, подтверждая, что отныне самым тщательнейшим образом будет отсеивать посетителей.

Анжелика слегка перекусила супом, сальми из рыбьей икры, ячневой кашей и капустой брокколи. Улегшись в постель, она сразу уснула.

Наутро она прежде всего присела к своему бюро и составила письмо в Пуату. В нем маркиза просила отца как можно скорее отправить в Париж в сопровождении слуг ее сыновей Флоримона и Кантора, вот уже несколько месяцев порученных его заботам. Она позвонила, чтобы к ней позвали гонца, но мажордом напомнил, что живущий при доме «скороход» еще несколько дней назад исчез вместе с лошадьми. Впрочем, как и вся прислуга из конюшен. Ведь госпоже маркизе известно, что в конюшнях не осталось ни карет, ни лошадей, ни людей. Только два в спешке забытых портшеза.

Анжелике стоило большого труда сдержаться перед мажордомом. Она приказала, чтобы, когда эти мерзавцы лакеи явятся, он не платил им жалованья, а палками прогнал вон. Не теряя самообладания, мэтр Роже позволил себе заметить, что он имеет мало шансов видеть их, потому что они наняты в услужение к господину маркизу дю Плесси-Бельеру. Впрочем, добавил мажордом, большинство этих парней не увидели злого умысла в том, чтобы перегнать лошадей и кареты госпожи маркизы во

владения господина маркиза.

– Здесь вы подчиняетесь только мне! – гневно напомнила Анжелика.

Овладев собой, она приказала Роже как можно скорее отправиться на Гревскую площадь, где можно нанять лакеев. А потом на ярмарку в Сен-Дени за лошадьми. Довольно будет упряжки из четверки лошадей и двух подменных скакунов. Затем следовало пригласить каретника, мастерская которого – «Золотое колесо» – находится неподалеку и который уже изготовил для нее два экипажа. Это называлось «бросать деньги на ветер», а со стороны Филиппа представляло собой кражу, ни больше ни меньше. Следовало ли ей донести на него в караульную службу или в судебные инстанции? Нет, она могла только смириться. А это совершенно не соответствовало ее темпераменту.

– А как быть с письмом, которое госпожа маркиза хотела отправить в Пуату? – напомнил мажордом.

– Отправьте с городской почтой.

– Почтовая карета будет только в среду.

– Не важно. Письмо подождет.

Чтобы успокоить нервы, госпожа дю Плесси-Бельер приказала доставить ее в портшезе на набережную Дубильщиков. Там находился склад, где она содержала заморских птиц. Анжелика выбрала попугая с разноцветным оперением, который ругался, как флибустьер со «Святого Христофора», но это не могло оскорбить слух прекрасной Атенаис, даже напротив.

К нему она добавила негритенка, одетого в соответствующие цвета: оранжевый тюрбан, зеленый камзол, красные штаны, расшитые золотом красные чулки. В сверкающих черных, как его физиономия, лакированных башмаках маленький мавр был похож на венецианский канделябр из крашеного дерева, мода на которые как раз начала распространяться в Европе.

Это был королевский подарок. Анжелика знала, что госпожа де Монтеспан его оценит, и, на ее взгляд, столь богатое подношение было вполне уместно. В то время как все болваны, ориентируясь на неясные приметы, спешили увидеть в ней новую фаворитку, Атенаис, пожалуй, была единственной, кто продолжал действовать в нужном направлении. При мысли, что человечество состоит из тупиц, Анжелика не удержалась от смеха.

Тем временем вопрос о ее месте при дворе все еще не был решен. Однако Анжелике пришлось добавить к своим заботам неприятные

обязанности по приему бесчисленных и бесплодных прошений. К ней стекались разномастные ходатаи, докучливые и злые, как августовские слепни.

Трое таких настойчивых гостей уже поджидали ее, когда она вернулась на улицу Ботрейи. Рассвирепев, она едва не вытолкала их вон.

– Здравствуй, Анжелика, – произнесли они в один голос.

В полумраке маркиза не сразу узнала своих младших братьев: Дени, Альбера и Жан-Мари.

Они периодически являлись к ней, когда им нужны были деньги. Превратившийся в здорового двадцатитрехлетнего парня Дени служил в Туренском полку. Все его скудное офицерское жалованье уходило на оплату карточных долгов. Он дошел до того, что вынужден был продать коня и отдавать внаем своего лакея. Семнадцатилетний Альбер и пятнадцатилетний Жан-Мари пока были пажами: первый – у господина де Сен-Романа, другой – у герцога Мазарини.

Анжелика тут же поинтересовалась, что им надобно. Как обычно, денег. Воздержавшись на сей раз от назиданий, она ссудила каждого несколькими монетами из шкатулки. Удовлетворенные, Дени и Жан-Мари ушли. А юный Альбер проводил ее до самой спальни.

– Теперь, Анжелика, когда ты достигла хорошего положения, тебе следует позаботиться о том, чтобы раздобыть мне духовный сан.

– Сколько у тебя есть, чтобы получить его?

– Ты мне поможешь. Я слышал, будто в Ньельском аббатстве скоро освободится место.

Стоя перед наклонным зеркалом, Анжелика уже принялась расшнуровывать корсаж. Она повернулась к брату:

– Ты не потерял рассудок?

– Ньельское аббатство расположено на ваших землях...

– Вовсе нет! Это огромное независимое владение, настоящая метрополия. К тому же имеющее несколько зависящих от него приходов. Принципалом является аббат, но он также должен получать распоряжения и проживать в аббатстве.

– При посредничестве нашего брата иезуита Раймона я мог бы добиться льгот...

– Ты понапрасну стараешься, это невозможно, мой бедный друг! – отвечала сестра, с презрением глядя на него.

Анжелика не любила Альбера. Неброская красота делала его похожим на Мари-Агнес, но в длинном развинченном теле не было надежности

юношей из рода де Сансе. Она угадывала в характере брата скрытность и неискренность, несвойственные членам их семьи. В целом он скорее напоминал Ортанс.

– Ты, маленький развратник, аббат! Всему есть границы! Мне известно, какую жизнь ты ведешь. Совсем недавно ты у какого-то шарлатана возле Нового моста лечился от дурной болезни, которую подхватил черт знает где. Видишь, я хорошо осведомлена.

Юный паж смущенно сглотнул:

– Не знал, что ты такая скромница. Впрочем, тебе это не к лицу. Ну что же, обойдусь без твоей помощи.

И он высокомерно вышел, но на пороге, прежде чем закрыть дверь, бросил ей:

– И все же я добьюсь своего. Я всегда получаю то, чего хочу.

В последней фразе он проявил себя настоящим де Сансе.

Спустя мгновение Анжелика уже забыла о брате. Ей доложили о приходе ее парикмахера, господина Бине. Отдавшись в руки этого искусника, она расслабилась и с удовольствием разглядывала разложенные на туалетном столике гребни, маленькую позолоченную спиртовку, флаконы и баночки с притираниями.

– Как дела, Бине?

– Могли бы быть и получше, сударыня.

– Неужели вам отказал ваш изобретательный ум и вы перестали творить чудеса на головах дам и господ?

– О, что вы, сударыня! Мой изобретательный ум – одна из последних привилегий, которой я свободно пользуюсь и которая обходится мне наименее дорого. Вам рассказывали о моем бальзаме на основе пчелиного пепла для укрепления слабых волос? Он дает надежду многим людям, не имеющим счастья похвалиться такими волосами, как ваши, сударыня.

Цирюльник ловко приподнял напоминающие потоки солнечных лучей шелковистые и блестящие русые локоны с несколькими более светлыми прядями.

– Я слышал, вы имели небывалый успех в Версале и надолго приковали к себе внимание короля.

– Я тоже об этом слышала, – покорно согласилась Анжелика.

– Сударыня, известно ли вам, что мое скромное ремесло находится под серьезной угрозой. Я вынужден просить вашего вмешательства, которое, возможно, спасет нас, бедных цирюльников, от серьезного ущерба.

И, не дожидаясь ответа, пояснил, что некий господин Дюлак просил у

короля дозволения открыть в Париже контору, куда будут доставляться все парики для контроля и маркировки внутри изделия, а не прошедшие контроль и маркировку будут запрещены под страхом штрафа в сто ливров. За право контроля господин Дюлак оставляет за собой по десять су с каждого парика.

– Да, дело для вас неприятное, однако король почти наверняка не даст ему хода. Он не занимается подобными глупостями...

– Вот тут-то вы ошибаетесь, сударыня. Господин Дюлак состоит в числе приближенных госпожи де Лавальер, а его величество принимает все прошения, поданные от них. То, о котором я вам рассказываю, уже находится на рассмотрении в Совете.

– В таком случае тебе всего лишь следует через какое-нибудь влиятельное лицо из окружения короля подать встречное прошение.

– Например, через вас, сударыня. – С этими словами Бине поспешно вынул из сумки запечатанное послание. – Ваша милость не откажет взяться передать мой справедливый протест в руки его величества...

Какое-то мгновение Анжелика колебалась, не зная, как себя повести. Ей хотелось быть хорошо причесанной. Женщина, осознающая, из каких элементов складывается ее успех в свете, не спорит со своим парикмахером перед открытием сезона больших зимних празднеств.

Так что она взяла прошение, но отказалась что-либо обещать.

– Сударыня, вы можете все, я убежден, я слишком давно вас знаю. Вот увидите, я украшу вас как богиню.

– Не стоит расточать красноречие. Я тебе ничего не обещала и даже не представляю, как взяться за дело... Что ты себе вообразил? Я не имею никакого влияния при дворе, где бывала всего два раза.

Однако оптимист Бине верил в нее. Два часа болтливый и восторженный цирюльник трудился над прической маркизы. Освободившись от его власти, Анжелика не могла не улыбнуться своему отражению в зеркале.

– Свой протест я дополнил ходатайством, – все не унимался парикмахер. – Я прошу место парикмахера его величества.

– Твои амбиции тщетны. Дело в том, что никто в королевстве не нуждается в твоих услугах меньше, чем король. У него свои великолепные волосы, которые стоят всех париков мира, и он ни за что не откажется от них.

– Мода есть мода, – напыщенно изрек Бине. – Даже королям следует подчиняться ей. Нынче в моде парик. Он придает величавость самому заурядному лицу, прелесть самым непривлекательным чертам. Он

защищает лысых от насмешек, а стариков – от простуды и всем им продлевает возраст славных завоеваний. Кто нынче может обойтись без парика? Рано или поздно король придет к этому. А я, Франсуа Бине, создал модель, специально разработанную для его величества. Она позволит ему носить парик без ущерба его собственным волосам. К тому же не скроет их полностью.

- Вы заинтриговали меня, господин Бине.
- Сударыня, свой секрет я открою лишь королю.

Назавтра, решив, что необходимо вновь погрузиться в придворную атмосферу, Анжелика отправилась в Сен-Жермен-ан-Лэ, который в последние три года стал излюбленной резиденцией Людовика XIV.

Глава X

У ворот Анжелика вышла из кареты. В садах было еще более многолюдно, чем в Версале. Весь городок принимал участие в жизни двора. Туда-сюда свободно сновали зеваки, просители, чиновники, челядь.

Созданная трудами главного придворного устроителя садов Ленотра терраса простиралась более чем на пять лье; с нее открывался вид на одну из самых великолепных панорам Иль-де-Франс.

Одновременно с Анжеликой прибыл король в карете с шестеркой буланых лошадей в роскошной упряжи. Короля со всех сторон окружали четыре сотни всадников со шляпами в руках. Великолепный многоцветный выезд выделялся на фоне порыжевшей листвы осеннего леса, а вдали виднелась светло-голубая и пепельно-зеленая долина, в которой сверкала и серебрилась извилистая Сена.

Маркиз де Лавальер одним из первых приветствовал Анжелику. Потом возле нее остановились маркиз де Роклор, Бриенн, Лозен. Все они очень взволнованно обсуждали последнюю новость дня. Король вызвал своего портного, чтобы дать ему указания относительно знаменитых синих камзолов, из которых он желал составить не монашеский, но весьма почетный орден. Предстояло избрать шестьдесят дворян. Они смогут сопровождать короля в его увеселительных прогулках, не спрашивая дозволения. С этой целью они наденут форму, каковая в глазах всего света станет неопровержимым свидетельством приязни, испытываемой к ним государем. Костюм дополнит, как говорили, расшитый серебром голубой муаровый плащ с золотым узором на красной подкладке, с красными обшлагами, и красная куртка.

– Наш друг д'Анджос будет приятно удивлен, – сказал Лозен. – Полагаю, он сейчас на пике королевской благосклонности и мы можем без стеснения прогуливаться вместе. Бывали ли вы в гротах Сен-Жермена, красавица?

Услышав отрицательный ответ, маркиз предложил ей руку и, властно похитив Анжелику у остальных воздыхателей, повел посмотреть удивительные живые, или говорящие, гроты, известные еще со времен доброго короля Генриха II. Приглашенные в замок в 1590 году как «умельцы использовать воды для украшения парков и садов», итальянские художники Франчини населили пещеры персонажами мифологии, которых сложная механика, приводимая в движение водой, заставляла двигаться и

говорить.

В первом гроте жил Орфей, играющий на арфе. Один за другим там появлялись разные звери, издавая характерные звуки.

Второй дал приют пастуху, который пел в сопровождении птичьей разноголосицы.

В третьей пещере можно было видеть автоматического Персея, освобождающего Андромеду под аккомпанемент дующих в раковины тритонов. Там Лозен со спутницей встретили мадемуазель де Лавальер и нескольких дам из ее свиты. Опустив тонкие пальцы в журчащую воду, она сидела на бортике фонтана.

Маркиз де Лозен учтиво поклонился, и молодая женщина радостно ответила ему. Усвоенная с юных лет привычка к правилам светской беседы победила ее робость и стыдливость, которых она не могла не испытывать, когда на глазах всего двора стала любовницей короля.

Она страдала от пристального внимания, но держалась непринужденно и приветливо. Ее взгляд с интересом скользнул по Анжелике.

– Мадемуазель де Лавальер вызывает симпатию, но не преданность, – заметила та, когда они с маркизом продолжили прогулку под сенью зеленых галерей.

Лозен не ответил. Краем глаза он рассматривал ее. Анжелика продолжала свои рассуждения:

– Лакеи и прихлебатели, которых она содержит, хоть и не отдает себе в этом отчет, готовы покинуть ее при малейшем неблагоприятном ветерке. Очевидно, что не было в истории менее корыстной фаворитки, о которой, однако, создается впечатление, что она грабит королевскую казну. Эти протезы мадемуазель де Лавальер – настоящее бедствие. Они повсюду, ненасытные, с острыми клыками и загребущими руками.

– Ваши прелестные замечания относительно наших милейших придворных группировок представляются мне достаточно четкими для вашего столь небольшого опыта, – похвалил Лозен. – Подождите, – неожиданно сказал он, останавливаясь, – взгляните вверх, на деревья.

Анжелика повиновалась, хотя не поняла зачем.

– Прекрасно! – вздохнул Лозен. – Теперь ваши глаза стали зелеными и прозрачными, как воды источника. Из них словно бы можно утолить жажду.

Легким поцелуем он коснулся ее век. Она отмахнулась веером:

– Вы полагаете, раз мы в лесу, вам следует изображать сатира?

– А между тем я давно обожаю вас.

– Ваше обожание из тех, что перерастают в настоящую дружбу. Я бы хотела, чтобы вы воспользовались своим чувством, чтобы помочь мне получить должность при дворе.

– Анжелика, какое же вы серьезное дитя! Вам показывают механические игрушки, а вы рассеянно смотрите на них, думая об уроках. Перед вами рассыпаются в комплиментах, а вы говорите о должностях.

– А кто здесь о них не говорит?

– Здесь говорят и о прекрасных глазах тоже!.. И о любви, – произнес Лозен, нежно обвивая рукой ее талию.

Анжелика, стремясь прервать его, торопливо вошла в четвертый грот, где Вулкан и Венера вдвоем плыли в серебряной раковине. Подойдя поближе, среди толпящихся вокруг диковины придворных Анжелика узнала короля.

– Ах, что за очаровательная безделица! – сказал тот, увидев ее.

Анжелика присела в первом глубоком поклоне за весь день. Затем повторила его перед Месье и Мадам.

Король завязал разговор с маркизом де Лозеном, а Анжелика смешалась с компанией дам и придворных и отправилась с ними на прогулку по саду. Чуть позже Пегилен догнал их и, взяв ее под руку, подвел к королю:

– Его величество желает переговорить с вами...

Анжелика вновь поклонилась и осталась с его величеством, а свита отступила на некоторое расстояние.

«Еще парочка таких уединенных бесед, и количество просителей у моих дверей удвоится», – подумала она.

– Сударыня, – начал король, – со времени нашего последнего разговора в Версале мы много раз имели случай оценить ваши точные суждения, отличающиеся мудростью и новизной, которыми вы сочли возможным поделиться с нами. И мы подумали, что никак вас не отблагодарили. Если вы хотите просить нас о какой-то милости, мы с превеликим удовольствием согласимся.

– Сир, вы уже великодушно поинтересовались будущим моих сыновей.

– Это само собой! Но нет ли у вас более определенной просьбы ко мне?

Анжелика сразу подумала о ходатайстве Бине и вынула из-за корсажа резко пахнувший провансальскими эссенциями конверт парикмахера.

– Цирюльник? – удивился король. – Я говорил о более важных прошениях.

– Но парикмахер – это очень важно, – с самым серьезным видом заверила его Анжелика. – И для меня из всех цирюльников Парижа господин Бине наиболее важен, потому что служит мне. Кроме того, он утверждает, что владеет секретом, который позволил бы вашему величеству носить парик, не только не лишаясь из-за этого ваших прекрасных волос, но даже не скрывая их.

– Неужели? – воскликнул король, останавливаясь посреди аллеи. – Как это возможно?

– Господин Франсуа Бине сказал мне, что сообщит свой секрет только вашему величеству, с глазу на глаз.

– Черт меня побери, если у меня хватит терпения дождаться завтрашнего дня, чтобы узнать решение проблемы! Я непрестанно спрашиваю себя: стричь? не стричь? Но если этот ваш художник – о котором, впрочем, я слышал много лестного – действительно нашел способ уладить эту проблему, право слово, я сделаю его герцогом!..

Смеясь, с той живостью, которая была свойственна ему в моменты отдыха, Людовик XIV сделал знак пажу, передал ему прошение Бине и приказал доставить цирюльника в Сен-Жермен.

Вернувшись в тот вечер в Париж, Анжелика по-детски радовалась тому, что ей удалось так быстро передать свое первое ходатайство. Она чувствовала себя почти всемогущей, хотя вынуждена была признаться себе, что собственные ее дела нимало не продвинулись. Она приняла участие в трапезе после небольшого бала, переговорила со множеством людей, сделала несметное количество реверансов и проиграла сто ливров за одну короткую партию – сидя – в ландскнехт.

Тем не менее назавтра и во все последующие дни она снова отправлялась ко двору.

Теперь она нигде не встречала Филиппа. По слухам, его на несколько дней отправили в Пикардию с инспекцией. Неужели он впал в немилость? Нет, главный ловчий одним из первых надел бывший предмет желаний многих дворян знаменитый голубой плащ. Зато Анжелика встретила маркиза де Лувуа. В ответ на ее вопросы о состоянии дел министр закатил глаза и принялся описывать смешное и бедственное положение, в котором оказался. Разумеется, он владеет, и уже давно, льготами на транспорт между Лионом и Парижем. Но вот какой-то отъявленный плут, некто Колен, осмелился просить той же привилегии, и король дал ее ему. Так что теперь маркизу приходится вести переговоры с каким-то жалким лакеем о возврате себе прав с существенным возмещением убытков вышеназванный

Колен должен будет либо поделить с ним привилегию, либо все бросить. Разумеется, этот Колен крутится среди приближенных мадемуазель де Лавальер, что делает ситуацию щекотливой для короля. Лувуа так раздраженно и долго распространялся по поводу своего неприятного дела, что даже позабыл о комплиментах, заранее подготовленных им для обворожительной маркизы, чья красота и облик, одновременно мудрый и наивный, не выходят у него из головы.

Маркиз де Лавальер, которого нервировала столь продолжительная беседа Анжелики с Лувуа, хотел было уже осыпать ее упреками, однако тотчас успокоился, стоило ей поинтересоваться, удалось ли ему «англизировать» того умершего в Танжере француза, к получению наследства которого он стремился. Да, посмертная натурализация шла своим чередом. Службы разведки маркиза де Лавальера доложили ему о шотландских корнях несчастного графа Редфорда.

А имущество бывшего шартрского балли попало в его мощну? Пожав плечами, Жан-Франсуа де Лабом Ле Блан, маркиз де Лавальер, дал понять, что он добился своего, но полученная доля не удовлетворила его аппетита.

Пегилену де Лозену дважды удалось увлечь Анжелику в укромные уголки, чтобы сорвать несколько поцелуев.

Как бы между прочим Анжелика спросила про герцога Мазарини. Заставили ли его религиозные сомнения отказаться от одной из своих должностей в пользу господина де Лозена?

Покраснев от раздражения, Пегилен ответил, что и да и нет. Что это настоящая головоломка, но вскоре она разрешится.

Герцог Мазарини и вправду отказался от должности гротмейстера по просьбе госпожи де Лонгвиль, которая рассчитывала приобрести эту должность для своего сына. Когда договор уже был заключен, госпожа де Лонгвиль обратилась за одобрением к королю, который сказал, что подобный перевод его не устраивает, что он не знал, что герцог Мазарини хочет отказаться от должности. Тогда герцог Мазарини сказал, что уже не хочет продавать ее.

Теперь король терзается, что оставил Мазарини в должности. Он сам назначил цену, решив отдать пост господину де Лувуа, чтобы тот, получив его, действовал только в ситуации войны. И он предложил господину де Лозену покинуть пост драгунского генерала и принять должность гротмейстера.

Как могла догадаться госпожа дю Плесси, Лозена задевала необходимость занимать должность, исполнять которую фактически будет

господин де Лувуа.

Он смиренно просил его величество дать ему место подле короля, где он мог бы действовать по своему усмотрению. Признался, что, если он займет должность гротмейстера, у него с господином де Лувуа начнутся распри.

Король похвалил чувства господина де Лозена и, желая оказать придворному знаки особого доверия, поручил ему лично собственную охрану и принял решение дать маркизу должность капитана гвардейского караула.

После чего произвел в гротмейстеры графа де Людра.

Тот отдал должность камер-юнкера господину де Жевру, освобожденному от должности капитана гвардейского караула короля в пользу господина де Лозена. А тот, в свою очередь, передал свой пост драгунского генерал-полковника господину дю Руру.

Каковой вышел из рейтаров, и цена его патента компенсировала господину герцогу Мазарини его отказ от поста гротмейстера.

Так Анжелика выслушала всю историю. Сложив руки на коленях, она прилежно училась, постигая, с одной стороны, сложные тайны интриг, а с другой – что самая ловкая система защиты молодой женщины, желающей избежать поспешных ухаживаний, заключается в том, чтобы заставить смельчака рассказать о своих надеждах и амбициях. Она с удивлением обнаружила, что здесь, при дворе, слывшем столь галантным, корысть зачастую опережала любовь, и, как сказал бы баснописец Лафонтен, юный бог Эрос иногда ни с чем отступал перед опасной парой, состоящей из слепой Фортуны на своем колесе и Меркурия в крылатых сандалиях.

Всем этим сложным балетом с тщательным и никогда не ослабевающим вниманием управлял король. Он продвигал всех, кто умел выслужиться перед ним. Следовало быть увиденным и замеченным. Неучтивость была менее наказуема, нежели отсутствие.

Вскоре Анжелика узнала, что Бине получил должность первого парикмахера короля. Он заслужил признательность государя, соорудив для него парик с отверстиями, сквозь которые его величество мог выпускать пышные пряди собственных волос. Так королю не пришлось лишаться своего естественного украшения, получив одновременно возможность использовать преимущества и удобства парика.

Весь двор желал пользоваться услугами Бине или носить его парики. Модником мог почитаться лишь тот, кто прошел через его руки.

Щеголи придумали новую остроту.

– Как вам нравится моя бинетка? – при встрече спрашивали они друг у друга, хвалясь прической.

Глава XI

По первому снегу, который в этом году выпал рано, весь двор отправился в Фонтенбло. Тамошние крестьяне обратились к своему господину, королю Франции, чтобы он помог им избавиться от волков, причинявших их хозяйствам большой урон.

Под низким серым небом длинная вереница карет, повозок, всадников и пеших двинулась по белоснежной равнине.

Казалось, с места снялся целый город. К столовой службе короля, к королевской капелле, к свите короля присоединились аналогичные службы королевы, лакеи из зала для игры в мяч, военные, псарня и королевское имущество, вплоть до великолепных гобеленов для украшения стен и защиты от холода. В Фонтенбло предполагалось в течение недели охотиться на волков, что не должно было помешать балу, театру и прелестным полуночным трапезам, получившим название «позднего ужина».

С наступлением темноты на дверцах карет зажглись смоляные факелы. В потоках светящихся капель прибыли в Фонтенбло, где в четырнадцатом веке находилась резиденция королей Франции, перед визитом императора Карла V превращенная Франциском I в настоящую жемчужину Ренессанса.

В Фонтенбло правила этикета отличались меньшей строгостью. Все дамы, даже те, кто не имел права табурета, могли сидеть в присутствии короля и королевы: одни на подушках, другие прямо на полу. Анжелика решила, что из-за холода не воспользуется этим дозволением. Великая Мадемуазель, которой нравилось изображать чичероне, вызвалась показать ей замок. Она отвела Анжелику в Китайский театр, галерею Генриха II и покои, где десять лет назад по приказу королевы Христины Шведской был убит ее фаворит Мональдески. Мадемуазель познакомилась с северной государыней, когда та гостила во Франции.

– Наряды королевы делали ее похожей на хорошенького мальчика, – рассказывала она. – В свите у нее не было ни одной женщины; камердинер одевал ее, укладывал в постель и, что тут таить, угождал ее желаниям, когда рядом не оказывалось ни одного фаворита. Впервые увидев нашего совсем еще юного короля, который в ту пору был еще очень робок, она в присутствии королевы-матери без обиняков спросила, есть ли у него любовницы. Кардинал Мазарини не знал, как сменить тему разговора, а король стал красным под цвет кардинальской мантии. Сегодня он бы уже

так не смутился...

Рассеянно слушая ее, Анжелика искала глазами Филиппа, хотя не могла бы определить – из желания или страха видеть его. Ничего хорошего их встреча не предвещала. У маркиза для нее едва ли найдется что-нибудь, кроме резкого слова и презрительного взгляда. Лучше бы он вообще сделал вид, что не заметил ее, проявил по отношению к ней меньше любезности, нежели к любой другой даме при дворе. Кажется, он согласился с ее присутствием при дворе, но, возможно, это всего лишь временное перемирие из уважения к желаниям короля. Анжелика держалась настороже, однако при виде Филиппа вновь ощущала смиренное восхищение и тайную надежду. Те же самые чувства она испытывала при виде изящного кузена с белокурыми локонами в те далекие времена, когда была всего лишь неловкой девчонкой.

«Как же убийственно жестоки наши ребяческие грезы!» – подумала она.

За весь первый день в Фонтенбло Анжелика так и не видела Филиппа. Он занимался приготовлениями к охоте. Все без умолку твердили о том, как хищники запугали крестьян. Волки воровали овец прямо из овчарен. Напали на ребенка и загрызли его. Особенно опасной считалась стая, вожак которой был «здоровым как бык». Местные утверждали, что видели его возле самых хижин, а уж это неслыханная наглость. По вечерам он якобы выл и скребся в двери лачуг, где жались к матерям плачущие от страха дети. С наступлением темноты жители не смели и носу высунуть из своих домов.

С самого начала охота приняла жестокий и беспощадный характер. Хищника следовало загнать во что бы то ни стало. Вооружившись вилами и рогатинами, многие крестьяне приняли участие в облаве и вместе с доезжачими вели собак. Никто не отставал.

Благородные всадники и амазонки неплохо знали волков. В своих замках все они в детстве слышали рассказы об их злодеяниях. Поэтому и господ, и вассалов влекла на глухие тропки общая давняя ненависть к коварному хищнику, вечному бичу деревни – волку. К вечеру на снегу распростерлись шесть волков.

Казалось, от звенящих среди рыжих ветвей деревьев охотничьих рогов сотрясались знаменитые скалы в лесу Фонтенбло, изумительные черные утесы, песчаные террасы, бахромчатые ледяные уступы.

Анжелика выехала на небольшую, покрытую свежим снегом и плотно окруженную крупными валунами, как на дне колодца, опушку. Отсюда хор

рогов казался более слаженным и волнующим. Охваченная меланхолическими воспоминаниями о прошлом, она остановила лошадь и прислушалась. Лес! Как же давно она не была в лесу. Влажные ароматы старого дерева и опавших листьев разом смели смрадные и шумные следы Парижа, напомнили ей о прежних радостных днях, проведенных в лесу Нейля. Она залюбовалась деревьями с еще не унесенной осенними ветрами листвой теплых тонов ржавчины и пурпура. С тихим шуршанием падал снег и оживлял колорит листьев, отчего под ласковыми лучами робкого солнца они сверкали, как драгоценные камни. В полумраке подлеска Анжелика различила красные жемчужины остролиста и вспомнила, как перед Рождеством охапками собирала усыпанные ягодами ветки в Монтелу. Как давно это было! Ах, если бы от едва заметного прикосновения веточки остролиста нынешняя Анжелика дю Плесси-Бельер могла снова стать прежней Анжеликой де Сансе...

«Жизнь никогда не разлучает нас с нашим прошлым», – подумала она, взволнованная, словно только что получила обещание счастья.

Возможно, это было ребячество, но Анжелика все еще не избавилась от наивных мечтаний, свойственных каждой женщине. Предаться им теперь было роскошью, но она могла себе это позволить.

Спешившись, она набросила уздечку Цереры на ветку орешника и побежала к остролисту. Среди разнообразных безделушек, привешенных к поясу всякой модницы, она нашла ножик с перламутровой ручкой и принялась срезать ветки. Это оказалось нелегко.

Увлечшись, Анжелика не заметила, как удалились звук охотничьих рогов и тьяканье собак. Как не сразу обратила внимание и на тревогу Цереры, нервно натянувшей уздечку. Она поняла беспокойство животного только в тот момент, когда Церера с испуганным ржанием вырвала ветку орешника и галопом проскакала мимо изумленной маркизы.

– Церера! – позвала Анжелика. – Церера!

И тут она увидела, от чего бежала ее кобыла.

По другую сторону опушки, наполовину скрытое зарослями кустарника, что-то шевелилось.

«Волк», – подумала Анжелика.

Когда зверь появился из кустов, мягко ступая по девственному снежному ковру, она поняла, что это и есть олицетворение ужаса здешних мест. Действительно огромный волк, ощетинивший выгнутую дугой серо-рыжую, как окрестные леса, спину.

Хищник замер, уставив неподвижный фосфоресцирующий взгляд на Анжелику.

Она пронзительно закричала.

Волк вздрогнул, отскочил назад, а затем, оскалив страшные клыки, вновь стал приближаться. Вот-вот набросится...

Молодая женщина оглянулась на каменистый утес за спиной.

«Мне непременно надо вскарабкаться туда».

Она собралась с силами, и ей удалось подняться на небольшую высоту. Однако вскоре она вынуждена была остановиться. Ногти скользили по гладкой поверхности, уцепиться было не за что.

Волк прыгнул, однако лишь ухватил край ее платья. Теперь он подстерегал Анжелику, следя налитыми кровью глазами за каждым ее движением. Она снова крикнула что есть мочи. Сердце билось так сильно, что она не слышала ничего, кроме его глухих беспорядочных ударов. Она торопливо пробормотала слова молитвы:

– Господи! Господи! Не допусти, чтобы я умерла так глупо! Сделай что-нибудь!..

На опушку выскочил какой-то всадник, и конь, остановленный на скаку, резко замер в поднятом снежном облаке.

Точно во сне, сквозь туман, Анжелика различила, как к ней приближается главный ловчий, ее муж Филипп дю Плесси-Бельер. Видение было столь необыкновенным, что за одну секунду она разглядела все детали.

Ладную фигуру Филиппа обтягивал белый кожаный камзол, украшенный серебряным шитьем. На воротнике и обшлагах мех был такого же цвета, как парик.

Маркиз приближался, размеренно ступая ногами, обутыми в украшенные серебром белые кожаные сапоги. Он снял перчатки, в его правой руке поблескивал остро заточенный охотничий нож с серебряной рукояткой.

Волк развернулся к новому противнику. Филипп неторопливо, но неотвратимо шел прямо на него. Когда он оказался уже всего в шести футах от хищника, тот прыгнул, ощерив красную пасть с острыми клыками.

С быстротой молнии молодой человек выбросил вперед левую руку, которая словно клещами стиснула зверю горло. Одновременно другой рукой он одним движением снизу доверху вспорол ему брюхо. Отчаянно рыча, волк барахтался в потоках крови. Наконец его силы иссякли. Филипп отбросил в сторону издыхающего хищника, чьи внутренности разлетелись по снегу.

На опушку со всех сторон торопливо съезжались охотники. Лакеи

сдерживали рвущуюся к трупу свору.

– Неплохой удар, господин маршал, – похвалил Филиппа король.

В неразберихе Анжелику как будто даже не заметили. Ей удалось соскользнуть со скалы, обтереть расцарапанные руки и подобрать в снегу шляпу.

Какой-то доезжачий подвел к ней ее кобылу. Старик всю жизнь был при псовой охоте и не стеснялся в выражениях. Бросившись вслед за Филиппом, он присутствовал при окончании схватки.

– Ну и нагнали вы на нас страху, госпожа маркиза! – произнес он. – Мы знали, что волк где-то здесь. А когда увидели, что ваша лошадь прискакала без седока, и услышали ваш крик!.. Уж вы поверьте старому доезжачему, сударыня, я впервые в жизни видел господина главного ловчего бледным как смерть!

Только случай свел Анжелику с Филиппом на последовавших за охотой увеселениях. Тщетно она пыталась найти его после того, как он, затянутый в свой окровавленный кафтан, прежде чем вскочить в седло, бросил на нее разъяренный взгляд. Без сомнения, он охотно отвесил бы ей пару звучных пощечин. Тем не менее Анжелика полагала, что женщина, жизнь которой спасена ее супругом, обязана отблагодарить его.

– Филипп, – сказала она, когда ей удалось встретиться с ним между двумя переменами блюд, – я так признательна вам... Без вас со мной было бы покончено.

Маркиз неторопливо поставил на поднос проходящего мимо лакея бокал, который держал в руке, затем взял Анжелику за запястье и стиснул так, что едва не сломал ей руку.

– Тем, кто не понимает, что такое псовая охота, лучше оставаться дома и заниматься вышиванием, – гневно прошептал он ей. – Вы непрестанно ставите меня в неловкое положение. Вы просто-напросто неотесанная крестьянка, малограмотная торговка. Придет день, и я смогу удалить вас от двора и избавиться от вас!

– Почему бы тогда не позволить было мессиру Волку сделать свое дело, ведь ему так хотелось!

– Я должен был убить этого волка, а ваша участь меня мало беспокоила. Не смейтесь, не раздражайте меня. Вы подобны всем остальным женщинам, которые считают себя неотразимыми и верят, что любой с радостью умрет ради них. Я не из числа этих болванов. Однажды вы поймете, если до сих пор не догадались, что я тоже волк.

– Не хотелось бы верить, Филипп.

– Я сумею доказать вам это. – Он холодно улыбнулся, и в его глазах мелькнул недобрый огонек.

Теперь маркиз взял ее руку с нежностью, какой она и не подозревала, и поднес к своим губам.

– Те чувства, которые вы поставили между нами в день нашей свадьбы, сударыня: ненависть, злопамятство, месть, – никогда не сотрутся в моей памяти. Я свое слово сдержу.

Он почти касался губами ее узкого запястья. Внезапно он сильно прикусил его.

Чтобы не взвыть от боли, Анжелике потребовалась вся ее светская выдержка. Отшатнувшись, она наступила каблуком на ногу встававшей из-за стола Мадам. Та вскрикнула.

Анжелика покраснела, потом сильно побледнела и пробормотала:

– Простите меня, ваше высочество!

– Дорогая, какая же вы неловкая...

Филипп недовольным тоном подхватил:

– И верно, будьте осторожны, сударыня. Вино вам противопоказано.

В его глазах блеснула злобная усмешка. Он низко склонился перед принцессой, после чего покинул дам, последовав за направлявшимся в гостиные королем.

Анжелика достала кружевной платочек и приложила к укусу. Боль проникла в самое сердце. Она почувствовала дурноту.

С помутившимся взглядом она пробралась среди оживленных групп придворных и оказалась в прохладном вестибюле.

Усевшись на первую попавшуюся софу между окнами, Анжелика осторожно приподняла свернутый в тугой комочек кусочек тонкого батиста и рассмотрела свое посиневшее запястье; на нем выступили темные капельки крови. С какой жестокостью Филипп укусил ее! И что он за лицемер: «будьте осторожны, сударыня. Вино вам противопоказано». Еще пойдет слух, что госпожа дю Плесси была так пьяна, что толкнула Мадам... Эта молодая дама не умеет вести себя по-светски!..

Проходя мимо, маркиз де Лозен, тоже в голубом фраке, признал в сидящей на софе даме Анжелику.

– А вот теперь я вас отругаю, – сказал он, – вы снова одна! Всегда одна!.. При дворе... Прекрасная, как ясный день! И в довершение всего спрятались в таком укромном и незаметном уголке, что влюбленные дали ему название кабинета Венеры! Одна!.. Вы бросаете вызов правилам самого элементарного приличия, чтобы не сказать проще – законам самой природы.

С видом сурового отца, распекающего дочь, он присел рядом:

– Какая муха вас укусила, дитя мое! Какой мрачный демон поселился в вас и заставляет отвергать комплименты, избегать общества кавалеров! Уж не позабыли ли вы, что Небо даровало вам великое очарование? Уж не хотите ли вы обидеть богов? Но что я вижу? Анжелика, душа моя, да что же это! – У маркиза даже голос изменился.

Прикоснувшись пальцем к ее подбородку, он заставил Анжелику поднять голову.

– Вы плачете? Из-за мужчины?

Сдерживая рыдания, она кивнула.

– Ну, знаете, это уж не проступок, а настоящее преступление. А ведь ваше основное предназначение в том, чтобы заставлять плакать других... Мальш, здесь нет ни одного мужчины, достойного того, чтобы из-за него проливали слезы... разумеется, не считая меня. Но я и надеяться не смею...

Анжелика попыталась улыбнуться. Ей даже удалось пролепетать:

– О, мое горе не столь серьезно. Это, скорее, нервное... Просто мне больно...

– Больно? Где же?

Она показала ему запястье.

– Хотелось бы мне знать, какой подлец так обошелся с вами? – воскликнул потрясенный Пегилен. – Назовите его, и я потребую от него объяснений.

– Не возмущайтесь, маркиз. Увы, он имеет на меня все права.

– Уж не хотите ли вы сказать, что речь идет о прекрасном главном ловчем, вашем супруге?

Анжелика не ответила и вновь залилась слезами.

– Да, ничего лучшего от мужа и ждать не приходится, – с отвращением заметил Пегилен. – Совершенно в стиле вашего избранника. Но зачем же вы продолжаете с ним видеться?

Слезы душили Анжелику.

– Ну ладно, ладно, – смягчившись, продолжил маркиз. – Не стоит доводить себя до такого состояния. Из-за мужчины! Да к тому же из-за мужа! Сокровище мое, у вас устарелые представления о свете... Вы больны или... Впрочем, похоже, у вас давно что-то не ладится. Я как раз хотел побеседовать с вами об этом... Только сперва вытрем слезки.

Достав из кармана белоснежный батистовый платок, он нежно промокнул ей лицо и глаза. Анжелика видела прямо перед собой его искристые смеющиеся глаза, в которых все при дворе, включая самого государя, умели различать огонек лукавства. Светская жизнь и распутство

уже пробороzдили морщинки вокруг его саркастического рта. Однако все его приятное лицо выражало живость и довольство. Это был южанин, гасконец, пылкий, как солнце, и юркий, как форель, которая водится в горных ручьях Пиренеев.

Анжелика дружелюбно взглянула на Пегилена. Он улыбнулся:

– Ну что, вам лучше?

– Мне кажется, да.

– Сейчас мы все уладим, – пообещал он.

На мгновение он умолк, внимательно разглядывая ее.

В своем закутке они были незаметны для бесконечно снующих в галерее придворных и лакеев. Чтобы оказаться в этой нише между окнами, целиком занятой канапе, подлокотники которого полностью скрывали собеседников от посторонних взглядов, следовало подняться на три ступеньки.

В зимних сумерках Анжелику и Пегилена освещали лишь проникающие через окно красновато-золотые лучи заходящего солнца. Снаружи еще можно было различить постепенно скрывающуюся в тумане песчаную террасу с мраморными вазами и мерцающий пруд.

– Так вы говорите, уединенный уголок, в котором мы с вами находимся, называют кабинетом Венеры? – поинтересовалась Анжелика.

– Да. Здесь любовники находятся в стороне от любопытных взглядов, насколько это возможно при дворе, и молва с удовольствием рассказывает, будто самые нетерпеливые порой укрываются здесь, чтобы принести жертву прелестной богине. Анжелика, быть может, вам есть в чем упрекнуть себя по отношению к ней?

– К богине любви? Пегилена, пожалуй, я бы, скорей, упрекнула ее в забывчивости по отношению ко мне.

– Я бы так не сказал, – задумчиво молвил маркиз.

– Что вы имеете в виду?

Он покачал головой и, опершись подбородком на свой кулак, предался размышлениям.

– Чертов Филипп! – вздохнул он. – Кто бы знал, что скрывается под этой прекрасной оболочкой... Вы никогда не пытались как-нибудь вечером, перед тем как он наведается к вам, подсыпать ему в бокал какого-нибудь благотворного порошка? Поговаривают, будто Ла Вьен, содержатель бань на улице Фобур-Сент-Оноре, готовит снадобья, способные вернуть силу истощенным слишком частыми жертвами Венере любовникам, а заодно и старикам, и тем, кого недостаточно горячий темперамент отвращает от ее алтаря. Например, он торгует веществом под

названием «пельвиль», о котором рассказывают, будто оно творит чудеса.

– Нисколько не сомневаюсь. Однако подобные методы мне неприятны. К тому же для этого мне следовало бы иногда иметь возможность поближе подступиться к нему, чтобы хотя бы добраться до его бокала... А это случается нечасто.

У Пегилена округлились глаза.

– Не хотите же вы сказать, что супруг столь безразличен к вашим прелестям, что никогда не посещает ваши покои?

Анжелика прерывисто вздохнула.

– Именно так, – тусклым голосом ответила она.

– А что об этом думает ваш официальный любовник?

– У меня его нет.

– Как вы сказали? – Лозен аж подскочил. – Ну, скажем, мимолетные друзья?

– ?..

– Уж не пытаетесь ли вы убедить меня, что у вас их нет?

– И тем не менее, Пегилен, осмелюсь настаивать, что это правда.

– Не-ве-ро-ят-но! – прошептал маркиз, придав лицу выражение трагического изумления, как при получении печального известия. – Анжелика, вы заслуживаете хорошей порки.

– За что? – возразила она. – Здесь нет моей вины.

– Вы виноваты во всем. С вашей кожей, вашими глазами, вашей фигурой в подобных неурядицах упрекать следует только себя. Вы чудовище, вы жестокое и опасное создание! – Он сурово коснулся пальцем ее виска. – Что у вас там, в вашей злой головке? Расчеты, планы, рискованные и сложные построения, приводящие в смущение даже господина Кольбера и огорчающие господина военного министра Летелье? Серьезные люди снимают перед вами шляпу, а потерявшая голову молодежь не знает, как спасти свои последние жалкие сбережения от ваших алчных рук. И вместе с тем ангельское лицо, глаза, в сияющей глубине которых можно утонуть, губы, на которые нельзя смотреть без желания впиться в них поцелуем! Сколь изощренна ваша жестокость! Вы обставляете свои появления ошеломляюще и преподносите себя как богиня... И для кого? Я вас спрашиваю!

Горячность де Лозена привела Анжелику в замешательство.

– Чего вы от меня хотите? – перебила она его. – У меня много дел.

– Какие еще, к черту, дела могут быть у женщины, кроме любви? Право, вы просто эгоистка, запершаяся в башне, которую вы сами же себе и построили, чтобы защититься от жизни.

Анжелику поразила такая пронизательность под завитым париком придворного.

– Это и так, и не так, Лозен. Кто может понять меня? Вы не были в преисподней...

Охваченная внезапной слабостью, она откинула назад голову и прикрыла глаза. Только что Анжелика вся горела, а теперь ей казалось, что она ощущает, как холодна кровь в ее венах. Она почувствовала нечто напоминающее смерть или приближение старости. Ей захотелось позвать Пегилена на помощь, однако в то же время рассудок подсказывал ей, что такой спаситель может увлечь ее к новым опасностям. Анжелика решила оставить скользкую тему. Выпрямившись, она игриво спросила:

– Между прочим, Пегилен, вы так и не сказали мне, добились ли вы в конце концов должности гроссмейстера?

– Нет, – спокойно ответил Пегилен.

– Как – нет?

– Нет. Вы уже неоднократно наносили мне удары, однако на сей раз я не попадусь в ловушку. Вы в моей власти и пока со мной не рассчитались. В настоящий момент меня интересует не должность гроссмейстера, а причина, по которой ваша женская судьба прячется в вашей упрямой головке, а не здесь. – Он положил ладонь прямо на грудь молодой женщины.

– Пегилен! – Анжелика гневно поднялась с дивана.

Но он проворно схватил маркизу, так что она потеряла равновесие, и, опрокинув на свою правую руку, просунул левую между ее колен. Теперь Анжелика почти лежала на софе, прижавшись грудью к де Лозену.

– Молчите и ведите себя тихо, – назидательно вытянув указательный палец, приказал он. – Медицина изучит ваш случай. Я полагаю, он критический, однако не безнадежный. Ну же, приступим. Прежде всего попросту перечислите мне всех благородных господ, что вертятся вокруг вас и теряют сон при одном упоминании вашего имени.

– Право... Неужели вы полагаете, что их много?

– Запрещаю вам делать вид, что вы удивлены моим вопросом!

– Но, Пегилен, уверяю вас, я не понимаю ваших намеков.

– Как, вы даже не заметили, что при вашем появлении маркиз де Лавальер трепещет, словно обезумевший мотылек; что брат Атенаис Вивонн, столь счастливый в любовных делах, начинает заикаться; что Бриенн принимается острить... Господа Сент-Эньян, Роклор начинают волноваться, а наш сангвиник Лувау после десятиминутной болтовни с вами буквально истекает кровью...

Она весело рассмеялась.

– Я запрещаю вам смеяться, – отрезал Пегилен. – Если вы не заметили всего этого, значит ваш недуг еще страшнее, чем я полагал. Значит, вы не ощущаете всей той горячности, того пламени, что вас окружает? Клянусь Вельзевулом, у вас кожа саламандры. – Он указательным пальцем коснулся ее шеи. – А ведь не скажешь...

– А как же вы, господин де Лозен? Себя вы не включаете в список сжигаемых на огне?

– О нет, только не я, – живо возразил он. – О нет, я бы ни за что не осмелился, я бы слишком боялся.

– Меня?

Глаза маркиза подернулись легкой дымкой.

– Вас... и всего, что вас окружает. Вашего прошлого, вашего будущего, вашей тайны.

Анжелика пристально взглянула на него. Потом вздрогнула и спрятала лицо на его затянутой в голубой атлас груди:

– Пегилен!

Легкомысленный Пегилен был старым другом. Ему была известна ее старая драма. В каждом трагическом закоулке ее судьбы он появлялся внезапно, словно марионетка из-за ширмы. Он возникал, пропадал, возникал вновь.

И сегодня вечером он тоже был здесь, верный самому себе.

– Нет, нет и нет, – повторил он. – Я не люблю рисковать. Сердечные муки пугают меня. Не рассчитывайте, я не стану флиртовать с вами.

– Интересно, а чем вы сейчас занимаетесь?

– Утешаю вас, это не одно и то же.

Его палец скользил вниз по ее шелковистой шее, рисуя какие-то узоры, следуя за изгибом ожерелья из розового жемчуга, отбрасывающего молочные отблески на белую кожу.

– Вам причинили много зла, – нежно прошептал он, – и нынче вечером вам очень грустно. Черт побери! – Выдержка внезапно оставила его. – Да вы напряжены, точно каленая сталь! Расслабьтесь. Можно подумать, вас никогда не касалась рука мужчины! Мне чертовски хочется преподать вам небольшой урок...

Маркиз склонился над Анжеликой. Она снова попыталась высвободиться, однако он силой удержал ее. В его движениях ощущалась властность человека, не склонного хвастаться любовными победами. Его глаза странно мерцали.

– Вы достаточно дразнили нас, дамочка! Пробил час отмщенья. К тому

же я умираю от желания осыпать вас ласками и полагаю, что вы в этом очень нуждаетесь.

И он принялся покрывать поцелуями ее веки и виски. Потом его горячие губы коснулись уголка ее рта.

Анжелика вздрогнула. Животное желание, точно хлыстом, ожгло ее. К нему примешивалось несколько извращенное любопытство на собственном опыте испытать таланты известного при дворе донжуана.

Пегилен был прав. Филипп не в счет. Безумный праздник, золоченый балет двора захватил Анжелику. Она знала, что уже никогда не сумеет жить вне этого круга, в одиночестве, наедине со своими прекрасными платьями и драгоценными украшениями. Она будет скользить со всеми вместе, неотличимая от них, уносимая волнами интриг, сделок с совестью и адюльтеров. Что за крепкий, ядовитый и восхитительный напиток!

Чтобы не умереть, ей следовало выпить его залпом.

Анжелика глубоко вздохнула. С целительным теплом мужских ласк к ней возвращалась склонность к беззаботности. И когда губы маркиза де Лозена коснулись ее губ, она им ответила, сначала робко, а затем целиком отдалась страсти.

Яркий свет принесенных двумя процессиями лакеев и расставленных вдоль галереи факелов и фонарей ненадолго разлучил любовников.

Анжелика никак не могла понять, как в их убежище сохраняется прежний полумрак.

Прямо возле них лакей устанавливал на консоли канделябр на шесть свечей.

– Эй, дружище, – прошептал Пегилен, перегнувшись через подлокотник дивана, – унеси-ка свой светильник подальше.

– Не могу, сударь. Боюсь навлечь на себя гнев господина осветителя, отвечающего за эту галерею.

– Тогда хотя бы задуй три свечи, – отвечал маркиз, бросая лакею золотую монету.

И, тут же позабыв о нем, снова сжал молодую женщину в объятиях.

– Ты здесь! Как ты прекрасна! Как ты соблазнительна!

Ожидание распалило обоих. Анжелика застонала и впилась зубами в переливчатое плечо прекрасного голубого камзола. Пегилен тихонько засмеялся:

– Не торопитесь, маленькая волчица... Сейчас я постараюсь угодить вам... Однако здесь довольнолюдно; позвольте, я справлюсь сам.

Она подчинилась, задыхающаяся и покорная. Золотистый покров страстного забытья упал на ее горести. Теперь она вся была лишь

страстным телом, разгоряченным наслаждением, ее не заботило ни место, где она находилась, ни даже умелый партнер, прикосновения которого заставляли ее трепетать.

– Дитя мое, вы много грешили, но, принимая в расчет ваше раскаяние, доказательством коего явилась та горячность, с которой вы принялись за исправление ошибок, полагаю, что мне не следует отказывать вам в благословении маленького бога Эроса и в отпущении вам грехов. В наказание вы...

– Ах, что вы за развратник! – слабо усмехнувшись, томно запротестовала она.

Подхватив рукой прядь золотистых волос, Пегилен прикоснулся к ним губами. Втайне он удивлялся своей радости. В ней не было ничего напоминающего чувство пресыщения, следующего за утолением желания. Почему? Что это за женщина?

– Анжелика, ангел мой, боюсь, я позабыл о своих добрых намерениях... О да, я стораю от желания узнать больше. Не хотите ли вы... Умоляю, ближе к ночи, после вечерней аудиенции у короля, приходи ко мне.

– А мадам де Роклор?

– Подумаешь!..

Приподняв голову с его плеча, Анжелика стала приводить в порядок кружева на своей груди. И вдруг рука ее замерла в воздухе.

В нескольких шагах от них, на фоне ярко освещенной стены галереи, выделялся неподвижный черный силуэт. Не стоило даже вглядываться в его черты: Филипп!

Пегилен де Лозен не раз бывал в подобных ситуациях. Ловко приведя в порядок свою одежду, он поднялся и отвесил маркизу дю Плесси глубокий поклон:

– Сударь, назовите своих секундантов: я к вашим услугам.

– А моя жена к услугам всего двора, – медленно ответил Филипп. – Прошу вас, маркиз, не стоит никого беспокоить.

Отставив ногу, он поклонился едва ли не ниже, чем Пегилен, и удалился своей великолепной походкой.

Казалось, маркиз де Лозен превратился в соляной столб.

– Черт побери! В жизни не встречал подобных мужей!

Выхватив шпагу, он перепрыгнул через три ступеньки и бросился вслед главному ловчему.

Так, бегом, он ворвался в Салон Дианы в тот самый момент, когда король в сопровождении принцесс крови выходил из кабинета.

– Сударь, – вскричал Пегилен своим зычным голосом, – ваше презрительное отношение оскорбительно! Я этого не потерплю! Ваша шпага должна ответить!

Филипп опустил холодные глаза на своего жестикулирующего соперника:

– Моя шпага принадлежит королю, сударь. Я еще никогда не сражался за шлюх.

Взбешенный, Лозен всегда говорил с южным акцентом.

– Я наставил вам рога, сударь, – прорычал он, обезумев от досады, – и настаиваю, чтобы вы требовали у меня сатисфакции.

Глава XII

Анжелика села на постели. Голова гудела, рот заполняла горечь. Поднималась заря, серая, как пепел.

Она запустила пальцы в спутанные волосы. Кожа на голове болела. Потянувшись за зеркальцем на прикроватном столике, она скривилась от боли. Рука распухла. Анжелика в недоумении уставилась на свое запястье. И вдруг вспомнила: Филипп!

Она выскочила из постели, спотыкаясь, сунула ноги в домашние туфли. Надо поскорей узнать, что произошло между Филиппом и Лозеном. Удалось ли королю убедить их не драться на дуэли? А если они все же дрались, какая участь ожидает выжившего? Арест, заключение под стражу, опала?..

С какой стороны ни посмотреть, всюду страшная и безвыходная ситуация.

Скандал! Чудовищный скандал!

При одном воспоминании о том, что случилось в Фонтенбло, стыд жег ее огнем.

Она снова видела невозмутимого Филиппа и Пегилена, выхватывающего шпагу и принимающего боевую позицию прямо на глазах у короля. И разнимающих их господ де Жевра, де Креки и Монтозье. Кипящий гасконец извивался в руках Монтозье и вопил: «Я наставил вам рога, сударь!» А взоры придворных обратились на пунцовую от стыда Анжелику, даже не успевшую привести в порядок свое роскошное платье.

Каким чудесным усилием воли удалось ей все же сделать несколько шагов и присесть перед королем и королевой в самом глубоком реверансе? Как ей достало сил, держась очень прямо, пройти между двумя рядами придворных, под насмешливыми или возмущенными взглядами, среди шепота, сдавленных смешков и столь полной и пугающей тишины, что ей хотелось обеими руками подхватить свои юбки и бежать.

Но, однако, она держалась до конца, вышла, не ускорив шага, и тут-то, в пустынном и плохо освещенном коридоре, рухнула, ни жива ни мертва, на кушетку.

Там и обнаружила ее чуть позже мадам де Шуази. С видом смущенной простушки благородная дама, облизывая губы, сообщила маркизе дю Плесси-Бельер, что в настоящий момент его величество наедине отчитывает господина де Лозена, что принц взял на себя переговоры с

оскорбленным супругом и что двор надеется, что неприятную ситуацию удастся разрядить. Тем не менее госпожа дю Плесси должна понимать, что ее присутствие при дворе становится нежелательным и что король поручил госпоже де Шуази передать маркизе, что она должна тотчас же покинуть Фонтенбло.

Анжелика приняла вердикт почти с облегчением. Она бросилась к своей карете и мчалась всю ночь напролет, несмотря на брюзжание кучера и лакеев, боявшихся нападения бандитов в лесу.

«Судьба ко мне неблагоприятна! – думала Анжелика, с горечью разглядывая в высоком зеркале туалетной комнаты голубые от усталости веки. – Ежедневно и еженощно при дворе бесчисленное количество женщин с невероятной ловкостью обманывают своих мужей. Стоило однажды случиться такому со мной, и у меня под ногами буквально разверзается твердь. Точно: судьба ко мне неблагоприятна!»

Готовая залиться слезами, она принялась дергать шнурки всех колокольчиков. Зевая, появились заспанные Жавотта и Тереза. Анжелика приказала помочь ей переодеться, потом послала за Флипо и велела ему бежать в особняк маркиза дю Плесси, на улицу Фобур-Сент-Антуан, и разузнать там все, что только можно.

Она уже заканчивала одеваться, когда шум въезжающей во двор ее дома кареты заставил Анжелику замереть. Сердце сильно билось. Зачем кто-то пожаловал в шесть утра? Кто это? Она бросилась к лестнице, на неверных ногах спустилась на несколько ступеней, перегнулась через перила и увидела Филиппа в сопровождении Ла Вьолета, несшего две шпаги, и личного духовника маркиза.

Ее супруг поднял голову.

– Я только что убил господина де Лозена, – сказал он.

Чтобы не упасть, Анжелика вцепилась в перила. Сердце ее бешено билось. Филипп. Он жив!

Она торопливо спустилась и, подойдя к мужу, заметила, что его пластрон и жилет забрызганы кровью. Впервые она видела, что он без свойственного ему изящества накинул плащ, потому что поддерживает правую руку левой.

– Вы ранены? – беззвучным от волнения голосом спросила она. – Это опасно? О Филипп, вам надо сделать перевязку. Пойдемте, прошу вас!

Она повела маркиза к себе в спальню. Видимо, он был сильно оглушен, потому что без комментариев последовал за ней, опираясь на ее плечо, потом тяжело рухнул в кресло и закрыл глаза. Лицо Филиппа было белым, как его кружевной воротник.

Приказав служанкам принести воду, корпию, порошки, бальзамы и настоящую на ароматических травах воду венгерской королевы, Анжелика трясущимися руками схватила свою шкатулку для шитья, достала из нее ножницы и принялась резать отвердевшую от крови ткань.

– Выпейте, – протянула она ему целебный настой, как только Филипп немного пришел в себя.

Рана выглядела неопасной. Длинный порез начинался у правого плеча и шел до левой стороны груди, однако был задет лишь поверхностный слой мышц. Анжелика промыла порез, приложила майльскую горчицу и порошок из толченых раковых панцирей.

Филипп, не поморщившись, вытерпел ее заботы, даже когда она смазала открытую рану горчицей. Казалось, он пребывает в глубокой задумчивости.

– Я пытаюсь понять, как удастся уладить вопрос этикета, – наконец произнес он.

– Какого этикета?

– Относительно ареста. Обычно арест дуэлянтов производит капитан королевских гвардейцев. Но нынешний капитан гвардейцев не кто иной, как маркиз де Лозен. А посему он не может арестовать самого себя, не так ли?

– Он тем более не может этого сделать, будучи мертвым, – нервно усмехнувшись, заметила Анжелика.

– Он? Да на нем даже царапины нет!

Молодая женщина замерла с перевязочной тканью в руке:

– Но разве вы не сказали мне только что...

– Мне хотелось знать, лишитесь ли вы чувств.

– С чего бы мне, в самом деле, лишиться чувств из-за какого-то Пегилена де Лозена... Я была взволнована, разумеется... Выходит, поражение потерпели вы, Филипп?

– Пришлось признать себя побежденным, чтобы прекратить эту глупость. И я не собирался прерывать двадцатилетнюю воинскую дружбу с Пегиленом из-за какой-то... маркизы. – Он побледнел, его взгляд потускнел, Филипп был близок к обмороку. – Кажется, король вас называет: «моя драгоценная».

Глаза Анжелики снова наполнились слезами. Она приложила руку ко лбу. Как же он сейчас слаб, он, столь твердый духом!

– О Филипп, – пробормотала она, – все зря! А ведь вы давеча спасли мне жизнь! Ах, почему же все случилось так, а не иначе? Как бы мне хотелось... любить вас.

Властно подняв руку, он заставил ее умолкнуть.

– Думаю, они идут, – произнес маркиз.

На мраморной лестнице послышался звон шпор и оружия. Потом дверь медленно отворилась и в щель просунулось испуганное лицо графа де Кавуа.

– Кавуа! – сказал Филипп. – Ты пришел арестовать меня?

Граф нервно кивнул.

– Хороший выбор. Ты полковник мушкетеров, и после капитана королевских гвардейцев именно к тебе должна перейти эта обязанность. А что Пегилен?

– Он уже в Бастилии.

Филипп с трудом поднялся из кресла:

– Веди меня. Сударыня, соблаговолите накинуть камзол мне на плечи.

Но стоило Анжелике услышать слово «Бастилия», она почувствовала головокружение. Все сначала!.. Опять у нее отбирают мужа, чтобы заточить в Бастилию. Мертвенно побледнев, она протянула к графу молитвенно сжатые руки:

– Господин де Кавуа, заклинаю вас, не в Бастилию.

– Сожалею, сударыня, но таков приказ короля. Вам должно быть известно, что господин дю Плесси серьезно нарушил указ, подравшись на дуэли, несмотря на строжайший запрет. Однако не отчаивайтесь. С ним будут хорошо обходиться, ухаживать за ним, к тому же лакей получил дозволение сопровождать его.

И Кавуа протянул Филиппу руку, чтобы тот мог опереться на нее.

Анжелика закричала, как раненый зверь:

– Не в Бастилию!.. Заточите его куда хотите, но только не в Бастилию!

Уже подошедшие к двери дворяне обернулись, в их взглядах читалось смущенное недоумение.

– А куда бы вы хотели, чтобы меня заперли? Может, в Шатле? С мужланами? – бросил Филипп.

Все повторялось! Ожидание, молчание, невозможность действовать, непоправимая катастрофа. Анжелика снова видела, как, спотыкаясь, бредет по дороге, и тревога уже душила ее, как в кошмарном сне, когда тщетно пытаешься убежать, а свинцовые ноги не оторвать от земли. В течение нескольких часов ей казалось, будто она теряет рассудок.

Служанки, обеспокоенные состоянием своей госпожи, которую они привыкли видеть энергичной, неожиданно нашли способ успокоить ее:

– Надо бы вам повидаться с мадемуазель де Ланкло, сударыня.

Мадемуазель де Ланкло.

И почти силой они усадили ее в портшез.

Совет оказался хорошим. Только Нинон с ее уравновешенностью, ее опытом и знанием людей, Нинон с ее добрым сердцем могла выслушать Анжелику, не приняв за сумасшедшую и не возмущаясь.

Она заключила молодую женщину в свои объятия, называла ее «душенька моя», а когда паника Анжелики немного рассеялась, попыталась доказать ей, насколько ничтожное значение имеет подобный инцидент при дворе. В доказательство Нинон привела множество примеров. Ежедневно в Париже мужья дерутся на дуэлях, чтобы отомстить за оскорбленную честь.

– Но... Бастилия! – Кровавые буквы ненавистного слова расплывались перед глазами Анжелики.

– Да, Бастилия! Но оттуда выходят, голубушка.

– Да, чтобы попасть на костер!

Нинон погладила ее по голове:

– Не знаю, на что вы намекаете. Вероятно, в ваших воспоминаниях есть связанный с этим страшный эпизод, который лишает вас самообладания. Но когда к вам вернется ваш обычный здравый смысл, вы согласитесь со мной, что название «Бастилия» хоть и впечатляет, но не пугает. Это просто чулан короля. Есть ли хоть один из наших прекрасных господ, кто не провел бы там некоторое время, расплачиваясь за дерзость или неповиновение, к чему так часто приводит их горячий нрав? Сам Лозен возвращается туда уже в третий, если не в четвертый раз. И его пример великолепно доказывает, что из Бастилии выходят, да к тому же получают бóльшие почести, чем прежде. Так что дайте королю время, он имеет право заставить недисциплинированную паству почувствовать его кнут. Он же первый с облегчением вздохнет, когда его главный ловчий или наш злостный шалун де Лозен выйдет на свободу...

Своими добрыми словами мадемуазель де Ланкло удалось вернуть покой в душу Анжелики, согласившейся, что ее страхи смешны и необоснованны.

Нинон посоветовала ей пока ничего не предпринимать и подождать, чтобы все успокоилось:

– Один скандал сменяет другой! А двор щедро плодит их! Терпение. Держу пари, что уже через неделю на устах сплетников будет другое имя.

По ее совету Анжелика приняла решение на время удалиться в монастырь кармелиток, где жила послушницей ее младшая сестра Мари-Агнес. Это был лучший способ избежать сплетен света, только и ждущего

новой истории, и одновременно оставаться в гуще событий.

В монашеском чепце юная зеленоглазая и узколицая Мари-Агнес де Сансе со своей лукавой улыбкой напоминала одного из тех ангелов, внушающих трепет своим изяществом, что встречают вас под портиками старых соборов. Анжелику удивляло твердое решение сестры, которой едва минул двадцать один год, постричься в монахини. Жизнь в лишениях и молитве, казалось, так мало подходила темпераменту Мари-Агнес, о которой уже в двенадцать лет говорили, что в нее точно бес вселился, и чья короткая карьера среди фрейлин королевы была всего лишь обжигающей вспышкой быстрых и распутных приключений. Анжелика пребывала в твердой уверенности, что по части любви сестрица гораздо опытнее, чем она. Похоже, таково же было и мнение юной послушницы, которая, снисходительно выслушав ее исповедь, вздохнула:

– Как ты еще молода! К чему изводить себя из-за столь банальной истории?

– Банальной? Мари-Агнес, я только что призналась тебе, что обманула мужа. Ведь это грех?

– Нет ничего банальнее греха. Вот добродетель – редкость. Такая редкость в наши дни, что даже стала оригинальной.

– Одного не могу понять: как это произошло... Я не хотела, но...

– Послушай, – резко, как было принято в их семье, прервала ее Мари-Агнес, – дело не в том, хотела ты этого или не хотела. Просто, если не хочешь, не следует жить при дворе.

Возможно, именно в этом и была причина ее полного разрыва с миром.

В полной тишине святой обители, где замирали все городские звуки, Анжелика на мгновение задумалась о покаянии.

Визит госпожи де Монтеспан прервал ее устремления к Небесам, вернув к сложным земным проблемам.

– Не знаю, верно ли я поступаю, – сказала подруге прекрасная Атенаис, – однако, как бы то ни было, я сочла необходимым предупредить вас. Поступайте, как вам угодно, а главное, не выдавайте меня. Солиньяк принял историю с дуэлью на свой счет. А это значит, что дела вашего мужа принимают дурной оборот.

– Маркиз де Солиньяк? А он-то тут при чем?

– Как всегда, защита Господа и Его священных прав. Я предупреждала вас, что он существо мрачное и противоречивое. Ему пришло в голову, что дуэль является одной из опор ереси и атеизма. Воспользовавшись

поединком Лозена и вашего супруга, он вынуждает короля проявить суровость, чтобы «показать пример». То есть разжечь костер.

Увидев, что Анжелика побледнела, легкомысленная маркиза дружески хлопнула ее по щеке веером:

– Я пошутила. Но будьте осторожны. Этот безумный святоша вполне способен добиться по меньшей мере длительного заключения, вечной немилости, да мало ли чего еще! А король прислушивается, потому что, как ему помнится, Лозен частенько раздражал его. К тому же он недоволен, что эти двое дворян воспротивились его желанию все уладить. Сама по себе дуэль его не шокирует. Тут дело в законе. Короче, общее мнение таково: не все так гладко. На вашем месте я попробовала бы вмешаться, пока не поздно и король еще колеблется.

Отложив молитвенник, Анжелика тотчас покинула обитель благочестия.

Нинон де Ланкло, к которой снова наведальась Анжелика, упрямо не хотела принимать всерьез историю с обманутым мужем. Кто захочет выставить себя таким глупцом, чтобы затеять процесс? Когда эпидемия принимает всеобщий характер, медики не занимаются частными случаями.

Людовик XIV, которому сообщили шутку, улыбнулся. Хороший знак.

Однако куртизанка нахмурилась, когда Анжелика рассказала ей, какая роль отводится в этой истории господину де Солиньяку. Она помнила времена, когда по приказу Ришелье топор палача рубил благородные шальные головы, дабы «показать пример» и заставить молодых дворян отказаться от пагубной мерзкой привычки драться на дуэлях.

– Если господин де Солиньяк вбил себе в голову, что шпагой вашего мужа задета честь Господа, мы можем с уверенностью полагать, что он убедит короля своим упрямством, которое иные использовали, чтобы добиться милости.

– Вы думаете, король может поддаться влиянию?

– С его стороны это не вопрос слабоволия. Хотя король считает господина де Солиньяка невыносимым, выдвинутые этим последним аргументы имеют вес. На его стороне религиозный закон и закон вообще. Если король утверждает, что поддерживает тот и другой, он не может пренебречь ими. Дело могло бы уладиться, сохрани его участники тайну. А эти раструбили всему свету.

Анжелика размышляла, опустив голову. Теперь, когда предстояло вступить в бой, к ней вернулось самообладание.

– А что, если мне повидаться с господином де Солиньяком?

– Попробуйте.

Глава XIII

Несколько мгновений Анжелика неподвижно стояла возле ограды замка Сен-Жермен. Ей только что сообщили, что двор отправился в Версаль. Она чуть было не отказалась от своей затеи. Но одумалась и снова уселась в карету.

– В Версаль! – крикнула она кучеру.

Тот, ворча, стал разворачивать упряжку.

Сквозь струи дождя Анжелика смотрела в окошко на окутанные туманом голые деревья.

Дождь, холод, грязь! Что за тоскливая зима! Вся надежда на первый сверкающий снег, который выпадет к Рождеству.

Анжелика не чувствовала застывших ног. Время от времени она морщилась, и в глазах ее загоралось то, что мадемуазель де Паражон называла боевым задором.

Она заново переживала свой разговор с маркизом де Солиньяком. По ее просьбе тот согласился встретиться с молодой женщиной. Не у себя и, уж разумеется, не у нее. Соблюдая глубокую тайну, они увиделись в крошечной ледяной приемной монастыря целестинцев. Вдали от блеска двора, где высокий рост и монументальный парик главного камергера королевы придавали ему определенное благородство манер, здесь господин де Солиньяк показался Анжелике невзрачным и странно подозрительным.

Казалось, все в его глазах представляет повод для негодования. Он не утаил от Анжелики, что для столь официального свидания ее наряду недостает скромности.

– Вероятно, вам все кажется, что вы в свете люстр, при дворе, сударыня. И меня вы принимаете за одного из тех блондинов, что способны лететь на ваши чары, как мотыльки на пламя свечи? Не знаю, с какой целью вы пожелали встретиться со мной, однако, ввиду того удручающего положения, в которое поставило вас ваше же легкомыслие, имейте хотя бы деликатность прикрыть свои пагубные прелести, ставшие причиной великого несчастья.

Анжелике приходилось только удивляться. Полузакрыв глаза, так что едва был виден их язвительный блеск, господин де Солиньяк спросил ее, постится ли она по пятницам, подает ли милостыню, видела ли «Тартюфа» и сколько раз.

Пьеса господина Мольера «Тартюф», по слухам, была плохо принята

святошами. Анжелика не была при дворе, когда автор представлял свою комедию, поэтому не видела ее.

Недооценив силу, каковой является Общество Святых Даров, молодая женщина рассердилась. Беседа разладилась, в репликах сквозило раздражение.

– Горе тому или той, кто вызвал скандал! – заключил непримиримый маркиз.

Анжелика рассталась с ним, потерпев полное поражение. Ярость заменяла ей отвагу. Она решила добиться свидания с королем.

Маркиза переночевала на постоялом дворе в окрестностях Версаля. С раннего утра она уже ждала в приемной для просителей, предварительно прорепетировав реверанс перед золотым нефом, который на мраморном камине представлял персону короля. Час подачи ходатайств собирал под богато украшенные своды Версаля обычный контингент: бывших военных, лишившихся пенсии, обобранных вдов и разорившихся дворян. Все эти несчастные обломки кораблекрушения, уставшие от безразличия судьбы и людей, обращались за помощью к всемогущему королю. Тут же неподалеку, в долгополой накидке, стояла госпожа Скаррон, являвшая законченный образ или почти символ всех просителей.

Анжелика не подняла с лица кружева капюшона, и госпожа Скаррон не узнала ее.

При виде короля стоящая на коленях Анжелика подала ему заранее подготовленное прошение, в котором госпожа дю Плесси-Бельер униженно умоляла его величество дать ей аудиенцию.

Ее обнадежило то, что, бросив взгляд на ходатайство, король, вопреки обыкновению, не передал его господину де Жевру, а продолжал держать в руке.

И все же именно господин де Жевр, когда толпа схлынула, подошел к даме под вуалью и вполголоса пригласил ее следовать за ним. Вскоре перед ней открылись двери кабинета короля.

Анжелика не ждала, что ее так скоро примут. С беспорядочно бьющимся сердцем она сделала несколько шагов и, едва дверь за ней затворилась, снова рухнула на колени.

– Встаньте, сударыня, – услышала она голос короля, – встаньте и подойдите.

Голос не был сердитым.

Молодая женщина повиновалась и, подойдя к столу, осмелилась поднять вуаль.

В кабинете было очень темно; потоки дождя заслонили небо, и

снаружи доносился шум падающих в песок струй. Несмотря на полумрак, Анжелика смогла разглядеть на лице Людовика XIV тень улыбки. Он милостиво произнес:

– Я очень огорчен, что одна из моих знатных дам прибегает к такой таинственности, чтобы встретиться со мной. Разве вы не могли прийти и заявить о себе при свете? Вы супруга маршала.

– Сир, я так смущена, что...

– Хорошо, к делу. Принимаю ваше смущение как оправдание. В тот вечер вам бы не следовало столь поспешно покидать Фонтенбло. Бегство никак не вяжется с достоинством, каковое вы выказали во время печального инцидента.

Анжелика едва сдержалась от удивленного возгласа. Она чуть было не заметила государю, что удалилась именно по его приказанию, переданному через госпожу де Шуази.

Король тем временем продолжал:

– Хорошо, оставим. Какова цель вашего визита?

– Сир, Бастилия...

От одного названия у нее перехватило дыхание. Поняв, что не с того начала, Анжелика замолчала. Она растерялась и нервно сцепила пальцы.

– Давайте разберемся, – мягко подбодрил ее король. – За кого вы пришли просить? За господина де Лозена или за господина дю Плесси?

– Сир, – с жаром воскликнула Анжелика, – меня тревожит лишь участь моего мужа!

– Увы, так было не всегда, сударыня! Если верить молве, сдается мне, что в какой-то момент, возможно очень краткий, но определенный, участь маркиза и его честь отошли на второй план ваших забот.

– Это так, сир.

– Вы сожалеете?

– Сожалею, сир, от всей души.

Под его пристальным взглядом Анжелике припомнилось то, что она слышала о любопытстве государя к личной жизни его подданных.

Однако этот пристрастный интерес сопровождался полным соблюдением тайны. Король *знал*, но не вдавался в обсуждения. Более того: заставлял молчать.

В этом проявлялся его глубокий интерес к людям и желание узнать их сокровенное, дабы овладеть наиболее верным способом управлять ими, а при случае и поработать их.

С едва различимого в бледном свете серьезного, повернутого к ней лица Анжелика перевела взгляд на лежащие на черном столе руки короля.

Спокойные, неподвижные и властные.

– Что за погода! – внезапно воскликнул он, отодвигая кресло, чтобы встать. – Похоже, свечи пора просить уже в полдень. Не могу разглядеть вашего лица. Подойдите-ка к окну, я на вас посмотрю.

Она покорно последовала за ним. За окном лил дождь. Король продолжал:

– Поверить не могу, что господин дю Плесси столь безразличен к прелестям своей жены, а заодно и к тому, как она их использует. В этом, должно быть, есть и ваша вина, сударыня. Почему вы не живете в особняке мужа?

– Господин дю Плесси никогда не приглашал меня туда.

– Странные манеры. Ну что же, моя драгоценная, расскажите-ка мне, что произошло в Фонтенбло.

– Мне известно, что моему поведению нет оправданий, но незадолго до того мой муж оскорбил меня. При людях.

Она безотчетно взглянула на свое запястье, еще хранящее разоблачительные следы оскорбления. Король взял ее руку, посмотрел и ничего не сказал.

– Я сидела в сторонке. Мне было очень грустно. Мимо проходил господин де Лозен... – И она рассказала королю, как Лозен принялся утешать ее: сначала словами, а затем – перейдя к более конкретным действиям. – Противостоять ухаживаниям господина де Лозена очень трудно, сир. Он так сноровист, что стоит лишь подумать о том, чтобы возмутиться или воспротивиться, как окажешься в таком положении, что не знаешь, как и выпутаться, не рискуя сильно оконфузиться.

– А, вот, значит, как он действует!..

– Господин де Лозен столь искушен. Он бессовестный распутник, но в глубине души – добрейший человек. Впрочем, ваше величество знает его лучше, чем я.

– Хм, это как посмотреть, сударыня, – насмешливо заметил король. – Вы прехорошенькая, когда вот так краснеете, – продолжал он. – В вас есть забавные контрасты. Вы робки и отважны, веселы и серьезны... Недавно я наведалься в оранжереи, чтобы посмотреть растения, которые туда уже перенесли. Среди тубероз я обратил внимание на одну: она нарушала сочетание цветов. Садовники хотели вырвать ее, посчитав сорняком. Бутоны были такой же яркой, как у остальных, и все же иной. Когда я вижу вас среди придворных дам, мне на память приходит то растение... А теперь я сомневаюсь и склонен полагать, что виноват господин дю Плесси...

Монарх нахмурился, и его лицо, еще недавно столь приветливое,

помрачнело.

– Мне всегда не нравилась его склонность к насилию. Я не хочу видеть при дворе господ, которые могут навести иностранцев на мысль о том, что французские нравы по-прежнему остаются грубыми и даже варварскими. Я проповедую галантность по отношению к дамам как необходимое условие доброй репутации нашей страны. Правда ли, что супруг бьет вас, и даже прилюдно?

– Нет! – упрямо возразила Анжелика.

– Вот те на! И все же полагаю, прекрасному Филиппу полезно некоторое время поразмышлять в стенах Бастилии.

– Сир, я пришла, чтобы просить вас освободить его. Выпустите его из Бастилии, умоляю вас!

– Так вы его любите? Хотя мне ваш брак представлялся основанным скорее на горьких воспоминаниях, нежели на счастливых совпадениях. Мне говорили, будто вы едва знали друг друга?

– Да, пожалуй, мы были мало знакомы, зато долго. Он мой кузен... Когда мы были детьми...

Перед мысленным взором Анжелики вновь предстал Филипп, с рассыпавшимися по кружевному воротнику светлыми локонами, в том небесно-голубом камзоле, который был на нем, когда он впервые появился в замке Сансе.

Глядя в окно, она улыбнулась. Дождь прекратился. Между тучами проглянуло солнце, и под его лучами мраморные плиты заблестели. Во двор въезжала оранжевая карета, запряженная четверкой вороных коней.

– ...он уже тогда отказывался обнять меня, – вздохнула маркиза, – и с ужасом отмахивался своим кружевным платком, если мы с младшими сестрами приближались к нему.

Она рассмеялась.

Король внимательно разглядывал ее. Он знал, что Анжелика очень хороша, но, кажется, впервые видел ее так близко. Он мог рассмотреть малейшую шероховатость ее кожи, свежесть ее покрытых нежным пушком щек и изгиб ее губ. Когда она шевельнулась, чтобы отвести с виска светлую прядь, он ощутил ее аромат. От этой женщины словно исходило тепло самой жизни. Людовик неожиданно протянул руки и заключил ее в объятия. Она оказалась невероятно податливой. Он склонился к ее улыбающемуся рту, такому сочному и нежному. Он проник в него и коснулся языком гладких и крепких, как жемчужинки, зубов...

Изумление Анжелики было столь велико, что она не ответила, стоя с запрокинутой головой. Наконец жар поцелуя проник в нее, она задрожала.

Ее руки впились в плечи короля.

Он внезапно отстранился и, улыбаясь, спокойно произнес:

– Не бойтесь. Я просто хотел разграничить ответственность и понять, не было ли с вашей стороны некоторой холодности, уклончивости, способной парализовать законные притязания супруга.

Подобное оправдание не обмануло Анжелику. У нее хватало опыта, чтобы почувствовать, что король только что испытал к ней непреодолимое желание.

– Мне кажется, ваше величество придает изучению этого вопроса больше значения, нежели он того заслуживает, – с улыбкой произнесла она.

– В самом деле?

– В самом деле.

Король отступил еще на шаг и снова уселся за рабочий стол. Он улыбался и совсем не выглядел раздосадованным.

– Не важно! Я ничуть не сожалею, что слишком углубил расследование. Зато теперь у меня сложилось свое мнение... Господин дю Плесси последний из глупцов. Он сто раз заслужил свое заключение, и я непременно сам ему об этом скажу. Надеюсь, на сей раз он прислушается к моим словам. Кстати, в назидание я хочу на некоторое время отправить его в армию, в Пикардию. Да не плачьте, моя драгоценная, вам очень скоро вернут вашего кузена.

Под окнами из оранжевой кареты выходил господин де Солиньяк, главный камергер королевы.

Глава XIV

Когда госпожа дю Плесси-Бельер вернулась домой, в голове у нее был полный сумбур.

Двор особняка перегородила уже распряженная почтовая карета, из которой в большом количестве выносили багаж.

На ступенях крыльца, взявшись за руки, ее поджидали два румяных мальчугана.

К Анжелике вернулось чувство реальности.

– Флоримон! Кантор!

Она совершенно забыла об отправленном в Пуату письме с просьбой привезти сыновей. Своевременно это или нет?

Радость видеть детей восторжествовала над тревогой. Анжелика от всего сердца расцеловала их.

Они были зажатыми, молчаливыми и бестолковыми, как все неотесанные деревенские жители, впервые приехавшие в город. В кованых башмаках, в скрученных штопором шерстяных чулках, провонявшей навозом одежде. Но Анжелику поразило рост Кантора, который в свои семь лет оказался таким же высоким, как старший брат, тоже заметно вытянувшийся. Между братьями не было ничего общего, кроме роскошных вьющихся волос: черных у Флоримона и светло-каштановых у Кантора. Флоримон представлял собой дитя юга с горячим и живым взглядом. Зеленые глаза Кантора напоминали цветки ангелики, или дудника, растущего во влажном полумраке пуатевинских болот. В их ясности было нечто непроницаемое, лишенное выражения.

Появление Барбы, служанки, воспитавшей детей, разрядило обстановку. Она была счастлива вернуться в Париж. Она, по ее собственным словам, плохо представляла, как жить зимой в провинциальном замке, среди тупых крестьян с двумя упрямыми мальчишками, словно с цепи сорвавшимися на свежем воздухе. С ними невозможно справиться. А господин барон, их дедушка, этим сорванцам все позволяет, как и старая кормилица. Самое время отдать их в руки хорошего учителя, пусть научит их грамоте да не жалеет розог.

– Они отправятся ко двору, – вполголоса сообщила ей Анжелика, – и станут воспитываться вместе с дофином.

От восхищения глаза у Барбы сделались совсем круглыми; сложив руки на животе, она с возросшим уважением посмотрела на своих деток:

- Надо бы научить их каким-нибудь манерам!
- И носить шпагу и плюмаж.
- И кланяться.
- И сморкаться, и не харкать, и не пукать повсюду...
- Складно беседовать и отвечать дамам, а не хрюкать, как свинья...

Совершенно очевидно, неотложное и стремительное образование будущих придворных представляло проблему. Решить ее вызвалась госпожа де Шуази. Уже на следующий день она прибыла в особняк Ботрейи в сопровождении маленького аббата в черном одеянии, худенького, как девочка. Под его пудренным париком блестели испуганные глаза лани. Госпожа де Шуази сообщила, что он представитель младшей ветви шартрского рода де Ледигьер, что свидетельствовало о его благородном происхождении и доброй репутации, а заодно об отсутствии средств. Семья аббата, с которой она была в родстве, поручила ей способствовать продвижению юного Мориса в обществе. По мнению госпожи де Шуази, она не могла сделать ничего лучшего, чем порекомендовать его госпоже дю Плесси-Бельер, чтобы та доверила ему обучение своих сыновей.

Аббат получил хорошее образование и служил пажом у архиепископа Сансского.

Госпожа де Шуази добавила, что также следует нанять воспитателя, учителя танцев, наставника по верховой езде и учителя фехтования. Кстати, у нее на примете есть трое молодых людей, способных этим заняться. Один из них, по имени Ракан из семейства Бюей, изучал право, но, будучи слишком беден, чтобы купить патент адвоката, хочет устроиться на службу. Учителем танцев был внук маркиза де Лебура, у этого пожилого дворянина из Фландрии, как известно, в роду всегда были кавалеры ордена Золотого Руна. Третий был иного сорта, поскольку – в виде исключения – принадлежал к очень богатой семье, единственным наследником которой мог оказаться. Однако ему взбрело в голову стать наемным гладиатором, учителем фехтования, так что он утратил право на наследство. Он владел всеми известными видами оружия, включая аркебузу, и мог научить детей, как делать «эстокаду»^[4] и «карусель», как попасть копьем в подвешенное кольцо и всему, чему угодно. Короче, это был отважный паренек. Помимо этого, госпожа де Шуази рекомендовала двух барышень де Жиландон из Шамбора. Их бабушка происходила из рода де Жуаё, а сестра была замужем за графом де Рошем. Они были отнюдь не глупы, но нехороши собой и довольствовались бы очень незначительным жалованьем, поскольку отец разорил их, застав их мать

беременной по своем возвращении из Испании.

– Но к чему мне эти барышни? – спросила Анжелика.

– Возьмите их в свою свиту. Вас вечно сопровождают одни лишь служанки и камеристки. Это не годится для знатной дамы вашего положения, которая предполагает продвигаться при дворе.

Госпожа де Шуази объяснила Анжелике, что в доме, устроенном должным образом, следует иметь среди челяди представителей всех государственных структур. Духовенство в лице священников и воспитателей, знать и дворянство в качестве учителей верховой езды, пажей или дам свиты, мещанство в должности эконома, мажордома, камерлакеев, повара и, наконец, простолюдинов: лакеев и служанок, посыльных и поварят, фореиторов и конюших.

Госпожа дю Плесси не обладала размахом, соответствующим ее репутации и положению. Госпожа де Шуази всего лишь хотела ей помочь. Она надеялась, что молодой маркизе достанет основательности, чтобы не забывать следить за тем, чтобы ее челядь молилась по утрам и вечерам и регулярно ходила к причастию.

Анжелике пока не удалось понять, какую роль играет госпожа де Шуази в Фонтенбло. Не переусердствовала ли ее советчица, ошибочно истолковав приказы короля? Если прежде она выглядела возмущенной, теперь она казалась преисполненной предупредительности.

Госпожа де Шуази очаровательно улыбалась, а в глазах еще горел огонек, хотя ей уже минуло сорок. И все же было в ней что-то мешавшее завязаться тесной дружбе. Прислуга охотно рассказывала, что ее дом напоминает привратницкую. Стоило молодой девушке попасть туда, как ей уже не выбраться. Хозяйка заставляла челядь работать и жестоко наказывала. Швейцар без ее дозволения не осмеливался отворить дверь, а ослушавшись однажды, был бит кнутом. Она приказала отстегать служанку, и та едва не умерла. Поговаривали даже, будто однажды она приказала подвергнуть порке собственного мужа, но после так раскаивалась в своем поступке, что по собственной воле по самую шею погрузилась в болото.

Анжелике казалось, что слухи преувеличены, и не особенно верилось в подобные небылицы. Однако госпожа де Шуази явно обожала устраивать чужие дела. Из боязни, что та предложит новых протеже, несколько одуревшая от всех этих Раканов, Ледигьеров и Жиландонов Анжелика приняла заодно и барышень.

Впрочем, она и сама понимала необходимость как можно скорее верить Флоримона и Кантора в руки тех, кому предстояло школить их.

Они вошли в тот возраст, когда мальчишки садятся верхом на все, что можно оседлать. В отсутствие дедушкиных мулов они довольствовались перилами большой лестницы из ценных пород дерева, и, когда первая робость прошла, особняк на улице Ботрейи стал оглашаться воинственными кличами и шумом беготни.

Домашние хлопоты заняли несколько дней, и об освобождении Филиппа Анжелика узнала от сплетников. Он к ней не пришел. Она колебалась, как лучше поступить. Мадам де Монтеспан настояла, чтобы она вновь появилась при дворе с высоко поднятой головой.

– Король простил вас. Всякий знает, что он долго беседовал с вами. С глазу на глаз он отчитал господина дю Плесси, однако тем же вечером в замке Сен-Жермен маркиз имел честь подать ночную сорочку при отходе короля ко сну. Все поняли, какую дружескую привязанность его величество испытывает к вам обоим.

Госпожа де Шуази подкрепила свои слова сообщением о том, что король высказал пожелание видеть маркизу при дворе, чтобы она представила ему своих сыновей. И Анжелике следует повиноваться без промедления, пока добрые намерения не улетучились из головы государя. Госпожа де Шуази виделась с мадам де Монтозье, супругой будущего воспитателя дофина, нынешней гувернанткой детей из королевского дома. Они назначили день.

Так Флоримон и Кантор были представлены ко двору во время его пребывания в Версале. Обоих нарядили в шелк цвета морской волны, с подобающим количеством розеток и бантов, в белые чулки с золотой отделкой, башмаки на каблуках, а к поясу привесили маленькие гильошированные^[5] серебряные шпаги. Кудрявые шевелюры были прикрыты круглыми шляпами из черного фетра с красным перьями, но не султаном, а спадающими на поля – по тогдашней новой моде. Было холодно, шел снег, поэтому на плечи им накинули расшитые золотом черные бархатные плащи. Аббат Ледигьер говорил, что Флоримон «очень естественно» носит плащ, что является врожденным искусством. Некоторым общим знакомым оно никогда не станет доступно.

Кантор оказался более неуклюжим. Их небольшая свита уверяла, что более или менее спокойна относительно поведения Флоримона, быстро освоившего поклоны и расшаркивания. Однако чего ждать от Кантора, которому все удавалось, стоило ему только захотеть, никто не знал. Оставалось лишь молить Небеса подвигнуть его действовать в нужном направлении.

Покои, отведенные королевским детям, отличались особым уютом,

несвойственным версальскому замку. Там было тепло. В уголке находился вольер, две няни маленькой Мадам носили чепцы своих родных деревень, отделанные тончайшим кружевом немалой цены. Туда частенько заглядывала со своей куделью госпожа Амлен, старая кормилица короля, и тогда чепцы трепетали, словно крылья, принося веселье и радость. Мадам де Монтозье, добрая женщина, растила своего царственного воспитанника без излишней строгости. Очень скоро наступит время, когда он попадет в руки учителей и ему придется следовать строгим правилам этикета.

Дофин, толстый мальчик со всегда чуть приоткрытым ртом, потому что носик у него был, по словам гувернантки, «слегка подпорчен», был недалекого ума, и казалось, в свои шесть с половиной лет он уже тяготится трудной ролью сына Людовика XIV. Впоследствии мало что переменялось. Он рос единственным ребенком, потому что две его младшие сестры-принцессы умерли во младенчестве, причем одна из них была черная, как мавританка. Якобы потому, что королева, «когда ждала ее, пила слишком много шоколада».

Поневоле Анжелика подумала, что ее сыновья, несмотря на стремительный рост, обладают бóльшим изяществом, выправкой, в общем, умением держаться, нежели наследник престола. Она с восхищением следила, как они, дружно и слаженно приблизившись к дофину, отставили ногу, сняли и опустили к полу шляпы и склонились, чтобы поцеловать руку, которую тот с опаской протянул им, непрерывно оглядываясь в ожидании ободрения госпожи де Монтозье. А счастливая мать вспыхнула от гордости, когда Флоримон естественным и любезным, хотя и почтительным тоном произнес:

– Монсеньор, какая у вас красивая раковина.

А раковина представляла собой личное украшение дофина, несравненное сокровище, которое как раз нынче утром он нашел в песке и с которым решительно не желал расставаться, потребовав, чтобы ему приколоты диковинку к одежде, между крестом Святого Людовика и другим крестом, великого адмирала флота. Придворные дамы вынуждены были уступить.

Замечание Флоримона напомнило дофину о его сокровище, и он тотчас же пожелал в деталях показать его новым товарищам. Затем, немного осмелев, он потащил их полюбоваться своей коллекцией глиняных статуэток, пушечкой и самым прекрасным барабаном с мембранами из серебряного полотна.

Подобная интуиция со стороны Флоримона, сообразившего использовать лесть и обходительность, как взрослый, исполнила гордости

его воспитателей. Маленький аббат и учитель Ракан понимающе переглядывались, а довольная Анжелика пообещала себе, что нынче же вечером вручит наставникам своих сыновей вознаграждение в размере тридцати экю.

Вскоре, как и было предусмотрено, появилась королева в сопровождении десятка фрейлин и нескольких придворных.

После взаимных поклонов Кантор был приглашен спеть перед королевой. Здесь во время безупречного представления произошло небольшое недоразумение, потому что ребенок, преклонив одно колено, начал со своей любимой песенки:

Король собрал прекрасных дам
В честь праздничного бала^[6].

Аббат бросился к нему и сказал, что лютня не настроена. Подтягивая колки инструмента, он вполголоса что-то нашептывал воспитаннику, который затем наилюбезнейшим образом затянул другую песню. Инцидент остался почти незамеченным, в частности королевой. Будучи испанкой, она не имела ни малейшего представления о французском фольклоре. Анжелике смутно помнилось, что первая песенка, сочиненная в прошлом веке, намекала на внебрачные любовные связи Генриха IV. Маркиза была признательна аббату, что тот вовремя исправил оплошность. Решительно, она также отблагодарит госпожу де Шуази за столь удачный выбор наставников.

Голос Кантора можно было сравнить только с ангельским. Он был невыразимо чист и одновременно тверд, достаточно силен и не срывался на долгих нотах. Он отличался прозрачностью и хрустальностью, однако не был бесцветным и глуповатым, как иные детские голоса.

Дамы, приготовившиеся вежливо выслушать чудо-ребенка, вскоре были совершенно очарованы. Флоримон, первым обративший на себя внимание, отступил на второй план. Все отмечали миловидность маленького певца, не столь красивого, как старший брат, но с глазами редкого оттенка, наполнявшимися светом, когда он пел. Особенно восторгался господин де Вивонн, и желание польстить Анжелике было не последним в его дифирамбах. Как и многие другие веселые завсегдатаи двора, он обладал некоторыми скрытыми талантами, которыми пользовался любительски и исключительно ради забавы. Вивонн, брат госпожи де Монтеспан, будучи капитаном галер и генерал-лейтенантом

флота, сочинял стихи, музыку и играл на многих инструментах. Ему неоднократно поручалась постановка придворных балетов. Он великолепно с этим справлялся. Он попросил Кантора исполнить кое-какие песенки из своего репертуара, выбрав из наименее фривольных. Там была даже изящная ариетта для рождественской мессы, восхитившая всех присутствующих. Королева категорически приказала тотчас позвать Люлли.

Королевский министр музыки репетировал с хористами в капелле. Явился он с неохотой, но брюзгливое выражение исчезло с его румяного лица, стоило ему послушать мальчика. «Такой богатый голос – редкость», – сказал он. Он не хотел верить, что Кантору едва минуло восемь лет. «Мехи» у него были как у одиннадцатилетнего. Впрочем, вскоре Люлли вновь насупился: «Маленькому вундеркинду суждена короткая карьера, такой голос, как у него, пропадет после ломки почти наверняка. Если только он не последует примеру кастратов, лишившись вирильности к десяти-одиннадцати годам». Подобные голоса в ту эпоху были весьма востребованы. Юные эфебы с безбородыми лицами и серафическими тембрами оставались лучшим украшением королевских капелл Европы. Их набирали в основном из сыновей бедных музыкантов или бродячих комедиантов, желающих обеспечить своим чадам карьеру взамен нормальной, но заурядной жизни.

Анжелика вскрикнула. Оскопить ее крепкого маленького Кантора! Какой ужас! Благодарение господу, он дворянин и ему не суждено страдать от утраты своего дара. Он научится владеть шпагой на королевской службе и породит многочисленное потомство.

Рассуждения господина Люлли вызвали несколько шуток в духе двора, где дамы и господа изъяснялись игривым языком. Кантор переходил из одних объятий в другие. Его ласкали, хвалили, ободряли. Он принимал комплименты со своим обычным видом ласкового котенка.

Сошлись на том, что, когда дофин будет передан в мужские руки, Флоримон и Кантор займут место среди дворян его свиты, чтобы сопровождать его в манеже, во время игры в мяч, а очень скоро и на охоте.

Глава XV

Наступило то время, когда Париж понемногу пробуждался под звуки скрипок и взрывы смеха.

Несмотря на окончание войны, многие дворяне еще не вернулись в столицу.

Анжелика с досадой замечала, что ей с трудом удается следовать моде. Молодая женщина стала полнеть. По вине Филиппа она снова оказалась в положении, и вскоре ей придется избегать появления в свете. Тщетно она перетягивала талию, но, хотя в моде были пышные формы, уже не могла надеть свои любимые туалеты. Похоже, этот ребенок крупнее, чем те, которых она уже выносила!

Теперь Анжелика не участвовала в королевских увеселениях, однако продолжала ездить в Сен-Жермен, куда не требовалось приглашения. Забота о процветании королевства наполняла кулуары замка самой разношерстной публикой. Министерские переписчики, заткнув за ухо гусиные перья, осаждали послов, вели важные споры о торговле ученые-эшевены, кокетливо обмахивались веерами знатные дамы.

Однажды Анжелика повстречала там старого аптекаря Савари, приходившего к ней с прошением. Того самого, кого она мысленно прозвала магом. В блестящем придворном обществе он чувствовал себя как рыба в воде.

Савари заговорщицки подмигнул ей:

- Сударыня, не забудьте... мумиё.
- И когда же наконец появится ваш посол со своим мумиё?
- Тсс! Я дам вам знать! И буду руководить каждым вашим шагом. А пока – молчите и будьте благоразумны...

Проходящая мимо молодая особа вдруг остановилась и, радостно вскрикнув, схватила старика за рукав. Анжелика узнала мадемуазель де Бриенн.

– Сударь, – сказала та, – я вас знаю. Мне известно, что вы кудесник и даже немного колдун. Согласны ли вы пойти на сделку?

– Вы ошибаетесь, сударыня. У меня есть кое-какая репутация, это правда, никто не скажет обо мне дурного слова. Но я всего лишь скромный ученый.

– Я знаю, – настаивала она, и глаза ее сверкнули, – что вы многое можете. У вас есть снадобья, которые вы привезли с Востока. Послушайте,

совершенно необходимо, чтобы вы достали мне право табурета. Назовите свою цену.

– Такие вещи не делаются за деньги.

– В таком случае я вся ваша: и душой, и телом.

– Бедное дитя, вы лишились рассудка!

– Подумайте, господин Савари. Ведь вам это совсем не трудно. А я не вижу иного способа убедить короля предложить мне табурет. А мне так хочется! Ради этого я готова на все!

– Хорошо, хорошо! Я подумаю, – примирительно сказал старый аптекарь, однако отказался от кошелька, который мадемуазель де Бриенн всеми силами пыталась всучить ему.

– Представляете, во что бы я ввязался, если бы согласился, – обратился он к Анжелике, как только мадемуазель де Бриенн удалилась. – Видали, какая забавница! Подавай ей табурет! Хочет сидеть в присутствии короля! Вот о чем они думают, стоит им оказаться при дворе.

Снисходительно качая головой, он вытянул из кармана большой клетчатый носовой платок и принялся протирать стекла пенсне.

– Ах, господин Савари! Я уже готова поверить, что вы обладаете какими-то колдовскими чарами! Самые неприступные красавицы двора бросаются к вашим ногам...

– Только не принимайте меня за сатира. Я тут ни при чем. Молодые женщины, а особенно девицы, подчас обладают дерзостью, способной привести в смущение старого морского бродягу вроде меня. Эту ветреницу честолюбие гложет сильнее, чем одалиску из гарема.

– Вы бывали в гаремах?

– Разумеется, ведь мои снадобья пользовались особым успехом у этих дам. О, не так часто им приходилось видеть мужчину, пусть даже и седовласого. Три евнуха с кривыми турецкими саблями проводили меня в их покои с завязанными глазами. Однажды из-под вуали, скрывающей лицо фаворитки оттоманского султана Ибрагима, меня окликнули по-французски. Это была прелестная девица де Ларошель, которую берберы похитили, когда ей едва минуло шестнадцать. Однако не уводите меня в воспоминания, сударыня. В данный момент нас должно занимать лишь мумиё. Смее ли напомнить, что вы обещали мне свое содействие?

– Мы договорились! Сделаю, что смогу, и не потребую от вас табурета. Однако, полагаю, вы заблуждаетесь относительно моего могущества.

Мэтр Савари испытующе смотрел на нее:

– Я вовсе не колдун, как думает маленькая ветреница, однако могу с

уверенностью предсказать, что уж вы-то получите право табурета. Впрочем, не представляю, чтобы вы могли долго усидеть на одном месте, особенно в Версале, и даже перед королем...

– Если когда-нибудь я получу право табурета, хотя до сих пор мне не удастся добиться должности при дворе, не думайте, что я окажусь столь глупа, чтобы оставить его по собственной воле!

– Сударыня, не сердитесь! Если бы вы побывали на Востоке, то знали бы, что гнев забирает жизненную силу. А вам бы следовало свои силы беречь.

– Чтобы поджидать прибытия вашего мумиё? – съязвила она.

– Да, и для многого другого, – дружелюбно отвечал старик.

Она уже собралась было как-нибудь насмешливо ответить ему, но неожиданно заметила, что он бесшумно исчез.

«Должно быть, в экзотических странах, где он торговал своими снадобьями, мэтр Савари научился появляться и исчезать, как призрак, – подумала она. – А впрочем, он забавный».

Вскоре она обнаружила мадемуазель де Бриенн за игорным столом.

– Чего вы добились от этого аптекаришки? – алчно поинтересовалась та. – Пообещал он вам свое содействие? Говорят, он внушает свои мысли на расстоянии успешнее, чем гадалка Монвуазен.

Анжелика ограничилась улыбкой и принялась тасовать карты. Мадемуазель де Бриенн была хорошенькая брюнетка, пикантная, немного экзальтированная, а главное, очень дурно воспитанная. При дворе она находилась с самого детства. А значит, ее птичий ум был пропитан ядом особой морали. Игра, напитки и любовь представлялись ей времяпрепровождением столь же безобидным, как вышивание или плетение кружев для молодых мещанок.

В тот день, играя против Анжелики, она потеряла десять тысяч ливров^[7] и призналась, что не в состоянии немедленно раздобыть такую сумму для уплаты долга.

– Говорила же я вам, что чертов москательщик принесет вам удачу, – промолвила юная завистница, поморщившись, как ребенок, готовый заплакать. – Что я могла посулить ему, чтобы он занялся и мною тоже? За эту неделю я проиграла уже почти тридцать тысяч ливров. Мой брат снова станет ругать меня и говорить, что я его разоряю...

Догадавшись, что Анжелика вовсе не собирается предоставлять ей длительный кредит, она спросила:

– Не желаете приобрести мою должность консула в Кандии? Я как раз веду переговоры об ее продаже. Она стоит сорок тысяч ливров.

При слове «должность» Анжелика насторожилась.

– Консула? – повторила она.

– Да.

– В Кандии?

– Мне кажется, это такой город, – пояснила мадемуазель де Бриенн.

– И где же?

– Понятия не имею.

– Но женщина не может быть консулом!..

– Разумеется, может! Вот уже три года я владею ею. Должность не требует непременно личного присутствия, зато дает определенное положение при дворе, где любой консул, даже в юбке, имеет право и даже обязан пребывать. Приобретая ее, я рассчитывала на интересные привилегии. Увы, должность консула ничего не дает. Двое управляющих, которых я туда определила, настоящие разбойники, они обделывают свои делишки, заставляя меня оплачивать их представительские расходы. Мне бы не следовало говорить об этом, поскольку я предлагаю вам выкупить у меня должность, но я такая неразумная... И быть может, вы справитесь лучше, чем я. Сорок тысяч ливров – это недорого. А меня бы такая сумма вполне устроила, чтобы расплатиться с долгами.

– Я подумаю, – неопределенно ответила Анжелика.

Впрочем, она пребывала в некоторой растерянности. Консул Франции! Она рассматривала многие варианты, но не этот.

Анжелика отправилась на поиски Савари, и ей повезло найти его.

– Вы так много путешествовали, можете ли вы сказать мне, где находится Кандия?

– Кандия? Могу, черт побери! Хотя никогда там не был. И сожалею. Это очень интересный средиземноморский остров. Там, и только там, можно обнаружить то, что называется *ladanum*. Он, наряду с мускусом, является единственным веществом, придающим неизменность и стойкость лучшим духам. У меня есть несколько образчиков в крохотных пузырьках. Он представляет собой некую смолистую субстанцию, вероятно растительного происхождения, однако с точностью сказать не могу и не знаю, как ее добывают...

– Мне, господин Савари, было бы интересно узнать, кому принадлежит Кандия и большое ли влияние там имеют французы.

Мэтр Савари в задумчивости покусывал бородку.

– Кандия... Кандия... Мне бы следовало туда попасть. Нельзя оставлять неизученной тайну ладана...

– Кандия, – слышалось за их спинами, – ах, остров Крит, лабиринт,

Минотавр. Все жестокие мифы Греции. Сударыня, вас интересует древняя история?

Анжелика узнала голос поэта Лафонтена. Поприветствовав маркизу, он несколько раз учтиво поклонился Савари. Потом непринужденно подхватил молодую женщину под руку и увлек ее за собой:

– Я всегда здороваюсь с людьми, о которых имею хотя бы смутное воспоминание. Однако чаще всего их имена не задерживаются в моей памяти. Где я мог встречать сего благородного старца? Кто бы мне напомнил?

– Я, потому что вы встречались с ним в моем доме. А теперь расскажите мне о Кандии.

– Фи! Кандия – слишком новое название. Следует говорить «остров Крит». Молоко и мед текут у подножия горы Ида, где Тезей убил Минотавра. Хотите, расскажу вам легенду об Ариадне?

Анжелика вежливо отказалась. Она любила узнавать что-то новое, но уже темнело, а ей предстояло добраться до Парижа.

– Хотя бы окажите честь принять от меня подарок, который я для вас приготовил, – попросил поэт, вытаскивая из потертого плюшевого сака небольшую книжицу. – Сегодня у меня был большой день, потому что я передал королю экземпляр первого издания моих басен. Мне бы хотелось поднести и вам такой же, ведь именно благодаря вашему великодушию я получил возможность напечатать их.

Анжелика поблагодарила. Она уже слышала про эти басни. Нинон де Ланкло называла их «требником чувствительной женщины» и распространяла рукописные копии. Сам поэт, с хладнокровием, достойным произнесения клятвы, повсюду читал свои галантные сочинения... Госпожа де Севинье говорила, что порой он подражает Боккаччо, однако превосходит его в бесхитростном умении со знанием дела беседовать о своем творчестве. Он называл ее «прелестный меценат». Ей с трудом удалось избавиться от него.

Глава XVI

Дом господина Кольбера и его кабинет несли на себе отпечаток незамысловатого буржуазного уюта. Этот суровый человек, которого мадам де Севинье метко окрестила именем Север, не питал страсти к роскоши. Экономность была у него в крови. Его честолюбие проявлялось в другом: в безукоризненном и скрупулезном ведении расчетов и составлении своего генеалогического древа.

Тут уж он не скупился и оплачивал труды многочисленных служащих, призванных отыскать в ветхих рукописях упоминание о предках, которое бы послужило хоть мало-мальским доказательством его принадлежности к дворянству. Однако эта маленькая слабость не мешала ему отчетливо видеть недостатки знатных вельмож и влияние, постепенно приобретаемое буржуазией – единственным деятельным и разумным сословием королевства.

Госпожа дю Плесси извинилась, что побеспокоила его, и объяснила, что собирается приобрести должность консула в Кандии. Зная, что господин министр контролирует распределение подобных постов, она бы желала знать его мнение. Нахмурившийся при ее появлении Кольбер смягчился. Редко случается, чтобы хорошенькие вертихвостки задумывались о последствиях, прежде чем приобрести себе должность. Гораздо чаще ему, Кольберу, приходилось брать на себя неблагодарную обязанность наводить порядок в жонглировании теплыми местечками и отклонять наиболее безумные или нелепые, чересчур обременительные для казны или неудобные с деловой точки зрения просьбы. Да и жалобы разочарованных просителей сильно ему докучали.

Анжелика поняла, что мысль о том, что женщина может быть консулом Франции, министра не шокировала. Такое бывало.

К профессиональной точке зрения Савари и мифологическому представлению об острове Кандия добрейшего Лафонтена он добавил свое мнение.

На его взгляд, Кандия, столица острова Крит, располагала лучшим невольничьим рынком на всем Средиземноморье. Более того, только там можно было за сто – сто пятьдесят ливров приобрести русских – крепких и суровых мужиков. Их покупали у турок, взявших пленных в непрекращающихся сражениях в Армении, на Украине, в Венгрии или Польше.

– Нам не следует пренебрегать этим рынком, если мы собираемся направить наши усилия на развитие морского флота, когда предстоит умножить присутствие королевских галер в Средиземноморье. Захваченные нами в боях с пиратами мавры, тунисцы и алжирцы работают плохо. Их в основном используют для пополнения существующих экипажей или чтобы обменять у берберов на пленных христиан. Что же касается преступников, приговоренных к каторжным работам, то они не обладают выносливостью, страдают морской болезнью и мрут как мухи. С давних пор лучших гребцов набирали из турок и русских, которыми как раз и славится рынок Кандии. К тому же они великолепные мореплаватели. Мне даже говорили, будто экипажи английских парусников состоят и из русских рабов. Англичане высоко ценят этих матросов и дорого платят тем, кто помогает их раздобыть. Вот почему Кандия представляется мне местом, не лишенным интереса.

– А каково там положение французов? – осведомилась Анжелика, которая не слишком стремилась заниматься работоторговлей.

– Думаю, наши представители пользуются там уважением. Остров Крит является венецианской колонией. Несколько лет назад туркам взбрело в голову захватить его, так что острову пришлось противостоять нескольким штурмам.

– Стало быть, опасно вкладывать туда свои деньги?

– Смотря во что. Иногда торговля может обернуть войны к собственной выгоде, если государство не принимает в них участия. У Франции добрые отношения как с Венецией, так и с Османской империей.

– Мадемуазель де Бриенн не утаила от меня, что должность не принесла ей почти никакого дохода. Она винит людей, поставленных ею управлять делами и, по ее словам, работающих только на себя.

– Вполне возможно. Сообщите мне их имена, и я смогу начать расследование.

– Значит, вы поддержите мою кандидатуру на эту должность, господин министр?

Нахмурившись, Кольбер выдержал короткую паузу. И наконец вымолвил:

– Да. В ваших руках, госпожа Моран, она, безусловно, выиграет больше, чем если останется у мадемуазель де Бриенн или ее получит какой-нибудь безмозглый дворянин. С другой стороны, такой шаг полностью увязывается с моими планами относительно вас.

– Меня?

– Да. Неужели вы можете думать, что мы легко согласимся с тем,

чтобы способности, подобные вашим, не использовались на благо государства? Его величество прекрасно владеет умением пускать в ход любые средства. Что же касается вас, королю трудно поверить, будто у хорошенькой женщины, помимо очарования, могут быть другие достоинства, например практическая сметка. Я убедил его, что вы можете оказаться очень полезны. Не говоря уже о том, что вы располагаете крупным, имеющим добрую репутацию состоянием. Что увеличивает ваши возможности.

Анжелика помрачнела.

– Деньги у меня, разумеется, есть, – бросила она. – Однако этого недостаточно, чтобы спасти королевство.

– Кто с вами говорит о деньгах? Речь идет о работе. Именно труд может реформировать страну и восстановить былое богатство. Смотрите, я был простым суконщиком, а теперь я министр, но мне это не льстит. Хотя я горжусь тем, что являюсь директором королевских мануфактур. Мы можем и должны трудиться во Франции лучше, чем за границей. Но мы слишком раздроблены. Не понимаю, почему я говорю с вами об этом. Вы обладаете особым даром слушать и интересоваться соображениями собеседника. Своим вниманием вы угодите старикашкам. Для молодых довольно вашей обворожительной внешности. Ваша элегантность убедит женщин, и они охотно согласятся разделить ваше мнение. Таким образом, вы владеете оружием, с которым следует считаться.

– И на какие же цели мне следует направить весь мой арсенал?

Министр снова на некоторое время погрузился в размышления.

– Прежде всего, вы не должны покидать двор. Вы будете причислены к нему, будете следовать за ним во всех его перемещениях. От вас потребуются свести знакомство с как можно большим количеством людей и стараться понять их как можно более досконально.

Молодой женщине стоило невероятного труда скрыть величайшее удовлетворение, вызванное подобными предписаниями.

– Такая... работа не слишком пугает меня.

– Значит, мы используем вас для разнообразных поручений, связанных в основном с морской торговлей, торговлей вообще и ее побочным продуктом, в частности модой.

– Модой?

– Я добавил моду, чтобы окончательно убедить его величество доверить вам, женщине, наиболее значительные полномочия. Поясню. К примеру, мне бы хотелось завладеть секретом производящего такой фурор неподражаемого венецианского кружева. Я было запретил его продажу, но

все наши дамы и господа тайком обзаводятся кружевными воротниками и манжетами, и вот уже более трех миллионов ливров ежегодно утекают в Италию открыто или путем контрабанды. В любом случае такие потери прискорбно сказываются на экономике Франции. А ведь следовало бы завладеть секретом плетения этого кружева, лишаящего рассудка наших модниц, чтобы организовать здесь его производство.

– Стало быть, мне придется отправиться в Венецию?

– Не думаю. В Венеции вы окажетесь под подозрением, а я имею все основания полагать, что контрабандисты действуют именно при дворе. За ними можно было бы организовать слежку, чтобы хотя бы узнать, кто их снабжает товаром. Я подозреваю двух представителей торговой палаты Марселя. Должно быть, махинации с кружевом принесли им огромные состояния...

Анжелика пребывала в задумчивости.

– Деятельность, которую вы мне предлагаете, сильно смахивает на шпионаж...

Господин Кольбер кивнул. Похоже, слово его совершенно не шокировало. Шпионы? Их услугами пользуются повсеместно.

– Соответственно расширится торговля. И в скором времени будут выпущены новые акции Ост-Индской компании. Полеми вашей деятельности станет двор. Заявите о себе как о законодательнице индийских мод, убеждайте скарденных, как знать? При дворе водятся деньги. Жалко, когда они обращаются в дым, тратятся впустую... Словом, сами видите, вам представится множество случаев продемонстрировать свои таланты. Самым сложным для нас было придать вашей должности официальный характер. Какой? Если бы ее пришлось создавать, то под каким именем? А теперь ваше консульство на Крите послужит вывеской и алиби.

– Преимуществ не так уж много.

– Не изображайте дурочку! Разумеется, за свою официальную работу вы получите приличную пребенду. Мы назначим вам доход с каждого дела, а с удавшегося сможете получать еще и проценты.

Она по привычке поторговалась:

– Сорок тысяч ливров за этот пост слишком дорого.

– Для вас это ничтожно мало. Подумайте: должность прокурора стоит сто семьдесят пять тысяч ливров, а должность моего предшественника, министра финансов, – миллион четыреста тысяч ливров. Король взял расходы на себя, поскольку на этом месте хотел видеть меня. Но я чувствую себя должником короля. Вот почему мне не будет покоя, покуда

я, радея о процветании королевства, не помогу ему вернуть эту сумму.

«Я при дворе, – думала Анжелика. – Сегодня, когда мы танцуем в Пале-Рояле, он такой, каким воображает его себе простой народ: сверкающая огнями сцена вечного праздника».

Из-под наполовину скрывавшей ее лицо бархатной маски она следила за танцующими парами.

Король только что открыл бал с Мадам. Он был в костюме Юпитера из балета «Праздник на Олимпе». Однако и сам по себе он притягивал все взоры. Даже золотая маска не позволила ему сохранить инкогнито. Над царственной головой возвышался гребень огненного плюмажа, которым был украшен золотой шлем с листвой, кабошонами и бриллиантовыми розами.

Костюм короля из золотой парчи переливался тысячей огней от вправленных в вышивку бриллиантов. Назавтра, воспевая этот костюм в своей рифмованной газете «Историческая муза», придворный поэт Жан Лоре сможет сказать лишь:

Карнавальный наряд сего принца,
Верно, стоил не меньше провинции...

«Какое великолепие! – думала Анжелика. – Вот он, двор...»

Брат короля, Месье, хозяин празднества, должен был появиться в более скромном костюме. Однако все узнали его округлую фигуру, затянутую в шелк, отороченный мехом горноста, его подпрыгивающую походку. На нем была кружевная маска.

Принца крови выдавала любовь к бирюзе. Герцога – к жемчугам.

Мимо Анжелики, слегка задев ее, прошел кто-то седобородый, в костюме «Реки» из голубого и зеленого шелка, покрытого серебряными чешуйками, гирляндами из тростника и водорослей.

Эол, в наряде из белых и золотисто-розовых перьев, с ветряной мельницей на голове, увлек ее в куранту. Она повторяла фигуры быстрого танца, в котором дама переходит от одного кавалера к другому. Вкладывала свою ладонь в усыпанные сверкающими и переливающимися перстнями руки. Золотая маска, серебряная... Маски из бархата, кружева, шелка. Неожиданные смешки, аромат. Запах духов и запах роз. Пол был усыпан лепестками. Розы в декабре...

Вот он, двор. Сумасбродство. Роскошь. Но если приблизиться, можно

прийти в изумление! Вы увидите, как молодой король тайно дергает своих марионеток за нитки. А стоит подойти еще ближе, с марионеток спадают маски. И вы видите, что они живые, что их обуревают страсти, жестокие амбиции, странные приверженности...

Недавняя беседа с Кольбером открыла перед Анжеликой невиданные горизонты. Думая о той роли, которую он ей предназначил, она размышляла, не скрываются ли под всеми этими масками такие же тайные соглядатаи. «В планы короля не входит пренебрегать осведомленными лицами...»

Когда-то в этом же самом Пале-Рояле, прежде называвшемся Кардинальским дворцом, развевалась лиловая мантия Ришелье, а сам он строил далекоидущие планы. Любой из тех, кому довелось попасть сюда, мог быть использован для достижения его целей. Его шпионская сеть напоминала гигантскую паутину. Он вовлекал в нее множество женщин. «Эти создания, – говаривал он, – обладают даром ломать комедию и умеют быть скрытными...» Быть может, юный король взял на вооружение приемы Ришелье?

Когда танец закончился, юный паж передал Анжелике письмо. Она уединилась, чтобы прочесть его. Письмо было от Кольбера.

«Представьте себе, – писал он, – вы получили постоянную придворную должность, которой добивались, однако с некоторыми оговорками. О вашем назначении консулом Франции в Кандии будет объявлено завтра».

Сложив записку, она сунула ее в сумочку, притороченную к поясу. В уголках ее губ играла улыбка. Она победила.

В сущности, в этом мире, где баронессы занимались рыбной торговлей, а герцогини испрашивали монополии на театральные стулья, где военный министр ходатайствовал о должности смотрителя мальпостов, а самые шумные гуляки королевства получали церковные бенефиции, не было ничего странного в том, что маркиза стала консулом Франции.

Часть вторая
Филипп, или Война в кружевах

Глава XVII

Анжелика неторопливо разделась, отвергнув помощь служанок и барышень де Жилардон. Мысленно она снова и снова переживала недавние события. Как раз сегодня, в тот самый момент, когда она принимала назначение от господина Кольбера и короля, ее экономом передал управляющему мадемуазель де Бриенн сорок тысяч ливров звонкой монетой. Анжелика приложила свою печать на гигантскую кипу документов, присыпала песком множество исписанных листов и потратила сумму «мелочь» на налоги и еще что-то, но все вместе потребовало дополнительных десяти тысяч ливров.

Что, однако, не ослабило ее чувства удовлетворения, впрочем несколько омраченного мыслями о Филиппе.

Что он скажет, когда узнает? Совсем недавно муж предложил ей поспорить, что не допустит ее присутствия при дворе, дав понять, что сделает все возможное для того, чтобы удалить Анжелику. Однако пребывание Филиппа в Бастилии и последующая отправка в армию дали ей возможность устроить свои дела. Она торжествовала... Хотя и не без угрызений совести. Неделю назад Филипп вернулся из Пикардии. Король лично известил об этом госпожу дю Плесси-Бельер, дав понять, что именно желание угодить ей заставило его предать забвению серьезный проступок маркиза. Под серьезным проступком подразумевалась непокорность Филиппа, осмелившегося драться на дуэли. Поблагодарив его величество за проявленное милосердие, Анжелика задумалась о том, как следует поступить. Как подобает вести себя женщине с супругом, оказавшимся в заключении из-за того, что она его обманула? Она пребывала в нерешительности, однако все говорило, что позиция мужа гораздо определенной, чем ее собственная. С поруганной честью, наказанный королем, проигравший по всем статьям, он, разумеется, не должен был смягчиться по отношению к жене. Честно оценив все реальные претензии, которые могли иметься к ней у Филиппа, она поняла, что ей следует опасаться худшего. Потому-то она столь поспешно заключила сделку, которая воспрепятствовала бы попыткам мужа изгнать ее из высшего общества. Теперь дело сделано. От Филиппа никаких известий. Говорили, будто он отправился исполнять свои обязанности при короле, который сердечно принял его. Позже маркиза видели в Париже, у Нинон. Затем он дважды сопровождал короля на охоте. А сегодня, как раз когда она

подписывала бумаги у господина Кольбера, маркиз был в лесу Марли.

Уж не решил ли он оставить ее в покое? Хотелось бы верить. Однако Филипп приучил ее к жестоким пробуждениям. Его бездействие по отношению к ней скорее напоминало неподвижность тигра перед прыжком. Молодая женщина вздохнула.

В задумчивости она расстегивала корсет с атласными бантами, одну за другой складывая булавки в чашу из оникса. Сняв корсаж, она расстегнула все юбки, и они тяжелыми складками упали к ее ногам.

Переступив через ворох бархата и шелка, Анжелика взяла со спинки кресла подготовленную Жавоттой сорочку из тончайшего батиста. Потом склонилась, чтобы развязать украшенные драгоценными камнями атласные подвязки. Анжелика двигалась спокойно и задумчиво. В последние недели она утратила привычную проворность.

Сняв браслеты, она подошла к туалетному столику, чтобы разложить их в футляры. В большом овальном зеркале отразилась ее окутанная мягким светом свечей фигура. С меланхолическим удовольствием Анжелика разглядывала совершенные черты своего лица, здоровый румянец и розовую свежесть губ. Кружево сорочки не скрывало покатые, по-девически округлые плечи и гладкую полную шею.

«Эти венецианские кружева и правда настоящее чудо! Недаром господин Кольбер желает контролировать их поступление во Францию».

Она прикоснулась пальцем к тонкой отделке. Сквозь ажурные цветы искуснейшей работы ее перламутровая кожа казалась сверкающей. Кружево доходило до груди, и сквозь него едва просвечивали два более темных бутона.

Анжелика подняла руки, чтобы вынуть из прически жемчужную диадему. Локонсы рассыпались по плечам, тяжелые, с теплым отливом. И несмотря на несколько расплывшуюся талию, которой не могло скрыть воздушное белье, Анжелика отметила, как она хороша. Она не могла забыть коварного вопроса, заданного ей Лозеном: «Для кого?»

Она ощутила, сколь одиноко ее тело, вызывающее одновременно такое желание и такое пренебрежение.

Молодая женщина опять вздохнула, отвернулась, взяла халат из алой тафты и зябко закуталась в него.

Чем она займется нынче вечером? Спать не хотелось.

Может, написать Нинон де Ланкло? Или мадам де Севинье, о которой она подзабыла? Или по старой привычке прилежно заняться коммерческими расчетами?

В галерее слышались приближающиеся мужские шаги. Затем кто-

то, звеня шпорами, стал торопливо подниматься по лестнице. Очевидно, это возвращающийся с пирушки учитель верховой езды Мальбран, по прозвищу Укол Шпаги.

Шаги все приближались.

Анжелика удивилась. Внезапно она вздрогнула, мгновенно сообразив, кто это. Она хотела броситься к двери и запереть ее на задвижку.

Но было уже слишком поздно. Дверь распахнулась, и на пороге возник маркиз дю Плесси-Бельер.

Он был все еще в серебристо-сером охотничьем рединготе с черной меховой опушкой, в шляпе с одним-единственным белым пером и покрытых грязью и подтаявшим снегом высоких черных сапогах. Руки в перчатках с крагами крепко сжимали длиннохвостую плетть для собак.

Остановившись в дверях на широко расставленных ногах, он единственным взглядом охватил всю картину: молодая светловолосая женщина перед туалетным столиком среди беспорядочно разбросанной одежды и украшений. Его губы медленно расползались в улыбке.

Маркиз вошел, затворил за собой дверь и сделал то, чего не успела Анжелика: под его пальцами щелкнула задвижка.

– Здравствуй, Филипп, – проговорила Анжелика.

При виде мужа сердце ее подпрыгнуло от смешанного чувства страха и радости.

Как он хорош собой! Она уж и забыла, как он прекрасен и какую печать совершенства способен придать всему своему облику. Он был самым красивым придворным. И он принадлежал ей, о чем она мечтала, когда, будучи страстно влюбленной девочкой, с обожанием смотрела на красивого подростка.

– Вы не ожидали моего визита, сударыня?

– Отчего же! Ожидала... Надеялась...

– Честное слово, в смелости вам не откажешь. Разве не было у вас веских причин опасаться моего гнева?

– Разумеется, были. Именно поэтому я и полагала, что чем раньше произойдет наша встреча, тем лучше. К чему откладывать прием горького лекарства?

Лицо Филиппа потемнело от безумного гнева.

– Низкая лицемерка! Предательница! Как же легко вы изображаете, будто желали видеть меня, хотя на деле изо всех сил старались отослать меня куда подальше. Не вы ли, как я только что узнал, добились двух постоянных должностей при дворе?

– Ах, значит, вы осведомлены, – едва слышно произнесла она.

– Да! Осведомлен! – вне себя от злобы рявкнул он.

– И вы... Вы как будто недовольны?

– Так вы рассчитывали доставить мне удовольствие, когда прилагали все усилия, чтобы упечь меня за решетку и спокойно плести свою паучью интригу? А теперь... теперь вы думаете, что избавились от меня? Но последнее слово еще не произнесено. Вы мне дорого заплатите за свою сделку. В своих расчетах вы не учли порки, которую я вам сейчас устрою.

Плетка свистнула и с резким звуком щелкнула по паркету. Анжелика вскрикнула. Силы покинули ее.

Она укрывшись в алькове и разрыдалась. Нет, нет! Никогда больше у нее не останется сил вновь пережить жуткую сцену в фамильном замке.

– Не причиняйте мне зла, Филипп! – умоляла она. – О, прошу вас, не причиняйте мне боли... Подумайте о ребенке.

Молодой человек замер. Глаза его сузились.

– О ребенке? О каком ребенке?

– О том, которого я ношу под сердцем... О *вашем* ребенке!

Между ними повисло тяжелое молчание, нарушаемое лишь приглушенными рыданиями Анжелики.

Наконец маркиз аккуратно снял перчатки, положил их вместе с плеткой на туалетный столик и с недоверием подошел к жене.

– Покажите-ка, – приказал он.

Маркиз распахнул полы ее пеньюара и вдруг, откинув назад голову, расхохотался:

– Право слово, это так! Да вы стельная, как корова!

Он присел подле нее на край кровати и обхватил за плечи, чтобы прижать к себе:

– Гадкая строптивица, почему бы не сказать мне раньше? Я бы вас не пугал.

Она тихонько всхлипывала, не в силах собраться с мыслями.

– Ну же, не плачьте. Да не плачьте вы! – твердил он.

Анжелике было странно, что ее голова лежит на плече грубого Филиппа. Что лицом она зарылась в его пахнущие жасмином светлые кудри. Что она ощущает, как его рука нежно гладит ее живот, в котором трепещет новая жизнь, пока еще пребывающая в лимбе вынашивания.

– Когда он должен родиться?

– Скоро... В январе.

– Значит, в Плесси, – заключил он после минутного раздумья. – Признаюсь, я рад. Мне льстит, что мой сын был зачат под сводами замка моих предков. Гм! Надо надеяться, что жестокость и злоба его не пугают. Я

вижу в этом предзнаменование, он станет воином. Нет ли у вас чего-нибудь, чтобы выпить за его здоровье?

Маркиз сам направился к серванту из черного дерева за двумя эмалевыми кубками и графином великолепного бургундского из Бона, который ежедневно ставили на случай прихода гостей.

– Ну же, пригубите! Даже если пить со мной вам неприятно, по правилам хорошего тона нам следует поздравить друг друга с нашим произведением. Что вы смотрите на меня с тупым изумлением? Потому что нашли еще один способ разоружить меня?.. Терпение, красавица моя. Мысль о наследнике доставляет мне такое удовольствие, что я поберегу вас. Буду соблюдать перемирие. Но после мы еще встретимся. И не дай вам бог снова воспользоваться моей добротой, чтобы сыграть со мной еще какую-нибудь злую шутку... Говорите, в январе?.. Хорошо. Отныне я с вас глаз не спущу.

Подняв локоть, он залпом выпил свой бокал и, швырнув его на пол, воскликнул:

– Да здравствует наследник рода Мирмон дю Плесси де Бельер!

– Филипп, – прошептала Анжелика, – честное слово, вы самый поразительный, самый ошеломляющий человек из всех, кого я знаю. Кто еще, получив от меня подобное известие в подобный момент, не бросил бы мне в лицо обвинение в том, что я хочу навязать ему отцовство, к которому он непричастен. Я была уверена, что вы попытаетесь уличить меня в том, что я вышла за вас, уже будучи беременной.

Старательно надевая перчатки, Филипп бросил на нее долгий мрачный и почти гневный взгляд.

– Не пытаюсь доказать, что, несмотря на лакуны в моем образовании, я все же умею считать до девяти, – сказал он, – и что если бы этот ребенок не был моим, природа бы уже вынудила вас произвести его на свет, я бы добавил следующее: я считаю вас способной на все и еще на какие-то пустяки, но не на подобные низости.

– Однако они свойственны женщинам... От вас, столь презирающего их, я ожидала недоверия.

– Вы не такая женщина, как другие, – надменно произнес Филипп, – вы моя жена.

Он вышел, оставив ее задумчивой и взволнованной чувством, смутно напоминающим надежду.

Глава XVIII

Бледным январским утром, когда снег отбрасывал призрачные отблески на темные гобелены, Анжелика почувствовала, что срок пришел. Она приказала позвать госпожу Кордэ, повитуху из квартала Марэ, о которой слышала прежде. Многие знатные дамы рекомендовали ее. Госпожа Кордэ обладала решительным характером и простотой, необходимой, чтобы преуспеть у непростой клиентуры. Она привела с собой двух учениц-акушерок, что придало ей значимости. Повитуха приказала поставить перед очагом большой стол на козлах, на котором удобнее «работать».

Чтобы поднять температуру в комнате, принесли жаровню. Служанки скатывали ленты корпии и кипятили воду в медных тазах. Госпожа Кордэ заварила травы, и комната наполнилась целебными ароматами, напоминающими о лугах под теплым летним солнцем.

Анжелика ужасно нервничала и раздражалась. Роды казались ей докучной обязанностью. Она злилась, что нет никого, кто бы сделал это вместо нее.

Ей было невозможно оставаться в постели, поэтому она бродила взад-вперед по комнате, останавливаясь возле окон, чтобы взглянуть на белую, покрытую снежным одеялом улицу. Сквозь крошечные просветы в свинцовых переплетах можно было разглядеть смутные силуэты прохожих. Качаясь и скользя, пробивала себе путь какая-то карета, и дыхание четверки лошадей голубоватым облачком поднималось в хрустальный воздух. Хозяин кареты что-то выкрикивал через окошко. Кучер ругался. Кумушки смеялись.

Накануне был праздник Богоявления, радостный день, проведенный среди огромных миндальных пирогов, золоченых бумажных корон и бокалов доброго красного и белого вина. Париж глотки надорвал, выкрикивая «Король пьет!».

В особняке Ботрейи, как и положено, устроили пир. Бобовым королем стал маленький Флоримон. Надев золотую корону, он поднимал свой хрустальный бокал под крики «виват!». Все падали с ног и зевали. Самый подходящий день, чтобы произвести на свет младенца.

Чтобы обмануть свое нетерпение, Анжелика озаботилась домашними делами. Проверила, все ли остатки праздничного стола пошли бедным? Да, четыре корзины розданы нынче утром возле крыльца местным нищим и

калекам.

И две кубышки подаяний отнесены в квартал Тампль, в Общество голубых детей, для одетых в голубое сироток, и в квартал центральной больницы, в Общество красных детей, для сироток, одетых в красное.

Замочили ли скатерти, убрали ли посуду, вымыли ли столовые приборы водой с опилками, почистили ли ножи соломенной золой?

Госпожа Кордэ пыталась успокоить свою пациентку. К чему ей входить во все эти детали? У нее достаточно многочисленная челядь, чтобы она могла возложить подобные хлопоты на мажордома. Ей есть о чем подумать. Но именно об этом Анжелике думать не хотелось.

– Никогда не скажешь, что у вас это уже третий ребенок, – ворчливо заметила повитуха. – Вы капризничаете, будто с первым.

На самом деле с первым все обстояло иначе. Анжелика вспомнила, как родился Флоримон. Какой измученной, напуганной и молчаливой молодой матерью она была. Тогда она проявила гораздо больше смелости. У нее еще оставались в запасе силы, как у молодого животного, считающего себя непобедимым, ведь у него в запасе целая жизнь.

Над ней склонилось чье-то лицо. Нежный глубокий голос шептал: «Душа моя... Ты страдаешь. Прости меня. Я и вообразить не мог, что тебе придется все это вытерпеть...» Граф Тулузский переживал из-за страданий, раздиравших любимое тело.

Как она тогда была счастлива!

А теперь столько ударов судьбы подорвали ее силы. Нервы ее стали хрупкими.

– Ребенок очень крупный, – простонала она. – Другие такими не были...

– Ай-ай-ай! Вы мне рассказываете! Видела я вашего младшего в прихожей. Судя по его нынешнему сложению, вам было не до смеха, когда он высунул наружу свой нос.

Рождение Кантора! Она больше не хотела вспоминать об этом! Зловонный кошмар, темная и ледяная дыра, где ей пришлось познать все мучения. Но, думая об ужасной парижской больнице, где столько младенцев испускали свой первый крик, Анжелика устыдилась своих сетований, решив проявить благоразумие.

Она согласилась усесться в большое кресло, подложив валик под бедра и поставив ноги на табурет. Одна из барышень де Жиландон предложила ей почитать молитвы. Анжелика отослала ее. Что девица делает в комнате роженицы? Пусть отправляется к аббату Ледигьеру, и если им больше не о чем поговорить, пусть вместе помолятся за нее и даже

сходят поставить свечку в церкви Святого Павла.

Наконец схватки участились и усилились, и госпожа Кордэ велела ей перелечь на стол возле очага. Молодая мать уже не сдерживала стонов. Наступил тот тяжелый и тревожный момент, когда готовый отделиться плод словно бы рвет корни выносившего его дерева. От накатывающей волнами боли у Анжелики гудело в ушах. Ей послышалась какая-то возня снаружи, потом хлопнула дверь.

Голос Терезы произнес:

– Ой, а вот и господин маркиз!

Она поняла, только когда увидела стоящего возле изголовья Филиппа, великолепного и столь неуместного среди этих занятых женщин: в придворном рединготе со шпагой, кружевными манжетами, в парике и шляпе с белым плюмажем.

– Филипп! Что вы здесь делаете? Чего вам надо? Зачем вы пришли?

На его лице появилось высокомерное и ироничное выражение.

– Сегодня родится мой сын. Представьте, это меня интересует!

Анжелику охватило негодование. Она приподнялась на локте.

– Вы пришли, чтобы увидеть, как я страдаю! – воскликнула она. – Вы чудовище! Самый жестокий человек, самый гнусный, самый...

Очередная схватка помешала ей продолжить. Судорожно хватая ртом воздух, она откинулась назад.

– Ну же, перестаньте! Не стоит нервничать.

Положив ладонь ей на влажный лоб, Филипп принялся медленно гладить его, шепча слова, которые она едва различала, однако звук его голоса успокоил ее.

– Не тревожьтесь! Не тревожьтесь! Все хорошо! Постарайтесь, красавица моя...

«Он впервые гладит меня, – подумала Анжелика. – Он находит для меня слова и жесты, которые использует на псарне и на конюшне, обращаясь к суке или кобыле в родах. Почему бы и нет? Кто я сейчас, как не несчастное животное... Говорят, он может терпеливо сидеть рядом с ними, чтобы успокоить... И самые свирепые лизут ему руки...»

Он был последним, от кого она ожидала помощи в этот момент. Пожалуй, следует сказать, что Филипп дю Плесси-Бельер никогда не перестанет удивлять ее. От его ласки она расслабилась и обрела новые силы.

«Уж не думает ли он, что я не смогу произвести на свет его ребенка? Я покажу ему, на что я способна. Я не издам ни звука!»

– Хорошо! Очень хорошо! – твердил голос Филиппа. – Ничего не

бойся... А вы, недотепы, помогите ей как-нибудь. Что вы тут...

Он обращался к матронам, как к слугам на псарне.

В полубессознательном состоянии Анжелика подняла на Филиппа глаза. В этих расширившихся, обведенных темными кругами глазах, в этом взгляде, подернутом трогательной нежностью, ему привиделось, что она сдается... Неужели женщина, которую он воображал исполненной честолюбивой твердости и тайных умыслов, способна на слабость? Ее взгляд был обращен в прошлое. Это был взгляд маленькой девочки в сером платье. Он держал Анжелику за руку и под насмешливые ухмылки друзей представлял ее: «А вот баронесса Унылое Платье...»

Филипп стиснул зубы. И немедленно прикрыл ей глаза рукой.

– Ничего не бойся, – повторил он, – теперь больше ничего не бойся...

– Мальчик, – сказала повитуха.

Анжелика увидела Филиппа, держащего в вытянутых руках крошечное красное тельце. Он восклицал:

– Мой сын! Мой сын!

Он смеялся.

Молодую женщину перенесли в согретую медной грелкой постель с надушенными простынями.

Анжелику страшно клонило в сон – непобедимый сон рожениц. Она поискала глазами Филиппа.

Он склонился над колыбелью сына.

«Теперь я его больше не интересую», – разочарованно подумала она.

И все же ощущение счастья не покидало ее.

Глава XIX

Только когда ребенка впервые положили ей на руки, она осознала, что означает эта новая жизнь.

Младенец был прекрасен. Его умело завернули в льняные пеленки с атласной тесьмой, крепко стянув ручки и ножки и соорудив капюшон вокруг головы. Виднелась только круглая бело-розовая фарфоровая мордашка с открытыми мутно-голубыми глазенками, которые очень скоро приобретут прозрачно-сапфировый цвет отцовских глаз.

Кормилица и служанки наперебой восхищенно твердили, что он светленький, как цыпленок, и пухленький, как ангелочек.

«Это дитя вышло из моего чрева, – подумала Анжелика, – однако он не сын Жоффрея де Пейрака! Я смешала свою кровь, принадлежавшую ему одному, с чужой».

Ошеломленная этой мыслью, она видела в ребенке плод предательства, какого прежде не совершала. Она вполголоса произнесла:

– Я больше не твоя жена, Жоффрей!

Этого ли она хотела?

Анжелика заплакала.

– Я хочу видеть Флоримона и Кантора! – всхлипывая, кричала она. – О, умоляю вас, пусть приведут моих сыновей!

Они пришли. Анжелика вздрогнула, увидев, что сегодня их случайно одели в черные костюмы. Такие разные и одновременно похожие друг на друга ростом, матовым цветом лица, спадающими на белые кружевные воротники густыми локонами, они по детской привычке держались за руки, словно черпали друг у друга силы, чтобы следовать по уготованному им судьбой опасному пути.

Поздоровавшись, мальчики вежливо уселись на табуреты. Непривычное зрелище лежащей в постели матери тревожило их.

Не желая пугать сыновей, Анжелика сделала над собой усилие, чтобы превозмочь сжимавшее ей сердце смятение.

Она спросила, видели ли они нового братика. Да, видели. Что они об этом думают? Судя по всему, они об этом ничего не думали. Бросив на Кантора вопросительный взгляд, Флоримон заверил, что дитя «очаровательный ангелочек». Результаты объединенных усилий четырех их воспитателей и правда оказались отменными. Методика, основанная на применении розог и суровых требований, действовала, но немалую роль

сыграл и склад ума мальчиков, очень рано вынужденных столкнуться с суровой дисциплиной. Ведь им пришлось испытать голод, холод и страх, так что они ко всему привыкли. Их отпускали на волю, и они немедленно принимались резвиться и превращались в маленьких дикарей. На них надевали роскошные костюмы, требовали вежливо кланяться и говорить комплименты – они тут же превращались в маленьких благовоспитанных дворян.

Анжелика впервые осознала врожденную гибкость их психики. «К подобной податливости приучает бедность...» – подумала она.

– Кантор, трубадур мой, не споете ли вы нам что-нибудь?

Сходяв за гитарой, мальчик взял несколько аккордов.

Король собрал прекрасных дам
В честь праздничного бала,
И та из них, что всех милей,
Его околдовала.

«Ты любил меня, Жоффрей. А я тебя обожала. Почему ты меня любил? Потому что я была красива?.. Ты так любил красоту. Прекрасная вещь в твоём Отеле Веселой Науки... Но ты любил меня больше, чем вещь! Я понимала это, когда твои сильные руки сжимали меня так, что я стонала... Однако я была тогда совсем глупенькой... Но честной... Возможно, потому ты так любил меня...»

Маркиз, ты знаешь, кто она,
Краса земного круга?
И отвечал ему маркиз:
Она моя супруга.

«Моя жена... Прошлой ночью белокурый маркиз с непроницаемым взглядом произнес эти слова! Я больше не твоя жена, Жоффрей! Он добивается меня. А твоя любовь удаляется от меня, словно лодка, что оставила меня на холодном берегу. Никогда больше! Никогда!.. Как трудно произнести: больше никогда... Признать, что теперь и для меня ты становишься тенью».

Маркиз, ты счастливей меня,

Такой красой владея,
Ты уступи маркизу мне,
Я буду счастлив ею.

Филипп не навестил ее. Он больше не проявлял к ней интереса. Теперь, когда она выполнила свою работу, он пренебрегает ею. К чему надеяться! Ей никогда не понять его. Как сказала о нем Нинон де Ланкло: «Маркиз дю Плесси истинный дворянин. Он свято чтит правила этикета. Сходит с ума от малейшего пятнышка на своем шелковом чулке. А вот смерти не боится. И умирать он будет в одиночестве, как волк, и никого не попросит о помощи. Он принадлежит лишь королю и самому себе».

Клянусь, не будь вы королем,
Я жаждал бы отмщенья,
Но, сир, поскольку вы король,
Мой долг – повиновенья.

Король... Всемогущий король, прогуливающийся в своих роскошных садах. Иней украсил грабовые аллеи новым волшебством. В сопровождении большой свиты в шляпах с плюмажами он идет от одной рощи к другой. Снег поблескивает на мраморных статуях. В конце сиреневой аллеи сверкают и отражаются во льду круглого пруда золотые Цереры, Помоны и Флоры. В обтянутой перчаткой руке, руке молодого человека и государя, король держит трость. Ею он рассекает судьбы, распределяет жизнь и смерть.

Прощай, душа моя, прости,
Любовь моя и мука!
Исполним волю короля,
Нам суждена разлука.

«Боже мой! Уж не эту ли песню недавно в Версале Кантор чуть было не спел перед королевой! Какую бестактность он мог бы допустить, если бы не аббат Ледигьер!.. Верно, аббат очень находчив. Надо будет передать ему денежное поощрение».

И вот ей королева шлет
Букет прекрасных лилий,
И нежным запахом цветы
Маркизу отравили.

«Бедная королева Мария-Терезия! Уж она не смогла бы отправить своим соперницам отравленные букеты, как в прежние времена сделала Мария Медичи, послав ядовитый подарок одной фаворитке старого греховодника Генриха Четвертого. Она только плачет и утирает свой покрасневший нос. Бедная королева!..»

Глава XX

Мадам де Севинье написала госпоже дю Плесси-Бельер, чтобы сообщить ей придворные новости:

«Сегодня в Версале король открыл бал с госпожой де Монтеспан. Мадемуазель де Лавальер присутствовала, но не танцевала. О королеве, оставшейся в Сен-Жермен, ничего не слышно...»

Традиционные визиты, которые наносились роженице вплоть до ее полной поправки, окружили особняк Ботрейи непривычным ореолом.

Благосклонность, с какой король и королева приняли появление на свет своего нового подданного, побудила представителей всех слоев парижского общества прийти к ложу прекрасной маркизы.

Анжелика с гордостью демонстрировала голубой муаровый сундучок с узором из лилий – подарок королевы – с нарядной пеленкой из расшитого серебряными нитями полотна и двумя одеяльцами из алого английского сукна, а также накидку из голубой тафты и целый набор прелестных тончайших детских батистовых рубашечек, вышитых чепчиков и нарядных нагрудников.

Король добавил к этому украшенную драгоценными камнями, позолоченную серебряную бонбоньерку со сладостями.

Главный камергер господин де Жевр сам передал молодой матери подарки и поздравления их величеств. Сколь бы лестными ни были знаки королевского внимания, этикету они не противоречили: супруга маршала Франции имела на них право.

Однако этого оказалось достаточно, чтобы разжечь, словно на миг угасший огонь, новые сплетни, будто госпожа дю Плесси-Бельер «поймала в свои любовные сети» сердце его величества. Нашлись даже злые языки, утверждавшие, будто в венах пухлого крепыша, возлежавшего на малиновой бархатной подушке между кормилицей и няней, течет кровь Генриха IV.

Анжелика не обращала внимания на намеки и пожимала плечами. Они сумасшедшие, но в целом довольно забавные! В ее спальне постоянно толпились визитеры. Анжелика принимала посетителей в алькове, точно жеманница. Перед ее глазами прошли многие, уже подзабытые физиономии. Явилась ее сестра Ортанс, супруга прокурора, со всем своим выводком. Она ежедневно поднималась на одну ступеньку по иерархической лестнице крупной буржуазии, поэтому не могла пренебречь

столь почетным родством, как сестра, маркиза дю Плесси-Бельер.

Пришла и госпожа Скаррон. Как раз в тот день посетителей не было. Так что дамы могли спокойно побеседовать.

Общество молодой вдовы было очень приятно. Франсуаза, обладавшая ровным нравом, казалось, не замечала злословия и насмешек, жестокости и капризов. Она не надоедала и не наводила тоску. И не проявляла суровости. Анжелика удивлялась, что не может испытывать к госпоже Скаррон тех теплых дружеских чувств, которые вызывает у нее Нинон де Ланкло.

Франсуаза же пребывала в депрессии, поскольку в предпринятой борьбе нельзя было победить, не поступившись честью либо достоинством. Будучи болезненно экономной, она не тратила зря ни единого су. Крайне осторожная, она не ввязывалась ни в какие ненадежные предприятия. Несмотря на ее бедность и красоту, за ней не числилось ни долгов, ни любовников. Она довольствовалась тем, что с неизменной настойчивостью подавала челобитные. Просить у короля – не значит попрошайничать. Это значит требовать у королевства свою долю жизни, свое место под солнцем. Прежде ей в этом отказывали. Она была так бедна. С богатством можно достичь несколько большего.

– Не люблю ставить себя в пример, – разглагольствовала Франсуаза, – однако вообразите только: я подала королю лично или через высокопоставленных друзей больше тысячи восьмисот прощений!

– Сколько? – воскликнула Анжелика, привстав в постели.

– И если не считать нескольких жалких льгот, почти сразу отобранных у меня, ничего не получила. Но я не отчаиваюсь. Потому что настанет день, когда моя честность и способности понадобятся его величеству или какому-нибудь знатному семейству и будут оценены по достоинству... Возможно даже, потому, что нынче это редкость...

– Вы так уверены, что у вашей системы есть положительные стороны? Я слышала, будто его величество сетовал, что напоминания о госпоже Скаррон сыплются на него, как осенние листья. И будто бы вы в его глазах превращаетесь в нечто неизменное, вроде человечков на сен-жерменских и версальских гобеленах.

Казалось, ничто не может поколебать спокойствия Франсуазы.

– Ну что же, совсем не плохо. Хотя сам король отрицает, но ничто не нравится ему так, как настойчивость, а чтобы преуспеть, следует прежде всего привлечь внимание государя. Судя по вашим словам, дело сделано. Я могу быть уверена, что достигну своей цели.

– А именно?

– Успеха!

В глазах Франсуазы металось пламя. Понизив голос, она продолжала:

– Я не доверяю болтунам, но вы не из их числа, Анжелика! Вы охотно и остроумно говорите, и чаще всего для того, чтобы сбить собеседника с толку относительно вашей персоны и скрыть то, что есть в вас самого драгоценного. Продолжайте отмалчиваться. Вот лучший способ войти в общество, оставаясь защищенной. Я, например, молчу годами. Однако вам признаюсь в том, о чем еще никому не рассказывала. Это объяснит вам тайну моей настойчивости: я получила пророчество.

– Вы собираетесь напомнить мне о нелепых предсказаниях шарлатанки Монвуазен, сделанных ею, когда мы однажды все втроем – Атенаис де Монтеспан, вы и я – навестили ее?

– Нет. По правде сказать, Вуазенша внушает мне мало доверия. Слишком многие догадки она ищет на дне своего кувшина с вином. Пророчество, которое я имею в виду, сделано мне три года назад в Версале одним молодым работником. Вам известно, что многие работающие руками простолюдины с непросвещенным разумом обладают даром двойного видения. Это был подмастерье каменщика, хромоногий заика. Я проходила под лесами вокруг дворца, где его величество постоянно затевает все новые благоустройства. Какой-то парень поднялся, подошел ко мне и несколько раз низко поклонился. Товарищи его удивились, но не насмеялись над ним, зная, что он ведун. И тогда, с горящими глазами, он пояснил, что в моем лице он кланяется «первой даме королевства» и что на том месте, где мы стоим, он видит новый Версальский дворец, еще более величественный и огромный, и придворных, со шляпами в руках, присевших передо мной в почтительном реверансе. Когда мною овладевает отчаяние, его слова приходят мне на память и я возвращаюсь в Версаль, ведь именно там ждет меня моя судьба.

Она улыбнулась, но ее темные глаза продолжали гореть неистовым пламенем.

Такой рассказ заставил бы Анжелику улыбнуться, если бы она услышала его не от Франсуазы. Она была взволнована. Она увидела подругу в ее истинном свете: безмерно честолюбивая, безгранично самолюбивая, внешне смиренная и скромная, а в глубине души упорная и исполненная гордыни.

Признание госпожи Скаррон не вызвало у Анжелики антипатии, напротив, она решила, что разумнее сохранить их дружбу.

– Разъясните мне, вы ведь осведомлены столь во многом. Признаюсь, я ничего не смыслю в тех препятствиях, которые встают передо мной при

дворе. Долгое время я подозревала, что супруг интригует против меня...

– Ваш супруг безгрешен. Он понимает, что происходит, потому что имеет богатый придворный опыт. Однако у него нет никакого желания вмешиваться. Вы и вправду слишком прекрасны!

– Но как это может повредить мне? Да и вообще кому-нибудь? Есть женщины красивее меня, Франсуаза! Не льстите мне так глупо.

– И еще вы слишком... другая.

– Король уже говорил мне что-то подобное, – задумчиво пробормотала Анжелика.

– Вот видите! Вы не только одна из самых красивых женщин при дворе, вы к тому же имеете возможность восхитительно наряжаться; стоит вам заговорить, вы очаровываете и занимаете окружающих; вдобавок вы обладаете одним неопределимым достоинством, иметь которое безуспешно мечтают многие беззаботные красавицы...

– Каким же?

– У вас есть душа, – скорбно проговорила госпожа Скаррон.

Лицо ее как-то вдруг погасло. Она разглядывала свои лежащие на коленях прелестные руки, на которых сказывалась домашняя работа, хотя она о них заботилась.

– И как же не возникнуть перед вами целому легиону врагов, стоит вам только появиться... – горестно вздохнув, закончила она и залилась слезами.

– Франсуаза, только не говорите, что плачете из-за меня и моей души!

– По правде сказать, нет... Просто я подумала о своей собственной участи. Быть женщиной, быть красивой и иметь душу... Какое горе, как найти свой путь... Сколько раз мне из-за этого уже было отказано!

Ее слезы окончательно убедили Анжелику, что госпожа Скаррон никогда не станет ей врагом и что она ранима и сильно взвинчена. Быть может, отзыв короля задел ее сильнее, чем она хотела показать? Анжелика вдруг подумала, что молодая вдова, наверное, давно не ела досыта. Она уже хотела позвонить, чтобы Франсуазе принесли что-нибудь перекусить, но сдержалась, боясь обидеть подругу.

– Франсуаза, – бодро сказала она, – осушите ваши слезы. И вспомните пророчество вашего приятеля-каменщика. То, что вы полагаете вредным, напротив, представляет серьезный козырь, который даст вам возможность продвинуться гораздо дальше остальных. Ведь вы искусно действуете и уже добились расположения высоких и серьезных покровителей. Мне говорили, будто к вам благоволит госпожа д'Омон.

– И госпожа де Ришелье, и Ламуаньон тоже, – подхватила госпожа

Скаррон, которой удалось справиться с минутной слабостью. – Я уже три года усердно посещаю их салоны.

– Аскетичные салоны, – с гримаской заметила Анжелика. – Мне там всегда смертельно скучно.

– Там скучно, зато можно потихоньку продвигаться. Вот тут-то вас и подстерегает опасность, Анжелика. И в этом ваша ошибка. И в силу подобной ошибки мадемуазель де Лавальер стремительно несется к своей гибели. С тех пор как вы стали бывать при дворе, вам и в голову не пришло определиться и понять, кто ваши недруги. Вы не относитесь ни к клану королевы, ни к клану Мадам или принцев крови. Вы не сделали выбора ни между «значительными персонами» и «щеголями», ни между «вольнодумцами» и «святошами».

– Святоши? Неужели вы думаете, что они играют серьезную роль при дворе? Я не заметила, что Господь уместен в этом высоком обществе.

– Он там вполне уместен, уж вы мне поверьте, и не как всепрощающий Бог, чей образ видится нам в молитвенниках, но как Господь карающий, с розгами в руке.

– Я в замешательстве.

– Разве дух зла не надевает при дворе свою самую опасную личину? И чтобы изгнать его, требуется бог войны.

– То есть вы советуете мне выбрать между Богом и дьяволом?

– Именно так, – мягко подтвердила госпожа Скаррон.

Она поднялась, подхватила накидку и черный веер, который никогда не раскрывала, дабы скрыть, какой он старый, поцеловала Анжелику в лоб и бесшумно удалилась.

Глава XXI

– Самое время помянуть дьявола, сударыня. Какое страшное несчастье! – Барба высунула свое побагровевшее лицо из-за полога кровати.

Она только что вернулась, проводив мадам Скаррон. Ее растерянный взгляд бессмысленно блуждал по комнате. Ее вздохи и рыдания не привлекали внимания госпожи, погруженной в собственные размышления. И она наконец решилась:

- Сударыня, какое страшное несчастье!
- Что еще случилось?
- Наш Шарль Анри исчез.
- Какой Шарль Анри?

Анжелика еще не привыкла к имени своего новорожденного сына: Шарль Анри Арман Мари Камиль де Мирмон дю Плесси-Бельер.

– Ты хочешь сказать, ребенок? Кормилица не знает, куда его положила?

– Кормилица тоже исчезла. И няня. И малышка, что сворачивает пеленки. Значит, весь «дом» господина Шарля Анри.

Молча откинув одеяло, Анжелика стала одеваться.

– Мадам, – охнула Барба, – вы с ума сошли! Родившей неделю назад знатной даме не следует вставать.

– Тогда зачем ты ко мне пришла? Полагаю, для того, чтобы я что-нибудь сделала? Если только твоя болтовня имеет реальную основу. Однако я сильно подозреваю тебя в склонности пропустить стаканчик. С тех пор как мальчиками занимается аббат, ты не отходишь от буфета. Праздность тебе не на пользу.

Однако ей пришлось признать очевидное: трезвость несчастной Барбы была вне подозрений. Предназначенные младенцу покои оказались пусты. Исчезло все: колыбель, сундук с одеждой и пеленками, первые игрушки и даже флакончик с полынным маслом и виверровым кремом, которыми кормилица обрабатывала пупок новорожденного.

Перед дверью толпилась созванная Барбой потрясенная челядь.

Анжелика всех опросила. Когда в последний раз видели кормилицу с помощницами? Еще утром малышка заходила в кухню за тазом с горячей водой. Все три хранительницы маленького господина, как обычно, плотно пообедали. Дальше оказался пробел. Установили, что в тот час, когда

прислугу одолевает послеобеденная дремота, привратник решил на заднем дворе сыграть с мальчишками из конюшни в кегли. Так что привратницкая и передний двор на целый час остались без присмотра. Времени более чем достаточно, чтобы три женщины могли выйти с младенцем, колыбелью и сундучком с приданным для новорожденного.

Привратник божился, что партия длилась не больше пятнадцати минут.

– Значит, ты в сговоре со злодеями, – бросила ему Анжелика и пообещала, что он будет бит палками, чего никогда еще не случилось ни с кем из ее слуг.

С каждой минутой ей на память приходили чудовищные истории про замученных, украденных и умерщвленных детей. Кормилицу рекомендовала госпожа де Севинье, считавшая ее простодушной и приветливой. Но как можно довериться этому проклятому отродью – прислуге, которая желает и угодить, и не прогадать...

Тут, крича, что он все знает, прибежал Флипо. Со своим чутьем бывшей ищейки со Двора Чудес он быстро обнаружил след. Шарль Анри дю Плесси-Бельер просто-напросто со всей челядью переехал в дом своего отца на улицу Фобур-Сент-Антуан.

– Будь ты проклят, Филипп!

Анжелика не могла притворяться перед своими людьми, всего пять минут назад видевшими ее обезумевшей от беспокойства. Поэтому она позволила гневу вырваться наружу. Чтобы привлечь их на свою сторону, молодая женщина объявила своим слугам, что воспользуется ситуацией, чтобы высечь дерзкую дворню маркиза, считающую ее слуг «прихвостнями торговки», хотя они, как и вся челядь дома дю Плесси, имеют право на желто-голубые ливреи. И добавила, что ее принимают и уважают при дворе.

Она приказала людям вооружиться, и все они, от поваренка до юного аббата, прихватив палки, алебарды или шпаги, направились на улицу Фобур-Сент-Антуан. Во главе колонны восседала в портшезе сама Анжелика.

Ее вооруженный отряд наделал немало шума. Подобные свары между челядью знатных господ не были редкостью, и лакомые до них соседи оживленно увязались следом.

Толпа прибыла к черным дубовым воротам особняка дю Плесси. Швейцар попытался провести переговоры через зарешеченное окошко привратницкой. Он получил приказ от господина маркиза никому не открывать. НИКОМУ, без исключений, в течение всего дня.

– Открывай своей госпоже! – потрясая двумя петардами, неожиданно каким-то чудом появившимися из складок его камзола, прорычал Мальбран Укол Шпаги. – Или, клянусь своей шпагой, я суну два этих «факела» тебе под нос и взорву ворота и твою будку к чертовой матери!

Бандит уже поджег трут.

Испуганный привратник поторопился открыть боковую дверь госпоже маркизе при условии, что вся свора останется снаружи. В ответ на обещание Анжелики, что ни драки, ни взятия приступом не будет, он едва приотворил калитку, и она проскользнула в нее в сопровождении барышень де Жиландон. В доме она без труда обнаружила перебежчиц. Отвесив кормилице оплеуху, молодая мать схватила ребенка и уже начала спускаться по лестнице, когда перед ней возник Ла Вьолет. Пока он жив, сын господина маркиза не покинет дом своего отца. Он в этом поклялся.

Анжелика резко отвечала ему на пуатевинском диалекте, родном для него, как и для нее.

В конце концов надменный лакей потерял самообладание. Он бросился перед Анжеликой на колени и со слезами в голосе умолял ее сжалиться над ним. Если он позволит унести ребенка, господин маркиз угрожал ему самыми страшными наказаниями. Вплоть до изгнания из дома. А это невозможно. Он многие годы провел подле господина маркиза. Они вместе в Ньельском лесу убили из рогатки свою первую белку. Он сопровождал его во всех военных кампаниях.

А в это время лакей в желто-голубой ливрее во весь опор скакал по дороге в Сен-Жермен, надеясь добраться до маркиза, пока его челядь и слуги его жены не перерезали друг друга в Париже.

Надо было выиграть время.

Появился духовник маркиза, чтобы попытаться воззвать к разуму лишенной ребенка матери. С отчаяния послали за экономом, господином Молином.

Анжелика не знала, что он в Париже. Узнав худощавую фигуру седовласого эконома, который держался по-прежнему прямо и уверенно, Анжелика смягчилась. С Молином можно договориться.

Эконом предложил ей присесть возле камина и рассыпался в комплиментах младенцу, рождению которого он очень рад.

– Но маркиз хочет выкрасть у меня ребенка!

– Это его сын, сударыня. И поверьте, я был несказанно изумлен, видя столь сурового человека так глупо радующимся, что у него родился сын.

– Вы всегда защищаете его, – с горечью сказала Анжелика. – Плохо представляю, чтобы он мог чему-нибудь радоваться, разве что

причиненному им страданию. Его озлобленность выходит далеко за пределы довольно мрачной картины, которую вы мне обрисовали.

Тем не менее при условии, что Молин возьмет на себя роль беспристрастного арбитра, она согласилась отослать своих людей и дожидаться приезда мужа.

Поздним вечером, звеня шпорами, Филипп вернулся домой и обнаружил Анжелику и эконома мирно беседующими в уголке возле огня.

Маленький Шарль Анри, которого Анжелика бережно прижимала к сердцу, жадно сосал материнскую грудь. Пламя отбрасывало красноватые отблески на полную белую шею молодой женщины. Это зрелище так заморозило маркиза, что Молин успел подняться и заговорить. Он рассказал, как мадам дю Плесси потрясена исчезновением сына. Разве господин дю Плесси не знал, что она сама кормит маленького Шарля Анри? Здоровье младенца не столь блестяще, как может показаться по его внешнему виду. Отсутствие материнского молока может поставить жизнь новорожденного под угрозу. И известно ли господину дю Плесси, что у его супруги может начаться грудница? И это еще наименьшее из зол, которые могут последовать за насильственным отнятием от груди.

Нет, Филипп ничего этого не знал. Впрочем, подобные соображения были слишком далеки от его привычных занятий. Надменное выражение на его лице поочередно сменялось беспокойством и недоверием. Однако Молин знал, что говорит. Он был не только отцом семейства, но еще и дедом.

Маркиз в последний раз попытался отстоять свою позицию:

– Это мой сын, Молин! И я хочу, чтобы он оставался в моем доме.

– Но как бы то ни было, господин маркиз, госпожа дю Плесси останется с ним.

Анжелика и Филипп вздрогнули, и между ними повисло напряженное молчание. Затем они обменялись взглядами, будто готовые помириться рассорившиеся дети.

– Я не могу оставить двух других моих сыновей, – сказала Анжелика.

– Они тоже поселятся здесь, – заверил ее Молин. – В особняке довольно места.

Филипп не протестовал.

Молин простился – его миссия была исполнена. Филипп по-прежнему мерил шагами комнату, порой бросая на Анжелику мрачный взгляд. А молодая мать не сводила глаз с ребенка, радуясь хорошему аппетиту маленького Шарля Анри.

Наконец маркиз взял табурет и уселся подле них. Анжелика с тревогой

взглянула на мужа.

– Вот те на! – проговорил Филипп. – Признайтесь, вам страшно, хотя вы стараетесь казаться дерзкой. Похоже, вы не ожидали, что дело так обернется. Вот вы и в логове волка. Почему вы с такой опаской посмотрели на меня, когда я сел подле вас? Даже крестьянин, если он не законченная скотина, находит удовольствие присесть возле камелька и полюбоваться, как женушка кормит его первенца.

– Только вы, Филипп, не крестьянин... и вы настоящая скотина.

– С удовлетворением вижу, что ваш воинственный пыл не угас.

Она исполненным нежности движением повернула голову к Филиппу, взгляд молодого человека скользнул по ее гибкой шее к белой груди, возле которой спал младенец.

– Могла ли я вообразить, что вы так скоро сыграете со мной злую шутку, Филипп? Совсем недавно вы были добры ко мне.

Филипп вздрогнул, точно от оскорбления:

– Вы ошибаетесь. Я не добр. Просто я не могу видеть, как породистое животное страдает от родов. Вот и все. Моя задача была помочь вам. Однако мое мнение о человеческом роде, и в частности о пленительности женщин, вовсе не изменилось. Впрочем, я задумался, как существа, столь близкие к животным, еще могут позволять себе высокомерие. Тогда, утром, вы были не так горделивы. И наподобие самых норовистых сук, во время родов успокоились от прикосновения хозяйской руки.

– Я этого не отрицаю. Однако ваша философия, Филипп, носит несколько односторонний характер. Вам с животными проще, чем с людьми, поэтому вы судите одних по другим. Женщина для вас представляет лишь странную смесь собаки, волчицы и коровы.

– Добавьте еще к этому змеиный характер.

– То есть Зверь Апокалипсиса.

Они со смехом посмотрели друг на друга. Филипп стиснул зубы, чтобы скрыть внезапную бурную радость.

– Зверь Апокалипсиса, – повторил он, не спуская глаз с лица Анжелики, порозовевшего в трепещущих отсветах огня.

– Моя философия лучше других, – продолжал он после короткого молчания. – Она защищает меня от опасных иллюзий... В то утро, у изголовья вашей постели, я вспомнил самую злую племенную суку своры, с которой я просидел всю ночь, когда она производила на свет помет из семи щенков. Взгляд ее казался почти человеческим, она ластилась ко мне с трогательной естественностью. Спустя два дня она загрызла мальчишку-лакея, который захотел погладить ее щенят. – С внезапным любопытством

маркиз спросил: – Правду ли мне сказали, будто ваши люди подложили петарды к будке моего швейцара?

– Да.

– И если бы он не сдался, вы бы взорвали его?

– Да, я бы это сделала, – твердо ответила Анжелика.

Расхохотавшись, Филипп поднялся:

– Черт бы вас побрал, вы начинаете забавлять меня. Вам можно приписать любые недостатки, но вот уж скучной вас не назовешь.

Он положил обе руки ей на плечи, у самой шеи:

– Порой я размышляю, что лучше: задушить вас или...

От его прикосновения она закрыла глаза:

– Или что?

– Я подумаю, – сказал он, отпуская ее, – однако не обманывайтесь раньше времени. Вы в моей власти.

Анжелике потребовалось время, чтобы обосноваться у мужа со своими сыновьями и их челядью, а также несколькими слугами, которых она хотела бы иметь под рукой. Особняк был мрачным и не обладал изяществом новизны, присущим ее дому на улице Ботрейи.

Однако она нашла там для себя очаровательные покои и в придачу самое современное убранство. Ла Вьолет сказал ей, что прежде комнаты принадлежали вдовствующей маркизе, однако господин маркиз несколько месяцев назад приказал полностью обновить их.

Изумленная Анжелика не осмелилась спросить, для кого.

Через некоторое время приглашение короля на большой бал в Версале вынудило ее покинуть новое жилище. Для знатной придворной дамы, имеющей две должности, она в достаточной мере отдала дань семейному долгу. Теперь следовало вернуться к светской жизни. Филипп был всецело поглощен обязанностями при короле. Теперь, живя под его крышей, она видела мужа еще реже, чем когда находилась при дворе. Понимая, что вечер у камина не повторится, Анжелика направилась в Версаль.

Вечером, перед началом бала, ей с трудом удалось отыскать место, чтобы переодеться. Это представляло вечную заботу всех временно проживающих в Версале. По крайней мере, тех из них, кто еще сохранил стыдливость. Остальные с легкостью представали перед нескромными взглядами.

Анжелика укрылась в маленьком вестибюле по соседству с покоем королевы. Не найдя своих камеристок, они с госпожой дю Рур помогли

друг другу. Через комнату постоянно кто-то проходил. Мужчины отпускали комплименты, некоторые с готовностью предлагали свои услуги.

– Оставьте нас в покое, господа, – повизгивая, отказывалась госпожа дю Рур, – из-за вас мы опоздаем. А вам известно, что король терпеть не может, когда опаздывают.

Ей пришлось выйти за булавками.

Анжелика воспользовалась своим временным одиночеством, чтобы надеть шелковые чулки. В этот момент крепкая рука обвила ее за талию и, смяв все юбки, опрокинула на софу. Жадные губы впились в ее шею. Она закричала, стала яростно отбиваться и, едва высвободившись, отвесила наглецу две пощечины.

Ударить в третий раз она не успела, застыв перед королем, который держался за щеку.

– Я... я не знала, что это вы, – пролепетала она.

– Я тоже не знал, что это вы, – с досадой отвечал он. – И что у вас такие прелестные ножки. Какого черта вы выставляете их напоказ, а потом злитесь?

– Я не могу надеть чулки, не показав ноги.

– А для чего вы приходите надевать чулки в прихожую королевы, если не для того, чтобы показать свои ноги?

– Да потому, что мне некуда деться, чтобы привести себя в порядок.

– Уж не намекаете ли вы, что Версаль слишком мал для вашей дражайшей персоны?

– Возможно. Здесь просторно, но не хватает кулис. Дражайшая или нет, но моя персона вынуждена постоянно оставаться на сцене.

– И это все ваши извинения за ваше неслыханное поведение?

– И все ваши – за то, что вы вели себя не менее неслыханно!

Анжелика выпрямилась, нервно поправляя юбки. Она была в ярости. Однако, бросив взгляд на опечаленную физиономию государя, смягчилась и улыбнулась уголками губ. Лицо короля просветлело.

– Я глупец!

– А я слишком вспыльчива.

– Да, милый сорняк! Поверьте, если бы я узнал вас, то не позволил бы себе подобного поведения. Но, войдя, я увидел лишь светлый затылок и, черт побери, две прелестные ножки... очень соблазнительные.

Анжелика искоса взглянула на него и скроила веселую гримаску, из тех, что женщина адресует мужчине, чтобы показать, что она его прощает и не будет дуться при условии, что он не возьмется за старое. Даже король

имеет право выглядеть полным олухом перед улыбающейся женщиной.

– Так вы меня прощаете?

Она протянула ему руку, которую он поцеловал. В ее жесте не было кокетства, он означал просто, что все в порядке. Король решил, что она изумительная женщина.

Чуть позже, проходя по мощенному мраморными плитами двору, Анжелика повстречала гвардейца, который, казалось, кого-то искал. Он подошел к ней:

– По поручению главного камергера его величества сообщаю, что для вас приготовлены покои в верхнем этаже флигеля принцев крови, справа. Хотите ли вы, чтобы я проводил вас туда, сударыня?

– Для меня? Вы, должно быть, ошиблись, дружок.

Тот глянул в записную дощечку:

– Мадам дю Плесси-Бельер. Мне казалось, что вы и есть госпожа маркиза.

– Да, это я.

Анжелика с удивлением последовала за военным. Они миновали королевские покои, затем помещения, предназначенные для первых принцев крови. В конце правого крыла квартирмейстер в голубой ливрее дописывал мелом на двери:

«ДЛЯ госпожи дю Плесси-Бельер».

Анжелика едва не лишилась чувств. От восторга она чуть не прыгнула на шею обоим военным. И от души вознаградила их золотыми монетами:

– Вот, выпейте за мое здоровье.

– Пусть оно у вас будет крепким, – заговорщицки подмигнув, отвечали они.

Маркиза попросила их предупредить лакеев и служанок, чтобы принесли ее гардероб и постель. А затем с детским удовольствием принялась осматривать свои новые владения, состоящие из двух комнат и небольшого алькова.

Усевшись на подушки, Анжелика с восхищением думала о пьянящих чувствах, которые могут вызвать монаршие милости. Затем снова вышла, чтобы еще раз полюбоваться надписью:

«ДЛЯ госпожи дю Плесси-Бельер».

– Вот вы и добились этого знаменитого «ДЛЯ»!

– Кажется, «люди в голубом» написали ваше «ДЛЯ»?

Новость быстро облетела замок. Едва показавшись на пороге бального зала, Анжелика тут же стала предметом восхищения и зависти. Она сияла.

Прибытие свиты королевы несколько остудило ее восторг.

Государыня милостиво приветствовала присутствующих, которых замечала. Однако сделала вид, что не узнала маркизу дю Плесси-Бельер, и холодно прошла мимо нее. Невнимание королевы не ускользнуло от внимания гостей.

– Ее величество королева с вами неприветлива, – шепнул маркиз де Роклор. – Стоило ей только порадоваться скорому падению мадемуазель де Лавальер, а тут появляется новая соперница, да еще и более ослепительная.

– Кто это?

– Вы, милочка.

– Я? Что за глупость! – с раздражением вздохнула молодая женщина.

В поступке короля она не усмотрела ничего, кроме того, что он, безусловно, хотел продемонстрировать желание получить прощение и на правах хозяина дома исправить неудобство, на которое она пожаловалась. Придворные же разглядели тут очередное доказательство его любви к Анжелике.

В досаде Анжелика помедлила, прежде чем войти в бальный зал.

Зал украшали гобелены ярких тонов. Свисающие со сводов тридцать шесть люстр освещали его бесчисленным количеством свечей. Вдоль двух противоположных стен были расставлены скамьи, на которых рассаживались справа дамы, слева – господа. Королю с королевой предназначалась отдельная ложа. В глубине зала, на возвышении, украшенном венками из позолоченной листвы, под руководством господина Люлли настраивали свои инструменты музыканты.

– Королева плакала из-за мадам дю Плесси-Бельер, – хрипло прошептал кто-то рядом с ней. – Ей сказали, будто король устраивает покои для новой любовницы. Берегись, маркиза!

Анжелике не понадобилось опускать глаза или оборачиваться, чтобы догадаться, кому принадлежит голос, словно идущий из-под земли. Не шелохнувшись, она ответила:

– Господин Баркароль, не верьте этому. Король не пытается овладеть мной. Во всяком случае, не более, чем любой другой дамой из своего окружения.

– Тогда тем более берегись, маркиза! Тебе готовят подвох.

– Кто же? Почему? Что тебе известно?

– Мало что. Я только знаю, что мадам де Монтеспан и госпожа дю Рур ходили к Вуазенше, чтобы узнать, как известить Лавальер. Она посоветовала им воздействовать на рассудок короля колдовскими снадобьями. А Мариэт, ее священник-святотатец, уже подсыпал порошок под чашу.

– Молчи! – Она в ужасе вздрогнула.

– Берегись этих баб. Вдруг им взбредет в голову, что извести следует тебя...

Скрипки заиграли прелюдию быстрого прелестного контрданса.

Король встал и, поклонившись королеве, открыл бал с мадам де Монтеспан.

Анжелика шагнула вперед. Пришел ее черед занять свое место.

Гном в шляпе с перьями ухмылялся, спрятавшись в тени портьера...

Глава XXII

Король занимался подготовкой к войне. Он приказал устроить лагерь на пустыре возле предместья Сен-Жермен. Там поставили красивые шатры. Шатер вновь вошедшего в милость господина де Лозена состоял из трех комнат, затянутых багровым шелком. Здесь он принял короля и задал большой пир.

В Фонтенбло, куда потом направился двор, собрались войска, и дамы с интересом присутствовали на военных смотрах. Королю нравилось наблюдать за отменной дисциплиной и великолепной выправкой своих солдат.

Ла Вьолет надраивал доспехи своего господина, стальные нагрудные латы, скорее декоративные, нежели необходимые, которые маршал наденет под кружевной нагрудник. Расшитый шатер маркиза обошелся в две тысячи ливров. Его имущество погрузят на пять мулов. Предполагались также верховые лошади. Мушкетеры личной роты господина дю Плесси тоже были полностью экипированы в плотное, как серебряный экю, светло-желтое сукно с позолоченными накладками и расшитые золотом кожаные штаны.

Да, дух времени свидетельствовал о военном настрое. Не достиг ли ушей молодого государя, тоже ощущающего в порывах ветра зов славы, крик всегда сопутствующих армии бродяг: «Эй, французский король, когда ты дашь нам войну... настоящую войну!»?

Только война приносит славу. Триумф оружия дополняет величие монархов.

Война вынырнула из семи мирных лет подобно сверкающему видению, в котором каждый, начиная от короля, принцев, дворян и до простого люда, подстрекаемого праздными драчунами, ищущими приключений горячими головами, узнавал врожденную страсть к большой яростной игре сражения. С буржуа, ремесленниками и крестьянами не советовались. Возможно, они проявили бы нерешительность? Почему бы и нет? Война для нации, развязавшей ее, – это победа, надежда на обогащение, иллюзорные мечты освободиться от невыносимой зависимости. Они доверяли своему королю. Они не любили испанцев. И англичан, и голландцев, и шведов, и солдат Германской империи.

Казалось, настал момент показать Европе, что Франция – первая нация мира и собирается не подчиняться, а диктовать свои законы.

Не хватало повода. Людовик XIV поручил казуистам найти его в политическом прошлом и настоящем. После долгих размышлений было обнаружено, что королева Мария-Терезия, дочь короля Испании Филиппа IV от первого брака, в отличие от Дона Карлоса, сына от его второго брака, располагает наследственным правом на Фландрию. Испания дала понять, что это право основано на законе, применяемом исключительно в этой провинции Нидерландов, не признающей наследственных прав детей от второго брака. И что она, Испания, владычица оных провинций, не предполагает в этом отчитываться. Впрочем, она напоминает, что, вступая в брак с королем Франции, Мария-Терезия официально отказалась от всякого испанского наследства.

Франция отвечала, что, поскольку Испания не выплатила пятьсот тысяч экю, каковые, после подписания Пиренейского мира, должны были быть перечислены королю Франции в качестве приданого за Марией-Терезией, подобное нарушение данного слова аннулирует все предыдущие договоренности.

На что Испания отвечала, что не должна была выплачивать этого приданого, поскольку приданое дочери Генриха IV, ставшей испанской королевой в 1621 году, не было полностью выплачено Лувром.

Тогда Франция прекратила свои дипломатические раскопки, полагая, что в политике следует иметь короткую память.

Армия двинулась на завоевание Фландрии, а двор отправился вслед за ней в увеселительную поездку.

Наступила весна. Правда, дождливая, однако в это время года вместе с яблонями расцветают воинственные планы. За войсками следовало столько же карет, сколько пушек и телег обоза.

Людовик XIV хотел, чтобы королеву, наследницу пикардийских городов, повсюду, в каждом завоеванном населенном пункте, приветствовали как государыню. Ему хотелось ослепить роскошью жителей, более чем за столетие привыкших к испанскому захватчику, спесивому, но нищему.

И наконец, ему не терпелось нанести первый удар предприимчивой Голландии, чьи тяжелые суда бороздили моря до самых островов Суматра и Ява, в то время как практически уничтоженный французский флот почти повсеместно рисковал превратиться в торговый.

Чтобы дать французским верфям время на строительство новых судов, следовало разгромить Голландию.

Однако об этом Людовик XIV молчал. Это была их с Кольбером

тайна.

Кареты, повозки, сменные лошади тащились под проливным дождем по дорогам, где, оставив за собой лишь рытвины и грязные лужи, уже прошли пехота, артиллерия и кавалерия.

Анжелика ехала в карете мадемуазель де Монпансье. Герцогиня вернула ей свою благосклонность, когда господин де Лозен вышел из Бастилии. На пересечении дорог их остановила толпа, собравшаяся возле перевернувшегося экипажа. Кто-то сказал, что карета принадлежит одной из придворных дам королевы. На обочине Мадемуазель заметила госпожу де Монтеспан и принялась призывно махать ей:

– Едемте с нами. У нас есть место.

Задрав верхнюю юбку до самой головы и перескакивая с кочки на кочку, молодая женщина добралась до них и со смехом разместилась в карете.

– В жизни не видела ничего забавнее, – рассказывала она, – чем господин де Лозен, сложивший все свои локоны в шляпу. Король вот уже два часа держит его перед дверцей кареты. Парик господина де Лозена совсем вымок, так что он в конце концов вовсе снял его.

– Какой ужас! – воскликнула Великая Мадемуазель. – Он заболел.

Она велела кучеру подстегнуть лошадей. На первом же повороте их экипаж поравнялся с каретой короля. Лозен, верхом на коне, и правда был рядом. Под струями проливного дождя он напоминал оципанного воробья. Мадемуазель взволнованно вступилась за него:

– Кузен, неужели у вас совсем нет сердца? Из-за вас этот несчастный дворянин свалится на три дня в лихорадке. Если сострадание вам недоступно, подумайте хотя бы о том, что в его лице вы потеряете одного из своих самых доблестных солдат.

Прижав к глазам подзорную трубу из оправленного в золото черного дерева, король даже не обернулся.

Анжелика посмотрела по сторонам. Они находились на небольшом холме, так что вся темная и влажная пикардийская низменность расстилалась у их ног. На фоне низкого неба смутно вырисовывались зубцы крепостной стены какого-то городка. За тонкой завесой дождя он казался мертвым, как обломки корабля под толщей воды.

Французские укрепления окружали его неумолимым черным кольцом. Солдаты заканчивали рыть вторую траншею, дублирующую первую. В сгущающихся сумерках оглушительные выстрелы нацеленных на город пушек через короткие промежутки времени отбрасывали на него

красноватые отсветы. Великая Мадемуазель заткнула уши и снова обратилась к королю.

Тот наконец опустил подзорную трубу.

– Кузина, – наставительно проговорил он, – вы красноречивы, но всегда дурно выбираете момент для своих поучений. Мне кажется, сейчас гарнизон готов сдаться.

Он передал Лозену приказ прекратить огонь. Маркиз галопом поскакал к войскам.

И точно, у ворот цитадели было заметно какое-то движение.

– Вижу белый флаг! – воскликнула Великая Мадемуазель, хлопая в ладоши. – Всего три дня, сир! Вы взяли город всего за три дня! Ах, как же увлекательна война!

Вечером, когда королевский кортеж остановился в завоеванном городе и приветствия жителей раздавались перед воротами особняка, где поселилась королева, господин де Лозен подошел к Мадемуазель, чтобы высказать свою признательность за ее заступничество. Великая Мадемуазель улыбнулась. Волна румянца залила ее бледные щеки. Извинившись перед королевой, она оставила карточную игру, попросив Анжелику заменить ее, и увлекла Лозена к окну.

Глядя на него сияющими глазами, Мадемуазель буквально упивалась каждым его словом. В приглушенном свете стоящего подле них на консоли канделябра она казалась почти молодой и хорошенькой.

«Да она влюблена!» – подумала растроганная Анжелика.

На лице Лозена играло свойственное ему выражение соблазнителя, благоразумно приправленное долей необходимого почтения. Чертов Пегилен Гасконский! Во что он еще впутается, завоевав сердце внучки Генриха IV!

В зале былолюдно, но тихо. Играли за четыремя столами. Иногда болтовню галантного уединения нарушали объявление ставок и звон сыплющихся экю.

Королева тоже выглядела счастливой. К радости оттого, что еще один город украсит французскую корону, примешивалось чувство удовлетворения более интимного свойства. Мадемуазель де Лавальер в поездке не участвовала. По приказу короля она осталась в Версале. Перед началом военной кампании Людовик XIV удостоверенным актом, зарегистрированным парламентом, пожаловал любовнице находящееся в Турени герцогство Вожур и баронские владения Сен-Кристоф, земли «равно значительные по доходам и количеству фьефов»... И признал дочь, которую имел от нее, малышку Мари-Анну, которая станет мадемуазель де

Блуа.

Столь заметные милости никого не обманули, включая саму их получательницу. Это был прощальный подарок, означающий прекращение отношений. Королева видела в нем возвращение к порядку, нечто вроде исправления прошлых ошибок. Король окружил ее вниманием. Она находилась подле него, когда войска входили в город, и разделяла все тревоги и надежды похода. Смутная тревога порой сжимала сердце государыни, когда взгляд ее падал на маркизу дю Плесси-Бельер, про которую говорили, будто король ею увлечен, и которую он навязал ей в свиту.

И вправду, очень красивая женщина. Во взгляде ее ясных глаз есть что-то значительное, грациозные движения и сдержанности, и одновременно стремительны. Мария-Терезия сожалела о растущем недоверии к этой красавице. Королеве она понравилась. Ей бы хотелось сделать маркизу своей confidentкой. Однако господин де Солиньяк уверяет, что она распутна и безжалостна. А мадам де Монтеспан полагает, что у нее кожная болезнь, подхваченная в низкопробном обществе, которое та посещает ради разврата. Разве можно верить внешности? А ведь выглядит такой здоровой и свежей, и дети у нее такие красивые! Какая жалость, если король сделает ее своей любовницей! И как обидно!.. Неужто бедному сердцу королевы никогда не знать покоя?

Анжелика чувствовала, что королеве мучительно ее присутствие, поэтому воспользовалась первым же предлогом, чтобы удалиться.

Особняк, отданный в распоряжение короля, оказался тесным и неудобным. Туда набились свита и придворные, а прочие сопровождающие и офицеры встали на постой у населения. Оказанный горожанами прием исключал жестокости и грабеж. Ничего не пришлось брать насильно – все охотно давали. Громкое пение и смех приглушенно доносились до самых отдаленных комнат плохо освещенного особняка, где еще витал кухонный запах пикардийского торта, огромного пирога с луком-пореем и взбитыми сливками, на серебряном блюде поднесенного победителю тремя знатными горожанками.

Натыкаясь на сундуки и баулы, Анжелика поднялась по лестнице. Спальня, которую она делила с мадам де Монтеспан, находилась справа. Покои короля и королевы – слева.

Под масляной горелкой обозначилась маленькая тень, сверкнув ослепительными белками глаз, из тьмы выступила черная маска:

– Нет, мэ, не входи.

Анжелика узнала негритенка, подаренного ею мадам де Монтеспан.

– Здравствуй, Нааман. Дай пройти.

– Нет, мэ.м.

– Там кто-то есть?

– Кто-то...

Она различила нежный шепот и, кажется, разгадала любовную тайну.

– Хорошо. Я ухожу.

Белоснежные зубы черного пажа сверкнули в заговорщицкой улыбке.

– Кооль, мэ.м. Кооль... Тсс!

Анжелика в задумчивости спускалась по лестнице.

«Король! И госпожа де Монтеспан!»

Назавтра был назначен переезд в Амьен.

С самого утра Анжелика привела себя в порядок и отправилась к королеве, как требовали того ее придворные обязанности. На пороге она повстречалась с сильно взволнованной мадам де Монтеспан.

– Вы только взгляните, в каком состоянии ее величество! Жалко смотреть!

Королева заливалась слезами. Она жаловалась, что ее только что вырвало и у нее нет сил. Ее стенания подхватила госпожа де Монтозье, а госпожа де Монтеспан раскричалась пуще прежнего, твердя, что понимает горе ее величества. Сообщили, что на рассвете в распоряжение войск прибыла герцогиня де Лавальер. Она ехала всю ночь и почтительно явилась поклониться королеве.

– Нахалка! – воскликнула госпожа де Монтеспан. – Упаси меня бог стать когда-нибудь любовницей короля! Однако, если бы подобное несчастье коснулось меня, мне бы ни за что не хватило наглости предстать перед королевой!

Что означало появление отставленной любовницы?

Уж не сам ли король призвал свою фаворитку?

Впрочем, пора было идти в церковь, где, прежде чем тронуться в путь, предстояло прослушать мессу.

Мария-Терезия поднялась на хоры. Там уже находилась герцогиня де Лавальер. Королева не удостоила ее взглядом. Фаворитка ретировалась. И снова появилась перед государыней, когда та усаживалась в карету. Но королева не удостоила ее ни единым словом. Слишком горьким оказалось разочарование. Она не могла совладать с собой и выглядеть вполне довольной, как вынуждена была делать, пока связь ее царственного супруга считалась официальной. В гневе она отказалась от еды. Из боязни,

как бы мадемуазель де Лавальер не оказалась прежде нее подле короля, она также приказала офицерам своего эскорта никого не пропускать впереди ее кареты.

Весь день вереница экипажей тряслась по скверным дорогам, а вечером с небольшой высоты увидела армию. Мадемуазель де Лавальер решила, что король должен быть там. С отвагой отчаяния она во весь опор бросилась в своей карете через поля.

Заметив это, королева пришла в неопиcуемый гнев. Она хотела отправить своих офицеров вдогонку, чтобы те остановили бесстыдницу. Все умоляли ее не делать этого и успокоиться.

Появление короля, обогнавшего королеву по другой дороге, положило конец трагикомической сцене.

Монарх был верхом, с ног до головы забрызган грязью и в отменном настроении. Спешившись, он извинился, что так испачкан, что не может сесть в карету. Однако стоило ему несколько мгновений поговорить с королевой через дверцу, как лицо его омрачилось.

Из уст в уста передавалось, что приезд мадемуазель де Лавальер не был вызван ни приказом, ни тем более желанием короля. Что же подвигло его робкую возлюбленную превозмочь свое обычное смирение? Какие опасения ею двигали? Какая уверенность?

Оставшись в одиночестве в Версале, осыпанная почестями и богатствами, она осознала, что ее бросили. С помутившимся рассудком, на грани нервного срыва, она потребовала карету и во весь опор помчалась на север, впервые послушавшись короля. Даже еще не зная, а только с замиранием сердца боясь вообразить своего возлюбленного в объятиях другой.

На следующем привале она не вышла к ужину. Расквартированы все были ужасающе. В городишке среди глинобитных лачуг едва нашлось четыре каменных дома.

Блуждая в поисках пристанища с обеими барышнями Жиландон и тремя служанками, Анжелика повстречала мадемуазель де Монпансье, как и она, не нашедшую крова.

– Вот мы и на настоящей войне, голубушка. Госпожа де Монтеспан спит в клетушке на ворохе соломы, дочери королевы на чердаке на груди зерна. А мне, полагаю, придется довольствоваться кучей угля.

В конце концов Анжелика нашла амбар, наполненный сеном. Она взобралась по приставной лестнице на самый верх, где она сможет выпасться, а ее спутницы остались внизу. Подвешенный к балке большой фонарь отбрасывал в углы рыжеватые лучи. И тут Анжелика снова

приметила появившееся неизвестно откуда смутное видение в тюрбане из багрового и бледно-зеленого атласа, с черной рожицей и яркими белками. Негритенок Нааман.

– Что ты здесь делаешь, маленькое исчадие ада?

– Жду мэм Монтеспан. Я иметь мешок для нее. Мэм Монтеспан тоже спать здесь.

На верхней ступеньке появилась прекрасная маркиза.

– Отличная идея прийти сюда и разделить со мной эту «зеленую спальню», как говорят наши brave вояки. Если нас не сморит сон, можем сыграть партию в пикет.

Бросившись на сено, она потянулась и по-кошачьи сладко зевнула.

– До чего же здесь хорошо! Какое дивное ложе! Напоминает о моем детстве в Пуату!

– Мне тоже.

– У нас прямо возле голубятни был чердак с сеном. Там меня поджидал мой дружок. Десятилетний пастушок. Держась за руки, мы слушали, как воркуют голуби.

Она расстегнула тугий корсет. Анжелика последовала ее примеру. Высвободившись из нижних юбок, обе босиком ступили на сено и свернулись калачиком, возвращаясь мыслями к детским воспоминаниям.

– От пастуха до короля, – прошептала Атенаис, приподнявшись на локте. – Что вы думаете о моей судьбе, милочка?

Теплый таинственный свет старого фонаря омывал ее великолепные формы, белизну ее плеч и шеи. Она как-то расслабленно рассмеялась:

– Как упоительно быть любимой королем!

– Похоже, вы внезапно совершенно уверились в этой любви? Еще недавно вы сомневались.

– Но теперь я получила доказательства, не оставляющие никаких сомнений... Вчера вечером он приходил... О, я знала, что он придет, что это случится во время поездки. Разве то, как он оставил Лавальер в Версале, не являлось уже залогом его намерения? В качестве прощального подарка он дал ей какие-то пустяки.

– Пустяки? Герцогство-пэрство? Баронское владение?

– Тьфу! На ее взгляд, это должно выглядеть ослепительно. И разумеется, она воображает, что находится в зените королевской милости. Потому она и вздумала, что имеет право присоединиться ко двору. Ха-ха! Не угадала! Но уж я-то не стану довольствоваться безделушками. Не может быть и речи, чтобы он обращался со мной как с певичкой. Я из рода Мортемар!

– Атенаис, вы говорите с уверенностью, которая пугает меня. Вы действительно стали любовницей короля?

– Да, я его любовница... О Анжелика, до чего же забавно ощущать свою полную власть над таким человеком! Видеть, как он бледнеет и трепещет... Как умоляет... он, так хорошо владеющий собой, такой церемонный и величественный, а порой даже грозный. Оказывается, все, что о нем рассказывают, правда. В любви он сущий дикарь. Куда только деваются его манеры, его утонченность... Он очень привередлив, но надеюсь, я его не разочаровала.

Она болтала без умолку и хохотала как умалишенная, зарываясь головой в сено и потягиваясь с беззаботным бесстыдством, словно вспоминая недавние эпизоды. Анжелике даже стало неловко.

– Ну что же, замечательно, – сухо ответила она. – Наконец-то любопытствующие узнают, кто новая любовница короля, а я избавлюсь от докучливых нелепых подозрений.

Мадам де Монтеспан резко села:

– О нет, дорогая! Ни в коем случае. Главное, ни слова! Мы надеемся на вашу сдержанность. Еще не настал момент открыто предоставить мне это место. Может возникнуть много сложностей. Так что соблаговолите продолжать играть ту роль, на которую мы вас назначили.

– Какую роль? И кто это «мы»?

– Ах, ну конечно... король и я...

– Не хотите ли вы сказать, что вы – «король и вы» – сговорились пустить слух, будто он влюблен в меня, чтобы отвести подозрения от вашей персоны?

Атенаис из-под длинных ресниц наблюдала за молодой женщиной. В ее сапфировых глазах полыхнуло недоброе пламя.

– Разумеется. Нам так удобно, понимаете? Я в щекотливом положении. Я, с одной стороны, фрейлина королевы, а с другой – близкая подруга мадемуазель де Лавальер. Знаки внимания короля ко мне могли бы вызвать кривотолки. Следовало открыть встречный огонь. Уж не знаю почему, мы заговорили о вас. Король поддержал сплетню, осыпав вас милостями. Теперь королева относится к вам с холодностью. Бедняжка Луиза, едва завидев вас, заливается слезами. А обо мне никто и не думает. Розыгрыш удался. Полагаю, вы настолько умны, что поняли все с самого начала. Король очень вам признателен... Что вы молчите? Неужели сердитесь?

Анжелика не ответила. Выдернув из сена травинку, она нервно покусывала ее. Она чувствовала себя глубоко оскорбленной тем, что ее

сочли недопустимо глупой. Да, нелегко научиться хитрить с самыми изворотливыми ловкачами королевства! В светских интригах она в некотором роде навсегда останется все той же неисправимо наивной крестьянской девочкой.

– Хотя на что же вам сердиться? – слащаво продолжала мадам де Монтеспан. – Вам должно быть лестно, к тому же вы уже получили привилегии и славу. Похоже, вы разочарованы? Нет, не могу представить себе, чтобы вы приняли всерьез нашу маленькую комедию... Во-первых, вы, кажется, влюблены. В собственного мужа. До чего же забавно... Он не слишком предупредителен, зато очень хорош. И говорят, он в восторге...

– Не хотите ли сыграть в карты? – равнодушным тоном перебила ее Анжелика.

– С удовольствием. У меня в сумке есть полная колода. Нааман!

Негритенок принес дорожный несессер. Они вяло сыграли несколько партий. Думая о другом, Анжелика проиграла, что еще больше ухудшило ее настроение. Наконец госпожа де Монтеспан уснула с улыбкой на губах. Анжелике не удалось последовать ее примеру. В раздражении она терзалась и всю ночь строила планы мести. Назавтра имя госпожи де Монтеспан будет у всех на устах. Прекрасная маркиза повела себя очень неосмотрительно. Анжелику не обманули ее лицемерные заверения. Атенаис с изощренным удовольствием поведала ей о своем триумфе и той роли, которая была отведена ею подруге. Будучи отныне уверенной в поддержке короля и своем влиянии, она позволила себе радость впиться своими прекрасными зубками в женщину, которой давно завидовала, но которую из корысти оберегала. Теперь маркиза больше не нуждалась ни в Анжелике, ни в ее эку. Теперь она могла унижать ее, заставляя дорого платить за успехи, которых она была лишена из-за красоты и богатства госпожи дю Плесси.

«Дура!» – подумала Анжелика. Скорее про себя, чем про маркизу.

Закутавшись в накидку, она тихонько скользнула к лестнице.

Госпожа де Монтеспан по-прежнему дремала, во всем своем великолепии раскинувшись на сене, точно богиня на облаке.

Снаружи занимался дождливый рассвет. С востока, где между двумя тучами уже порозовело небо, доносились звуки флейт и барабанов. Полки снимались с бивака. Прошлепав по вязкой грязи, Анжелика добралась до дома королевы, где намеревалась обнаружить госпожу де Монпансье. Возле дверей на скамье сидела дрожащая несчастная мадемуазель де Лавальер в компании двух-трех слуг и своей молодой невестки, хмурой и заспанной. Анжелику так потрясла эта отчаянная сцена, что она даже

остановилась:

– Что вы здесь делаете, мадам? Вы умрете от холода.

Вздвогнув, словно от резкого пробуждения, Луиза де Лавальер подняла на маркизу голубые глаза, слишком огромные на ее восковом лице.

– Где король? – спросила она. – Я хочу его видеть. Я не уйду, покуда не повидаюсь с ним. Где он? Скажите.

– Не знаю, сударыня.

– Вы знаете, я уверена! Вы знаете...

Движимая состраданием, Анжелика схватила протянутые к ней замерзшие худые руки:

– Клянусь вам, я не знаю. Я не видела короля с тех пор, как... Пожалуй, даже не знаю, с каких пор. И заверяю вас, что он мною вовсе не интересуется. Безумие просидеть здесь всю ночь в такой холод.

– Именно это я постоянно твержу Луизе, – простионала маленькая невестка, – она на исходе сил, да и я тоже. Но продолжает упорствовать.

– Вам зарезервировали спальню в деревне?

– Разумеется! Но она хотела дожидаться короля.

– Довольно глупостей! – Анжелика властно подхватила молодую женщину под руку и заставила подняться.

– Прежде всего вам надо согреться и передохнуть. Король не обрадуется, увидев вас с лицом призрака.

В предназначенном для ночлега фаворитки доме Анжелика приказала лакеям разжечь огонь, согреть сырые простыни, а сама приготовила травяной чай и так сурово и властно уложила мадемуазель де Лавальер в постель, что та даже не сопротивлялась. Ее тело, распластавшееся под одеялами, которых Анжелика велела принести побольше, казалось очень хрупким. Определение «бесплотная», некогда данное Луизе одним язвительным памфлетистом, не казалось преувеличением. Она была на седьмом месяце беременности, пятой по счету за шесть лет. Ей едва минуло двадцать три года, позади у нее уже был яркий любовный роман, а впереди – долгая жизнь и жгучие слезы. Еще осенью скачущая верхом мадемуазель де Лавальер ослепляла последним блеском. Теперь ее было не узнать – такие глубокие перемены произошли в ней.

«Так вот во что может превратить женщину любовь к мужчине», – подумала Анжелика, чувствуя, как вновь растет ее раздражение.

И вздрогнула, вспомнив слова Баркароя о соперницах, жаждущих отравить ее...

Присев возле изголовья кровати, она взяла в свои сильные и твердые

ладони тонкую ручку с болтающимися на исхудалых пальцах перстнями.

– Как вы добры! – пролепетала Луиза де Лавальер. – А ведь мне говорили...

– Зачем вы слушаете, что вам говорят? Только напрасно причиняете себе боль. Я бессильна против злых языков. Я вроде вас...

Она чуть было не добавила: «такая же глупая, как вы; я лишь невольно стала ширмой». Но к чему? Зачем направлять ревность Луизы в другую сторону? Очень скоро она сама узнает о предательстве, которое станет тем более ощутимым, что совершено ее лучшей подругой.

– А теперь спите, – прошептала она. – Король вас любит.

Из сострадания она произнесла те единственные слова, которые могли успокоить боль бедного разбитого сердца.

Луиза печально улыбнулась:

– Он слишком плохо доказывает мне свою любовь...

– Как вы можете так говорить? Разве только что он не представил свидетельство своего чувства, пожаловав вам титулы и земли, что не оставляет ни малейшего сомнения в том, что он желает вам добра? Вы герцогиня де Вожур, и ваша дочь не будет обречена на неизвестность.

Фаворитка покачала головой. Слезы медленно текли из ее закрытых глаз по вискам. Она, всегда героически скрывавшая свои беременности ценой невыразимых страданий, она, у которой сразу после рождения отбирали детей и которой не было дозволено оплакать смерть троих сыновей, она, с лучезарной улыбкой появляющаяся на балах, чтобы скрыть горе, она, прилагавшая все усилия, чтобы опровергнуть скандальность своего положения, внезапно публично, о чем ее даже не поставили в известность, была объявлена матерью дочери короля. И разве не шли разговоры о том, что из изгнания в ближайшее время воротится маркиз де Вард, чтобы по королевскому повелению жениться на ней?..

Слова утешения и ободрения, советы – все было бесполезно. Слишком поздно. Анжелика умолкла и просто держала несчастную за руку, пока та не уснула.

Вернувшись к дому королевы, она заметила свет в окне. Она решила, что королева тоже ждет короля, рисуя себе тысячу мучительных картин и представляя его себе в объятиях Лавальер. Которая между тем полночи умирала от холода возле ее дверей.

Зачем выкрикивать имя настоящей соперницы? Чтобы добавить еще одну каплю яда в отравленное питье?

Недаром госпожа де Монтеспан так спокойно спала в своем гнездышке из сена. Она знала – она всегда знала, – что госпожа дю Плесси

ничего не скажет.

Шарлеруа, Армантьер, Сен-Вину, Дуэ, крепость Уденарде, форт на реке Скарп, Куртре падали как карточные домики.

Королю с королевой оказывали почтительный прием, их приветствовали эшевены. Прошествовав по устланным коврами улицам, они отправлялись слушать «Te Deum» в одну из северных церквей, в каменном кружеве и с колокольной, острый шпиль которой, казалось, вонзался в тяжелое небо.

Между двумя мессами под звуки пушечной канонады и выстрелов из мушкетов горизонт судорожно сжимался в краткой конвульсии военных действий. Но испанцы были немногочисленны, а главное – слишком далеко было до Испании. Не имея никакого подкрепления, под давлением населения, которое не желало больше ради захватчиков терпеть муки голода, испанцы сдавались.

Под Дуэ прямо возле короля была убита лошадь одного из его гвардейцев. Людовик XIV часто рисковал своей жизнью. Его пьянил запах пороха. Он бы охотно встал во главе атакующего эскадрона.

Осадив Льеж, он каждый день, точно простой гренадер, к величайшему беспокойству придворных, спускался в окопы.

Однажды, увидев, что короля засыпало землей от упавшего у его ног ядра, мессир де Тюренин пригрозил покинуть расположение войск, если государь будет упорствовать в своем безрассудстве. Но король, стоявший на виду у всей армии, почти у подножия городских стен, медлил отступить со своей позиции. Маршал дю Плесси-Бельер сказал ему:

– Возьмите мою шляпу, а свою дайте мне. Испанцы увидят плюмаж, он собьет их с толку.

На следующий день король рисковал меньше. Филипп получил орден Святого Духа на голубой ленте.

Наступило лето.

Стало очень жарко. Дымок от мортир облачками поднимался в неподвижное бледно-голубое небо.

Мадемуазель де Лавальер осталась в Компьени. Королева последовала за армией, а вместе с ней, в ее карете, мадемуазель де Монпансье, принцесса Баденская, госпожи де Монтозье и де Монтеспан, а в другой, прямо за ними, – дамы д'Арманьяк, де Буйон, де Креки, де Бетюн и дю Плесси-Бельер. Все чудовищно усталые и голодные.

Прибыв на место, они были приятно удивлены, увидев повозку, в

которой весело сверкали освежающие куски льда. Ее сопровождали три или четыре черноусых верзилы с мрачными взглядами и в залатанных мундирах. Бывший с ними офицер рассеял все сомнения относительно их происхождения.

Его бугристая толстая физиономия и надменный вид свидетельствовали о том, что он истинный идальго его католического величества.

Прибывшим дамам объяснили, что господин де Бруай, испанский губернатор Лилля, ежедневно посылает лед королю Франции – то ли как знак вежливости, то ли как вызов.

– Попросите его, – сказал Людовик офицеру, – присылать мне побольше.

– Сир, – отвечал кастилец, – мой генерал экономит лед, полагая, что осада будет долгой, и заботится о том, чтобы ваше величество не испытывали недостатка.

Оказавшийся в этот момент возле короля старый герцог де Шаро крикнул посланнику:

– Ну-ну, посоветуйте господину де Бруаю не следовать примеру губернатора Дуэ, который сдался, как последний трус!

– Вы обезумели, сударь? – живо вступил в разговор удивленный его словами король. – Вы призываете моих врагов к сопротивлению?

– Сир, это вопрос семейной чести, – попытался оправдаться герцог. – Бруай мне родня!

Двор жил в походных условиях.

На равнине симметрично расставили разноцветные шатры. Королевский, самый большой, состоял из трех комнат, обтянутых китайским атласом и обставленных позолоченной мебелью, – спальни и двух кабинетов.

Церемонии пробуждения и отхода короля ко сну проводились, как в Версале.

Накрывались роскошные столы, и присутствующие особенно наслаждались яствами, думая об испанцах, которые за мрачными крепостными стенами Лилля довольствовались лишь репой. Находясь в армии, король принимал дам за своим столом.

Как-то вечером, за ужином, взгляд его упал на сидящую неподалеку Анжелику. Радость от недавних побед государя, включая ту, более интимного свойства, которую он одержал над госпожой де Монтеспан, несколько ослабила его обычную наблюдательность. Ему показалось, что он видит маркизу дю Плесси впервые за всю кампанию. Он любезно

спросил:

– Значит, и вы покинули столицу? И что же происходило в Париже, когда вы уезжали?

Анжелика холодно посмотрела ему прямо в глаза:

– Происходила вечерня.

– Я спрашиваю, что там нового?

– Поспел зеленый горошек, сир.

Ее реплики могли бы показаться забавными, если бы не их ледяной тон, такой же, как глаза прекрасной маркизы.

Король остолбенел от изумления и, не найдя что ответить, покраснел.

Госпожа де Монтеспан в очередной раз спасла положение, разразившись своим чарующим смехом. Она заметила, что нынче в моде отвечать на вопросы как можно более нелепо, но точно. Огонь каламбуров распространялся в гостиных и альковах жеманниц. Госпожа дю Плесси в этом большая мастерица. Тотчас каждый решил поупражняться в остроумии. Ужин закончился всеобщим весельем.

На следующее утро, когда под любопытным взглядом коровы Анжелика заканчивала прихорашиваться перед зеркалом, слуга сообщил о приходе маршала дю Плесси-Бельера.

Подобно всем сопровождающим армию знатным дамам, она не страдала от трудностей путешествия. Стоило ей найти место для туалетного столика, пусть даже в хлеву, ей не на что было жаловаться. Аромат рисовой пудры и духов смешивался с запахом навоза, но ни знатную даму в воздушном дезабилье, ни составивших ей компанию славных белых и черных коровок это нисколько не смущало.

Жавотта держала наготове первую нижнюю юбку из розового атласа со светло-зеленым отливом. Тереза собиралась завязывать ленты.

Увидев мужа, Анжелика отослала служанок и вновь склонилась к зеркалу. У нее за спиной в нем отражалось лицо Филиппа, и это был лик гнева.

– Мне сообщают дурные вести о вас, сударыня. Я поспешил приехать, чтобы отчитать вас, а то и наказать.

– Что же это за вести?

– Вы надерзили королю, сделавшему вам честь, заговорив с вами.

– Всего-то? – бросила Анжелика, выбирая в ажурной золотой шкатулочке мушку. – Обо мне говорят много чего, вы давно могли бы забеспокоиться. Правда, вы вспоминаете о своем положении мужа, лишь чтобы заставить меня почувствовать оковы брака.

– Вы дерзко ответили королю? Да или нет?

– На то были свои причины.
– Но... Вы же говорили с королем!..
– Пусть он король, это не дает ему права вести себя как мальчишка, которого следует поставить на место.

Оскорбление не вызвало бы столь страшного эффекта. Казалось, молодой человек вот-вот задохнется.

– Право слово, вы теряете рассудок!

Филипп несколько раз прошелся взад-вперед, затем облокотился на деревянную кормушку и, покусывая травинку, принялся внимательно разглядывать Анжелику.

– Увы, так и есть. В знак признательности за то, что вы носили и кормили моего сына, я дал вам чуть больше свободы, а вы вздумали поднять голову. Пора снова взять вас в ежовые рукавицы.

Анжелика пожала плечами. Однако удержалась от слишком поспешного ответа и сосредоточила все свое внимание на зеркале и достаточно сложной процедуре укрепления мушки на правом виске.

– Какое бы выбрать наказание, чтобы научить вас, как следует вести себя за королевским столом? – продолжал Филипп. – Ссылку? Хм... Едва я повернусь спиной, вы тут же найдете способ снова оказаться на моем пути. Хорошенько отходить вас уже знакомой вам плеткой для собак? Да. Помнится, после такого наказания вы надолго опустили голову. Или же... Я думаю кое о каких унижениях, похоже гораздо более мучительных для вас, чем пеньковая веревка, и мне очень хочется подвергнуть вас им.

– Пощадите свое воображение, Филипп. Даже для педанта вы чересчур скрупулезны. Всего из-за каких-то случайно брошенных слов...

– ...Адресованных королю!

– Порой король тоже бывает обычным человеком, как все.

– Вот тут вы ошибаетесь! Король всегда король. По отношению к нему вы обязаны проявлять покорность, почтение, благоговение.

– А еще что? Не должна ли я дать ему право распоряжаться моей судьбой, мараť мою репутацию, глумиться над моей доверчивостью?

– Король – господин. И имеет все права на вас.

Анжелика стремительно отвернулась от зеркала и окинула Филиппа мрачным взглядом:

– Ну да!.. А если королю взбретет в голову сделать меня своей любовницей, как прикажете поступить?

– Согласиться. Неужели вы не поняли, что все дамы, украшение двора французских королей, хорошенькие и не особенно, находятся там исключительно ради удовольствий принцев крови?..

– Позвольте мне сказать, что как супруг вы более чем великодушны! Пусть вы не любите меня, но хоть ваш инстинкт собственника должен был бы взбунтоваться!

– Все, что я имею, принадлежит королю, – произнес Филипп, – я никогда в жизни ни в чем не мог бы ему отказать.

Молодая женщина горестно кивнула. Муж обладает талантом задеть ее за живое! А на что она надеялась? На возражение, в котором прозвучала бы ревность? Ну, это уж слишком... Он даже не скрывает, что совсем не дорожит ею. Его мимолетные знаки внимания в уголке возле камина были адресованы лишь той, что имела честь родить его дражайшего наследника. Вне себя от огорчения Анжелика отвернулась, опрокинула шкатулку с мушками, дрожащей рукой схватила гребень, потом другой.

Стоя у нее за спиной, Филипп ироническим взглядом наблюдал за женой.

Печаль Анжелики выплеснулась волной горьких слов.

– И правда, я забыла. Женщина для вас всего лишь вещь, предмет мебели. Годная только на то, чтобы производить детей. Хуже кобылы, хуже лакея. Ее можно купить, перепродать, ее честь делает честь хозяину; когда она перестает быть полезной, ее выбрасывают на свалку. Вот что такое женщина для людей вроде вас. Самое большее – она кусок пирога, еда, на которую они набрасываются, когда голодны.

– Забавная картинка, – бросил Филипп. – В правдивости ей не откажешь. Не скрою, со своими румяными щечками и свободными манерами вы представляетесь мне очень аппетитной. Право слово, я чувствую, как растет мой голод.

Он неслышно подошел и по-хозяйски положил руки на покатые плечи молодой женщины. Анжелика высвободилась и поплотнее стянула корсаж.

– Даже не рассчитывайте, мой дорогой, – холодно промолвила она.

Резким движением, так что отскочили три бриллиантовые застёжки, Филипп рванул на ней одежду.

– Разве я спрашиваю разрешения, недотрога вы этакая? – прорычал он. – Неужели вы до сих пор не поняли, что принадлежите мне? Ха-ха! Вот где ваше больное место! Гордячка-маркиза к тому же желает, чтобы с ней были предупредительны!

Он сдернул с нее корсаж, порвал рубашку и грубо, как наемник в отданном на разграбление городе, стиснул ее груди.

– Вы что, забыли, госпожа маркиза, откуда вы взялись? Не вы ли когда-то были маленькой оборванкой с сопливым носом и грязными ногами? Так и вижу вас в драной юбочке, со свисающими на глаза

сальными волосами. И уже тогда исполненной высокомерия.

Сжав ей виски так сильно, что Анжелике показалось, что кости сейчас треснут, он приподнял ее лицо к себе:

– Вылезла из своего старого, развалившегося замка и позволяет себе непочтительно разговаривать с королем!.. Хлев, вот где вам место, мадемуазель де Монтелу. Очень кстати, что вы сегодня здесь оказались. Сейчас я освежу ваши деревенские воспоминания.

– Оставьте меня! – закричала Анжелика, пытаясь ударить его.

Но разбила себе в кровь кулаки об его кирасу и принялась со стоном трясти пальцами. Филипп расхохотался и, несмотря на сопротивление, обнял ее:

– Хватит, сопливая пастушка, дайте без хлопот овладеть вами.

Легко подхватив ее своими сильными руками, он отнес ее на грудку сена в темном углу амбара.

Анжелика кричала:

– Пустите! Пустите меня!

– Молчите! Так весь гарнизон сбежится.

– Тем лучше. Пусть видят, как вы со мной обращаетесь.

– Какой скандал! Госпожу дю Плесси насилует собственный муж.

– Я вас ненавижу!

Она почти задыхалась в сене, в пылу борьбы все больше проваливаясь в него. И все же ей удалось до крови укусить удерживающую ее руку.

– Мерзкая скотина!

Он стал бить ее по губам. Затем завел ей руки за спину, лишив ее возможности двигаться.

– Черт возьми, – бормотал он со смехом, – в жизни не имел дела с такой бешеной! Здесь целого полка будет мало.

Анжелика задыхалась и теряла силы. И на этот раз снова будет как всегда. Ей придется вытерпеть унижительное обладание, навязанное им животное подчинение, против которого бунтует ее гордость. И ее любовь тоже. Робкая любовь, испытываемая ею к Филиппу. Любовь, которая не хотела умирать и в которой она не хотела признаться.

– Филипп!

Он добился своего. Уже не в первый раз он вел такую борьбу в сумраке амбара. Он знал, как удержать добычу и воспользоваться ею, пока она, распятая и задыхающаяся, трепещет и бьется под ним.

Стояла непроглядная тьма. В ней, в проникающем сквозь узкую щель между досками узким солнечном луче, плясали крошечные золотые частички пыли.

– Филипп!

Голос Анжелики звучал странно. Виной тому изнеможение или опьяняющий аромат сена, но она стала сдаваться. Хватит злобы. Она принимала любовь и натиск этого мужчины, желающего казаться жестоким. Ведь это Филипп, тот, кого она любила еще в Монтелу. Ну и пусть она до крови избита! Это сделал он.

В освободительном порыве она признала себя самкой, уступающей требованиям самца. Она его жертва, его вещь. Он вправе использовать ее как пожелает.

Несмотря на охватившее его в этот момент дикое напряжение, Филипп заметил, что Анжелика ослабила сопротивление, и неожиданно смягчился. Уж не испугался ли он, что нечаянно ранил ее? Пытаясь понять, что скрывает тьма и что означает эта новая тишина, он немного умерил свое слепое исступление.

Наклонившись, он почувствовал на своей щеке ласку ее легкого дыхания и испытал чувство, заставившее его задрожать, и рухнул подле Анжелики, слабый, как младенец.

Чтобы прийти в себя, он несколько раз чертыхнулся.

Оторвавшись от нее, он не знал, что почти подвел ее к вершине блаженства.

В полутьме Филипп искоса поглядывал на Анжелику, угадывая, что она поправляет одежду. И при каждом ее движении до него доносился теплый запах вспотевшей женщины.

Ее смирение показалось маршалу подозрительным.

– Похоже, мои ласки очень вам неприятны. Знайте, ими я вас наказываю.

Прежде чем ответить нежным, чуть охрипшим голосом, она какое-то мгновение помедлила:

– А могли бы вознаградить.

Филипп вскочил на ноги, словно при виде внезапной опасности. Им овладела странная слабость. Ему как будто опять хотелось растянуться на теплом сене подле Анжелики, чтобы запросто обменяться с нею взаимными признаниями. Незнакомое прежде желание возмутило его. Резкие слова замерли у него на губах.

Не понимая, что с ним, маршал дю Плесси вышел из амбара с гнетущим ощущением, что на сей раз последнее слово осталось не за ним.

Глава XXIII

Раскаленный июльский день висел над Версалем. В поисках прохлады Анжелика в обществе госпожи де Людр и госпожи де Шуази отправилась на прогулку вдоль роци Трех Фонтанов. Эта тенистая аллея была приятна еще и очарованием несметного количества расположенных по обеим ее сторонам, позади газона, фонтанов. Их струи соединялись в виде арки, образуя свод, под которым можно было прогуливаться, не рискуя промочить одежду.

Дамы повстречались с господином де Вивонном. поприветствовав всех, он обратился к Анжелике:

– Я собирался побеседовать с вами, сударыня. И сегодня обращаюсь к вам не как к самой прелестной нимфе здешних лесов, но как к матери. А материнская мудрость почиталась веками. Одним словом, я хотел бы просить у вас разрешения взять вашего сына Кантора к себе на службу.

– Кантора? Но чем такой маленький ребенок может быть вам интересен?

– А для чего некоторые заводят певчих птиц? Этот ребенок очаровал меня. Он чудесно поет, превосходно играет на многих музыкальных инструментах. Мне бы хотелось взять его с собой в путешествие, чтобы слагать стихи и наслаждаться его ангельским голосом.

– В путешествие?

– А разве вы не знали, что я назначен адмиралом флота и что король отправляет меня разбить турок, осадивших средиземноморский остров Кандия?

– Так далеко? – воскликнула Анжелика. – Я не хочу отпускать сына. Прежде всего, он еще слишком мал. Доблестный восьмилетний рыцарь?

– Выглядит он на все одиннадцать и не потеряется среди моих пажей, которые, все без исключения, происходят из благородных семейств. Мой мажордом – человек солидного возраста, сам отец многочисленного семейства. Вашего очаровательного малыша я поручу особому его присмотру. И кстати, сударыня, разве вы не интересуетесь островом Кандия? Вам бы следовало отправить одного из сыновей защищать ваш фьеф.

Отказываясь воспринимать всерьез подобное предложение, Анжелика тем не менее обещала подумать.

– С вашей стороны было бы разумно не отказывать господину де

Вивонну, – заметила госпожа де Шуази, когда дворянин отошел. – У него хорошее положение. Новое назначение делает его одним из самых высших должностных лиц Франции.

Госпожа де Людр скривила губы в кислой улыбке:

– И не будем забывать, что его величество с каждым днем все более старается облагодетельствовать его, хотя бы для того, чтобы добиться расположения сестры вышеупомянутого адмирала.

– Вы говорите так, будто благосклонность мадам де Монтеспан дело уже решенное, – заметила госпожа де Шуази. – Впрочем, эта особа умеет сострадать.

– Умения и дела не всегда ходят вместе. Светский опыт мог бы убедить вас в этом. Что же до госпожи де Монтеспан, возможно, она хотела сохранить в тайне свое приключение, однако ревнивец-муж опередил ее. Он устроил такой скандал, словно его соперник – какой-нибудь парижский хлыщ.

– Ах, даже не говорите мне об этом человеке. Он сумасшедший и, верно, самый большой богохульник королевства.

– Говорят, будто недавно он появился на интимном ужине у Месье без парика. Присутствующие удивились, и он пояснил, что на лбу у него выросли рога, они-де мешают ему прикрыть голову. Очень забавно! Ха-ха-ха!

– А вот оскорбление, которое как раз вчера в Сен-Жерменском дворце он осмелился нанести королю, гораздо менее забавно. Мы возвращались после прогулки по большой террасе и увидели приближающийся покрытый черными прутьями с серебряными шишечками экипаж господина де Монтеспана. Сам он тоже был весь в черном. Будучи очень обходительным, король забеспокоился и спросил, по ком он носит траур. Тот скорбным голосом отвечал: «По моей жене, сир».

Госпожа де Людр залилась смехом, Анжелика последовала ее примеру.

– Смейтесь, смейтесь, дамы, – досадливо покачала головой госпожа де Шуази. – Однако подобное поведение хорошо на базаре, а двор оно бесчестит. Король не сможет долго это терпеть. Господин де Монтеспан рискует оказаться в Бастилии.

– Вот что всех бы устроило...

– Вы циничны, сударыня.

– Однако король не может решиться на такую крайнюю меру: она стала бы публичным признанием.

– А вот я, – сказала Анжелика, – буду рада, если история госпожи де

Монтеспан наконец получит огласку. Я бы избавилась от груза пустых и глупых сплетен относительно короля и моей скромной особы. Теперь очевидно, что эти пересуды совершенно беспочвенны.

– И правда, я сама была долгое время убеждена, что вы сменили мадемуазель де Лавальер, – с ноткой некоторого сожаления призналась госпожа де Шуази. – Однако следует признать, что ваша добродетель показала себя непрístupной.

Казалось, она сердится на Анжелику, что та отказала ей в проницательности.

– Впрочем, у вас не такой неудобный муж, как господин де Монтеспан, – заметила госпожа де Людр, всегда имевшая в запасе ядовитые стрелы. – Хотя с тех пор, как вы состоите при дворе, его там не видно...

– С тех пор как я здесь, воинский долг непрестанно призывает его к границам. Сначала во Фландрию, потом во Франш-Конте.

– Не обижайтесь, милочка, я пошутила! К тому же это всего лишь муж.

Продолжая беседовать, дамы шли по аллее в сторону замка. Каждую минуту им следовало уворачиваться от работников и лакеев, которые, вооружившись лестницами, развешивали фонарики на деревьях и беседках. В рощах раздавался торопливый перестук молотков. Парк готовился к празднеству.

– Вероятно, пора пойти переодеться, – предложила госпожа де Шуази. – Похоже, король готовит нам чудесные сюрпризы. Однако с тех пор, как мы сюда прибыли, все только понапрасну суетятся, только его величество трудится в своем кабинете.

– Праздник начнется с наступлением темноты. Полагаю, наше терпение будет вознаграждено.

Король хотел широко отметить свои победы на поле брани. Славное завоевание Фландрии и молниеносная зимняя кампания во Франш-Конте принесли свои плоды. Изумленная Европа обратила свой взгляд на молодого государя, слишком долго считавшегося незначительным королем, которого предали приближенные. Уже заговорили о его удачах. Заметили его отвагу завоевателя и политическое коварство. Людовику XIV хотелось торжеств, слухи о которых пересекут границы, оглушительным ударом в гонг начав подготовку признания его славы.

Он поручил первому постельничему герцогу Креки, первому мажордому маршалу де Бельфону и суперинтенданту зданий Кольберу

проследить за организацией зрелищ, трапез, строительством, иллюминацией и фейерверками. В свою очередь, у них имелись свои привычные помощники: драматурги Мольер и Расин, театральный декоратор Карло Вигарани, художник Анри Жисси, архитектор Луи Лево. Команда состояла из людей расторопных и жаждущих понравиться хозяину. Планы предстоящих торжеств были быстро составлены и приведены в исполнение.

Как раз в тот момент, когда Анжелика, одетая в блестящее бирюзовое платье, отливающее всеми цветами радуги из-за украшавшего его множества бриллиантов, появилась в нижней галерее, из своих покоев вышел король.

Он был одет не более роскошно, чем обычно, однако в прелестном расположении духа. Все поняли, что час развлечений пробил.

Ворота замка были открыты для простонародья, волной хлынувшего во дворы, гостиные и парки. Широко раскрыв изумленные глаза, люди перебегали с места на место, чтобы увидеть кортеж.

Король шел об руку с королевой. Полненькая, инфантильная, отважно выдерживающая на своих плечиках расшитое золотом платье, более тяжелое, чем меровингский реликварий, она от радости ног под собой не чуяла. Мария-Терезия обожала торжественные дворцовые церемонии. А нынче король воздал ей должное и держал ее под руку. Ее измученное ревностью сердце получило короткую передышку, поскольку придворные сплетники пока никак не могли прийти к согласию относительно имени новой фаворитки.

Мадемуазель де Лавальер и госпожа де Монтеспан тоже были здесь. Одна сильно подавленная, вторая, как обычно, жизнерадостная. И эта госпожа дю Плесси-Бельер, еще более прекрасная и удивительная, чем всегда. И госпожа де Людр, и госпожа дю Рур. Но они смешались с толпой – ни одна из них не имела права на особые почести.

Король с королевой в сопровождении двора по газонам пешком спустились справа от замка к только что устроенному фонтану «Дракон». Королю хотелось, чтобы гости восхитились красотой и замысловатой конструкцией сооружения.

Посреди большого водоема дракон с пронзенным стрелой боком изрыгал из пасти, словно кровь, сильную струю, ниспадавшую веером. Тут и там плавали дельфины, из их открытых ртов вырывались потоки воды. Два амура спасались от страшного чудовища верхом на лебедях, из чьих клювов брызгали тонкие фонтанчики. Двое других нападали на дракона сзади. Статуи, кроме серебряных лебедей, были покрыты зеленоватой

позолотой. В плеске пересекающихся струй фантастическая сцена напоминала подводное царство.

После всеобщих восторгов король двинулся дальше, и все медленно потянулись по аллеям рощи Трех Фонтанов, огибающим фонтан Латоны и ведущим к большой оранжерее и тенистому лабиринту. Когда они оказались там, небо уже позолотили последние лучи заходящего солнца. Деревья приобрели голубоватый оттенок, однако света было еще достаточно, чтобы заискрились разноцветные картинки, созданные группами статуй. В те годы весь Версальский парк согревал жар первоначального цвета. Те скульптуры, которые не были покрыты позолотой, красили «как живых».

У входа в лабиринт царственных особ встречал насмешливым взглядом и хитрой улыбкой фригиец Эзоп, в красном колпаке и синей тунике на уродливом теле. По другую сторону от входа стоял Купидон, как бы говоря, что если этот бог подчас бросает нас в лабиринт неприятностей, хитрость и здравый смысл порой предоставляют нам возможность выпутаться из них и преодолеть все трудности.

Король любезно взял на себя труд объяснить эту аллегория королеве, та кивнула, найдя скульптурную группу очень живописной.

Сам лабиринт, тогда непременно украшение парков знатных вельмож, придавал Версалю особый блеск. Это был участок очень густого и плотного молодого леса, где сплеталось и разбегалось бесчисленное множество аллеек, так спутавшихся одна с другой, что нелегко было пройти по ним и не заблудиться.

На каждом повороте, при виде одной из тридцати девяти скульптурных групп из раскрашенного свинца посреди небольших водоемов с ракушками и крошечных каменных горок, устроенных здесь для развлечения гуляющих, придворные восторженно вскрикивали. Скульптуры представляли животных из басен Эзопа и нескольких птиц с ярким оперением, скопированных с экзотических пернатых, живущих в вольерах Зверинца. Каждый фонтан был снабжен бронзовой табличкой – всего в четырех строках, написанных золотыми буквами, – содержащей пересказ басни Эзопа. Автором четверостиший был поэт Исаак де Бенсерад.

До сих пор речь шла всего лишь о прогулке, какую каждый вечер вслед за государем, никогда не устающим любоваться цветущей красотой своего парка, предпринимал двор. Но вдруг на пересечении пяти аллей вся компания оказалась в прелестном кабинете в форме пятиугольника. Все пять стен были образованы ровно подстриженными высокими грабами и

украшены венками, а в центре, на небольшом возвышении, помещались три мраморные вазы с красными, розовыми, голубыми и белыми цветами.

Прямо посреди кабинета была белоснежная струя фонтана, а вокруг водоема, из которого она вздымалась, располагались пять мраморных столов, смотрящих на пять аллей. Их разделяли фаянсовые вазоны с усыпанными засахаренными фруктами апельсиновыми деревьями, и на каждом столе гостей ждали аппетитные сюрпризы. Один представлял собой гору, в пещерах которой можно было видеть разные сорта мяса. Другой был сделан в виде миниатюрного дворца из марципанов и мармелада. На третьем столе высилась пирамида из сушеных фруктов. Еще на одном стояло бесконечное множество хрустальных чаш и серебряных сосудов с напитками на любой вкус. И наконец, последний был заставлен самыми разнообразными фигурками из карамели: коричневой, белой или рыжей, пахнущей шоколадом, медом или корицей...

Отдав должное убранству прохладного и способствующего отдохновению зала, гости потянули жадные руки к столам и мгновенно разрушили марципановый дворец, растащили карамель и завладели чашами и бокалами.

Рассевшись на газонах, знатные дамы и господа устроили развеселый пикник.

Из центра, где они находились, открывался вид на пять аллей, вдоль каждой из которых, перемежаясь с усыпанными великолепными плодами фруктовыми деревьями в кадках, росли кипарисы. Уходя, гости по дороге будут собирать груши, яблоки, персики, самые разнообразные цитрусовые, а также вишни.

В глубине одной из аллей бог Пан отбрасывал последний золотой отблеск в лучах заката, а на востоке вырисовывались на фоне бледно-зеленого неба силуэты двух сатиров и двух пляшущих вакханок.

– Какой добрый гений перенес нас на благословенную землю Астреи?! – воскликнула госпожа де Скюдери. – Еще немного, и на прелестных линьонских лугах мы увидим пастухов с украшенными лентами стадами.

С наступлением темноты тысячи огней внезапно зажглись и побежали вдоль рощ и беседок. С песнями и плясками появились те самые пастухи и пастушки, а сорок сатиров и вакханок, потрясая увитыми плющом и виноградными листьями жезлами и бубнами, бросились с высокой скалы к театру, увлекая за собой любезное общество.

Коляска и портшезы, ожидавшие короля, королеву и принцев, помчали их по липовым аллеям.

Театр, где предполагалось показать комедию, был возведен на пересечении королевской аллеи со многими другими.

Здесь, по причине отсутствия распорядителя, все спуталось. Собравшееся «посмотреть» простонародье и почетные гости, придворные, сбились в плотную вопящую массу, которой присутствие сатиров и вакханок придавало разнузданный вид.

Перед коляской государя открылась дверь и тотчас захлопнулась. Портшез королевы не успел проникнуть внутрь. Тщетно носильщики кричали:

– Дорогу ее величеству королеве!

Никто и с места не сдвинулся. В страшном шуме отстаивая свое право войти в течение получаса, Мария-Терезия, кипя от гнева, вынуждена была смириться с необходимостью ждать. Наконец за ней пришел сам король.

С первых же мгновений сражения Анжелика отступилась. Здравый смысл подсказывал ей, что не стоит участвовать в свалке и подвергать риску наряд. Поэтому она отошла подальше от кишящего муравейника, повстречав по дороге еще несколько придворных, согласных подождать. Комедия продлится долго. Но ночь была теплой, а версальский парк с иллюминацией и журчанием бьющих во всех рощах фонтанов являл собой феерическое зрелище. Внимание Анжелики привлекла небольшая мраморная беседка под сенью листвы, в которой, как звезды, горели фонари. Она поднялась по ступенькам и оперлась о стройную колонну. Сильно пахли жимолость и вьющиеся розы. Ропот толпы стал едва слышен.

Анжелика обернулась, и ей показалось, что она грезит. Перед ней на ступенях беседки согнулось в поклоне белое как снег привидение. Когда оно выпрямилось, она узнала Филиппа.

Она не видела его после их схватки в сенном амбаре, когда Филипп хотел проявить жестокость; после объятий, о которых у Анжелики сохранилось волнующее воспоминание, хотя она запретила себе думать о нем. Двор вернулся в столицу, а маршал дю Плесси оставался на севере, а потом повел армию во Франш-Конте. Анжелика оказалась в курсе его передвижений благодаря слухам; Филипп, разумеется, не дал себе труда писать ей.

Она изредка отправляла ему короткие записочки, в которых, тщетно ожидая ответа, рассказывала о Шарле Анри и придворной жизни.

И вдруг он здесь. Смотрит на нее своими непроницаемыми глазами. Правда, какая-то тень улыбки явно смягчает линию его губ.

– Приветствую баронессу Унылое Платье.

– Филипп!.. – воскликнула Анжелика. Она обеими руками расправила тяжелую парчовую юбку. – Да на этом платье бриллиантов на две тысячи ливров!

– То, что вы носили тогда, было серое, со светло-голубыми бантиками на корсаже и белым воротником.

– Вы помните?

– Почему бы мне не помнить?

Взойдя по ступеням, он прислонился к мраморной колонне.

Она протянула к нему руку. После едва уловимого колебания он поцеловал ее.

– Я думала, вы в армии, – произнесла Анжелика.

– Послание короля заставило меня вернуться ко двору, чтобы присутствовать на торжестве, которое он устраивает нынче вечером. Я – одно из его украшений.

Последняя фраза прозвучала без всякого хвастовства, лишь с некоторым удовлетворением от роли, которую он принимал с педантичной преданностью. Король хотел, чтобы его свиту составляли самые красивые дамы и самые великолепные господа. И в такой день он не мог обойтись без одного из самых прекрасных вельмож двора. «Без сомнения, самого прекрасного», – подумала Анжелика, внимательно разглядывая мужа, такого стройного и величественного, в наряде из расшитого золотом белого атласа. Эфес шпаги был из чистого золота. Каблуки его белых кожаных башмаков тоже были позолочены.

Сколько же месяцев она не видела его!

– Это король удерживает вас в армии? – внезапно поинтересовалась Анжелика.

– Нет! Я сам просил его оставить за мной командование.

– Почему?

– Мне нравится война, – отвечал Филипп.

– Вы получали мои письма?

– Ваши письма? Э-э-э... Полагаю, да...

Анжелика резко сложила веер.

– А читать-то вы умеете? – с вызовом поинтересовалась она.

– Чего вы хотите, в войсках мне есть чем заняться, кроме пустяков вроде карты Страны Нежностей.

– Вы, как всегда, любезны!

– А вы, как всегда, агрессивны... Рад, что вы по-прежнему хорошо ко мне относитесь... По правде говоря, хочу сделать вам признание. Мне не хватало вашего боевого духа. Военная кампания оказалась довольно

неинтересной. Две или три осады городов, несколько перестрелок... Вы наверняка придумали бы, как внести оживление во все это.

– Когда вы отбываете?

– Король велел передать мне, что отныне я ему нужен при дворе. У нас еще будет время переговорить об этом.

– И еще кое о чем, – сказала Анжелика, глядя мужу в глаза.

Ночь была такой теплой, а их уединение под сенью маленького храма любви столь полным, что она совсем осмелела. Он вернулся. В суматохе праздника искал ее. Он не смог противостоять желанию видеть ее. Спрятавшись под маской иронии, признался, что ему ее не хватало. Быть может, сейчас они оба на пороге чего-то прекрасного?

Филипп сделал вид, что не понял, но крепче схватил Анжелику за руки и сдвинул браслеты, чтобы погладить нежную кожу. Потом одним пальцем небрежно приподнял обвивающее шею и плечи молодой женщины тяжелое ожерелье из драгоценных камней.

– Хорошо укрепленная позиция, – заметил он. – Меня всегда восхищало искусство, с каким отдаются полубоженные и одновременно неприступные красавицы.

– Это искусство наряжаться, Филипп. Доспехи женщин. Именно это придает очарование нашим праздникам. Разве вы не находите меня красивой?

– Чересчур красивой, – загадочно сказал Филипп. – Опасно красивой.

– Для вас?

– Для меня и для других. Но что за дело, раз вам нравится. Вы притопываете от удовольствия, понимая, что играете с огнем. Проще из ломовой лошади сделать чистокровного скакуна, чем перевоспитать потаскуху.

– О Филипп! – воскликнула Анжелика. – Какая жалость! Вы заговорили, как настоящий хлыщ!

Филипп смеялся:

– Нинон де Ланкло советовала мне всегда держать рот на замке. «Молчать, никогда не улыбаться, быть прекрасным, появляться и исчезать, – говаривала она, – вот ваша линия поведения». Отступив, я сталкиваюсь со множеством трудностей.

– Нинон не всегда права. Мне нравится слушать вас.

– Женщинам довольно и попугая.

Он взял ее под руку, и они спустились по мраморным ступеням.

– Скрипки стали слышнее. Наверное, театр распахнул свои двери. Пора присоединиться к королю и его свите.

Они возвращались по аллее, украшенной фруктовыми деревьями в серебряных кадках.

Филипп протянул руку и сорвал розовое яблоко с красным бочком.

– Хотите? – спросил он.

Анжелика как-то застенчиво кивнула и улыбнулась, встретившись с ним глазами.

Шумная толпа разделила их. Зрители спорили о достоинствах пьесы и таланте Мольера. Вызванный спектаклем смех вернул всех в доброе расположение духа.

Стало совсем темно, но высокий свод неба и леса создал идеальное обрамление для светового сооружения, перед которым все в изумлении замерли.

На повороте аллеи возник замок мечты, хрупкое видение ночи. Стоя на растительных пьедесталах в прозрачных вазах, откуда стекали небольшие водопады, его охраняли играющие на простых музыкальных инструментах позолоченные фавны. Хрустальный каркас замка весь состоял из света.

На мгновение остановившись, чтобы похвалить это явление, король проник в эфемерный дворец. Потолок был устроен из густой листвы, соединенной тончайшими золотыми нитями. На карнизе, чередуясь со светящимися хрустальными шарами, отбрасывающими на потолок радужный отблеск, выстроились наполненные цветами фарфоровые вазы.

Бесчисленные люстры, подвешенные на серебряных сетях или цветочных гирляндах, проливали свет на зал из сказок «Тысячи и одной ночи». В простенке между дверьми два огромных канделябра освещали водный поток, переливающимся полотном спадающий из одной раковины в другую и теряющийся в большом бассейне.

Возле противоположной входу стены, на ступенях, высился гигантский буфет, заставленный великолепными золотыми и серебряными изделиями: чашами, сосудами, курильницами, кубками, кувшинами, предназначенными для трапезы короля.

Посреди зала помещалась статуя Пегаса с расправленными крыльями. Конь бил копытом в вершину высокой скалы и высекал оттуда источник Иппокрены – священный источник вдохновения. Под символическим конем, среди сахарной зелени, деревцев с засахаренными фруктами, изделий из теста и карамели в виде трав, а также прудов из варений, Аполлон беседовал с музами. Он словно председательствовал за расположенным вокруг скалы Пегаса, украшенным цветами и уставленным серебряными чашами королевским столом.

Наступил час торжественного ужина. Король уселся за стол, а дамы, которых он пожелал видеть подле себя, сверкающей короной расположились вокруг него, соперничая друг с другом пышностью своего наряда.

С некоторым облегчением, хотя и с легкой досадой, Анжелика поняла, что не приглашена за королевский стол. Впрочем, она не могла и надеяться на подобную честь. После Фландрской кампании отношение короля к ней оставалось двойственным. Он ничем не выразил ей своего недовольства, и приветливость его как будто не ослабела. Однако между ними выросла какая-то преграда, так что порой Анжелике приходило в голову, что ее едва терпят при дворе.

Маркиза дю Плесси ироническим взглядом окинула избранниц, окружавших короля-солнце, и про себя отметила, что за редким исключением они представляют собой сборище прожженных потаскух, отягощенных скандальным прошлым.

Ни для кого не было тайной, что супруга государственного секретаря госпожа Бунель-Бюйон, получившая отставку на любовном фронте, содержала дома притон. Что на карте двора жилище госпожи де Бриссак обозначено как Остров Радости. Что супруга маршала де Лаферте и графиня де Фьеск соревновались в количестве любовных походов. Все делали вид, будто забыли, что «Любовная история галлов» ужасного Бюсси-Рабютена полна саркастических замечаний в их адрес. Дальше выставляла напоказ свою роскошь и отвислые щеки герцогиня Мекленбургская, бывшая амазонка Фронды, любовница и сторонница принца Конде. Ее интриги в свое время наделали много шума.

Среди исключений стоило назвать степенную госпожу де Лафайет и в некоторой степени – печальную герцогиню де Лавальер. Отправленная на дальний конец стола, она горестно отведывала по кусочку от предлагаемых королевскими слугами блюд. Теперь больше никто не интересовался отвергнутой фавориткой короля. Людовик XIV даже не смотрел в ее сторону.

Какое женское лицо занимало его мысли, когда он, со свойственным ему аппетитом, поглощал обильное угощение в пять перемен, состоящих каждая из пятидесяти шести блюд, которые подавались проворными лакеями по команде главного метрдотеля господина Дюка?

Госпожи де Монтеспан тоже не было за королевским столом.

Анжелике передали, что ей надлежит сесть за стол к госпоже де Монтозье. Другие столы были расставлены под навесами. Там властвовала королева и ее фрейлины. Стол госпожи де Монтозье накрыли на четверых.

Анжелика уселась между мадемуазель де Скюдери, с которой была немного знакома, потому что посещала ее салон в Марэ, и дамой, на которую ей пришлось дважды взглянуть, чтобы поверить в ее присутствие.

– Франсуаза! Вы! Здесь!

Госпожа Скаррон лучезарно улыбнулась:

– Да, дорогая Анжелика! Должна признаться, что я почти так же недоверчива, как вы, и с трудом верю в свою удачу, когда думаю о том печальном состоянии, в котором пребывала всего несколько месяцев назад. Знаете ли вы, что я чуть было не уехала в Португалию?

– Нет, но я слышала, что на вас хотел жениться господин де Кормей.

– Ах, не напоминайте мне об этой истории! Отказав ему, я утратила всех покровителей и друзей!

– Но ведь господин де Кормей очень богат! Он позволил бы вам жить на широкую ногу и защитил бы от вечного беспокойства.

– Но он стар и вдобавок чудовищно развратен. Так я сказала тем, кто настаивал, чтобы я приняла предложение. Они выразили удивление и недовольство, полагая, что мое положение не дает мне права капризничать и что я не была столь разборчива, когда согласилась стать супругой господина Скаррона. Они принялись меня бранить. Я как можно убедительнее и толковее рассказала обо всем супруге маршала, но она осудила меня, добавив, что я сама виновата во всех своих бедах. Одна Нинон согласилась, что я права. Ее поддержка немного утешила меня... Как вам нравится, мои жестокие друзья позволили себе сравнить подобного человека с господином Скарроном? О боже, какая огромная разница! Без состояния, без забав он привлекал ко мне все хорошее общество. А вот господин де Кормей возненавидел бы и удалил всех. Господин Скаррон обладал веселым нравом, это всем известно, и душевной добротой, о которой мало кто знал. У этого же – ни блеска, ни остроумия, ни основательности. Все, что он говорит, нелепо. У моего супруга была великолепная основа. Я исправила некоторые вольности его поведения, в душе он не был ни безумцем, ни развратником. Всем известна его честность, беспримерное бескорыстие...

Госпожа Скаррон говорила с жаром, вполголоса, с той страстью, к которой прибегала порой, когда была уверена в своей правоте. И под воздействием обаяния ее личности Анжелика снова подумала, что Франсуаза действительно очень хороша и обаятельна.

Ее собеседница несколько выделялась простотой своего наряда, но выбранное с большим вкусом платье из красно-коричневого бархата с теплой красноватой искрой и двойное ожерелье из гагата и мелких рубинов

великолепно подходили к цвету ее кожи и каштановым волосам.

Она рассказала, как, доведенная до последней крайности, согласилась в качестве третьей фрейлины, почти камеристки, сопровождать принцессу Немурскую, которая собиралась вступить в брак с королем Португалии. Делая прощальные визиты, Франсуаза встретила с госпожой де Монтеспан. Та удивилась. Госпожа Скаррон описала свое бедственное положение.

– Не унижаясь, уж вы можете мне поверить. Атенаис внимательно выслушала меня, хотя занималась своим туалетом. Вам известно, что мы старые подруги по пансиону и из той же провинции, что и вы, Анжелика. С тех пор как она обосновалась в Париже, у меня была возможность оказывать ей мелкие услуги. Так вот, она пообещала, что поговорит с королем о моей ликвидированной пенсии и бесполезных прошениях. По ее совету я написала еще одно, закончив его такими словами: «Две тысячи ливров – более чем достаточно для моего уединения и моего спасения». Король благосклонно принял его, и – о чудо! – моя пенсия была восстановлена! Приехав в Сен-Жермен, чтобы поблагодарить Атенаис, я имела честь видеть его величество, который сказал мне: «Сударыня, я заставил вас долго ждать; но я завидовал вашим друзьям: мне хотелось единолично иметь эту заслугу перед вами». Разве столь милостивые слова не в силах перечеркнуть в моей памяти все долгие изматывающие годы? Теперь я вновь дышу, живу, меня больше не гложут мелочные заботы. Я вернулась в привычное общество, которое снова приняло меня; я опять привыкла к свету, и... и вот я в Версале!

Анжелика горячо уверила подругу, что тоже искренне рада.

Проходившая мимо них госпожа де Монтеспан положила легкую ручку на белое плечо своей протеже:

– Ну, довольны?

– Ах, дорогая Атенаис, вся моя жизнь станет свидетельством признательности, которую я к вам испытываю!

Столы опустели. Король со своей свитой поднялся и отправился вглубь длинной аллеи. Тогда получившая разрешение на разграбление остатков еды в блюдах и корзинах толпа, хватая пирожные и фрукты, со всех сторон ринулась к пиршественным столам.

Казалось, конец аллеи перекрывала световая изгородь. Но когда кортеж приблизился, она отворилась. И под новые звуки льющихся каскадом журчащих вод, в новых причудливых сочетаниях света, серебряных тритонов и ракушечных гротов возник очередной чарующий лабиринт.

Из зеленого коридора в цветущий туннель гости проходили между двумя рядами смеющихся сатиров или струй воды, огибали водоемы, где резвились золотые дельфины, внезапно видели радугу, которую поминутно рисовала искусная система освещения.

Крытая галерея привела гуляющих в зал, построенный для бала и отделанный порфиром и мрамором. Со сводчатого потолка, расписанного золотыми солнцами по лазурному фону, свисали серебряные люстры. На карнизе раскачивались букеты цветов, а между поддерживающими его пилястрами были устроены возвышения и два углубления для музыкантов, где уже расположились Орфей и Арион, пощипывающий лиру.

Король с Мадам и принцессами открыл бал. Затем, демонстрируя свои роскошные наряды в сложных фигурах танца, выступили дамы с кавалерами. Старинные танцы, следуя за легкомысленным ритмом фарандолы, исполнялись в более быстром темпе. Новые же поражали своей торжественной медлительностью. Выполнять их фигуры было гораздо сложнее, ибо главное внимание уделялось верной постановке ноги и заученным жестам рук. Движение танца, точное, скрупулезное, почти механическое, подобное ходу часов, увлекало живые автоматы в неустанный хоровод, внешне спокойную хореографию. Подгоняемый музыкой, танец постепенно наполнялся невыразимым напряжением. В безучастных сближениях, в касаниях тотчас разъединяющихся рук, в плавных отводах горящих глаз, в томных и всегда незавершенных жестах приношения и отказа было гораздо больше сдерживаемого желания, нежели в самой неистовой из куррант.

Распалившихся придворных увлекли эти на первый взгляд благодравные ритмы. Под их лицемерной маской многие различали приближение Купидона, который в меньшей степени дитя огня, нежели темноты или тишины.

Анжелика танцевала хорошо. Ей доставляло удовольствие следовать причудливым узорам балета. Порой чьи-то пальцы удерживали ее руку, но она не обращала внимания. И все же она узнала королевские ладони, в которых по воле танца оказались ее руки. Она подняла взгляд на короля и тотчас опустила глаза.

– Все еще сердитесь? – вполголоса спросил государь.

Анжелика изобразила удивление:

– Сержусь? На таком празднике? Что ваше величество имеет в виду?

– Может ли подобный праздник уменьшить неприязнь, которую вы долгие месяцы испытываете ко мне?

– Сир, вы меня расстраиваете. Если ваше величество приписывает мне

такие чувства по отношению к своей персоне в течение «долгих месяцев», почему вы никогда не сделали мне замечание?

– Я опасался, что вы швырнете мне в лицо пригоршню зеленого горошка.

Танец разлучил их.

Когда король снова проходил мимо нее, Анжелика заметила во властных и ласковых карих глазах ожидание ответа.

– Слово «опасаться» так не пристало царственным устам!

– Война кажется мне не такой страшной, как суровая складка на ваших прелестных губах.

При первой возможности Анжелика покинула танцующих и уединилась за последним рядом возвышений, среди пожилых дам, которые, обмахиваясь веерами, следили за развитием событий. Вскоре посланный королем паж попросил Анжелику следовать за ним.

Король ждал ее снаружи, в темной аллее, едва освещенной слабым светом единственного фонаря.

– Вы правы, – шутливо произнес он, – нынче вечером ваша красота толкает меня на подвиги. Пора нам помириться.

– Уместно ли делать это сегодня? Все общество жаждет видеть ваше величество, и каждый вот-вот начнет искать вас глазами и интересоваться причиной вашего отсутствия.

– Нет. Все танцуют. И могут предполагать, что я нахожусь в другом конце зала. Напротив, мы имеем долгожданную возможность перемолвиться несколькими словами, не привлекая внимания.

Анжелика чувствовала, что ее охватывает напряжение. Уловка ясна. Госпожа де Монтеспан и король снова договорились впутать ее в свою игру, за что она уже однажды поплатилась.

– До чего же вы строптивы! – нежно сказал он, приобняв ее за плечи. – Неужели мне даже не дозволено принести вам свою благодарность?

– Благодарность? За что?

– Господин Кольбер неоднократно говорил мне, что вы чудесно справляетесь с ролью, отведенной вам при дворе. Вам удалось создать атмосферу доверия по отношению к делам, не пользуясь особым успехом, разъяснять, просвещать умы, и все это очень по-светски, не вызывая недоверия, напротив! Мы не сомневаемся, что именно вам обязаны некоторыми финансовыми достижениями.

– О, и всего-то? – высвобождаясь, с облегчением произнесла она. – Вашему величеству не следует выражать мне благодарность. Мне самой очень интересно... и этого довольно.

Король вздрогнул. Он увлек Анжелику в такую глубокую тень, что она не могла разглядеть его лица. Между ними установилось гнетущее напряженное молчание.

– Вы определенно сердитесь на меня! Пожалуйста, объясните причину.

– Неужели ваше величество не знает ее? Удивительно, с вашей-то проницательностью!

– Моя проницательность относительно настроения некоторых дам подчас подводит меня. Тут никогда нельзя быть в полной уверенности. Какой мужчина, будь он хоть королем, может похвалиться этим?

Шутливый тон не мог скрыть его растерянность. Раздражение короля росло.

– Прошу вас, сир, вернемся к вашим гостям...

– Спешить некуда. Я решил разобраться в этом деле.

– А я решила больше не служить ширмой вам и госпоже де Монтеспан! – взорвалась она. – Господин Кольбер мне за это не платит. Моя репутация мне дорога, и я хочу распоряжаться ею по своему усмотрению, не делая никому таких ценных подарков... даже королю.

– Ах вот оно что. Госпожа де Монтеспан захотела использовать вас как марионетку, направив на нашу мнимую связь подозрения своего невыносимого супруга. Да, ловкий план.

– О котором вы, ваше величество, не знали.

– Вы считаете меня обманщиком или лицемером?

– Что лучше: солгать королю или сказать ему неприятное?

– Так вот каково ваше мнение о своем государе?

– Мой государь не должен так вести себя по отношению ко мне. За кого вы меня принимаете? Разве я игрушка, которой можно распоряжаться по своему усмотрению? Я вам не принадлежу.

Король обеими руками крепко схватил Анжелику за запястья:

– Ошибаетесь. Все мои дамы принадлежат мне по праву королей.

Оба дрожали от ярости. Так они стояли, с горящими глазами, словно бросая друг другу вызов.

Король первым справился с собой:

– Ну же, давайте не будем ссориться из-за пустяков. Поверите ли, но я пытался уговорить госпожу де Монтеспан не выбирать вас в качестве жертвы. «Почему она?» – спрашивал я. «Потому, – отвечала маркиза, – что только госпожа дю Плесси-Бельер способна превзойти меня. Я не допущу, чтобы при дворе судачили, будто ваше величество отвернулись от меня ради кого-то, кто этого не стоит...» Видите! В некотором роде это

доказывает, какое уважение она к вам испытывает... Она полагала, что вы достаточно наивны, чтобы включиться в игру, даже не заметив. Или достаточно лицемерны, чтобы принять ее. В обоих случаях она ошиблась. Но было бы несправедливо заставлять меня нести всю тяжесть вашей злопамятности. Моя драгоценная, почему наш маленький заговор так задел вас? Разве такое уж бесчестие – считаться любовницей короля? Разве это не принесло вам некоторой известности? Преимуществ?.. Лести?..

Он ласково привлек ее к себе и удерживал, продолжая говорить вполголоса, склонившись к Анжелике и стараясь в ночной тьме разглядеть ее лицо.

– Говорите, пострадала ваша репутация? Нет, только не при дворе. Скорее, она приобрела новый блеск, поверьте мне... И что же? Уж не попались ли вы сами в ловушку? Может, вы поверили в шутку?.. Неужели? И теперь разочарованы?

Уткнувшись лицом в пахнущий ирисом бархат камзола, Анжелика не отвечала. Ее волновало нежное прикосновение удерживающих и все сильнее сжимавших ее рук. Как давно ее никто так не обнимал... Как сладко быть слабой, вести себя по-детски и чтобы тебя чуточку пожурили...

– Вы, такая реалистичная, неужели вы поддались иллюзии?

Она молча, в отчаянии кивнула.

– Нет, я подозревал, – рассмеялся король, – однако ведь это просто шутка. А если бы я сказал вам, что смотрел на вас не без тайного желания и что мне часто случалось думать...

Анжелика решительно высвободилась из его объятий:

– Я бы не поверила вам, сир. Мне известно, что король любит другую. Его любовь прекрасна, всепоглощающая, непреодолима и дает множество преимуществ... Кроме, правда, беспокойства от несговорчивого мужа.

– А это немалое беспокойство, – с гримасой заметил король.

Он снова взял Анжелику за руку и потянул ее за собой вдоль ровной тисовой аллеи.

– Вы даже представить себе не можете, что может придумать господин де Монтеспан, чтобы навредить мне. В конце концов он выставит меня в неблагоприятном свете перед моим собственным парламентом. Право, Филипп дю Плесси был бы гораздо более удобным мужем, чем несносный Пардаян. Однако дело не в этом.

Король остановился, по-прежнему держа Анжелику за руку, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Помирился, дорогая маркиза. Ваш король униженно просит у вас

прощения. Смиловитесь ли вы?

В темноте можно было различить его блестящие глаза и очаровательную улыбку.

Она вздрогнула. Как непреодолимо притягательно это склонившееся к ней лицо с мягкими улыбающимися губами и теплым взглядом.

Подхватив тяжелую шуршащую юбку, Анжелика поспешно бросилась прочь. Но вскоре наткнулась на сплошную стену зарослей.

Задыхаясь, она прислонилась к цоколю какой-то статуи и огляделась. Она находилась в рощице Жирандоль. В бархатной тьме вырисовывался белый султан фонтана, окруженного десятью другими струями, которые белоснежными арками падали в круглый бассейн.

Вверху, в темно-синем небе, лила свой спокойный свет далекая от человеческих страстей луна. Издали доносились лишь приглушенные звуки праздничной музыки. Здесь царила тишина, нарушаемая только журчанием воды и приближающимися шагами короля, ступающего своими высокими каблуками по влажному песку аллеи.

– Деточка, почему вы убежали? – прошептал он.

Он снова властно обнял Анжелику, так что ей пришлось уткнуться в тепло его плеча, и прижался щекой к ее волосам.

– Вам хотели причинить зло, а вы этого не заслуживаете. Хотя я знал, на какую жестокость способны женщины по отношению друг к другу. И я, ваш государь, должен был защитить вас. Простите меня, деточка.

Маркиза едва не лишилась чувств, сознание ее помутилось в сладкой истоме. Широкополая шляпа скрывала черты королевского лица, тьма окружала их обоих. Анжелика внимала его тихому завораживающему голосу.

– Да будет вам известно, дитя мое, что существа, собранные вместе при дворе, ужасны. Я держу их под строгим надзором, потому что знаю, на какие распутства, какие кровавые безумства они способны, дай только им волю. У каждого из них есть город, провинция, которые они, к несчастью для моего народа, готовы поднять против меня. Поэтому я хочу, чтобы они были у меня на глазах. Здесь, при дворе, в Версале, они безопасны. Никто из них не скроется. Однако с хищниками не так-то просто уживаться. Чтобы не погибнуть, необходимо иметь твердый клюв и острые когти. Вы другой породы, моя милая.

Так тихо, что ему пришлось наклониться, чтобы расслышать, она спросила:

– Не хочет ли ваше величество дать мне понять, что мне не место при дворе?

– Разумеется, нет. Я хочу видеть вас здесь. Вы одно из самых прекрасных украшений двора. Ваш вкус, ваша привлекательность, ваше изящество очаровали меня. И я уже сказал вам, как доволен вашими деловыми качествами. Мне лишь хотелось бы, чтобы вы избежали встречи с хищниками.

– Я избежала и куда более худших встреч.

Король слегка надавил ладонью Анжелике на лоб, заставив ее откинуть голову, так чтобы при свете луны увидеть ее лицо цвета розового лепестка. В темном обрамлении ресниц ее зеленые глаза блестели, словно ручей, хранящий свою тайну где-нибудь в лесной чаще. Король склонился и почти боязливо прикоснулся губами к этому молодому рту, на котором вдруг появилась горькая складка. Он совсем не хотел пугать ее, но очень скоро превратился просто в алчного мужчину, поработанного собственным желанием и прикосновением к этим атласным устам, сначала сомкнутым и неуступчивым, которые неожиданно вздрогнули, ожили и оказались умелыми.

«Да она опытная женщина», – внезапно подумал он. Заинтригованный, король смотрел на Анжелику новыми глазами.

– Мне нравятся ваши губы, – проговорил он, – они не похожи ни на какие другие. Это одновременно губы женщины и губы юной девушки... свежие и обжигающие.

Король не двигался. И когда Анжелика отстранилась от него, не стал удерживать. Так, в нерешительности, они стояли в нескольких шагах друг от друга. Неожиданно череда выстрелов сотрясла листву парка.

– Господа пиротехники начали запускать свои петарды. Нам нельзя пропустить это зрелище. Вернемся, – с сожалением сказал король.

Они в молчании дошли до бального зала. Ропот толпы, усиливающийся при каждом глухом звуке фейерверка, доносился до них, точно рокот морской волны. Небо за жасминовым кустом ярко освещалось.

Король взял Анжелику за руку, чтобы слегка отстранить молодую женщину и полюбоваться ею.

– Я до сих пор ничего не сказал про ваш наряд. Это чудо, с которым может сравниться лишь ваша красота.

– Благодарю, ваше величество.

Анжелика присела в глубоком придворном реверансе. Склонившись и отставив ногу, король поцеловал ее руку.

– Итак?.. Снова друзья?

– Возможно.

– Осмелюсь надеяться...

Анжелика удалилась в легкой растерянности, ослепленная странным светом и взволнованная при виде замка, возникшего у нее перед глазами вдали, на фоне темного неба, словно бы одетого в огненный наряд.

Из толпы зрителей раздавались испуганные и восхищенные восклицания. В проеме двери полыхала фигура Двуликого Януса. В окнах первого этажа были выставлены светящиеся изображения военных трофеев, а в окнах второго – аллегории добродетелей. Над крышей лучилось гигантское солнце. Ниже, на уровне земли, здание казалось окруженным раскаленной балюстрадой.

Мимо проехала карета короля, запряженная шестеркой горячих коней, верхом на которых сидели фореиторы с факелами. В карете расположились королева, Мадам, Месье, мадемуазель де Монпансье и принц Конде.

Они сделали остановку возле фонтана Латоны. Зарево от замка отражалось в бассейне. Он превратился в огненное озеро, в котором под сверкающей сенью пересекающихся струй резвились призрачные существа. Бесчисленные вазы, перемежающиеся с античными светильниками, подчеркивали прекрасные линии композиции.

Король приказал на мгновение остановить карету и молча любовался стройным рисунком огней. Позади оглашала ночь радостными криками прибывающая толпа.

Экипажи свернули и двинулись по широкой аллее, по обе стороны которой тянулся двойной ряд терм, которые благодаря недоступному пониманию мастерству казались полупрозрачными. В глубине огромного парка с громовым шумом взрывались мириады петард. Освещенные их красным светом водоемы становились похожи на жерла вулканов.

Грохот нарастал, кое-где внезапно возникла паника. Испуганные женщины в страхе бежали и прятались под деревьями и в гротах. Весь версальский парк полыхал. Словно бы вдруг занявшись пламенем, стали пурпурными каналы и пруды.

Огромные петарды сверкающими копьями пропарывали черное небо; другие испещряли его черными поперечными полосами. Третьи превращались в хвосты комет или разноцветные ленты.

И наконец, в тот миг, когда со всех концов горизонта устремились в небо, образуя огненный свод, снопы петард, все увидели, что в воздухе, словно сверкающие бабочки, парят огромные буквы «Л» и «М» – вензель короля и королевы.

Ночной ветерок медленно понес их прочь вместе с рыжеватым дымком угасающего салюта.

Последние розовые отсветы праздника смешались в небе с первыми

проблесками зари, занимавшейся на востоке.

Людовик XIV приказал ехать в Сен-Жермен. Измочаленные придворные последовали за ним верхом или в собственных экипажах.

Все наперебой твердили, что никогда в жизни не видели столь прекрасного праздника.

Глава XXIV

Незабываемый праздник, две любовные прогулки в темноте аллеи – заполнившее все ее существо восхищение уносило Анжелику на своей золотистой волне, и все же восхитительные воспоминания отравляло послевкусие тревоги, оставшееся горечью во рту...

Вот что ощущала Анжелика назавтра после ночи в Версале.

В ее рассеянное сознание прокрадывался и утверждался тревожащий образ: округлое личико маленького Кантора, которого господин де Вивонн хотел взять себе в пажи.

«Прежде всего уладим этот вопрос», – решила Анжелика, вырываясь из ленивой дремы.

Она встала с дивана, где отдыхала после утомительной предыдущей ночи. Когда она проходила по маленькой галерее особняка дю Плесси, откуда-то с верхних этажей до нее донесся голос Кантора:

Маркиз, ты счастливей меня
Такой красой владея...

Молодая женщина остановилась перед дверью из черного дуба и немного помедлила. Прежде она никогда не подходила к этой двери, ведущей в покои Филиппа. Анжелика отступила, понимая, что ее поступок лишен всякого смысла.

Голос восьмилетнего сына, там наверху певшего о запретной любви короля Генриха, заставил ее улыбнуться, и она решилась.

Она поскреблась, и Ла Вьолет открыл ей.

Перед зеркалом Филипп надевал голубой камзол. Он собирался в Сен-Жермен. Вскоре Анжелика тоже должна была ехать: королева пригласила ее к игорному столу и на небольшой интимный ужин. Придворные обязанности оставляли немного времени на обсуждение домашних дел.

При виде жены маркиз учтиво не выказал никакого удивления. Предложив ей сесть, он продолжал заниматься своим туалетом, с нетерпением ожидая, когда она сообщит о цели визита.

Анжелика смотрела, как Филипп надевает перстни. Он долго выбирал их, примеривал и критическим взглядом рассматривал свою вытянутую вперед руку. Женщина делала бы это с меньшим тщанием.

В этом образе мужчины, сосредоточенного на столь пустячном деле, она увидела холодную замкнутость глупости.

Зачем она к нему пришла? За советом? Это смешно. Наконец, чтобы прервать становящееся неловким молчание, она произнесла:

– Господин де Вивонн просит меня отдать ему моего сына Кантора.

Филипп не проявил никакого интереса. Вздохнув, он снял с правой руки, вид которой его не устраивал, все перстни. Задумчиво глядя в открытые футляры, он, казалось, вдруг вспомнил об Анжелике и со скукой промолвил:

– Да что вы? Ну что же, примите мои поздравления со столь хорошей новостью. Господин де Вивонн пользуется все большей благосклонностью нашего государя, и можно надеяться, что благодаря его сестре, госпоже де Монтеспан, он долго продержится в зените.

– Но господин де Вивонн должен отбыть в Средиземноморье.

– Еще одно доказательство доверия к нему короля.

– Ребенок еще очень мал.

– А что он об этом думает?

– Кто? Кантор? О, мне показалось, он доволен и горит желанием сопровождать этого вельможу. Что же тут удивительного? Господин де Вивонн, едва представится возможность, балует его, закармливает сладостями. Но восьмилетний мальчик не может сам решать свою судьбу. Я в сомнении...

Изображая удивление, Филипп приподнял брови:

– Вы хотите, чтобы он сделал карьеру?

– Да, но...

– Какие могут быть «но», – усмехаясь, произнес он.

С горящими щеками она затараторила:

– У господина де Вивонна репутация распутника. Он состоял в компании Месье. Всякому известно, что это значит. Мне бы не хотелось доверять своего сына человеку, который может развратить его.

Маркиз дю Плесси надел на пальцы крупный солитер и еще два перстня. Подойдя к окну, он подставил руку солнечному лучу, и драгоценные камни заиграли всеми гранями.

– Тогда кому вы хотели бы его доверить? – лениво спросил он. – Какой-то редкой птице строгих правил, не интригану, не ханже, влиятельному лицу из свиты короля, осыпанному почестями... Такого не существует! Школа жизни – дело непростое. Нравиться вельможам нелегко.

– Он очень мал, – повторила Анжелика. – Боюсь, как бы он не стал

свидетелем зрелищ, способных оскорбить его невинность.

Филипп сдавленно хихикнул:

– Сколько щепетильности в рассуждениях честолюбивой матери! Я, например, едва достиг десятилетнего возраста, когда господин де Кульмер уложил меня к себе в постель. А еще через четыре года, как только мой голос засвидетельствовал, что я перешел в категорию мужчин, госпожа дю Креси, жаждущая вкусить прелести весенних соков, предложила – точнее, навязала мне – приют в своем алькове. В свои сорок она, должно быть, хорошо рассчитала... Что вы скажете о сочетании этого изумруда с бирюзой?

Ошеломленная, Анжелика не могла вымолвить ни слова.

– Филипп! О, Филипп!

– Да, возможно, действительно не подходит. Вы правы. Блеск и зелень изумруда мешают голубизне бирюзы. Пожалуй, к изумруду я лучше надену еще один бриллиант.

Взглянув на нее, он хмыкнул:

– Оставьте этот расстроенный вид. Если вас смущают мои рассуждения, к чему спрашивать у меня совета? Оставайтесь в неведении или делайте вид, что не знаете, в чем состоит полный курс обучения молодого дворянина. И пусть ваши дети воспитываются в добродетели.

– Я их мать. Лишь добродетели имеют значение. Я не могу лишиться детей нравственного воспитания. Неужели ваша мать не следила за вами, когда вы были ребенком?

Филипп скривил презрительную мину:

– Да, верно, я и забыл... Мы получили разное воспитание. Если память не подводит меня, вы выросли босиком, между похлебкой из капусты и историями про привидения. В подобных условиях можно иметь мать. В Париже, при дворе, жизнь ребенка складывается совсем иначе.

Вернувшись к туалетному столику, он открывал все новые футляры. Анжелика не видела его склоненного лица, только светловолосую голову, казалось пригнувшуюся под грузом старых воспоминаний.

– Нагой и продрогший, – пробормотал он, – иногда голодный... доверенный лакеям или служанкам, которые растлевали меня, – вот какой была моя жизнь здесь, в этом самом особняке, который когда-то мне предстояло унаследовать. Но если меня следовало предъявить в свете, все оказывалось недостаточно прекрасно для меня. Самые богатые наряды, самый нежный бархат, самые тонкие воротники. На долгие часы мои волосы поручались парикмахеру. Но стоило мне исполнить свою парадную роль, как я вновь был заброшен и оказывался в своем темном чулане в

конце коридора. Я скучал. Никто не заботился о том, чтобы научить меня читать и писать. Я как милость воспринял возможность пойти в услужение к господину де Кульмеру, которого привлекла моя смазливая физиономия.

– Вы иногда приезжали в Плесси...

– Очень ненадолго. Мне следовало возвращаться при дворе, быть ближе к трону. Преуспеть можно, только если бываешь на людях. Мой отец, у которого я был единственным сыном, не пожелал оставить меня в глуши провинции. И радовался, видя, как быстро я нашел свой путь... Я совсем не имел мозгов, был слишком несведущ, зато хорош собой.

– Вот почему вы никогда не знали любви, – вслух подумала Анжелика.

– Почему же! Мне представляется, что в подобных делах у меня богатый и разнообразный опыт.

– Это не любовь, Филипп.

Она ощущала, что ей холодно, грустно и что ее переполняет жалость к мужу, как к бедняку, лишенному самого необходимого. «Самое худшее – это смерть сердца!» Кто же однажды, со свойственной избранным презрительной меланхолией, сказал ей эти слова? Принц Конде, один из самых знатных, состоятельных и известных господ.

– Неужели вы никогда не любили... ни одного раза не любили особенным чувством... какую-нибудь женщину?

– Любил, конечно... Кормилицу. Но это было давно.

Анжелика не улыбнулась. Она серьезно смотрела на него, стиснув лежащие на коленях руки.

– Тем чувством, – прошептала она, – когда в одном-единственном существе сосредоточено величие вселенной, сладость всех неосознанных мечтаний, порыв и могущество жизни...

– Вы прекрасно говорите. Нет, право, не думаю, чтобы я когда-нибудь испытывал подобную восторженность... Впрочем, я, кажется, понимаю, что вы хотите сказать. Однажды я протянул было руку, но мираж рассеялся...

Филипп слегка прикрыл глаза, и его гладкое лицо с легкой улыбкой на губах приобрело загадочное выражение каменных статуй с надгробий королей. Никогда еще он не казался Анжелике таким далеким, как сейчас, когда, возможно, приблизился к ней.

– Это было в Плесси... Мне только что минуло шестнадцать, и отец купил мне полк. Мы занимались в провинции вербовкой. Во время праздника меня познакомили с девушкой, моей ровесницей, но, на мой искушенный взгляд, еще совсем ребенком. На ней было серое платье с

голубыми бантами на корсаже. Мне стало стыдно, когда мне представили ее как кузину. Но когда я взял ее за руку, чтобы повести танцевать, я почувствовал, что эта рука дрожит в моей, и испытал какое-то новое, чудесное ощущение. Прежде я сам всегда дрожал перед властным желанием зрелых женщин или колким подтруниванием молодых придворных кокеток. А та девочка возвращала мне осмеянную власть. Ее восторженные глаза лили пьянящий бальзам в мою душу, я ощущал, что стал мужчиной, а не игрушкой; господином, а не лакеем... Однако я с насмешкой представил ее своим товарищам. «Вот, – сказал я, – баронесса Унылое Платье». И она убежала! Я смотрел на свою пустую ладонь, и меня охватило нестерпимое чувство. Я уже однажды испытал такое, когда пойманная мною птичка, которую я решил сделать своим другом, выпорхнула у меня из рук. Мне показалось, что вокруг все потускнело. Я хотел найти ту девочку, чтобы рассеять ее обиду и снова увидеть ее изменившийся взгляд. Но не знал, как приступить, потому что мои наставницы не обучили меня секретам обольщения пугливых юниц. Проходя мимо стола, я прихватил из вазы какой-то фрукт с намерением для приличия предложить его ей... Кажется, это было яблоко, розовое и золотистое, как лицо той девочки. Я искал ее в садах. Но в тот вечер не нашел...

«Что было бы, если бы в тот вечер мы встретились? – думала Анжелика. – Робко взглянули бы друг на друга... Он дал бы мне яблоко. И, взявшись за руки, мы гуляли бы под луной...»

Два светловолосых подростка в шелестящих аллеях парка, куда заглядывают косули из ньельского леса... Два подростка, охваченных ощущением того невыразимого счастья, которое можно испытать лишь в шестнадцать лет, когда хочется умереть тут же, во мху, целуясь под сенью деревьев... Анжелика не узнала бы тайны ларчика с ядом... Ее жизнь, быть может, потекла бы по другому руслу...

– И вы больше никогда не встретились с той девочкой? – со вздохом громко спросила она.

– Встретился. Через много лет. Представьте, как странно... Какими иллюзиями молодость украшает свои первые страсти! Девочка стала более злой, более жестокой и во всех отношениях более опасной, чем все остальные, вместе взятые.

Расставив пальцы, Филипп задумчиво вытянул перед собой обе руки:

– Что скажете о моих перстнях? На сей раз сочетание кажется мне превосходным.

– Да, пожалуй... Но один перстень на мизинце, по-моему, гораздо

скромнее, Филипп.

– Вы правы.

Он снял лишние перстни, уложил их в футляры и, позвонив в колокольчик, приказал лакею привести маленького Кантора.

Когда привели мальчика, Анжелика и Филипп молча смотрели друг на друга.

Кантор вошел решительной походкой. Он старался как можно громче звенеть шпорами, потому что возвратился с занятий по выезде. Что не помешало ему притащить с собой гитару, с которой он не расставался.

– Итак, сударь, – весело обратился к нему Филипп, – вы, похоже, отправляетесь на войну?

Обычно немного замкнутое лицо мальчика просияло.

– Господин де Вивонн рассказал вам о наших планах?

– Вы с ними согласны, я вижу?

– О, сударь! Я буду сражаться против турок, это чудесно!

– Будьте осторожны. Турки не агнцы. Они не поддадутся очарованию ваших песен.

– Я хочу сопровождать господина де Вивонна не для того, чтобы петь. А чтобы отправиться в путешествие. Я давно об этом думаю. Я хочу уйти в море!

Анжелика вздрогнула и судорожно сжала руки. Она вспомнила своего брата Жослена. В его глазах полыхало то же пламя, ей послышалось, как он страстно шепчет: «Я ухожу в море».

Итак, час разлуки настал!.. Вот так бьешься за своих детей, помещаешь их в безопасное место, трудишься, говоря себе: придет день и я буду жить с ними, радоваться их присутствию и учиться понимать их.

А потом приходит этот день, и что? Они выросли.

И вот они уже покидают вас.

Взор маленького Кантора был прям и безмятежен. Мальчик знал, чего хочет.

«Я больше не нужна Кантору, – подумала Анжелика. – Я знаю. Он так похож на меня. Разве мне когда-нибудь нужна была мать? Я носилась по полям, жадно, зубами, впивалась в свою жизнь. В двенадцать лет, даже не оглянувшись, уехала в Америку...»

Филипп положил руку на голову Кантора:

– Мы с вашей матерью собираемся обсудить, стоит ли давать вам крещение огнем. Не многие мальчики вашего возраста имеют честь слышать, как стреляет пушка. Надо быть сильным!

– Я сильный. И я не боюсь.

– Посмотрим. Мы сообщим вам о нашем решении.

Мальчик поклонился отчиму и очень солидно вышел, исполненный собственной значимости.

Маркиз принял из рук Ла Вьолета серую бархатную шляпу и щелчком убрал с нее пылинку.

– Я повидаюсь с господином де Вивонном, – пообещал он, – и разберусь, насколько чисты его помыслы относительно этого юнца.

– Я бы предпочла узнать, что он мертв! – в отчаянии бросила Анжелика.

– Не уподобляйтесь матерям из античной трагедии. Это так не вяжется с миром, в котором мы живем. На мой взгляд, Вивонн эстет, увлекшийся маленьким артистом, как ручной птичкой. Для мальчика это хорошее начало. Его должность ничего не будет вам стоить. Так что поразмыслите и порадайтесь.

Он поцеловал ей руку.

– Вынужден вас покинуть, сударыня. Королевская служба зовет, коням придется выбивать искры всеми четырьмя подковами, чтобы наверстать время.

Как в праздничную ночь, когда он предложил ей сорванное в королевском саду яблоко, она пыталась поймать его тусклый непроницаемый взгляд.

– Филипп, та прежняя девочка всегда здесь, и вам это известно.

Позже, уже сидя в карете, которая через обагрённую закатом сельскую местность везла ее в Сен-Жермен-ан-Лэ, она думала о муже.

Теперь она поняла, что вредит ей в глазах Филиппа: ее опыт общения с мужчинами. Она слишком много знала о них. Ей были известны их слабые места, и она хотела завоевать его испытанным оружием. Тогда как они могли воссоединиться лишь в непорочности своих детских сердец. Они были созданы, чтобы встретиться в шестнадцать лет, когда оба переживали пору непристойного и неутолимого любопытства, предвкушения постыдных тайн; пору, когда два юных тела, подчиненные неизведанному желанию, утоляют его со страхом и целомудрием, удовлетворяются немногим: касанием рук, улыбкой – и достигают райского наслаждения в поцелуе. Неужели теперь поздно обрести утраченное счастье? Филипп сбился на гибельный путь. Анжелика превратилась в женщину, однако силы жизни столь велики, что все может расцвести вновь, как покрывается весной цветами мерзлая земля после суровой зимы, думала она.

И пробежала искра. В самый неожиданный момент едва теплящееся пламя разгорелось.

В тот день Анжелика спустилась в салон особняка дю Плесси, чтобы осмотреть помещение перед большим приемом, который собиралась вскоре дать столичному высшему свету. Прием предполагался пышный, поскольку не исключалось присутствие короля.

С недовольной гримасой, поминутно вздыхая, Анжелика обошла огромную гостиную. Здесь было темно, как в колодце, и холодно, как в склепе, в любое время года. Повсюду теснилась, отражаясь в двух мутно-зеленых гигантских зеркалах, неудобная мебель времен короля Генриха IV. Переехав сюда, Анжелика приказала устлать каменный пол снятыми из ее дома на улице Ботрейи толстыми персидскими коврами, чтобы победить холод. Но мягкая белизна расшитой розами шерсти только подчеркивала суровость тяжелой мебели черного дерева. Как раз во время осмотра появился Филипп, пришедший за украшениями, футляры с которыми он хранил в одном из бюро со многими ящичками.

– Я встревожена, Филипп, – обратилась Анжелика к мужу. – Мысль о том, чтобы устраивать здесь прием, приводит меня в отчаяние. Я не имею ничего против ваших предков, однако мало есть жилищ, столь же неудобных, как ваше.

– Вы недовольны своими покоями? – готовясь перейти в наступление, спросил молодой человек.

– Нет, у меня очаровательные покои.

– Мне дорого обошлось заново обить стены, – высокомерно заметил он. – Пришлось продать последних лошадей.

– Вы сделали это для меня?

– А для кого же, как вы думаете? – проворчал Филипп, с шумом задвигая ящик. – Я взял вас в жены... против своей воли, но я взял вас в жены. Говорили, будто у вас утонченный вкус, вы придирчивы. Я не собирался терпеть ваше пренебрежение зажиточной торговки.

– Выходит, вы с самого начала предполагали поселить меня здесь?

– Мне казалось, это нормально.

– Но почему же вы меня сюда не пригласили?

Филипп подошел к Анжелике. Его лицо выражало непостижимую смесь сложных чувств, однако она сделала ошеломляющее открытие: он покраснел.

– Мне показалось, у нас все началось так плохо, что мое приглашение обречено на отказ.

– Что вы хотите сказать?

– После того, что случилось в Плесси, вы могли испытывать по отношению ко мне только ужас... Я никогда не испытывал страха перед врагом, король мне свидетель... Однако, думаю, предпочел бы оказаться под огнем ста испанских пушек, вместо того чтобы встретить вас тогда утром, когда я проснулся... после... Да еще все произошло по вашей вине... Я выпил... Разве можно выводить из себя мужчину, который выпил... А вы это сделали... С удовольствием... Вы вызывали во мне ярость. Вы ели, – теперь, схватив ее за плечи, он уже кричал, – в тот вечер вы ели с постыдным, ненормальным аппетитом, хотя знали, что я собираюсь задушить вас!

– Но, Филипп, – оцепенев, едва проговорила она, – клянусь вам, я умираю от страха. Я не виновата, что волнение всегда обостряет мой голод... Так вы мною интересовались?

– Как можно не интересоваться вами? – в ярости прокричал он. – Чего вы только не придумаете, чтобы вас заметили! Являться перед королем без приглашения... подвергаться нападению волков... Рожать детей... любить их... Что еще? Да, в воображении вам не откажешь... Боже, там, в Фонтенбло, когда я увидел, что ваша лошадь вернулась без наездницы!..

Он быстро обошел ее, схватил сзади за плечи, так что едва не сломал их, и в упор спросил:

– Вы были любовницей де Лозена?

– Де Лозена? Нет, а почему вы спрашиваете?

И тут же, вспомнив инцидент в Фонтенбло, Анжелика залилась краской:

– Вы все еще думаете о том случае, Филипп? А вот я – нет, уверяю вас, и полагаю, Пегилен тоже. Может же случиться подобная глупость! Сама на себя злюсь. Тут дело в празднике, напитках, атмосфере, приступе досады. Вы были так жестоки, так безразличны. Мне казалось, вы вспоминаете, что я ваша жена, лишь для того, чтобы пенять или угрожать мне. И напрасно я прихорашивалась... Я всего лишь женщина, Филипп! Единственное, чего женщина не может стерпеть, – это пренебрежение. Оно гложет ее сердце. Ее тело тоскует, она томится без ласки. Она попадает во власть красная вроде Пегилена. Все, что он говорил мне тогда про мои красивые глаза и нежную кожу, показалось мне живительным, словно источник посреди пустыни. И потом, я хотела вам отомстить.

– Отомстить мне? О, сударыня, вы перепутали роли. Мстить должен я, а не вы. Разве не вы начали, заставив меня жениться на вас?

– Но я извинилась перед вами.

– Вот они, женщины! Думают, если они извинились, все забыто. А ведь вы самыми настоящими угрозами добились, чтобы я стал вашим супругом. Неужели вы полагаете, что, для того чтобы забылось такое серьезное оскорбление, довольно извиниться?

– Что еще я могла сделать?

– Искупить свою вину! – воскликнул он, подняв руку, словно собирался ударить ее.

Однако в глубине его голубых глаз светился веселый огонек, и она улыбнулась.

– Порой искупление бывает сладким, – прошептала она. – Здесь нет ни дыбы, ни раскаленного железа.

– Не провоцируйте меня. Я вас берег, это правда. Я ошибся. Я чувствую, что со свойственным вашему полу невообразимым умением вы готовы поймать меня в свои силки, как браконьер – обыкновенного зайца.

Она рассмеялась, слегка откинув голову, чтобы нежно прильнуть к плечу Филиппа. Ему оставалось лишь сделать одно неуловимое движение, чтобы прикоснуться губами к ее виску или векам. Он этого не сделал, хотя дыхание его участилось и она ощутила, как его руки стиснули ее талию.

– Говорите, вас тяготило мое безразличие? А вот у меня было впечатление, что наши отношения для вас мучительны, чтобы не сказать – невыносимы.

Анжелика смеялась:

– О, Филипп, хоть капелька вашей ласковости – и наши отношения показались бы мне чарующими. Я сохранила в своем сердце образ, о котором мечтала с того дня, когда вы взяли меня за руку и представили: «А вот баронесса Унылое Платье». Я уже тогда любила вас.

– Жизнь... и моя плетка взялись разрушить вашу мечту.

– Жизнь может восстановить разрушенное... а вы можете отложить свой хлыст в сторонку. Я никогда не отказывалась от своей мечты. И даже когда мы были разлучены, в глубине своего сердца я...

– Вы иногда ждали меня?

Анжелика прикрыла глаза. Ресницы отбрасывали на ее бледные щеки лиловые тени.

– Я всегда вас жду.

Анжелика ощущала на своей груди ставшие вдруг нервными и горячими руки Филиппа.

Он что-то пробормотал и совсем тихо выругался, а она залилась смехом. И тут он вдруг наклонился, чтобы поцеловать эту гибкую трепещущую шею.

– Вы такая невообразимо прекрасная, вы такая невероятная женщина! – прошептал он. – А я... я всего лишь неловкий солдафон.

– Филипп! – Она удивленно смотрела на него. – Что за глупости вы говорите? Злой, жестокий, грубый – да. Но неловкий? Нет. Нет, упрекнуть вас в неловкости и в голову не придет. К несчастью, вы не дали мне возможности оценить слабость, порой свойственную слишком влюбленным любовникам.

– Именно в этом меня частенько упрекали красавицы. Похоже, я их разочаровал. Если верить им, мужчина, одаренный внешностью Аполлона, должен обладать также... сверхъестественными способностями...

Анжелика еще пуще расхохоталась. Она уже ощущала пьянящее приближение безумства, которое вот-вот обрушится на них подобно тому, как падает с ясного неба ястреб на свою добычу. Всего несколько секунд назад они препирались. Теперь нетерпеливые пальцы Филиппа трудились над застежками ее корсажа.

– Умоляю, Филипп, осторожно. Не хотите же вы изорвать в клочья расшитый жемчугом лиф, обошедшийся мне в две тысячи экю. Можно подумать, вам никогда не случалось раздевать женщину.

– Ненужная предосторожность, когда достаточно задрать юбку...

Она приложила пальцы к его губам.

– Не становитесь снова грубым, – шепнула она, – вы полагаете, сейчас самое время и место для такого занятия?

– А почему нет?

– На ковре?

– Ну да, на ковре. Я солдафон и им останусь. Если я уже не имею права овладеть своей собственной женой в своем собственном доме, я отказываюсь интересоваться картой Страны Нежностей.

– А вдруг кто-нибудь войдет?

– Ну и что? Я хочу вас сейчас. Я чувствую, какая вы горячая, возбужденная, доступная. Ваши глаза сияют как звезды, ваши губы увлажнились...

Филипп вглядывался в ее запрокинутое лицо с лихорадочно горящими щеками:

– Ну же, маленькая кузина, давайте немного поиграем вдвоем, да получше, чем в детстве...

Анжелика сокрушенно вздохнула и протянула к нему руки. У нее больше не было сил сопротивляться безумству желания или пытаться избежать его. Она уже пылала в его огне.

– Не будьте столь поспешны, мой прекрасный возлюбленный, –

прошептала она. – Дайте мне время насладиться.

Страстно обхватив ее, Филипп овладел ею, исполненный новым чувством изумления, заставившим его впервые проявить внимание к женщине, и пораженный зеленым взглядом Анжелики, чья пугающая суровость постепенно сменялась мечтательной боязнью. Она не отвергла его; из уголка ее трепещущих под его поцелуями губ исчезло презрительное выражение, которое он так часто видел прежде. Она перестала быть его врагом. Она доверилась ему. Неведомое ощущение придало ему смелости, и он принялся нежно познавать ее. Ошеломленный внезапными чудесными открытиями, он осознал, что она влечет его к неизведанным таинственным путям. Зарождалась надежда, она росла в нем вместе с размеренным приливом сладострастия. Пробил час пьянящей встречи, для Филиппа пробил час, когда он наконец смог заставить зазвучать так долго молчавший инструмент ее чарующей женственности. Нелегкая задача, требующая кропотливых забот. Вооружившись всем своим опытом и мужественностью, он наступал на свою жертву, которая больше не отстранялась. Он думал о том, как она унижала его, как он мучительно ненавидел ее. Теперь, глядя на нее, он ощущал, как, согретое доселе неведомым чувством, тает его сердце. Где та молодая гордячка, которой он бросил вызов?

Внезапно Анжелика испуганно прильнула к нему, ее движения стали какими-то судорожными и незавершенными, словно она просила о пощаде.

Постепенно, трепещущая или пребывающая в томной неге, разметав свои прекрасные золотые волосы, она медленно отделялась от собственного «я» и приближалась к тому заветному порогу, где двое оказываются наедине со своим наслаждением.

Тело Анжелики пронзила долгая дрожь, и Филипп догадался о приближении мгновения, когда он станет ее повелителем. С каждой секундой он все больше возбуждался, проникаясь прежде неизведанным ощущением своей победы, осознанием себя как уверенного в себе завоевателя, властно берущего полагающуюся ему награду. Он чувствовал себя рыцарем, выигравшим трудный турнир, где приз многократно ускользал от него, однако благодаря настойчивости и мужеству он взял его. Теперь он больше не щадил ее. Она выгибалась в его руках, как живой лук. После упорного сопротивления, исчерпав весь запас сил, Анжелика была вся ожидание, тревога и счастье.

Наконец она уступила, и он услышал сокровенный ответ ее разбуженного им и вкусившего наслаждения тела. Тогда он дал себе волю. Он знал, чего именно ему всегда не хватало: ее наслаждения, согласия ее

покорного и любящего тела, которое так долго насыщалось, пока она не пришла в себя, глубоко и отрешенно вздыхая.

– Филипп!

Он всем телом давил на нее, спрятав свое лицо у нее на груди. Строгая обстановка старой гостиной дю Плесси вернула Анжелику к действительности, и она забеспокоилась, почему он молчит. Слишком краткий миг беспомощности. Она не могла поверить в собственное исступление, опьянение, приведшее ее в такой трепет и лишившее сил. Она едва не разразилась слезами.

– Филипп!

Она не смела признаться, как благодарна ему за заботу о ней.

Уж не разочаровала ли она его?

– Филипп!

Он приподнял голову. Лицо его по-прежнему оставалось загадочным, но Анжелику это не смутило. Ее губы приоткрылись в нежной улыбке, маркиза приложила пальчик к светлым усам, где поблескивали капельки пота.

– Кузен...

Разумеется, случилось то, чему следовало случиться. Кто-то вошел. Это оказался лакей, который возвестил о приходе посетителей: господина де Лувуа и его отца, старого Мишеля Летелье. Старик выронил монокль. Лувуа побагровел. Возмущенные увиденным, визитеры попятились.

Лувуа поспешил на завтра же пересказать анекдот при дворе.

– Средь бела дня!.. с собственным мужем!

Могли ли снести подобное оскорбление поклонники и воздыхатели прекрасной маркизы? Муж!.. Домашний соперник! Сладострастие по-домашнему!..

Удаляясь по версальской галерее, госпожа де Шуази в негодовании твердила:

– Средь бела дня!.. Средь бела дня!

– Король не так смеялся, как можно было бы ожидать, – заметил Пегилен.

Он не единственный догадался о тайной досаде государя.

– Для него важно все, что касается вашей персоны, – объяснила Анжелике госпожа де Севинье. – Он от чистого сердца пытался помирить вас со вспыльчивым супругом. Однако не следует слишком усердствовать в преданности. Господин дю Плесси приложил чрезмерное рвение, чтобы угодить своему королю. Возможно, из-за своего непонимания того, что

некоторые приказы не требуют чересчур точного исполнения, теперь он впадет в немилость.

– Остерегайтесь Общества Святых Даров, милочка, – со злобной гримасой прошипела Атенаис. – Они наверняка расценили ваше поведение как вызывающее.

С горящими щеками Анжелика пыталась защищаться:

– Не понимаю, что Общество Святых Даров может иметь против. Почему мне не следует отвечать на ласки мужа под моей крышей?

Прикрывшись веером, Атенаис фыркнула:

– Средь бела дня, да еще на ковре! Да это предел порока, голубушка! Подобное простительно только с любовником.

Мимо них прошел прекрасный и равнодушный как к шуткам, так и к насмешкам, а быть может, и не знающий о них Филипп. Король проявил холодность по отношению к нему; похоже, маркиз этого не заметил. В лихорадке последних устроенных королем перед началом летней военной кампании пышных праздников Анжелика не могла приблизиться к мужу.

Странное дело, Филипп вновь стал холоден к ней, а когда, случайно повстречавшись на балу, она заговорила с ним, отвечал ей с высокомерием. Кончилось тем, что она решила, будто завершившиеся ощущением высшего блаженства сладостные моменты, воспоминание о которых она хранила в своем сердце, подобно распутившейся розе с пурпурными лепестками, привиделись ей во сне. Светское общество протянуло свои пальцы к нежному цветку, Анжелика сгорала от стыда. И Филипп, злобный грубиян, прекрасно соответствовал этой компании. Она не знала, что Филипп оказался во власти непривычных ему сложных чувств, что укоры его гордыни смешивались с чем-то вроде панического ужаса, который внушала ему Анжелика. Ему по-прежнему казалось, что повелевать ею он в силах лишь с помощью ненависти. Если эта крепость падет, он превратится в раба. Однажды он поклялся себе, что никогда не позволит женщине возвыситься над ним. А теперь при одном воспоминании об ее улыбке или взгляде он чувствовал, что, как мальчишка, сходит с ума. Им овладевала былая робость. Ведя распутную жизнь при дворе, где на его долю выпало больше разочарований, нежели удовольствий, он усомнился, действительно ли в момент физического единения с одним из этих ненавистных и презренных существ, каковыми для него являются женщины, ему довелось испытать подобный миг сверхъестественного блаженства. Следует ли признать, что это и есть то, что называется любовью? Или это всего лишь мираж? Его мучил страх очередного разочарования. Он умрет от досады, думал он, и от печали... лучше уж

цинизм и насилие!

Анжелика, которая даже вообразить себе не могла подобных мучений за столь бесчувственной личиной, постепенно приходила все в большее отчаяние. Даже великолепные праздники не могли отвлечь ее. Знаки внимания со стороны короля ее раздражали, а его пристальные взгляды вызывали недоумение и досаду. Почему Филипп оставил ее?

Однажды под вечер, когда весь двор аплодировал Мольеру в зеленом театре, Анжелика почувствовала себя во власти глубокой тоски. Ей показалось, что она снова превратилась в ту бедную и пугливую девочку в окружении насмешливых пажей, которая тогда, в замке дю Плесси, скрылась во тьме с полным сожалением и осмеянной нежностью сердцем. Ее вновь охватило желание бежать. «Как я их всех ненавижу», – подумала она. Она тихонько покинула замок и потребовала свою карету. Позже она вспомнит импульсивное движение, вырвавшее ее из Версаля, и назовет его предчувствием. Потому что, когда поздно вечером она добралась до особняка на Фобур-Сент-Антуан, там царил полная неразбериха, а Ла Вьолет сообщил, что его господина отправляют на театр военных действий во Франш-Конте и он отбывает завтра на рассвете.

Филипп ужинал, в одиночестве сидя в отделанной черными деревянными панелями столовой с двумя серебряными канделябрами. При виде Анжелики в просторной накидке из розовой тафты он нахмурился:

– Что вам здесь надо?
– Разве я не имею права приезжать сюда, когда пожелаю?
– Вы были приглашены в Версаль на несколько дней.
– Мне вдруг показалось, что я умираю от скуки. Вот я и покинула всех этих невыносимых людей.

– Надеюсь, вы лжете, потому что подобное объяснение было бы недопустимо, вы рисковали бы вызвать недовольство короля... Кто вас предупредил, что я уезжаю?

– Говорю вам, никто. Я была удивлена, увидев приготовления к отъезду. И вы бы уехали, даже не попрощавшись со мной?

– Король просил меня держать отъезд в глубокой тайне, а главное – скрыть его от вас. Известно, что женщины не умеют держать язык за зубами.

«Король ревнует!» – едва не крикнула Анжелика. Выходит, Филипп ничего не видит, ничего не понимает, если только не разыгрывает незнание...

Анжелика присела на другом конце стола и принялась снимать усеянные жемчугом тонкие кожаные перчатки.

– Как странно! Летняя кампания еще не началась. Войска стоят на зимних квартирах. Не знаю никого, кто по приказу короля сейчас ехал бы на войну. Ваша отправка больше похожа на немилость, Филипп.

Молодой человек молчал, он смотрел на нее так долго, что Анжелике показалось, он ее не слышал.

– Король – мой повелитель, – наконец вымолвил он и чопорно поднялся из-за стола. – Вынужден вас покинуть, потому что уже поздно. Берегите свое здоровье в мое отсутствие, сударыня. Прощайте.

Анжелика подняла на него изумленные глаза. «Разве мы не можем попрощаться по-другому?» – казалось, зывали они.

Он не захотел понять, поклонился, поцеловал протянутую к нему руку.

В уединении спальни бедная маленькая кузина расплакалась. Она залилась слезами, которые из гордости сдержала когда-то в отрочестве. Горькими слезами отчаяния.

«Мне никогда не понять этого мальчика! Мне никогда не добиться своей цели!»

Он уходит на войну. А если он не вернется?.. О нет, он вернется! Не этого она боялась. Но время блаженства прошло.

Через раскрытое окно в комнату из мирных садов проникал лунный свет и слышалось пение соловья. Анжелика подняла залитое слезами лицо. Она подумала, что любит этот мрачный дом, потому что жила здесь с Филиппом. Странные все-таки отношения их связывают: больше всего они напоминают печальную игру в прятки, в которой каждый бежит к своим нарядам, своим примеркам между появлениями при дворе, двумя путешествиями, псовыми охотами...

Но были в их отношениях и мимолетные мгновения, словно украденные у светской алчности. Например, когда Филипп присаживался подле нее и смотрел, как она кормит маленького Шарля Анри; или когда они болтали и хохотали, глядя друг на друга; или тот недавний день, когда они поддались безумию своих тел и он овладел ею с трепетом и пылом, так похожим на любовь...

Внезапно Анжелика решила. Она поднялась, закуталась в воздушный пеньюар из тонкого белого батиста и босиком, быстро миновав небольшую галерею, добежала до спальни Филиппа.

Она вошла без стука. Он, обнаженный, спал поперек кровати. Тяжелые кружевные простыни наполовину соскользнули на пол, открыв его мускулистую грудь, которой приглушенный свет луны придавал блеск и бледность мрамора. Во сне у него было совсем другое лицо. Обычно

скрытые париком курчавые светлые волосы, длинные ресницы и пухлые губы придавали ему выражение невинности и безмятежности, какое можно видеть на лицах греческих статуй. Со слегка склоненной к плечу головой и раскинутыми руками он казался беззащитным.

Стоя у постели, Анжелика затаила дыхание, чтобы лучше рассмотреть мужа. При виде его красоты у нее сжималось сердце. Она находила новые, прежде неведомые черты: тонкая золотая цепочка с детским крестиком на его шее гладиатора; родинка на левой груди; шрамы там и сям, напоминающие о войне и дуэлях. Она положила руку на его сердце, чтобы почувствовать, как оно бьется. Он едва заметно пошевелился. Высвободившись из пеньюара, она нежно прильнула к нему. Ее пьянил жар здорового мужского тела, прикосновение к гладкой коже. Она принялась целовать его в губы, обхватив обеими руками его тяжелую голову, прижала ее к своей груди. Он задвигался, и получше принял ее.

– Красавица моя, – прошептал он, а губы его, словно рот голодного младенца, уже касались ее груди.

Почти сразу он отстранился, глаза его гневно сверкнули.

– Вы?.. Вы здесь? Какая дерзость! Какая...

– Я пришла проститься с вами, Филипп, проститься по-своему.

– Жене следует ждать, пока муж пожелает ее, а не навязывать ему себя. Подите прочь!

Он схватил ее, чтобы вышвырнуть из постели, но она сопротивлялась, вполголоса умоляя:

– Филипп, Филипп! Позвольте мне остаться! Оставьте меня этой ночью подле вас!

– Нет!

Он сердито высвободился из ее объятий, но она снова обхватила его руками. Анжелика была достаточно проникательна, чтобы почувствовать, что ее присутствие волнует его.

– Филипп, я люблю вас. Позвольте мне остаться в ваших объятиях!

– Да что вам здесь надо, черт побери?

– Вам это прекрасно известно.

– Бесстыдница! Вам что, мало любовников, чтобы удовлетворять вашу похоть?

– Нет, Филипп, у меня нет любовников. У меня есть только вы. А вы уезжаете на долгие месяцы!

– Так вот чего вам не хватает, потаскушка вы этакая... У вас достоинства не больше, чем у суки в течке!

Он еще довольно долго проклинал ее, называя самыми разными

именами, но больше не отталкивал, а она все крепче прижималась к нему и слушала его оскорбления как самые нежные заверения в любви. В конце концов он тяжело вздохнул и, схватив за волосы, запрокинул назад ее голову. Она улыбалась, не спуская с него глаз. Она была бесстрашна. Она всегда была бесстрашна. Именно этим и сразила его. И тогда с последним проклятием он наконец обнял ее.

Это было молчаливое объятие, Филипп боялся выказать слабость. Но страсть Анжелики, почти наивная радость, которую она испытывала от близости с ним, ее искусственность влюбленной женщины – лучшая приспешница наслаждения, одержали верх над его сомнениями. Возникла искра, она превратилась в костер, в котором сгорели все дурные опасения Филиппа. По сдавленному крику, в котором угадывалось, сколь бурным оказалось его наслаждение, Анжелика поняла, как он горд своим успехом.

Но вслух он ничего не сказал. Время недовольств, озлобленности, заставившей их идти друг против друга, скрытой войны было еще слишком недавним. Он еще будет пытаться лгать ей. Он не хотел, чтобы она успокоилась. И поскольку Анжелика медлила, уютно устроившись у него под боком, он грубо приказал:

– Уходите!

На сей раз она повиновалась. Но сделала это с такой поспешной и ласковой покорностью, что ему захотелось наброситься на нее с кулаками или снова заключить в свои жаркие объятия. Он стиснул зубы, чтобы прогнать сожаление, что она уходит, и желание удержать ее. Как же ему хотелось оставить ее у себя до самой зари, чтобы она уткнулась в его согнутую руку, пригрелась под сенью его теплого тела, подобно трепетному и задумчивому зверьку! Безумие! Чепуха! Опасная слабость! Пусть уж ветры сражений и свист снарядов поскорей развеют все это!

Вскоре после отбытия маршала дю Плесси-Бельера пришел черед маленького Кантора отправиться в поход. В последний момент Анжелике захотелось отказаться. Она ужасно грустила, ее одолевали мрачные предчувствия. Она часто писала Филиппу во Франш-Конте, но он ни разу не ответил. Его молчание, хотя она и старалась не признаваться даже самой себе, приводило ее в отчаяние. Когда же Филипп признается ей в любви? Быть может, никогда. Быть может, он не способен любить? Или заметить, что любит? Он не мыслитель – он воин. Искренне веря, что ненавидит ее, Филипп пытается уничтожить то, что возникло между ними, невысказанное сообщничество наслаждения, которое еще метнет их, растерянных и слабых, в объятия друг друга. Против этого бессильны и

благочестивые ханжи, и насмешливые распутники, и король, и сам Филипп.

Анжелике пришлось сделать над собой усилие, чтобы заняться подготовкой к отъезду Кантора. Времени оставалось немного.

Кантор уехал.

У вовлеченной в бесконечные приемы Анжелики не было минуты, чтобы погрузиться в воспоминания о том туманном утре, когда ее раскрасневшийся от удовольствия младший сын в сопровождении своего воспитателя Гаспара де Ракана забрался в карету герцога де Вивонна.

Мальчик был одет в богато украшенный кружевами и шелковыми розетками костюмчик из зеленого муара, оттенявшего цвет его глаз. Курчавые волосы покрывала широкополая черная бархатная шляпа с белыми перьями.

Гитара с повязанными на нее бантами мешала ему. Он бережно прижимал ее к себе, как дети – любимую игрушку. Это был последний подарок Анжелики. Гитара из экзотических сортов дерева, инкрустированная перламутром и сконструированная и собранная специально для Кантора самым известным мастером столицы.

Спрятавшись в нише ворот, всхлипывала Барба. Анжелика не хотела давать волю чувствам. Такова жизнь! Дети уходят. Но каждое подобное событие рвет натянутые сокровенные струны в материнском сердце...

Отныне она с повышенным интересом справлялась о состоянии дел в Средиземноморье. Французские галеры, посланные в помощь венецианцам против турок, желавших завладеть последним оплотом христианства в Средиземноморье, были облечены божественной миссией, а герцог де Вивонн и его войска по праву назывались крестоносцами. Представляя маленького Кантора крошечным безобидным колесиком священного похода, Анжелика тихонько улыбалась. В своем воображении она видела сына сидящим на корме судна, с развевающимися в небесной синеве лентами гитары.

Воспользовавшись редкими свободными мгновениями в Париже, Анжелика восстановила связь с Флоримоном. Тоскует ли он в разлуке с Кантором? Не завидует ли, что младший брат так блестяще устроился и уже призван познать честь сражений? Вскоре она заметила, что если Флоримон представал перед ней со всей вежливостью, ему стоило больших усилий оставаться спокойным, пусть даже их встреча продолжалась всего десять минут. Его ожидало множество дел: ездить верхом, кормить сокола, ухаживать за собакой, заниматься фехтованием, сопровождать в манеж или на охоту дофина. Он не выражал нетерпения, лишь когда предстоял урок

латинского языка с аббатом Ледигьером.

– Мы с матушкой беседуем, – говорил он тогда своему наставнику, и тот уходил, не смея настаивать.

Их беседы в основном сводились к демонстрации талантов дуэлянта мессира Флоримона. Хрупкий и нежный с виду, он обладал сугубо мальчишескими пристрастиями. Он мечтал лишь о том, чтобы сражаться, побеждать, убивать и отстаивать свою честь. Он был счастлив только со шпагой в руке и уже тренировался в стрельбе из мушкета. И считал дофина страшным увальнем.

– Я стараюсь понемногу расшевелить его, но, увы! – вздыхал Флоримон. – Строго между нами, маменька, – я говорю вам, но мои соображения не стоит доносить до чужих ушей. Это может повредить моей карьере.

– Знаю, знаю, сын мой, – смеясь, соглашалась Анжелика, несколько обеспокоенная столь ранней прозорливостью.

Она знала, что очарованный горящими черными глазами и воинственной отвагой Флоримона маленький дофин последовал бы за ним на край света. Да, Флоримон обаятелен. Он умел нравиться и преуспевал во всем. Анжелика подозревала, что он законченный эгоист... впрочем, как все дети.

Однако она с легкой меланхолией замечала, что старший сын тоже отдалился от нее. Он вертелся перед ней со шпагой в руке:

– Смотрите же, смотрите на меня, маменька! Как я рублю, делаю ложный выпад... Колю... Вот так, прямо в сердце! Противник повержен... Он мертв!

Флоримон был прекрасен. Страсть к жизни горела в нем огнем. Но если ему будет плохо, захочет ли он поплакать на ее плече? Детские сердца быстро созревают под раскаленным солнцем двора...

Новость о поражении при Капо-Пассеро пришла в середине июня, во время последнего празднества, устроенного королем перед Лотарингской кампанией.

Стало известно, что у берегов Сицилии галеры господина де Вивонна подверглись нападению берберской флотилии под командованием алжирского предателя по прозвищу Рескатор, известного своими подвигами в Средиземноморье.

Вивонн был вынужден искать убежища в бухте возле Капо-Пассеро.

Он делал вид, что начисто разбит. Однако это сражение было всего лишь небольшой стычкой. Из двадцати галер, состоящих под его

командованием, потоплено было всего две.

Правда, на одной из них находилось много людей из числа его свиты, и господин де Вивонн имел несчастье наблюдать, как скрылись под толщей воды три его дворянина, десять стольников, четыре лакея, двадцать хористов его капеллы, духовник, мажордом, берейтор и маленький паж со своей гитарой.

Глава XXV

Почти никто не выразил соболезнований мадам дю Плесси-Бельер, потому что ее сын, погибший возле Капо-Пассеро, был еще ребенком, а разве ребенок что-то значит?

Летнее затишье на время прервало придворные развлечения и позволило Анжелике в уединении пережить свое горе в Париже.

Она не могла поверить страшной вести, это просто не укладывалось в ее голове. Кантор не мог умереть. Это волшебный ребенок! Задолго до рождения он выдержал отравление ядом, которым хотели уничтожить его мать. Он родился под сырыми сводами больницы Отель-Дьё, рядом с самыми обездоленными. Первые шесть месяцев жизни он провел в стойле, беспомощный и покрытый струпьями. Маленьким ротиком он сосал грязные тряпки, чтобы хоть как-то заглушить голод. Его за семь су купили цыгане...

И все-таки он выжил! А вот теперь кто-то осмеливается говорить, что этот веселый крепыш умер... Безумие! Так говорят те, кто не знает малыша Кантора!

Анжелика отказывалась признать жестокую правду случившегося.

Барба день и ночь неутешно рыдала, и в конце концов Анжелика, беспокоясь о ее здоровье, сделала ей легкий выговор.

– Да-да, мадам, конечно, – сквозь рыдания проговорила служанка. – Но мадам не может меня понять. Мадам не любила его так, как я.

Пораженная, Анжелика оставила прислугу, удалилась в свою комнату и села у открытого окна.

Приближалась осень, под мелким вечерним дождем угасали последние отблески уходящего дня.

Анжелика закрыла лицо руками. У нее было тяжело на сердце. Тяжело от сознания, что ничего в прошлом не изменишь. Тяжело от мысли, что она слишком редко держала на коленях маленького Кантора и целовала его пухленькие щечки.

Перед ее внутренним взором неотступно стояло личико ее дитяти. Он так походил на нее и на всех младших братьев семейства Сансе, вместе с которыми она росла! Иногда Анжелика даже забывала, что отец Кантора – Жоффрей де Пейрак. Но в ребенке жил практичный, отважный и негиббемый дух великого графа Тулузского...

Она вспоминала, как сын в своей широкополой шляпе уходил на

войну, серьезный и преисполненный радости.

Она вновь слышала его ангельский голосок, когда он пел перед королевой:

Прощай, душа моя, прости,
Любовь моя и мука!

Она вновь видела его совсем крошкой, легким комочком, который – теперь таким уже далеким зимним днем – она несла в Тампль через весь Париж, окутанный запахом блинов в честь праздника Сретения.

Усталое цоканье копыт по мощеному двору оторвало Анжелику от воспоминаний. Она машинально выглянула в окно, и ей показалось, что в спешившемся всаднике, который уже поднимался по ступеням лестницы к входной двери, она узнала Филиппа. Но ведь Филипп находился в армии в районе Франш-Конте, куда только что отбыл и сам король.

Второй всадник тоже поднимался под своды главного входа особняка. Теперь она безошибочно разглядела высокую фигуру слуги. Ла Вьолет, сгорбившийся под проливным дождем. Так, значит, это действительно приехал Филипп. Его шаги уже раздавались в галерее, и Анжелика едва успела собраться со своими горестными мыслями, как он был уже здесь, вымокший и покрытый до пояса грязью: его шляпа и завернутые рукава широкого плаща напоминали водосточные трубы.

– Филипп! Да вы совсем промокли! – воскликнула она.

– С самого утра льет дождь, а я скакал без остановок.

Анжелика позвонила в колокольчик.

– Я прикажу принести вам горячей еды, а может быть, лучше омлет с ромом? Почему, Филипп, вы не предупредили о своем приезде? В ваших апартаментах работают обойщики. Я считала, что вы вернетесь не раньше осени, и подумала, что это подходящий момент для... небольших ремонтных работ.

Как обычно, когда он приходил к ней, Филипп стоял, широко расставив ноги, слушая ее почти с безразличием.

– Я узнал о смерти вашего сына, – произнес он наконец. – Мне сообщили новость только на прошлой неделе...

Повисло молчание. В этот момент вдруг стемнело: дождевые тучи скрыли последние отблески заката.

– Он мечтал плавать по морю, и его мечта сбылась. Я знаю Средиземное море. Это синяя гладь, пронизанная золотыми отблесками,

как королевский штандарт. Прекрасный саван для юного пажа, который так красиво пел...

Анжелика заплакала, глядя широко открытыми невидящими глазами на Филиппа. Он положил руку ей на голову:

– Вы ведь опасались, чтобы его не развратили. Смерть избавила его от слез стыда, которые тайком проливают подвергшиеся насилию дети. У каждого своя судьба. Его жизнь состояла из радости и песен. И у него была любящая мать.

– У меня не хватало времени, чтобы как следует им заниматься, – сказала она, утирая слезы.

– Вы любили его, – повторил Филипп, – и вы боролись за него. Вы дали ему то, что необходимо для счастья: свою верную любовь.

Анжелика слушала его с полным недоумением, которое понемногу переходило в изумление.

– Филипп, вы ведь не хотите заставить меня поверить, – воскликнула она наконец, – что вы уехали из армии и проскакали восемьдесят лье по размытым дождем дорогам только для того, чтобы выразить мне свое соболезнование!

– Это была бы далеко не первая глупость, которую я совершаю ради вас, – сказал он. – Но я приехал не только ради этого. У меня есть для вас подарок.

Он встал, вынул из кармана какой-то футляр из старой, пересохшей кожи, открыл и вынул странное ожерелье, состоящее из цепочки зеленого золота и трех бляшек из розового золота^[8], на которых располагались два рубина-кабошона и один изумруд. Украшение роскошное, но в старинном и несколько варварском вкусе, предназначенное для солидных красавиц с белокурыми косами, подобных королевам первых Капетингов.

– Вот украшение женщин рода Бельер, – сказал он. – На протяжении веков оно придавало им мужества. И оно достойно украшать мать, пожертвовавшую своего сына королевству.

Он обошел Анжелику, чтобы застегнуть ожерелье на ее шею.

– Филипп, – задыхаясь, прошептала Анжелика, – что вы хотите этим сказать? Что это значит? Вы не забыли о том пари, которое мы заключили на ступенях лестницы Версаля?

– Я помню о нем, мадам. И вы выиграли.

Он отвел белокурые локоны и склонился, чтобы запечатлеть долгий поцелуй во впадинке ее белоснежного затылка. Анжелика замерла неподвижно. Молодой мужчина повернул ее, чтобы увидеть лицо. Она плакала.

– Перестаньте плакать, – сказал он, сжимая ее в объятиях. – Я приехал, чтобы осушить ваши слезы, а не для того, чтобы вы проливали новые. Я никогда не мог их выносить. Вы ведь знатная дама, черт побери!

«Безумно влюблен! Безумно влюблен! – повторяла про себя Анжелика. – Вот о чем говорит подношение этого ожерелья».

Так, значит, он любил ее и признался в этом с такой изысканной тонкостью, пролившей бальзам на ее разбитое сердце.

Она обеими руками обхватила его лицо и нежно взгляделась в него:

– Могла ли я думать, что под вашей устрашающей злобой скрывается столько доброты! В глубине души вы просто поэт, Филипп.

– Я уж и не знаю, кто я, – добродушно проворчал он. – Но одно очевидно: что теперь вы носите фамильное ожерелье Плесси-Бельер, и это меня немного беспокоит. Как только какая-нибудь из моих прабабок надевала его, так сразу начинала думать о войне и о Фронде. Моя мать, с этими кабошонами на груди, подняла войска в Пуату на защиту принца Конде. Вы помните это не хуже меня. А что теперь придумаете вы? Ведь у вас и до этого храбрости было хоть отбавляй!

Он снова обнял ее, прижавшись щекой к ее щеке.

– И вы всегда взирали на меня своими зелеными глазами, – прошептал он. – Я мучил и бил вас, я вам угрожал, но вы вновь поднимали свою головку, подобно цветку после бури. Я оставлял вас трепещущей, сломленной, но вслед за тем вновь видел вас оправившейся и красивой, как никогда. Да, это меня бесило, но потом стало внушать чувство... надежности. Такое женское постоянство! Я поверить не мог. И я стал наблюдать. Выстоит ли она? – говорил я себе. В день королевской охоты, когда я увидел, как вы реагируете на королевский и мой гнев, я понял, что никогда с вами не справлюсь. В глубине души я гордился своей женой.

Он стал покрывать ее робкими поцелуями. До этого момента, не привыкший к нежности, он пренебрегал подобным проявлениями чувств, но сегодня испытывал в этом потребность. Он не смел прикоснуться к ее губам. И тогда она сама стала нежно искать его губы.

Анжелика отметила про себя, что губы воина сохранили свежесть, простодушие и неопытность. И самое удивительное, что, прожив непростую жизнь и не раз соприкоснувшись с грязью, сейчас они оба обменялись чистым и нежным поцелуем, который когда-то в юности, в парке дю Плесси, так и не состоялся.

– Я должен вернуться, – вдруг заявил он со своей обычной резкостью. – Мы и так потратили достаточно времени на сердечные дела. Могут ли я видеть своего сына?

Анжелика позвала кормилицу, которая явилась с маленьким Шарлем Анри в белых бархатных одеждах. Он восседал на ее руке, как сокол на руке охотника. Белокурые локоны, выбившиеся из-под жемчужной шапочки, розовые щечки и большие голубые глаза делали его прелестным ребенком.

Филипп взял сына на руки, подбросил вверх и стал тормошить, но так и не вызвал его улыбки.

– Я никогда не видела такого серьезного ребенка, – заметила Анжелика. – Его взгляд всех смущает, но теперь, когда он начал ходить, его серьезность вовсе не мешает ему проказничать... Недавно его поймали, когда он крутил колесо прялки и запутал всю шерсть...

Филипп подошел к ней и передал ребенка:

– Я оставляю его с вами. Я поручаю его вам. Берегите его.

– Это сын, которого подарили мне вы, Филипп. И он мне дорог.

Высунувшись из окна с прелестным малюткой на руках, Анжелика смотрела, как он садится на лошадь и исчезает в темноте двора. Филипп приехал. Он окружил живым счастьем ее смертельное страдание. Филипп был последним, от кого она могла надеяться получить утешение. Но жизнь богата сюрпризами. Ее приводила в восторг мысль, что этот несговорчивый солдат, предававший огню и смерти целые города, скакал четыре дня подряд, невзирая на дождь и ветер, только потому, что в его сердце отдалось эхо ее рыданий.

Глава XXVI

В отсутствие короля и двора весь Версаль перешел во власть архитекторов, рабочих и художников. Блуждая среди строительных лесов и куч мусора, Анжелика отыскала наконец своего брата Гонтрана, который работал над украшением малого кабинета, выходящего окнами на южный партер сада. Здесь обустроивали апартаменты, точное предназначение которых не было оговорено, но их в изобилии украшали мрамором, позолотой и прочими дорогими материалами, чтобы сделать волшебным пребывание в них. Так как мадам де Монтеспан неоднократно навещала стройку и следила за ходом работ, то все понимали, что эти апартаменты, если не поступит нового приказа, предназначались для фаворитки.

Анжелика рассеянно взглянула на все эти красоты, на лепнину из золота трех оттенков, изображавшую переплетение трав и камышей, среди которых художник изобразил прелестные миниатюры в розово-голубых тонах. Она спросила брата, сможет ли он прийти к ней в один из ближайших дней, чтобы сделать портреты Флоримона и малютки Шарля Анри. У нее не осталось ни одного портрета Кантора, и, горько сожалея об этом, она спешила запечатлеть на полотне дорогие черты живых. Почему только она не подумала об этом раньше?

Гонтран недовольно проворчал, что это не так-то просто.

– Я хорошо тебе заплачу.

– Вопрос не в деньгах, девочка! При случае я сделаю тебе такой подарок. Но как найти время, чтобы улизнуть отсюда? С тех пор как я начал работать в Версале, я вижу с женой и детьми только раз в неделю, по воскресеньям. Мы начинаем работать на рассвете. В десять часов и потом в час дня мы делаем перерыв по полчаса, чтобы перекусить. И сами руководители стройки следят, чтобы на отправление естественных нужд мы тратили не более пяти минут! О, наши начальники не сидят без дела, потому что парни, которые работают на болотах, маются дизентерией!

– Но... где же вы спите? И где едите?

– Вон там находятся дортуары, – Гонтран небрежно махнул кистью в сторону окна, – и харчевни, открытые нашим цехом. Но чтобы на неделе взять выходной день или хоть несколько часов – об этом и речи быть не может!

– Это недопустимо! Ты мой брат, и я сделаю все, чтобы добиться

разрешения и немного освободить тебя, но при условии, что ты будешь пользоваться этой поблажкой, ослиная ты башка!

Художник пожал плечами:

– Действуй как знаешь. Капризы знатных дам – это святое. А я буду делать то, что мне велят. Только я требую, чтобы из-за этих отлучек у меня не отобрали работу и не выкинули на улицу.

– Со мной ты никогда не окажешься на улице!

– Я тебе уже говорил, что не хочу жить ни на милостыню, ни на подачки.

– Так чего же ты хочешь, вечный ворчун?

– Я хочу пользоваться своими правами, вот и все!

– Ладно, не будем опять ссориться. Так могу я на тебя рассчитывать?

– Да...

– Гонтран, мне хочется посмотреть тот плафон, который ты расписывал в прошлый раз. Он показался мне просто замечательным.

– Я рисовал тогда бога войны. И война не замедлила начаться.

Он отложил палитру и повел ее по галерее в угловую гостиную, которую только что закончили. По дороге он с подозрением оглядывался:

– Надеюсь, что я не получу выговора за то, что отлучился на несколько минут. Твое присутствие меня оправдает.

– Не преувеличивай, Гонтран. Тебе повсюду мерещится слезка.

– Я научился бояться невзгод.

– Лучше научись их избегать.

– Не так-то это легко.

– А я вот научилась, – гордо ответила Анжелика. – Я начала с самых низов и, не хвалясь, могу сказать, что достигла самых верхов.

– Это потому, что ты боролась одна и только за себя. А я не один. Для победы мне пришлось бы привлечь к своей борьбе массу обиженных, но это неподъемная ноша... Нас бы всех разобцили, и дрожжи протеста погибли бы раньше, чем размножились.

Анжелику гораздо больше, чем слова, поразил его грустный и усталый тон, и она не знала, что ответить.

– Ты видишься иногда с Раймоном? – спросила она.

– С нашим иезуитом? Пфф... Он бы меня не понял. Да и никто не может понять. Даже ты... Вот, смотри!

Они встали в центре зала и посмотрели на потолок с большими многоцветными участками между перегородками из позолоченного орнамента. Бог войны Марс устремлялся к апофеозу восходящего солнца, и светлые тона его тела и лица подчеркивались по контрасту удлиненными

черными силуэтами волков, запряженных в его колесницу.

– О! Гонтран! – воскликнула пораженная Анжелика. – О! Он похож на Филиппа.

Художник беззаботно улыбнулся!

– Так оно и есть. Мне показалось, что ни один придворный дворянин не может послужить мне лучшей моделью. Эта неотразимая красота, это совершенство тела и завершенность жестов! – воскликнул он с неожиданным пылом. – Какое удовольствие смотреть, как гармонично он двигается по величественному Версалю!

На минуту он задумался, а затем рассмеялся.

– Не надуйся от гордости как индюк. Я не старался тебе польстить, изобразив твоего мужа. Ты здесь ни при чем. Ты и так хороша. Но он словно существует вне времени. В нем присутствует меланхолическое величие греческих статуй...

– Ты рисовал его по памяти?

– Память художника иногда воссоздает живее, чем реальность. Если хочешь, я сделаю и портрет твоего сына Кантора.

Глаза Анжелики вновь наполнились слезами.

– Разве это возможно? Ты ведь так мало его знал! Ты и видел-то его всего раз или два.

– Думаю, что я хорошо его запомнил.

Он прищурился, чтобы лучше представить себе далекий образ:

– Он был похож на тебя, те же зеленые глаза. Ну и ты мне что-то подскажешь.

Человек в коричневом одеянии подошел к ним, заложив руки за спину.

– Это старший мастер, – выдохнул Гонтран.

С самым величественным видом Анжелика объяснила, что ее интересует ремесленник, с которым она говорила, потому что она выбирает мастера для производства работ в своем особняке. При этом она многократно упоминала имена месье Кольбера и месье Перро, контролера королевских строений.

Старший мастер постоянно кланялся и уверял, что он строго следует распоряжениям месье Кольбера и месье Перро. Анжелика разглядела в его лице, похожем на свиное рыло, тупое и неумное выражение придирчивого надсмотрщика.

Анжелика, покинув Версаль, приказала отвезти себя в Сен-Жермен. Она хотела узнать у Монтозье, сможет ли Флоримон один-два дня в неделю не присутствовать на службе при его высочестве дофине. Она с неизменным удовольствием встречалась с мадам де Монтозье, которая,

еще будучи Жюли д'Аржен, герцогиней де Рамбуйе, слыла среди знатных придворных самой заметной и самой привлекательной жеманницей. Говорили, что мадемуазель де Скюдери изобразила ее под видом Клеомиры в своем романе с ключом «Великий Кир» и что она вдохновляла на нескончаемые стихи Годо, Вуатюра, Бенсерада и многих других.

Наделенная не только красотой, но и отменным вкусом и высокими добродетелями, она оставалась, несмотря на возраст, очаровательной и приветливой. Самым неприятным в ее окружении был, конечно, ее муж, строгий и суровый герцог де Монтозье, который исповедовал безоговорочную любовь к истине, что является очень неудобным качеством в том обществе, где всегда присутствует немного лицемерия. Он родился в семье сторонников Реформации, но отрекся от своей веры, чтобы жениться на прелестной Жюли д'Аржен.

«Вот такие-то и бывают самыми несговорчивыми», – думала Анжелика, вспоминая эту последнюю подробность.

– Моя бедная милочка, – целуя ее, сказала мадам де Монтозье, – я вижу вас в трауре и знаю тому причину. Ваше горе из тех, что смягчаются с годами, но не находят утешения. Вы видите, что я тоже взволнована этой вестью. Ваш мальчик обладал всеми достоинствами.

Они еще поговорили о Канторе, а потом Анжелика изложила свою просьбу, касающуюся Флоримона. Мадам де Монтозье заверила, что герцог сочтет ее вполне естественной. Да и поездка дофина к отцу во Франш-Конте откладывалась.

– Все считают, что его величество не намерен вести в этом году долгую кампанию. Даже «дам» не пригласили за ним последовать.

Двор не смутился странной ситуацией, возникшей из-за появления мадам де Монтеспан рядом с мадемуазель де Лавальер. Их просто называли «дамы», при случае имея в виду и королеву.

– Мадам де Монтеспан очень огорчилась таким решением. Она надеялась, что пригласят только ее одну. Но открыто король никогда не отвергал Лавальер. По крайней мере, пока ситуация с мадам де Монтеспан грозит вызвать скандал...

– Скандал затихнет.

– А может, и нет, моя крошка. Дело в том, что ее муж крайне несговорчив. Никто этого не ожидал, но это так. Еще немного, и король будет прятаться в шкафу при появлении при дворе месье де Монтеспана. Он не знает, с какого конца к нему приступить. В прошлый раз этот сумасшедший гасконец бежал по большой галерее Версаля и заявлял направо и налево на своем непередаваемом наречии: «Я рогоносец, да-да,

друзья мои, я рогоносец, рогоносец, и даже рогоносец с большой буквы „Р“...» Вы смеетесь, и я рада, что немного развеселила вас. Но мадам де Монтеспан приехала ко мне и проплакала весь день. Она сказала, что именно из-за этого король укрылся во Франш-Конте... И возможно, она не ошиблась.

При этих словах появилась обсуждаемая персона в сопровождении мадемуазель Дезёйе, своей камеристки, и негритенка Наамана с попугаем.

Мадам де Монтеспан не стала тратить время на приветствия. Ее обычно цветущее лицо на этот раз выглядело поблекшим. К тому же она казалась растерянной.

– Похоже, что муж меня разыскивает, – заявила она. – Я хочу спрятаться у вас.

– Ну же, не волнуйтесь так, мой бедный друг, – ответила мадам де Монтозье. – Это становится у вас наваждением.

– Я уже не сплю по ночам, – простонала Атенаис, бросаясь на диван. – Я не знаю, до какой крайности он может пойти.

– Успокойтесь. Сейчас жарко, и поэтому вы нервничаете. Я прикажу принести чего-нибудь прохладительного, и вам станет лучше.

Постоянно вздыхая, мадам де Монтеспан соизволила пригубить сироп оршад. Но она оставалась начеку.

– Вы ничего не слышите?

Женщины замолчали и прислушались.

– Клянусь, это наш Пардаян, – сказала Анжелика, когда в коридорах раздались раскаты громового голоса.

– Заклинаю вас, закройте дверь! – воскликнула Атенаис.

Но мадам де Монтозье не успела этого сделать. Грубо распахнув дверь и откинув негритенка Наамана, оказавшегося у него на пути, в комнату ворвался месье де Монтеспан и бросился к своей жене:

– А, вот где эта шельма, эта распутница! Вам не удастся постоянно убегать от меня! Если я на время оставил вас в покое, так на то были свои причины. Но теперь я готов отомстить...

– Месье де Монтеспан, я считаю, что вы забываетесь, – с достоинством заметила мадам де Монтозье.

Маркиз грубо оборвал ее:

– А вы там заткнитесь! Я разбираюсь вот с этой... С этой и с королем!

Мадам де Монтозье вскрикнула и схватилась за сердце.

Но мадам де Монтеспан умела отражать нападения.

– Как вы осмеливаетесь, наглец, без капли стыда упоминать имя короля! – закричала она.

– А-а, так это я должен стыдиться?

– Вот именно! Король всегда проявлял великодушие по отношению к вам. Он не заслужил, чтобы с ним препирался такой негодяй, как вы.

– Это я вам скажу, чего он заслуживает! – проревел Пардайан. – Он заслуживает, чтобы вы наградили его дурной болезнью!

– Дурной болезнью... Но у меня ее нет!

– Так она у вас будет, – парировал тот с жутким смешком, – потому что у меня она есть, а я передам ее вам, как и должно быть между добрыми супругами.

– На помощь! Он помешался! – завопила Атенаис, прячась за диваном.

Ее муж принялся за ней бегать. От ужаса мадам де Монтозье в полуобморочном состоянии упала в кресло. Слуги и служанки толпились в дверях.

Анжелика, повиснув на руке маркиза, тщетно пыталась его удержать и урезонить.

– Отпустите, – рычал он, – эта потаскуха должна за все заплатить.

– Но, Пардайан, вы ведь сами этого хотели?

– Что?! – удивился он, прекращая преследование. – Что?! Это я по своей собственной вине стал рогоносцем?

– Да, несомненно. Почему вы не разрешили Атенаис покинуть двор, когда она попросила вас об этом? Напротив, вы поощряли ее оставаться и нравиться королю. И вот теперь вы вопите. Вы нелогичны!

– Нелогичен! – с театральным жестом воскликнул он. – Не логичен! А что такое логика? Нет, мадам, вы не знаете гасконцев!

– Слава богу!

– Целая пропасть лежит между тем, что могло бы быть и что есть на самом деле. И я не желаю мириться с тем, что ныне связывает мою жену с королем. Повторяю, оставьте меня в покое. Я недаром стремился заполучить дурную болезнь в трущобах улицы Валь-д'Амур^[9], он мне послужит... Ах, какая потаскуха!

Но мадам де Монтеспан воспользовалась этой небольшой передышкой и убежала.

– Отложите все на время, маркиз, – посоветовала Анжелика.

Она уговорила Пардайана сопровождать ее, отвезла его в Париж и доставила в Люксембургский дворец, где Великая Мадемуазель приняла его под свое крылышко и поклялась, что «дочиста его выберит».

Глава XXVII

Этот инцидент немного развлек Анжелику. Она вернулась в свой особняк и с удивлением встретила Сент-Эньяна, приехавшего из Франш-Конте, который вручил ей пакет от короля.

– От короля?

– Да, мадам.

Анжелика ушла к себе, чтобы прочесть послание.

«Мадам, то участие, которое мы приняли в горе, поразившем вас в связи с гибелью сына, находившегося, несмотря на свой юный возраст, на нашей службе, побуждает нас с возросшим интересом подумать о будущем вашего старшего сына, Флоримона де Моран-Бельера. Мы пожелали воспитать его для исполнения высоких обязанностей и привлечь к нашему дому как пажа-виночерпия под началом месье де Дюшена, главного виночерпия. Мы будем счастливы видеть его без промедления исполняющим свои новые обязанности в войсках, и мы желаем, чтобы вы сопровождали его в этом путешествии.

Людовик».

Задумчиво покусывая губу, молодая женщина помедлила над подписью, выведенной властным почерком: ЛЮДОВИК. Флоримон – королевский виночерпий! Юные наследники самых знатных семей Франции оспаривали друг у друга эту обязанность, купить которую стоило огромных денег. Для маленького, никому не известного Флоримона представлялось небывалым счастьем получить эту должность. Об отказе не могло быть и речи. Однако Анжелике не хотелось его сопровождать. Она раздумывала два дня. Но было бы нелепо дуться, когда подобное приглашение позволит ей повидаться с Филиппом и поможет вырваться из одолевавших ее грустных мыслей.

Наконец она отправилась в Сен-Жермен за Флоримоном. Мадам де Монтозье не приняла ее. От переживаний, причиненных маркизом де Монтеспаном, бедная женщина слегла в постель. Весь двор горячо обсуждал происшедшее. Немногочисленные свидетели не скупилась на подробности, и даже если бы у кого-то возникло желание забыть о случившемся, то попугай маркизы вещал об этом на все четыре стороны света.

– Рогоносец! Рогоносец! – в крайнем возбуждении кричала птица. В смысле ее бормотания, наполненного звукоподражанием, нельзя было ошибиться, в нем ясно звучали слова: «Льюис! Шлюха!»

Даже слуги были в постоянном напряжении, потому что на людях им приходилось сдерживать приступы хохота.

Мадам де Монтеспан с большим мужеством продолжала высоко держать голову и, чтобы ослабить пересуды, всем своим видом показывала, что не принимает вещи всерьез. Но, увидев Анжелику, она расплакалась и попыталась узнать, что происходит с ее мужем.

Анжелика объяснила, что Мадемуазель удалось его успокоить и что в данный момент он дал обещание вести себя тихо.

Атенаис осушила гневные слезы:

– Ах, если бы вы только знали! Меня так оскорбляет, что мой муж и попугай служат предметом развлечения для всякого сброда... Я написала королю. Надеюсь, что на этот раз моего мужа строго накажут.

Анжелика сделала неопределенный жест. В данной ситуации она сочла момент неподходящим для сообщения Атенаис о том, что его величество пригласил ее приехать в войска.

Карета прибыла в Табо вечером. Смеркалось, и Анжелика приказала отвезти себя в таверну. Она могла бы приехать и в лагерь, расположенный довольно близко на равнине, где уже один за другим зажигались сторожевые огни. Но после двухдневного путешествия по разбитым дорогам она чувствовала себя усталой. Флоримон, волосы которого растрепались, спал, уткнувшись подбородком в смятое кружевное жабо. В таком виде невозможно представить его королю. Барышни де Жиландон спали, запрокинув голову и открыв рот. Мальбран, по прозвищу Укол Шпаги, храпел, как людоед. Только аббат Ледигьер сохранял достойную позу, несмотря на пыль, покрывавшую его лицо. Стояла изнуряющая жара, и все были ужасно грязными.

Таверна оказалась переполненной, близость королевских войск оживила жизнь городка. Но для знатной дамы и ее спутников, явившихся в экипаже, запряженном шестеркой, трактирчики расстарались и выделили две комнаты и мансарду, в которой устроился учитель фехтования. Одну комнату заняли Флоримон с аббатом, а во второй кровать была так велика, что на ней поместились Анжелика и обе ее спутницы. После обильных омовений и плотной трапезы, состоявшей из блюд лотарингской кухни (открытый пирог с жирной ветчиной, сосиски, молодая капуста в сливочном масле и сливовое пюре), – все отправились на заслуженный

отдых, чтобы наавтра встретить новый день, короля и придворную жизнь в войсках.

Барышни де Жиландон уснули, лежа за пологом кровати. Анжелика, в пеньюаре, заканчивала расчесывать волосы, когда кто-то тихонько поскребся в дверь. Она ответила «войдите» и удивилась, увидев проскользнувшего в приоткрытую дверь проказника Пегилена де Лозена.

– Вот и я, моя несравненная!

Он вошел на цыпочках, подняв палец кверху.

– Черт меня возьми, месье де Лозен, если я ожидала вас здесь увидеть! – воскликнула Анжелика. – Откуда вы?

– Из армии, черт побери! Едва меня достигла новость о вашем прибытии, разнесенная молвой и деревенскими пекарями, как я сел на своего скакуна...

– Пегилен, вы опять хотите доставить мне неприятности?

– Я?! Неприятности?! Что вы называете неприятностями, неблагодарная? Кстати, вы здесь одна?

– Нет, – ответила Анжелика, кивнув на головы в чепчиках с бантами ничего не подозревающих барышень де Жиландон. – Но даже если бы я была одна, это ничего не меняет.

– Ну перестаньте быть злокой. Намерения чисты, во всяком случае в том, что касается меня.

Он возвел горе страдальческий взгляд:

– К несчастью, я действую не от себя!.. Ладно, не будем терять времени. Надо удалить отсюда этих дев.

И, склонившись к ее уху, он прошептал:

– Король здесь. Он хочет вас видеть.

– Король?

– В коридоре.

– Пегилен, ваши шуточки переходят все границы. Я наконец рассержусь.

– Клянусь вам, что...

– Вы утверждаете, что король...

– Ш-ш-ш!.. Успокойтесь. Его величество хочет встретиться с вами тайно. И вы понимаете, что никто не должен узнать короля.

– Я вам не верю, Пегилен.

– Это уж слишком! Говорю вам, удалите этих спящих и тогда увидите, лгу ли я вам.

– Но куда же я их дену? Может быть, в постель к Мальбрану?

Анжелика встала и решительно завязала поясок своего халата.

– Раз вы говорите, что король в коридоре, так я его и приму в коридоре.

Она вышла и, растерявшись, остановилась перед высоким человеком, застывшим возле двери.

– Мадам права, – прозвучал из-под серой бархатной маски голос короля. – В конце концов, этот коридор тоже неплох. Он достаточно освещен и совершенно безлюден. Пегилен, друг мой, не соизволите ли вы спуститься вниз, чтобы не допустить неприятных встреч?

Король положил руки на плечи молодой женщины. Затем он, спохватившись, снял маску. Это действительно был король. Он улыбнулся.

– Нет, мадам, не надо реверансов.

Он отодвинул браслеты на ее запястьях, взял за руки и ласково привлек к ночнику, который горел перед статуэткой Мадонны в нише.

– Я спешил вас увидеть.

– Сир, – решительно отвечала Анжелика, – я уже сообщала мадам де Монтеспан, что отказываюсь играть роль ширмы, которой она меня так искусно наградила, и мне хотелось бы, чтобы ваше величество поняли, что...

– Вы твердите все одно и то же, моя драгоценная. Но ведь вы достаточно умны, чтобы найти и другие темы.

– ?..

– Ну же, вы ведь видите, что сегодня речь идет не о ширме и не о комедии. Если бы я вас искал с той целью, которую вы мне приписываете, то зачем бы я стал надевать маску и прятаться, направляясь к вам?

Справедливость этого аргумента обезоружила Анжелику.

– Значит...

– Значит, все очень просто, мадам. Я не стремился вас полюбить... Но вы очаровали меня какой-то тайной силой, о которой, похоже, вы и сами не подозреваете. И я не в состоянии позабыть ни ваших глаз, ни ваших губ... Ни того, что у вас самые прелестные ножки во всем Версале.

– Мадам де Монтеспан тоже красавица. Она даже красивее меня, сир. И она любит вас, ваше величество.

– Тогда как вы?..

Какая-то завораживающая сила исходила из этих требовательных глаз, в глубине которых горели золотые искорки. Когда его губы коснулись ее губ, Анжелика хотела уклониться, но не смогла. Король настаивал, силой преодолевая оборону ее сжатых губ и стиснутых зубов. Когда он добился своего, она безвольно сдалась, сломленная натиском повелителя, не знающего преград. Их горячий, ненасытный поцелуй длился долго. И он не

выпускал ее из объятий, пока она не ответила на его страстные чувства. Наконец, с затуманенным сознанием, она почувствовала себя свободной и без сил прислонилась к стене. Ее покрасневшие припухшие губы дрожали.

Король чувствовал, как пульсирует жила на ее горле под натиском желаний.

– Я день и ночь мечтал об этом поцелуе, – сказал он вполголоса. – Мечтал увидеть вас вот такой, с закинутой головой, с закрытыми глазами, увидеть в полумраке вашу трепещущую грудь... Неужели я покину вас сегодня вечером?.. Нет, у меня на это нет сил. Это тихий постоянный двор и...

– Пощадите, сир, – взмолилась Анжелика, – не доводите меня до бессилия, от которого меня охватывает ужас.

– Ужас? Но я же почувствовал ваше ответное чувство, и существуют знаки согласия, в которых нельзя обмануться.

– Что я могла поделать? Ведь вы король!

– А если бы я не был королем?

К Анжелике вернулась ее обычная горячность, и она вызывающе ответила:

– Я влепила бы вам пару пощечин!

Разгневанный король сделал несколько шагов по коридору:

– Честное слово, вы приводите меня в бешенство! Откуда такое презрение? Неужели в ваших глазах я недостойный любовник?

– Сир, вам никогда не приходило в голову, что маркиз дю Плесси-Бельер ваш друг?

Немного смутившись, молодой государь опустил голову:

– Конечно, он верный друг, но я не думал, что сильно его огорчаю. Всем известно, что у прекрасного бога Марса только одна возлюбленная: война. Ему вполне достаточно того, что я поручаю ему войска и отдаю приказ вести их на поле брани. Его не волнуют сердечные дела, он неоднократно это доказывал.

– Но он доказал, что любит меня.

Король, вспомнив о придворных сплетнях, заметался по коридору, как зверь в клетке:

– Марс, покоренный прелестями Венеры! Поверить не могу! Но и то правда, что вы способны совершить подобное чудо.

– А если я вам скажу: сир, я люблю его и он тоже любит меня. Это новое и вполне закономерное чувство. Неужели вы разрушите эту любовь?

Король внимательно посмотрел на нее. В нем происходила борьба между неудержимой страстью и человеческой порядочностью.

– Нет, я ее не разрушу, – сказал он наконец с глубоким вздохом. – Если все так, то я склоняюсь перед вашим чувством. Прощайте, мадам. Спите спокойно. Завтра в лагере я увижу вас вместе сыном.

Глава XXVIII

Филипп ожидал ее возле королевского шатра. Он выглядел очень серьезным в костюме голубого бархата, отделанном золотым сутажом. Поклонившись, он подал Анжелике руку, высоко поднял ладонь и повел ее через толпу придворных к столу, накрытому кружевной скатертью и уставленному золотой и серебряной посудой, к которому подходил король.

– Здравствуйте, муж мой, – сказала вполголоса Анжелика.

– Здравствуйте, мадам.

– Увижу ли я вас сегодня вечером?

– Если я буду свободен от королевской службы.

Его лицо оставалось холодным, но пальцы многообещающе пожали ее руку.

Король смотрел, как они подходили.

– Есть ли более красивая пара, чем маркиз и маркиза дю Плесси-Бельер? – сказал он главному камергеру.

– Вы правы, сир.

– И к тому же они надежные и верные слуги, – грустно прибавил король.

Де Жевр украдкой посмотрел на короля.

Анжелика склонилась в глубоком реверансе. Король подал ей руку и помог подняться. Она заметила, что он мрачно ее оглядывает – от светлых волос, украшенных драгоценными камнями, до кончиков белых атласных туфель, выглядывающих из-под парчового платья, отделанного гирляндами васильков. Она оказалась единственной женщиной, приглашенной на ужин к королевскому столу. Многие из толпившихся здесь вельмож в течение долгих месяцев военной кампании не имели удовольствия любоваться столь красивой женщиной.

– Маркиз, ты счастливее, что обладаешь таким сокровищем, – сказал король. – Сегодня вечером каждый мужчина – и твой государь в их числе – завидует твоей судьбе. Мы надеемся, ты понимаешь это. Всем известно, что дым сражений, запах пороха и опьянение победами иногда тебя ослепляли и делали равнодушным к прекрасному полу.

– Сир, бывает свет, который виден и слепому, и он внушает вкус к другим победам.

– Достойный ответ, – рассмеялся король. – Вы заслужили ваши лавры, мадам.

Он продолжал удерживать руку Анжелики, а другой рукой обнял Филиппа за плечи тем непринужденным жестом, властную силу которого он хорошо знал и которым охотно пользовался в непринужденной обстановке лагеря.

– Марс, друг мой, – сказал он тихо, – судьба щедро тебя одарила, но я не завидую. Я ценю твои заслуги и твою верность. Ты помнишь ту первую битву – нам было тогда по четырнадцать лет, – когда ветром от пролетающего ядра сорвало мою шляпу. Ты побежал за нею под стены крепости.

– Да, я помню, сир.

– С твоей стороны это было чистым безумием. А потом ты совершил на моей службе много других смелых поступков.

Король был немного ниже светловолосого Филиппа и рядом с ним казался почти брюнетом. Но им придавали сходство гармонично сложенные, гибкие и мускулистые тела, развитые, как это было обычным для юношей той эпохи, гимнастическими упражнениями, верховой ездой и ранним знакомством с войной.

– Слава оружия может затмить любовь, но может ли любовь заставить позабыть дружбу по оружию?

– Нет, сир, я так не думаю.

– Таково и мое мнение... Но для нас, солдат, это слишком высокая философия, мой маршал. Мадам, прошу вас к столу.

Филипп остался стоять. Он помогал главному камергеру. Среди присутствующих Анжелика оказалась единственной женщиной, и она сидела по правую руку от короля, на месте королевы. Король не сводил пылкого взгляда с ее склоненного профиля и тяжелых украшений, бросавших отблеск на бархатистую кожу щеки при каждом ее движении.

– Улеглись ли ваши сомнения, мадам?

– Сир, меня обезоруживает доброта вашего величества.

– Речь не идет о доброте. Увы, моя драгоценная, мы бессильны против любви! – произнес король с грустью. – Это чувство не терпит полумер. Если я не могу позволить себе низость, то вынужден действовать великодушно, и любой обычный мужчина на моем месте был бы вынужден поступать так же... Вы заметили, как прекрасно ваш сын справляется со своими обязанностями?

Он указал ей на Флоримона, который помогал виночерпию. Когда король просил вина, главный виночерпий, предупрежденный слугой, шел в буфет за подносом, на котором уже стоял графин с водой, графин с вином и высокий бокал на ножке. Затем он подходил к главному камергеру, а

юный паж нес перед ним «пробу». Это была серебряная чаша, куда главный камергер наливал немного воды и вина, и главный виночерпий выпивал ее. После этой пробы, служившей доказательством, что королевское питье не отравлено, наполняли бокал, который благоговейно поддерживал Флоримон. Мальчик исполнял этот ритуал с серьезностью церковного служки.

Король сказал ему пару слов, отметил его сноровку, и Флоримон поблагодарил короля, низко склонив в поклоне свою кудрявую головку.

– Ваш сын не похож на вас: у него черные глаза и волосы. Он красив, как южанин.

Анжелика вспыхнула, а вслед за тем побледнела. Ее сердце учащенно забилось. Король прикрыл ее руку своей:

– Как вы впечатлительны! Когда же вы перестанете бояться? Вы все еще не поняли, что я не причиню вам зла?

Когда они встали, рука короля на ее талии, которой он подталкивал ее пройти первой, взволновала Анжелику больше, чем какой-нибудь смелый жест.

Она возвращалась вместе с Филиппом через весь лагерь, где красные отблески бивачных огней смешивались с золотистым ореолом свечей, горящих в шатрах принцев крови и офицеров.

В шатре маршала дю Плесси из желтого атласа с золотой вышивкой – чудо изысканности в полевых условиях – стояли два кресла из ценных пород дерева и низкий турецкий столик. На роскошном ковре были разбросаны подушки для сидения, шитые золотом, а обитый штофом диван придавал всей обстановке восточный характер. Красавца-маркиза не раз упрекали в склонности к роскоши. Таких удобств не имел в походе даже король, но Анжелика растрогалась, взволнованная подобным открытием. Разве не требовалось особых душевных усилий и непреклонной воли, чтобы атаковать врага в кружевном воротнике, а вечером накануне битвы появляться с перстнями на пальцах, с надушенными усами и в начищенных сапогах, неизбежно сталкиваясь с путом, грязью и вшами – постоянными спутниками военных походов?

Филипп отстегнул перевязь. Вошли Ла Вьолет и юноша, прислуживавший маршалу. Они расставили на столе фрукты, вина и пирожные. Слуга подошел к хозяину, чтобы помочь ему раздеться, но тот удалил его нетерпеливым жестом.

– Должен ли я позвать ваших служанок? – спросил он у Анжелики.

– Не думаю, что в этом есть нужда.

Она оставила Жавотту и барышень де Жиландон на попечение хозяина

постоялого двора, а с собой взяла довольно нелюдимую горничную Терезу. Она помогла своей хозяйке снять украшения и тоже удалилась, и теперь было бесполезно ее искать.

– Вы сами мне поможете, Филипп, – сказала Анжелика с улыбкой. – Думаю, что мне следует еще многому вас научить в этом деле.

Она подошла и ласково положила голову ему на плечо:

– Вы рады меня видеть?

– Увы, очень!

– Так почему же «увы»?

– Вы занимаете слишком много места в моих мыслях. Я узнал незнакомое мне ранее чувство ревности.

– Почему это вас тревожит? Я люблю вас.

Вместо ответа он уткнулся лбом в ее плечо. В полутьме перед Анжеликой вновь возникли пылающие глаза короля.

– Филипп, когда же вы вернетесь? – спросила она. – Когда мы научимся жить вместе?

Он отодвинулся и посмотрел на нее с иронией.

– Жить вместе? – повторил он. – Разве это сообразуется с положением маршала королевских войск и знатной придворной дамы?

– Но я хотела бы покинуть двор и удалиться в Плесси.

– Вы настоящее исчадие ада! Было время, когда я во все горло орал, умоляя вас вернуться в Плесси, а вы скорее дали бы себя растерзать, чем покорились. А теперь слишком поздно.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы исполняете важные обязанности. Одну из них на вас любезно возложил король. Отказавшись от нее, вы серьезно его огорчите.

– Но как раз из-за короля я и хочу удалиться, Филипп. Король...

Она подняла глаза и увидела его застывшее выражение лица: он опять от нее отдалился.

– Король... – с тревогой повторила она.

Анжелика не посмела продолжить и начала машинально раздеваться. Филипп погрузился, казалось, в глубокую задумчивость.

«После всего, что сказал ему сегодня король, – подумала она, – он поймет... Если давно уже не понял... Может быть, он все понял даже раньше меня?»

Однако он подошел к ложу, где молодая женщина, стоя на коленях, распускала волосы. И когда она попыталась обнять его за плечи, он не отстранил ее поднятых рук.

Пальцы мужчины ласкали под легкой тканью податливые формы

прекрасного тела, которое она дарила ему. Его рука гладила гибкую талию, теплую ложбинку бархатистой спины, потом возвращалась к полным грудям, немного отяжелевшим после рождения ребенка, но крепким и упругим.

– Лакомый королевский кусочек! – пробормотал он.

– Филипп! Филипп!

Они долго молчали, словно пораженные невысказанным страхом.

Снаружи кто-то позвал:

– Господин маршал! Господин маршал!

Филипп подошел к выходу из шатра.

– Только что поймали шпиона, – объяснил гонец. – Вас требует его величество.

– Не уходи, Филипп! – взмолилась Анжелика.

– Как бы я выглядел, если бы не явился по приказанию короля, – возразил он со смехом. – На войне как на войне, радость моя. В первую очередь мною распоряжаются враги короля.

Он пригладил перед зеркалом усы и пристегнул шпагу.

– Как там пел ваш сын Кантор?.. Ах да:

Прощай, моя жизнь, пусть тебя я люблю,
Пусть сердце зажато в тиски,
Служить мы должны своему королю
До самой могильной плиты.

Всю ночь Анжелика тщетно ждала Филиппа в расшитым золотом шатре. Наконец она уснула на мягком диване, застланном шелками. Когда она проснулась, все вокруг было залито дневным светом, пробивавшимся через желтый атлас шатра, казалось, что снаружи ярко светит солнце. Но, выйдя наружу, она обнаружила грустное туманное утро и облака, отражавшиеся в лужах. Ночью прошел дождь. Залитый грязью лагерь был почти безлюден. Вдали слышался звук трубы, игравшей зорю, и непрерывный гул канонады.

Она приказала Мальбрану Укол Шпаги оседлать лошадь. Какой-то военный указал ей дорогу на плато.

– Оттуда, мадам, вы сможете следить за сражением.

На плато она увидела де Сальнова, расположившего свои части у края обрыва. Справа в небе медленно вращала крыльями ветряная мельница. Робкое солнце пыталось пробиться через облака.

Приблизившись, Анжелика увидела уже привычную панораму осажденного городка, обнесенного валами, за которыми сгрудились крыши, покрытые сланцем, островерхие колокольни и готические башни. Красивая речка светлой лентой опоясывала городок.

Французские батареи выстроились в верховьях долины. Виднелись три ряда пушек, они защищали отряды пехотинцев, на касках и высоких пиках которых играли тысячи солнечных зайчиков. Какой-то гонец галопом скакал по долине. Перед войсками сновали люди в ярких костюмах. Кончиком хлыста де Сальнов указал на них Анжелике:

– Сам король рано утром отправился на передовую. Он убежден, что лотарингский гарнизон скоро сдастся. Его величество и офицеры генерального штаба всю ночь глаз не сомкнули. Вчера вечером поймали шпиона, который сообщил, что гарнизон города готовится произвести ночью вылазку. Действительно, были такие попытки, но мы не теряли бдительности и те были вынуждены отказаться от своих планов. Они скоро сдадутся.

– Но мне кажется, что обстрел очень интенсивный.

– Это последние залпы. Комендант крепости Доль не может сложить оружие, не растратив всех боеприпасов.

– Мой муж вчера вечером говорил то же самое, – заметила Анжелика.

– Я рад, что он придерживается того же мнения. У маршала тонкое понимание войны. Мне кажется, что мы можем начинать готовиться к победоносному ужину в Доле...

Гонец, которого они видели на равнине, появился на повороте дороги. Проезжая мимо, он прокричал:

– Месье дю Плесси-Бельер!..

Увидев Анжелику, он вдруг умолк, натянул поводья и попятился.

– В чем дело? Что случилось? – спросила она с ужасом. – Что-то с моим мужем?

– Да.

– Так что же случилось? – вмешался Сальнов. – Что случилось с маршалом? Отвечайте, месье. Маршал ранен?

– Да, – отвечал запыхавшийся прапорщик, – но это не очень серьезно... Успокойтесь. Король рядом с ним... Маршал очень неосторожно себя повел и...

Анжелика погнала коня по тропинке, ведущей с холма. Спускаясь, она двадцать раз едва не сломала себе шею, а оказавшись внизу, натянула поводья и бешено поскакала по долине.

Филипп ранен!.. Ее внутренний голос твердил: «Я так и знала... Я так

и знала, что это случится». Город приближался, приближались пушки и частокол пик пехотинцев, расположенных неподвижным каре. Но она видела только людей в красивой форме, теснившихся возле передовых пушек.

Когда она почти подскакала, какой-то всадник выехал ей навстречу. Она узнала Пегилена де Лозена и, задыхаясь, закричала:

– Филипп ранен?

– Да.

Подъехав к ней, он объяснил:

– Ваш муж был очень неосторожен! Король пожелал узнать, не ускорит ли ложный приступ капитуляцию осажденных, и месье дю Плесси решил выяснить обстановку. Он бросился к насыпи, которую вражеские пушки обстреливали с самого утра.

– И... это серьезно?

– Да.

Анжелика заметила, что Пегилен перегородил ей дорогу. На нее навалилась свинцовая тяжесть, а сердце в груди похолодело и замерло.

– Он убит, да?

Пегилен склонил голову.

– Пропустите меня, – сказала она бесцветным голосом. – Я хочу его видеть.

Придворный не двинулся.

– Пропустите! – закричала Анжелика. – Это мой муж! Я имею право! Я хочу его видеть!

Пегилен подъехал вплотную и одной рукой ласково и сочувственно привлек ее к своему плечу.

– Лучше не надо, голубушка, лучше не надо, – пробормотал он. – Увы! Наш красавец-маркиз... Ему снесло ядром голову!

Анжелика рыдала. Она безудержно рыдала, рухнув на диван, на котором напрасно ждала его всю ночь.

Она не принимала утешений, отказывалась слушать нелепые пошлые слова. Горничные, слуги, Мальбран Укол Шпаги, аббат де Ледигьер, ее сын – все толпились перед шатром, напуганные ее рыданиями. Она твердила себе, что это невозможно, однако в глубине души уже понимала, что утрата необратима. Она не сможет в последний раз по-матерински прижать к сердцу – о чем она так мечтала! – его бледный холодный лоб, никогда не знавший ласки, поцеловать навсегда закрывшиеся веки с длинными ресницами и тихонько прошептать: «Я полюбила тебя... тебя»

первого... еще тогда, полюбила тебя своим неопытным девичьим сердцем...»

Филипп! Филипп в бледно-розовом. Филипп в голубом. Окутанный снежно-белым и золотым. Светлый парик. Красные каблуки. Филипп и его рука на головке малыша Кантора...

Филипп с кинжалом, его рука на горле дикого зверя.

Филипп дю Плесси-Бельер, такой прекрасный, что король называл его богом Марсом, а художник увековечил на плафоне Версаля, изобразив его на колеснице, запряженной волками.

Почему его не стало? Почему он ушел? «С порывом ветра», – как говорила Нинон. Со страшным и обжигающим порывом ветра войны. Почему он был так неосторожен?

Те же слова, сказанные гонцом и маркизом де Лозеном, всплыли в ее памяти. Она привсталала.

– Почему, Филипп?.. – прошептала она. – Зачем ты это сделал?

Шелковое полотнище откинулось, и она увидела склоненного в поклоне главного камергера де Жевра.

– Мадам, пришел король, он желает выразить свои соболезнования и чувство тяжелой утраты.

– Я никого не хочу видеть...

– Мадам, здесь сам король.

– Я не хочу видеть короля! – закричала Анжелика. – А главное, я не хочу видеть этих сплетничающих разряженных петухов, которых он таскает за собой и которые будут обсуждать у меня под носом, кто наследует место маршала.

– Мадам... – выдохнул ошеломленный де Жевр.

– Убирайтесь! Убирайтесь!

Анжелика откинулась назад, зарывшись лицом в подушки. Горе опустошило ее, лишило всех мыслей, она была неспособна ни думать, ни взять себя в руки, чтобы продолжать жить.

Вдруг сильные руки опустились ей на плечи и решительно подняли. Несмотря на охватившее ее оцепенение, она ощутила исходящее от них спасительное чувство успокоения. Для Анжелики никогда не существовало лучшего утешения, чем поддержка крепкого и надежного плеча мужчины. Она решила, что это де Лозен, и громко разрыдалась, уткнувшись в складки коричневого бархатного камзола, пахнувшего ирисом.

Наконец сила ее отчаяния ослабела. Она подняла покрасневшие глаза и встретила с глубоким, проникновенным взглядом ласковых карих глаз.

– Я выставил за дверь этих... господ, – сказал король. – Прошу вас,

мадам, умерьте ваше горе. Не впадайте в отчаяние. Ваша боль ранит мне душу...

Очень медленно Анжелика освободилась из его объятий. Она выпрямилась, отступила на несколько шагов и прислонилась к золотистому атласу шатра. Вокруг ее головы образовался золотой нимб, и в темном платье, бледная и страдающая, она стала похожа на персонаж одной из старинных миниатюр, где прямые неподвижные фигуры плачут у подножия креста.

Но ее глаза, устремленные на короля, пылали как угли и постепенно приняли жесткое выражение. Однако заговорила она сдержанно:

– Сир, умоляю ваше величество позволить мне удалиться в мои земли в Плесси.

Король чуть заметно запнулся:

– Позволяю, мадам. Я понимаю ваше стремление к уединению и покою. Отправляйтесь в Плесси. И можете там оставаться до конца осени.

– Сир, я хотела бы освободиться от всех должностей.

Он ласково покачал головой:

– Не поддавайтесь унынию. Время врачует раны. Я не выставлю ваши патенты на продажу.

Анжелика выразила слабый протест. Но глаза под прикрытыми веками перестали сверкать, и вновь заструились слезы, оставляя на щеках длинные блестящие следы.

– Обещайте, что вернетесь, – настаивал король.

Она молчала и оставалась неподвижной. Только в горле бились беззвучные рыдания.

Король любовался ее необыкновенной красотой. Он испугался, что потеряет ее навсегда, и сдался, не настаивая больше на обещании.

– Версаль будет вас ждать, – сказал он мягко.

Часть третья
Король

Глава XXIX

Всадник скакал по широкой дубовой аллее. Он обогнул пруд, где отражалась золотая осенняя листва, и вновь появился перед небольшим подъемным мостом. Зазвонил колокол.

Анжелика наблюдала из окон спальни. Всадник спешил. Она узнала цвета ливреи слуг мадам де Севинье и догадалась, что этот всадник – гонец, посланный маркизой. Она набросила на плечи бархатный плащ и поспешно сбежала с лестницы, не дожидаясь, пока вышколенная служанка подаст ей послание на серебряном подносе. Через несколько минут, отправив гонца на кухню поесть и обогреться, она вновь поднялась наверх и села возле камина, с восторгом рассматривая послание. Всего лишь письмо от подруги, но для Анжелики оно представлялось самым изысканным развлечением.

Стояла поздняя осень. Скоро зима, и только одному Богу известно, как безрадостна зима в Плесси. Прелестный замок в стиле ренессанс, построенный для сельских развлечений, выглядел оцепеневшим и застывшим на фоне голых ветвей деревьев Ньельского леса. Иногда по вечерам на окраинах парка раздавался волчий вой. Анжелика страшилась повторения прошлогодних мрачных вечеров, которые почти сводили ее с ума, когда она переживала свое горе.

Весна принесла успокоение. Целыми днями Анжелика скакала по полям. Но постепенно тягостная обстановка края снова навела на нее тоску. Война тяжело отзывалась на сельских жителях. Озлобленное население Пуату вновь поговаривало о том, что следует утопить сборщиков налогов, и к таким насильственным действиям людей побуждала не столько нищета, сколько провокации деревень, где жили протестанты, влияние которых все больше распространялось, вызывая кровавые стычки с католиками. Создавалась безвыходная ситуация. Анжелика, уставшая от жалоб, уже ни на что не обращала внимания. Она все больше уединялась.

Ее ближайшим соседом был интендант Молин. Немного дальше находился замок Монтелу, где жил ее престарелый отец вместе с кормилицей и тетушкой Мартой. Визиты наносил, пожалуй, только один мелкий дворянин де Круассек, тяжеловесный и ворчливый, как дикий кабан. Он настойчиво за ней ухаживал, и Анжелика просто не знала, как от него отделаться.

Молодая женщина нетерпеливо сломала печать и начала читать.

«Моя дорогая, – писала любезная маркиза, – я обращаюсь к вам с потоком упреков и с выражением нежных чувств, которые вы, с вашим умом, сумеете понять и распознать в них мою глубокую к вам любовь. Вы забыли меня на многие месяцы. Вы затворились, не дав подругам возможности поддержать вас в обрушившемся на вас несчастье. Нинон, как и я, опечалена вашим исчезновением. Когда я отказалась от любви, то наполнила свое сердце чувством дружбы. И вот теперь моя бесполезная, ненужная дружба отвергнута и я лишилась своего единственного богатства.

Но хватит упреков, я оставляю эту тему, потому что, как и многие другие, и не только мужчины, слишком вас люблю. Ваше очарование и простота снискали вам расположение даже у тех, кто мог бы считать вас соперницей. Без вас скучают. Иногда непонятно, как прикрепить ленту или бант, не посоветовавшись с вами. Мода сомневается и боится ошибиться, не встретив одобрения вашего прекрасного вкуса. И тогда обращаются к мадам де Монтеспан, у которой тоже отличный вкус, но которая вовсе не сожалеет о вашем отсутствии. Короче говоря, она царит. Она громогласно торжествует. И тем смелее, что ее муж получил награду за свои выходки. Король вручил ему пять тысяч ливров и приказ отправиться в Руссильон и не покидать его. Неизвестно, не нарушит ли он этот приказ, но сейчас он там.

И раз уж я рассказываю вам о моде и говорю, что мадам де Монтеспан диктует ее изменения, то, верно, не удивлю, сказав, что она приспособливает ее к своему состоянию. Она придумала юбки, которые только спереди, но не сзади поддерживаются на легких обручах. Это позволяет фигуре свободно расцветать в определенном положении, полностью сохраняя видимость тайны. Можно побиться об заклад, что увеличению народонаселения эта мода весьма поспособствует. И первой ею воспользуется мадам де Монтеспан. Она бесстыдна, красива, как никогда, и король глаз с нее не сводит. Бедняжка Лавальер превратилась в призрак, обреченный бродить среди живых. Король устал от этой затянувшейся любовной истории и от нежных рыданий. Ему нужна любовница, делающая ему честь, более требовательная, более устойчивая против зла. А Монтеспан-то уж стойкости не занимать. Об нее разобьется кто угодно. Я не вижу при дворе ни одной женщины, которая могла бы противостоять ей. Я подчеркиваю: сейчас, потому что здесь нет вас. И она тоже это понимает. Она называет вас „эта оборванка“...»

Анжелика прервалась, задохнувшись от гнева. Но рядом не было никого, с кем можно было бы разделить свое негодование, и она продолжила чтение.

«Под ее влиянием Версаль становится волшебным. Я побывала там в этот понедельник, и меня ослепила окружающая красота. В три часа король, королева, Месье, Мадам, Мадемуазель, все принцы и принцессы, мадам де Монтеспан со своей свитой, придворные, дамы, то есть все, кто составляет французский королевский двор, собрались в этом прекрасном жилище короля. Дворец божественно обставлен, все великолепно. Мадам де Монтеспан блистала красотой, вызывая восхищение всех послов. Да, ее красота несравненна, ее драгоценности достойны ее красоты, а ее веселость сравнима с драгоценностями. Она остроумна, изысканно учтива, выражается утонченно, ее красноречие отмечено точностью суждений и делает ее речь совершенно особенной и прелестной. Ее окружение ей подражает, это их отличительный признак.

При выходах ее сопровождают телохранители. При мне ее шлейф несла супруга маршала де Ноай, тогда как шлейф королевы нес простой паж. Она занимает апартаменты в двадцать комнат во втором этаже. А у королевы только одиннадцать и в третьем этаже...»

Анжелика подняла голову. Не с тайной ли мыслью описывает ей маркиза де Севинье блеск и величие мадам де Монтеспан? Эта очаровательная женщина, снисходительная к окружающим, всегда проявляла крайнюю суровость по отношению к красавице Атенаис. Она восхищалась ею, но никогда не испытывала симпатии. «Остерегайтесь, – неоднократно повторяла она Анжелике. – Атенаис из рода Мортемаров. Прекрасна, как море, но столь же коварна. Она потопит вас мимоходом, если вы окажетесь у нее на пути!»

В этом суждении было много правды. Анжелика испытала это на себе. Так почему же мадам де Севинье так старается убедить ее в победе прекрасной жительницы Пуату? Может быть, она надеется задеть Анжелику за живое, чтобы вернуть ее в Версаль – оспаривать то место, которое она не удержала? Мадам де Монтеспан – фаворитка. Король не сводит с нее глаз. Ну что ж, все к лучшему...

В дверь тихонько постучали, и вошла Барба, ведя за ручку маленького Шарля Анри.

– Наш херувимчик хотел бы поздороваться с мамочкой.

– Да, да, – рассеянно откликнулась Анжелика.

Она встала и подошла к окну. Все было неподвижно в этом сером пейзаже.

– Можно он немного здесь поиграет? – продолжила Барба. – Для него это такая радость! Но что это? В комнате совсем не жарко. Огонь вот-вот погаснет!

– Подбросьте полено.

Мальш остался возле двери, зажав в кулачке палочку с маленькой ветряной мельницей. На нем был длинный камзол из голубого бархата, под цвет его глаз. Голубая бархатная шапочка с белыми перышками красовалась на его блестящих золотистых локонах, ниспадавших на шею. Анжелика машинально ему улыбнулась. Ей нравилось наряжать ребенка в дорогие одежды, потому что он был очень красив. Но к чему нести столько расходов здесь, где никто не сможет им любоваться? Как грустно!

– Так я оставлю малыша, мадам? – настойчиво повторила Барба.

– Да нет, мне некогда. Я должна написать ответ мадам де Севинье, ее гонец завтра скачет обратно.

Барба поняла, что хозяйка чем-то озабочена. Она вздохнула и взяла за ручку своего воспитанника. Мальш послушно поплелся за ней. Оставшись одна, Анжелика очинила перо, но не спешила начинать письмо. Ей требовалось подумать. Вспоминался голос, который она тщетно пыталась заглушить: «Версаль будет вас ждать».

Но так ли это? Возможно, Версаль уже позабыл ее, и это к лучшему. Она ведь сама этого хотела. Но теперь ей стало грустно. Она укрылась в замке Плесси, спасаясь от неясной опасности, испытывая потребность принести искупительную жертву в память Филиппа. Она почти сразу покинула Париж. Особняк на Фобур-Сент-Антуан казался ей зловецим. В его темных коридорах ей виделся Филипп, и она вспоминала грустное детство маленького вельможи: слишком красивого, слишком богатого и совершенно заброшенного ребенка.

Сначала она наслаждалась в Плесси пышной осенью и заполняла свое одиночество долгими верховыми прогулками по округе. Но с наступлением холодов одинокое существование сделалось тягостным.

Пришел слуга узнать, где мадам будет ужинать, у себя или в столовой? Конечно у себя! Внизу было страшно холодно, и она – дважды вдова! – была не в силах сидеть в одиночестве во главе длинного праздничного стола, уставленного серебряной посудой.

Анжелика устроилась возле камина перед столиком. Из глазурованных горшочков исходил чудесный аромат, и она принялась поднимать одну за другой крышки, чтобы узнать, что там. И вдруг она с горечью подумала,

что похожа на старую богатую вдову.

Возле нее не было ни одного мужчины, который посмеялся бы над ее милым гурманством... Который полюбовался бы ее руками, которые она то смачивала ароматным лосьоном, то отбеливала тестом по два часа кряду. Который похвалил бы ее прическу. Анжелика бросилась к зеркалу, долго изучала свое отражение и нашла, что прекрасно выглядит.

И несколько раз тяжело вздохнула.

На следующий день к замку подъехала чья-то карета. Месье и мадам де Роклор направлялись в свои земли в Арманьяке. Они сделали крюк, чтобы нанести визит очаровательной маркизе дю Плесси и передать ей послание от господина Кольбера.

Герцогиня де Роклор непрерывно сморкалась. Она утверждала, что в дороге подхватила насморк. Удачный предлог, чтобы объяснить неудержимые горькие слезы. Оказавшись наедине с Анжеликой, она сообщила, что герцог испытывал беспокойство из-за ее легкомыслия и решил удалить ее от придворных соблазнов, заперев в удаленном замке.

– Да разве сейчас время меня ревновать?! – стонала она. – Моя связь с Лозеном теперь в прошлом. Он бросил меня уже несколько месяцев назад. Я так страдала! И что такого он нашел в мадемуазель де Монпансье?

– Она же внучка Генриха Четвертого! – заметила вскользь Анжелика. – Это кое-что значит. Но я не могу поверить, что Лозен позволит себе безнаказанно играть с сердцем принцессы королевской крови. Это несерьезно.

Мадам де Роклор утверждала, что, наоборот, это становится день ото дня серьезней. Великая Мадемуазель попросила у короля разрешения на брак с Пегиленом де Лозеном, в которого она безумно влюбилась.

– И что ответил его величество?

– Своей обычной отговоркой: «Там увидим!..» И похоже, что король уступит страсти Мадемуазель и тому чувству симпатии, которое он давно испытывает к Лозену. Но королева, Месье и Мадам возмущены перспективой этого странного союза. И даже мадам де Монтеспан выражает свое недовольство.

– А она-то почему в это вмешивается?

– В ней говорит кровь Мортемаров. В ней обостренное чувство того, что приличествует высокому рангу. Лозен просто мелкий гасконский дворянин.

– Бедный Пегилен! Теперь вы отмахнетесь от него.

– Увы! – вздохнула мадам де Роклор и снова заплакала.

Письмо господина Кольбера было выдержано в другом тоне. Не впадая в придворную игривость и не затрагивая сплетен, до которых ему не было дела, он просил мадам дю Плесси как можно скорее вернуться в Париж, чтобы заняться проблемой производства шелка, которую только она одна могла бы уладить. Анжелика два дня колебалась с ответом, а за это время пришло еще одно письмо, доставленное общественной почтой.

Оно было от мэтра Савари, старого аптекаря.

«Мохаммед Бахтияр-бей, посланец шахиншаха персидского, прибывает в Париж, – писал он. – А вас здесь нет! И драгоценное минеральное мумиё будет подарено, но им пренебрегут, а возможно, и затеряют, и вы ни крошки не сможете спасти для меня. А ведь вы, предательница, обещали быть в союзе со мной! И единственная в жизни возможность погибла. Осмеянная наука, испорченное будущее...»

Два больших листа бумаги, исписанные мелким старательным почерком, содержали все в том же духе, где мольбы смешивались с проклятиями.

Анжелика прочла письмо и решила, что она обязана вернуться в Париж.

Глава XXX

Из Парижа Анжелика отправилась в Версаль.

Она встретилась с королем в парке, внизу зеленого партера, превратившегося под снегом в белый ковер. Несмотря на жгучий мороз, суверен не отказался от своей ежедневной прогулки. Когда погода не позволяла любоваться цветами и листвой, то правильные линии, гармония аллей, проложенных вокруг кущ деревьев, проявлялись с точностью чертежа на фоне зимних снегов. Король и придворные задержались перед новыми статуями, девственный мрамор которых соперничал с белизной снега. Красные, золотые и зеленые цвета окрашенных свинцовых статуй отбрасывали яркие отблески на серый подлесок.

Процессия не спеша огибала бассейн Аполлона. Позолоченная группа богов и колесница, запряженная шестеркой коней, отражались в блестящей поверхности замерзшего фонтана и сверкали тысячами огней под лучами солнца. Подлинный символ дневного светила, восходящего во всем блеске апофеоза!

Мадам дю Плесси-Бельер ждала в углу одной из беседок. С ней находились две компаньонки, паж Флипо, державший шлейф тяжелого манто, и ее первый дворянин Мальбран Укол Шпаги.

Анжелика выступила вперед и присела перед королем в глубоком придворном реверансе.

– Приятный сюрприз, – сказал король, слегка наклонив голову. – Думаю, что королева обрадуется так же, как я.

– Я уже засвидетельствовала свое почтение ее величеству, и королева соизволила выразить свое удовольствие.

– Которое я целиком разделяю, мадам.

И, еще раз вежливо кивнув, король обернулся к сопровождавшему его принцу Конде и продолжил беседу. Анжелика присоединилась к свите, любезно отвечая на обращенные к ней приветствия и добрые пожелания. Она жадно рассматривала туалеты присутствующих дам, отмечая новые детали. За прошедшие месяцы ее платье превратилось в ужасно провинциальное и немодное. Неужели это мадам де Монтеспан ввела такие вычурные новинки? Анжелика забыла с ней поздороваться. Но Атенаис послала ей лучезарную улыбку, присовокупив маленькие дружеские знаки внимания. Она стала еще прекраснее, с этим нельзя было не согласиться. Ее прелестное личико, порозовевшее от мороза, обрамлял великолепный

мех серебристо-голубого цвета, мягкий и словно живой.

Анжелика отметила, что на всех вокруг прекрасные меха. Муфта короля на золотом шнуре была из того же меха, что и капор мадам де Монтеспан. У многих вельмож и дам также были меховые муфты. Анжелика услышала, как Месье говорил своим писклявым голосом мадам де Тианж:

– Я нахожу новую моду просто божественной и готов полностью разделить пристрастие этих милых москвитов, от которых она к нам и пришла. Известно ли вам, что перед прибытием их посольства они прислали в подарок три воза самых изумительных мехов: лисьих, медвежьих, а мех бобра – настоящее сокровище! Ах! Теперь покончено с этими маленькими муфточками величиной с тыквочку, – продолжал он, иронически поглядывая на муфту Анжелики. – Они выглядят так жалко, так убого. Как только их носят... Да, моя муфта из каракуля... И как забавны эти завитки меха! Говорят, что этот мех делают из еще не родившихся ягнят...

Вся группа медленно поднималась по Королевской аллее в сторону дворца, который тоже был облит солнечным светом с золотыми искорками отблесков от стекол и льдинок. Из-за сильных холодов топились все каминные, и к голубому небу восходили бесчисленные столбы белого дыма.

Благодаря жаркому огню, пылавшему в огромных очагах, и жаровням, расставленным по галереям, температура внутри дворца оставалась терпимой. В Салоне Венеры, где накрыли обеденный стол короля и где собрались все присутствующие, вскоре стало даже душно. Анжелика украдкой зашвырнула в какой-то угол свою муфточку «величиной с тыквочку». Ее черное платье тоже казалось неуместным.

Она все еще считала необходимым носить траур по супругу и смирялась с этим легко, потому что черный цвет отлично оттенял ее светлые волосы. Но она признавала, что детали ее туалета несколько отличаются от платьев других дам. Да, мадам де Монтеспан начала устанавливать придворную моду в соответствии со своим вкусом. Добившись положения, когда она могла показать себя во всем блеске, она взяла двор в свои руки и на все накладывала отпечаток своей фантазии и своего утонченного причудливого ума.

Анжелика, стоя среди придворных, наблюдала за Атенаис, которая сидела за столом принцев крови, смеялась и беседовала. Ее самые незначительные замечания вызывали угодливый смех. Но она также предоставляла возможность каждому блеснуть в свою очередь. Она вела себя как знатная дама. И обладала всеми достоинствами таковой. С

неподражаемым изяществом и восхитительной игривостью несла она груз своих новых привилегий, которые добавились к привилегии матери незаконного королевского отпрыска, который должен был появиться на свет в начале наступающего года. Все ее окружение находилось в прекрасном настроении.

Двор стал веселым и менее чопорным. Этикет соблюдался все так же скрупулезно, но в нем появилась прелесть античного балета, исполняющего танец вокруг улыбающегося божества.

Сегодня был день большого королевского обеда. Народ, допущенный посмотреть, как обедает король, медленной чередой проходил мимо распахнутых дверей и радовался счастливому выражению лица своего суверена. Прекрасное расположение духа короля приписывали рождению второго принца, Филиппа, герцога Анжуйского, появившегося на свет в сентябре. Вместе с «младшей Мадам» Марией-Терезией они счастливо увеличили королевскую семью.

Но люди указывали пальцем и на мадам де Монтеспан. Какой красивой и веселой была эта плутовка!

Горожане, купцы и ремесленники, с покрасневшими от холода носами, закутанные в грубошерстные одежды, выходили из зала и возвращались в Париж, удостоенные лицезреть своего государя и его красавицу-любовницу.

В конце трапезы Анжелика заметила Флоримона, прислуживавшего королю. Крепко сжав губы от усердия, он наливал вино из тяжелого эмалевого кувшина в бокал, который протягивал ему Дюшен, главный виночерпий, и, пригубив вино, давал его выпить маленькому пауку, а затем, наполнив королевский бокал, протягивал его старшему виночерпию, который добавлял туда немного воды и передавал королю. После трапезы, когда все направлялись в гостиную Мира, взволнованный и гордый Флоримон подошел к матери:

– Вы видели, матушка, как хорошо я исполняю свою обязанность? Раньше я только держал поднос, а теперь должен нести кувшин и пробовать вино. Это так чудесно! Если бы кто-то попытался отравить короля, то я умер бы ради него...

Анжелика поздравила сына с таким быстрым достижением важной должности. Встретившийся им Дюшен сказал, что он очень доволен Флоримонем, который, несмотря на легкомысленный вид, с глубоким пониманием дела исполняет свои обязанности. Он самый молодой из пажей, но самый ловкий, и у него хорошая память. Он наделен тактом и

знает, когда следует заговорить, а когда – молчать. Он прекрасный маленький придворный! К сожалению, решается вопрос о прекращении его придворных обязанностей, потому что его высочество дофин неутешен, потеряв своего любимого товарища. Месье де Монтозье сообщил об этом его величеству, и тот уже разговаривал с главным виночерпием. Сейчас речь идет о том, чтобы мальчик совмещал обе обязанности.

– Это будет для него слишком тяжело, – запротестовала Анжелика. – Он все же должен найти время, чтобы научиться читать.

– О! тем хуже для латыни. Разрешите, матушка, разрешите! – закричал резвый мальчик.

Она с улыбкой покачала головой и сказала, что подумает. Сегодня впервые за шесть месяцев она встретила сына. Два раза он приезжал на короткое время в Плесси. Теперь он выглядел уверенным и приветливым и стал еще красивее. Но ей показалось, что он слишком худой: как все пажы, Флоримон ел на бегу и недосыпал. Под его бархатным камзолом Анжелика угадывала худенькие подвижные плечики. Она растрогалась при мысли, что этот живой и умный ребенок – ее сын. Флоримон тоже был в черном, потому что носил траур по отчиму и брату. В высоких зеркалах в золоченых рамах Анжелика увидела свое отражение: одета как вдова, рука на плече сиротки-пажа. От этого зрелища ей стало грустно.

«Версаль будет вас ждать», – говорил король.

Нет, никто ее не ждал. Та глава придворной хроники завершилась всего за несколько недель, потом открылась новая страница – под знаком мадам де Монтеспан. Анжелика с тяжелым чувством огляделась вокруг. Она все ждала, что от общей группы отделится небрежный в своем великолепии, держа шляпу с перьями, тот, кто был сияющим алмазом королевского двора, самый прекрасный дворянин королевства, господин маркиз дю Плесси-Бельер, главный маршал Франции...

Теперь Анжелика до конца осознала, что его больше нет. Живые сомкнулись над его тенью. Пустота его отсутствия уже давно заполнилась.

Анжелика держалась немного в стороне. Флоримон побежал ловить несносную собачонку Мадам. Королева вышла из своих апартаментов и села возле короля, потом полукругом сели принцы и принцессы крови, знатные вельможи и дамы, имеющие право сидеть в присутствии короля. С одного края расположилась мадемуазель де Лавальер... Мадам де Монтеспан устроилась на другом краю. Лучезарно улыбаясь, она уселась, весело шурша широкими юбками голубого атласа. Атенаис торжествовала, что она, бывшая фрейлина, получила право табурета, и в своем торжестве

доходила до вульгарности.

Служители стола начали разносить рюмочки с ликерами, миндальной и настоящей на сельдерее водкой, росолисом и анисовкой, а также горячие отвары трав голубоватого, зеленого и золотистого цветов.

И вдруг раздался голос короля.

– Месье де Жевр, – сказал он главному камергеру, – соблаговолите подать табурет мадам дю Плесси-Бельер...

Разговоры разом смолкли. Все головы как по команде повернулись к Анжелике. Считалось дурным тоном, чтобы тот, кому была оказана такая почать, проявлял радость или чрезмерную благодарность. Анжелика подошла, сделала реверанс и села возле мадемуазель де Лавальер.

Она взяла с подноса рюмку вишневой наливки, но ее рука при этом слегка дрогнула.

– Так вы все же получили этот «божественный» табурет! – заметив Анжелику, издали выкрикнула ей мадам де Севинье. – Ах, дорогая моя, мне уже рассказали эту неслыханную новость. Все только об этом и говорят, и все, кроме меня, крайне удивлены. Я знала, что стоит вам только появиться... Люди обманулись, услышав, что при встрече король сказал вам всего пару слов. А потом вдруг такая неожиданность! Ах, как я хотела бы это видеть!

Маркиза горячо расцеловала Анжелику. Она приехала из Парижа на представление новой пьесы Мольера. Приглашенные королем многочисленные гости выходили из карет.

– Завтра опять будет спектакль, а потом бал. А послезавтра... Уж не помню, что именно, но придется задержаться в Версале на неделю. Вы знаете, что двор собирается обосноваться здесь окончательно? На этом настаивает мадам де Монтеспан. Она терпеть не может Сен-Жермен. Что она думает о вашем праве табурета?

– Бог мой, понятия не имею.

– Она, должно быть, пронзила вас взглядом, острым как кинжал.

– Признаюсь, в этот момент мне не пришло в голову взглянуть на нее.

– Понимаю, вы были взволнованы, но все же жаль, что не видели.

Получили бы массу удовольствия.

– Я не думала, что вы такая злока, – засмеялась Анжелика.

– Сама я не люблю причинять зло. Но чужая злоба меня забавляет.

Они вошли в театральный зал, где придворные в суматохе пытались поделить позолоченные стульчики.

– Будем держаться вместе, – предложила Анжелика. – Мне хочется

после спектакля вернуться вместе с вами в Париж. Тогда мы сможем побеседовать и наверстать месяцы вынужденного молчания.

– Вы с ума сошли! Версаль обрел вас не для того, чтобы снова потерять. Вы должны здесь обедать в течение всего пребывания их величеств.

При входе вдруг возникла толчея. Вошла мадам де Монтеспан.

– Посмотрите, как она идет, – прошептала мадам де Севинье, – правда, великолепно? Наконец-то в Версале появилась истинная фаворитка короля, достойная своих предшественниц, таких как Габриэль д'Эстре и Диана де Пуатье. Интриганка, покровительница искусств, расточительница. Она требовательна и обладает тем любовным жаром, той жаждой любви, которые необходимы для подчинения любого мужчины, будь он даже королем! При ее правлении мы познаем славные времена.

– Тогда почему же вы так хотели, чтобы я заняла ее место? – спросила напрямик Анжелика.

Мадам де Севинье спряталась за веером, видны были только ее небольшие умные глазки, в которых вдруг мелькнула легкая грусть.

– Потому что мне жалко короля, – ответила она.

Потом она сложила веер и тяжело вздохнула.

– Вы ничем не уступаете ей, но в вас есть что-то еще, чего у нее никогда не будет. Может быть, в этом и заключается ваша сила?.. Если только не ваша слабость.

Занавес открылся, и разговоры смолкли. Первые реплики Анжелика слушала рассеянно. Она размышляла над словами мадам де Севинье. Жалеть короля?.. Кажется, он не может внушать подобные чувства. Сам он никого не жалеет, даже бедную Лавальер! Анжелику поразила худоба бывшей фаворитки и бесконечная грусть в ее лице. То, что король, как и прежде, заставлял ее появляться при дворе и поминутно присутствовать при торжестве ее соперницы, граничило с жестокостью. Атенаис открыто и презрительно ее третировала. Анжелика расценила как верх непонимания или цинизма случайно услышанную фразу:

– Луиза, помогите мне приколоть этот бант. Я опаздываю, а король уже ждет меня...

Бедная девушка послушно расправила складки ее наряда. Чего хотела она добиться своим смирением? Возобновления любви того, кто продолжал жить в ее сердце? На это трудно было рассчитывать. Казалось, она сама все понимала. Кругом говорили, что она неоднократно просила короля позволить ей удалиться в монастырь кармелиток. Но король не давал согласия.

Анжелика наклонилась к мадам де Севинье.

– Как вы думаете, почему король возражает против отъезда мадемуазель де Лавальер? – спросила она шепотом.

Мадам де Севинье, которая уже хихикала над репликами Тартюфа, выразила удивление, но все же прошептала:

– Из-за маркиза де Монтеспана. Он еще может вернуться и заявить, что ребенок его жены по закону принадлежит ему. Луиза служит ширмой. До тех пор пока она официально не отвергнута, всегда можно утверждать, что его благосклонность к мадам де Монтеспан всего лишь лживые слухи.

Анжелика поблагодарила ее наклоном головы и обратилась к сцене.

Решительно, этот Мольер был совсем не глуп. Но на протяжении всей пьесы Анжелика не переставала удивляться, почему господин де Солиньяк и знатные особы из Общества Святых Даров так яростно ополчились на пьесу. Вероятно, на их совести были и скардность, и притворство, и лицемерие, раз им показалось, что их оскорбляет образ Тартюфа, этого представителя низших слоев общества, невежественного и необразованного, обманы которого ни в чем не походили на их средневековую принципиальность.

Король, со свойственным ему здравым смыслом, не был введен в заблуждение. Он знал, что картина нравов, дошедших до такого состояния, не затрагивала самой сущности Церкви. Были вскрыты фальшивые обеты, не нужные ни Богу, ни людям, и король – добрый христианин, но не более того – был первым, кто сумел это оценить, и хохотал до упаду.

Все с удовольствием ему подражали. Однако некоторые смеялись принужденно. Борьба за «Тартюфа» еще не окончилась, но поведение короля, Мадам и Месье и даже королевы служило пьесе защитой. Спектакль завершился аплодисментами.

В апартаментах Анжелику встретили ее служанки – Тереза и Жавотта. Они разводили огонь в камине. Надпись на дверях гласила: «ДЛЯ почетных гостей».

«Нужно ли пойти к королю и поблагодарить его за любезность? – в смущении думала молодая женщина. – Делать вид, что не замечаешь его заботы, было бы невежливо... Или, наоборот, это я должна ждать, чтобы он заговорил со мной?»

Она сняла черное платье и надела другое, светло-серое, расшитое серебром, которое больше подходило для торжественного ужина.

Кто-то легко постучал в дверь. Вошла взволнованная мадемуазель де Бриенн:

– Я была уверена, что аптекарь в конце концов добудет вам табурет.

Ах! Умоляю вас, скажите, что надо сделать, что ему пообещать, чтобы он занялся мною?.. Как он это делает? Он надевает платье астролога, чтобы произносить свои заклинания? А вам довелось глотать приготовленный им порошок? Он очень противный?

Она кружила по комнате, задевая мебель. Даже кое-что уронила. Анжелика на лету подхватила один из флаконов с духами. У этой девицы с головой явно было не все в порядке. Впрочем, ее брату Ломени де Бриенну приписывали близкие к безумию приступы экзальтации, то религиозной, то любовной.

– Успокойтесь, – сказала Анжелика, пожимая плечами. – Мэтр Савари здесь ни при чем. Я вообще только что вернулась из провинции.

– Тогда вам помогла Ла Вуазен?.. Кажется, у нее очень большая сила. Мне говорили, что это самая знаменитая колдунья всех времен... Но я боюсь к ней идти. Боюсь быть проклятой. Но если нет другого способа получить табурет... Расскажите, что она заставила вас делать? Правда ли, что надо зарезать новорожденного и выпить его кровь? Или проглотить облатку непристойного состава?

– Прекратите болтать глупости, моя дорогая! Вы выводите меня из себя. Я не общалась ни с Ла Вуазен, ни с аптекарем, здесь никакой связи с табуретом. Король удостоивает этой чести тех, кого сам хочет удостоить по своей доброй воле, и здесь нет никакого колдовства.

Мадемуазель де Бриенн поджала губы, оставаясь во власти своей навязчивой идеи:

– Все не так просто! Король – сильный человек. На него нельзя повлиять и заставить сделать то, чего он не хочет делать. Только колдовство может его принудить. Посмотрите на мадам де Монтеспан, ведь ей удалось добиться своего!

– Мадам де Монтеспан вскружит голову любому мужчине в расцвете сил. В этом нет никакого колдовства.

– Нет, обязательно есть! – усмехнулась девица с понимающим видом. – Впрочем, зачем вы лжете? Всем известно, что вы в сношениях с маленьким седобородым колдуном. Он только что вас искал по всему дворцу и звал во все горло.

– Мэтр Савари? Он в Версале?

– Его видели с делегатами от торговцев, которым его величество дает сейчас аудиенцию.

– Что ж вы сразу не сказали! Я смогу с ним встретиться до малого ужина.

Она взяла веер, меховую пелерину, но мадемуазель де Бриенн

продолжала ее осаждать:

- Вы обещаете, что поговорите с ним обо мне?
- Обещаю, – ответила Анжелика, чтобы отделаться.

Мэтр Савари, сильно жестикулируя, бросился к Анжелике и отвел ее в сторонку:

- Вот и вы наконец, предательница!
 - Мэтр Савари, я только что смотрела пьесу, и на сегодня с меня хватит театра. Что привело вас в такое состояние?
 - Все – или почти все – потеряно. Бахтияр-бей у ворот Парижа.
 - Вы мне об этом уже писали. Я предполагала, что с тех пор он все же вошел в город.
 - Увы, нет! Отношения между ним и королем обостряются.
 - По какой же причине?
 - Не знаю. Но похоже на то, что посол вернется в Персию, не будучи принятым королем... И увезет мумиё. Какая катастрофа!
 - Что же я могу для вас сделать?
 - Так вы согласны что-то сделать? – спросил он, вздрогнув от появившейся надежды.
 - Ведь я вам обещала, мэтр Савари...
- Он едва не распростерся перед ней ниц, но Анжелика его удержала.
- ...но я не знаю, как вам помочь. Не в моей власти сгладить трения, возникшие между его величеством королем Франции и послом шахиншаха.
- Аптекарь на минуту задумался.
- Есть другое решение. Поезжайте в Сюрень. Его превосходительство расположился там в загородном доме господина Диониса. Это бывший солдат колониальных войск, и на его вилле есть турецкая баня, что понравилось Бахтияр-бею.
 - И что я должна там сделать?
 - Прежде всего вы удостоверитесь, что мумиё действительно входит в число подарков, предназначенных королю. Ну и постараетесь получить несколько капель.
 - Как все просто! И вы считаете, что эта важная и столь раздражительная, насколько я могу судить по его поведению в отношениях с королем, особа примет меня с распростертыми объятиями, покажет мне столь ценное сокровище и подарит его мне?
 - Я надеюсь на это, – ответил аптекарь, потирая руки.
 - А почему вы не пойдете к нему сами, раз все так просто?
 - Можно ли сказать бóльшую глупость! Поверьте, что едва только

старый козел, подобный мне, откроет рот, как его превосходительство отсечет ему голову! Но я полагаю, что король гораздо снисходительнее отнесется к самой красивой женщине королевства.

– Мэтр Савари, вы, кажется, хотите заставить меня играть несколько особую роль, чтобы не сказать предосудительную...

Тот не стал оправдываться.

– Ну-ну! Каждый занимается своим делом, – заявил он. – Я ученый, и в мои обязанности не входит стараться соблазнить посла. Но Бог создал вас женщиной, и прелестной женщиной, следовательно у него были на вас планы в этом роде.

Потом он дал ей последние указания в отношении их поездки в Сюрень. Она должна ехать туда не в карете, а верхом на лошади, потому что потомки воинов царя Дария испытывают большую любовь к этим благородным животным. Ей следует очень сильно надушиться и подвести глаза.

Анжелика решила, что они вернутся тем же утром в Версаль, потому что не хотела, чтобы ее отсутствие было замечено королем во время прогулки по парку.

Савари поклялся всем на свете и ушел, сияя от радости.

Глава XXXI

Рано утром небольшая группа всадников, среди которых была одна амазонка, выехала из ворот Версаля. На них никто не обратил внимания. Начинаясь новый день, и через ворота Версаля проезжали всадники, торговцы на двуколках с кувшинами свежего молока, рабочие с тачками, направлявшиеся на стройку, и даже кареты со знатными вельможами из окрестных замков, спешившими к утреннему выходу короля.

У подножия холма всадники повстречались с закутанным в широкий черный плащ мэтром Савари на тощей кляче.

– Какая прекрасная лошадь! Она неминуемо вызовет восхищение его восточного превосходительства, – заметила Анжелика.

Старик не соизволил обратить внимание на ее иронию. Его глаза блестели за толстыми стеклами пенсне. «Прекрасно! Прекрасно!» – пробормотал он, оглядывая группу.

Накануне, во время бала, на котором Анжелика из-за траура не танцевала, ей незаметно передали записку: «Не забудьте взять в утреннюю поездку по крайней мере четверых слуг. И не потому, что вам может грозить опасность, а для придания вам значимости. Савари».

Анжелика поспешно собрала необходимую свиту: Мальбран Укол Шпаги с развевающимися седыми усами, два бравых лакея и кучер. Для ровного счета взяли и Флипо. Четверо слуг, в голубых с желтым ливреях рода Плесси-Бельер, скакали на черных как смоль конях.

Под Анжеликой шла горячая Церера – кобыла соловой масти, вычищенная до блеска.

– Прекрасно, – повторил Савари. – Не хуже, чем парадный выезд багдадского султана.

Они двинулись мелкой рысью по дороге, припорошенной снегом. По пути Савари заговорил о его превосходительстве Мохаммеде Бахтияр-бее.

– Это самый хитрый человек из всех, кого я знаю.

– Так вы с ним знакомы?

– Я с ним встречался в давние времена.

– И где же?

– Не важно...

Аптекарь хотел сменить тему разговора, но уступил под натиском любопытства Анжелики:

– На Кавказе, у подножия горы Арарат.

– А что вы там делали? Вы и там искали свое мумиё?

– Ш-ш-ш! Не говорите громко. Тогда я едва не поплатился за любопытство. Бахтияр приговорил меня к двадцати пяти ударам кнутом, а потом меня залили по шею гипсом в глиняном кувшине, где я должен был медленно умирать. Меня спас *in extremis*^[10] один иезуит, который пользовался влиянием при дворе персидского шаха.

– И вы, похоже, простили его превосходительству такое обращение?

– Жестокость не мешает ему быть просвещенным человеком и большим философом. И к тому же обладать деловой хваткой, что еще реже встречается у современных персов. Они понемногу передали все дела сирийским и армянским купцам. И вполне может случиться, что в один прекрасный день Бахтияр-бей займет персидский трон...

В разговор вмешался юный Флипо:

– Говорят, он привез для королевы кольцо из ста шести жемчужин величиной с голубиное яйцо и ляпис-лазури...

Анжелика недоверчиво посмотрела на него:

– Следи за поводьями и старайся как следует держаться в седле.

Действительно, юный лакей плохо ездил верхом. Осыпаемый градом шуток, он постоянно соскальзывал то направо, то налево.

Савари увлек Анжелику немного вперед, чтобы преподать короткий урок персидского.

– Если вам говорят: «Салям алейкум», отвечайте: «Ваалейкум ассалям». Это приветствие. «Спасибо» – «барик Аллах», что дословно означает «велик Господь». Если при вас произносят имя Мохаммеда, быстро добавляйте: «Али вали уллах», что значит: «Али и его визирь». Это доставит им удовольствие, потому что по религии персы принадлежат к шиитам, а не к суннитам, как арабы или турки.

– Думаю, что я легко запомню «здравствуйте» и «спасибо», но оставьте меня в покое с их пророками, – ответила Анжелика. – Посмотрите, что там такое?

Они приближались к перекрестку большой дороги, огибавшей Париж с запада. Уже издали виднелась толпа вокруг помоста, окруженного конной стражей с пиками.

– Мне кажется, что там казнь, – сказал Флипо, обладавший острым зрением. – Парня собираются колесовать.

Анжелика поморщилась. Теперь и она разглядела на фоне серого неба и оголенных деревьев огромное колесо, черную фигуру тюремного священника и палача и его помощников в красном. Казни частенько

проводились за пределами Парижа, чтобы избежать скопления толп на Гревской площади. Однако это все же не мешало жителям предместий и крестьянам собираться огромными толпами на месте зрелища.

Казнь через колесование была заимствована из Германии в предыдущем веке. Руки и ноги осужденного привязывали к деревянным перекладинам, сколоченным в виде креста Андрея Первозванного, то есть в форме буквы Х. На каждой перекладине делались глубокие впадины на том месте, где оказывались колени и локти приговоренного. Палач бил с размаху по жертве тяжелым металлическим ломом.

– Мы успеем, – радовался Флипо, – пока еще ему только ноги ломают.

Анжелика сухо его оборвала. Она решила проехать по полям, чтобы избежать ужасного зрелища, когда на глазах замороженной толпы человека разламывают на куски.

Она решительно направила свою кобылу с дороги на снежную целину. Савари и слуги последовали за ней. Но немного дальше их окружили стражи конной полиции в серых мундирах. Молодой офицер прокричал:

– Стоп! Никакого проезда, пока не разойдется народ.

Он подъехал к ним с поклоном. Анжелика узнала де Миремона, молодого корнета версальской полиции.

– Будьте, сударь, столь любезны пропустить нас. Я еду с визитом к его превосходительству послу шаха Персидского.

– В таком случае позвольте мне самому проводить вас к его превосходительству, – произнес, кланяясь, офицер.

И он направился к месту казни.

Анжелике пришлось за ним последовать. Офицер подъехал к первым рядам, к самому помосту, откуда раздавались хриплые надрывные крики жертвы, которой палач короткими ударами заканчивал ломать руки и таз.

Анжелика, чтобы не видеть этих мучений, смотрела в землю.

Миремон почтительно произнес:

– Ваше превосходительство, здесь мадам дю Плесси-Бельер, она желает вас видеть.

Молодая женщина подняла глаза, и ее воображение поразила внешность персидского посла, сидящего верхом на лошади темной масти.

У Мохаммеда Бахтияр-бея были огромные черные глаза с бархатными ресницами и бровями. Лицо бледное, с теплого оттенка кожей, обрамленное черной блестящей бородой в густых мелких завитках. На голове красовался белый тюрбан, заколотый спереди бриллиантовой розеткой с легкой красной эгреткой. Под расстегнутым кафтаном, шитым серебром и подбитым горностаем, виднелись чеканные серебряные латы и

длинное одеяние из бледно-розовой парчи, расшитое крупными цветами и арабесками из мелкого жемчуга. Рядом с ним, также верхом, находился паж из сказок «Тысячи и одной ночи», одетый в яркие шелка, с маленьким золотым кинжалом у пояса, украшенным изумрудом. Он держал сосуд из драгоценного металла, откуда выглядывал длинный стержень с курительной трубкой на конце. Охрану посла составляли три или четыре перса на неподвижно застывших лошадях.

Посол не повернул головы на сообщение офицера. Его взгляд был прикован к помосту. Он внимательно следил за процессом казни, протягивая по временам руку, чтобы взять наргиле и сделать затяжку. Из его полных чувственных губ вырывались облачка душистого голубоватого дыма, медленно таявшие в морозном воздухе.

Господин де Миремон робко повторил свое сообщение, потом жестом извинился перед Анжеликой, показывая, что его превосходительство не говорит по-французски. В этот момент подъехал человек, которого Анжелика сначала не заметила: священнослужитель в черной сутане с широким поясом и с распятием членов ордена иезуитов. Он остановил свою лошадь рядом с лошадью Мохаммеда Бахтияра и сказал ему несколько слов по-персидски.

Тогда посол обратил на Анжелику пустой взгляд, но вслед за тем его глаза, немного навывкате, заблестели и их выражение смягчилось. Он ловко, как змея, соскользнул с лошади.

Анжелика еще колебалась, уместно ли протянуть ему руку для поцелуя, когда вдруг она поняла, что бей гладит по шее ее кобылу Цереру и что-то ей тихо шепчет. Потом он коротко произнес пару слов повелительным тоном.

Иезуит перевел:

– Мадам, его превосходительство просит разрешения осмотреть рот вашей лошади. Он говорит, что по зубам и по нёбу, а также по бабкам узнают достоинства породистой лошади.

Неожиданно Анжелика почувствовала себя немного оскорбленной. Она сухо заметила, что животное впечатлительное, пугливое и плохо переносит незнакомых. Монах перевел. Перс улыбнулся. Он встал прямо перед лошадью и тихонько произнес несколько слов. И вслед за тем положил ладони на ноздри кобылы. Та вздрогнула, но позволила открыть ей рот и проверить зубы, не выражая ни малейшего сопротивления. Она даже лизнула смуглую руку, унизанную кольцами. В ответ рука вновь ее погладила.

Анжелике показалось, что ее предала подруга. Она позабыла и о

колесе, и о несчастном истерзанном человеке, стенающем на помосте.

Теперь впечатлительной оказалась она. Ей стало стыдно за свое поведение, когда она увидела, что перс сложил руки на золотом кинжале и многократно кланяется в знак глубокого уважения.

– Его превосходительство Бахтияр-бей говорит, что это первая лошадь, достойная такого названия, которую он видит с момента высадки в Марселе. Он спрашивает, много ли таких лошадей у короля Франции.

– Да целые конюшни, – приврала она без зазрения совести.

Бей нахмурился и быстро и сердито заговорил.

– В таком случае его превосходительство удивляется, что не сочли возможным прислать ему несколько таких лошадей, чтобы сделать подарок, достойный его ранга. Маркиз де Торси явился к нему на жалкой лошади и уехал обратно *со своими лошадьми* под тем предлогом, что его превосходительство посол шаха Персии не захотел ехать за ним... тотчас же... в Париж... и он говорит, что...

Гнев и быстрота речи перса усиливались *crescendo*, и переводчик едва поспевал за ним.

– ...И он говорит, что еще ни разу не видел ни одной женщины, достойной его ранга... Что ему еще не подарили ни одной женщины... Что ему за весь месяц пребывания во Франции еще не прислали ни одной женщины... что те, которых он велел привести, недостойны даже «кунбала» (носильщика на базаре) и что они отвратительно грязные... Он спрашивает, не означает ли ваш приезд, что его величество король Франции... решился наконец оказать ему достойные посла почести?

Анжелика открыла рот от изумления:

– Отец мой, вы задаете мне странные вопросы!

Слабая улыбка озарила бесстрастное лицо монаха. Он был еще молод, несмотря на строгое выражение лица, а увядшая кожа говорила о долгом пребывании на Ближнем Востоке.

– Мадам, я отдаю себе отчет, насколько подобные речи в моих устах могут показаться вам странными. Но примите во внимание, что вот уже пятнадцать лет я служу французским переводчиком при дворе персидского шаха и что я должен как можно точнее переводить его слова.

И он добавил не без юмора:

– За пятнадцать лет я всего этого наслушался... и еще много другого. Но, прошу вас, отвечайте его превосходительству.

– Но я... затрудняюсь ответить. Я приехала не как посол. И, еще точнее, я приехала тайком от короля, он, мне кажется, вообще мало думает об этом персидском посольстве.

Лицо иезуита окаменело, а его желтоватые глаза приняли холодное выражение.

– Это катастрофа! – пробормотал он.

Было видно, что он медлит с переводом ее ответа. Но в это время душераздирающие вопли отвлекли внимание Мохаммеда Бахтияра. Он опять повернулся к помосту. Во время их разговора палач закончил свое дело. Он переломал руки, ноги и таз осужденного, затем сложил его руки и ноги, как лапки и крылышки курицы, идущей в духовку, после чего привязал его к колесу телеги, заранее приготовленному для этой цели. Колесо с телом несчастного подняли на высоком шесте вверх, где он должен был дожидаться смерти на ледяном ветру. На соседних деревьях уже собиралась зловещая стая воронья.

Перс с досадой воскликнул и опять сердито заговорил.

– Его превосходительство недоволен, что не видел конца казни, – сказал иезуит де Миремону.

– Сожалею, но его превосходительство разговаривал с дамой.

– Было бы прилично прервать исполнение казни до тех пор, пока его превосходительство не смог бы снова следить за развитием действия.

– Передайте ему мои сожаления, отец мой... Но скажите, что во Франции это не принято.

– Неубедительное извинение! – вздохнул монах.

Однако он счел долгом успокоить гнев своего благородного патрона. Тот постепенно успокоился, но затем лицо его прояснилось, и он высказал предложение, которое должно было все уладить.

Монах замолчал. Но когда его попросили перевести, он нерешительно сказал:

– Его превосходительство просит соизволить повторить.

– Что повторить?

– Казнь.

– Но это невозможно, отец мой, – отвечал офицер полиции. – У нас нет больше приговоренных.

Монах перевел. Бей указал на персов, стоявших за его спиной.

– Он предлагает вам одного из его эскорта... Он настаивает... Он говорит, что если вы будете так нелюбезны, то он пожалуется вашему начальнику, который отрубит вам голову.

Несмотря на холод, де Миремон покрылся крупными каплями пота.

– Что же делать, отец мой? Ведь не могу же я приговаривать кого-то к смерти по собственной воле?

– Я могу сказать ему от вашего имени, что законы вашей страны

запрещают касаться хоть волоска на голове иностранца, если он ваш гость. Поэтому мы не можем даже с его согласия принести в жертву одного из этих рабов-персов.

– Да-да. Именно так. Умоляю, скажите ему именно так.

Бахтияр-бей соизволил улыбнуться и, похоже, положительно оценил французские законы. Но он продолжал обдумывать свою идею и безжалостно указал на Савари. Аптекарь завопил и, соскочив с лошади, простерся ниц, уткнувшись лбом в снег.

– Амман! Амман!^[11] – кричал он.

– Что случилось, отец мой? – спросила Анжелика.

– Посол решил, что нового приговоренного следует выбрать из вашего эскорта, потому что это из-за вас он пропустил окончание зрелища. Кроме того, он говорит, что человек на такой плохой лошади заслуживает смерти.

И сквозь зубы иезуит добавил:

– Человек, который к тому же прекрасно говорит и понимает по-персидски. Получается, что хоть вы и не явились в качестве посла, но все же подумали о переводчике...

– Мэтр Савари аптекарь и торговец аптекарскими товарами, он много путешествовал.

– Какова же, мадам, истинная цель вашей миссии?

– Любопытство.

Отец Пьер Ришар саркастически ухмыльнулся. Анжелика раздраженно продолжила:

– Других причин назвать не могу... Встаньте, мэтр Савари, хватит лежать ниц. Мы не в Исфахане.

– Однако надо завершить дело, – заметил монах.

– Я надеюсь, что вы все же не хотите, чтобы в угоду варварскому князьку пытали и убили невинного человека?

– Конечно нет. Но я против бестактностей, недоброжелательности и неучтивости, которые проявляются по отношению к Бахтияр-бею с момента его приезда во Францию. Он приехал как друг, но вполне возможно, что уедет разгневанным врагом и сделает шахиншаха тоже непримиримым врагом Франции и, самое грустное, врагом Церкви. И тогда мы, монахи, основавшие там более двадцати монастырей, потеряем всякое влияние. Целый ряд глупых просчетов может на века отодвинуть установление латинской цивилизации и христианства в этих странах, которые сейчас сами готовы открыться нам навстречу. Вы понимаете, что я этого страстно желаю.

– Согласен, отец мой, это серьезные и важные проблемы, – сказал

раздосадованный де Миремон. – Но почему его так занимает колесование?

– До сих пор послу было неизвестно такое наказание. Сегодня утром он выехал на прогулку и случайно оказался на месте казни, и он решил привезти шаху точное описание этого нового способа пытки. Вот почему он так расстроен, что упустил некоторые подробности.

– Я нахожу, что его превосходительство крайне неосторожен, – усмехнулась Анжелика.

Перс, который уже вновь с грозным видом сидел на коне, бросил на нее удивленный взгляд.

– Я даже сказала бы, что восхищаюсь его смелостью, – продолжила молодая женщина.

Повисло молчание.

– Его превосходительство крайне удивлен, – перевел наконец иезуит, – но ему известно, что женщины замечают иногда те тонкости, которые недоступны мужскому уму, и он с нетерпением ждет, чтобы вы объяснили. Так говорите же, мадам.

– Ну что ж, его превосходительство, видимо, не подумал, что царь царей может как-нибудь плохо воспользоваться новым методом... Например, он решит, что такая новая и оригинальная казнь подходит только для вельмож его государства. И что это надо проверить на самом знатном из знатных, на его лучшем подданном, на таком, например, как тот, что присутствует здесь. Особенно если его миссия не оправдает надежд царя царей...

По мере того как иезуит переводил, лицо посла светлело. И к великому облегчению всех присутствующих, он расхохотался.

– Фузул ханум!^[12] – воскликнул он.

Скрестив руки на груди, он несколько раз поклонился Анжелике.

– Он говорит, что ваш совет достоин мудрости самого Зороастра... Что он отказывается от своего намерения рассказать в своей стране о наказании колесованием... Что ему и так известно немало самых разнообразных и впечатляющих способов казни... И что теперь он просит вас проводить его до дому, чтобы предложить вам легкую трапезу.

Мохаммед Бахтияр-бей возглавил кортеж, и все последовали за ним. Он вдруг превратился в само очарование и предупредительность. Поездка проходила в обмене изысканными любезностями, из которых Анжелика узнала, что она «трепетная газель Кашана», «роза Зенде Руд (Живой реки) Исфохана» и даже «лилия Версаля». И все это произносилось размеренным голосом устами монаха, узкими, как лезвие ножа.

Они быстро доехали до временного жилища, в котором поселился

посол в ожидании торжественного въезда в Версаль и Париж. Это был довольно скромный деревенский дом, с садом, с пожелтевшими от увядшей травы лужайками, украшенными всего лишь тремя-четырьмя позеленевшими статуями. Бахтияр-бей попросил быть снисходительными к скромности его резиденции. Он поселился в этом доме, где владелец построил турецкую баню, потому что мог там совершать ежедневные ритуальные омовения и поддерживать личную чистоту. Его удивляло отсутствие подобных устройств в парижских домах.

На шум прибежали слуги-персы, вооруженные саблями и кинжалами. Потом появились два французских дворянина. Один из них, чей высоченный парик должен был компенсировать маленький рост, пронзительно воскликнул:

– Еще одна куртизанка! Отец Ришар, надеюсь, вы не собираетесь поселить это создание здесь? Господин Дионис возражает, чтобы и дальше оскверняли его жилище.

– Я этого не говорил, – возразил второй. – Я понимаю, что его превосходительству нужно развлечься...

– Та-та-та! – прервал его маленький сварливый человечек. – Если послу угодно развлекаться, то пусть отправляется в Версаль и вручит там свои верительные грамоты, вместо того чтобы бесконечно затягивать эту позорную ситуацию.

Когда иезуиту удалось наконец вставить слово, он представил Анжелику. Человечек в парике изменился в лице:

– Примите мои извинения, мадам. Меня зовут де Сент-Амон, я лицо, представляющее послов королю, а сейчас уполномочен королем сопровождать его превосходительство ко двору. Извините мою неосведомленность.

– Я вас прощаю, месье де Сент-Амон. Я понимаю, что мой приезд ввел вас в заблуждение.

– Ах, мадам! Пожалейте меня! Я сам не понимаю, в кого я превратился среди этих бородатых типов с отвратительным нравом. Я никак не могу их убедить, что следует поторопиться. К тому же и отец Ришар, хоть и француз, да еще и монах, ничем мне не помогает! Взгляните, как он насмешливо улыбается...

– Э-э! А вы мне помогаете? – спросил в ответ иезуит. – Ваше дело дипломатия. Вот и проявите немного дипломатии. Я-то всего лишь толмач, ну, может быть, немного советчик, я сопровождаю посла как частное лицо, и вам бы радоваться, что я служу переводчиком для вашей службы.

– Ваша служба – это моя служба, мой отец, потому что мы оба

подданные французского короля.

– Вы забываете, что прежде всего я слуга Господа!

– Вы хотите сказать – Рима. Всем известно, что папское государство имеет большее значение в глазах членов вашего ордена, чем Французское королевство.

Продолжения спора Анжелика не услышала, потому что Бахтияр-бей взял ее за руку и увлек в дом. Они пересекли переднюю, выложенную мозаичными плитами, и вошли в другую комнату. За ними следовали пажи. Паж князя неизменно нес булькающий наргиле, или кальян, из которого клубился дымок. Флипо чувствовал себя как дома и восхищенно глазел на драпировки, ковры, на нагромождение диванных подушек, радующих глаз восхитительными расцветками. Мебель из ценных пород дерева, вазы и кубки из голубого фаянса дополняли убранство комнаты.

Князь сел, скрестив ноги, и знаком пригласил Анжелику сделать то же самое.

– Входит ли во французские обычаи ссориться на людях по всякому поводу? – спросил он немного медленно, но на безукоризненном французском языке.

– Я с удовольствием слышу, что ваше превосходительство прекрасно говорит на нашем языке.

– Вот уже два месяца я слышу французскую речь... То есть у меня было время выучить язык. Особенно хорошо я знаю, как называются неприятные вещи... и много... ругательств... Да, именно так. И я об этом сожалею... Потому что хотел бы говорить с вами о другом.

Анжелика рассмеялась. Бей пристально ее разглядывал.

– Ваш смех журчит, как родник в пустыне.

Потом, словно пойманные на проступке, они замолчали, когда в комнату вошли монах и Сент-Амон, оба с подозрительным видом, но вызванным различными причинами.

Однако его превосходительство не выразил никакого недовольствия. Он заговорил по-персидски и приказал принести легкую закуску. Появились янычары с красивыми серебряными подносами и разлили по крохотным хрустальным бокалам дымящийся очень черный напиток со странным запахом.

– Что это? – с некоторым беспокойством спросила Анжелика, прежде чем пригубить напиток.

Господин Сент-Амон единым духом проглотил содержимое своего бокала и, страшно скривившись, ответил:

– Кофе! Кажется, так это называется. Вот уже более десяти дней я

вынужден глотать эту гадость в надежде, что моя учтивость будет вознаграждена и что Бахтияр-бей согласится сесть в карету и поехать в Версаль. Но, похоже, я заболею раньше, чем добьюсь цели.

Анжелике стало неудобно, потому что теперь она знала, что перс понимает по-французски. Но бей оставался невозмутимым. Он жестами указал ей на бокалы граненого хрусталя и забавные кувшинчики из кракелированного фарфора изумительного цвета ляпис-лазури.

– Это вещи эпохи царя Дария, – объяснил отец Ришар. – Секрет их производства утрачен, и, в то время как большинство старинных бань в Исфахане и в Мешхеде выложены драгоценными изразцами тысячелетней давности, сегодняшние дворцы выглядят не так красиво. То же самое и с ювелирными изделиями, хотя они и славятся во всем мире.

– Если его превосходительство привлекают красивые вещи, почему он не полюбуется Версалем? – спросила Анжелика. – Наш король любит роскошь и окружает себя истинными сокровищами.

Это замечание заинтересовало посла. Он задал несколько вопросов, и Анжелика постаралась как можно лучше ответить, описывая огромный дворец, сверкающий позолотой и зеркалами, произведения искусства, мебель, созданную художниками и выполненную из самых ценных материалов, несравненные сосуды из чистого серебра, существующие в единственном экземпляре. Ее слушатель удивлялся все больше. Через посредство отца Ришара он упрекнул де Сент-Амона, что тот ни словом ему не обмолвился об убранстве Версаля.

– Какой же здесь интерес? Величие короля Франции измеряется не роскошью, а славой. Все остальное просто мишура, которая льстит ребяческим умам.

– Для дипломата вы недооцениваете, что имеете дело с Востоком, – сухо заметил иезуит. – Во всяком случае, я должен отметить, что мадам всего несколькими словами продвинула интересы Франции дальше, чем вы за десять дней.

– Прекрасно! Прекрасно! Если вы, церковник, становитесь сторонником методов, достойных гарема, то я не вижу, что на это может ответить человек высокого ранга. Я удаляюсь.

После такого заявления месье де Сент-Амон встал и распрощался. Монах последовал за ним.

Мохаммед Бахтияр повернулся к Анжелике. Белозубая улыбка озарила его смуглое лицо.

– Отец Ришар понял, что я не нуждаюсь в переводчике в разговорах с дамой.

Он поднес к губам свою трубку и сделал несколько мелких затяжек, не сводя темного пылающего взора со своей посетительницы.

– Мой астролог сказал... что сегодня среда, этот день будет «белым», то есть счастливым, днем. И вот явились вы... Вам я признаюсь... Мне неспокойно в этой стране. Ее обычаи мне чужды и непонятны.

Он сделал знак своему задремавшему папу, и тот поставил перед ними бокалы с фруктовым шербетом, нугу и прозрачный мармелад. Поколебавшись, Анжелика ответила, что не понимает беспокойства его превосходительства. Что странного видит он во французских обычаях?

– Все... Феллахи... как это называется... люди на земле...

– Крестьяне.

– Да-да... Так дерзко на меня смотрят, когда я проезжаю мимо. За все время моего путешествия ни один не упал лбом в пыль... Ваш король хочет привезти меня к себе как пленника, в карете... с гвардейцами по бокам. И этот коротышка, который осмеливается мною командовать: «Быстро! Быстро! В Версаль!» – словно я какой-то ишак, я хочу сказать, вьючный осел, тогда как из уважения, из почтения к великому государю я не должен спешить... Почему же вы смеетесь, прекрасная Фирюзе, чьи глаза подобны драгоценным самоцветам?

Анжелика попыталась объяснить, что произошло недоразумение. Во Франции никто не простирается ниц. Женщины делают реверанс. Чтобы показать, она встала и, к великому удовольствию своего хозяина, выполнила несколько реверансов.

– Понимаю, – сказал тот. – Это танец... Медленный религиозный танец, который женщины исполняют перед своим повелителем. Мне очень понравилось. Я прикажу своим женам его разучить... Значит, король желает мне добра, раз прислал вас ко мне. Вы первая особа, с которой приятно проводить время... Французы такие скучные!

– Скучные! – запротестовала Анжелика. – Ваше превосходительство заблуждается. За французами закрепились репутация очень веселых и занятных.

– У-жас-но скучные! – отчеканил князь. – Те, кого я до сих пор видел, скучны, как скала в пустыне, источающая драгоценную жидкость мумиё...

Сравнение посла вернуло Анжелику к мысли о мэтре Савари, из-за которого она здесь оказалась.

– Мумиё... Неужели это возможно, ваше превосходительство! Его величество персидский шах соизволил послать нашему государю немного этой редчайшей жидкости?

Лицо посла помрачнело, и он бросил на Анжелику такой же грозный

взгляд, как султан на раба, подозреваемого в измене.

– Откуда вам известно... что мумиё находится среди подарков?

– Об этом все говорят, ваше превосходительство. Разве слава этого сокровища не пересекла моря и океаны?

Несмотря на присущую ему невозмутимость, Бахтияр-бей не смог скрыть крайнего удивления.

– Я полагал... что король Франции не дорожит мумиё... Возможно, он рассмеялся бы мне в лицо, не представляя его ценности...

– Наоборот, его величество, получив такой подарок, оценит великие ожидания шаха. Ему известно, какая редкость это вещество. Только Персия владеет этим сокровищем.

– Да, только Персия, – подтвердил бей, и в его глазах вспыхнул страстный огонь. – Это дар Аллаха народу, некогда бывшему самым великим из великих... и который остается великим по богатству своего ума. Аллах благословил наш народ, передав ему в дар ценный и таинственный эликсир. Мало осталось его источников, вот почему мумиё предназначается только для софис, то есть для принцев крови... Скалы, откуда оно сочится, охраняются вооруженными королевскими стражами. Каждый источник запечатан пятью печатями старших чиновников провинции... Они головой отвечают, если хоть одна капля будет украдена.

– А как выглядит эта жидкость?

Улыбка вновь заиграла на губах Бахтияр-бея.

– Вы любопытны и нетерпеливы, как одалиска... которой господин пообещал награду... Но... мне нравится блеск ваших глаз.

Он хлопнул в ладоши и отдал приказ появившемуся стражнику.

Через несколько минут двое слуг, окруженных четырьмя янычарами с пиками, принесли тяжелый ларец из розового дерева, инкрустированный золотом и перламутром.

Ларец поставили на столик перед диваном, и Бахтияр-бей почтительно его открыл. Внутри находился флакон из толстого голубого фарфора с широким и длинным горлышком. Перс вытащил нефритовую пробку, и Анжелика склонилась над сосудом. Она увидела темную жидкость, отливающую цветами радуги, которая показалась ей маслянистой, а ее резкий запах не с чем было сравнить. Запах приятный или неприятный? Она не смогла бы это сказать. Анжелика выпрямилась, почувствовав легкое головокружение и неожиданную боль в висках.

Монотонно распевая вполголоса молитвы, перс наклонил сосуд и налил несколько капель в серебряную дароносицу. Потом он обмакнул палец и осторожно прикоснулся сначала ко лбу Анжелики, а затем к

своему собственному.

– Это лекарство? – спросила она слабым голосом.

– Это кровь земли, – пробормотал он, и его тяжелые веки опустились на глаза, в которых горел экстаз. – Это обещание, пришедшее из глубин... Таинственное послание духов, владеющих миром... Ла илла ха илла ла! Мохаммеду россул у ле!

– Али мали уллах^[13], – ответили слуги и простерлись ниц.

Когда они удалились, унося драгоценный эликсир, Анжелика начала прощаться. Посол был явно разочарован. Ей пришлось употребить множество перифраз и сделать бесчисленные поэтические сравнения, чтобы объяснить ему, что во Франции нельзя рассматривать как обычных куртизанок женщин, занимающих определенное положение в обществе. Их можно завоевать только тонким ухаживанием и после долгих платонических отношений.

– Наши персидские поэты умели воспевать своих возлюбленных, – сказал князь. – Разве не сказал в прошлые века великий Саади:

Пусть будет выкупом мой дух за дух и плоть твою, о друг!

Готов отдать я целый мир за твой единый волосок.

Речей я слаще не слыхал, чем из медовых этих губ.

Ты – сахар, влага уст твоих – цветка благоуханный сок^[14].

Вероятно, именно так надо говорить... чтобы завоевать взыскательных французских женщин?.. Я буду вас называть Фирузеханум... мадам Бирюза... Это первый из всех драгоценных камней, символ древней Персии медян. В нашей стране голубой цвет самый любимый...

И раньше чем она успела отказаться, он снял тяжелый перстень и надел его ей на палец.

– ...Мадам Бирюза... Это выражение моей радости, когда на меня взирают ваши глаза. Этот камень обладает способностью менять цвет, когда у того или у той, кто его носит, нечистая совесть или лживое сердце.

Он пристально смотрел на нее с нежной и немного насмешливой улыбкой, которая ее заворожила. Она хотела отказаться, но смогла только пробормотать, глядя на оправленный в золото камень на своей руке:

– Барик Аллах!

Бахтияр-бей поднялся, шурша шелками. В его мягких движениях хищного зверя сквозила незаурядная сила, приобретенная долгими упражнениями в верховой езде и в сражениях на джериб (деревянных

палках).

– Какой быстрый прогресс в персидском языке... Очень быстрый... Много ли женщин, таких красивых, таких очаровательных при дворе французского короля?

– Как песка на морском дне, – заверила его Анжелика.

Теперь она торопилась уйти.

– Я отпускаю вас, – сказал князь, – потому что таков странный обычай в этой непонятной стране, где присылают подарки, чтобы тотчас отобрать их назад... Почему король Франции наносит мне такое оскорбление? Шах Персии очень могущественный: он может изгнать из своей страны французских монахов из двадцати монастырей, обосновавшихся там... Он может перестать продавать шелка. Неужели ваш король считает, что сможет производить у себя шелка, подобные нашим? В заграничных землях растут тутовые деревья только с красными ягодами, тогда как в Персии шелковичные черви питаются листьями деревьев с белыми ягодами. Они дают более тонкий шелк... Будет ли заключен договор, который мы намеревались подписать? Скажите это вашему королю. А теперь я хотел бы послушать совет моего прорицателя. Оставайтесь!

Глава XXXII

Бахтияр-бей оставил ее в первой комнате, где ожидали иезуит и оба француза.

Вскоре он вернулся в сопровождении двух новых персонажей: с седым стариком, борода которого была небрежно окрашена в ярко-рыжий цвет, а на огромном тюрбане красовались знаки зодиака; и с более молодым человеком с иссиня-черной бородой и огромным носом. Чернобородый непринужденно заговорил на прекрасном французском языке:

– Я Агобян, армянин восточного католического обряда, купец, друг и первый секретарь его превосходительства, а это мулла и астролог Хаджи Сефид.

Анжелика шагнула им навстречу, чтобы сделать реверанс, но остановилась, увидев, как отшатнулся астролог. Он бормотал что-то невнятное, но слово «неджес» (нечистая) звучало четко.

– Не приближайтесь слишком близко, мадам, к нашему почтенному посольскому капеллану. Он немного ригорист и не допускает никаких контактов с женщинами. Он пойдет с нами и осмотрит вашу лошадь, чтобы выяснить, не отмечена ли она «нехусет», то есть плохой звездой.

Суровый старик – кожа да кости – носил кафтан из небеленого полотна, подпоясанный металлическим поясом. Его длинные ногти на руках были выкрашены в карминный цвет, так же как и ногти на ногах, обутых в сандалии, сделанные из подобия картона. Похоже, он не страдал ни от холода, ни от снега, пока группа шла по саду, направляясь в конюшни.

– Каким секретом он владеет, чтобы не чувствовать холода? – спросила молодая женщина.

Старик закрыл глаза и молчал несколько мгновений. Потом зазвучал его голос, на удивление молодой и мелодичный.

Армянин перевел:

– Наш жрец говорит, что секрет очень прост: надо поститься и избегать земных радостей. Он также говорит, что, хотя вы всего лишь женщина, он отвечает вам, потому что от вас не исходит зла. И ваша лошадь не грозит злом его превосходительству. Это даже странно, потому что нынешний месяц пагубный и несет несчастье.

Старик, тряся головой, обошел лошадь. Присутствующие молчали из уважения к его раздумьям. Наконец он заговорил.

– Он говорит, – перевел армянин – что этот очень неблагоприятный месяц может быть изменен на лучшие дни благодаря искренним молитвам и встрече разных звезд. Что такие молитвы более угодны Всевышнему, если люди, их произносящие, страдали. Он говорит, что горе не отразилось на вашем лице, но ваша душа несет его отпечаток... Отсюда ваша мудрость, так несвойственная женщинам... Но вы еще не вступили на путь Испупления, вы еще слишком сильно привязаны к бренным радостям. Он вас прощает, потому что вы не влачите за собой зла и потому что пересечение вашего жизненного пути с путем его хозяина обязательно приведет к большим положительным событиям.

Едва прозвучали эти благоприятные суждения, как лицо муллы неожиданно изменилось. Его густые брови, окрашенные хной, задрожали, а выцветшие глаза засверкали. Такие же удивление и гнев отразились на лицах всех персов. Армянин воскликнул:

– Он говорит, что среди нас змея, которая воспользовалась гостеприимством князя, чтобы обокрасть его!

Сухой узловатый палец с красным ногтем решительно указал на пажа.

– Флипо! – закричала в ужасе Анжелика.

Но два стражника уже схватили молодого слугу и поставили на колени. Из его вывернутой куртки выпали три драгоценных камня – один изумруд и два рубина. Три ярких каплями засверкали они на белом снегу.

– Флипо! – твердила потрясенная Анжелика.

Посол произнес какие-то грозные слова и, положив руку на золотую рукоять клинка, резким движением вытащил из-за широкого пояса кривую саблю.

Анжелика бросилась вперед:

– Что вы хотите сделать? Умоляю, мой отец, вмешайтесь! Ведь не собирается же его превосходительство отрубить ему голову...

– В Исфахане это уже свершилось бы, – холодно ответил иезуит. – А я рисковал бы своей головой, если бы попробовал вмешаться. Очень прискорбный инцидент! Крайнее бесчестье! Его превосходительство никогда не поймет, почему он не может наказать этого воришку своим обычным способом.

Он приложил неимоверное усилие, чтобы успокоить своего знатного подопечного, в то время как Анжелика боролась с янычарами, пытавшимися ее оттащить, а трое других стражей старались сдержать уже вооружившегося Мальбрана Укол Шпаги.

– Его превосходительство согласен отрубить ему только кисть руки и

отрезать язык, – перевел армянин.

– Его превосходительство не должен заниматься наказанием моих слуг... Этот парень принадлежит мне. И только я решаю, как его наказать.

Бахтияр-бей обратил на нее пылающий взор и, кажется, немного успокоился.

– Его превосходительство спрашивает, какую казнь вы ему приготовили?

– Я... я прикажу дать ему двадцать семь ударов кнута и залью гипсом в кувшине.

Князь задумался. Он издал гортанное восклицание и, резко повернувшись, вернулся в дом вместе со своей свитой. Стражники вытолкали из сада полумертвого от ужаса Флипо и всех французов, а затем бесцеремонно выставили их за ворота, которые тотчас закрыли.

– А где же наши лошади? – удивилась Анжелика.

– Эти злосчастные турки забрали наших лошадей! – прорычал Мальбран Укол Шпаги. – И думаю, что не собираются их возвращать.

– Придется возвращаться пешком, – заключил один из лакеев.

Кучер пришел в отчаяние:

– Такое прекрасное животное, как Церера! Какое несчастье! Госпожа маркиза не должна была уступать. Эти люди настоящие дикари!

Анжелика вдруг осознала, что уже гораздо позднее, чем она думала. Приближался вечер. Задул ветер, и из зарослей кустарников начал подниматься легкий туман, заволакивая мерцающие огоньки расположенного на востоке от них Парижа. Неожиданно раздалось цоканье копыт усталой лошади, двигавшейся по обледеневшей дороге. Появился мэтр Савари, ведя в поводу лошадь.

Через несколько шагов он, как охотничья собака, стал громко принюхиваться, и лицо его прояснилось.

– Мумиё!.. Значит, вам его показали... Ах, я чувствую его запах! Его запах!..

– Нечему удивляться: вся моя одежда пропиталась этой вонью. От запаха вашего мумиё не так-то просто избавиться... У меня страшно разболелась от него голова. Можете радоваться, мэтр Савари, вы втянули меня в очень неприятное приключение. Известно ли вам, что посол счел совершенно естественным присвоить пять моих лошадей? Четверку вороных, помесь с бедуинскими, и мою верховую лошадь, мою чистокровную кобылу, купленную за тысячу ливров...

– Естественно! Такие прекрасные животные! Его превосходительство счел это просто подарком.

– Но он же не захотел взять вашу лошадь!

– Хе-хе! Я знал, что делал, – усмехнулся старый аптекарь, дружески похлопывая по костлявому боку старую клячу.

– А как теперь вернуться в Версаль? По этой дороге не проезжает ни одна карета. Да к тому же я никому не осмелюсь признаться в том, какие глупые и оскорбительные злоключения выпали на мою долю.

– Я возьму вас на круп моей лошади, – сказал Савари, – и к вечеру доставлю в Париж. Ну а парни проведут ночь на постоялом дворе в двух лье отсюда. А завтра они наймут повозку, чтобы вернуться в город, а в вашей конюшне найдут других лошадей.

– Действительно, как просто! – заметила Анжелика, начиная злиться. – Вы думаете, что у меня полная конюшня лошадей, которых я могу раздавать без оглядки каждому встречному персидскому князю...

Савари не растерялся и продолжал хихикать, как развеселившийся шалунишка:

– Хе-хе! Я вижу у вас на пальчике камешек, который стоит пяти, а то и десяти чистокровных лошадей.

Раздосадованная Анжелика спрятала под плащом руку, на которой сверкала бирюза стоимостью несколько тысяч ливров. Довольный мэтр Савари сел в седло, а лакеи помогли своей хозяйке устроиться позади него.

– Что бы вы ни говорили, мадам, – продолжил старик, когда его лошадь пошла легкой рысью, – вы гораздо лучше поладили с Бахтияр-беем, чем хотите нас в этом убедить.

– Вовсе нет! Я не могу поладить с человеком, который жонглирует головами себе подобных и который сначала любезно принимает меня у себя, а затем без единого слова извинений вышвыривает на улицу...

– Это всего лишь частности и условности, мадам. Для мусульман жизнь, которой они умело наслаждаются, не имеет того же значения, что для христиан. На пороге смерти их встречает Аллах. Отправляя раба в мир иной взмахом сабли, они щедро одаривают его свободой, и он попадает прямо в рай. Потому что Коран предоставляет эту привилегию слугам, казненным их господином. И я убежден, что Бахтияр-бей сохранил самое волшебное воспоминание о вашем визите. Но все же вы всего лишь женщина! – заключил мэтр Савари с чисто восточным презрением.

Глава XXXIII

На следующий день в десять часов утра Анжелика еще спала, измученная событиями предыдущего дня, когда кто-то постучал в дверь:

– Мадам, вас спрашивают.

– Оставьте меня в покое! – крикнула она в ответ.

Она вновь задремала, с наслаждением погружаясь в уютный сон, который вдруг стал похож на неровную рысь лошади мэтра Савари. Наконец она открыла глаза. Жавотта, с перекошенным лицом, трясла ее за плечо:

– Мадам, там два офицера, они настаивают. Они требуют, чтобы их приняли, «бросив все дела», как они говорят.

– Пусть подождут, пока я не выплусь.

– Мадам, – возразила Жавотта дрогнувшим голосом, – мне страшно, мне кажется, что эти молодцы пришли вас арестовать.

– Арестовать?! Меня?!

– Они поставили охрану: два стражника стоят на выходе из особняка, и они приказали заложить вашу карету, чтобы увезти вас.

С трудом собравшись с мыслями, Анжелика встала. Чего от нее хотят? Прошли те времена, когда Филипп мог сыграть с ней злую шутку... еще позавчера король даровал ей право табурета... стало быть, нет оснований для беспокойства.

Она поспешно оделась и, преодолевая зевоту, приняла офицеров. Жавотта не ошиблась, явились офицеры королевской полиции. Они протянули Анжелике письмо. Дрогнувшей рукой она сломала печать. Содержание предписывало получателю сего письма соблаговолить последовать за лицом, вручившим его. Внизу листа, который по существу являлся ордером на арест по подозрению в государственной измене, стояла королевская печать. Молодая женщина словно свалилась с облаков. Ей пришло в голову, что она стала жертвой каких-то происков и что кто-то, прикрываясь именем короля, стремится сильнее ей навредить.

Она спросила с подозрением:

– Кто вручил вам это письмо и отдал приказ?

– Наше начальство, мадам.

– И что же я должна делать?

– Следовать за нами, мадам.

Анжелика повернулась к своим слугам, которые с беспокойством

переговаривались, собравшись вокруг нее. Она приказала Мальбрану, дворецкому Роже и еще трем слугам оседлать лошадей и сопровождать ее. Теперь, если вдруг ее попытаются заманить в ловушку, у нее будет эскорт для защиты.

Но старший из офицеров возразил:

– Сожалею, мадам, но я должен отвезти вас одну. Приказ короля.

У Анжелики бешено забилося сердце.

– Я арестована?

– Мне это неизвестно, мадам. Все, что я могу сказать, – что я должен доставить вас в Сен-Манде.

Гадая, чем вызвана немилость, молодая женщина села в свою карету. Сен-Манде?.. Что же там такое, в Сен-Манде? Может быть, монастырь, куда ее, беззащитную, хотят поместить! И по какой причине? Она ничего не понимала! А что будет с Флоримоном?

Сен-Манде... Разве не там знаменитый Фуке, бывший суперинтендант Франции, построил один из своих загородных дворцов?

Вздых облегчения вырвался из ее груди. Она вдруг вспомнила, что после ареста и заключения в тюрьму Фуке король подарил имущество вельможи его преемнику Кольберу. Вся эта история связана, конечно, с Кольбером. Станный способ приглашать молодую даму в свой загородный дом. Она все ему выскажет, хоть он и министр.

Потом ее вновь охватило волнение. Вокруг происходило столько неожиданных и необъяснимых арестов. Иногда люди появлялись вновь. Они улыбались. Все уладилось. Но за это время на их имущество накладывалось эмбарго, их бумаги были перерыты. А Анжелика не позаботилась сделать никаких распоряжений, чтобы оградить свои деньги.

«Это урок для меня, – подумала она. – Если я выпутаюсь из этой истории, то в будущем стану в делах осторожнее и осмотрительнее».

Карета миновала топкие парижские улицы и поехала быстрее по замерзшей дороге. Оголенные дубы с обледенелыми ветвями говорили о приближении к Венсенскому лесу. Наконец с правой стороны показался фасад бывшей резиденции Фуке, не столь пышной, как Во-ле-Виконт, но «неподобающая» роскошь Сен-Манде тем не менее фигурировала во главе списка обвинений, предъявленных знаменитому финансисту, томившемуся в одной из крепостей Пьемонта.

Несмотря на зиму и морозы, двор замка являл стройку в полном разгаре. Казалось, все было перекопано и разворочено. Балки и куски штукатурки громоздились у основания стен, местами там виднелись зияющие дыры, из которых торчали обломки свинцовых труб. Анжелике

пришлось приподнять юбки, чтобы перешагнуть через груды труб, загоравших вход. Старший мастер протянул ей руку, чтобы помочь.

– Какого черта господин Кольбер разрушает свой дом? – спросила она у него.

– Господин Кольбер рассчитывает получить большие деньги за эти свинцовые трубы, – отвечал тот.

Вмешался офицер:

– Мадам не имеет права ни с кем разговаривать.

– Нет ничего страшного, мы ведь говорим о свинцовых изделиях, – возразила Анжелика.

Она уже не так серьезно воспринимала ситуацию. Теперь, когда она сможет все объяснить Кольберу, она совсем успокоилась.

Внутри производились работы. Рабочие отрывали от потолка орнаменты из искусственного мрамора и алебаstra, выполненные артелью великого художника Лебрена.

Такой вандализм возмутил Анжелику, но она остереглась высказывать свое мнение. У нее были другие заботы. Главное, ей следовало сохранять хладнокровие.

Очень спокойно и полностью владея своими чувствами она проследовала в то крыло замка, где нынешний суперинтендант устроил свои службы и где уже поработал скребок. «Неслыханная роскошь», в которой так упрекали Фуке, ограничивалась, по-видимому, только этой облицовкой позолоченной штукатуркой, потому что когда ее содрали, то остались голые стены из плохо обожженного кирпича, ничуть не похожие на сооружения из мрамора, вменявшиеся в вину бывшему суперинтенданту, осужденному на пожизненное заключение.

В конце длинного коридора Анжелика обнаружила, что цвет французской знати теснится на убогих банкетках, рядом с нуждающимися и обездоленными. У могущественного министра в Сен-Манде не было другой приемной, и всем, кто обращался к нему с просьбой, в ожидании приема приходилось стоически терпеть сквозняки.

Анжелика заметила мадам де Шуази, и мадам де Гамаш, и красавицу шотландку из свиты герцогини Генриетты, баронессу де Гордон-Гакслей, и даже юного де Лавальера, который притворился, что не видит ее. Принц Конде сидел рядом с месье де Солиньяком. Увидев Анжелику, он хотел к ней подойти, но Солиньяк удержал его, прошептав что-то на ухо. Принц возразил. После довольно продолжительного шушуканья он все же освободил свой рукав, который удерживал де Солиньяк, и галантно направился к Анжелике. Он слегка прихрамывал, потому что сырая и

холодная атмосфера не облегчала его страданий от подагры.

Но тюремщик Анжелики вновь заявил:

– Простите, ваше высочество, но мадам не имеет права ни с кем разговаривать.

И чтобы избежать споров с великим Конде, они ввели молодую женщину прямо в малую приемную, несмотря на возмущенный ропот придворных, недовольных нарушением очереди.

В этой комнате был только один проситель, которого Анжелика никогда раньше не видела при дворе. Явно чужеземец. Она дважды на него взглянула, подумала, что он похож на перса; сильно загорелое лицо и черные, несколько раскосые глаза придавали ему вид азиата. Но одет он был по-европейски, насколько позволяло об этом судить широкое потертое пальто, в которое он кутался. Однако его сапоги с отворотами из красной кожи, украшенные золотыми кисточками, и маленькая фетровая шапочка, отороченная светлым каракулем, заменявшая шляпу, выдавали его иностранное происхождение. Она заметила, что он при шпаге.

Незнакомец встал и очень низко поклонился вошедшей, не придавая никакого значения, что ее эскортируют два стражника. На правильном французском языке, но с чрезмерно раскатистым «р» он предложил ей пройти на прием раньше его. Ни за что на свете он не позволит, чтобы такая очаровательная дама ждала хоть несколько лишних минут в этом безрадостном месте. Белоснежные зубы поблескивали под тонкой ниточкой очень черных усов, концы которых слегка свисали к углам губ. Во Франции уже давно не носили таких длинных усов, разве что старики поколения барона де Сансе. Во всяком случае, Анжелика никогда не видела таких странных усов, какие были у незнакомца. Когда он молчал, они придавали ему свирепый и дикий вид. Ее заморозили его усы. И всякий раз, когда Анжелика бросала на него взгляд, иностранец награждал ее лучезарной улыбкой и повторял, что она должна пройти раньше его.

Кончилось тем, что старший полицейский сказал:

– Мадам, конечно, крайне вам признательна, ваша светлость, но не забывайте, что в Версале вас ждет король. На вашем месте я, скорее, попросил бы мадам соизволить потерпеть несколько лишних минут...

Незнакомец, казалось, его не слышал и продолжал дерзко улыбаться, пристально глядя на Анжелику, так что под конец это стало ее смущать.

Ее меньше удивляла невоспитанность полицейского офицера, чем та почтительность, которую он проявлял по отношению к иностранному просителю. Но кто бы он ни был, это был очень галантный мужчина.

Анжелика напрягла слух, чтобы понять, как долго еще продлится

беседа с посетителем, находившимся у министра.

В результате ломки и переделок, происходящих по распоряжению владельца дома, дверь рабочего кабинета закрывалась неплотно. Голоса приближались, что говорило об окончании визита.

– И не забывайте также, местье де Гурвиль, что в Португалии вы будете тайным представителем короля Франции и что положение обязывает, – прозвучали заключительные слова Кольбера.

«Гурвиль, – подумала Анжелика. – Ведь это один из сообщников осужденного суперинтенданта? Я считала, что он в бегах и даже заочно приговорен к смерти...»

Министр по-дружески провожал дворянина в черной маске, который показался на пороге. Проходя мимо, он поклонился Анжелике.

Господин Кольбер нахмурился. Он колебался, кого пригласить первым: венгра или молодую женщину. Но так как иностранец на шаг отступил, то выражение его лица стало еще более угрюмым. Он жестом пригласил Анжелику войти и резко захлопнул дверь перед носом ее конвоиров.

Кольбер сел, жестом предложил своей посетительнице кресло и выдержал довольно долгую паузу. Глядя на его сдвинутые брови и ледяное выражение лица, Анжелика вспомнила, что мадам де Севинье дала ему прозвище Север. Она улыбнулась.

Министр вздрогнул: его удивило, что Анжелика не понимает серьезности ситуации.

– Мадам, не можете ли вы объяснить те причины, по которым вы нанесли вчера визит персидскому послу его превосходительству Бахтияр-бею?

– Кто информировал вас об этом?

Кольбер взял со стола конверт и с досадой повертел его в руках.

– Сегодня утром я получил от короля требование как можно скорее вызвать вас, чтобы получить объяснения.

– Шпионы его величества времени не теряют.

– За это им и платят, – пробурчал Кольбер. – Ну, так что вы ответите?

Кто попросил вас нанести визит представителю шаха персидского?

– Любопытство.

Кольбер не понял:

– Давайте договоримся, мадам. Дело очень серьезное! Отношения между этим упрямым человеком и Францией сейчас таковы, что те, кто его посещает, могут рассматриваться как пособники враждебной стороны.

– Смешно! Мне показалось, что Бахтияр-бей стремится встретиться с

самым великим в мире монархом и полюбоваться красотами Версаля.

– Я считал, что он собирается уехать, так и не вручив верительных грамот...

– Это бы крайне его огорчило. Прояви ваши грубияны, все эти Торси, Сент-Амоны и компания, чуть-чуть больше такта...

– Вы, мадам, слишком неуважительно отзываетесь о заслуженных дипломатах. Вы считаете, что они плохо разбираются в делах?

– Они не знают персов, это совершенно очевидно. У меня сложилось впечатление, что Бахтияр-бей благожелательно настроенный человек... в плане политического взаимопонимания.

– Тогда почему же он отказывается представиться королю?

– Потому что он считает, что его плохо принимают, что явиться к королю в карете, окруженной охраной, для него оскорбительно.

– Но таков церемониал приема всех послов в этом королевстве.

– А он этого не хочет.

– Так чего же он хочет?

– Он хочет пересечь весь Париж верхом на коне, осыпанный лепестками роз, и чтобы все парижане падали перед ним ниц.

Пораженный министр молчал, а Анжелика продолжила:

– В общем, господин Кольбер, все зависит от вас.

– От меня? – встревожился тот. – Но я ничего не смыслю в правилах этикета.

– Как и я. Но я мыслю достаточно здраво, чтобы понять, что нет такого этикета, который нельзя было бы немного изменить ради выгодного для королевства союза.

– Расскажите мне обо всем подробнее, – сказал Кольбер, нервным жестом вытирая шею.

Анжелика быстро рассказала о своем забавном приключении, не упомянув, однако, о мумии. Кольбер слушал с мрачным видом, не улыбнувшись даже тогда, когда она рассказала о казни колесованием, которую его превосходительство попросил повторить.

– Говорил ли он о секретных статьях договора?

– Ничуть. Он только намекнул, что всем вашим мануфактурам не удастся получить такого шелка, как персидский... И еще он говорил о католических монастырях.

– Он не говорил о возможных военных договорах с арабами или Москвой?

Анжелика покачала головой. Министр погрузился в глубокое раздумье. Некоторое время Анжелика молчала, затем весело заключила:

– В общем, я оказала услугу и вам, и королю.

– Не спешите с выводами. Вы проявили себя страшно неосторожной и неопытной.

– В чем же? Я ведь не подписывала официального обязательства не посещать кого бы то ни было, не получив одобрения начальства.

– Здесь вы ошибаетесь, мадам. Позвольте вам сказать напрямик. Вы считаете, что можете делать что хотите. Но чем выше ваше положение, тем с большей осмотрительностью вы должны поступать. Общество сильных мира сего полно скрытых опасностей. Поэтому вы едва не оказались под арестом...

– Так я уже не арестована?

– Нет. Я принимаю на себя решение вас отпустить, до того как улажу это дело с его величеством. Однако соблаговолите быть завтра в Версале, я полагаю, что после некоторых необходимых проверок король захочет вас выслушать. Я тоже там буду и поговорю с его величеством о плане, который сейчас обдумываю и в котором вы можете оказаться нам полезной в сношениях с Бахтияр-беем.

Он проводил ее до двери и на вопросительные взгляды полицейских сказал:

– Свободны. Ваше поручение выполнено.

Анжелику так потряс счастливый конец этого принудительного визита, что после ухода офицеров полиции она осталась в передней, не обращая внимания на появление следующего просителя, пришедшего на смену иностранцу.

В результате, когда этот последний вышел из кабинета министра и увидел ее бессильно сидящей на банкетке, он предложил на своем французском с раскатистым «р» пойти нанять для нее карету. У него самого не было личного экипажа, чтобы добраться до Парижа.

Анжелика машинально за ним последовала. В голове у нее не было ни одной мысли. И только увидев свою собственную карету, которую направлял к ней форейтор, она вернулась к действительности.

– Прощу меня извинить, сударь, но это я должна просить вас сесть в мою карету и доставить мне удовольствие вместе совершить путешествие в Париж.

Чужестранец с одного взгляда оценил серебристо-серую суконную обивку с серебряным сутажом и ливреи слуг. Он снисходительно улыбнулся.

– Бедная малютка, – сказал он, – понимаете ли вы, что я гораздо

богаче вас? У меня ничего нет, зато я свободен.

«Какой оригинал!» – подумала Анжелика, когда карета тронулась.

Она с облегчением проделала обратную дорогу, потому что утром пребывала в полной неуверенности. Теперь она могла себе признаться, что страшно боялась. Ей было известно, что далеко не все недоразумения так легко разрешаются. Выйдя из угнетенного состояния, она попыталась поддерживать беседу с этим явно образованным мужчиной, который проявил себя любезным по отношению к ней в тот момент, когда другие уже считали ее зачумленной.

– Могу ли я узнать ваше имя, сударь? Мне кажется, что я не видела вас при дворе...

– Но я вас видел, в тот день, когда его величество предложил вам сесть и вы, в черном платье, выступили вперед, такая красивая, такая серьезная. Вы выглядели как живой упрек этим расфуфыренным птицам.

– Упрек?

– Возможно, я плохо выразился. Вы так отличались от толпы, так отличались, что мне хотелось закричать: «Только не она! Только не она! Уберите ее отсюда!»

– Слава богу, что вы сдержались!

– К сожалению, это необходимо, – вздохнул иностранец. – Я постоянно пытаюсь помнить, что это Франция. Французы не так непосредственны, как другие народы. Они думают головой, а не сердцем.

– Откуда вы?

– Я князь Ракоци, моя родина – Венгрия.

Анжелика вежливо кивнула. Она подумала, что при случае спросит у мэтра Савари, который так много путешествовал, где находится Венгрия. Уж в этом-то он должен ей помочь, после всего, что она перенесла ради его проклятого мумиё.

Принц рассказал, что, несмотря на высокое происхождение, он отказался от всех своих богатств, чтобы посвятить себя народу, чьи страдания не давали ему покоя. Он подстрекал народ к восстанию и способствовал низвержению венгерского короля, который укрылся при дворе немецкого императора.

«Значит, его страна находится в Европе», – подумала Анжелика.

– И тогда на некоторое время в Венгрии установилась республика. Но потом наступили репрессии. Ужасно! За жалкие гроши на меня донесли мои же сторонники. Но мне удалось бежать, и я скрывался в монастыре. Затем я объехал немало стран, всюду гонимый, и наконец добрался до Франции, где встретил радушный прием.

– Рада за вас. И где же вы живете во Франции?

– Нигде, мадам. Я странник, как мои предки. Потом я собираюсь вернуться в Венгрию.

– Но вас ожидает там смерть!

– И все же я вернусь туда, как только получу помощь от вашего короля, чтобы готовить новое восстание. В душе я прирожденный революционер.

Анжелика посмотрела на него округлившимися от удивления глазами. Она впервые видела революционера во плоти. Или, вернее, в костях, потому что страсть к анархии плоти не прибавляла. Но в его глазах горел веселый мистический огонь, который пресекал всякое сострадание или насмешку. Этот гонимый революционер казался довольным своей судьбой.

– Неужели вы надеетесь, что наш король даст вам денег, чтобы вы помогли свергнуть другого короля? Наоборот, он страшится таких беспорядков...

– У себя – возможно. Но когда речь идет о других странах, революционер – это полезная шахматная фигура, которую иногда можно пускать в игру. А потому я не теряю надежды.

Анжелика задумалась.

– Действительно, говорят, что в свое время Ришелье поддержал Кромвеля французскими деньгами и что, по сути, это он отвечает за то, что Яков Первый Английский, кузен французского короля, был обезглавлен.

Иностранец отстраненно улыбнулся:

– Я не знаком с английской историей, но знаю, что англичане потом вновь попали под наследственную власть королевского дома. У них не произошло обновления власти за счет притока новой крови. Этот народ не созрел для новых дел. Франция пока тоже еще не готова. А мы, венгры, уже готовы: в нас бурлит кровь многих народов.

– Но мы в своей стране тоже свободны, – возразила Анжелика.

Венгр разразился таким истерическим хохотом, что кучер притормозил и обернулся. Потом, покачивая головой, он вновь пустил лошадей рысью. Госпожа маркиза прекрасная женщина, но она знает с очень странными типами!

Иностранец немного успокоился и воскликнул:

– И это вы называете быть свободой, когда вас приводят между двумя стражами к министру полицейского королевства?

– Это было недоразумение, – недовольным тоном ответила Анжелика. – Вы же сами видели, что эти полицейские ушли без меня.

– Да. Но это еще хуже, *они у вас за спиной*. И вы никогда от них не

избавитесь. Если только не будете на них работать. Иначе говоря, будете продавать свою душу и свободу. Если вы хотите избежать такой участи, надо спасаться.

Эти экзальтированные речи начинали раздражать молодую женщину.

– Бежать? Что за мысль! Я добилась очень высокого положения и, уверяю вас, прекрасно себя чувствую.

– Поверьте, это ненадолго. С вашей-то внешностью.

– Внешностью? А что в ней такого особенного?

– Вы похожи на неподкупного архангела с разящим мечом справедливости в руке, отсекающего мерзкие связи угодничества и сделок с совестью. Ваш взгляд пронизывает насквозь. Перед вами люди чувствуют себя обнаженными. И нет такой глубокой тюрьмы, чтобы сокрыть этот свет. Берегитесь!

– В ваших словах есть правда, – отвечала с грустной улыбкой Анжелика, качая головой. – Я знаю, что не склонна к компромиссам. Но не бойтесь за меня. Я слишком дорого заплатила за ошибки молодости, чтобы не научиться быть осторожной.

– То есть быть рабой, хотите вы сказать?

– У вас слишком сильные определения, сударь. Если хотите знать мое мнение, я вам скажу, что ни один политический строй на земле не является идеальным и во всех странах бедным не позавидуешь. Вы в некотором роде апостол. Но апостолы кончают распятием на кресте. Это не для меня!

– Апостол должен быть одиноким или, во всяком случае, отказаться от семьи. А я, напротив, хотел бы создать семью, но в условиях свободы. Я непрестанно думаю об этом, с момента как увидел вас. Станьте моей женой, и сбежим вместе!..

Анжелика поступила так, как поступают женщины в щекотливой ситуации: она рассмеялась и сменила тему разговора:

– О! Посмотрите, сколько народу! Что там такое?

Они уже ехали по одной из узких улочек парижского квартала Сен-Поль. Вдруг им перегородили дорогу. Толпа оборванцев, набранных, вероятно, за несколько су, чтобы они выкрикивали нужные слова, окружала отряд стражников, который только что остановился на маленькой площади. В центре устроили что-то вроде виселицы, на ней болталось соломенное чучело с большой белой дощечкой с надписью на груди. Один из сержантов, комиссар квартала и судейский исполнитель представляли официальных лиц церемонии. Когда чучело подтянули вверх на виселицу, два барабана забили протяжную дробь. Толпа разразилась новыми криками:

- На костер вора!
- Смерть эксплуататорам народа!
- Прообраз революционеров! – прошептал венгр с горящими глазами.

– Вот здесь вы ошибаетесь, сударь, – сказала Анжелика, очень довольная, что может его уколоть. – Эти люди рукоплещут королевскому акту справедливости. Это «воображаемая казнь». Ее устраивают для преступников, приговоренных к смерти, которым удалось бежать.

Она высунулась из окна кареты, чтобы узнать, кого там повесили в виде чучела. Один горожанин, радующийся происходящему, сказал, что речь идет о графе де Гурвиле, сборщике податей в провинции Гиень, закоренелом растратчике и воре государственных средств, бывшем сообщнике Фуке, которого недавно судили. Долго же этого ждали! Пусть знают, что все злоупотреблявшие доверчивостью налогоплательщиков получают по заслугам!

Карета выбралась из толпы и продолжила свой путь. Анжелика молчала, как и ее спутник, которого увиденное зрелище повергло в глубокое раздумье.

– Бедняга, – вздохнул он, – несчастная жертва тирании, навсегда обреченный жить вдали от родины, куда он не может вернуться под страхом смерти... Увы! Сколько изгнанников скитается по миру, лишившись родных мест по решению деспотичных государей...

– По решению, которого они вполне заслужили. Но не слишком переживайте о судьбе господина де Гурвиля и о жестокости короля по отношению к нему. Короче говоря, это тот человек в маске, который у нас на глазах выходил из кабинета господина Кольбера сегодня утром.

Ракоци, с горящими глазами, нервным движением схватил ее за руку.

– Вы уверены в вашем предположении?

– Почти полностью.

Венгр расцвел улыбкой.

– Вот почему ваш король мне заплатит, мне, революционеру. Заплатит, чтобы я организовал свержение другого короля, – сказал он, торжествуя. – Потому что он двуличный. Он предоставляет глупой толпе зрелище заочной казни виновных, а сам тайком пользуется их услугами. Он подписывает мир с Голландией и подталкивает Англию начать с ней войну. Он ведет торговые переговоры с Португалией, чтобы ударить в спину Испанию, с которой у него заключен союз. Я, Ракоци, нужен ему, чтобы ослабить германского императора. Но это не мешает ему быть на стороне этого самого императора против турок на Сен-Готаре. И одновременно он требует права на подушную подать, что подписано с теми

же турками. Это великий король, очень скрытный и очень ловкий. По-настоящему его никто не знает. И он всех вас превратит в бездушных марионеток.

Анжелика плотнее запахнулась в манто. Слова венгра странным образом бросали ее то в жар то в холод. Они раздражали ее до глубины души, но она слушала как замороженная.

– По вашим словам нельзя понять, ненавидите вы его или им восхищаетесь?

– Я ненавижу его как короля. И я восхищаюсь им как человеком. Он в большей степени *король*, чем все остальные, кого я знаю. И слава богу, что это не мой король. Потому что еще не родился тот, кто свергнет его с престола.

– У вас странное мировоззрение. Вы говорите как завсегдатай ярмарки в Сен-Жермене, который только и делает, что сбивает в балагане мячиками головы выставленных там королей.

Ее замечание не рассердило, а развеселило князя.

– Мне нравится жизнерадостность французов. Когда я прогуливаюсь по Парижу, меня удивляет веселость каждого встречного. Каждый ремесленник в своей мастерской во время работы распевает или насвистывает куплет. Они мне объясняли, что это помогает забыть о несчастьях. Но люди, сидящие в каретах, далеко не так веселы. Почему? Разве знать сего королевства не имеет права петь, чтобы позабыть о своих несчастьях?..

Карета подкатила к особняку Ботрейи. Анжелика размышляла, как распрощаться с этим человеком, чтобы не обидеть его, когда он сам первым вышел из кареты и протянул ей руку, чтобы помочь спуститься.

– Вот и ваш особняк. А у меня был дворец.

– Вы о нем не жалеете?

– Когда отрекаешься от благ мира сего, то начинаешь по-настоящему пользоваться жизнью. Не забывайте, мадам, о чем я вас просил.

– О чем же?

– Стать моей женой.

– Это шутка?

– Нет. Вы считаете меня сумасшедшим, потому что не привыкли общаться со страстными и искренними людьми. Страсть на всю жизнь может зародиться за одну секунду. Так почему же и не признаться в ней так же быстро? Французы удерживают свои чувства, как и своих жен, стальными корсетами. Пойдемте со мной. Я освобожу вас.

– Ну нет! Я дорожу своим корсетом, – со смехом ответила

Анжелика. – Прощайте, сударь, при вас я говорю всякие глупости.

Глава XXXIV

Утром в Версале Анжелика тотчас отправилась к королеве, чтобы попытаться узнать, сохранилась ли за ней небольшая должность при ее дворе.

Ей сказали, что королева с фрейлинами вышла и направляется в деревню Версаля, чтобы посетить приходского священника. Королеву несут в портшезе, а дамы идут пешком, поэтому вряд ли они ушли далеко.

Анжелика пошла их догонять.

Когда она пересекала Северный партер, на нее обрушился град снежков. Она повернулась, чтобы взглянуть на злого шутника, но получила новый снежок прямо в рот. Она споткнулась, поскользнулась и упала, окутанная вихрем юбок и снежной пылью.

Раскатисто хохоча, из-за кустов вышел Пегилен де Лозен.

Анжелика рассвирепела:

– До какого возраста, скажите на милость, вы будете продолжать свои шуточки, достойные судейских писцов? Хотя бы помогите мне подняться.

– Вот уж нет! – ответил Пегилен и, упав рядом, вывалял ее в снегу, расцеловал, пощекотал ей нос рукавом и так разыгрался, что она стала со смехом просить пощады.

– Пегилен, вы, кажется, забыли о моей недавней утрате?

– Да, забыл, – беззаботно ответил Пегилен. – Нужно все забывать, как забудут и нас, когда наступит час предстать перед Создателем. Да и вы не вернулись бы ко двору, если бы не стремились все забыть. Философское отношение к жизни. Но вы, крошка, должны мне помочь.

Он взял ее под руку и повел в лабиринт тисовых аллей, который зима превратила в прелестное войско из сахарных голов.

– Король дал согласие на свадьбу, – сообщил он с таинственным видом.

– Какую свадьбу?

– Ну как же! На свадьбу мадемуазель де Монпансье с захудалым гасконским дворянином по имени Пегилен де Лозен. Разве вы не в курсе дела? Она безумно в меня влюблена и многократно умоляла короля позволить нам пожениться. Королева, Месье, Мадам громко возмущаются, считая, что такой союз несовместим с достоинством трона. Пфф... Король добр и справедлив. Он меня любит. К тому же он не считает себя вправе обречь свою родственницу на безбрачие, а в свои сорок четыре года она

уже не может претендовать на блестящий брак. В конце концов, невзирая на вопли этих шельм, он сказал: ДА.

– Это серьезно, Пегилен?

– Серьезней не бывает!

– Меня это огорчает.

– Вы ошибаетесь. Я гораздо лучше этой толстой свиньи, покрытой язвами, португальского короля, когда-то домогавшегося руки Мадемуазель, или силезского князя, этого младенца, который тоже был среди претендентов.

– Мне грустно не из-за нее, а из-за вас.

Она остановилась и посмотрела в его такое знакомое лицо, все еще молодое, с блестящими глазами, несмотря на слегка обвисшие веки.

– Как жаль! – вздохнула она.

– Я стану герцогом де Монпансье, – продолжал расписывать Пегилен, – и к тому же получу замечательный апанаж. По контракту Мадемуазель предоставит мне примерно двадцать миллионов^[15]. Его величество уже всем пишет сообщение о свадьбе своей кузины. Анжелика, мне кажется, что это сон. Даже в самых высоких помыслах я никогда не стремился так высоко: король будет моим кузеном! Я все еще не могу этому поверить. И мне страшно. Вы должны мне помочь.

– Не вижу в чем. Ваши дела на верном пути.

– Увы, фортуна так переменчива! Пока нас не соединят с очаровательной принцессой, я не буду спать спокойно. У меня много врагов, начиная со всей королевской семьи и принцев крови. Месье Конде и его сын герцог Энгиенский ненавидят меня. Не можете ли вы использовать свой шарм, чтобы, с одной стороны, успокоить принца, который очень вам доверяет, а с другой – убедить короля, на которого могут повлиять их вопли. Мадам де Монтеспан уже обещала мне свою поддержку, но я не очень-то в ней уверен. Мне кажется, в таком тонком деле две любовницы короля лучше, чем одна.

– Но я не любовница короля, Пегилен.

Вельможа склонил голову направо, потом налево, как птица-пересмешник, поджидающая момента вступить.

– Возможно, это хорошо! Но, может быть, и плохо! – пропел он.

Они вышли из сада и оказались возле решетки парадного двора. В ворота въехала карета, из которой мужской голос позвал:

– Хо-о! Эй-эй!

– Как я вижу, на вас большой спрос, – сказал Пегилен. – Не хочу мешать. Так могу я на вас рассчитывать?

– Ни в коем случае. Мое вмешательство скорее навредит вам.

– Не отказывайте. Вы сами не знаете своей силы. Вы в ней не признаетесь, но нюх такого опытного царедворца, как я, не может обмануть. И я утверждаю: вы всего можете добиться от короля!

– Какая глупость, мой бедный друг!

– Говорю вам, вы ничего в этом не смыслите. Вы вонзились в сердце короля, как сладостная и болезненная заноза, как мучительное чувство, потому что он подобных чувств никогда не испытывал. Женщина такая близкая, и ему кажется, что он не желает вас... И вот ему уже чудится, что он достиг вас, но вы удаляетесь... И к его удивлению, ваше отсутствие повергает его в несказанные муки.

– Муки, имя которым мадам де Монтеспан.

– Мадам де Монтеспан – лакомый кусочек, надежная пища, сытный ужин для плоти и духа, все, что требуется для удовлетворения чувств и монаршего тщеславия. Она ему нужна. И она у него уже есть... Но вы... Вы источник в пустыне, нежданная мечта того, кто не умеет мечтать... Вы тайна без таинства. Вы сожаление, нежданная радость, ожидание. Вы самая обычная женщина. Женщина самая непостижимая. Самая близкая. Самая далекая... Недоступная... *Незабвенная*, – заключил Пегилен, мрачно ткнув себя кулаком в кружевное жабо.

– Вы заговорили почти так же красиво, как персидский посол. Я начинаю понимать, как вам удалось завлечь бедняжку Мадемуазель в свою подозрительную авантюру.

– Так вы обещаете поговорить обо мне с королем?

– Я поддержу вас, если представится случай. А сейчас позвольте мне уйти, Пегилен. Я должна встретиться с королевой.

– Вы нужны ей меньше, чем мне. Впрочем, вот кто-то еще решил похитить вас от службы ее величеству.

Из кареты, откуда их окликнули, поспешно вышел мужчина и заторопился им навстречу.

– Это господин Кольбер. Конечно, ему нужен не я, – сказал Пегилен. – Я не умею жонглировать деньгами.

– Я рад, что сразу вас встретил, – сказал министр. – Сейчас я направляюсь на беседу с его величеством, а потом мы вас вызовем.

– А если король и слышать обо мне не захочет...

– Минутное настроение... и, признайтесь, вполне оправданное. Но король согласится с моими доводами. Пойдемте, мадам.

Однако оптимизм Кольбера оказался преждевременным. Его беседа с королем длилась гораздо дольше, чем необходимо для обычного доклада.

Он попросил Анжелику подождать на банкетке в салоне Мира; там она увидела своего брата Раймона де Сансе, чья высокая фигура в черной сутане словно рассекала пеструю толпу придворных.

После свадьбы с Филиппом Анжелика еще не виделась с братом. Неужели он появился здесь, чтобы высказать ей свои братские соболезнования? Действительно, он их и высказал самым сердечным тоном, но она поняла, что пришел он не для этого.

– Дорогая сестра, ты, конечно, удивлена, что я явился во дворец, куда меня очень редко приводят обязанности.

– Я полагала, что ты был духовником, или кем-то в этом роде, при королеве.

– На мое место назначен отец Жозеф. Начальствующие решили сделать меня настоятелем нашего дома в Мелёне.

– Так это значит, что...

– Что я стал главой, или кем-то в этом роде, всех французских миссий нашего ордена за границей, – улыбнулся он. – В частности, монастырей на Востоке.

– А-а! Отец Ришар...

– Вот именно!

– Бахтияр-бей... Его отказ садиться в карету, промахи господина Сент-Амона, недопонимание короля и моральный и материальный ущерб, вытекающий отсюда...

– Анжелика, меня всегда восхищала живость твоего ума.

– Спасибо, дорогой Раймон. Но в данном случае, мне кажется, я оказалась бы на редкость тупой, если бы не поняла.

– Перейдем к делу! Отец Ришар, с которым я только что имел беседу, считает, что ты одна можешь поправить все дело.

– Сожалею, Раймон, но сейчас очень неудачный момент. Я рискую впасть в немилость.

– Но ведь король принял тебя при дворе с большими почестями. Мне сообщили, что ты получила право табурета.

– Совершенно верно. Но что ты хочешь! Настроение у сильных мира сего переменчиво, – вздохнула Анжелика.

– Сейчас надо меньше думать о настроении короля, чем о настроении посла. С момента прибытия во Францию отец Ришар уж и не знает, каким святым молиться. Большая ошибка, что к князю приставили Сент-Амона, дипломата, если угодно, но он сторонник Реформации, и, к сожалению, дух его религии ни в чем не совпадает с религией восточных народов. Поэтому накопились недоразумения, приведшие к нынешнему положению дел,

когда ни король, ни князь не могут сделать шаг назад без ущерба для их престижа. Так вот, твой вчерашний визит привел к значительному ослаблению напряжения. Послу, похоже, захотелось познакомиться с Версалем, он с уважением говорил о короле, и, кажется, он понял, что французские обычаи могут отличаться от обычаев его страны и что в них не кроется ничего унижительного лично для него самого. Преподобный отец Ришар приписывает улучшение положения твоему присутствию. «Женщины, – сказал он мне, – иногда обладают пронизательностью, неким инстинктом, особой мудростью, которые никогда нам не откроются, несмотря на наше мужское умничанье». Он признаёт, что ему и в голову не приходило похвалить князю цветы или фарфор Версаля, чтобы побудить его представить верительные грамоты. «Восточные люди, – добавил он, – поддаются влиянию умных женщин, потому что в некоторых отношениях они им ближе, чем ум западных мужчин, дидактиков и картезианцев». Короче говоря, он просил меня обратиться к тебе с просьбой продолжить такое удачное вмешательство. Ты могла бы снова съездить в Сюрень в один из ближайших дней – возможно, уже с посланием от короля или с каким-то приглашением... Похоже, что ты обращаешься с его превосходительством и без страха, и без неуместного любопытства, которые проявляет в его присутствии большинство французов.

– Ну почему бы я стала так глупо себя вести? – удивилась Анжелика.

Кончиком пальца она поглаживала небесно-голубую бирюзу.

– Этот перс – очаровательный мужчина... Если не обращать внимания на такую мелкую манию, как склонность всем рубить голову. А ты не думаешь, Раймон, что в общении с ним моя душа будет в большей опасности, чем моя жизнь?

Иезуит с улыбкой смотрел на сестру:

– Мы хотим, чтобы ты не компрометировала добродетель, а использовала свое влияние.

– Ничтожное различие! Двадцать шесть монастырей в Персии сто́ят, конечно, нескольких томных взглядов, обращенных на посланца шахиншаха?

Выражение лица преподобного отца де Сансе не изменилось, в уголках губ застыла довольная полуулыбка.

– Я вижу, что ты ничего не боишься, – сказал он, – потому что мало что может тебя испугать. А я к тому же вижу, что с нашей последней встречи у тебя появилось новое оружие – цинизм.

– Я ведь живу при дворе, Раймон!

– Похоже, ты меня упрекаешь. А где ты хотела бы жить? Для какого

общества ты создана? Для провинции? Для монастыря?

Он улыбался, но его твердый блестящий взгляд обладал силой шпаги, способной пронзять души.

– Ты прав, Раймон. Каждому свое ремесло, как говорит Савари. Так, значит, персидская интрига так важна?

– Если миссия Бахтияр-бея провалится, нас тотчас выдворят из монастырей, с таким трудом основанных по решению кардинала Ришелье. У нас есть обитатели даже на Кавказе – в Тифлисе, Хартуме, Баку и так далее.

– У вас много новообращенных?

– Речь идет не об этом, речь идет о нашем присутствии, если забыть об армянском или сирийском католическом меньшинстве, которым мы тоже необходимы.

Анжелика раскрыла на коленях свой веер. Она выбрала его сегодня утром, потому что там были нарисованы на шелке маленькие экзотические сцены, где в обшитом жемчугом овале были изображены пять континентов: индеец со страусовыми перьями в волосах, негр верхом на льве, похожем на дракона... Появление господина Кольбера прервало их беседу.

– Ничего не поделаешь, – удрученно произнес он. – Король так разгневан, что меня удивляет еще ваше присутствие при дворе. Он и слышать не хочет о вашем вмешательстве.

– Разве я вас не предупреждала?

Она представила своего брата, преподобного отца Раймона де Сансе. Кольбер, хотя он это и отрицал, относился с подозрительностью к членам Общества Иисуса. Его тонкий ум понимал, что, при всей их образованности, они имеют возможность при случае сильно ему навредить. Однако его лицо прояснилось, когда он понял, что иезуит льет воду на его мельницу.

Раймон понял сложившуюся ситуацию, но не воспринял ее трагически.

– Мне кажется, я понимаю основную причину недовольства короля. Ты отказываешься назвать мотивы посещения посла.

– Я никому их не назову.

– Мы в этом не сомневаемся, мне отлично известно твое упрямство, дорогая Анжелика. Можно ли ждать, что ты откроешь их нам, если отказываешься назвать королю? Придумаем уместное объяснение твоего недопустимого поведения... Пойдите... А почему бы не выдвинуть те соображения, о которых я только что тебе говорил? Ты поехала в Сюрень

по моей просьбе, чтобы познакомиться с отцом Ришаром, потому что его деликатное положение не позволяет ему встречаться со мной открыто, не вызывая подозрений мусульман. Что вы об этом думаете, господин Кольбер?

– Я думаю, что это хорошее объяснение, если правильно его представить.

– Преподобный отец Жозеф, член нашего ордена, – духовник короля. Я сейчас с ним повидаюсь. Что ты об этом думаешь, Анжелика?

– Я думаю, что иезуиты действительно выдающиеся люди, как говорил мой друг, полицейский Дегре.

Они поспешно ушли, и Анжелика с улыбкой следила взглядом, как они удалялись по длинной галерее и в блестящих полах из ценных пород дерева отражался приземистый силуэт государственного мужа рядом с высокой фигурой монаха.

Вдруг гостиная опустела.

Анжелика заметила, что умирает от голода и что час, вероятно, уже поздний. Весь двор отправился смотреть на ужин короля. Она решила, что тоже туда пойдет, но все еще продолжала разглядывать в раздумье свой веер.

– Я вас искала, – раздался возле нее застенчивый женский голос.

Увидев Великую Мадемуазель, Анжелика не могла прийти в себя от удивления. Что могло так изменить властные интонации голоса внучки Генриха IV?

«Ах да, ее свадьба!» – вспомнила она, поспешив присесть в реверансе.

Великая Мадемуазель усадила Анжелику возле себя и в волнении сжала ее руки:

– Моя дорогая крошка, вы уже слышали новость?

– Кто о ней не слышал и кто не рад за вас? Ваше высочество, позвольте мне высказать самые искренние пожелания счастья!

– Но разве не прекрасен мой выбор? Скажите, есть ли другой дворянин с такими же достоинствами в соединении с таким талантом? Ведь он просто очарователен! Я знаю, вы его друг!

– Конечно, – отвечала Анжелика, невольно вспомнив происшествие в Фонтенбло.

Но Мадемуазель обладала девичьей памятью, и в ее речах не звучало задней мысли.

– Если бы вы знали, в каком страхе и нетерпении живу я с тех пор, как король дал свое согласие!

– Но почему же? Успокойтесь и радуйтесь без печали. Король не

может изменить своему слову.

– Я тоже хотела бы так думать, – вздохнула мадемуазель де Монпансье.

Ее гордая голова склонялась с непривычной кротостью. У нее была все еще великолепная грудь, как в те времена, когда художник Ван Оссель рисовал ее портрет для отправки европейским принцам-претендентам. Ее руки были изящны, а в красивых голубых глазах горел отблеск наивного сияния первой девичьей любви.

Анжелика ей улыбнулась:

– Ваше высочество так прекрасны!

– Правда? Как мило, что вы это сказали. Должно быть, мое счастье отражается на лице. Но я вся трепещу, что до заключения контракта король может еще передумать. Эта идиотка Мария-Терезия и мой кузен герцог Орлеанский вместе со своей паршивой женой объединили усилия, чтобы разрушить мои планы. Они вопят целыми днями. Но если вы меня любите, постарайтесь помешать их проискам перед королем.

– Увы, ваше высочество...

– Вы оказываете на короля такое влияние.

– Да кто может похвастаться, что *оказывает* влияние на короля? – раздраженно воскликнула Анжелика. – Вы же его знаете! Вам ведь известно, что он подчиняется только своему собственному мнению. Он выслушивает советы, но решения, которые принимает, не зависят от влияний, как вы думаете. Он принимает их потому, что сам считает их правильными. Король никогда не разделяет вашего мнения, это *ваше* мнение совпадает с мнением короля.

– Так вы отказываетесь мне помочь? А я ведь как могла помогала, когда вы оказались замешанной в истории вашего первого мужа, обвиненного в колдовстве.

Великая Мадемуазель отбросила всякое стеснение! Не такая уж у нее короткая память...

Анжелика едва не сломала веер, крутя его между пальцами. Наконец она торопливо пообещала, что, если только представится случай, она постарается выяснить намерения короля. Потом она испросила разрешения удалиться, чтобы заказать себе суп-пюре и булочку, потому что ничего не ела с предыдущего вечера: ей даже не удалось выпить бокал вина после мессы.

– Вы не поверите! – говорила Великая Мадемуазель, ведя ее под руку. – Король принимает генуэзского дожа, и вся свита в тронном зале. Потом последует бал, лотерея и большой фейерверк. Король желает, чтобы

в честь дожа присутствовали все дамы. И особенно *вы*. Иначе он вновь проявит неудовольствие, как было вчера, когда вы куда-то пропали.

Глава XXXV

С некоторых пор Анжелике часто снился один и тот же сон. Она лежит в траве на лугу, и ей очень холодно. Она пытается укрыться травой и вдруг замечает, что лежит голая. Тогда она с нетерпением ожидает появления солнца, глядя на лениво проплывающие в синем небе белые облачка. И наконец тело ощущает ласковое прикосновение солнечных лучей. Напряжение проходит. Ее охватывает необыкновенное чувство счастья и покоя, но вдруг она понимает, что ощущение тепла исходит не от солнечного луча, а от руки на ее плече. Тогда ее снова пробивает озноб, и она повторяет: «Естественно, ведь это зима. Но почему же трава зеленая?» – и продолжает бороться с зимней стужей и с зеленой травой, пока не просыпается, дрожа от холода и потирая плечо, на котором сохранялось ощущение теплой и ласковой ладони.

В эту ночь Анжелика опять проснулась, стуча зубами от холода. Натянула на себя одеяло, сброшенное с постели во время беспокойного сна. Она так замерзла, что колебалась, не позвать ли одну из девиц Жиландон, которые спали в соседней комнате, чтобы та разожгла камин.

Предоставленные ей в Версале апартаменты состояли из двух спален и маленькой ванной комнаты, мозаичный пол которой имел наклон к центру для стока воды. Чтобы согреться, Анжелика решила принять ножную ванну с цветами чабреца.

Вода в чайнике, поставленном на угольную печку, оставалась теплой. Она раздвинула шторы алькова и ногой поискала синие атласные домашние туфли, расшитые королевскими лилиями и подбитые лебяжьим пухом.

Вдруг Хризантема залаяла.

– Ш-ш-ш!

В отдалении раздался серебристый карийон часов. Анжелика спала недолго. Сейчас не больше полуночи! Был тот редкий час, когда, при отсутствии бала, позднего ужина или ночной феерии, большой Версальский дворец хранил тишину и погружался в короткий сон.

Анжелика наклонилась в поисках туфельки и в этот момент увидела слева возле алькова контуры маленькой дверцы, словно прорисованной тонкой полоской света. Она никогда не замечала ее раньше, а сейчас обнаружила благодаря дрожащему за ней отблеску свечи. Там кто-то пытался попасть ключом в невидимую скважину замка. Раздался легкий

щелчок: полоска света расширилась, и человеческая тень протянулась по стене.

– Кто здесь? Кто вы? – громко спросила Анжелика.

– Я Бонтан, главный королевский камердинер. Не бойтесь, мадам.

– Да, я вас узнала, господин Бонтан. Что вам угодно?

– Его величество желает вас видеть.

– В этот час?

– Да, мадам.

Анжелика молча закуталась в халат. Маленькие роскошные апартаменты ДЛЯ мадам дю Плесси-Бельер имели свои подвохи.

– Могу ли я попросить вас немного подождать, господин Бонтан? Я должна одеться.

– Прошу вас, мадам. Однако соблаговолите не будить ваших служанок. Его величество желает, чтобы соблюдалась полнейшая тайна и чтобы о существовании дверцы знали только особо доверенные люди.

– Я позабочусь об этом.

Она зажгла свою свечу от свечи Бонтана и прошла в соседний кабинет.

«Мало что может тебя испугать», – сказал ей Раймон.

Это правда. За свою трудную жизнь она научилась бороться с опасностями, а не прятаться и убегать от них. Ее зубы стучали, но не от страха, а от холода и нервозности.

– Господин Бонтан, прошу вас, соизвольте помочь мне застегнуть платье.

Камердинер Людовика XIV поклонился и поставил подсвечник на консоль. Анжелика уважала этого приветливого человека с прекрасными, без тени угодничества, манерами. Его положению не всегда можно было позавидовать. Он отвечал за королевский дом и за размещение и пропитание всего придворного населения Версаля. Людовик XIV не мог без него обходиться и нагружал тысячей мелких поручений. Бонтан никогда не беспокоил государя и в трудную минуту брал на себя решение всех проблем. Король был должен ему около семи тысяч пистолей, взятых займы во время карточной игры или лотерей.

Наклонясь к зеркалу, Анжелика нанесла немного румян на скулы. Ее манто оставалось в комнате, занятой фрейлинами. Пожав плечами, она решила:

– Тем хуже. Я готова, господин Бонтан.

Она с трудом протиснулась со своими тяжелыми юбками в маленькую дверцу, которая бесшумно закрылась. Молодая женщина оказалась в узком и невысоком коридоре, где не смогли бы разойтись два человека. Бонтан

подвел ее к винтовой лестнице, ведущей наверх, потом они опять спустились на три ступеньки ниже. Перед ними открылся узкий проход, длинный, как туннель. Он поворачивал направо и налево, пересекал кабинеты и маленькие потайные гостиные, обставленные или одной кроватью с табуретом, или одним секретером. Для каких загадочных гостей, для каких встреч предназначались они?

Анжелике открывался неизвестный Версаль – Версаль шпионов и слуг, секретных встреч, посещений инкогнито, негласных договоренностей, тайных свиданий. Версаль потайной, темный, коридоры, пробитые в толще стен, оплетающие невидимым лабиринтом светлые позолоченные залы.

Они пересекли последнее помещение, где банкетка и квадратный коврик поджидали, казалось, посетителей подземного города, и наконец вошли через дверь в анфиладу больших апартаментов.

Анжелика осмотрелась. Она находилась в кабинете короля.

Два канделябра на шесть свечей каждый отражались в черном мраморе стола, за которым усердно трудился король.

Перед камином, где потрескивал огонь, дремали три крупные борзые собаки. Они привстали с тихим рыком, но затем снова улеглись.

Бонтан поворошил дрова в камине, подбросил еще одно полено, отошел и как тень растворился в стене.

Людовик XIV, не выпуская из рук пера, поднял голову. Анжелика заметила, что он улыбается.

– Садитесь, мадам.

Она выжидающе присела на самый краешек кресла. Довольно долго король молчал. Через задернутые на окнах и на двери тяжелые синие портьеры, расшитые золотыми королевскими лилиями, в кабинет не долетало ни звука.

Наконец король встал и, скрестив руки на груди, остановился перед ней:

– Ну, вы еще не ринулись в атаку? Ни слова? Никаких возражений? А ведь вас вытащили из постели! Что подсказывает вам раздражение?

– Сир, я подчиняюсь вашему величеству.

– И что же скрывается под этим неожиданным смирением? Какой ответ, хлесткий, как удар кнута? Какая остроумная шутка?

– Ваше величество рисует портрет гарпии, и мне очень неловко. Неужели вы так обо мне думаете, сир?

Король ответил уклончиво:

– Преподобный отец Жозеф целый час расхваливал мне ваши заслуги.

Он человек здравомыслящий, широкого ума и больших познаний. Я ценю его советы. Я выказал бы дурной характер, если бы не простил вам грехов, когда великие умы Церкви простирают над вами свое снисходительное покровительство. Что в моих словах заставляет вас так насмешливо улыбаться?

– Я не ожидала, что меня призовут в такой час ночи, чтобы в моем присутствии воздать похвалу вашему суровому духовнику.

Король рассмеялся:

– Маленькая чертовка!

– Сулейман Бахтияр-бей называет меня Фузул-ханум.

– Что это значит?

– То же самое. Вот лишнее доказательство, что король Франции и посол шаха Персидского имеют одинаковые взгляды на один и тот же предмет.

– Мы еще посмотрим.

Он вытянул перед собой обе руки ладонями вверх:

– Драгоценная моя, подчинитесь своему суверену.

Анжелика с улыбкой вложила свои руки в руки короля:

– Клянусь в своей верности королю Франции, преданной женщиной и вассалом которого я являюсь.

– Вот и отлично. А теперь идите сюда.

Он помог ей встать, и они обошли стол.

На другом краю стола лежала большая карта, где посреди линий меридианов и параллелей, розы золотых ветров, дующих во все четыре стороны света, располагалось большое синее пятно. По нему белозолотыми буквами, подобными вышивке, были выведены четыре магических слова: «Mare nostrum – Madre nostrum» – старинное название, данное древними географами Средиземному морю, колыбели цивилизаций: «Наше море – наша мать».

Король указывал на различные места на карте:

– Здесь Франция... Там Мальта. А там остров Кандия, последний бастион христианского мира. Затем мы попадаем во владения Турции. И как видите, вот там Персия – лев на фоне восходящего солнца, между турецким полумесяцем и азиатским тигром.

– Ваше величество призвали меня в этот поздний час, чтобы поговорить о Персии?

– А вы предпочли бы, чтобы я позвал вас для других разговоров?

Опустив глаза на карту и избегая его взгляда, Анжелика покачала головой:

– Нет! Так что ж Персия? Какой интерес может представлять эта далекая страна для французского королевства?

– Интерес, предмет которого вам небезразличен, мадам: шелк! Знаете ли вы, что шелк представляет три четверти нашего импорта?

– Я этого не знала. Это очень много. Отсюда следует, что Франция нуждается в большом количестве шелка? Зачем?

Король расхохотался:

– Зачем? И меня спрашивает об этом женщина! Но, дорогая моя, не думаете ли вы, что мы можем обойтись без парчи, без атласа, без чулок по двадцать пять ливров за пару, без лент и без риз? Нет, скорее мы откажемся от хлеба – так уж устроены французы. Нас заботят не пряности, не масло, не зерно и не скобяной товар или какие-то другие грубые вещи – для нас важна мода. В правление моего отца господин Ришелье пытался ввести в туалеты некоторую сдержанность... Результат вам известен: он добился только роста цен на те ткани, которые стали продаваться редко или тайком. Это наше больное место, и вот почему так важен новый торговый договор с персидским шахом: французам нужен шелк, но он очень дорогой. Это разорительное предприятие.

Король принялся старательно перечислять:

– Плата за товар персам... Плата туркам за провоз товаров... Плата различным генуэзским, мессинским или провансальским посредникам... Нужно найти другое решение.

– Разве господин Кольбер не намеревается заменить этот дорогой импорт изделиями местного производства? Он говорил мне о переделке лионских мануфактур.

– Это долгосрочный проект. И мы еще не владеем секретом восточных способов производства парчи или золотого и серебряного шитья. Тутовые деревья, посаженные на юге по моему приказу, только через несколько лет начнут плодоносить.

– И они не обеспечат шелк, подобный персидскому. У нас тутовые деревья, дающие черные ягоды, а в Персии шелковичных червей кормят листьями тутовника, дающего белые ягоды. Он растет на высокогорных плато.

– Кто так подробно вас информировал?

– Его превосходительство Бахтияр-бей.

– Он говорил с вами о торговле шелком? Значит, он догадывается, что это будет важной стороной обсуждений на нашей встрече? Вы считаете, что он в курсе наших трудностей?

– Сулейман-бей – поэт, хорошо образованный и по-своему...

утонченный человек. Его куртуазность снискала ему расположение персидского короля, но у него есть и другие достоинства, которые там невысоко ценятся, но могут быть опасны для нас: он прекрасный делец. Это довольно редкое качество для вельможи его ранга, в основном знатные персидские вельможи возложили всю торговлю на армян и сирийцев.

Король обреченно вздохнул:

– Действительно, я должен сдаться на доводы господина Кольбера и преподобного отца Жозефа. Похоже, вы единственная особа, способная разобраться в этих хитросплетениях... шелка.

Они с улыбкой посмотрели друг на друга, как два сообщника, связанные взаимопониманием, не нуждающимся в долгих объяснениях. В глазах короля блеснул огонек.

– Анжелика... – произнес он глухо. Затем спохватился и продолжал обычным тоном: – Те, кого я к нему приставил, сообщали мне только глупости. И Торси, и Сент-Амон изображают его грубым варваром, неспособным подчиниться нашим правилам. Они утверждают, что он без всякого уважения относится к королю, гостем которого является. Однако я чувствовал, что он как раз таков, как вы его описываете: тонкий и хитрый, жестокий и деликатный.

– Я убеждена, сир, что если бы вместо ваших полномочных представителей вы сами могли бы с ним встретиться, то не возникло бы никаких проблем. У вас есть дар с первого взгляда распознавать людей.

– Увы! Есть действия, которые короли не могут совершать лично. В различных ситуациях они должны привлекать разных людей в зависимости от их способностей. Это, возможно, главнейшая задача, и в этом проявляется подлинный талант государя. Я едва не совершил ошибку, не удосужившись тщательно подобрать тех, кого я отправил к послу. И мне показалось, что Сент-Амон, опытный человек, который с давних пор представляет послов, вполне подходит на эту роль. Но я не подумал о его слабых сторонах. Он гугенот, и, как у всех гугенотов, у него мрачный и подозрительный характер, он скорее склонен выпячивать принципы своей суровой веры, чем с ловкостью служить интересам своего короля. Я не в первый раз задумываюсь над поведением приверженцев реформатской веры. Даже самые надежные из них уклоняются от контроля из-за удивительной прямолинейности их заповедей. Отныне я позабочусь, чтобы их не было на высоких постах.

Он сделал рукой жест, словно росчерком пера устанавливал непреодолимый барьер. Жесткое выражение постепенно сменилось на обычное спокойствие.

– Вы, мадам, очень любезно появились в нужный момент, чтобы помочь нам.

– Сегодня утром ваше величество считали иначе...

– Сознаюсь. Только ограниченные умы полагают, что никогда не ошибаются. Я знаю, чего добиваюсь и чего должен избегать. Через вас мы наверняка достигнем цели. Потому что если мы не договоримся с послом персидского шаха, то нет сомнений, что они выдворят иезуитов и не станут продавать шелк, произведенный на их тутовнике. В обоих случаях дальнейшая судьба шелка и иезуитов в ваших руках.

Анжелика рассматривала свой палец, на котором сверкала бирюза.

– Что я должна делать? Какова моя роль?

– Разузнать настроения этого князя и информировать меня, как следует поступать, чтобы не допустить ошибки в переговорах. И если сумеете, предупредите заранее о ловушках, которые может нам расставить эта хитрая персона.

– Одним словом, мне предстоит соблазнить его. Нужно ли постараться обрезать ему волосы, как поступила Далила?

Король улыбнулся:

– Полагаюсь на вас. Сами решайте, что необходимо.

Анжелика закусил губу:

– Совсем не легкое предприятие. Потребуется много времени.

– Это не имеет значения.

– Я полагала, что все торопятся увидеть посла, вручающего верительные грамоты.

– Все... кроме меня. Честно сказать, в самом начале, когда мне доложили о нерешительности Бахтияр-бея, я был раздосадован. Потом я предоставил делу идти своим чередом, а сейчас, наоборот, я хотел бы затянуть встречу. Мне необходимо сначала встретиться с посольством Московии, которое уже на пути к нам. Тогда я смогу увереннее разговаривать с Персией. Ибо если москвиты согласятся, надо установить новый сухопутный путь перевозки шелка: вдали от турецких, генуэзских и tutti quanti^[16] грабителей.

– Тюки шелка больше не будут доставляться морем?

– Нет. Они пойдут старинным путем татарских купцов из Самарканда в Европу. Смотрите! Вот шелковый путь, который я хочу возродить, – через степи Закавказья, Украину, Бессарабию и Венгрию. Дальше идут владения моего кузена короля Баварского. И вот конец путешествия. При всех затратах это будет дешевле, чем грабеж варваров и разорительные платы за провоз при транспортировке морем.

Во время этих важных обсуждений они одновременно склонились к карте и их головы сблизилась. Анжелика почувствовала на своей щеке прикосновение волос короля.

Смутившись, она резко выпрямилась. Ее охватил озноб. Обойдя стол, она села напротив короля и поняла, что за время их разговора огонь в камине угас. Ее била настоящая дрожь, и она горько пожалела о забытом манто. Однако приходилось ждать, чтобы суверен сам отпустил ее.

Но он, казалось, не думал об этом и продолжал говорить, излагая планы Кольбера по переоснащению мануфактур Лиона и Марселя. Наконец король замолчал.

– Вы не слушаете меня. Что с вами?

Анжелика колебалась с ответом. Она сидела, зябко обхватив плечи. Король отличался чрезвычайно крепким телосложением. Он не страдал от холода, жары или усталости и не допускал существования подобных слабостей у тех, кто имел честь быть в его окружении. Сетования вызывали у него плохое настроение, а иногда вели и к немилости. Престарелая мадам де Шон во время парада на плацу вслух пожаловалась на холодный ветер, и ее попросили «отправиться в свой замок лечить ревматизм».

– Да что же с вами? – продолжал настаивать король. – Похоже, вас одолевают опасные раздумья? Надеюсь, вы не огорчите меня отказом выполнить ту миссию, которую я только что на вас возложил?

– О! Нет, сир, нет! Иначе я не стала бы все это выслушивать. Ваше величество считает, что я могу быть вероломной?

– Я считаю, что вы способны на что угодно, – мрачно сказал король. – Так вы не собираетесь мне отказать?

– Конечно нет.

– Тогда в чем же дело? Откуда вдруг такой потерянный вид?

– Мне холодно.

Король удивился:

– Холодно?

– Огонь в камине погас, сир. Ведь сейчас зима и два часа ночи.

На лице Людовика XIV читалось веселое удивление.

– Так под вашей силой скрываются слабости? Я никогда ни от кого не слышал подобных жалоб.

– Просто никто не осмеливается пожаловаться. Все боятся не угодить вам.

– Тогда как вы...

– Я тоже боюсь. Но еще больше я боюсь заболеть. Как же я смогу исполнить тогда приказ вашего величества?

Король наградил ее задумчивой улыбкой, и у Анжелики создалось впечатление, что в этом надменном сердце впервые возникло незнакомое ему ранее чувство нежности.

– Хорошо, – заключил он решительно. – Я намереваюсь еще с вами побеседовать, но при этом совсем не хочу вашей гибели.

Он расстегнул свой коричневый камзол из плотного бархата, снял его и накинул ей на плечи.

Она почувствовала, как ее охватывает запах мужского тела, смешанный с легким и всепроникающим ароматом ириса, излюбленным запахом государя, который напоминал о величии. Сжав обшитые золотыми галунами лацканы слишком просторного для нее одеяния, она прониклась почти чувственным удовольствием. Рука короля, положенная ей на плечо, оставила такое же горячее ощущение, как во сне.

Она на минуту закрыла глаза.

Когда она вновь их открыла, король стоял на коленях перед камином и совершенно естественными движениями подкладывал в него поленья и разгребал горячие угли, чтобы они дали новое пламя.

– Бонтан вздремнул, – сказал он, словно извиняясь за столь неподобающую позу, – а я не хочу, чтобы кто-то другой знал о нашей конфиденциальной встрече.

Король выпрямился и отряхнул руки. Анжелика смотрела на него как на незнакомца, неожиданно появившегося в комнате. Без камзола, в длинном вышитом жилете, покроем которого подчеркивал его мощный стан, он походил на молодого горожанина. Она вспомнила, что в своей жизни король познал много материальных невзгод, едва ли не бедность. Тяготы лагерной жизни, а также переходы по разбитым дорогам, жалкие замки, куда в 1649 году бежал весь двор и где приходилось спать на соломе при постоянных сквозняках. Может быть, именно тогда малолетний король в рваных штанишках и научился разводить огонь, чтобы согреться?

Анжелика посмотрела на него по-новому. Король это заметил и улыбнулся:

– Забудем на несколько ночных часов о правилах этикета. Жизнь королей тем и тягостна и сурова, что они должны каждый поступок, каждый жест рассчитывать, так сказать, на публику... и даже на века. Это совершенно необходимая дисциплина, налагаемая этикетом на королей и на их окружение, а также на тех, кто смотрит на них. Этикет не позволяет им оступаться, он требует в любую минуту соответствовать тому представлению, которое создается о них. Но ночь – это необходимое убежище. И ночью я люблю побыть иногда самим собой, – закончил он,

поднеся руки к вискам.

«Таким ли он предстает перед своими любовницами?» – подумала Анжелика.

И вдруг она остро ощутила, что госпожа де Монтеспан недостойна такого короля.

– По ночам я могу снова стать просто мужчиной... – продолжал король. – Я люблю приходить в этот кабинет и работать в тишине и покое. Размышлять, зевать и разговаривать с собаками, будучи уверенным, что мои слова не будут тщательно записаны.

Его рука ласкала узкую голову борзой, прильнувшей к нему.

– По ночам я могу встречаться с теми, кто мне нравится, и я знаю, что этот знак расположенности не вызовет тотчас тревог у моего окружения, или придворной революции, или даже политических волнений... Да, ночь – драгоценный сообщник королей!

Он замолчал. Стоя перед Анжеликой, скрестив ноги, он непринужденно опирался о стол. Его руки не искали подобающего положения, они оставались спокойными, почти неподвижными. И Анжелика восхищалась этим человеком, который так мало спал, а днем вынужден вновь непрерывно быть на публике – работая, принимая посетителей, участвуя в танцах, в прогулках, в охоте, проявляя интерес к самым сложным проблемам, вникая в малейшие детали. И никто не понимает, как он устает.

– Мне нравится ваш взгляд, – сказал вдруг король. – Женщина, которая так смотрит на мужчину, внушает ему мужество, гордость и – если этот мужчина король – вызывает желание покорить весь мир.

Анжелика засмеялась:

– Ваши подданные, сир, столько от вас не требуют. Я думаю, что им вполне достаточно, если вы дадите им возможность мирно жить на своих землях. И Франция не потребует от вас трудов Александра Великого.

– Вот здесь вы ошибаетесь. Ибо для сохранения империи нужно точно то же, что и для ее создания, то есть сила, неусыпная бдительность и труд. Но не подумайте, что мне в тягость все те обязательства, о которых я вам рассказываю. Королевские труды – это благородное, великое и прекрасное занятие для тех, кто чувствует себя в силе достойно исполнять взятые на себя обязанности. Конечно, остаются и огорчения, и усталость, и волнения. Чаще всего в отчаяние приводит неуверенность: в таком случае нужно как можно скорее принять решение, которое кажется тебе наилучшим... Но такая ответственность соответствует моему характеру... На все смотреть открытыми глазами... Ежечасно узнавать новости из всех провинций и обо

всех народах, узнавать тайны всех дворов и слабости всех иностранных государей и их министров... Быть информированным о бесчисленном множестве вещей, которые считаются нам неизвестными. Выведывать у своих подданных то, что они так тщательно скрывают. Обнаруживать даже отдаленные планы своих собственных придворных, их самые темные интересы, которые доходят до меня через интересы противоположных групп... Ежедневно отмечать прогресс в благоденствии народа и в славных начинаниях, тобой самим задуманных и предначертанных... Я не знаю большей радости, когда судьба дает мне такую возможность. Но я умолкаю, мадам. Я злоупотребляю вашим вниманием и вашим терпением. И уже предвижу момент, когда, глядя мне прямо в лицо, вы скажете: «Я хочу спать!»

– Но я ведь слушала вас с большим увлечением.

– Я знаю... Простите мое поддразнивание. Мне нравится ваше общество, потому что вы умеете прекрасно слушать. Вы скажете: да кто же не слушает короля? Каждый замолкает, когда он говорит. И это правда. Но есть разные способы слушать, и я часто замечаю у своих собеседников угодливость, глупую поспешность все одобрять. А вы слушаете сердцем, всеми фибрами души и с большим желанием понять. Я это очень ценю. Иногда мне трудно найти собеседника, а ведь в разговорах таится большая польза. В беседах мысли обретают форму. Сначала они возникают в неясном виде, незаконченные, как наброски. Беседа, которая возбуждает и горячит, незаметно ведет мысль от предмета к предмету, гораздо дальше, чем одинокие размышления, и через столкновение противоположных аргументов открывает тысячу новых решений. Но хватит на сегодня. Я не хочу вас больше задерживать.

За потайной дверью на банкетке легким и неглубоким сном, свойственным доверенным слугам, спал Бонтан. Он проснулся и сразу вскочил. Анжелика совершила в обратном направлении путь по ночному лабиринту и, расставаясь с камердинером, вручила ему камзол хозяина.

В спальне с треском догорала оставленная ею свеча, отправляя к потолку темные клубы копоти. В ее свете Анжелика разглядела у стены бледную маску лица и руки, перебиравшие четки. Старшая из барышень Жиландон почтительно ожидала возвращения своей хозяйки.

– Что вы там делаете? Я ведь вас не звала, – недовольно проговорила Анжелика.

– Собачка залаяла. Я спросила, не нужно ли вам чего-нибудь, а так как вы не ответили, то я подумала, не стало ли вам плохо.

– Но я могла просто спать. У вас слишком буйное воображение, Анн-Мари, это утомительно. Следует ли вам напоминать, что вы должны уметь хранить тайну?

– Само собой разумеется, мадам. Не нужно ли вам чего-нибудь?

– Ну, раз уж вы встали, то разожгите огонь в камине и положите пять-шесть угольков в грелку, чтобы согреть мою постель. Я продрогла.

«По крайней мере, она теперь не подумает, что я вышла из другой постели, – решила Анжелика, – но тогда что же другое может она подумать? Хоть бы она не узнала Бонтана, пока он придерживал дверь...»

Свернувшись клубочком под одеялом, она надеялась хоть ненадолго заснуть, но сон так и не пришел. Менее чем через три часа мадам Амлен, старуха в кружевном чепце, пройдет по коридорам Версаля и направится в королевскую спальню раздвигать шторы алькова. И начнется новый день Людовика XIV.

Анжелике еще слышался его мелодичный, немного протяжный голос, излагающий результаты его самых потаенных и всеобъемлющих размышлений. Она думала, что в нем таится что-то героическое, как в принцах итальянского Возрождения, потому что он молод, уверен в себе и привлекателен; он, так же как они, любит славу и преклоняется перед красотой, что нечасто встречается среди мужчин.

Ее завораживал звук его голоса, и она ощущала себя пленницей этого голоса в гораздо большей степени, чем когда-то пленницей его поцелуев.

Глава XXXVI

Бахтияр-бей легко вскочил в седло. Кобыла Церера, похоже, прекрасно себя чувствовала в экзотической сбруе и с широкими стремями. Она даже не взглянула на Анжелику, приехавшую в Сюрень.

Персы на лошадях, с кинжалами на груди и с саблями на боку двигались по аллее, окаймленной по сторонам серыми деревьями. У каждого в руке была очень длинная ярко раскрашенная палка, – джерид. Они выстроились полукругом за князем, который тоже принял из рук пажа свой джерид. Он привстал на широких стремях, украшенных золотой бахромой, и с пронзительным криком тронулся рысью, увлекая за собой всю группу. Вскоре всадники исчезли за деревьями маленькой рощи.

Анжелика почувствовала себя оскорбленной, потому что еще утром она предупредила о своем визите, а сейчас, не сказав ни слова, ее оставили одну на пороге дома.

Стоящий рядом армянин Агобян объяснил:

– Они вернутся. Разделятся на две шеренги и покажут наш джерид боз: это сражение, в котором с незапамятных времен упражняются наши воины. Его превосходительство приказал провести эту игру в вашу честь.

Действительно, всадники уехали недалеко. Было слышно, что они остановились за деревней, потом раздалась быстрая рысь, перешедшая в безудержный галоп. Они появились двумя шеренгами, улюлюкая и быстро вращая в воздухе своими тяжелыми палками. Некоторые на полном галопе ловко проползали под брюхом лошади и, ничего не уронив на землю, вновь оказывались в седле.

– Такая вольтижировка у нас зовется джигитовкой, и его превосходительство один из самых лучших джигитов. Но сейчас он не желает этого показать, потому что не хочет испугать свою новую лошадь, иначе она может стать «харам», то есть порченной. Вот почему он не может, мадам, проявить перед вами всю свою ловкость, – объяснил армянин.

Доскакав до входа в дом, обе шеренги «джигитов» резко остановились, отчего некоторые лошади заскользили по тающему снегу. Потом они съехали с аллеи и расположились на лужайке, приготовившись к бою.

По знаку Бахтияра противники яростно устремились друг на друга, снова крутя джерид над головой. Поначалу образовалась свалка. Всадники, держа палку под мышкой, как пику, старались выбить противника из седла

или лишить его оружия.

Когда атака не удавалась, бойцы разъезжались, удалялись на некоторое расстояние и вновь съезжались для продолжения этой странной борьбы.

Всадники, выбитые из седла или потерявшие джерид, покидали ристалище.

Посол оставался в числе последних сражающихся, несмотря на неопытность своей лошади. Его противники не церемонились. Но Бахтияр-бей явно превосходил их ловкостью, силой и мастерством.

Джерид боз быстро закончился. Сияя улыбкой на смуглом лице, персидский вельможа вернулся к своей посетительнице.

– Его превосходительство просит отметить, что джерид боз со времен медян остается любимой игрой нашего народа. Уже в царствование Дария проходили такие сражения, и вполне возможно, что этот обычай пришел к нам из Самарканда, столицы Туркестана, где процветала тогда блестящая цивилизация.

На людях Бахтияр-бей всегда делал вид, что не понимает французского языка, и прибегал к услугам переводчика. Анжелика решила тоже проявить свою эрудицию:

– Французские средневековые рыцари также сражались на подобных турнирах.

– Они научились этому в Крестовых походах на Востоке.

«Скоро он станет меня уверять, что это они привили нам цивилизацию», – подумала Анжелика. Но, немного подумав, решила, что в этом действительно что-то есть. Она была достаточно невежественной, но во время проповедей многое узнала об античности и об истории цивилизаций. Наследник славного ассирийского прошлого, Бахтияр-бей еще ничем не показал, что он принадлежит к народу, пришедшему в упадок. Теперь Анжелика знала, какой беседы требовала учтивость. Следовало говорить о лошадях.

Его превосходительство вновь похвалил достоинства кобылы Цереры.

– Он говорит, что никогда не видел в своей стране столь послушной и вместе с тем столь горячей лошади. Король Франции оказал ему большую честь таким подарком. У нас такую лошадь можно выменять на принцессу царской крови.

Анжелика уточнила, что ее кобыла родом из Испании.

– Вот в какой стране я хотел бы побывать, – заключил посол.

Но он ни о чем не жалеет, потому что его миссия позволила ему не только узнать самого могущественного государя Европы, но и самых

прекрасных женщин, которых держат при дворе великого монарха, что совершенно правильно. Анжелика воспользовалась его хорошим настроением, чтобы спросить, когда он собирается предстать перед этим великим монархом.

Бахтияр-бей погрузился в задумчивость. Вздохнув, он сообщил, что, с одной стороны, это зависит от его астролога, а с другой – от той степени техрифата – достоинства, которое будет признано за его посольством.

Продолжая беседу, они вернулись в дом и вошли в гостиную, убранную по-восточному. Едва за ними закрылись двери, как Бахтияр-бей заговорил по-французски:

– Я могу предстать перед королем только с церемониалом, достойным этого короля и достойным восточного государя, отправившего меня с посольством.

– И это не то, что наш... великий визирь маркиз де Торси предложил вам?

– Конечно нет, – взорвался перс. – Он хотел отвезти меня в карете, как пленника, окруженного неверными. И потом, этот отъявленный лгун, рабская душа, этот визирь настаивал, что я должен предстать перед королем с обнаженной головой... Это и дерзко, и непристойно, потому что в этом случае полагается снять обувь и не обнажать голову, как это делается в мечети перед Богом.

– Наши обычаи совершенно иные. В наших церквах перед Богом обнажают голову. Я полагаю, что если француз явится к вашему государю в обуви, вы заставите его разуться?

– Это правда. Но если у него недостаточный почетный эскорт, мы его увеличим – из почтения к посетителю и ради достоинства шаха. Ваш король – самый великий суверен... Он *обязан* оказать мне почести и устроить мой торжественный въезд, достойный его собственного правления, иначе я буду вынужден вернуться, не выполнив своей миссии.

В его голосе звучали решительность и печаль. Анжелика осмелилась спросить:

– Разве вы не рискуете навлечь на себя немилость, если не выполните возложенной на вас миссии?

– Я рискую своей головой... Но я предпочитаю смерть публичному бесчестью в вашей стране.

Она поняла, что ситуация становится более серьезной, чем это казалось.

– Все уладится, – заверила она.

– Не знаю.

– Нужно, чтобы все уладилось. Или получится, что я приношу вам несчастье... нехусет.

– Bravo! – весело захлопал в ладоши перс.

– И я была бы виновна в том, что заставила солгать святого человека, который утверждал, что мое появление не принесет вам вреда, тогда как если вам отрубят голову, это послужит доказательством, что он не способен прорицать будущее. И для него это станет большим унижением. Может быть, мои рассуждения неверны, ваше превосходительство? Я ведь всего лишь женщина и иностранка.

– Думаю, что вы не ошибаетесь, – мрачно отвечал Бахтияр-бей. – А ваш ум даже превосходит вашу красоту. Если моя миссия будет удачной, я знаю, какой подарок просить у вашего короля...

Какая-то возня и резкие звуки дудок послышались из-за занавески.

– Мои слуги принесли ванну. После усиленных упражнений в джерид бозе приятно совершить омовение.

Появились два черных раба, неся большой медный чан с кипятком, а за ними шли еще несколько слуг с полотенцами, ароматной водой в бутылках и с благовонными мазями.

Бахтияр-бей последовал за ними в соседнюю комнату, вероятно в ту знаменитую турецкую баню, которую устроил в своем доме господин Дионис. Анжелика с удовольствием бы туда заглянула, но такое любопытство показалось ей непристойным. Временами взгляды Бахтияр-бея смущали ее, и чем больше она понимала его восточный характер, тем более роль посланца казалась ей опасной и обязывающей к подчинению, если не сказать к обязательствам, на которые она никак не хотела соглашаться.

У нее мелькнула мысль уйти. Она могла бы объяснить, что французские обычаи не позволяют ей оставаться более двух часов наедине с мужчиной. Но это может привести перса в ярость, он может расценить ее уход как новое оскорбление, что, конечно, еще больше осложнит положение дел, которые ей надо уладить.

Она попыталась встать, но перед ней возник маленький паж. Вероятно, ему поручили ее развлекать. Он поставил перед Анжеликой тяжелый поднос со сладостями, сбегал за новыми подушками и подсунул ей под спину и под руки. Потом он взял маленькую курительницу, наполнил ее горячими углями, бросил на них щепотку пудры и, стоя на коленях, протянул ей это кадило, дав подышать голубым ароматным дымком.

Нет, совершенно очевидно, пора было уходить. Комната, наполненная необычными тяжелыми ароматами, черноокий князь, который вот-вот

воротится, его обходительность, окрашенная прихотью, и его чувство достоинства, за которым скрывались неожиданные вспышки гнева, – все это было слишком притягательным.

Маленький паж продолжал суетиться. Он открывал крышки инкрустированных эмалью кубков, вытаскивал пробки из синих фарфоровых флаконов и, щебеча как птичка, предлагал гостье попробовать их содержимое. В отчаянном порыве он поднес к ее губам маленькую серебряную чашу с золотисто-зеленым ликером. Она выпила и нашла, что по вкусу это похоже на цукаты из ангелики, какие готовят в Пуату. Разнообразие сортов варенья ее рассмешило. Разноцветное варенье стояло попеременно с пирамидками прозрачного зеленого и розового мармелада и фисташковой нуги. Она нехотя попробовала всего понемногу, отбрасывая то, что казалось ей невкусным, и предпочла прохладные фруктовые шербеты с кристалликами льда. Но когда Анжелика захотела покурить наргиле, то маленький паж, поняв ее намерение, воспротивился, закатывая в ужасе глаза. Потом он тоненько захохотал, согнувшись надвое. Она рассмеялась тоже, чувствуя, как приятно ни о чем не заботиться, а просто отдыхать и забавляться среди этой роскоши.

Анжелика все еще смеялась до слез, облизывая кончики пальцев, запачканные вареньем из роз, когда Бахтияр-бей возник на пороге.

Увиденная картина очаровала князя.

– Вы восхитительны... Вы напоминаете одну из моих фавориток. Она тоже, как кошечка, любила лакомства.

Он взял из чаши фрукт и, что-то приказав, бросил его маленькому пажу. Ребенок, продолжая смеяться, поймал на лету награду и в два прыжка покинул комнату.

«Маленький колдун подсунил мне выпить что-то дьявольски крепкое», – подумала Анжелика.

Ее ощущения не походили на опьянение, просто ее накрыла теплая волна счастья, обостряющая чувствительность на уровне кожи.

Она обратила внимание на новый наряд Бахтияр-бея. Он облачился в белые атласные брбка, перехваченные на лодыжках и пышные наверху, которые поддерживал пояс, усыпанный драгоценными камнями.

Его обнаженный гладкий торс, умащенный ароматными притираниями, мог служить образцом безукоризненного сложения и таил в себе силу, свойственную крупному представителю кошачьих. Он снял тюрбан. Черные блестящие волосы, смазанные маслом и откинутаые назад, спадали ниже плеч. Бахтияр быстро скинул расшитые сандалии и растянулся на подушках.

Не сводя с Анжелики взгляда, небрежным жестом он поднес трубку к губам.

Было бы чистым упрямством делать вид, что она не понимает неуместности протокольных речей. Но о чем же тогда говорить?

Анжелика умирала от желания тоже растянуться на подушках. Но ей мешал жесткий корсет, а варварский каркас, сжимавший талию и принуждавший держаться прямо, показался ей в этот момент символом предусмотрительного воспитания, оставлявшего грешнице время на размышления. С другой стороны, ей казалось невозможным встать и уйти без всяких объяснений. Да ей этого и не хотелось. Право, совсем не хотелось! И она продолжала сидеть. Из-за корсета. Какое мудрое изобретение – корсет! Его, должно быть, придумало Общество Святых Даров. При этой мысли Анжелика вновь громко расхохоталась, раскачиваясь взад и вперед, – так показалось ей это смешным.

Перс пришел в восторг от ее смеха.

– Я подумала о ваших фаворитках, – объяснила Анжелика. – Опишите их наряды, носят ли они платья, подобные нашим?

– На своей половине или в присутствии своего повелителя и господина они одеваются в легкие пышные шаровары саруах и в короткую тунику без рукавов. Если они выходят на улицу, то сверху надевают непрозрачную черную чадру с просветом из газа для глаз. Но в совсем тесном кругу они носят только шаль, сделанную из тонкой шерсти коз Белуджистана, легкую, как паутинка.

Анжелика снова обмакнула палец в варенье из роз.

– Какая странная жизнь! О чем думают эти женщины-затворницы? А фаворитка... та, лакомка, подобная кошечке, что она сказала, когда вы уезжали?

– Наши женщины... в таких случаях ничего не говорят... Ничего. Но та фаворитка ничего не сказала по другой причине. Она мертва.

– О! Как жаль! – заметила Анжелика. Она взяла кусочек рахат-лукума и принялась напевать.

– Она умерла под кнутом, – медленно добавил Бахтияр-бей. – Среди охранников дворца у нее появился любовник.

– О! – повторила Анжелика.

Она тихонько отставила лакомство и смотрела на князя круглыми от ужаса глазами:

– Это такое наказание? Расскажите. Как еще вы наказываете неверных жен?

– Любовников привязывают спинами друг к другу и оставляют в

таком положении на самой высокой сторожевой башне дворца. Лашеоры, или грифы, сначала выклевают им глаза. И это длится долго. Иногда я проявлял милосердие: двоих я убил собственноручно, перерезав им горло кинжалом. Они не изменяли, но из каприза отказали мне.

– Они стали блаженными, – поучительно заметила Анжелика. – Вы освободили их от своего присутствия и даровали им рай.

Бахтияр вздрогнул и расхохотался:

– Маленькая Фирузе... Бирюзинка... Все, что слетает с ваших уст, вызывает удивление и свежо, как подснежники пустыни в предгорьях Кавказа. Вы преподаете мне трудный урок – научиться любить западную женщину... Вы сказали, что мужчина должен много говорить... Говорить и воспевать свою возлюбленную... Ну а потом? Когда же наступает час молчания? Когда же приходит время вздохов?

– Когда этого захочет женщина.

Перс вскочил на ноги с перекошенным от гнева лицом.

– Это ложь! – твердо заявил он. – Ни один мужчина не может снести такое унижение... Французы – доблестные воины...

– В любовной борьбе они должны подчиняться.

– Это ложь, – повторил он. – Когда женщину посещает ее господин, она тотчас должна раздеться, надушиться и быть готовой ему отдаться.

Гибким порывистым движением он оказался рядом и опрокинул Анжелику на мягкие подушки, принявшие форму ее тела и окружившие ее волнующими ароматами. Бахтияр-бей склонился над ней с жестокой улыбкой на губах, прижимая к подушкам. Анжелика уперлась руками ему в плечи и оттолкнула. Но ее пронзила дрожь от соприкосновения с его золотистой кожей.

– Час еще не пришел, – сказала она.

– Берегитесь! Женщина заслуживает смерти и за меньшую дерзость.

– Вы не смеете меня убить. Я принадлежу королю Франции.

– Король ради моего удовольствия прислал вас ко мне.

– Нет! Чтобы оказать вам честь и чтобы лучше вас узнать, потому что он доверяет моим суждениям. Но если вы убьете меня, вас с позором изгонят из его королевства.

– Я объясню, что вы вели себя как непокорная куртизанка.

– Король не примет извинений.

– Он для этого прислал вас ко мне.

– Повторяю, нет! Такие отношения от него не зависят.

– Так от кого же?

Она метнула на него свой изумрудный взгляд:

– Только от меня!

Князь немного ослабил свои объятия и посмотрел на нее с глубоким недоумением.

Анжелика не могла подняться самостоятельно. Слишком мягкие подушки. Она рассмеялась. Ничто не вызывало у нее волнения, наоборот, все казалось ярким и четким, словно комнату заливало солнце.

– Огромная пропасть между тем, когда женщина говорит «да» и когда женщина говорит «нет», – прошептала она. – Когда она говорит «да» – это победа, и мужчины моей страны рады сражаться для достижения такой победы.

– Я понимаю, – сказал князь после некоторого раздумья.

– Ну так помогите мне встать, – ответила она, беззаботно протягивая ему руку.

Бахтияр подчинился. Анжелика подумала, что он похож на усмиренного хищника. Он не отрывал от нее взгляда. В его настороженности таилась сила, готовая прорваться при проявлении малейшей слабости с ее стороны.

– Какие качества должен проявить мужчина, чтобы женщина сказала «да»?

«Он должен быть диким и красивым, как вы», – едва не сказала Анжелика, завороченная его близостью.

Сколько времени удастся вести ей эту опасную игру? Тело охватывали приступы дрожи, которые приводили ее плоть в нервное возбуждение, скорее приятное, как любовный приступ, который могли бы успокоить только безумные объятия, ласковые и дикие в одно и то же время. Она сознавала, как притягательна его улыбка, его влажные губы и слегка затуманенные глаза, и ей доставляло радость, что она так желанна. И Анжелика спрашивала себя, сколько времени сможет она еще балансировать на этом натянутом канате и в какую сторону наконец упадет: в сторону «да» или в сторону «нет»?

Бахтияр-бей наполнил маленькую серебряную чашу и протянул ей. Анжелика поднесла ее прохладный край к губам и поняла, что это тот же ликер.

– Это секрет каждой женщины, – ответила она. – Только сама женщина знает, почему ей нравится этот мужчина. Один – потому что он брюнет, другой – потому что он блондин.

Она непринужденно протянула руку и тонкой струйкой вылила ликер на великолепный персидский ковер.

– Шетум^[17], – пробормотал посол сквозь зубы.

– Один – потому что он ласков, другой – потому что в порыве гнева он может зарезать своим кинжалом...

Наконец ей удалось встать. Она заверила его превосходительство, что ее переполняет радость от визита к нему и что она постарается передать королю суть его претензий, которые сама она считает разумными и обоснованными. Бахтияр-бей ответил, с затаенным огнем угрозы в глубине глаз, что в обычаях его страны скреплять дружбу, оставляя у себя гостя «тем дольше, чем глубже дружба».

Анжелика покачала головой. Один золотистый локон выбился из прически и упал на лоб, а глаза искрились, как шампанское. Его превосходительство совершенно прав, но она должна подчиниться тому же самому требованию: обязательства дружбы по отношению к своему собственному королю вынуждают ее как можно скорее вернуться к нему и оставаться возле него как можно дольше.

– Шак^[18], – мрачно бросил он.

Снаружи раздалось гнусавое пение, оно проникло в комнату, несмотря на тяжелые занавеси.

– Вот и час вашей вечерней молитвы! – воскликнула Анжелика. – Ни за что на свете я не хотела бы, чтобы иностранка помешала вам исполнить свой долг. Что сказал бы меллах!

– Шетум! – повторил посол.

Анжелика отряхнула юбки, поправила прическу, подобрала веер.

– Я буду отстаивать в Версале вашу точку зрения и попытаюсь смягчить протокольные трудности. Но могу ли я получить обещание, ваше превосходительство, что вы сохраните двадцать католических монастырей, обосновавшихся в Персии?

– Это входит в мое намерение при подписании протокола... Но не будет ли унижением для вашей религии и ваших священников, что своим благополучием... они обязаны вмешательству женщины?

– Разве же вы, ваше превосходительство, при всей вашей гордости, не появились на свет из чрева женщины?

Перс не нашелся что сказать и предпочел улыбнуться, не скрывая своего восхищения.

– Вы достойны быть султан-баши.

– Что это?

– Это титул, который получает та, что рождена повелевать царями. В серале она бывает только одна. Ее не выбирают. Она становится такой, потому что обладает качествами, поработавшими душу и тело государя. Он ничего не предпринимает, не посоветовавшись с ней. Она правит

другими женами, и только ее сын становится наследником.

Бахтияр-бей проводил ее до шелковых занавесей на дверях.

– Первое качество султан-баши – это бесстрашие. Второе – что она знает цену тому, что дает.

Быстрым жестом он снял все свои кольца и вложил ей в ладони.

– Это тебе... Самое драгоценное – это ты... Ты стоишь того, чтобы тебя украшали как божество.

Анжелику обворовали рубины, изумруды и бриллианты, оправленные в золото. Но таким же быстрым движением она вернула их владельцу.

– Невозможно!

– Ты добавляешь еще одно оскорбление ко всем уже нанесенным?

– В моей стране, когда женщина говорит «нет», она говорит «нет» и подаркам.

Бахтияр-бей тяжело вздохнул, но не стал ее разубеждать. Анжелика с улыбкой наблюдала, как он надевал кольца на пальцы.

– Посмотрите, – сказала она, протянув руку, – я храню это кольцо, потому что вы подарили его мне в знак союза. Его цвет не изменился.

– Мадам Бирюза, когда и где я увижу вас снова?

– В Версале, ваше превосходительство! – весело ответила она.

При возвращении все казалось Анжелике мрачным и отвратительным. Грязная дорога, низкое небо над снежным горизонтом. Холод. Она забыла, что стоит зима и что она во Франции. И что нужно возвращаться в Версаль, отчитываться в порученном ей деле, выставлять себя напоказ, выслушивать бесконечные пересуды, испытывать голод, холод, боль в ступнях и ногах и проигрывать деньги за карточным столом.

Она с силой закусил платок и с трудом сдержала рыдания.

«Мне было сейчас так хорошо в мягких подушках. Да. Я этого... хотела. Забыться, ни о чем не думая, свободно предаться любви. О! Зачем мне разум? Почему не жить как животное, не задаваясь вопросами...»

Она сердилась на короля. Во время визита она не могла освободиться от чувства, что король воспринял ее как искательницу приключений, а ее тело хотел использовать в своих дипломатических целях. В предыдущем веке Ришелье с успехом использовал своих умных, пылких и красивых заговорщиц, одержимых демоном интриг, обожавших бурную жизнь, не стеснявшихся компрометировать свое имя и... продаваться ради великих целей, смысл которых был им подчас неизвестен. Мадам де Шеврёз, бывшая подруга Анны Австрийской, которую Анжелика встречала при дворе, была тому живым примером. Она постоянно выискивала, во что бы

ввязаться, и ее прекрасные глаза под морщинистыми теперь веками выслеживали начало заговора, принимая таинственный вид при любой новости. Она внушала придворной молодежи жалость с примесью насмешки. Анжелика видела себя в недалеком будущем никому уже не интересной новой фрондеркой, в большой фетровой шляпе со страусовыми перьями, давно вышедшей из моды.

Она едва не расплакалась из жалости к себе. Вот что хотел с ней сделать король! Теперь, когда он получил «свою» Монтеспан, ему было безразлично, где и кому дарит Анжелика свои милости. Нужно, чтобы она «служила» королевскому делу! И ничего больше.

Чувствуя, что нервы напряжены до предела, Анжелика велела отвезти себя к Савари. Она хотела попросить у него лекарство, чтобы проспать ночь без сладострастных снов Шехерезады.

Аптекарь, вооружившись небольшой кисточкой, надписывал латинские названия на больших деревянных банках, где он хранил свои травы и порошки. Чтобы чем-то заполнить нетерпеливое ожидание, он раскрасил их в яркие цвета. Все его мысли были заняты мумиё. Он бросился к Анжелике в безумной надежде, что она принесла бесценный флакон.

– Подождите, пока посол его подарит его величеству! И я не могу вам гарантировать, что тотчас получу к нему доступ...

– Вы сможете. Вы все можете! И помните, прием должен быть пышным! Пышным! И много цветов.

– Но сейчас зима.

– Ничего не значит! Нужны цветы. Особенно герани и петунии. Это любимые цветы персов.

Уже в карете она спохватилась, что забыла попросить у него лекарство для успокоения нервов.

Кроме того, она забыла поговорить с Бахтияр-беем о договоре про шелк.

Нет, видно, никогда не быть ей хорошим посланником.

Глава XXXVII

«Король сказал НЕТ», – шепнул ей кто-то на ухо, едва Анжелика ступила на лестницу, ведущую в большие апартаменты.

– По поводу чего?

– По поводу брака Пегилена и Мадемуазель. Все нарушено. Вчера принц и его сын герцог Энгийенский бросились в ноги его величеству, доказывая, каким бесчестьем будет для них, принцев крови, столь низкий союз. Над ними будут смеяться все европейские дворы. И он, теперь уже повелитель мира, прослывет за монарха, не уважающего величие своей семьи. Вероятно, король и сам был такого же мнения. И он сказал: «НЕТ». А сегодня утром Великую Мадемуазель уведомили об этом, и она разразилась рыданиями и в отчаянии уехала в Люксембургский дворец.

– Бедная Мадемуазель!

В передней покоев королевы Анжелика нашла мадам де Монтеспан, окруженную своей свитой. Та заканчивала одеваться. Луиза де Лавальер, стоя перед ней на коленях, закалывала булавки.

Мадам де Монтеспан, в платье из алого бархата, расшитом золотом и серебром, с многочисленными драгоценными камнями, наблюдала за тем, как драпируют длинный белый шелковый шарф на ее платье.

– Нет, не так! Вот так. Помогите, Луиза. Только вы можете справиться с этим шарфом. Такой скользкий. Но правда, он просто чудо?

Анжелика замерла в крайнем удивлении. Луиза де Лавальер без всякого стеснения выполняла работу служанки, проверяя в высоком зеркале расположение банта и драпировки.

– Вот, мне кажется, что именно так... Браво, Луиза, вы сделали как раз то, что нужно. Ах! Когда речь идет о парадном туалете, я просто не могу без вас обойтись. Ведь король такой требовательный. А у вас золотые пальчики. Хотя я забыла, вы же служили у дам с большим вкусом, это они вам его привили. Мадам де Лорен и мадам д'Орлеан. Как вам нравится, мадам дю Плесси, вы ведь смотрите на нас во все глаза?

– Мне кажется, замечательно, – пробормотала Анжелика.

Ногой она старалась отогнать одну из маленьких собачек королевы, заливавшуюся лаем с момента ее прихода.

– Ей не нравится ваше черное платье, – заметила Атенаис, со всех сторон разглядывая себя в зеркале. – Как жаль, что вы вынуждены носить

траур. Вам это не идет. А вы как считаете, Луиза?

Лавальер, снова стоя на коленях перед соперницей, подняла на Анжелику свои бледно-голубые, словно выцветшие, глаза на исхудавшем лице.

– Мадам дю Плесси еще красивее в черном, – почти шепотом ответила она.

– Может быть, красивее, чем я в красном?

Луиза де Лавальер промолчала.

– Отвечайте же! – закричала Атенаис, и ее глаза потемнели, как море перед бурей. – Красное некрасиво, так, что ли?

– Вам больше идет голубое.

– Круглая дура, вы не могли сказать мне это раньше? Снимите с меня это... Дезёйе, Папи, помогите мне освободиться, Катрин, бегите за моим атласным платьем, которое я ношу с бриллиантами.

Мадам де Монтеспан освобождалась от своих юбок, криками перекрывая собачий лай, когда вошел король в полном парадном облачении, но без огромной мантии с королевскими лилиями, которую он надевал в последний момент. Он шел от королевы в сопровождении Бонтана. Король слегка нахмурился:

– Как, вы еще не готовы, мадам? Поспешите. Польский король не замедлит с прибытием. А вы должны находиться рядом со мной!

Мадам де Монтеспан смотрела на него с негодующим изумлением. Она не привыкла к такому жесткому обращению своего королевского любовника. Но у короля было мрачное настроение. Он терзался, что причинил страдания своей кузине, Великой Мадемуазель, и бурные объяснения фаворитки, которая кричала, что она измучилась, подбирая подходящее платье, его нисколько не растрогали.

– Вы должны были подумать об этом заранее...

– Я не могла предполагать, что вашему величеству не понравится красное платье! О! Как это несправедливо!

Ее крики мешались с постоянным лаем собачонки. Но королю даже не потребовалось повышать голос, чтобы перекрыть этот шум:

– Не впадайте в подобное состояние. Уже поздно... Кстати, пока я не забыл, предупреждаю вас, что завтра мы едем в Фонтенбло. Извольте приготовиться заранее.

– А я, сир, – спросила мадемуазель де Лавальер, – я тоже должна готовиться к путешествию в Фонтенбло?

Людовик XIV бросил мрачный взгляд на исхудавшую прежнюю любовницу.

- Нет, – ответил он жестко, – это ни к чему.
- Но что же мне тогда делать? – простонала она.
- Оставайтесь в Версале... Или же в Сен-Жермене.

Мадемуазель де Лавальер зарыдала, сидя на банкетке:

- Одна? В полном одиночестве?

Король подхватил надоедавшую ему собачонку и бросил ей на колени:

- Вот вам компания. С вас и этого хватит!

Не здороваясь, он прошел мимо Анжелики. Потом обернулся и сухо спросил:

- Вы ездили вчера в Сюрень?
- Нет, сир, – отвечала она тем же тоном.
- Где же вы были?
- На ярмарке в Сен-Жермене.
- Зачем?
- Чтобы поесть вафли.

Король покраснел до самого парика. Он ринулся в соседнюю комнату, и Бонтан осторожно придержал дверь, которую тот резко захлопнул. Через другую дверь мадам де Монтеспан в сопровождении своих фрейлин удалилась на поиски туалета из голубого атласа.

Анжелика подошла к тихо плачущей мадемуазель де Лавальер:

– Зачем вы так терзаете себя? Почему терпите такое унижение? Мадам де Монтеспан играет с вами, как кошка с мышью, а ваша покорность только распаляет ее жестокие наклонности.

Бедняжка подняла на нее полные слез глаза.

- Вы тоже меня предали, – сказала она прерывающимся голосом.

Анжелика грустно ответила:

– Я никогда не клялась вам в верности. И никогда не считалась вашим другом. Но вы ошибаетесь. Я вас не предавала, и в моем совете нет расчета. Покиньте двор. Достоинно удалитесь. Зачем быть посмешищем этих бессердечных людей?

Страстный порыв на мгновение преобразил изможденное лицо де Лавальер.

– Мое падение было у всех на виду, мадам. И Богу, конечно, угодно, чтобы мое искупление тоже видели все.

– Господин Боссюэ считает вас истинно раскаявшейся грешницей. Неужели вы думаете, что Богу нужны такие терзания? Вы теряете свое здоровье и подрываете нервы.

– Несмотря на мои просьбы, король не разрешает мне удалиться в монастырь.

Она бросила затравленный взгляд на только что захлопнутую дверь.

– Может быть, он все еще любит меня? – едва слышно прошептала она. – Может быть, он еще вернется?

Анжелика только пожала плечами.

Вошел паж и склонился перед ней:

– Соблаговолите следовать за мной, мадам. Его величество вас требует.

Между королевской спальней и залом Совета находился кабинет париков. Там редко бывали женщины.

Людовик XIV выбирал парик под руководством господина Бине и его помощников.

В стоявших у стены шкафах со стеклянными дверцами располагались парики. В зависимости от того, предназначались ли они для присутствия короля на мессе или для участия в охоте, для приема послов или для прогулок по парку, прически были различны. Для примерки и переделки париков в комнате стояли болванки из искусственного мрамора.

В этот день Бине настаивал, чтобы его августейший клиент надел парик под названием «королевский», импозантная пышная шевелюра которого подходила скорее для статуи, чем для живого человека.

– Нет, – возразил король. – Оставим его для очень важных событий, например для приема этого капризного персидского посла.

Он взглянул на Анжелику, присевшую в реверансе:

– Подойдите, мадам. Вы ведь были вчера в Сюрени?

Король вновь обрел учтивость и присущие ему по-актерски вкрадчивые манеры. Но чтобы успокоить разгневанную Анжелику, этого было мало.

Бине, как хорошо вышколенный придворный поставщик, отошел в самый дальний конец комнаты вместе со своими помощниками и продолжил там трудные поиски парика ad hoc^[19].

– Объясните причины вашей дерзости, – сказал он вполголоса. – Я не узнаю одну из самых любезных придворных дам.

– А я не узнаю самого галантного в мире короля!

– Мне нравится, как блестят от гнева ваши глаза и вздрагивает носик. Я, признаю, был немного резок.

– Вы были... отвратительны. По правде сказать, не хватало только присутствия королевы, чтобы вы выглядели как петух на птичьем дворе.

– Мадам!.. Вы разговариваете с королем!

– Нет. С мужчиной, который играет сердцами женщин.

– Каких женщин?

– Мадемуазель де Лавальер... Мадам де Монтеспан... Моим... Всех.

– Игра, в которой вы меня обвиняете, очень трудная. Что известно о женском сердце? У Лавальер его слишком много, у мадам де Монтеспан нет совсем... У вас... Если бы только я был уверен, что играю вашим сердцем... Но оно недостижимо.

Упрямо склонив голову, Анжелика ожидала, что после очередной вспышки королевского гнева она навсегда распрощается с Версалем.

– Дурная головка, не умеющая покоряться, – сказал король.

Анжелика подняла на короля глаза. Грусть, звучавшая в его голосе, привела ее в замешательство.

– Сегодня все идет не так, как надо, – продолжил он. – Отчаяние Мадемуазель, когда я сообщил ей о вынужденном решении по поводу ее брака, перевернуло мне душу. Мне кажется, она к вам сердечно расположена. Поезжайте ее утешить.

– А де Лозен?

– Я еще не знаю, как это воспринял бедный Пегилен. Подозреваю, что он в ужасном отчаянии. Разочарование будет очень жестоким. Но я сумею его вознаградить. Вы виделись с Бахтияр-беем?

– Да, сир, – смиренно ответила Анжелика.

– И как продвигаются наши дела?

– Мне кажется, мы на верном пути.

Вдруг с грохотом распахнулась дверь, и появился Лозен, с перекошенным лицом, в парике набекрень.

– Сир, – порывисто воскликнул он, забыв извиниться за свое неуместное вторжение, – я явился спросить у вашего величества, чем я заслужил такое бесчестье?

– Ну-ну, друг мой, успокойтесь, – мягко отвечал король. Он понимал, что гнев его фаворита был оправдан.

– Нет, сир, нет, я не могу смириться с таким унижением!

Он выхватил свою шпагу и подал ее королю.

– Вы лишили меня чести, так возьмите и мою жизнь... возьмите... Я отказываюсь жить. Я ненавижу такую жизнь!

– Придите в себя, Пегилен.

– Нет, нет, все кончено. Повторяю, возьмите мою жизнь. Убейте меня, сир, убейте!

– Пегилен, понимаю, как вам все это неприятно, но я вас вознагражу: вам выпадет такое возвышение, что вы позабудете о союзе, который я вынужден запретить.

– Я не желаю ваших милостей, сир! Я не должен их принимать от государя, отрекающегося от своих слов.

– Господин де Лозен! – гневно воскликнул король, задрожав как натянутая струна.

Анжелика слабо вскрикнула от страха. Лозен заметил ее и обратил на нее свою ярость:

– А, и вы здесь, безмозглая и ни на что не способная бездарь! Куда это вы вчера бегали, несчастная потаскуха, хотя я просил вас следить за происками Месье и его сыночка?

– Довольно! – с достоинством прервал его король ледяным тоном. – Теперь удалитесь. Я прощаю вашу выходку, но желаю вас видеть при дворе только смирившимся и покорным.

– Покорным! Ха-ха-ха! – издевательски расхохотался Лозен. – Покорным! Вот ваше любимое словцо, сир. Вам нужны только рабы... Когда в силу какой-то фантазии вы позволяете им немного приподнять голову, они должны быть готовы вновь склониться и рухнуть в прах, как только изменится ваша прихоть... Я прошу ваше величество позволить мне удалиться. Я рад был служить вашему величеству, но я никогда не буду раболепствовать!

И Лозен вышел, даже не подумав проститься.

Король холодно посмотрел на Анжелику.

– Могу ли я удалиться, сир? – неуверенно спросила молодая женщина.

Король кивнул:

– И не забудьте: вернувшись в Париж, сразу отправляйтесь утешить Мадемуазель.

– Я не премину это сделать, сир.

Король подошел к высокому зеркалу-псише в позолоченной деревянной раме.

– Если бы сейчас стоял август, господин Бине, я бы сказал, что собирается гроза...

– Сущяя правда, сир.

– Но, к сожалению, сейчас не август, – вздохнул король. – На чем вы остановили свой выбор, господин Бине?

– Вот достойный парик: прическа с двумя рядами локонов вдоль пробора, расположенных в ширину, а не в высоту. Я называю его «посольским».

– Прекрасно. Вы всегда улавливаете суть дела, господин Бине.

– Госпожа дю Плесси-Бельер тоже часто меня хвалит...

Соблаговолите немного наклонить голову, сир, чтобы я смог как следует надеть вам парик.

– Да, я вспоминаю. Это через мадам дю Плесси вы поступили ко мне на службу... Она мне вас рекомендовала. Кажется, вы очень давно ее знаете?

– Да, очень давно, сир.

Король посмотрел на себя в зеркало.

– Что вы о ней думаете?

– Сир, только она достойна вашего величества.

– Вы плохо меня поняли, сударь. Я говорю о прическе парика.

– Я тоже о ней, сир, – потупясь, ответил Бине.

Глава XXXVIII

Войдя в Большую гостиную, Анжелика спросила, кого ожидают. Все придворные нарядились, но никто не знал, в честь кого.

– Спорю, в честь московитов, – сказала ей мадам де Шуази.

– Нет, вернее, по случаю приема короля Польского! Несколько минут тому назад король говорил об этом с мадам де Монтеспан, – отвечала Анжелика, гордясь тем, что может сослаться на более достоверный источник.

– Во всяком случае, речь идет, конечно, о посольстве. Король пригласил всех иностранных вельмож. Посмотрите на этого господина с усами, как у варвара. Он глаз с вас не сводит. Честное слово, у меня кровь стынет в жилах от его вида!

Анжелика машинально повернула голову в указанном направлении и узнала венгерского князя Ракоци, с которым познакомилась в Сен-Манде. Он тотчас пересек весь широкий коридор и подошел к ней поклониться. Сегодня он был в придворном платье, в парике и туфлях на красных каблуках. Но свою шпагу он заменил на кинжал с чеканной рукояткой, украшенной золотом и голубыми камнями.

– Вот архангел! – сказал он с восхищением. – Мадам, не уделите ли вы мне несколько минут для беседы?

«Неужели он снова будет делать мне предложение?» – подумала Анжелика. Но так как в толпе ей не приходилось бояться, что ее похитят и увезут, перекинув через седло, то она любезно прошла за ним в нишу ближайшего окна, внимательно рассматривая маленькие голубые камни на рукоятке кинжала, что-то неясно ей напоминавшие.

– Это персидская бирюза, – объяснил Ракоци.

– «Фирюзе» по-персидски.

– Вы знаете персидский? Шома фарси харф мизанит?

Анжелика сделала отрицательный жест:

– Мои познания не простираются так далеко... У вас очень красивый кинжал.

– Это все, что у меня осталось от былой роскоши, – ответил Ракоци с некоторым стеснением и почти с вызывающей гордостью. – Этот кинжал и моя лошадь Господарь, мой давний надежный спутник. Мне удалось пересечь на нем все границы. Но с тех пор как я во Франции, я вынужден оставлять его в конюшне Версаля, потому что парижане преследуют

Господаря насмешками.

– Почему?

– Когда вы его увидите, то сразу поймете.

– А что вы хотели мне сказать, князь?

– Ничего. Я просто хотел несколько минут вами полюбоваться. Увести вас из крикливой толпы, побыть с вами наедине.

– У вас огромные претензии, князь. В галереях Версаля редко бывает так многолюдно.

– Когда вы улыбаетесь, у вас на щеке появляется маленькая ямочка. Я заметил, что вы часто улыбаетесь. Без всякого повода для смеха. Зачем вы сегодня сюда пришли?

Анжелика наградила Ракоци удивленным взглядом. Речи этого иностранца всегда казались неожиданными и вызывали у нее беспокойство. Вероятно, несмотря на прекрасный французский язык, некоторые тонкости от него ускользали.

– Но... я ведь придворная дама. Я должна присутствовать здесь.

– И в этом заключается ваша роль? Пустая трата времени!

– В этом тоже есть свое очарование, господин апостол. Что вы хотите? У женщин нет качеств, необходимых для разжигания революционных пожаров. Им больше подходит украшать своим присутствием двор великого короля. Лично я не знаю ничего более увлекательного. В Версале такая оживленная жизнь. Каждый день новое зрелище. Вы знаете, например, кого ждут сегодня?

– Не знаю. Один солдат из швейцарской сотни принес мне в конюшню, где я разместился вместе с Господарем, приглашение явиться сегодня во дворец. Я надеюсь на встречу с королем.

– Он вас уже принимал?

– И даже несколько раз. Ваш король совсем не тиран, это высокопоставленный друг. Он даст средства для освобождения моей родины.

Анжелика, обмахиваясь веером, поглядывала вокруг. Толпа ежеминутно увеличивалась. Ее изумрудное платье было очень кстати. У ее пажа, маленького Алимана – купленного ею арапчонка, выступили крупные капли пота от тяжести платья, расшитого тяжелым украшением из серебряных нитей, шлейф которого он поддерживал. Она велела ему на время его отпустить. Это было ошибкой, взять такого маленького ребенка. Следовало купить кого-то постарше. Или еще одного такого же возраста, и он помогал бы Алиману носить шлейф. Да, об этом надо подумать. Один – арапчонок, а второй – блондинчик, оба в одеждах разных цветов, а может,

и в одинаковых! Это будет необыкновенно забавно. И полный успех обеспечен!

Заметив, что Ракоци вновь принялся рассуждать, она проворковала:

– Все это замечательно, но не объясняет, кого же мы должны почитать таким многолюдным обществом. Поговаривали о посольстве московитов?..

Венгр изменился в лице, а его глаза превратились в две черные щелочки, пылающие ненавистью.

– Вы говорите, московиты? Я не вынесу находиться в нескольких шагах от захватчиков моей родины!

– Но я думала, что вы ненавидите только немецкого императора и турок?

– Разве вам не известно, что украинцы оккупировали Будапешт, нашу столицу?

Анжелика скромно призналась, что не знала и что даже не представляет себе, кто такие украинцы.

– И я не думаю, что отличаюсь особой глупостью, – мило заметила она, – и готова поспорить на сотню пистолей, что большинство французов тоже этого не знают.

Ракоци грустно покачал головой:

– Увы! Как непонятны наши страдания этим великим западным государствам, на которые мы взираем с такой надеждой! Знание иностранных языков не стирает барьеров между народами. Я ведь хорошо говорю по-французски?

– Прекрасно! – подтвердила она.

– А между тем никто меня здесь не понимает.

– Я уверена, что король понимает вас. Он знает все, что происходит с народами всего мира.

– Но он взвешивает их на весах своих устремлений. Остается надеяться, что он не сочтет меня слишком легковесным.

Они прошли немного вперед, потому что волнение, возникшее в толпе, говорило о прибытии важного гостя.

Впереди шли два королевских офицера в парадной форме. Анжелика узнала графа Черини, лейтенанта 1-го немецкого полка Гредера, и маркиза д'Аркъена, капитана швейцарских гвардейцев Месье. За ними следовала принцесса Генриетта, жена Месье, об руку с пузатым шестидесятилетним толстяком, увешанным огромными бриллиантами. За ними – брат короля, его фаворит шевалье де Лоррен и маркиз д'Эффия. Многочисленные священнослужители, и в их числе папский нунций, замыкали шествие. Когда процессия приблизилась, венгр высоко поднял правую руку, затем

поднес ее ко лбу и закончил это странное приветствие придворным поклоном.

Знатный гость остановился. Его некрасивая одутловатая физиономия вдруг обмякла и постарела. Но на этом болезненном лице вспыхнули два бледно-голубых глаза, подобные лужицам растаявшего снега, и очень тихо и многозначительно он произнес:

– Смотрите-ка, князь, теперь вы мне кланяетесь?

– Да, сир, потому что в вашем лице я кланяюсь не тирану, а человеку, сумевшему все отринуть.

Лицо старика омрачилось и застыло.

– Это правда. Я отошел от людей и их земных ссор. Поэтому называйте меня «господин аббат».

– Пусть ваше святейшество меня извинит.

– Но я уже и не кардинал, друг мой. А вы еще не сумели понять, что в глазах Всевышнего вы тоже уже не князь. Все эти титулы ничего не стоят. Я все сказал! – закончил он с величием, неожиданным для такого толстяка.

Процессия продолжила движение и прошла вглубь гостиной. Молодой венгр обратил к Анжелике свое страдальческое лицо:

– Не правда ли, какая странная судьба? Этот человек был моим злейшим врагом. И вот он лишился всего, даже врагов. – И он продолжал глухим сдержанным голосом: – Вам нас не понять: вы принадлежите к латинской расе. А мы, венгры, мы почти прямые потомки готов, но потом мы пережили четыре века оккупации гуннами Аттилы, воины которого оставались на наших плодородных равнинах. И эта смесь кочевников желтой расы и древних готов создала наш гордый и оседлый народ. Наш девиз – «Нет жизни вне Венгрии».

– Это ваш король? – спросила Анжелика.

– Нет, конечно! – почти гневно воскликнул венгр. – Говорю вам, что это наш злейший враг. Разве вы не узнали Казимира Пятого, короля Польского?

– Король? Этот пузатый толстый господин с замашками церковника?

– Повторяю вам, что это сам Иоанн-Казимир, сын Сигизмунда Третьего, короля Польского.

– Но он прекрасно говорит по-французски.

– Он учился в коллеже французских иезуитов. Он и сам иезуит и был кардиналом. Когда он наследовал своему брату, Владиславу Седьмому, он добился разрешения на брак с его вдовой, француженкой Марией Гонзага. Но после ее смерти он от всего отказался и вот теперь оставил и трон.

– А почему вы говорите, что он ваш враг?

– Потому что поляки постоянно претендуют на изнемогающую Венгрию.

– Если я правильно поняла, все хотят ее захватить?

– Именно так, – грустно ответил князь. – Земля нашей страны очень богатая. Дельта большой реки, Дуная, удобряет ее чрезвычайно плодородным черным илом. Германия и Австрия, турки, поляки, украинцы, подстрекаемые московитами, претендуют на нее, стремятся захватить хоть какую-то ее часть. Я прогнал королей, которые заключили союз с врагами. Теперь я хочу выступить и заявить им всем: «Назад!»

Он возвысил голос, и ближайшие к ним люди стали смотреть на них со страхом и с насмешкой.

Местье де Жевр, главный камергер, появился в дверях Большой гостиной и объявил:

– Король, господа!

Глава XXXIX

Раздался глухой стук алебард охраны об пол, потом послышались твердые уверенные шаги, и вошел молодой король.

При его появлении воцарилась тишина. Мужчины, склонившись в поклоне, сняли шляпы, а женщины присели в глубоком реверансе.

– Благодарю вас, дамы и господа, что вы собрались по моей просьбе, – произнес Людовик XIV. – Так мы лучше выразим уважение к нашей дружбе с прославленной Польшей, которой Франция уже дарила королев и чья история неоднократно сплеталась с историей нашего государства. В тысяча тридцать седьмом году Казимир Первый Восстановитель окончил свои дни во Франции священником аббатства Клуни. Блестящим примером, продолжающим эту традицию, служит сегодняшнее присутствие нашего любимого кузена, которого мы счастливы здесь принимать, перед тем как он начнет служить нашему общему Отцу. Его присутствие добавит особый блеск церемонии, ради которой я вас созвал.

После этого король двинулся вперед. Справа от него шел король Казимир, а слева – королева. За ними следовали герцог и герцогиня Орлеанские и Месье принц. Далее шли фрейлины во главе с мадам де Монтеспан и, наконец, веселой беспорядочной процессией, весь двор.

– Что за сюрприз приготовил нам король? – прикрывшись веером, спросила мадам де Людр.

– Но разве это не визит Казимира Пятого?

– Ну что вы, милочка! Король без короны, расстриженный кардинал? Пфф! Сюрпризы его величества всегда блестящие и оригинальные...

Принц Ракоци шел рядом с Анжеликой.

– Присутствие короля Казимира успокоило меня в отношении возможного присутствия москвитов, – сказал он. – Вашему королю, конечно, известно, что украинцы, долгое время пребывавшие под польским игом, предали их и теперь между ними война. Он не может свести их...

– Мне кажется, что вы очень боитесь москвитов?

– Боюсь! – прорычал Ракоци, гордо выпрямившись. – Боюсь! За такое оскорбление, мадам, вас следовало бы привязать к хвосту дикой лошади и пустить ее в степь!

Но после некоторого раздумья он добавил:

– Но вы правы, среди всех наших врагов *только* москвиты беспокоят и вместе с тем интригуют меня. Что означает вступление в борьбу

длиннобородых скифов, так долго дремавших за своими холодными болотами? Мы уже видели казачьи орды в Будапеште. И я опасюсь, чтобы ваш король, такой тонкий политик, не совершил ошибки, пригласив их в Париж, столицу мира... В старой Европе что-то меняется в существующем равновесии сил. Этот народ только что сбросил ярмо трехвекового татарского гнета, последовавшего за нашествием монголов, и кто знает, не воспользуются ли они мудростью терпеливых побежденных, впитавших силу своих победителей? Теперь вот они освободились и возникают как новый, независимый народ... Такой же, как мы сами...

В этот момент запыхавшийся господин де Бриенн, спешивший навстречу движению толпы, подошел к ним:

- Князь, его величество настаивает, чтобы вы встали в первый ряд.
- Следую за вами, – отвечал польщенный Ракоци.

Анжелика воспользовалась ситуацией, чтобы пробраться следом за ними и тоже оказаться в первых рядах. Кортёж остановился в середине Большой галереи.

И как раз в эту минуту внизу мраморной лестницы раздалась странная музыка, такт которой отбивали глухие удары тамбуринов. Музыканты в длинных разноцветных одеяниях и меховых шапках поднимались по обеим сторонам лестницы. Одни щипали трехструнные маленькие гитары треугольной формы, издававшие высокие звуки. Другие играли на инструментах, подобных мандолинам, с печальным глубоким звуком. Широкие и плоские тамбурины были украшены серебряными полосками, наподобие цыганского бубна.

Появилась вторая группа, медленно поднимавшаяся по лестнице. По присутствующим пробежал шепот восхищения, смешанного с некоторым ужасом. Восхищение вызывали необычные костюмы, парчовые и узорчатые бархатные кафтаны, покрытые золотым и серебряным шитьем. А ужас дам вызвали бороды – черные, русые, седые, но все очень длинные и густые. Вместе с огромными меховыми шапками и длинными волосами, заплетенными в косы, они придавали дикий вид этим пышно одетым мужчинам. На голове у того, кто шествовал в центре и, вероятно, возглавлял эту делегацию, было что-то вроде округлой тиары с сеткой из жемчуга. Высокий жесткий воротник, также расшитый жемчугом, спереди образовывал остроугольный вырез, в котором виднелся шелковый вышитый платок. На красных отворотах и полах его атласного зеленого кафтана сверкали двумя параллельными рядами, чередуясь друг с другом, огромные рубины и изумруды. На груди у него красовался изумруд величиной с игральную карту, обрамленный жемчугом и подвешенный на

золотом ошейнике, также украшенном изумрудами немного меньших размеров, но необычайно красивыми.

На поясе каждого вельможи-варвара висела сабля в ножнах, украшенных огромными драгоценными камнями. Каждый камень располагался в маленькой розетке из золотых и серебряных нитей, обвивавших два ряда жемчужин.

Их кафтаны, препоясанные шелковыми или атласными шарфами, не доходили до земли. Жесткие, отягощенные драгоценными камнями и шитьем, похожие на церковные раки кафтаны раскачивались над полом, позволяя видеть красные или черные мягкие кожаные сапоги, носки которых на монгольский манер загибались вверх.

За ними следовали четыре шеренги слуг с дарами. Трое из них несли тяжелые медвежьи шкуры. Шестеро других поддерживали огромный скатанный ковер. На носилках, обитых бархатом, переливались самоцветы.

Сразу за главой процессии, облаченным в ризу, следовал толстый человек, без бороды, но с длинными усами, что подчеркивало его монгольскую внешность. На гладко выбритом черепе оставалась одна огромная черная прядь, которая ниспадала с макушки, а ее тонкий конец был закручен вокруг левого уха.

В правом ухе у него блестела огромная золотая серьга. Красная шелковая рубашка свисала на пышные турецкие шаровары черного шелка. Сапоги тоже были черные. Желтый шелковый шарф опоясывал его не менее двадцати раз. Короткая кривая сабля в золотых ножнах и браслет на левой руке дополняли убранство.

Рядом с ним шли четверо мужчин, одетых примерно так же, но с патронташами с фальшивыми патронами с чеканными серебряными головками на черном шелковом одеянии.

Все остальные члены делегации, среди которых выделялись характерные монгольские лица, носили длиннополые кафтаны, делавшие их похожими на китайцев.

Анжелика взглянула на Ракоци, ища ответа на возникший у нее вопрос. Его лицо окаменело.

– Московиты! – произнес он подавленно.

Затем он схватил Анжелику за руки и сжал их со страшной силой. Он наклонился к ней и спросил:

– Вы знаете, кто этот человек в центре? Это Дорошенко, гетман Украины, он первым вошел в Будапешт.

Она почувствовала, что Ракоци задрожал, как испуганная лошадь.

– Несмываемое оскорбление, – побледнев, пробормотал он.

– Князь, прошу вас, не устраивайте скандала. Не забудьте, что вы при французском дворе.

Но Ракоци не слышал ее. Он не сводил глаз с прибывших, словно они шли по степи, а не среди пышного убранства Версаля. И вдруг он исчез, отступив назад и растворившись в толпе французских дворян.

Анжелика вздохнула с облегчением. Она опасалась, чтобы этот сумасброд не испортил захватывающего зрелища. Ей также не хотелось, чтобы он скомпрометировал себя и вызвал гнев короля, который поступил очень неосторожно, допустив ко двору революционера. Ведь от таких людей можно ждать чего угодно!

Через каждые три шага москвиты кланялись глубоким восточным поклоном. Смиренность этих поклонов резко контрастировала с их гордыми взглядами, и Анжелике невольно виделось в их мягких наклонах спин выражение скрытой силы и готовности к прыжку, как у больших укрощенных хищников. От этого по спине пробегали мурашки. Ей передалось безумие Ракоци. Возник необъяснимый страх. Вдруг случится буря, ударит молния и уничтожит Версальский дворец!

Она взглянула на короля и успокоилась: у него был невозмутимый и величественный вид, присущий только ему одному. «Посольский» парик господина Бине своей высотой мог соперничать с шапками москвитов.

Появился господин Помпон. Он был послом в Польше, знал русский язык и служил переводчиком. После положенных приветствий делегация поднесла подарки, привезенные из далекой России.

Три медвежьи шкуры с Урала: бурая, черная и рыжеватая. Многочисленные шкуры бобров и огромное черное каракулевое полотнище из пятисот шкурок новорожденных ягнят той породы, что водится только по берегам Каспийского моря.

Необычные брусочки в фольге с зеленым и красным чаем, которым китайский император платил царю Алексею дань, назначенную еще во времена Ивана Грозного. Королева, очень довольная, что может проявить свои познания, объявила, что ей рассказывали о чае и что он излечивает от двадцати болезней. Ее восхитили драгоценные камни, особенно изумруд величиной с сахарную голову и голубой берилл с Урала высотой с пограничный столб и с остроконечными шестигранными кристаллами наверху. Его несли четверо мужчин.

Раскатывались гладковорсные бухарские ковры и длинноворсные хивинские, выкладывались ярко-желтые и красные шелка, не выцветающие на солнце. Особо тонкий туркестанский шелк и тяжелые шелковые покрывала, собранные из разноцветных мозаичных квадратов.

Один из членов делегации, встав на колени перед монархом, преподнес от себя лично золотой самородок с Байкала на белой атласной подушке.

Все ахали и восхищались. Дамы осмелели и с восторгом трогали пальчиком ковры и шелка, но главное восхищение вызывал голубой берилл.

Между тем москвиты объяснили, что, прознав про страсть великого западного короля к редким животным, они привезли ему семью памирских коз, из шерсти которых делают шали, подобные кашмирским из соседней Индии. Король горячо их поблагодарил.

Но они привезли еще и редчайшего белого сибирского тигра, который оставался на Мраморном дворе. Он готов был приветствовать своего нового хозяина, ожидавшего его в конце пути, такого трудного и неприятного для властелина заснеженных степей.

Это сообщение вызвало наибольший восторг. Слуги поспешили сложить подарки, чтобы освободить проход, и весь двор вслед за королем и московским послом направился к лестнице.

И вот тогда произошел инцидент. Удивительное животное, черное, как исчадие ада, – маленькая лошадка с длинной гривой, покрытая косматой шерстью почти до копыт, – появилось на верхней площадке лестницы. Всадник встал на стремянах и что-то выкрикнул на каком-то чужом языке, а затем повторил то же самое по-русски и по-французски:

– Да здравствует свобода!

Он поднял руку. В воздухе блеснул кинжал и воткнулся в паркет у ног украинского гетмана.

Вслед за тем всадник развернул свою странную лошадку и спустился по мраморной лестнице.

– На лошади! Он верхом поднялся и спустился по лестнице... Да это не лошадь... Нет, уверяю вас, лошадь, это называется пони... Невероятно! Лошадь скачет по лестнице!..

Французов волновало только это: необыкновенный конный подвиг... А москвиты с непроницаемым видом неотрывно смотрели на кинжал. Король спокойно говорил переводчику Помпону: его дворец открыт народу. Потому что народ имеет право видеть своих королей. Он принимает во Франции и иностранцев. Но несмотря на старания полиции, широкое гостеприимство иногда оборачивается неприятными инцидентами, как, например, только что имевший место: сумасшедшие и фантазеры, странные деяния которых не всегда можно предусмотреть, совершают необъяснимые поступки. Слава богу, инцидент не имел

серьезных последствий. Человека догонят, поймают и арестуют. Его заключат в Бисетр, больницу для умалишенных, если он сумасшедший, или же повесят! Все это не заслуживает внимания!

Московиты ответили хриплыми голосами, что этот человек кричал по-венгерски, и спросили его имя.

«Слава богу, они его не узнали!» – подумала Анжелика. Она так дрожала от возбуждения, что стучали зубы. Но окружающие находили происшедшее скорее забавным. Между тем кинжал все еще торчал в паркетном полу, и никто не решался к нему подойти. Наконец пропорхнуло что-то розово-зеленое, переливающееся, как тропическая птичка, и кинжал исчез. Это Алиман, повинувшись знаку Анжелики, ловко стащил его.

Кортеж продолжил движение и спустился во двор, где королевский тигр протяжно рычал, кружась по своей огромной клетке, которая стояла на платформе, запряженной четверкой лошадей.

Вид роскошного зверя полностью стер неприятные воспоминания. С большим почетом тигра препроводили в Зверинец.

В конце Королевской аллеи, возле боскета Купол, от восьмигранного павильона веером расходились семь загонов, в которых жили животные разных видов. Отныне сибирский тигр должен был находиться по соседству с нумидийским львом, присланным султаном Марокко, и двумя индийскими слонами. Месье де Помпон служил переводчиком между людьми, обслуживавшими хищников, и узкоглазой сибирской прислугой тигра. Они обсуждали, какое питание и уход необходимы новому жильцу, который соизволил перейти в подготовленное для него помещение.

На обратном пути король показал свои сады.

Мадам де Севинье писала своему кузену Бюсси-Рабютену:

«Посмейтесь вместе с нами. Сегодня при французском дворе произошел большой скандал. Я его наблюдала и поняла, что войны разгораются в передних королей. Я видела собственными глазами, как запылал факел войны. И все еще взволнована и почти горда. Представьте себе, что всадник верхом на лошади заявился в Версаль. Но в этом нет ничего особенного, подумаете вы. Этот человек поднялся в известную вам Большую галерею, где король принимал в то время посольство московитов. И вы все еще продолжаете думать, что в этом нет ничего особенного?.. Но все дело в том, что он поднялся туда галопом на лошади. Что вы теперь подумаете? Что мне все это привиделось?»

Нет, это могут засвидетельствовать еще пятьсот человек.

Всадник метнул кинжал. Я все так же в здравом уме и прошу не беспокоиться о моем здоровье.

Кинжал воткнулся в пол перед посланцем, и никто не знал, что делать. И вот тогда-то я и поняла, что разгорается факел войны. Но затоптала его очень легкая ножка – ножка госпожи дю Плесси-Бельер, с которой вы у меня встречались и которой немного увлеклись. Отсюда следует, что этот рассказ доставит вам двойное удовольствие.

Ей пришло в голову знаком послать своего маленького пажа, проворного негрятенка, который, словно фокусник с Нового моста, ловко вытащил и спрятал кинжал. И все сразу успокоилось. Мир восторжествовал, и с лаврами победы в руках мы отправились любоваться дикими зверями.

Так что вы скажете о моем рассказе?

Мадам дю Плесси одна из тех женщин, присутствие которых необходимо королю. Мне кажется, что король уже давно это понял. Тем хуже для нашей победоносной Канто...^[20] Но можно не сомневаться, что она не уступит престол без боя. И это обещает нам еще немало развлечений в Версале».

Анжелика не получила приглашения на поездку в Фонтенбло. И ей следовало помнить, что король рекомендовал утешить Великую Мадемуазель. Пришлось отправиться в Париж.

В карете она вытащила кинжал венгерского князя и стала его рассматривать со страхом и с удовольствием. Она радовалась, что стащила это оружие. «Революционер» не заслужил, чтобы оно попало в чужие руки, а она, возможно, его единственный друг во всем королевстве.

Заметив, что барышни де Жиландон, сидевшие рядом с ней, разглядывают кинжал с тем интересом, который дозволяло их почти растительное безразличие, Анжелика осведомилась, не знают ли они, что стало с всадником на маленькой лошадке.

Обе девушки слегка воодушевились. Как и все в Версале, от последнего поваренка до главного камергера, они были счастливы, что присутствовали при «дипломатическом инциденте». Нет, революционер не был схвачен, утверждали они. Он вскачь спустился по мраморной лестнице, а потом все видели, что он галопом устремился в сторону леса. Охрана, бросившаяся в погоню, вернулась ни с чем.

«Он ускользнул, тем лучше», – подумала Анжелика.

Но она тотчас устыдилась своей мысли. Такая дерзость заслуживала

наказания. И все же поступок представлялся ей великолепным. Он приносил тайное удовлетворение. Людовик XIV решил поиграть с ним, как кошка с мышью. Ему нравилось испытывать степень покорности своих рабов. Сейчас он сосредоточился на князе Ракоци. И на Лозене. А арестован ли Лозен? И где может скрываться Ракоци? Его везде заметят на такой маленькой косматой лошадке, похожей на лошадей гуннов, осаждавших Париж в незапамятные времена.

– Ведь это святая Женевьева помешала гуннам вступить в Париж? – спросила Анжелика у барышень де Жиландон.

– Да, мадам, – вежливо подтвердили обе девушки.

Они никогда ничему не удивлялись. Это входило в их обязанности. Невзрачный вид и безликость характеров спасали хозяйку от неприятных интриг, вполне возможных со стороны более наглых или честолюбивых фрейлин. Правда, общество барышень было довольно скучным. Но Анжелика не жаловалась. Она не страдала недостатком большинства знатных дам, которые и пяти минут не могли помолчать. Им представлялось самым большим наказанием оставаться наедине с самой собой, и они делали все возможное, чтобы никогда не случилось такого неприятного стечения обстоятельств: камеристка должна была читать им перед сном или составлять компанию, если наступала бессонница.

Анжелика иногда пользовалась природной молчаливостью барышень де Жиландон, чтобы спокойно поразмышлять.

Карета с грохотом проехала через леса Медона и Сен-Клу. Темнота холодной и промозглой зимней ночи не позволяла видеть густые заросли, окутанные туманом, за пределами света факелов, которые несли слуги.

Где же находился Ракоци? Анжелика опустила голову на бархатную спинку сиденья. Когда она оставалась наедине с собой, ей случалось испытывать чувство тоски. Нервы напрягались до предела. Она вспомнила зеленый ликер, которым коварный Бахтияр-бей напоил ее с совершенно очевидной целью – растопить холодность. Конечно, это было средство, возбуждающее чувственность.

Придя к этой мысли, Анжелика уверилась, что ей необходим любовник, иначе она может просто заболеть. Как глупо, что она уклонилась от предложений этого великолепного перса. Какие чувства ею владели? Для какого любовника она берегла себя? Да и кто интересуется ее жизнью? Значит, она все еще не поняла, что совершенно свободна?..

В Париже, как это все чаще случалось, безлюдье роскошного особняка и пустота спальни показались ей удручающими. Она предпочла бы свое

временное пристанище в Версале с его короткими ночами между окончанием бала и ранней мессой, во чреве огромного дремлющего дворца. Там ночи продолжали кипеть страстями и интригами. Там вы составляли единое целое со всеми. Никто не оставался наедине со своей судьбой.

«Со своей печальной судьбой?» – подумала Анжелика и принялась кружить по спальне, как сибирский тигр по клетке.

Почему ее не пригласили на прогулку в Фонтенбло? Неужели король боится не угодить мадам де Монтеспан? И чего хочет от нее король? Какую судьбу тайно уготовил он ей беспощадной рукой? «Для какой же жизни ты создана, сестра моя Анжелика?»

Остановившись посреди комнаты, она громко произнесла:

– Король!

Дворецкий Роже пришел справиться, что желает на ужин госпожа маркиза. Она растерянно посмотрела на него. Она не хочет есть. Анн-Мари пришла предложить травяной отвар. Анжелика сама удивилась, что ее охватило непреодолимое желание отхлестать ее по щекам, словно это безобидное предложение являлось пределом разочарования и унижения. Из духа противоречия она потребовала бутылку сливовой водки. Выпив подряд две маленькие рюмки, она почувствовала себя лучше. Нужно было раньше прибегнуть к этому способу. Алкоголь – незаменимое средство, чтобы рассеять мрачное настроение.

Кинжал Ракоци лежал на столе. Анжелика подошла к секретеру с многочисленными ящичками, сделанному из эбенового дерева и инкрустированному перламутром. Она достала шкатулку и открыла ее, намереваясь положить туда кинжал. В шкатулке хранились самые разные вещи: черепаховый гребень, кольцо, подаренное бандитом Никола, драгоценности Тампля, камья из гранатов, которую она носила на скромных платьях хозяйки Бурьюса, пара сережек, подаренная Одиже в тот день, когда они вместе открыли шоколадную кондитерскую, и хорошо очиненное острое перо повешенного поэта. Лежал там и еще один нож – нож Родогона-цыгана.

Нескромный соглядатай, пожелавший узнать, что за сокровища так ревниво прячет в этой шкатулке мадам дю Плесси-Бельер, был бы немало удивлен и разочарован, увидев лишь незначительные разнородные предметы. Но для нее они имели иную ценность: они были как ракушки, принесенные морскими приливами угрюмого моря и оставленные на берегах ее прошлого. Много раз она хотела от них избавиться и выбросить, но так и не решилась.

Анжелика выпила еще рюмочку водки. Голубой камень в кольце сиял на пальце мягким блеском рядом с такими же камнями, инкрустированными в рукоятку кинжала Ракоци.

«Я под знаком бирюзы», – подумала она.

Перед ее внутренним взором возникли два смуглых лица: персидского князя, утопающего в роскоши, и венгерского князя, всего лишившегося.

Ей захотелось вновь увидеть Ракоци. Он раскрылся для нее в своем поступке. Его безрассудство не было смешным – оно было захватывающим. Как не распознать в его словах глубокую мудрость героев! Она так привыкла слышать только пошлости, что не сумела разглядеть настоящего человека.

Бедный Ракоци! Где он сейчас? При мысли о нем ей захотелось рыдать. Она выпила еще рюмочку. Теперь она сможет лечь и уснуть. Какая тоска спать одной!

Не наступит ли конец ее терзаниям, если она вернется в Сюрень с готовым «да» на губах? Она мечтала найти забвение в исступленном восторге чувств, слепых и умело обостренных. «В конце концов, я всего лишь женщина. Зачем бороться и с какой целью?»

Она крикнула своему зеркалу:

– Я хороша собой! – И растроганно добавила, глядя на свое отражение: – Бедненькая Анжелика... И такая одинокая...

Она выпила еще.

– Вот теперь я пьяна... И смогу уснуть.

Потом ей пришло в голову, что если Мадемуазель страдает примерно по той же причине, то, вероятно, она тоже не спит. Может быть, ее поддержит ночной визит Анжелики. Ведь ночи тянутся так бесконечно долго, когда ты одна!

Анжелика разбудила слуг. Приказала закладывать карету и ехать по ночным улицам в Люксембургский дворец.

Она угадала правильно. Великая Мадемуазель не спала. Услышав вердикт короля, она слегла в постель, отказавшись принимать пищу, кроме овощного отвара. И непрерывно рыдала. Напрасно фрейлины и верные подруги пытались ее успокоить.

– Он был бы здесь! – воскликнула она, указывая на пустое место на кровати, которое должен был бы занимать де Лозен. – *Он был бы здесь...* О! я этого не вынесу, сударыни, я умру!

Зрелище такого отчаяния послужило для Анжелики отличным поводом дать волю своим слезам, которые были у нее наготове на протяжении двух последних дней. Она тоже зарыдала.

Мадемуазель де Монпансье, растроганная видом искреннего участия в ее горе, прижала Анжелику к сердцу.

Так они и просидели до утра, обсуждая достоинства де Лозена и жестокость короля, держась за руки и в три ручья проливая слезы.

Глава XL

Когда Анжелика объяснила господину Кольберу, что Бахтияр-бей не желал ехать к королю, потому что готовился недостаточно торжественный прием, тот воздел руки к небу:

– А я-то не прекращаю упрекать короля за его пристрастие к пышности и за излишние расходы!

Узнав, в чем дело, Людовик XIV расхохотался:

– Вот видите, друг мой Кольбер, как несправедливо иногда ваше ворчание. Огромные траты на Версаль – это не такое уж плохое вложение, как вам казалось. Я делаю дворец настолько притягательным, что он вызывает у людей интерес и привлекает к нам даже самые далекие народы... Я мечтал, чтобы эти народы приезжали взглянуть на великого государя, чья слава дошла до них. Мечтал увидеть эти народы в галереях дворца одетыми в национальные одежды и с удивлением рассматривающими поразившие их чудеса. Я выражу свою мысль, сказав, что мы должны быть смиренными в отношении себя самих и гордыми и требовательными в отношении того места, которое занимаем в мире.

В тот день, когда первое персидское посольство^[21] подъехало к золотой решетке Версаля, пестрый ковер из тысячи цветочных горшков, вынесенных из теплиц и расставленных в партерах, расстился под зимним небом. В Большой галерее ноги утопали в лепестках роз и цветов апельсиновых деревьев.

Бахтияр-бей шел мимо мебели, украшенной позолоченным серебром. Специально в его честь были выставлены самые красивые золотые и серебряные предметы, резные консоли, буфеты и серванты. Ему показали весь дворец, золото и хрусталь которого могли соперничать с украшениями дворцов из сказок «Тысячи и одной ночи». Визит завершился посещением ванной комнаты, где огромная королевская ванна из сиреневого мрамора должна была доказать персу, что французы, вопреки его представлениям, не отказывали себе в удовольствии омовений. И тысячи струй фонтанов парка довершили впечатление.

Для Анжелики это был день ее торжества. Она постоянно находилась на переднем плане. С простодушным видом, под которым, возможно, скрывалось лукавство, Бахтияр-бей не замечал королеву и других дам и

адресовал свои комплименты только ей.

Договор о поставках шелка подписали в самой дружеской обстановке.

Вечером этого памятного дня, когда большинство придворных совершали последнюю прогулку, вновь любуясь эфемерными цветочными партерами в разгар зимы, один из пажей возник перед мадам дю Плесси-Бельер и предупредил, что король ждет ее в Хрустальном кабинете.

Этот кабинет находился в королевских апартаментах. Он предназначался для более камерных приемов, чем в парадных гостиных. Приглашение в Хрустальный кабинет означало большую честь.

Анжелика вошла и увидела отраженные стенными зеркалами дары Бахтияр-бея, громоздившиеся как в пещере Али-Бабы.

Людовик XIV беседовал с Кольбером, лицо которого, обычно нахмуренное, сейчас разгладилось под влиянием глубокого внутреннего удовлетворения. Оба улыбнулись молодой женщине.

– Сейчас, мадам, вы получите награду, – сказал король. – Прошу вас, извольте выбрать среди этих сокровищ то, что вам доставит наибольшее удовольствие.

Король взял ее за руку и подвел к разложенным подаркам. Для себя он выбрал великолепное красное седло с золотой и серебряной головками передней луки и с плоскими, также золотыми и серебряными, стременами. Шахматная доска из эбенового дерева и слоновой кости, а также игра с золотыми и нефритовыми костями и фишками должны были отправиться в королевскую сокровищницу. Король также не рассчитывал, что Анжелику соблазнит забавная персидская курительная трубка – наргиле – с золотой насечкой. Но оставались шали из Белуджистана, золотые блюда и вазы, украшенные сценами охоты на газелей, с инкрустацией бирюзой, гаргулетты с инкрустацией старинной голубой эмалью, огромный длинноворсный мешхедский ковер, два коротковорсных молитвенных коврика из Ториса и Исфахана, горшочки с розовым и фиалковым вареньем, бонбоньерки с фисташковой нугой, или джазу, массивные стеклянные бутылки с ароматными розовым, жасминовым и гераниевым маслами и, конечно, самые красивые в мире драгоценные камни.

Под добродушным взглядом Кольбера и рассеянным взглядом короля Анжелика ходила от одного сокровища к другому. Вдруг она покраснела и взволнованно спросила, куда делось мумиё.

– Мумиё? Эта мерзкая вонючая микстура?

– Да. Я вас просила принять ее с выражением особо глубокой признательности.

– Я так и сделал! Я уверил его превосходительство, что ничто не

может доставить мне большее удовольствие, чем обладание этим необыкновенным эликсиром. Признаюсь, я никак не ожидал, что эта жидкость столь тошнотворна. Я дал Дюшену выпить бокал. Бонтан тоже выпил ее с наперсток. Похоже, что на вкус она отвратительна. Дюшену было очень плохо. Он признался, что его вырвало, после чего он принял немного целебного средства, испугавшись, что его отравили. Я даже думаю, не было ли здесь со стороны персидского шаха злого умысла в отношении меня самого, когда он прислал это под видом подарка.

– Нет-нет, конечно нет, – поспешно заверила короля Анжелика и быстро подошла к стоящему в углу знакомому сундучку из розового дерева, инкрустированному перламутром, который показывал ей Бахтияр-бей.

Она подняла крышку и немного приоткрыла пробку голубого фарфорового флакона. Станный запах ударил ей в нос, невольно напомнив чувственную атмосферу гостиной персидского посла.

– Сир, могу ли я просить вас о милости разрешить мне взять этот ларец? На память о тех визитах, когда я имела удовольствие служить во славу вашего величества, и... ничего другого мне не надо, – быстро закончила она, чувствуя, что запуталась.

Король и господин Кольбер переглянулись с растерянным видом умных мужчин, столкнувшихся с женским капризом.

– Меня многое удивило и заинтриговало в этом посольстве, – сказал король, – но самое удивительное – это выбор награды мадам дю Плесси...

Анжелика улыбнулась и постаралась принять естественный вид.

– Но разве не прелесть этот сундучок? Просто мечта!

– Но вот еще два, тоже очень красивые, с миндальной пастой и ароматной камедью.

– Откровенно говоря, этот мне нравится больше, сир. Могу ли я его взять?

– Бесплезно убеждать женщину, когда она что-то забрала себе в голову, – вздохнул король.

Он приказал двоим лакеям отнести сундучок в апартаменты мадам дю Плесси.

– Осторожно. Не опрокиньте флакон, – напутствовала их Анжелика.

Она хотела бы уйти вместе с ними, но король жестом удержал ее. Он вновь подошел к персидским тканям, отложил несколько кашемировых шалей и приподнял мягкую и нежную ткань теплого песочного цвета.

– Его превосходительство посол обратил мое внимание на необыкновенную текстуру этой ткани. Говорят, что ее делают из

верблюжьей шерсти и получается ткань под названием «фетр» или «бурка». Она не промокает под дождем, вода с нее просто стекает. Это такое верхнее одеяние, способное защитить от любой непогоды. Княжеские бурки белые или золотистые, простонародные – коричневые или черные. Видите, я стал таким же сведущим, как вы, в персидских обычаях.

И он медленно укутал ее.

– Я знаю, что вы мерзлячка, – вполголоса добавил король с улыбкой.

Его руки немного задержались на ее плечах.

В этот момент вошла взволнованная мадам де Монтеспан. Ее тоже пригласили в Хрустальный кабинет выбрать украшение себе по вкусу. Но ее улыбка угасла, когда она заметила Анжелику, которой король завязывал золотые шнуры роскошного одеяния.

– Я, кажется, слишком поспешила, сир? – спросила она скрипучим голосом, которому хотела придать игривость.

– Нисколько, моя красавица. Выбирайте из этих сокровищ.

– Из того, что осталось после мадам дю Плесси-Бельер...

– Но осталось еще с избытком.

Король расхохотался:

– Вы ревнуете? Мадам дю Плесси выказала такую скромность, что я сам решил добавить ей это одеяние.

– Все равно вы дали ей выбирать первой, – недовольно проворчала Атенаис, у которой злость и гордыня всегда брали верх над хитростью.

– Мадам дю Плесси выполнила мое дипломатическое поручение. И запомните, что в мои намерения входит всегда вознаграждать первыми того, кто служит королевству. Мои фавориты идут во вторую очередь.

Его тон не допускал возражений. Мадам де Монтеспан сочла за благо сдержаться.

– Обожаю видеть, как вы ревнуете, – продолжил король, крепко обхватив ее за талию. – Так и кажется, что вы запылаете.

Он с удовольствием поцеловал ее в затылок и шею.

– Могу ли я удалиться, сир? – спросила Анжелика, начиная делать реверанс.

– Еще минуточку, пожалуйста. Хочу вам посоветовать. Обещайте, что не будете натирать кожу этой ужасной микстурой, к которой вы так привязаны.

– Я остерегусь это делать, сир.

– Разве можно предугадать, какие чудачества взбредут в головку хорошенькой женщины! Словом, не отравитесь и не испортите цвет лица.

Кончиками пальцев он ласково коснулся ее щеки:

– Мне было бы очень неприятно!

«Этим жестом король подписал мой смертный приговор», – подумала Анжелика, почувствовав взгляд мадам де Монтеспан, который, как кинжал, вонзился ей между лопаток, когда она выходила.

Анжелика проверила, что мумиё на месте, что флакон не опрокинули и что не вылилось ни одной капли. Она не может быть спокойна, пока старый Савари не получит свое мумиё. Желая поскорее вернуться в Париж, она справилась о намеченных празднествах и с радостью узнала, что после малого ужина все могут отправляться на покой и что двор с самого утра уезжает в Сен-Жермен.

Анжелика спросила у королевы, не нуждается ли та в ее услугах. Как обычно, королева ответила отрицательно. Обязанности Анжелики были чисто номинальными, и королева не требовала ее присутствия.

Анжелика со спокойной совестью велела отнести ларец в карету и приказала закладывать. Кучер слегка поворчал. Человек он был в возрасте и немного грузный. Он поступил на службу к Анжелике еще в те времена, когда она называлась мадам Моран и была просто одной из крупных коммерсанток Парижа. Тогда она вела размеренную жизнь людей, которым некогда разбазаривать время и которые убеждены, что ночь существует для того, чтобы спать. Кучер радовался быстрому взлету своей хозяйки при королевском дворе. Он оценил должным образом и «право кареты», то есть что отныне его экипаж имел право заезжать в первый двор Версальского дворца и там разворачиваться.

Но с некоторых пор он начал сожалеть, что Анжелика и днем и ночью носится по горам и по долам. И чаще всего ночью. У него едва оставалось время, чтобы почистить лошадей, вымыть им копыта и расчесать гривы. Иногда ему приходилось запрягать несмазанную карету, покрытую грязью после предыдущей поездки. Кучер воспринимал это как унижение.

Из разговоров с другими кучерами, когда они собирались в службах Версаля, чтобы выпить стаканчик, он узнал, что ситуация будет только ухудшаться, что непоседливость – это местная болезнь придворных знатных дам, усиливающаяся по мере того, как они занимают более высокое положение.

С мрачным видом кучер щелкнул кнутом, и карета покатила по мостовой большого Парадного двора, выехала за решетку и двинулась по дороге Сен-Клу, оставив позади Версаль, озаренный кровавым светом зимних сумерек, достойным блеска Людовика XIV.

В одиннадцать часов они въехали в Париж. В половине двенадцатого –

на улицу Буртибур, и Анжелика забарабанила в ставни лавки мэтра Савари.

Аптекарь еще не спал, он толк в чугунной ступке какой-то порошок. Увидев Анжелику, Савари побледнел и задрожал. Анжелика с таинственной улыбкой сделала знак лакеям поставить сундучок на прилавок. Поставленный между ступками, медными сосудами и раскрашенными деревянными банками, между маленькими весами и черепом, сундучок из драгоценного дерева переливался отблесками золота и перламутра.

Дрожащей рукой Савари поднял крышку, вынул пробку и вдохнул запах эликсира.

На этот раз Анжелика не сумела ему помешать встать на колени.

– Всю свою жизнь, – причитал он, – всю свою жизнь я буду помнить, мадам, о вашем благодеянии. Вы не только спасли мумиё из рук профанов, но вы передали его мне, в руки ученого, и я сумею разгадать многовековой секрет. Потомки благословят вас.

– Успокойтесь, мэтр Савари, – попросила его Анжелика, пытаюсь скрыть свое волнение под видом недовольства. – Вы правы, что благодарите меня. Ради вас я лишилась уважения в глазах короля, который решил, что голова у меня набита глупостями и химерами. И я отказалась от великолепных подарков, а они мне очень понравились.

Но аптекарь уже не слушал ее. Он побежал в заднюю комнату и вернулся со склянками и с пипетками. Анжелика поняла, что Савари просто не видит ее и что она здесь лишняя. Она подхватила полы замечательного одеяния, подаренного королем, и собралась уходить, когда с улицы послышался шум.

Курьер в высоких сапогах одним прыжком преодолел три ступеньки, ведущие в низкую комнату.

– Слава богу, мадам, я вас нашел. Король отправил меня вдогонку за вами. Но вы все время меня опережали. Только расспросив прохожих, я сумел вас здесь найти.

Он вручил ей письмо, в котором сообщалось, что Анжелике предписывается немедленно явиться в Версаль.

– Нельзя ли подождать до завтра?

– Король сам повторил мне: немедленно. Мне приказано привезти вас и проводить к королю в любой час ночи.

– Но ворота Сент-Оноре уже закрыты!

– У меня есть приказ, чтобы их открыли.

– На нас нападут разбойники.

– Я вооружен, – отвечал посланец. – У меня шпага, а в седельной

кобуре два пистолета.

Королевский приказ. Оставалось только подчиниться. Анжелика отправилась в обратный путь, кутаясь в свое новое одеяние, которое так кстати подарил ей король.

Они прибыли в тот момент, когда дворец, как темный великан, выплывал из ночного мрака под серовато-розовыми лучами зари.

В окне королевского кабинета свет канделябра сверкал, как жемчужина в морских глубинах Мраморного двора.

Ощущая легкий озноб, Анжелика пересекла вслед за курьером длинные пустынные вестибюли, где кое-где подремывали швейцарские гвардейцы, неподвижные, как статуи.

А в королевском кабинете было многолюдно. Кроме самого короля, там присутствовали Кольбер и де Лион, с осунувшимися от бессонницы лицами; королевский духовник господин Боссюэ, которого король любил за прекрасное красноречие, часто прибегал к его советам и даже хотел приблизить ко двору; господин де Лувау, с мрачной, несколько трагической миной, шевалье де Лоррен и еще нескольких второстепенных персон, лица которых благоговейно отражали серьезность обстановки. Все эти господа стояли перед королем, и было очевидно, что в таком положении они провели в беседе с его величеством значительную часть ночи, потому что свечи в канделябре уже догорали.

При виде Анжелики все смолкли.

Король попросил ее сесть. И наступила полная тишина. Король для виду стал рассматривать письмо, лежащее перед ним на столе.

Наконец он сказал:

– Наше персидское посольство, мадам, закончилось очень странным образом. Бахтияр-бей уехал по дороге на юг, но прислал мне срочное послание, касающееся вас... Вот, прочтите его сами.

Послание, переведенное и переписанное, несомненно армянином Агобяном, каллиграфическим почерком с тщательностью старинных писцов, заключало в себе повторение благодарности великому западному монарху за его великолепный прием и доброту.

Затем следовало подробное перечисление подарков, которые его величество король Людовик XIV вручил персидскому послу для передачи его повелителю шахиншаху, а именно:

- один эмалевый сервиз с чеканными королевскими лилиями,
- одни часы в золотом корпусе, указывающие день и время года, и десяток часов в корпусах с королевскими лилиями,
- два больших гобелена,

- одна королевская печать из оникса для гравировки с персидской эмблемой льва и восходящего солнца,
- два больших портрета короля-солнца и королевы в парадных костюмах в тронном зале,
- двадцать штук тонкого сукна,
- одна угольная жаровня из кованого позолоченного железа с двумя мехами, приводимыми в действие проволочным приводом,
- три ящика серебряных шаров для нагревания воды в ванне шахиншаха,
- шесть ящиков безделушек под названием «Храмовые украшения», для раздачи слугам шаха и народу,
- три горшка с черенками герани, для высадки в персидскую землю,
- одно кожаное лионское седло с серебряным недоуздом.

Но ко всем этим подаркам его величество забыл добавить дорогую Бирюзу, которую его превосходительство ожидал в качестве награды за свои добросовестные труды.

Довольно подробное описание этой Бирюзы не оставляло сомнений, что речь шла о женщине и что этой женщиной была не кто иная, как Анжелика.

Бахтияр-бей расценил, что западные обычаи не позволяли ему получить ее до того, как сам он не докажет доброй воли по отношению к владельцу такого редкого сокровища. Но теперь, когда договоры, ко всеобщему удовольствию, и французского короля в частности, подписаны, почему же «нежнейшая маркиза», «умнейшая из всех женщин на свете», «версальская лилия», «придворная французская звезда» не оказалась среди последних подарков, которые месье де Лоррен и маркиз де Торси вручили ему в момент отъезда? Полагая, что ради соблюдения тайны она ночью присоединится к нему в своем экипаже и с багажом, он один тронулся в дорогу. Но уже на первом перегоне он начал подозревать, что его обманули.

Неужели с ним поступили как с ослицей, которую манят морковкой, чтобы она перешла по мосту? Или у западного государя два разных слова? Или коварство западного монарха подобно его скупости? И не следует ли тогда расценивать договоры также как обман? Пренебречь обещаниями?.. и т. д.

Это длинное перечисление вопросов не позволяло сомневаться в степени гнева, который разжигал вспыльчивость Бахтияр-бея, и что угрозы нарушить все и очернить французов и всех христиан в глазах своего

повелителя после возвращения в Исфахан были почти открытыми.

– И что же дальше? – с удивлением спросила Анжелика.

– А дальше, – повторил король, – можете ли вы объяснить, что за бесстыдное поведение позволили вы себе в Сюрени, чтобы последовало столь непристойное предложение?

– Мое поведение, сир, было поведением женщины, которую посылают к князьку с целью задобрить его, если не сказать соблазнить, для облегчения политики и верного служения королю.

– Не намекаете ли вы, что я поощрял вас продаваться для успешного завершения переговоров?

– Намерения вашего величества казались мне очевидными.

– Можно ли предположить подобную глупость? У такой женщины, как вы, умной и с характером, есть сто способов расположить князя, не опускаясь до поведения шлюхи. Получается, что вы были любовницей цветного дикаря, неверного, врага нашей религии. Отвечайте, вы сделали это?

Чтобы скрыть улыбку, Анжелика прикусила губу и взглянула на собравшихся:

– Сир, ваш вопрос ставит меня в затруднительное положение перед всеми этими господами. И разрешите сказать, что это касается только моего духовника.

Король, сверкая глазами, слегка приподнялся. Между ними встал во весь свой высокий рост бургундца господин Боссюэ и властным жестом епископской руки остановил короля:

– Сир, дозвоьте вам напомнить, что, действительно, только священник имеет право на тайны совести.

– И король тоже, господин Боссюэ, когда поступки подданных накладывают на него ответственность. Бахтияр-бей вызвал мое неудовольствие своей дерзостью, но нужно признать, что когда мужчина, пусть даже и перс, получает залог некоторых обещаний...

– Он ничего не получал, сир, – заявила Анжелика.

– Хочу этому верить, – пробурчал успокоенный король, не сумев скрыть облегчение.

Месье Боссюэ твердо заявил, что, оставив прошлое, нужно думать о настоящем. Вопрос сводится к следующему: как успокоить гнев Бахтияр-бея, не удовлетворив его требований? Все начали высказывать свое мнение. Месье де Торси считал, что посла надо арестовать и посадить в тюрьму, сообщив персидскому шаху, что его представитель умер во Франции от скоротечной лихорадки. Господин Кольбер едва не схватил его

за грудки. Эти военные совершенно не представляют себе, что такое успешная торговля страны! Господин Лион вслед за де Торси считал, что не нужно беспокоиться из-за этих далеких мусульман, но Боссюэ и иезуит в один голос и со всем присущим им красноречием доказали ему, что будущее Церкви на востоке зависело от благополучного завершения этого посольства. Наконец Анжелика предложила посоветоваться со старым мудрым человеком, который много путешествовал, а потому, вероятно, найдет правильное решение, как успокоить обидчивость перса. Король тотчас решил послать за ним. Анжелике следовало повидаться с мэтром Савари, изложить ему положение дел и привезти решение...

– Господин де Лоррен будет вас сопровождать. Мы отложим до вечера отъезд двора в Сен-Жермен. До скорой встречи, мадам. Помогите исправить ошибки, в которых есть и ваша вина. Господин Кольбер, соблаговолите остаться в Версале. Я должен с вами встретиться после мессы.

Навстречу карете шли первые бригады рабочих, направлявшихся с лопатами на плече на стройки Версаля. Позолоченные трубы и водостоки дворца сверкали под первыми лучами солнца.

Когда в середине утра Анжелика появилась у мэтра Савари, потребовалось некоторое усилие, чтобы оторвать его от опытов.

– Давно пора звать меня на помощь, – произнес он нравоучительно, – и с самого начала следовало спросить у меня совета.

Однако он великодушно согласился подумать над проблемой и помочь государству своим тяжким опытом путешественника и раба в варварской стране.

В Версале он не выказал никакого удивления, оказавшись перед ареопагом таких знатных персон и самого короля.

Он заявил, что есть только один способ объяснить отказ, не нанеся Бахтияру кровного оскорбления. Его величество должен написать, что, к своему величайшему сожалению, он не может удовлетворить желание своего самого дорогого друга и т. д., потому что мадам дю Плесси является «султан-баши». Поэтому ясно, что он не может исполнить его просьбу.

– Что означает «султан-баши»?

– Это любимая султанша, сир, избранница короля, которой доверено руководить гаремом и которая иногда помогает султану нести монаршие обязанности.

– Если таково значение этого титула, то не думаете ли вы, что Бахтияр-бей вправе мне заметить, что на западе королева является

султаншей – как вы там сказали... баши?

– Замечание вашего величества справедливо. Но пусть вас это не беспокоит. На Востоке государь часто бывает вынужден жениться из династических соображений на принцессе королевской крови, что не имеет никакого отношения к его личному выбору. И это не мешает ему возвести другую женщину в ранг фаворитки, и именно она будет обладать полнотой власти.

– Удивительные нравы, – заключил король. – Но раз вы считаете, что нет другого способа...

Оставалось только составить послание. Савари захотел сам написать текст. Затем он прочитал его вслух:

– «...Попросите у меня других женщин моего королевства, и они будут ваши. Самые молодые, самые красивые, самые златокудрые... Выбирайте, и они будут ваши».

– Эй! Поосторожней, господин Савари, – заметил король. – Вы вытягиваете меня в очень странный торг.

– Сир, ваше величество должны понять, что нельзя оскорбить человека отказом и не предложить возмещения... того же порядка, что и этот жестокий отказ.

– Честное слово, я об этом не подумал. Ваша мысль кажется мне верной, – задумчиво сказал король.

Все с облегчением вздохнули, увидев, что король вышел из кабинета с просветленным лицом. На протяжении этого времени двор жил в ожидании важных политических событий, по меньшей мере, объявления войны. Чтобы удовлетворить всеобщее любопытство, король со смехом пересказал последние требования персидского посла.

Он не назвал имени Анжелики, а только сказал, что восточный князь, соблазненный красотой француженок, хотел бы увезти с собой такой приятный сувенир из плоти и крови.

– И лучше из плоти, – подчеркнул Бриенн, восхищаясь его остроумием.

– Трудность заключается в выборе такого сувенира, – заключил король. – Я хотел бы поручить господину де Лозену этот щекотливый выбор. Он настоящий специалист.

Пегилен беззаботно взмахнул манжетами:

– Это несложная задача, сир. У нас при дворе немало очаровательных шлюх.

И кончиком пальца он приподнял подбородок мадам де Монтеспан.

– Разве эта не подойдет? Она ведь уже доказала, что может нравиться государям.

– Негодяй! – воскликнула разгневанная маркиза, отталкивая его руку.

– Ну, тогда вот эта, – продолжал Пегилен, указывая на принцессу Монако, одну из своих любовниц. – Мне кажется, что она вполне подходит. Возможно, это последний случай, которым она еще не воспользовалась. Ей подходят все, от пажа до короля... и даже дамы.

Король недовольно прервал его:

– Побольше благопристойности в словах, сударь.

– Зачем благопристойность в словах, сир, если ее нет в поступках?

– Мне кажется, что Пегилен вновь готовит себе пребывание в Бастилии, – шепнула мадам де Шуази Анжелике. – Но ответ великолепен. А что это за скандальная история с персидским послом? Кажется, и вы там замешаны.

– Я все во всех подробностях расскажу вам в Сен-Жермене, – любезно пообещала Анжелика, не сообщив, однако, графине, что возвращается в Париж.

В шуме щелканья кнутов, скрипа осей и ржания лошадей кареты разворачивались и выстраивались в цепочку. На несколько дней Версаль закрывал свои позолоченные ворота и высокие окна, в которых отражалась в этот вечер заря, такая же красная, как накануне.

Мэтр Савари счастливо прижимал к сердцу плотненький кошелек, только что переданный ему месье де Жевром от имени короля. «Вот что поможет мне в научных опытах. Ах, какой прекрасный у нас король! Как он умеет ценить заслуги!»

Месье де Лион мимоходом заглянул в его карету:

– Ну и работой же вы меня наградили! Это мне поручил король найти... компенсацию для персидского посла. Что подумает моя жена!.. Ну да ладно! Я подумываю об одной актрисе из труппы господина Мольера – умной и очень амбициозной... Надеюсь, что ее не так трудно будет уговорить!

– Все хорошо, что хорошо кончается, – заключила Анжелика с бледной улыбкой.

У нее сами собой закрывались глаза. Вот уже сутки, как она непрерывно разъезжала. И при одной только мысли, что снова нужно садиться в карету и совершать путь из Версаля в Париж, она чувствовала себя совсем разбитой.

В парадном дворе кучер ожидал ее со шляпой в руках. С большим достоинством он предупредил госпожу маркизу, что имеет честь везти ее в

последний раз. Он добавил, что всегда добросовестно выполнял свою работу, что Бог не одобряет безумств и что он уже немолод. В заключение он заявил, что, к своему великому сожалению, вынужден оставить службу у госпожи маркизы.

Глава XLІ

Нищие ожидали в комнате позади кухни. Повязывая белый передник, Анжелика подумала, что совсем забросила обязанности знатной дамы, которая должна каждую неделю собственноручно раздавать милостыню. Разрываясь между Парижем, двором и постоянными праздниками, она все реже оказывалась в особняке Ботрейи. А ведь ей следовало найти время и проверить счета.

В доме, под управлением интенданта Роже, все шло своим чередом.

Барба следила за маленьким Шарлем Анри. Аббат Ледигьер и Туазон д'Ор находились при Флоримоне при дворе. Но вот личные торговые дела Анжелики и дела семейства дю Плесси-Бельер были окутаны туманом.

Поэтому она посетила господина Давида Шайу, самого известного специалиста по изготовлению шоколада, который успешно занимался его производством в кондитерских Анжелики. Кроме того, она повидалась с управляющими складами колониальных товаров.

Вернувшись, она увидела, что служанки и барышни де Жиландон готовят подарки для бедняков, потому что в особняке Ботрейи как раз в этот день раздавали милостыню. И это продлится до самого вечера.

Анжелика взяла корзину, полную круглых хлебов. За ней шла Анн-Мари де Жиландон с корзинкой корпии и лекарств. Две комнатные прислуги принесли лохани с теплой водой.

Зимний день бросал одинаковый отсвет на лица бедняков, сидящих на скамьях и табуретах или стоящих вдоль стены.

Сначала Анжелика раздала хлебы. Знакомым матерям семейств она велела принести маленький окорок ветчины или колбасу, чтобы они могли пропитаться несколько дней. Все бедняки уже получили по большой миске супа. Появились новые лица. Возможно, прежние перестали приходить, потому что сама Анжелика давно не присутствовала на раздачах. Ведь и у нищих могут быть свои привязанности.

Она встала на колени, чтобы обмыть ноги женщине с язвами, державшей на коленях хилого ребенка. Взгляд женщины был твердым и решительным, а губы сжаты. Как это было знакомо Анжелике!

– Ты хочешь меня о чем-то попросить?

Женщина колебалась. Робость побитой собаки иногда похожа на озлобленность. Она резко протянула ребенка. Анжелика его осмотрела. На шее у малыша были нарывы, два из которых уже прорвались.

– Его надо лечить.

Женщина отчаянно замотала головой. Старый калека на костылях по прозвищу Сухарь решил ей помочь:

– Она хочет, чтобы король прикоснулся к нему. Ты ведь знакома с королем, объясни бабенке, как ей поступить, чтобы перед ним оказаться.

Анжелика задумчиво гладила лоб и виски малыша. Жалкая мордашка с глазами испуганного бельчонка. Король возложит на него руки? Почему бы и нет? Со времен Хлодвига, первого христианского короля франков, замечательный дар излечивать золотушных передавался его наследникам. Господь дал ему эту силу вместе с елеем, принесенным в склянке чудесной голубкой в день первого святого миропомазания. Еще рассказывали, что оруженосец Хлодвига, Леонисе, заболел золотухой и король увидел во сне ангела, который велел ему прикоснуться к шее своего слуги. Король так и сделал и порадовался счастливому выздоровлению верного Леонисе.

С тех далеких времен ко всем французским королям, наследникам такого необычного дара, стекались несчастные, покрытые язвами.

Ни один суверен никогда не пренебрегал этими обязанностями, а тем более – Людовик XIV. Почти каждое воскресенье в Версале, или в Сен-Жермене, или когда он отправлялся в Париж, его встречали страждущие. Он возлагал руки более полутора тысяч раз в год, и шла молва о многочисленных случаях исцеления.

Анжелика сказала, что надо поговорить с королевским медиком, потому что это он и его помощники осматривали больных, которым затем разрешали явиться перед королем. Их везли на повозке в Версаль, где чаще всего проходила церемония. Анжелика посоветовала женщине вернуться на следующей неделе. За это время она поговорит с господином Валле, королевским медиком, который, в атласном платье, каждый вечер присутствовал при ужине его величества.

Еще двое нищих, которые слышали этот разговор, также принялись ее умолять:

– Сударыня, мы тоже хотим, чтобы король прикоснулся! Сударыня, похлопочите за нас!

Анжелика пообещала, что постарается это устроить. А пока она сделала ребенку компресс из «зеленой воды», которую рекомендовал ей мэтр Савари.

Старик Сухарь принадлежал к «прежним». Много лет он регулярно приходил в особняк Ботрейи. Анжелика перевязывала его раны и мыла ему ноги. Он не видел в этом смысла, но позволял делать, раз уж ей так хотелось. Ворча в седую спутанную бороду, он рассказывал ей о виденном

во время своих странствий. Потому что он не был простым попрошайкой! Он был странником по святым местам, о чем говорили ракушки, навешенные на шляпу, многочисленные четки и посох. По правде говоря, его скитания ограничивались провинцией Иль-де-Франс, но зато он знал там все замки, откуда, как опытный калека-нищий, приносил богатый улов. С тех пор как король предпочел жить вне Парижа, знатные вельможи стали повсюду возводить дворцы. Подражая властелину, каждый хотел построить резиденцию, создать парк, прорубить в лесу аллеи, устроить оранжерею и запустить в небо тысячи водяных струй. Отличные возможности для Сухаря! Подобно святому Роху, прихрамывая, охая, прося подаяния, ходил он вместе со своей неразлучной голодной рыжей собакой вдоль дорог и использовал для передвижения бесконечный поток телег и обозов со строительными материалами. Он не ходил в Фонтенбло, но был завсегдаем Версаля и Сен-Жермен. Очень высоко он ценил Сен-Клу, резиденцию Месье, потому что там буйствовало расточительство: выбрасывались почти целые жареные куры. То же самое происходило и у его светлости принца, в Шантийи. Сухарь заходил также в Рюэль, в Берни, к эпикурейцу господину де Лиону, у которого водилась замечательная еда, и в Шуази, где Великая Мадемуазель вкушала радости сельской жизни. Она-то умела считать деньги, но к бедным проявляла щедрость.

И наоборот, Сухарь уже никогда не возвращался в Сент-Уэн, в резиденцию господина Буафрана. Не сыщется под небесами еще один такой скупердяй, как этот негодяй старший шталмейстер Месье, а к тому же и знатный вор, великий богохульник и распутник.

Сухарь судил о великих людях с порога их кухонь. Такой взгляд на вещи был не хуже других, и Анжелика любила слушать отчеты о его странствиях.

– Что ты мне сегодня расскажешь?

– Сегодня утром, – начал Сухарь, – я возвращался из Версаля. Пехтурой. Это хорошо – немного размяться. И видишь ли, мой барбос залаял, а разбойник выскочил из леса. Взглянул на него и вижу: разбойник. Но мне-то чего бояться? Взять-то нечего, понимаешь. Подкатывается и гуторит: «Ты хлеб ешь, дай мне кусок, а я тебе золота». – «Надо бы сначала взглянуть», – говорю. Он кажет две золотые монеты. Ну, я за эти денежки и отдал ему весь хлеб. Потом он пытается, где дорога на Париж. «Вот она, и я иду туда». А в это время виноторговец везет в телеге пустые бочонки, ну и взял нас обоих. В дороге калякаем, и я похваляюсь, что всех знаю в Париже. Особняком добрых людей, большие дома, значит. «Я хотел бы пойти к мадам дю Плесси-Бельер», – выкладывает он мне. «Ну и дела! И я

туда же». – «А это моя единственная подруга», – он мне говорит.

Анжелика не закончила повязку.

– Ты все выдумываешь, Сухарь, у меня нет друзей среди лесных разбойников.

– Ну, я не знаю. Я повторяю, что он сказал. А не веришь, так спроси у него сама. Он ведь здесь.

– Где?

– Да в том углу. Он какой-то боязливый. Похоже, приятель не хочет, чтобы на него пялились!

Действительно, человек, на которого он указал, скорее не опирался на колонну свода, а прятался за ней. Анжелика не заметила его во время раздачи хлебов. Он кутал свое тощее тело в просторный драный плащ, а полрой прикрывал нижнюю половину лица. Его вид вызвал недоверие хозяйки дома. Она встала и направилась прямо к нему. И тотчас, со страхом и радостью, узнала: Ракоци.

– Вы! – выдохнула она.

Она машинально схватила его за плечи и почувствовала, как он исхудал.

– Откуда вы? – прошептала она.

– Этот человек сказал вам: из леса!

Его черные запавшие глаза светились живым огнем, но Анжелика заметила, какими бледными выглядели его губы в косматой бороде.

Она быстро подсчитала. Прошло больше месяца с того московского посольства. Боже! Немыслимо! В разгар зимы!..

– Не уходите, – сказала она. – Я сейчас вами займусь.

Когда закончился прием бедняков, она провела венгерского князя в удобную комнату, к которой примыкала флорентийская ванная. Ракоци старался шутить. Великолепный в своих лохмотьях, он выпрямился и с надменным видом справился о здоровье своей хозяйки и о ее успехах, словно находился в передней королевских покоев. Но когда он вымылся и побрился, то рухнул на кровать и погрузился в глубокий сон.

Анжелика позвала своего мажордома.

– Роже, – сказала она, – человек, которого я поместила в доме, – наш гость. Я не могу назвать его имя, но знайте, что он должен чувствовать себя здесь в полной безопасности.

– Госпожа маркиза может положиться на мое молчание.

– На ваше – да, но дом полон прислуги. Роже, вы должны объяснить всем моим людям, всем, от младшего конюха Жанно до вашего клерка,

ведущего счета, что они должны относиться к этому человеку как к невидимке. Они его никогда не видели. *Он не существует.*

– Я понял, госпожа маркиза.

– Вы также им скажете, что если он выйдет отсюда живым и невредимым, то все получают награду. Но если с ним что-то случится под моей крышей...

Анжелика сжала кулаки, и глаза ее засверкали.

– Клянусь, я выгоню всех... Всех, от первого до последнего, поняли? Вам все ясно?

Мэтр Роже поклонился. Служба у мадам дю Плесси научила его, что она редко говорила сгоряча. Со своей стороны, он считал, что хороший слуга, который дорожит своим местом, обязан быть слеп, глух и по возможности нем, а потому старался прививать эти качества людям в ливреях, за которых нес ответственность. Он заверил, что ручается за их молчание и что никто не подвергнет сомнению преимущество служить у мадам маркизы, вместо того чтобы получить неприятности из-за пустой болтовни.

Анжелика успокоилась.

Но приютить Ракоци было полдела. Помочь бежать и без проблем достичь границы было куда сложнее. Анжелика не знала, какие приказы отдал Людовик XIV насчет революционера. Она строила разные планы, считала деньги и друзей, которые помогут ей довести дело до счастливого конца, и еще находилась во власти своих планов, когда маленькие часы в ее спальне пробили одиннадцать часов вечера.

Анжелика встала и направилась к кровати и вдруг едва не вскрикнула. Ракоци стоял на пороге ее комнаты. Она взяла себя в руки.

– Как вы себя чувствуете, сударь?

– Прекрасно.

Венгр приблизился, с удовольствием потягиваясь всем своим худым телом, на котором болталась одежда, заимствованная у совсем не полного мэтра Роже.

– Я чувствую себя гораздо лучше, после того как избавился от бороды. Мне уже казалось, что я становлюсь похож на москвитя.

– Ш-ш-ш! – смеясь, сказала Анжелика. – В доме повешенного о веревке не говорят.

Эти слова заставили ее вздрогнуть. Она вспомнила, как пыталась спасти поэта Кроте. И не сумела. Королевская полиция оказалась сильнее. Поэта Кроте повесили на Гревской площади.

Но сейчас у нее другие возможности. Она богата, влиятельна. Сейчас

она сумеет спасти Ракоци.

– Не хотите ли вы еще поесть?

– Постоянно хочу, – вздохнул он, поглаживая свой ввалившийся живот. – Мне кажется, что теперь до последнего вдоха я буду хотеть есть.

Она проводила его в соседнюю гостиную, где приказала сервировать стол. Золотой подсвечник на две свечи озарял чудовищных размеров жареную индейку, фаршированную каштанами, на золотом блюде, обложенную яблоками. Вокруг стояли котелки с теплыми и холодными овощами, угорь под винным соусом, салаты и множество фруктов в золотой вазе. Ради бедняги из леса Анжелика вынула массивную золотую и серебряную посуду, составлявшую ее гордость. Помимо блюда, светильников и вазы для фруктов, были еще два чеканных кубка и два бесценных кувшина старинной работы.

Ракоци испустил свирепый крик восторга, вызванного скорее золотистой корочкой индейки, чем золотыми кувшинами и блюдами.

Он прыгнул к столу и, как голодный волк, набросился на еду.

Проглотив крылышки и нижнюю часть ножки индейки, он костью повелительно указал Анжелике на место напротив себя.

– Поешьте и вы, – произнес он с полным ртом.

Анжелика засмеялась и посмотрела на него с сочувствием. Она налила в золотые кубки бургундского вина и, как он ее просил, села напротив. Она и не подумала взять у него хоть кусочек индейки, потому что не сомневалась, что Ракоци съест ее целиком. Его белые острые зубы с наслаждением вонзались в нежное мясо. Птичьи косточки весело хрустывали. Ракоци вытирал руки, пил вино, поднимал крышки, накладывал себе на тарелку, вмиг сгреб яблоки, снова пил, и с аппетитом, помогая руками, принялся за остов птицы.

Его черные, страстно сверкающие глаза горячо смотрели на Анжелику, сидевшую в свете свечей по другую сторону стола.

– Какая вы красивая! – сказал он между двумя кусками. – Ваш образ стоял передо мной, когда я бродил по лесу. Светлое и подбадривающее видение... Самая красивая женщина... Самая нежная.

– Вы прятались в лесу? Все это время?..

Наконец князь насытился. Он облизал пальцы и долго приглаживал свои великолепные усы, которые старательно опускал по обе стороны рта. Было ли это из-за лишений или из-за света свечей? Цвет его лица казался желтоватым, подчеркивая азиатский разрез глаз. Но их горячий блеск, немного язвительный, не таил загадки. Он отбросил назад длинные блестящие черные волосы, вьющиеся, как у цыган, кольцами.

– Да. А куда же я мог пойти? Лес? Вокруг Версаля он представлялся единственным убежищем. Мне удалось забраться в болото, которое вывело меня к пруду, и я долго там барахтался, поэтому преследовавшие меня собаки потеряли след. Я слышал их лай и крики натравливавших их людей. Мерзкая роль – чувствовать себя дичью. Но со мной был Господарь, мой пони. Он не хотел выходить из воды, хотя его шерсть покрылась льдом. Он знал, что иначе мы погибнем. Вечером мы поняли, что погоня прекратилась.

Анжелика налила ему еще вина.

– Но как вы выжили? Где укрывались?

– Мне повезло найти заброшенную хижину дровосеков. Я развел там огонь. Через два дня продолжил путь. Когда мы совсем уже изнемогали, я заметил хутор на опушке леса. Ночью я пробрался туда и украл ягненка. Там я прожил какое-то время. Господарь питался мхом и ягодами. Это лошадь тундры. По ночам я воровал на хуторе пищу, а днем прятался в построенном шалаше, потому что у меня был острый тесак, с которым я не расстанусь и ношу на теле под одеждой. Жителей хутора не заботил видневшийся по временам дымок. А в пропаже животных они винили волков... Волки? Они бродили иногда по ночам вокруг нашего укрытия. Я отгонял их горячей головней. Однажды я решил идти дальше. Я хотел спуститься к югу и выйти из леса в тех местах, где о нас никто не слышал... Но... как бы вам это объяснить... Лес – это новая среда для человека степей. Нет ветра, нет запахов, которые могут подсказать. Зимний туман, снег, скрывающий утреннюю и вечернюю зарю. Лес? Это мир, замкнутый, как сон... Однажды я поднялся на возвышенность. И увидел вокруг себя море деревьев. Ничего, кроме деревьев или больших болотистых пространств. Пустыня... А в центре – островок. Бело-розовый островок, устрашающий в своем сиянии. Островок, возведенный человеческими руками... Я понял, что вернулся к исходной точке. Там виднелся Версаль!

Опустив голову, он замолчал, и Анжелика впервые увидела его поникшим под тяжестью поражения.

– Мы долго стояли на ветру, глядя в ту сторону. Я понял, что мне не ускользнуть из-под власти человека, способного создать такое: Версаль! Перед дворцом расстился многоцветный ковер. На границе с зимним лесом пылали красные, розовато-сиреневые, голубые и желтые цвета.

– Это были цветы, – прошептала Анжелика. – День приема персидского посольства.

– Я тогда подумал, что у меня галлюцинации от голода... Я был

подавлен и почувствовал отчаяние. Потому что увиденное служило подтверждением: у вас самый великий в мире король.

– Но вы все же посмели бросить ему дерзкий вызов. Какой безумный поступок! Какое оскорбление! Ваш кинжал у самых ног короля, перед всем версальским двором!..

Ракоци с улыбкой наклонился над столом:

– Оскорбление за оскорбление. Разве мой поступок не понравился вам хоть немного?

– Возможно... Но видите, до чего он вас довел? И вашему делу это тоже повредит.

– Это правда... Увы! От наших восточных предков нам досталась их страстность, но не их мудрость. Когда ты считаешь, что легче умереть, чем терпеть, то готов на безрассудные поступки и на великие подвиги. Но я еще не кончил мериться силами с тиранией королей. А потом я вдруг подумал о вас.

Он слегка покачал головой:

– Изгнанник может доверять только женщине. Мужчины иногда выдают тех, кто просит у них приюта. Женщины – никогда. Я решил добраться до вас, и вот получилось. Теперь вы должны помочь мне бежать. Я хотел бы направиться в Голландию. Это республика, дорого заплатившая за свою свободу. Она раскрывает объятия гонимым.

– А что вы сделали с Господарем?

– Я не мог выйти из леса вместе с ним... он выдал бы меня. Все тычут пальцем в маленькую лошадку гуннов. Я также не мог бросить его в лесу на съедение волкам... Я перерезал ему сонную артерию.

– О нет! – воскликнула Анжелика, и глаза ее наполнились слезами.

Ракоци быстро осушил золотой бокал, стоявший перед ним. Поднялся и медленно подошел к ней. Присев на край стола, он наклонился и очень внимательно на нее посмотрел.

– В моей стране, – заговорил он глухо, – я видел, как солдаты бросали в огонь детей на глазах у их матерей. Я видел, как детей подвешивали за ноги на ветках деревьев, а матерей заставляли присутствовать при их медленной агонии, чтобы они навсегда запомнили крики и стоны маленьких безвинных мучеников... Это называлось *подавлением*, которое проводил венгерский король с помощью немецкого императора. Вот почему я тоже взял в руки факел и зажег другие пожары. Так что после этого значит смерть одной преданной маленькой лошадки? Не будем проливать бесполезные слезы. Помните, я вам сказал, что у меня нет ничего, кроме лошади и кинжала. Видимо, и этого было много. Теперь у

меня действительно ничего нет!

Анжелика, не в состоянии произнести ни слова, покачала головой. Она встала, подошла к секретеру, достала из шкатулки кинжал, отделанный бирюзой, и протянула ему. Лицо венгра озарилось.

– Он оказался в ваших руках! Ах, это Бог направляет меня, Он сделал вас моей путеводной звездой в этой стране... В этом я вижу залог моей победы. Но почему вы плачете, мой милый ангел?

– Не знаю. Все это кажется мне таким жестоким и неизбежным.

За пеленой слез лицо иностранца показалось ей лицом обреченного. Но она увидела и его тонкую руку, сжимавшую кинжал. У Ракоци вновь появилось оружие, которым он так умело владел и которое еще послужит ему. Он заткнул кинжал за пояс.

– В этом мире нет ничего неизбежного, – твердо заявил он, – кроме борьбы человека за право жить в ладу со своей совестью.

Он сильно, с явным удовольствием потянулся, расставив ноги и вытянув руки.

После такого страшного физического испытания ему потребовалось всего лишь несколько часов отдыха, чтобы вновь обрести силу и ловкость.

Анжелика подумала, что он ей кого-то напоминает. Не лицом, а худощавым удлинённым силуэтом, каждым движением, словно управляемым стальными пружинами.

– Но сейчас все мысли ушли, – произнес Ракоци, обнажив зубы в своей волчьей усмешке, – и я чувствую только свое алчущее тело.

– Вы еще чувствуете голод?

– Да... к вам.

Напрягшись, он неотрывно смотрел своими блестящими глазами ей в глаза:

– Женщина... Прекрасная француженка, отнеситесь серьезно к моей любви. Я ведь не болтун.

– Конечно, вы это уже доказали, – взволнованно сказала она с улыбкой.

– Мои слова так же серьезны, как и поступки. Моя любовь к вам ощущается в моих руках, в моих ногах, во всем моем теле. Если бы я мог заключить вас в объятия, то отогрел бы вас.

– Но мне не холодно!

– Нет, вам очень холодно. Я чувствую, что ваше сердце потеряно и заледенело, я слышу его тайные рыдания... Идите ко мне.

Он сильно, но не грубо обнял Анжелику, и это лишило ее сил. Губы Ракоци на ее затылке искали за ушком самое нежное, самое податливое

местечко. Она не в состоянии была его оттолкнуть.

Их волосы смешались. Она чувствовала ласковое прикосновение его шелковистых усов на своей груди, которую он, склонившись, целовал, словно пил из источника наслаждения.

Ее пронзило глубокое, почти болезненное из-за своей сладости волнение, от которого пересохло в горле и задрожали руки. С каждой секундой она все теснее сливалась с этим жестким неотразимым телом. Когда он отпустил ее, она зашаталась, растерянная, потерявшая опору. Глаза Ракоци продолжали требовательно молить.

Анжелика отстранилась и пошла в спальню. И вдруг, охваченная нетерпением, начала раздеваться. Она лихорадочно сорвала жесткий атласный корсаж, уронила тяжелые юбки. Ее теплое и легкое тело трепетало в кружевной сорочке.

Стоя на коленях на кровати, Анжелика распустила волосы. Ее охватила горячая страсть, первобытная и бездумная. У него ничего не было. Она ничего не просила. Она с наслаждением позволила волосам струиться по голой спине, провела по ним руками, откинула назад, запрокинув голову и закрыв глаза.

Ракоци любовался ею с порога комнаты.

Янтарный свет масляного ночника, поставленного в изголовье алькова, подчеркивал нежный изгиб спины, отмечал ее дрожь и углублял великолепный темный блеск золотистых волос, которые струились на округлые плечи, на обнаженные груди.

У нее на шее оставалось только ожерелье из розового жемчуга.

Сквозь ресницы она смотрела, как он подходит. И вдруг с удивлением поняла, на кого он похож. Своей высокой и худощавой фигурой он напоминал ее первого супруга, графа де Пейрака, сожженного на Гревской площади. Просто он был немного ниже ростом и не хромал.

Она протянула к нему руки, призывая глухим стоном.

Он бросился к ней и вновь обнял. Она ослабела и покорилась, полностью отдавшись нежной власти его ласк. Ее охватило острое и яркое наслаждение.

«Как это чудесно – мужчина», – подумала она.

Глава XLII

Уже третью ночь она спала в своей теплой удобной постели за задернутым пологом рядом с этим мужчиной. Она радовалась вновь обретенному ощущению присутствия другого человека рядом с собой и даже во сне наслаждалась его присутствием. И когда на рассвете сон становился более чутким, первым делом она искала контакта с его неподвижной рукой, с теплом его волос. Когда его не будет рядом, она вновь ощутит холод, снова почувствует одиночество. Анжелика не задумывалась, любит ли его. Это не имело значения.

Вдруг он проснулся, с быстротой человека, привыкшего быть начеку. Анжелику каждый раз пугало это чужое лицо: на короткое мгновение ее охватывал ужас женщины завоеванного города, проснувшейся в постели завоевателя. Но он заключил ее в объятия. Она была обнаженной. Она постоянно была обнаженной и покорной. Ей казалось, что ее тело изменилось от ласк. И мужчина не мог понять, как, такая красивая и желанная, она могла столь долго оставаться одна. Он поражался, видя ее ласковой и страстной, неутомимой в наслаждении, требующей и принимающей любовь с какой-то восхитительной застенчивостью.

– Ты открываешься мне по-новому, – шептал он ей на ушко. – Я думал, что ты слишком сильная, немного резкая, слишком умная, чтобы быть по-настоящему чувственной. Но ты подлинное сокровище! Пойдем со мной, ты будешь моей женой.

– У меня двое сыновей.

– Мы возьмем их с собой. Мы сделаем из них степных рыцарей и героев.

Анжелика попыталась вообразить ангелочка Шарля Анри мучеником за венгерское дело и рассмеялась, небрежно рассыпав волосы по атласным плечам. Ракоци стиснул ее в объятиях:

– Как ты прекрасна! Я не смогу без тебя жить. Вдалеке от тебя моя сила рухнет как подкошенная. Ты не можешь теперь меня оставить...

И вдруг он выпрямился:

– Кто здесь?

Он резко раздвинул шторы. В глубине спальни отворилась дверь, и на пороге появился Пегилен де Лозен. За ним виднелись фигуры королевских мушкетеров в шляпах с большим пером.

Маркиз подошел, сделал шпагой приветствие и очень вежливо

произнес:

– Князь, именем короля я вас арестую.

После минутного молчания венгр без всякого стеснения вышел из постели и поклонился.

– Моя одежда на спинке того кресла, – очень спокойно объяснил Ракоци. – Будьте любезны передать ее мне. Как только я оденусь, сударь, я буду готов следовать за вами.

Анжелика не могла понять, не сон ли все это. Сцена была похожа на кошмар, что преследовал ее в эти ночи.

Она окаменела, не сознавая неприличного беспорядка, в котором находилась.

Лозен взглянул на нее с восхищением, кончиками пальцев послал воздушный поцелуй, затем обрел прежнюю суровость и произнес:

– Мадам, именем короля я вас арестую.

Глава XLIII

В дверь кельи постучали, и кто-то неслышно вошел.

Анжелика, сидя насупившись на деревянном, источенном древоточцами готическом стуле с высокой спинкой, не обернувшись. Очередная монахиня с опущенными глазами и с угодливой миной принесла мерзкую кашу-размазню... Анжелика потеряла занемевшие от холода руки, потом взяла вышивальную иглу и с яростью воткнула в лежавшую перед ней работу.

Рядом прозвучал веселый смех, и она вздрогнула. Вошедшая молодая монахиня хохотала от всего сердца.

– Мари-Агнес! – воскликнула, поднимаясь, Анжелика.

– Ах, бедненькая моя Анжелика! Если бы ты знала, как это смешно! Видеть тебя узницей, да еще и за вышивкой.

– Я очень люблю вышивать, но, конечно, в других условиях! Ну а ты как здесь оказалась, Мари-Агнес? Как тебе позволили прийти?

– Я не пришла. Я здесь у себя. Ты находишься в нашем монастыре.

– У кармелиток на холме Святой Женевьевы?

– Совершенно верно. Благословим случай, который нас свел. Я только сегодня утром узнала имя знатной дамы, которую нам поручили стеречь, и моя настоятельница тотчас разрешила мне повидаться с тобой. И конечно, я тебе помогу.

– Увы, я не знаю, сможешь ли ты что-нибудь для меня сделать, – с горечью ответила Анжелика. – За эти три дня, что я нахожусь здесь, я поняла, что на мой счет даны самые суровые распоряжения. Обслуживающие меня монахини такие же глухонемые, как та недоразвитая девочка, которая подметает комнату. Я просила повидаться с настоятельницей. И все еще жду ее визита...

– Нам трудно выполнять категоричные приказы его величества, когда он доверяет нам держать паршивую овцу в отдалении от общего стада.

– Спасибо за такие выражения.

– Это те выражения, с которыми тебя поместили к нам, чистым овечкам.

Ее зеленые глаза, так похожие на глаза сестры, сверкали на бледном лице, осунувшемся от строгой жизни.

– Ты здесь, чтобы испустить великие и многочисленные прегрешения против морали.

– Какое лицемерие! Если я здесь из-за аморального поведения, то все придворные дамы давным-давно должны были бы сидеть под замком.

– Да, но на тебя донесло Общество Святых Даров.

Анжелика подпрыгнула от удивления и внимательно посмотрела на сестру.

– Разве ты не знаешь, что благородное Общество готово повсюду бороться с развратом? И его члены лучше всех информируют короля о частной жизни его подданных. У них повсюду шпионы, и они не дают людям... как бы это выразиться... спокойно спать.

– Ты хочешь сказать, что в моем доме есть слуги на содержании у Общества Святых Даров и они сообщают им о моей частной жизни?

– Безусловно. И ты находишься в том же положении, что и все знатные люди города и двора.

Анжелика задумчиво сделала три стежка красной шерстью по натянутой канве.

– Вот, значит, каким образом король узнал, что у меня в доме Ракоци! Мари-Агнес, не можешь ли ты выяснить, кто потрудился донести на меня королю?

– Это очень просто сделать. У нас есть сестры из всех знатных семейств, и они знают тысячу секретов.

На следующий день Мари-Агнес пришла с хитрой многообещающей улыбкой на устах:

– Ну вот. Вернее всего, дорогая, ты обязана благодарить мадам де Шуази за то, что тебя так быстро вырвали из бесовских когтей.

– Повтори! Мадам де Шуази?

– Да. Она уже давно печется о твоей душе. Припомни события. Не эта ли благородная дама поспешила когда-то тебе рекомендовать служанку или лакея?

– Боже! – с горечью вздохнула Анжелика. – Если бы речь шла только об одном слуге! Да, три, четыре, полдюжины. Короче, весь дом моих сыновей полон слуг, взятых по рекомендации мадам де Шуази.

Мари-Агнес задыхалась от смеха:

– Ну какая же ты простушка, бедненькая моя Анжелика! Я всегда считала, что ты слишком наивна, чтобы жить при дворе.

– Могла ли я подозревать, что кто-то с таким пристрастием интересуется спасением моей души...

– Интересуются всем. Это очищение от человеческих страстей. Богу угодны бескомпромиссные солдаты, а сила Общества Святых Даров зиждется на тайне. Они ни перед чем не остановятся ради спасения души.

Чистота их помыслов освящает то, что простодушная повседневная мораль окрестила бы подлостью.

– Не говори, что ты с ними согласна, – проворчала Анжелика, пылая гневом, – или я никогда в жизни больше с тобой не увижусь!

Монахиня продолжала насмешливо улыбаться, потом важно кивнула.

– Один Бог нам судья, – сказала она.

Мари-Агнес встала, подтвердив, что, со своей стороны, сделает все, чтобы разузнать, что уготовано Анжелике. Возможно, она сумеет за нее похлопотать. Всем заправляет Общество Святых Даров, но настоятельница монастыря кармелиток имеет большое влияние на некоторых членов этого комитета набожных мирян.

– Не забывай, что в моем деле присутствует еще и политический момент, – напонила ей Анжелика. – Ракоци – иностранный революционер и...

– Это мелочь. Любовник – это просто любовник в строгих глазах людей благочестивых. Его личность не может служить ему оправданием... Если, конечно, он не король. И возможно, именно это тебя и спасет.

Она ушла, насмешливая и соблазнительная в своем темном одеянии. Через несколько дней Анжелика с удивлением увидела входящего в келью господина де Солиньяка. Этот человек вызвал в ее памяти тяжелые воспоминания, но так как с первых минут он заговорил о проявленном к ней великодушии короля и намекнул на возможность освобождения, то она скрыла свою враждебность и выслушала его с подобающим терпением. Он говорил долго. Ей пришлось выслушать настоящую проповедь о плотском распутстве, которая показалась ей несоразмерной с тремя всего лишь ночами, проведенными в объятиях Ракоци. Но что с ним стало? Чтобы не потерять мужества, она едва удержалась от вопроса о его судьбе.

– Вы пришли от имени короля, сударь? – спросила она наконец.

– Это очевидно, мадам. Только решение его величества могло подвигнуть меня на этот шаг, который я лично считаю преждевременным. По нашему мнению, вам требуется гораздо большее время для размышлений...

– И каковы же по отношению ко мне намерения его величества?

– Вы свободны, – выдавил из себя Солиньяк, поджав губы. – Вернее, внесем ясность: вы можете покинуть этот монастырь и вернуться в свой особняк Ботрейи. Но ни под каким видом вы не должны появляться при дворе, пока не последует приглашения.

– Значит, я лишуюсь своих должностей при дворе?

– Это само собой разумеется. Мне нет нужды добавлять, что в

ожидании королевской милости вы должны вести примерную жизнь и не давать повода для осуждения.

– Осуждения с чьей стороны? – резко спросила Анжелика.

Господин Солиньяк не соизволил ответить. Он высокомерно выпрямился. Молодая женщина вдела нитку в иглоку и взялась за вышивание.

– Так что ж, мадам, – удивленно спросил Солиньяк, – разве вы не расслышали, что я сказал?

– Что, сударь?

– Вы свободны.

– Благодарю вас, сударь.

– Я готов проводить вас до порога вашего жилища.

– Тысячу раз спасибо, сударь, но к чему торопиться? Мне здесь совсем не плохо, и я наслажусь свободой тогда, когда мне этого захочется... и как мне этого захочется. Поблагодарите за меня его величество. Тысячу раз спасибо, сударь, тысячу раз спасибо, храни вас Господь.

Растерявшись от такого медоточивого отказа, господин де Солиньяк распрощался и ушел.

Уходя, Анжелика взяла только несессер с туалетными принадлежностями. Завтра она пошлет за остальными вещами. Впрочем, с момента ареста она обходилась немногим. А сейчас ей хотелось вернуться домой пешком, чтобы до конца убедиться во вновь обретенной свободе. К счастью, эта дурная шутка продлилась недолго. Но нельзя допускать, чтобы она повторялась слишком часто. Жизнь с оглядкой на каждый шаг, который может отправить вас до конца дней за решетку, – малоприятная перспектива.

– Почему Общество Святых Даров так нетерпимо ко мне? – спросила она у Мари-Агнес, когда они прощались в монастырской приемной. – Ведь есть куда бульшие грешницы, чем я. Теперь, когда ты открыла мне глаза, я поняла, что меня всегда сторожили, выслеживали, всегда строили козни. Я вспоминаю, что в Фонтенбло мадам де Шуази передала мне приказ короля покинуть замок. Но позже я поняла, что король никогда не отдавал такого приказа и что, уехав, я совершила ошибку, которая могла стать роковой. Откуда у людей, которым я никогда ничего не сделала плохого, которых просто не знаю, такое стремление мне навредить?

– Есть в тебе что-то, что вызывает ненависть у людей добродетельных, – задумчиво отвечала Мари-Агнес.

Она беседовала со своей сестрой через деревянную решетку, потому

что монахини не имели права выходить за эту границу приемной.

– Что посоветовал тебе месье де Солиньяк? – спросила она еще.

– Вернуться к себе в особняк и жить там паинькой, забыв о придворных радостях.

– Ну так сделай как раз наоборот, во всяком случае в отношении первой части программы. Как можно скорее отправляйся в Версаль и попроси встречи с королем.

– А если это действительно приказ короля и я вызову гнев его величества?

– Ты можешь себе это позволить, – легкомысленно изрекла Мари-Агнес. – Ни для кого не секрет, что король безумно в тебя влюблен. И на самом деле его гнев, разжигаемый всякими Шуази и Солиньяками, – это выражение королевской ревности. Поставь себя на его место. Рассказывают, что ты упорно держишь его на расстоянии, что твоя добродетель не уступает осаде даже короля-солнца, и вдруг выясняется, что ты спишь с иностранцем, изгнанником без гроша в кармане, которого разыскивает полиция. Какое разочарование для короля! Разочарование для твоих поклонников. Ты бессовестно обманула свое окружение. Короче говоря, ты проиграла по всем фронтам.

– Меня поражает глубина твоих суждений, Мари-Агнес. Ты выставляешь меня душой, и ты права. Почему тебя нет при дворе рядом со мной? Ты давала бы мне советы. Но ты выбрала свой собственный путь и оставила за собой изнемогающих соперниц, порванных твоими стальными коготками. Я никак не могу понять, что ты делаешь у кармелиток. Когда ты решила уйти в монастырь, я была убеждена, что это просто причуда. Но ты настояла на своем. И всякий раз, как мы встречаемся и я тебя слушаю, я удивляюсь, что вижу тебя в монашеском одеянии.

– Ты удивляешься? – повторила ее слова Мари-Агнес.

Она подняла голову, и желтый свет огромной свечи, горевшей в конце комнаты, озарил ее широко раскрытые глаза.

– Ты помнишь, Анжелика, у меня ведь был ребенок? Я стала матерью, и тогда ты помогла мне выжить. Но ребенок, мой сынок... я оставила его у гадалки Монвуазен, у этой зловещей колдуньи. И я часто думаю о его маленьком безвинном тельце, мною рожденном, которое тайные парижские ворожеи, может быть, принесли в жертву на дьявольском алтаре. Я знаю, они это проделывают на своих черных мессах. К ним обращаются за помощью в любви, за помощью в достижении власти, богатства, смерти нежеланных людей и желанных почестей. За любыми мирскими побрякушками обращаются к дьяволу. И вершится гнусная

пародия. Я думаю о своем ребенке... Длинной иглой ему пронзили сердце, чтобы взять его кровь, смешать с мерзкими зельями и сделать святотатственные облатки. И когда я об этом думаю, то говорю себе, что если бы могла сделать для искупления что-то большее, чем отдать свою жизнь, то я бы это сделала...

Анжелика дрожала, идя по улице Монтань-Сент-Женевьев. Теперь улицы Парижа освещались. Новый генерал-лейтенант полиции Ла Рейни поставил себе целью, как он сам говорил, сделать Париж чистым и светлым городом, в котором порядочные женщины безбоязненно могли бы выходить на улицу даже после наступления темноты. В разных местах большие фонари, увенчанные изображением петуха, символизирующего бдительность, разливали внушающий доверие желтоватый свет.

Но сумеет ли когда-нибудь господин Ла Рейни изгнать густые сумерки ненависти и преступлений, охватившие город? Анжелика думала об этом мире, который на протяжении многих лет вторгался в ее жизнь своими соблазнами, наслаждениями и ужасами. Что победит в нем – свет или тьма? И не обрушится ли огонь небесный на порочный город, не найдя в нем ни единого праведника? Последние откровения сестры наполнили ее пугающим ужасом. Со всех сторон она ощущала угрозу.

В особняке Ботрейи ее встретили несколько верных слуг. Остальные разбежались. По заброшенности и запустению своего жилища она ощутила все значение королевской немилости и впервые с тревогой подумала о Флоримоне. Барба подтвердила, что от мальчугана не было вестей. Она только знала, что он оставил службу пажа-виночерпия в Версале.

– Ты уверена? – спросила пораженная Анжелика.

Неужели они возьмутся и за Флоримона?

Мальбран Укол Шпаги и аббат де Ледигьер тоже не появлялись. Барышни де Жиландон сбежали.

– Желаю им всего наилучшего! Я уверена, что донесли на меня именно эти неприятные особы.

Малыш Шарль Анри смотрел на мать большими голубыми глазами. Ей захотелось взять его на колени и прижать, как единственное оставшееся у нее сокровище. Но она не могла позволить себе растрогаться. К тому же вид ребенка наводил на безрадостные мысли. Зачем рожать детей, если это приводит к умножению своих собственных страданий и к пониманию, что ваши ошибки несут угрозу их судьбе?

Она предпочла запереться в спальне и открыть бутылку сливовой настойки, которая поможет развеять душевные терзания и обрести силы для новой борьбы.

Немного позднее, уже наполовину опьянев, она упала на колени возле кровати и произнесла странную молитву:

«Боже, если ты обрушишь на этот город свой огонь небесный, пожалей меня. Уведи меня отсюда и направь к зеленым лугам, где меня ждет любовь...»

Глава XLIV

Версаль лучился светом. Неожиданно по-весеннему теплый апрельский день окутал замок золотисто-розовой дымкой, которая бывает только в местах, где дремлют неподвижные воды.

«Как прекрасен Версаль!» – подумала Анжелика.

Ее мистические страхи рассеялись, вернулись душевные силы. При виде Версаля возникала уверенность в Божьем милосердии и в милосердии короля, который создал это чудо.

Но одно оставалось непреложным. Месье де Солиньяк не лгал, утверждая, что Анжелику удалили от двора до нового распоряжения. Бонтан, которого она сумела вызвать запиской к пруду Кланьи, подтвердил строгость наложенных на нее мер отлучения.

– На протяжении нескольких дней его величество даже слышать не желал вашего имени. Его и сейчас еще боятся упоминать. Вы его глубоко оскорбили, мадам... Да-да... Вы даже не представляете, до какой степени.

– Я сожалею, Бонтан. Но могу ли я повидать короля?

– Вы смеетесь, мадам! Я же говорю вам, что король не желает даже слышать о вас.

– Но если он меня увидит, Бонтан, если вы поможете мне с ним встретиться, вам не кажется, что он будет в какой-то степени... вам признателен?

Главный камердинер задумался, поглаживая кончик носа. Настроения хозяина были ему известны лучше, чем исповеднику, и вместе с тем он знал те границы, в которых мог рисковать, не опасаясь навлечь гнев. И он решил:

– Хорошо, мадам. Я приложу все силы, чтобы устроить вашу тайную встречу с его величеством. Постарайтесь, чтобы он простил вас, тогда он простит и меня.

Он посоветовал Анжелике ждать в гроте Тетис, где никого сегодня не будет, потому что двор собрался на Большом канале, где спускалась на воду флотилия миниатюрных галиотов.

– Суденышки направятся к Трианону, и королю нетрудно будет удалиться, не привлекая особого внимания. Кроме того, он может пройти в грот Тетис и из парка. Но не могу сказать, когда это случится. Запаситесь терпением, мадам.

– Я так и сделаю. К тому же этот грот – дивное место для отдыха и там

мне не будет жарко. Я не забуду, месье Бонтан, какую услугу вы оказали мне сегодня.

Главный камердинер поклонился. Он все прекрасно понимал и надеялся, что поставил на выигрышную карту. К тому же он не выносил мадам де Монтеспан.

Грот Тетис был построен среди камней, к северу от дворца, и представлял собой изысканную достопримечательность Версаля. Анжелика вошла через одну из трех решетчатых дверей, где сияли позолотой солнечные лучи над тремя барельефами, которые изображали погружающуюся в воды колесницу Аполлона, потому что солнце, свершив свой дневной путь, опускается на отдых в море Тетис.

Внутри вы попадали в сказочный дворец. Колонны, украшенные лепниной-рокайль, ниши, отделанные перламутром, в которых, создавая бесконечную перспективу, тритоны, дующие в раковины, многократно отражались в зеркалах, окаймленных мелкими ракушками.

Анжелика села на край большой раковины из крапчатого мрамора. Вокруг нее прелестные nereиды вздымали вверх водяные канделябры; на каждую из шести позолоченных ветвей, изображавших морские водоросли, изливались жемчужные струи. Своды, покрытые каплями росы, оживлял лесной шум, который создавался разноголосым птичьим щебетом. Вы с удивлением замечали изящные маленькие создания из жемчуга и перламутра – морских райских птичек с серебряными перышками, которые как будто резвились, создавая иллюзию жизни своим гармоничным пением. Это было самое последнее изобретение Франсине. А особое расположение гидравлического органа позволяло эху разноситься из одного конца грота в другой.

Молодую женщину развлекало это пение. Она пыталась забыть, разглядывая окружавшие ее прекрасные вещи. Здесь слились воедино высшие достижения искусства и техники. И становилось понятным пристрастие короля к этому пышному и единственному в своем роде месту. В хорошую погоду он любил приводить сюда дам и слушать ансамбль скрипок. Годом ранее, в августе, он устроил здесь прекрасный банкет с фруктами и вареньями для принцессы Тосканской. Анжелика опустила руку в текущие струи прозрачного источника. Она старалась не думать. Бесплезно и, может быть, опасно заранее готовить фразы, которые могут оказаться некстати. Она надеялась на свою непосредственную реакцию. Но чем дольше длилось ожидание, тем сильнее нарастала тревога. Ей предстоит встретиться с королем. И неожиданно страх окутал ее ледяным покрывалом. Раньше, глядя на

короля, такого спокойного, уравновешенного и приветливого, ей случалось ощущать устрашающее величие, проступавшее под этой маской обычного человека. Ее пронзил молниеносный страх, и если бы в тот момент король обратился к ней с какими-нибудь словами, она бы утратила дар речи, как это случалось со многими, кого присутствие короля ввергало в оцепенение. Она припомнила, что видела во время военных действий во Фландрии одного сурового унтер-офицера, покрытого шрамами, увенчанного славой, который, оказавшись перед Людовиком XIV и его свитой, вдруг побледнел и в ответ на королевские вопросы, заданные самым ласковым тоном, смог выдавить из себя только нечленораздельные звуки.

«Если я поддамся панике, я погибла, – подумала она. – Я не должна бояться. Страх ведет к поражению... Моя судьба в руках короля».

Анжелика вздрогнула. Ей показалось, что она слышит, как кто-то ступает по мозаичному полу из округлых камешков. Но никого не было видно. Она взглянула в сторону главного входа, обращенного на солнечный закат, уже окрашенный розовыми тонами умирающего дня. Над проемом находился королевский вензель из маленьких, подобных жемчужинам, ракушек на фоне больших раковин. Корону над вензелем украшали королевские лилии из перламутра и янтаря, который сверкал в полутьме как золото.

Анжелика не могла отвести взгляд от этого символа. Когда она почувствовала чье-то присутствие, то не решилась сразу взглянуть. Потом она медленно обернулась и, увидев короля, встала, даже позабыв сделать реверанс, и неподвижно застыла, словно зачарованная.

Король вошел через одну из маленьких потайных дверей, которые вели в Северный партер. Эти двери предназначались для слуг во время приемов в гроте Тетис. На Людовике был костюм из тафты малинового цвета, с простой вышивкой, но оттененный красивым кружевным воротником и манжетами. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Так что же, мадам, вы не боитесь моего гнева? – спросил он сухо. – Разве вы не поняли то, что я передал вам через месье де Солиньяка? Вы стремитесь к скандалу? Вам нужно, чтобы я сказал перед свидетелями, что ваше присутствие при дворе нежелательно? Вы понимаете, что мое терпение на исходе? Отвечайте же!

На эти вопросы, выпущенные подобно пушечным ядрам, Анжелика прошептала:

– Я хотела вас видеть, сир.

Какой мужчина смог бы устоять перед очарованием взволнованных

таинственных изумрудных глаз, обращенных на него в золотистом сумраке грота Тетис? Темперамент короля не позволил ему остаться равнодушным. Людовик заметил, что молодая женщина дрожит и что ее волнение непритворно.

Выражение его лица вдруг изменилось.

– Почему? О, почему вы это сделали? – почти страдальчески воскликнул он. – Это недостойное предательство!

– Сир, изгнанник попросил у меня убежища. Оставьте женщинам право действовать по зову сердца, а не в соответствии с бесчеловечными политическими принципами. Каково бы ни было преступление этого иностранца, я видела перед собой несчастного, умиравшего с голоду.

– Разве речь о политике? Вы могли бы принять его, накормить, помочь бежать, мне это безразлично! Но вы сделали его своим любовником! Вы вели себя как продажная женщина.

– Какие жестокие слова, сир! Я вспоминаю, что вы были ко мне более снисходительны, когда в Фонтенбло месье де Лозен оказался замешан в неприятной истории с моим мужем, а я была тогда куда больше виновата, чем теперь.

– Мое сердце с тех пор сильно изменилось, – ответил король.

Он подавленно опустил голову.

– Я не хочу... Я не хочу, чтобы вы давали другим то, в чем отказываете мне.

Он стал ходить, машинально притрагиваясь к перламутровым птичкам и тритонам с круглыми щечками. В простых выражениях ревнивого мужчины он признался в своем разочаровании, в горечи своего провала. Этот сдержанный монарх говорил даже о своих надеждах.

– Я хотел подождать. Я хотел пробудить ваше тщеславие, ваше честолюбие. Я надеялся, что вы лучше меня узнаете, что в вашем сердце пробудится чувство... Не знаю... Я искал способ сделать вас моей, но, видя, что поспешность вам не по нраву, я решил не торопить события. И вот годы, да-да, скоро уже годы, как я вас страстно желаю. С того первого дня, когда я увидел вас в образе богини весны. Вам уже и тогда была присуща надменная дерзость, пренебрежение к светским правилам... Вы приехали, вы предстали перед королем без приглашения... Ах! Как вы были прекрасны и смелы! Я понял, что вы будете моей, что я буду безумно вас желать, и считал, что легко добьюсь победы. Но как вы сумели меня оттолкнуть? Не понимаю. И вот я остался ни с чем. Ваши поцелуи не несли ни обещания, ни согласия. Ваши признания, ваши улыбки, ваши строгие слова оборачивались ловушкой, куда попадал только я один. Я жестоко

страдал, оттого что не мог сжать вас в объятиях, опасаясь, что вы отдалитесь еще больше... И к чему привело столько терпения, столько стараний! Смотрите, с каким презрением вы относитесь ко мне еще и сегодня, тогда как вы легко отдались ничтожному дикарю с Карпатских гор. Как я могу вас простить?.. Почему вы так дрожите? Вам холодно?

– Нет. Я боюсь.

– Меня?

– Вашей власти, сир.

– Ваш страх меня ранит.

Он подошел и нежно обнял ее за талию:

– О! Прошу вас, не бойтесь меня, Анжелика. Меня удручает ваш страх. Я хотел бы дарить вам только радость, счастье и веселье. Чего бы я не дал, чтобы увидеть вашу улыбку! Я тщетно ищу, чем вас обрадовать. Не дрожите так, любовь моя. Я не причиню вам зла. Я этого вовсе не хочу. Прошедшие месяцы были сущим адом. Я повсюду искал ваши глаза. И все время представлял в объятиях этого Ракоци. Ах! Я убил бы его.

– А что вы с ним сделали?

– Значит, вас заботит его судьба? – усмехнулся король. – Ради него вы осмелились явиться ко мне? Ну что ж, успокойтесь, ваш Ракоци даже не в тюрьме. И вот как плохо вы обо мне думаете, потому что на самом деле я осыпал его благодеяниями. Я дал ему все, чего он так долго от меня добивался. Он отправился в Венгрию, осыпанный золотом, чтобы сеять там смуту, раз ему нравится вносить раздор между немецким императором, венгерским королем и украинцами. Это соответствует моим планам, так как в данный момент мне не нужна коалиция в Центральной Европе. Так что все складывается к лучшему.

Анжелика уловила из всего сказанного только одно: Ракоци вернулся в Венгрию. И это поразило ее. Она не задумывалась, как глубока ее привязанность к Ракоци, но ни на одну минуту она не предполагала, что больше его не увидит. Итак, он вернулся в свои далекие дикие степи, которые казались ей расположенными на другой планете. Король выкинул его из ее жизни, и она больше его не увидит. Никогда больше. Ей захотелось завывать от ярости. Ей необходимо снова увидеть Ракоци. Потому что он ее друг. Он честный, чистый, пылкий. Он ей нужен. Нельзя распоряжаться чужими жизнями, словно это марионетки. Ее лицо покраснело от прилива крови.

– Ну хорошо, что вы хоть дали ему много денег! – крикнула она. – Пусть он сражается, пусть прогонит королей, пусть освободит свой народ от тиранов, его угнетающих, играющих человеческими жизнями и

распоряжающихся ими как куклами, пусть даст им свободу думать, дышать, любить!..

– Замолчите!

Король с силой схватил ее за плечи.

– Замолчите... – повторил он сдержанно. – Умоляю, не оскорбляйте меня, любовь моя. Я не смогу вам этого простить. Не изливайте на меня вашу ненависть. Вы заставляете меня безмерно страдать. Нельзя произносить тех страшных слов, что могут нас разлучить. Анжелика, мы должны когда-то соединиться. Замолчите. Пойдемте.

Он подвел ее и посадил на мраморный бортик водоема с прозрачно-жемчужной водой. Она задыхалась, лишившись голоса, крепко стиснув зубы. Но она подчинилась силе Людовика XIV.

Он гладил ее по голове, и через руку, которую она так любила, ей передавалась его воля.

– Прошу вас, это не стоит нервного срыва. Мадам дю Плесси-Бельер никогда себе этого не простит.

Всхлипнув, Анжелика сдалась. Усталая, сломленная, она прислонила голову к тому, кто стоял рядом. Она видела его над собой. Через вход грота проникали последние солнечные лучи и расцветивали золотыми и красными отблесками волосы государя. Анжелика никогда раньше до конца не осознавала всей его беспощадной силы.

Она поняла, что, с тех пор как она оказалась при дворе, с того первого утра, когда, подобно жаворонку, она отправилась в Версаль, где была признана богиней весны, начиная с того самого дня, даже не подозревая об этом, она оказалась в руках короля. Правда, как самое строптивое из всех созданий природы, что ему доводилось приручать. Но он добьется своего. Он во всем проявлял терпение, хитрость и непоколебимое спокойствие крупного хищника, подстерегающего добычу. Он сел возле нее и, говоря тихим голосом, продолжал горячо прижимать к себе:

– Какая у нас странная любовь, Анжелика.

– Но любовь ли это?

– С моей стороны – да. И если это не любовь, то что же это? – произнес он пылко. – Анжелика... Я все время твержу ваше имя. Когда я поглощен делами, мне случается закрыть глаза, и меня охватывает сладостное головокружение, и ваше имя у меня на устах... Анжелика! Никогда я не испытывал мучений, которые отвлекали бы меня от трудов. Иногда меня устрашает та любовь, что живет во мне. Она лишает меня сил, как ранение, которое может оказаться смертельным. Только вы, ваш дар могут меня излечить. Я мечтаю – да, мне случается мечтать – о том вечере,

когда ваша теплая душистая кожа соприкоснется с моей, о том незнакомом взгляде, которым вы наградите меня в ответ на мои объятия... Но я мечтаю о еще более желанных вещах, и если они исходят от вас, то кажутся мне бесценными. О вашей улыбке. Легкой, дружеской, заговорщицкой, которую вы пошлете мне из толпы в день приема большого посольства, несмотря на то что я буду в тот момент королем, в тяжелой мантии, со скипетром в руках выходящим из Зеркальной галереи. О взгляде, одобряющем мои намерения. О всех этих нежных прозаических вещах, которые пока мне неизвестны.

– Разве ваши любовницы уже не открыли их вам?

– Они любовницы, но не подруги. Я такими их и хотел. Но теперь совсем другое дело...

Он пожирал глазами черты ее лица, не отрывал от нее взгляда, в котором было не только желание, но и другое чувство, вызванное нежностью, восхищением, преданностью. Выражение столь нехарактерное для королевского взгляда, что она тоже не могла отвести взор от его глаз. Она видела, что он одинокий мужчина, взывающий к ней с вершины скалы, окруженной пустыней. В полном молчании они беседовали взглядами. Мелодия водяного органа сливалась с журчанием вод, и эта извечная музыка разливалась вокруг них как несбыточное обещание счастья. Анжелика испугалась, что не сможет устоять. Отстранившись, она нарушила очарование.

– Но что же стоит между нами, Анжелика? – очень тихо спросил король. – Что нас разделяет? Что за препятствие, которое я в вас ощущаю и на которое постоянно наталкиваюсь?

Молодая женщина провела по лбу рукой, пытаясь улыбнуться:

– Не знаю. Может быть, гордость? А может быть, страх? Я не нахожу в себе качеств, необходимых для такого трудного ремесла – быть королевской любовницей.

– Трудного ремесла? Что за самоуничижительные выражения!

– Простите меня, сир. Но позвольте сказать, пока еще можно говорить по-простому. Блистать, выставлять себя напоказ, выносить тяжесть зависти, интриг и... неверности вашего величества, никогда не принадлежать самой себе, быть предметом, которым распоряжаются, игрушкой, которую отбрасывают, когда она надоела, – для этого требуется очень много честолюбия или любви. Мадемуазель де Лавальер вдребезги разбила жизнь, а я не столь толстокожа, как мадам де Монтеспан.

Она порывисто встала:

– Оставайтесь ей верны, сир. Она так же сильна, как вы. А я – нет. Не

соблазняйте меня.

– Потому что вы испытываете соблазн?

Поднявшись, он обнял ее и привлек к себе, прижавшись губами к ее золотистым волосам.

– Ваши страхи беспочвенны, моя красавица... Вам знакома только моя внешняя сторона. Разве я мог бы проявить столько снисхождения к другой женщине? Нежные дамы глупы и постоянно хнычут. Честолюбивых нужно держать в подчинении, чтобы они не истребили все вокруг. Но вы... Вы родились, чтобы стать султан-баши, как говорил этот смуглый князь, который хотел вас похитить. Вы та, что правит королями... И я признаю за вами это звание. Я склоняюсь перед вами. Есть сотня различных причин, по которым я люблю вас. Люблю за вашу слабость, за вашу грусть, которую я хотел бы развеять, за ваше блистательное величие, которым я хотел бы обладать, за ваш ум, который возмущает меня и внушает робость, но он стал для меня таким же необходимым, как эти драгоценные золотые и мраморные предметы, прекрасные в своем совершенстве и символизирующие богатство и силу. Вы внушили мне незнакомое чувство: доверие.

Он взял в ладони ее лицо и повернул к себе, пытаясь раскрыть его тайну.

– Я всего жду от вас и знаю, что если вы согласитесь любить меня, то не обманете моих ожиданий. Но я буду пребывать в постоянном страхе до тех пор, пока вы не станете моей, пока я не услышу стонов, вызванных изнеможением от моих любовных ласк. Я опасаюсь, что меня подстерегает ваше отступление. Поэтому я хотел бы ускорить свою победу. Потому что тогда мне уже нечего будет бояться – ни вас, ни всего мира... Вы когда-нибудь думали об этом, Анжелика? Вы вместе со мной... Тогда мы сможем осуществить любые замыслы! Свершить любые завоевания! Достичь любых вершин власти... Мы вдвоем... Мы будем непобедимы.

Она не отвечала, словно опустошенная мощным порывом ветра. Она не поднимала век, и король видел только бескровное, ничего не выражающее лицо. Он понял, что благоприятный момент упущен.

Людовик вздохнул:

– Вам надо подумать, прежде чем ответить? Это разумно. И я чувствую, что вы сердитесь на меня за свой арест. Ну что ж, упрямец, я предписываю вам еще неделю покаяния, чтобы улеглось ваше раздражение и чтобы в одиночестве вы смогли поразмыслить над моими словами. Отправляйтесь в свой парижский особняк и оставайтесь там до следующего воскресенья, когда Версаль увидит вас еще более прекрасной,

еще более оживленной, если это возможно, и еще более торжествующей над моим сердцем, невзирая на ваши преступные заблуждения! Увы! Вы показали мне, что даже король не может повелевать любовью, что он не может приказывать преданности или перемене желаний. Но я сумею быть терпеливым. Я не отчаиваюсь. Наступит день, когда мы отплывем на остров Чериго. Да, дорогая, наступит день, когда я поведу вас в Трианон. Я прикажу построить там фарфоровый павильон, чтобы любить вас там, вдали от шума, от пугающих вас интриг, в окружении только цветов и деревьев. Вы первая туда войдете. Каждый камень, каждый предмет будет выбран для вас. Не возражайте. Позвольте мне только надеяться. Я научусь ждать.

И он подвел ее за руку к выходу из грота.

– Сир, могу ли я спросить вас о своем сыне?

Лицо короля омрачилось.

– Ах! Вот еще одна забота со стороны вашей неугомной семейки. Мне пришлось отказаться от службы этого маленького пажа.

– Из-за того, что я попала в немилость?

– Конечно нет. Я не собирался заставлять его из-за этого страдать. Но его поведение вызвало мое недовольство. Он дважды заявлял, что Дюшен, мой главный виночерный, хочет меня отравить! Он утверждал, что видел, как этот служитель подсыпал порошок в мою пищу, и во всеуслышание обвинял его в этом. По блеску глаз и звонкости голоса всем тотчас стало понятно, что он унаследовал свою смелость от матери. «Сир, не ешьте это блюдо и не пейте это вино, – громко заявил он сразу после окончания пробы. – Месье Дюшен подсыпал туда яд».

– Боже мой! – вздохнула опечаленная Анжелика. – Сир, я не нахожу слов, чтобы выразить свое смущение. Это очень возбудимый ребенок, наделенный богатым воображением.

– При второй выходке нам пришлось его примерно наказать. Я не хотел слишком строго карать ребенка, который мне небезразличен из-за любви к вам. При этой сцене присутствовал Месье. Он нашел мальчика забавным и захотел приблизить его к себе. Я согласился. Сейчас ваш сын в Сен-Клу, где с приходом весны расположился мой брат.

Анжелика изменилась в лице:

– Вы отпустили моего сына в это грязное логово?

– Мадам! – гневно воскликнул король. – Опять ваши недопустимые выражения!

Но он сразу смягчился и предпочел рассмеяться.

– Да, вас не переделаешь. Ну же, не следует преувеличивать

опасность, угрожающую вашему мальчугану в этом, согласен, довольно легкомысленном обществе. Но при нем постоянно его гувернер аббат и главный конюший. Я хотел доставить вам удовольствие и очень сожалею, что не сумел этого сделать. Вы, конечно, стремитесь скорее поехать в Сен-Клу? Ну, тогда попросите у меня разрешения, чтобы я хоть что-то смог вам дать, – сказал он, вновь обнимая ее.

– Сир, позвольте мне отправиться в Сен-Клу.

– Я сделаю больше. Я вручу вам послание к Мадам, она вас примет и оставит у себя на день-другой. И вы сможете побыть со своим сыном.

– Сир, вы так добры ко мне.

– Нет, это не доброта – это любовь, – серьезно возразил король. – Никогда этого не забывайте, мадам, и не играйте моим сердцем...

Глава XLV

Флоримон смотрел на нее ясными глазами:

– Уверяю вас, матушка, что не лгу. Месье Дюшен подсыпает королю отраву. Я много раз видел. Он прячет белый порошок под ногтем, а потом щелчком отправляет его в кубок его величества – после того, как сам попробовал вино, но перед тем, как подать его королю.

– Послушай, мой мальчик, это совершенно невозможно. И потом, ты сам видишь, что король ничего не чувствует после этой так называемой отравы.

– Не знаю. Но, может быть, это долгодействующие яды?

– Флоримон, ты употребляешь слова, смысла которых не понимаешь. Ребенок не должен рассуждать о таких серьезных вещах. Не забывай, что короля окружают преданные слуги.

– Кто знает! – наставительно произнес Флоримон.

Он снисходительно, чуть-чуть высокомерно посмотрел на мать, напомнив ей Мари-Агнес. Через час тщетных стараний заставить мальчика признаться, что он выдумал это, Анжелика почувствовала, что ее нервы на пределе. Совершенно очевидно, что она не способна заниматься воспитанием ребенка, наделенного таким буйным воображением. Он рос вдали от нее. Теперь он уверенно продолжал выбранный путь, а у нее было слишком много своих забот, чтобы принимать какие-то меры.

– Но объясни, кто вложил тебе в голову мысли о яде?

– Да все говорят про яды, – чистосердечно отвечал ребенок. – Однажды госпожа герцогиня де Витри приказала мне нести шлейф ее манти. Она поехала в Париж, к Ла Вуазен. И я подслушивал под дверью, пока она разговаривала с гадалкой. Так вот, она попросила яду, чтобы подсыпать в бульон своего старого мужа, а еще она попросила любовный приворотный порошок для месье де Вивонна. И паж маркиза де Сессака тоже рассказывал мне, что его хозяин ходил к ней, чтобы узнать секрет, как выиграть в карты, и тоже попросил яду для своего брата, графа де Клермон-Лодева, потому что он его наследник. Так вот, – торжествующе закончил Флоримон, – на прошлой неделе граф де Клермон-Лодев умер.

– Дорогой мой, вы отдаете отчет, что можете сильно себе навредить, так легкомысленно пересказывая подобную ложь? – возразила Анжелика, пытаясь сохранять терпение. – Никто не захочет иметь у себя на службе пажа, который болтает направо и налево.

– Но я не болтаю! – воскликнул Флоримон, топнув ногой в туфле на красным каблуке. – Я пытаюсь вам объяснить. Но я думаю... да, я думаю, что вы просто глупенькая, – заключил он, отворачиваясь с видом оскорбленного достоинства.

Он стал смотреть через окно на синее небо, сдерживая дрожание губ. Не станет же он плакать, как малолетка. Но слезы обиды жгли глаза.

Анжелика не знала, что делать. В этом мальчике было что-то такое, чего она не могла понять. Он, конечно, лгал, причем без повода, но с обезоруживающей убежденностью. Только для чего? Отчаявшись, она обернулась к аббату Ледигьеру и обрушила на него свое негодование:

– Этот ребенок заслуживает наказания, мне не с чем вас поздравить.

Молодой церковник покраснел до самого парика:

– Мадам, я стараюсь как могу. По своим обязанностям Флоримон оказывается иногда вовлеченным в некоторые секреты, которые он истолковывает...

– Так хотя бы научите его хранить эти секреты, – сухо заметила Анжелика.

Аббат что-то забормотал, а Анжелика вспомнила, что он тоже был протеже мадам де Шуази. Как долго он шпионил за ней и доносил?

Флоримон, подавив слезы, заявил, что должен сопровождать на прогулке маленьких принцесс, и попросил разрешения удалиться. Он вышел через балконную дверь-окно, стараясь сохранять степенное достоинство, но, едва сойдя со ступенек террасы, побежал, что-то напевая на ходу. Он был как мотылек, опьяненный весенним днем. В парке Сен-Клу, на его заросших лужайках уже раздавался стрекот кузнечиков.

– Месье де Ледигьер, что вы об этом думаете?

– Мадам, я никогда не уличал Флоримона во лжи.

– Вы хотите защитить своего ученика, но в таком случае это вас обязывает к гораздо более серьезным выводам...

– Кто знает? – вслед за ребенком повторил маленький аббат. Он с тоской стиснул руки. – При дворе даже самая глубокая преданность бывает ненадежна. Мы окружены шпионами...

– Только вам и говорить о шпионах, господин аббат. Вам ведь платила мадам де Шуази, чтобы вы следили за мной и предательски сообщали ей обо всем!

Аббат смертельно побледнел. Его девичьи глаза округлились. Он задрожал и рухнул на колени:

– Простите меня, мадам! Это правда. Мадам де Шуази поместила меня к вам, чтобы я шпионил, но я вас не предавал. В этом я могу поклясться...

Я не в состоянии причинить вам ни малейшего вреда. Только не вам, мадам, простите меня!

Анжелика отошла и стала смотреть в окно.

– Мадам, поверьте мне! – продолжал умолять юноша.

– Да, я вам верю, – согласилась она устало. – Но тогда скажите, кто донес на меня Обществу Святых Даров. Мальбран Укол Шпаги? Мне трудно предположить, что это он.

– Нет, мадам, он честный человек. Мадам де Шуази поместила его к вам, чтобы оказать услугу его семье, очень достойной. Они родом из ее провинции.

– А девицы де Жиландон?

Аббат де Ледигьер замялся, продолжая стоять на коленях:

– Я знаю, что Мари-Анн ходила к своей покровительнице накануне вашего ареста.

– Значит, она. Маленькая ханжа! Прекрасное у вас ремесло, господин аббат. Не сомневаюсь, что, продолжая в том же духе, вы станете епископом.

– Жизнь очень нелегка, мадам, – тихо прошептал аббат. – Подумайте, чем я обязан госпоже де Шуази. Я младший в семье из двенадцати детей, четвертый мальчик. В отцовском замке мы не всегда ели досыта. Меня привлекала церковная жизнь, у меня склонность к наукам и душевным ценностям. Мадам де Шуази несколько лет оплачивала мою учебу в семинарии. Устраивая меня, она просила, для борьбы с силами зла, сообщать ей о бесчестных поступках, свидетелем которых я окажусь. Я счел эту задачу благородной и увлекательной. Но я вошел в ваш дом, мадам, и...

Оставаясь на коленях, он поднял на нее свои глаза лани, и Анжелике стало жалко романтической привязанности, которую она пробудила в этом невинном сердце.

Он принадлежал к тем мелким дворянам, которые вырастают в старых разрушающихся замках, а потом, без гроша за душой, отправляются на поиски своего счастья, ничего не имея предложить на продажу, кроме души и тела. Именно из них Месье, брат короля, набирал мальчиков для развлечений. Поэтому служить добродетели представлялось лучшей участью для младших сыновей из хороших семей. Эти размышления напомнили ей о других заботах.

– Встаньте, господин аббат, – произнесла она угрюмо. – Я вас прощаю, потому что верю в вашу искренность.

– Я к вам привязался, мадам, и я люблю Флоримона, как брата.

Неужели вы меня с ним разлучите?

– Нет. Несмотря ни на что, я спокойна, пока вы с ним рядом. Двор Месье – это последнее место, где я хотела бы его видеть. Всем известны порочные вкусы этого принца и всего его окружения. Такой красивый и подвижный мальчуган, как Флоримон, не может чувствовать себя здесь в безопасности.

– Совершенно верно, мадам, – отвечал аббат, поднимаясь и незаметно отряхивая колени. – Мне уже приходилось драться на дуэли с Антуаном Морелем, господином де Волоном. Это, наверное, самый большой мерзавец в окружении принца. Он ворует и сквернословит, он атеист и содомит, он держит школу и продает мальчиков, как лошадей, а свои сделки заключает в партере Оперы. Ему уже приглянулся Флоримон, и он попробовал его развратить. Я вмешался. Мы дрались на дуэли, и я ранил Мореля в руку, после чего он оставил свою затею. А еще я дрался с графом де Бевроном и маркизом Эффиа. Я повсюду раструбил, что ребенок находится под защитой короля и что я пожалуюсь его величеству, если с ним хоть что-то случится. Всем известно, что вы его мать и что вы имеете значительное влияние на короля. И наконец, я добился, чтобы его назначили товарищем по играм маленьких принцесс. Теперь он немного удален от этой непристойной компании. Ах! Мадам, со многим приходится смиряться. При пробуждении Месье они обсуждают юношей точно так же, как молодые влюбленные имеют обыкновение говорить о девушках. Но и это еще не все. Хуже всего женщины, потому что их нельзя вызвать на дуэль. Госпожи де Бланзак, д'Эспиной де Мелен и де Гренсей осаждают меня по ночам, как стоглавые гидры. Я не знаю, как от них отделаться.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что они преследуют Флоримона?

– Нет, это я подвергаюсь их провокациям.

– О, бедняжка! – воскликнула Анжелика, разрываясь между участием к аббату в его непрестом положении и желанием расхохотаться. – Мой бедненький аббат, какая вам выпала тяжелая обязанность! Просто необходимо удалить вас отсюда!

– Не беспокойтесь, мадам. Я понимаю, что Флоримон должен делать карьеру, а подняться можно только при дворе. Я стараюсь его защитить и укрепить его дух и сердце, чтобы он избежал слишком глубокой развращенности. Все возможно, когда душа крепка и когда ты взываешь к помощи Бога. И я думаю, что именно в этом истинный смысл моей роли воспитателя, вы согласны?

– Безусловно, но вам не следовало соглашаться привозить его сюда.

– Мне трудно, мадам, не соглашаться с решением короля. И мне

показалось, что здесь он подвергается меньшим опасностям, чем те, что подстерегают его в Версале.

– Что вы имеете в виду?

Аббат подошел к ней ближе и беспокойно оглянулся вокруг:

– Я уверен, что на его жизнь дважды покушались...

– Да вы просто теряете голову, друг мой, – прервала его Анжелика, пожимая плечами. – Вы заразились бредом своего воспитанника. Кто может покушаться на жизнь такого мальчугана, самого юного и самого незначительного придворного пажа?

– Пажа, чей звонкий голосок осмелился слишком громко огласить нелицеприятные истины.

– Я не могу вас больше слушать, господин аббат. Уверю вас, что вы теряете голову и выдумываете небылицы. Господин Дюшен имеет репутацию уважаемого человека.

– Разве не у всех живущих при дворе репутация порядочных людей, мадам? На кого посмеем мы повесить ярлык «предатель», «преступник»? Как это будет непристойно выглядеть!..

– Повторяю, что вам все видится в черном свете. Я не сомневаюсь, что вы ангел-хранитель Флоримона, но я хотела бы, чтобы вы постарались ограничить его воображение, да и свое тоже. До нового распоряжения я не думаю куда-то переводить месье Флоримона, самого незначительного слуги королевского стола. Это же смешно!

– Этот паж является вашим сыном, мадам. Вам известно, что у вас много врагов? О! Мадам, умоляю вас, не закрывайте глаза на подозрительные события. Вас тоже стараются столкнуть в темный колодец. Для защиты хороши все средства. Если с вами случится несчастье, я умру от горя.

– Вы очень красноречивы, мой дорогой аббат, – любезно заметила Анжелика. – Я должна поговорить с господином Боссюэ. Небольшая восторженность не повредит святому слову. Я уверена, что вы добьетесь кое-чего в жизни, и я всячески вам помогу.

– О! Мадам, сейчас в ваших словах звучит жестокий цинизм придворной дамы.

– Нет, мой дорогой, я не цинична. Но я хотела бы, чтобы вы обеими ногами стояли на земле.

Аббат де Ледигьер снова открыл рот, чтобы возразить, но кто-то вошел в приемную и прервал их беседу. Он раскланялся и отправился на поиски своего ученика.

Анжелика вернулась в гостиную. Двери на террасу были распахнуты,

и в комнаты проникал свежий воздух. Вдалеке виднелся Париж.

Как и предсказывал король, Мадам послала своего управляющего просить маркизу дю Плесси задержаться в Сен-Клу до следующего дня. Молодая женщина неохотно согласилась. Атмосфера двора Месье, несмотря на всю привлекательность и роскошь, была слишком двусмысленной и почти угрожающей. Подруги принца были столь же мало достойны уважения, как и его миньоны. Здесь Анжелика повстречалась с теми особами, которых старалась избегать в Версале. Женщины красивые и решительные, но почти все крайне злые, и даже больше чем злые. Их интриги и перепалки развлекали Месье, который интересовался всякими пересудами с жадным любопытством лакея. Он отличался умом и проявлял смелость в военных кампаниях, но был так развращен, что теперь его интересовали только пустяки, всякие глупости и пороки.

Анжелика искала глазами его преданную тень, принца содома, «прекрасного, как ангел» шевалье де Лоррена, на протяжении ряда лет остававшегося в ранге фаворита и превратившегося на деле в подлинного хозяина Пале-Рояля и Сен-Клу. Она удивлялась, что не видит его, и спросила об этом мадам де Гордон-Гакслей, довольно симпатичную шотландку из свиты Мадам.

– Как, разве вы не знаете? – воскликнула та. – Откуда вы явились?.. Месье де Лоррен впал в немилость. Сначала его заключили в тюрьму, а потом отправили в ссылку в Рим. Это огромная победа Мадам. Она годами билась, чтобы уничтожить своего злейшего врага. И наконец король услышал ее.

Она гостеприимно предложила Анжелике провести ночь в прихожей, где спали другие фрейлины, и рассказала о последнем столкновении, в котором Мадам одержала долгожданную победу. Граф д'Эйен арестовал месье де Лоррена прямо в спальне принца, после того как гвардейцы окружили покои Месье. Месье пришел в отчаяние. Он кричал, вопил, рыдал и отвез Мадам в замок Вилле-Коттре, чтобы лишить ее свободы. Но в конце концов все понемногу успокоилось. Месье продолжает рыдать, но положение Мадам остается твердым. Король на ее стороне.

Анжелика уснула с мыслями о Флоримоне под невнятный пересказ скабрёзных подробностей. Ей мерещилось, что тысячи разнообразных опасностей, как змеи, копошатся вокруг нее.

На рассвете ее разбудил легкий стук в дверь, возле которой она спала. Анжелика открыла глаза и увидела Мадам. Принцесса с улыбкой стояла перед ней, кутаясь в большой газовый шарф.

– Как раз вас-то я и желала видеть, мадам дю Плесси. Не угодно ли

вам сопровождать меня на прогулке?

– Я в полном распоряжении вашего королевского высочества, – отвечала Анжелика в некотором изумлении.

Они молча спустились по лестнице. Неподвижные фигуры дремлющих стражников, привалившихся к своим алебардам, делали дворец похожим на замок Спящей красавицы.

Над парком, влажным от росы, занимался день. Вдали, в тяжелых волнах тумана, скрывался Париж. Было прохладно. К счастью, Анжелика взяла с собой замечательное манто из верблюжьей шерсти, подарок короля.

– Я обожаю ранние утренние прогулки, – произнесла принцесса, быстро следуя по аллее. – Я очень мало сплю. Я всю ночь читала, и мне показалось преступным смежить веки, когда просыпается заря. А вы любите читать?

Анжелика призналась, что редко находит время для литературы.

– Даже в тюрьме? – спросила Генриетта с понимающим смешком.

Но это замечание не было злым. Скорее, в нем звучало разочарование.

– Я здесь не знаю почти никого, кто любил бы чтение. Взгляните на моего деверя-короля. Он разгневается, если баснописец или автор пьесы не преподнесет ему первое издание своего произведения. Но он не решится прочесть даже первую фразу. А у меня склонность к чтению. И я охотно берусь за перо... Давайте сядем.

Они расположились на мраморной скамье на круглой лужайке. Принцесса не изменилась с тех времен, когда Анжелика посещала в Лувре ее салон, где играли в карты.

Маленького роста, изящная, как эльф, и с цветом лица как лепесток цветка, она казалась нежнее, чем все остальные члены семейства Бурбонов-Габсбургов. Она довольно открыто презирала их обжорство, их невежество и то, что она называла тяжеловесностью. Принцесса действительно ела как птичка, а спала и того меньше, и ее интерес к литературе и искусству был неподдельным. Она первая поддержала Мольера и покровительствовала утонченному Расину. Сама Анжелика, испытывая некоторое восхищение перед образованной принцессой, находила ее немного странной. Возле нее вы чувствовали себя неуклюжим. Именно привлекательность Мадам и создавала вокруг нее одиночество. Она не до конца это осознавала, но страдала от этого. Сейчас принцесса выглядела несколько растерянной.

– Мадам, – продолжала Генриетта, помолчав, – я обращаюсь к вам, потому что вы слывете женщиной богатой, отзывчивой и неболтливой. Могли бы вы одолжить мне четыре тысячи пистолей?^[22]

Анжелике потребовалась вся ее светская выучка, чтобы сдержаться.

– Мне нужна эта сумма для путешествия в Англию, – продолжила принцесса Генриетта. – Потому что я обременена долгами и уже заложила часть своих драгоценностей. У короля просить бесполезно, хотя я еду в Англию ради него. Он возложил на меня очень важную миссию. Речь идет о том, чтобы помешать моему брату Карлу присоединиться к лиге, объединяющей голландцев, испанцев и тевтонов. Я должна блистать, быть соблазнительной, оболстительной, всеми способами вызывать любовь к Франции, но мне трудно будет этого добиться, если я явлюсь туда скованной в движениях слишком узким платьем. Это иносказательное выражение. Но вы меня понимаете, моя дорогая. Вам ведь известно, что такое посольство. Нужно, чтобы золото текло рекой, нужно подкупать убеждения, добрую волю, подписи. Я ничего не добьюсь, если буду скаречничать. А мне необходимо добиться желаемого.

Она разговорилась, ее щеки пылали, но видимая непринужденность скрывала стеснение. Ее смущение побудило Анжелику проявить великодушие.

– Да простит меня ваше высочество, если я не смогу полностью удовлетворить ваше желание. Мне будет очень затруднительно быстро собрать четыре тысячи пистолей. Но я твердо могу обещать сумму в три тысячи.

– Моя бесценная, как вы меня успокоили! – воскликнула Мадам, по всей видимости мало надеявшаяся на ее согласие. – Вы можете быть спокойны, я верну вам эти деньги сразу по возвращении. Мой брат меня любит, он, конечно, сделает мне подарки. Если бы вы знали, какое это имеет для меня значение! Я пообещала королю добиться положительного результата. – Из-за нервного возбуждения Генриетта была на грани слез. – Ужасно, если я не сумею этого сделать. Я добилась изгнания шевалье де Лоррена в качестве компенсации за это поручение. Если я ничего не добьюсь, он вернется. А я больше не выдержу жизни с этим распутником, который распоряжается в моем доме. Конечно, я тоже не ангел. Но низость Месье и его окружения переходит все границы. Я не могу больше этого выносить. Наша взаимная неприязнь перешла в ненависть. И это дело рук шевалье де Лоррена. Раньше я думала, что смогу его обойти. Я чувствовала, какую он представляет опасность. Если бы я была побогаче, может быть, мне и удалось бы с ним сладить, но Месье преподносит ему огромные суммы, земли, которые охотно дает король, и мне не удалось стать сильнее. Как беззастенчивый человек, который не умеет краснеть, добиваясь своего, он действует против меня, потеряв стыд и завладев и Месье, и деньгами.

Анжелика не пыталась прервать этот словесный поток. Она понимала, что принцессе необходима нервная разрядка. Генриетту очень волновала денежная проблема, и до последней минуты она сомневалась, что сможет получить нужную сумму. Лучшие подруги приучили принцессу скорее к предательствам и отказам в трудную минуту, чем к щедрости.

– Вы обещаете, что я буду располагать этой суммой до своего отъезда? – спросила Генриетта, вновь охваченная сомнениями.

– Ручаюсь вам, ваше высочество. Нужно побеседовать с моим интендантом, но через неделю три тысячи пистолей будут вам вручены.

– Как же вы добры! Вы вернули мне надежду. Я уж и не знала, к кому обращаться. После отъезда шевалье Месье так на меня озлоблен. Он обращается со мной как с последней тварью...

Отрывистыми фразами она продолжила делать признания. Конечно, потом она пожалеет об этом, потому что опыт научил ее, что не всем можно доверять. Она будет считать, что эта мадам дю Плесси или опасна, или глупа. Но сейчас она наслаждалась редким ощущением, что рядом дружеская душа. Она рассказывала о долгой, дрящейся годы борьбе за то, чтобы постараться вырвать свой брак и свой дом из той трясины, в которой они увязали. Да и начиналось-то все плохо. Никогда ей не следовало выходить замуж за Месье.

– Он завидует моему уму, и я всегда буду терзаться, что он не любит или не уважает меня.

Генриетта мечтала стать королевой Франции. Но этого она не произнесла вслух. Это оставалось одной из ее неосознанных претензий к Месье: почему он только брат короля, а не король. И все, что она говорила о короле, окрашивалось горечью.

– Если бы не опасения короля, что мой брат Карл заключит союз с голландцами, я ничего бы не добилась. Мои слезы, мой стыд, мои страдания его не трогали. Ему нравилось падение брата.

– Не преувеличивает ли ваше высочество его враждебность? Король не может радоваться деградации...

– Это так, это так, я точно знаю. Для него, правителя, выгодно, когда те, кто следует за ним по рождению, предаются самым низким порокам. Это подчеркивает его величие и твердость души. Миньоны моего мужа не угрожают королевской власти. Им нужно только золото, подарки и доходные должности. И король не скупится. Месье де Лоррен получал от него все, что хотел. Он был гарантом верности Месье по отношению к брату. Королю не приходилось опасаться, что он превратится во фрондера, как его дядя Гастон Орлеанский. Но на этот раз я возвысила голос. И так

как все зависело от меня, то король пошел мне навстречу. Я напомнила, что я королевская дочь и что если со мной будут плохо обращаться, то у меня есть брат, который за меня отомстит.

Она глубоко дышала и приложила руку к сердцу, чтобы успокоить его биение.

– И наконец я победила, хотя меня все еще терзает некоторое беспокойство. Вокруг столько ненависти. И Месье не раз обещал меня отравить.

Анжелика подскочила:

– Мадам, не предавайтесь нездоровым мыслям.

– Я не знаю, следует ли называть эти мысли нездоровыми или, наоборот, ясным видением фактов. В наши дни смерть настигает так легко!

Анжелика подумала о Флоримоне и об увещеваниях аббата де Ледигьера, и внезапный страх, как холодная змея, поднял в ней голову.

– Если ваше высочество так в этом убеждены, то надо приложить все силы для борьбы и сообщить о своих подозрениях полиции, чтобы вас защитили.

Мадам посмотрела на Анжелику так, словно та сказала какую-то страшную нелепицу, а потом расхохоталась:

– Мне странно слышать такие обывательские речи из ваших уст! Полиция? Вы говорите об этих мужланах месье Ла Рейни? О таких, например, как этот Дегре, которому поручили арестовать моего советника Коснака, епископа Валанса? Ах! Фи, моя дорогая, я слишком хорошо их знаю, чтобы думать, будто они станут совать свой длинный красный нос в наши дела.

Она встала и привычным жестом оправила платье из бледно-голубого фая. Она была ниже Анжелики, но благодаря королевской осанке казалась выше.

– Запомните, что при дворе только мы сами можем защитить себя или... умереть, – заключила она очень спокойно.

Они возвращались в молчании. Парк был прекрасен. На зеленых лужайках и в кронах деревьев редких пород играл ветерок. Этот парк ни в чем не походил на торжественную строгость версальских садов. Мадам насаждала английские вкусы, и, возможно, только в этом Месье разделял ее пристрастия. Когда король бывал в Сен-Клу, он испытывал страдание от вида того, что называл «беспорядком».

На губах молодой принцессы играла грустная улыбка. Ничто не могло отвлечь ее от неотступных неясных страхов.

– Если бы вы только знали, – вновь заговорила она, – я так хотела бы

остаться в Англии и никогда сюда больше не возвращаться!

– Мадам, – взывали нищие, – мадам, когда же мы пойдем к королю, чтобы он возложил руки на наши язвы?

Большая толпа собралась в приемной особняка Ботрейи. Им казалось, что ходатайство Анжелики уже служит залогом выздоровления. Она пообещала, что в следующее воскресенье они примут участие в означенной церемонии. Анжелика навела справки и узнала, как надо действовать, но, слишком занятая подготовкой к своему возвращению ко двору, она подумала о мадам Скаррон и отправилась к ней, чтобы попросить о любезности отвести этих несчастных к королевскому лекарю. Это решение навело ее на мысль, что уже очень давно она не виделась с молодой вдовой. В последний раз... Да ведь это было во время праздника в Версале в 1668 году. Уже два года! Что стало с Франсуазой за это время? С чувством вины она приказала остановить портшез перед дверью скромного дома, где долгие годы скрывала свою нищету госпожа де Скаррон.

Но тщетно Анжелика барабанила в дверь. Хотя по некоторым неуловимым признакам она была уверена, что в доме кто-то есть. Возможно, служанка? Но почему же она не открывает? Анжелика устала и отказалась от дальнейших попыток. На первом же перекрестке скопление карет вынудило носильщиков остановиться. Анжелика машинально оглянулась и с удивлением заметила, что дверь дома мадам Скаррон отворилась и показалась молодая вдова собственной персоной. Она надела маску и плотно закуталась в темную короткую накидку, но подруга, конечно, узнала ее изящную фигуру красавицы-индианки.

– Ну, это уж слишком! – воскликнула Анжелика, выскакивая из портшеза.

Она приказала лакеям возвращаться в особняк Ботрейи без нее и, накинув капюшон, устремилась по следам мадам Скаррон. Молодая женщина, несмотря на две тяжелые корзины, прикрытые накидкой, шла быстро. Заподозрив существование тайны, Анжелика следовала за ней, держась в отдалении. В Сите госпожа Скаррон наняла на лестнице дворца один из скромных портшезов на колесиках, прозванных «соус-винегрет», который катил один человек. После некоторого колебания Анжелика решила продолжить преследование пешком. «Винегрет» передвигался медленно, и Анжелика не раз пожалела о своем решении. Прогулка все продолжалась. Перейдя Сену, они двинулись по бесконечной улице, которая понемногу сменилась плохой дорогой, приведя почти к самому пустырю в районе Вожирар. Вынужденная немного отстать, Анжелика на

какое-то мгновение потеряла экипаж из виду и с разочарованием увидела, как уже пустой «винегрет» заворачивает в переулок.

Но не зря же она шла так далеко. Анжелика побежала за мужчиной и сунула ему в руку экю. За эту королевскую плату человек без колебаний указал ей жилище, в которое вошла его клиентка.

Новенький домик, один из тех, что все чаще возводились в пригородах между огородами с капустой и склонами, на которых паслись овцы. Анжелика постучала бронзовым молотком. После долгого ожидания рука приоткрыла глазок на двери и голос служанки спросил, что надо.

– Я хотела бы поговорить с мадам Скаррон.

– Мадам Скаррон? Здесь такой нет... Не знаю такую, – ответила женщина, закрывая глазок.

Такие тайны только сильнее разожгли любопытство Анжелики. «Ну, дорогая моя, ты меня плохо знаешь, если думаешь, что я так просто уйду», – подумала она. Оставался только один способ заставить Франсуазу показаться, и она им воспользовалась...

Глава XLVI

Анжелика вновь сильно застучала в дверь, пока глазок не приоткрылся.

– Говорю вам, что здесь нет госпожи Скаррон! – прокричала служанка.

– Понятно. Скажите ей, что я пришла от имени короля.

Рука на решетке задержалась в нерешительности. Через довольно продолжительное время раздался звук снимаемой цепочки и отодвигаемых засовов и дверь приоткрылась. Анжелика проскользнула в дом. Франсуаза Скаррон, стоя наверху лестницы, с беспокойством смотрела вниз:

– Анжелика, помилуйте, что происходит?

– Вы, кажется, не очень рады меня видеть! А я так старалась догнать вас. Как вы поживаете?

Она весело поднялась и расцеловала подругу. Но та оставалась настороже:

– Вас послал король? Почему именно вас? Разве в последних указаниях что-то изменилось?

– Я не думаю, – наугад отвечала Анжелика. – Но какой странный прием вы мне оказываете. Может быть, вы сердитесь, что я так долго с вами не виделась? Мы все выясним. Давайте войдем.

– Нет, нет, – живо откликнулась госпожа Скаррон, раскинув руки и встав перед дверью комнаты, куда хотела войти Анжелика. – Нет, сначала объяснитесь.

– Но не останемся же мы стоять на лестнице, Франсуаза. Что с вами? Я вас не узнаю. Если у вас какие-то затруднения, то, поверьте, я смогу вам помочь.

Мадам Скаррон ничего не хотела слышать.

– Что именно сказал вам король?

– Признаюсь, Франсуаза, король здесь ни при чем. Я хотела вас видеть, и его имя послужило мне как «сезам».

Мадам Скаррон закрыла лицо обеими руками:

– Боже мой, это ужасно! И вы проникли сюда! Я погибла...

Заметив, что слуги собрались внизу и с любопытством смотрят на них, она подтолкнула Анжелику войти в маленькую гостиную.

– Ну что ж, входите! Раз мы до этого дошли...

Первое, что увидела посетительница, была колыбелька, стоящая возле

окна. В ней кто-то шевелился. Анжелика подошла и увидела весело улыбающегося младенца нескольких месяцев от роду.

– Так вот каков ваш секрет, бедняжка Франсуаза! Он очарователен, и вы не правы, что тревожитесь из-за меня: в моем молчании можно не сомневаться.

Значит, непреклонная добродетель молодой вдовы не устояла... Весь успех ее личной жизни строился на безупречной репутации, и теперь, вероятно, она испытывала страшное унижение.

– Вы пережили тяжелые дни. Почему вы не доверились своим подругам? Мы бы вам помогли.

Франсуаза Скаррон с грустной улыбкой покачала головой:

– Нет, Анжелика. Это совсем не то, что вы воображаете. Посмотрите внимательно на этого ребенка. Вы все поймете.

Младенец пристально смотрел на Анжелику темно-синими глазами, показавшимися ей знакомыми. «Синие, как море, глаза», – подумала она. И вдруг поняла. Перед ней находился сын мадам де Монтеспан и короля.

– Да, это именно так, – сказала мадам Скаррон, покачивая головой. – Теперь вы понимаете, в каком я оказалась положении! Если бы меня не попросил об этом сам король, я никогда бы не согласилась. Я должна тайно заниматься этим ребенком и сделать так, чтобы никто никогда не узнал о его существовании. По закону маркиз де Монтеспан может его потребовать. И он на это вполне способен. Вы представляете, какой разразится скандал! Но теперь я сама перестала жить...

Она усадила Анжелику на диван. Первая досада улеглась, и теперь она испытывала облегчение, что может кому-то обо всем рассказать. Она объяснила, что, когда с рождением королевского бастарда встал вопрос о достойной, умеющей хранить тайну гувернантке, Лувуа рекомендовал ее. И король, и мадам де Монтеспан находились в браке, поэтому по закону ребенок принадлежал мужу Атенаис. Но от Пардайана можно было ожидать чего угодно, утверждали все, кто его знал. Поэтому надлежало не только воспитывать этого невинного младенца, но скрывать его и тщательно охранять. Для исполнения этой тяжелой задачи требовались полнейшая преданность, ум и скромность. Выбор пал на мадам Скаррон, и она согласилась.

– Король несколько сомневался в моей кандидатуре. Мне кажется, что я ему не очень нравлюсь. Но месье де Лувуа и Атенаис настояли. Мы с Атенаис так давно дружим. Она знает, что может на меня рассчитывать, а я после всего, что она для меня сделала, проявила бы неблагодарность, если бы устранилась. Но с тех пор я живу более уединенно, чем в монашестве. И

если бы я обрела мир! Но я должна заниматься этим домом, следить за кормилицей, за нянькой, за слугами, которые не знают ни кто я, ни чей это ребенок. И вместе с тем мне нужно выходить, показываться в обществе, жить в своем доме, чтобы никто не догадался о моем новом положении. Я вхожу в одну дверь и тайком выхожу в другую. Когда я навещаю подруг, то заранее приказываю пустить себе кровь, чтобы не покраснеть, когда лгу, отвечая на их вопросы. Да простит меня Бог! Лгать! Это еще не самая большая жертва, которой требует от меня служба королю.

Она говорила со своим обычным юмором, которым умела смягчить жалобы. Анжелика подумала, что в глубине души она, конечно, радуется приобретенному важному положению. Эта должность, несмотря на трудности, являлась очень завидной и выдвигала ее на первый план в жизни короля.

Ребенок захныкал, и Франсуаза Скаррон встала и подошла к нему. Она поправила одеяльце и подушку теми уверенными жестами опытной хозяйки, которые ее отличали. Как большинство одиноких бездетных женщин, она не проявляла особо нежных чувств по отношению к воспитаннику. Она не умилялась видом очаровательного младенца и предоставляла эти глупости кормилице. Но можно было не сомневаться, что ребенок будет обеспечен всем необходимым для здорового развития ума, тела и души. Такие женщины идеальные гувернантки.

– Он не очень здоров, – объяснила она Анжелике. – Посмотрите, он родился со слегка искривленной стопой. Есть опасение, как бы он не остался хромым. Я разговаривала с королевским врачом. Он тоже посвящен в тайну. Так вот, он считает, что воды озера Барезж смогут предотвратить это уродство, и летом я должна его туда отвезти. Видите, эти обязанности не оставляют мне ни одной свободной минуты. И со временем будет не легче, а, наоборот, только труднее. Скоро обязанности удвоятся.

– Так, значит, слухи о новой беременности мадам де Монтеспан имеют под собой основание?

– Увы!

– Почему же «увы»?

– Атенаис говорила об этом с отчаянием.

– Казалось бы, она должна только радоваться. Это ведь новое неопровержимое доказательство любви короля.

– Увы! – повторила мадам Скаррон, глядя на Анжелику, которая отвела глаза.

Франсуаза тоже потупилась. Наступила тишина.

– Она в ужасном состоянии, – продолжала молодая вдова. – Она приходит сюда при первой возможности, но не для того, чтобы взглянуть на сына, а чтобы открыть душу и излить свой гнев. В Версале она вынуждена сохранять самообладание. Ведь ни для кого не секрет, что король любит другую.

Она снова посмотрела Анжелике прямо в лицо:

– Что он любит вас, Анжелика.

Анжелика притворилась равнодушной:

– Ни для кого не секрет, что король приказал арестовать меня и посадить в тюрьму. Воистину, прекрасное подтверждение любви!

Госпожа Скаррон покачала головой. Ей хотелось бы узнать побольше, но в этот момент снаружи послышался скрип кареты. Раздался нетерпеливый стук, а вслед за тем в вестибюле зазвучал повелительный голос Атенаис. Страшно побледнев, Франсуаза хотела спрятать Анжелику в платяном шкафу, но та запротестовала. В этом небольшом доме не было тайников.

– Не будем смешными. Чего вы боитесь? Я с ней объяснюсь. К тому же между нами никогда не было открытой вражды.

Она немного отошла вглубь комнаты. Госпожа де Монтеспан влетела как буря. Она швырнула на маленький столик веер, ридикюль, коробочку с карамельками, перчатки и даже часы.

– Это уж слишком, – заявила она. – Я только что узнала, что он недавно встречался с ней в гроте Тетис...

Атенаис повернулась и увидела Анжелику. Вероятно, образ соперницы так глубоко запал ей в душу, что на протяжении нескольких секунд она считала себя жертвой галлюцинации. Анжелика этим воспользовалась, чтобы начать наступление:

– Приношу тысячу извинений, Атенаис. Входя в этот дом, я не знала, что врываюсь к вам. Я хотела повидаться с Франсуазой, меня заинтриговали ее хождения, и я проследила за ней до этого дома.

Мадам де Монтеспан стала пунцовой. Глаза метали молнии. Она пылала еле сдерживаемой яростью.

– И поверьте мне, – настаивала Анжелика, – если я скажу, что мадам Скаррон всеми силами пыталась помешать мне проникнуть в вашу тайну. Она умеет хранить секреты. Я одна во всем виновата.

– О! Я вам верю, – отвечала Атенаис с жестким смехом. – Франсуаза не так глупа, чтобы умышленно совершить такую оплошность.

Она бросилась в кресло и вытянула к молодой вдове ноги, обутые в розовые атласные туфельки:

– Снимите их! Я измучилась.

Госпожа Скаррон встала перед ней на колени.

– Прикажите принести таз теплой воды с ладаном.

Потом она вновь обратилась к непрошенной гостье:

– А что до вас... то о вас все известно, хоть вы и прикидываетесь недотрогой. Любопытная, как привратница, всюду выискивает, шпионит. Так вульгарна, что не нанимает лакеев, а сама занимается этими делишками. Вам вспомнилось ремесло сводни, которым вы когда-то занимались в своей шоколадной кондитерской?

Анжелика повернулась и пошла к двери. Раз Атенаис сразу начала с оскорблений, лучше уйти. Она ее не боялась, но испытывала болезненный ужас перед женскими скандалами, когда в лицо бросают подлинные и ложные обвинения, оставляющие незаживающие раны.

– Оставайтесь!

Повелительный голос заставил Анжелику остановиться. Трудно было не подчиниться этому тону Мортемаров. Даже Анжелика почувствовала себя вассалом. Но она гордо выпрямилась. Раз той угодно скрестить оружие, пусть так и будет. Ситуация до конца прояснится. Очень спокойно, глядя непроницаемым взглядом своих зеленых глаз на маркизу де Монтеспан, она ждала, пока госпожа Скаррон не закончит снимать с той шелковые чулки. Во взгляде Анжелики затаилось легкое презрение, а во всей позе – присущая только ей безучастная грация.

Мадам де Монтеспан из пунцовой стала мертвенно-бледной. Она понимала, что бесполезно оскорблять соперницу, и ее тон изменился.

– «Не-срав-нен-ное достоинство мадам дю Плесси-Бельер, – сказала она глухо. – Истинная поступь королевы. И эта окружающая ее таинственность, которая выделяет ее среди нас...» – вот как король говорит о вас. «Вы заметили, – сказал он мне, – как редко *она* улыбается? А вместе с тем *она* бывает весела, как ребенок. Но двор такое скучное место!» Двор – скучное место!.. Вот какие глупости вы заставляете изрекать короля. Вот чем вы его соблазнили – отсутствующим видом, наивностью, выражением недовольства. Ее таинственность, сказала я ему однажды, заключается в том, что до замужества с дю Плесси она подвизалась неизвестно где и торговала своими прелестями в мерзких трущобах. И знаете, что он сделал? Он дал мне пощечину.

Она разразилась истерическим хохотом.

– И было самое время дать мне пощечину. На следующий день вас нашли в постели с этим азиатским длинноусым бандитом. Ах, как я смеялась... Ха! Ха! Ха!

Королевский карапуз вдруг проснулся и заплакал. Госпожа Скаррон вынула его из колыбельки и отнесла к кормилице. Когда она вернулась, госпожа де Монтеспан уже заливалась горячими слезами, уткнувшись в свой платочек, потому что ее смех перешел в рыдания.

– Слишком поздно! – всхлипывала она. – Его любовь выдержала и этот удар, который я полагала роковым. Наказывая вас, он наказывал и себя, и мне оставалось только терпеть последствия его отвратительного настроения. Можно подумать, что государственные дела без вас остановились. «Я хотел бы посоветоваться с мадам дю Плесси», – повторял он по каждому поводу. Слышать от него это невыносимо. Он презирает женщин, нисколько не считается с их мнением... Он в высшей степени озабочен тем, чтобы никто не мог сказать, что он сделал что-то по совету женщины. Когда он оказывает милость, повышая в чине кого-то из моих протеже, то одаривает меня этим как наградой в оплату за звание королевской любовницы, а не потому, что доверяет моему суждению. Тогда как ОНА! Она! Он спрашивает ее мнение по политическим проблемам... По *международной* политике! – прокричала госпожа де Монтеспан, словно это прилагательное усугубляло все дело. – Он смотрит на нее как на мужчину.

– Это должно было бы вас успокоить, – холодно заметила Анжелика.

– Нет. Потому что вы единственная женщина, на которую он так смотрит.

– Глупости! Разве сейчас Мадам не поручили важную дипломатическую миссию в Англии?

– Мадам – королевская дочь и сестра Карла Второго. А кроме того, если король даже и пользуется ее услугами и благодарен ей за поддержку своих проектов, то все равно он не испытывает к ней ничего, кроме антипатии. Мадам воображает, что таким образом завоюет его дружбу, а может быть, и любовь. Она жестоко ошибается. Король использует ее, но все больше презирает за образованность. Он не любит образованных женщин.

Госпожа Скаррон вмешалась, чтобы разрядить обстановку.

– Да разве есть мужчина, который любит образованных женщин, – вздохнула она. – Вы напрасно спорите, мои драгоценные. Король такой же, как все мужчины, ему нужно разнообразие. Оставьте за ним этот общий для них недостаток. С одной дамой он любит беседовать, с другой – помолчать. У вас завидное положение, Атенаис. Не пренебрегайте им. Если хочешь получить абсолютно все, то легко можешь все потерять, и в одно прекрасное утро вы можете проснуться и с удивлением увидеть, что король

вас оставил... ради третьей обольстительницы, о которой вы и не подозревали.

– Совершенно верно, – шутливо поддержала ее Анжелика. – И не будем забывать, что однажды король женится на вас, Франсуаза. Ведь именно это предсказала гадалка. И мы с Атенаис просто дурочки, что ругаемся.

И, надевая мантию и направляясь к лестнице, она спокойно заключила:

– На этом и покончим, мадам. Ведь мы были когда-то подругами.

Атенаис де Монтеспан выпрямилась как на пружинах. В два прыжка она оказалась возле Анжелики и схватила ее за руки:

– Не думайте, что все сказанное служит признанием моего поражения и что я оставляю за вами победу. Король мой! Он принадлежит мне. Вы никогда его не получите! Я удалю эту любовь из его сердца. А если не смогу этого сделать, то удалю из жизни вас. *Вас*. Он не тот мужчина, чтобы любить образ покойницы.

Она вонзила ногти в запястья молодой женщины, и под влиянием острой боли в Анжелике вдруг вспыхнула ненависть. Иногда она видела вокруг себя разрушительные последствия этого губительного чувства, но сама никогда его не испытывала. Госпожа де Монтеспан испытывала к ней отвращение, которое она ощутила на себе как брызги раскаленной лавы. Анжелика почувствовала стыд, глубокую горечь, и это пробудило в ней ярость.

Освободив одну руку, она со всей силы дала пощечину королевской любовнице. Та завопила. Мадам Скаррон бросилась между ними.

– Прекратите! – закричала она. – Вы ведете себя недостойно, сударыни. Помните, что мы из одной провинции. Мы все трое из Пуату.

Ее голос обрел удивительную власть. Франсуаза подчинилась своей серьезностью, мудростью, взглядом ясных темных глаз. Анжелика никогда не понимала, почему напоминание о родном крае мигом успокаивало ее гнев. Она высвободилась и, охваченная нервной дрожью, быстро спустилась по лестнице. Когти разъяренной фурии оставили на руке глубокие фиолетовые отпечатки, и уже начинали блестеть капельки крови. В вестибюле Анжелика остановилась, чтобы их стереть. К ней подошла мадам Скаррон. Как настоящий дипломат, она не могла дать просто так уйти той, которая, возможно, станет завтра новой фавориткой Версаля.

– Анжелика, она вас ненавидит! – прошептала она. – Берегитесь. И помните, что я на вашей стороне.

– Она сумасшедшая, – твердила себе Анжелика, чтобы успокоиться.

Но все было гораздо хуже. Она отлично знала, что речь идет не о

сумасшедшей, а о готовой на все пронизательной женщине, которая ее ненавидит. До этого ее никогда никто так не ненавидел. Возможно, только Филипп, в те короткие минуты, когда боролся против своей любви к ней, но это нельзя было сравнить с той удушающей, всеобъемлющей ненавистью, опутавшей ее как ядовитые цветы. И в ветерке, прилетевшем с песчаных пригорков, ей почудился грустный голос пажа:

Королева велела собрать букет
Из прекрасных белых цветов,
И, вдохнув запах лилий,
Маркиза умрет...

Глава XLVII

В следующее воскресенье, сразу после мессы, король возлагал руки на золотушных. Кorteж вышел из часовни, пересек Салон Дианы, Большую галерею, Салон Мира и вышел в сады.

Больные, окруженные лекарями в длинных одеяниях и несколькими священниками, ожидали у подножия лестницы Оранжереи.

Анжелика следовала в процессии дам. К счастью, мадам де Монтеспан отсутствовала. Королева отсутствовала также. Мадемуазель де Лавальер подошла к Анжелике и выразила удовольствие ее видеть. Бедная девушка, видя, что для короля она ничего больше не значит, вновь испытывала к ней доверие. Никто уже не мог сомневаться, что улыбки и взгляды короля предназначались мадам дю Плесси-Бельер. Весь двор понял, что вчерашняя немилость канула в Лету, сменившись сегодняшним триумфом...

Голубое с легким зеленоватым отливом платье Анжелики походило на весеннее небо Иль-де-Франс. На щеках играл золотистый отблеск весеннего обновления. Женщина, к которой прикоснулась любовь Солнца, избранная, отмеченная Богом, женщина, окруженная ненавистью, завистью и ревностью, она всем казалась удивительно красивой и внушающей робость. К ней не осмеливались приближаться.

Король медленно спускался по мраморной лестнице, за ним следовала толпа знатных вельмож и дам.

За их спиной возвышались сверкающие стены дворца. Справа внизу, на открытой площадке перед Оранжереей, слегка волнующиеся длинные зеленые листья экзотических пальм чередовались с серебристыми ящичками апельсиновых деревьев. Эти великолепные растения, выставленные на солнце возле прозрачных бассейнов, создавали очаровательные оазисы.

Несчастные золотушные располагались слева, возле золотой решетки. Солнце не могло согреть их серую сухую кожу и делало еще отвратительнее выставленные на обозрение язвы и бесцветные плащи. Король подошел ближе, и они опустили на колени. Их глаза светились радостью.

Король снял перчатку с правой руки и отдал ее главному камергеру. Он подошел к первому больному, молодому парню на костылях. Врач поддерживал его голову. Король начертил крест на его лице, начиная со лба, потом к подбородку и к ушам, и произнес:

– Король возложил руки, излечит Господь Бог.

В этот день собралось много больных. Придворные вынули кружевные платки и обмахивались ими, разгоня миазмы и запах гниения. Они очень не любили эту церемонию. Но король, напротив, вкладывал в нее большое старание и благожелательность. Его лекарь, стоя рядом, многословно объяснял симптомы и причину болезни, вызванную, по его мнению, смрадным воздухом, нездоровой пищей, а также полной луной, потому что раны, полученные в полнолуние, приобретают болезнетворное развитие.

Король не снисходил до вопросов, не спрашивал об условиях жизни пациента и об его имени. Тем, кто явился издалека, священник давал по его приказу немного денег.

Анжелика узнала свою нищенку с ребенком. Она заметила и Сухаря, и нескольких других завсегдатаев особняка Ботрейи. Она улыбнулась им. Сопровождавший их священник сказал, что это больные, присланные мадам дю Плесси-Бельер, и король немедленно повелел, чтобы им вручили двойную сумму милостыни и подарили новую одежду. Подопечные Анжелики разразились хором благодарностей. Мать ребенка обязательно хотела поцеловать подол ее голубого платья.

– Посмотрите, благодетельница, моему малышу уже лучше. Я уверена, что он поправится. Король возложил руки на моего малыша. Король возложил на него руки...

Старик Сухарь насмотрелся на своем веку гноящимися глазами бродяги, стоя на церковной паперти или на обочинах дорог, как сплетаются и расплетаются человеческие судьбы. Он не сводил глаз со знатной дамы в сказочном наряде, и в его помутившемся сознании возник другой образ и другое имя:

– Маркиза Ангелов.

Как далеко было то время, когда ее так называли. Он немного путал, память уже не та. Это была, конечно, другая женщина. Та была босоногой и носила за поясом нож. А у этой на поясе висели украшения, маленькие золотые часики и серебряные ключи с позолотой. Вот так и проходит жизнь. В поисках куска хлеба ты идешь, ковыляя, по дороге жизни, пока однажды позолоченные ключи не распахнут перед тобой врата рая и Господь не возложит на тебя княжескую корону.

Через несколько часов пажи принесли золотой кувшин с водой. Король остановился и вымыл руки. Церемония окончилась. Она продолжалась все утро. Прихрамывая, разошлись нищие, кто в свои пригородные берлоги, кто в сельские хижины, обсуждая увиденные чудеса

и обрета новую надежду. Теперь король решил посетить фруктовый сад. Эта мысль всем необыкновенно понравилась. Нежные ароматы цветущих шпалер развеяли тяжелый, затхлый запах тоскливых болезней. Король подробно обсуждал с садовниками каждый росток. В прогулке принимал участие и Ленотр. Анжелика любила этого великого художника садового искусства, который, подобно всем, кто обращает взоры на землю, оставался равнодушным к тщеславию. Она слышала, как король, желая пожаловать ему дворянство, спросил, какой герб ему угодно получить, и Ленотр со смехом ответил:

– Мне, сир, достаточно трех улиток на капустной кочерыжке.

Но, как все сельские люди, он отличался непреодолимым упорством. Огороды и фруктовые сады не слишком занимали его. Его вотчиной оставался парк. И Ленотр настаивал, чтобы король обязательно высказывал свое мнение об аллее, где высадили четыре ряда лип, или о том, где расположить термы из белого мрамора.

После этого все общество собралось на берегу Большого канала. Король крайне внимательно осмотрел прелестную флотилию прогулочных судов – он хотел иметь в миниатюре самые примечательные корабли, бороздившие моря. Провансальские и голландские модели соседствовали с бискайскими шлюпками. Неподалеку возводилась деревня для матросов и плотников, которые строили эти суда.

Наконец разнесся слух, что прохладительные напитки и легкая трапеза ожидают двор в боскете Марэ. Все потянулись к Королевской аллее.

Анжелика заметила, что появилась мадам де Монтеспан под зонтиком из розовой и голубой тафты, отделанной золотыми и серебряными кружевами, который нес за нею негритенок. Широко улыбаясь, она весело пригласила всех следовать за ней. Боскет Марэ был ее любимым. Она сама продумывала его устройство и руководила архитекторами.

С пронзительным лаем с лестницы Латоны скатились собачонки королевы. За ними следовали карлики, унылые и безобразные. Далее следовала королева, тоже унылая и некрасивая. Ее обуревал гнев, потому что у нее не было такого же зонтика, как у мадам де Монтеспан, чтобы укрыться от жгучего солнца.

Боскет Марэ манил прохладной тенью весенней листвы. В центре возвышалось бронзовое дерево, с металлических листочков которого стекали обильные струйки воды. Они устремлялись в заросли серебряных тростников вокруг дерева, среди которых отдыхали четыре золотых лебедя.

В глубине беседки располагалось два больших круглых стола белого

мрамора, на которых стояли корзины из позолоченной бронзы, полные тюльпанов, анютиных глазок и жасмина. Буфеты с полками из красного и белого мрамора дополняли ансамбль. В данный момент на них стояли чаши, бокалы и кубки с шербетом, фруктами, вином и прохладительными напитками. Общество расположилось вокруг столов, а те, кто искал покоя, устроились на лужайках среди зелени. Анжелика оказалась рядом с мадемуазель де Бриенн, которая досаждала ей своей болтовней. Со своего места она, как в театре, наблюдала за придворными, собравшимися в зеленом цирке. Эти боскеты, предназначенные для развлечения общества, постоянно устраивающего спектакли, легко было приспособить для постановок волшебных балетов. Звучание скрипок и гобоев сливалось с шелестом листвы, и тихая музыка сопровождала возлияния и веселый смех. Солнце, проникавшее сквозь деревья, бросало яркие блики на роскошные наряды.

Анжелика поискала глазами короля. Он беседовал с маркизом де Лавальером. Король отличался особым талантом: попав в вынужденные обстоятельства, он мог улыбаться даже тем, кого всей душой ненавидел. Мадемуазель де Лавальер еще не была официально отвергнута, а потому он щадил маленького маркиза, проворовавшегося в армии, что привело к громкому скандалу.

– А где же Лозен? – удивилась Анжелика. – Я его еще не видела.

– Как, вы не знаете? Ведь он же в тюрьме. Он перешел все границы дозволенного в отношении короля и мадам де Монтеспан. Уж не помню, в какой должности ему отказали, а перед этим она пообещала ему свое содействие. Так вот, он ее грубо оскорбил и обидел. Потом отправился к королю и сломал перед ним шпагу, заявив, что не желает ему больше служить.

– Мораль: новый срок в Бастилии.

– Нет, на этот раз посерьезней. Ходит слух, что его отправят в Пиньероль, крепость в Пьемонте. Там у него будет неплохая компания – пресловутый суперинтендант, ну, вы ведь знаете... забыла, как же его зовут?

– Фуке, – подсказал месье де Лувуа, наслаждавшийся тарталеткой. – Да... Это уже старая история. Ее начинают забывать, а ведь мартышка в клетке все еще жива.

Всякий раз при имени Фуке Анжелика испытывала приступ дурноты. Она никогда не встречалась с этим человеком, но он, как злой гений, стоял за катастрофой всей ее жизни. Никак не забыть, хоть и случилось это давно. Ее преследовало неясное видение старика Сухаря, бормочущего в

свою лохматую бороду.

– Маркиза Ангелов.

Так ее звали в Нельской башне.

– Маркиза Ангелов! – ухмылялся Баркароль, карлик королевы, звеня бубенчиками.

Он запрыгнул на один из мраморных столов и принялся отплясывать среди блюд. Это рассмешило королеву и ее дам.

Вдруг мадемуазель де Бриенн потихоньку отошла. Месье де Лувуа, как опытный придворный, сделал то же самое. Они увидели, что к ним подходит король. Людовик XIV незаметно устроился возле Анжелики, сидевшей с закрытыми глазами и откинутой головой. Перед ней опять всплыли фигуры золотушных нищих, стоящих на коленях в утреннем свете, их вечно мерзнувшая серая кожа, мешковатая нищенская одежда. Ведь и сама она была когда-то женщиной, прижимавшей к груди среди общего безразличия еле живого ребенка. На ее ресницы навернулись слезы. Король вздрогнул:

– Откуда эти слезы, красавица?

Она слегка покачала головой, с трудом возвращаясь к действительности. За ними со всех сторон украдкой следили придворные, поэтому приходилось оставаться в рамках обычного светского разговора. Она приложила к глазам крошечный кружевной платочек.

– Я размышляла о бедных, сир. Какое место занимают они в королевстве?

– Какой странный вопрос! Что вы имеете в виду?

– Помните, ваше величество, однажды вы мне объяснили, что в обществе каждый способствует поддержанию монархии?

– Совершенно верно. И вот как это выглядит. Землепашец создает своим трудом пищу для всего общества. Ремесленник изготавливает предметы, которые служат для удобства публики, в то время как купцы собирают различные вещи, чтобы предоставить их каждому, когда в них наступает нужда. Финансисты собирают налоги, которые идут на содержание государства. Судьи, используя законы, поддерживают порядок среди людей. Церковнослужители обучают народ религии и тем самым привлекают благословение Небес.

– А бедные, сир? Бедных так много... так много...

На нее опять нахлынули видения. Они затмили яркий день и великолепное окружение, заглушили звуки пасторали в кустах. Она думала.

«...Меня несли мутные потоки. Я переплыла Аид и неизвестно каким

чудом оказалась на цветущих берегах, но я все помню. Нищие, которые не знают ни куда идти, ни что делать, нищие, которых порождают войны и множат незаконные поборы и бесчинства, – это и есть мой секрет, тайное клеймо на моем лбу, прикрытое драгоценностями. Смогу ли я когда-нибудь позабыть ужасный смех нищих в недрах Парижа, смех более страшный, чем рыдания и стоны, который навлечет когда-нибудь огонь небесный...»

Она открыла глаза и увидела прикованный к ней напряженный взгляд короля.

– Ваше лицо! – прошептал он. – На свете нет другого лица, подобного вашему.

Он не сделал ни одного движения, боясь выдать себя под бдительными взглядами двора. Но в его размеренном голосе зазвучало глубокое волнение.

– Откуда вы? И какова в жизни ваша цель, мадам? Что только не выражает ваше лицо! Вся красота... Вся мировая скорбь!

Карлики королевы устроили страшный шум. Баркароль увлек их в шуточный хоровод между придворными, которым нравился этот маскарад. Их нестройные крики и насмешки заглушали пение скрипок.

Король как зачарованный смотрел на Анжелику:

– Любоваться вами доставляет иногда счастье, а иногда – страдание. Я вижу вашу белоснежную шею, где бьется маленькая жилка. Я хотел бы прижаться к ней лбом и губами. Все мое существо требует тепла вашего присутствия. А ваше отсутствие как ледяным покрывалом окутывает меня одиночеством. Мне необходимы и ваше молчание, и ваш голос, и ваша сила. А вместе с тем я хотел бы видеть вас ослабевшей. Я хотел бы видеть вас уснувшей возле меня со слезами на кончиках ресниц, уступившей в нежной борьбе. И видеть, как вы просыпаетесь вновь пылкой, с жаром, исходящим от вас как от тайного источника, окрашивающим ваше лицо под лучами зари. Вы легко краснеете и кажетесь уязвимой. Но вы тверже алмаза. Я давно люблю вашу затаенную неистовую силу. А теперь я дрожу, чтобы она как-нибудь не отторгла вас от меня... О сердце мое! О душа моя!

На губах Анжелики блуждала улыбка. Король продолжал:

– Почему вы смеетесь?

– Я думаю о том молодом поэте, к которому благосклонно ваше величество, о Жане Расине. Он обычно повторяет, что свое самое яркое вдохновение он черпает у короля, и вот, слушая вас, я поняла, что он имеет в виду...

Она замолчала, потому что месье Дюшен, в сопровождении трех

служителей королевского стола, склонился перед ними и протянул королю и Анжелике тающий чудесный десерт розового, зеленого и желтого цветов, украшенный черешнями и дольками арбуза, в тонких фарфоровых чашах. Потом они удалились с четырехкратным поклоном.

– Вы говорите о Расине, – продолжил король, – и делаете мне тонкий комплимент. Но думаю, он справедлив в том, что поэты потому и становятся поэтами, что умеют изображать не только современных им людей и людей вне времени. Каждый человек несет в себе тайный любовный мир. Но когда вы знаете, что вас окружают люди недостойные, то лучше всю жизнь держать этот свой мир на замке и даже самому туда не заглядывать. Однако вам я, возможно, и осмелюсь его приоткрыть, Анжелика...

Его прервал резкий толчок. Чаша, которую Анжелика поднесла к губам, наклонилась. Шербет полетел на землю, и фарфоровая чаша, упав, разлетелась вдребезги. По голубому платью поползли тонкие потеки разноцветного крема.

Неудачный скачок Баркароля испортил наряд молодой женщины.

– Чума на этих уродах! – воскликнул разгневанный король.

Он схватил свою трость и обрушил град ударов на спину виновного. Тот удрал, вопя во всю мочь.

Королеве, поспешившей защитить своего любимца, резким тоном было приказано вернуться на место. Между тем одна из собачонок принялась лизать остатки шербета.

К Анжелике с салфетками и кувшинами с водой бросились не менее двадцати дам, чтобы помочь стереть с платья злосчастные пятна. Королевская милость, проявленная к ней сегодня, была слишком очевидна. Все сошлись во мнении, что солнце быстро поправит дело, и по общему решению вся компания ушла из-под тени и отправилась на террасы, чтобы воспользоваться последними лучами.

А в траве уже агонизировала собачонка. Баркароль вернулся на опустевшее место, привел туда Анжелику и наклонился над животным, бившимся в ужасных судорогах:

– Ты видишь? Надеюсь, что теперь ты все поняла, Маркиза Ангелов, что до тебя наконец дошло?.. Она издыхает, потому что полизала предназначенный тебе крем. О! Конечно, на тебя бы это подействовало не так быстро. К данному моменту ты начала бы ощущать какое-то недомогание. Страшные мучения наступили бы ночью, а к рассвету ты была бы уже мертва.

– Баркароль, ты говоришь что-то невообразимое. От королевской

трости у тебя повредились мозги.

– Ты мне не веришь? – спросил карлик, и его лицо сморщилось в свирепую гримасу. – Идиотка! Значит, ты не заметила, как собака лизала упавший шербет?

– Признаюсь, что нет. Меня занимало платье. И даже если это так, ведь собачонка могла умереть и от чего-то другого.

– Ты мне не веришь, потому что не хочешь верить, – в волнении повторил Баркароль.

– Тогда скажи, кто мог бы покушаться на мою жизнь?

– Ну и вопрос! А та, чье место при короле ты можешь занять? Ты думаешь, что она лелеет тебя в своем сердце?

– Мадам де Монтеспан? Нет, Баркароль, это невозможно. Она грубая, злая, она пускает в ход клевету, но никогда не осмелится на такое!

– Почему же? То, во что она вцепилась, она держит очень крепко.

Он поднял переставшего дышать пуделя и забросил его далеко в кусты.

– Это исполнил Дюшен. А предупредил меня Нааман, негритенок Монтеспан. Она его не опасается. Он разговаривает с тем еще акцентом, вот она и воображает, что он не понимает по-французски. Он спит в углу на подушке, и она считает его за собачонку. Вчера он был в ее будуаре, когда к ней пришел Дюшен. Он ей предан. Ведь это она устроила его к королю. Нааман услышал, что они произносят твое имя. Он стал слушать, потому что знает тебя. Ведь когда-то он принадлежал тебе, и он полюбил Флоримона, который играл с ним здесь, в Версале, и давал ему шоколадки. Она сказала Дюшену: «Надо завтра кончать. Во время праздника вы найдете возможность лично подать ей питье, куда подсыплете вот это». И дала ему маленькую склянку. Дюшен спросил: «Это изготовила Ла Вуазен?» Монтеспаниха ответила: «Да. А то, что она изготавливает, действует безотказно». Нааман не знал, кто это – Ла Вуазен, но я-то знаю. Она ведь была моей хозяйкой, эта Ла Вуазен. Ой-ой-ой! Она знает немало способов, как отправить людей в лучший мир.

В голове Анжелики крутились мысли, собирая воедино разрозненные части страшной мозаики.

– Если ты прав, то и Флоримон не лжет. Она попытается отравить и короля?.. Но зачем?

Карлик изобразил на лице сомнение:

– Отравить? Не-ет, не думаю. Но чтобы его околдовать, она подсыпает ему в пищу волшебный порошок, который готовит для нее Ла Вуазен. Но похоже, что ему от этого ни жарко ни холодно, королю-то. Он ищет

счастья там, где хочет. А теперь драпаем отсюда. Вдруг еще Дюшен заявится сюда со своими холоуями.

За боскетом, на фоне неба цвета меди, уходила вдаль темная аллея. Из бронзовых чаш, которые поддерживали козлоногие сатиры, с веселым бормотанием струилась вода.

Баркароль, как неясная тень, семенил возле Анжелики.

– Ну, что же ты теперь сделаешь, маркиза?

– Не знаю.

– Надеюсь, примешь крутые меры?

– Что ты называешь крутыми мерами?

– Защищаться теми же способами. Как говорится, око за око, зуб за зуб. Монтеспан ты влепишь отраву, раз это ее метод. А Дюшен однажды вечером где-нибудь возле Нового моста получит от ребят ржавое перо в бок. Только прикажи.

Анжелика молчала. Плечи окутывал вечерний туман, и ее охватила дрожь. Она все еще не хотела верить.

– Выбора-то у тебя нет, маркиза, – шептал Баркароль. – А иначе тебе конец. Потому что она хочет сохранить короля для себя и, слово Монтемаров, как она говорит, *сам дьявол ей в помощь*.

Через несколько дней вся королевская семья собралась на праздник в парке Версаля. Присутствовали Месье и Мадам вместе со всеми придворными и челядью. Флоримон со своим наставником подошел поздороваться с матерью в тот момент, когда она беседовала с королем возле фонтана Латоны. Мальчик нисколько не смущался, здороваясь со знатными вельможами. Он прекрасно знал, что его приятная мордашка в обрамлении темных локонов и открытая улыбка располагали к нему людей. Хорошо сложенный, в костюмчике из темно-красного бархата, со стройными ногами в черных чулках с золотыми стрелками, он раскланялся перед королем и поцеловал матери руку.

– А вот и перебежчик, – добродушно сказал король. – Довольны ли вы своей новой должностью, дитя мое?

– Сир, дом Месье очень приятный, но я предпочитаю Версаль.

– Меня трогает ваша откровенность. А можно ли узнать, что вам особенно дорого в Версале?

– Присутствие вашего величества... и фонтаны и водометы.

Ответ получился очень удачным. Больше всего Людовик XIV ценил свои фонтаны и то восхищение, которое они вызывали. Хотя эта похвала исходила от одиннадцатилетнего пажа, она была ему приятна.

– Обещаю, наступит день, когда вы снова увидите наши фонтаны, но когда вы научитесь не лгать.

– Может быть, научусь молчать, а не лгать, потому что я никогда не лгал, – смело заявил Флоримон.

Анжелика и аббат Ледигьер, скромно державшиеся немного в стороне, одновременно сделали едва заметный жест, выражая свое беспокойство. Король, нахмурившись, разглядывал обращенное к нему маленькое гордое личико.

– Этот ребенок, хоть совсем и не похож на вас, все же истинный ваш сын, судя по тому, как он спорит, когда ему вздумается. И если бы кто-то сомневался в родстве, достаточно посмотреть на его вздернутый подбородок, чтобы понять, что он вашей породы. Потому что из всех придворных только вы оба можете так смотреть на короля.

– Я прошу за него прощения у вашего величества.

– Это ни к чему. Вы ведь нисколько не раскаиваетесь ни за себя, ни за него. Но черт возьми! – продолжил он с озабоченным видом. – Я теперь просто не знаю, что об этом и думать. Принято говорить, что устами младенца глаголет истина. Тогда почему же я не должен ему верить? Нужно порасспросить Дюшена... И произвести расследование на его счет. Мне рекомендовала его мадам де Монтеспан, но этого недостаточно, чтобы понять, что он за человек.

При этих словах появился слуга и, встав на колени, протянул королю корзину с фруктами. Но это не было предложением что-то попробовать, потому что Людовик ел только то, что подавалось специальными служителями. Королю предлагали полюбоваться. Он похвалил огромные красивые яблоки с шероховатой темно-зеленой кожурой, груши цвета меда, розоватые персики. Эти чудесные фрукты займут место на длинных столах в Северном партере, накрытых ослепительно-белыми скатертями. Только потом Анжелика вспомнит этого слугу с фруктами. Праздник шел своим чередом, освещенный ласковым солнцем. Наступил теплый вечер, и многочисленные гости толпились в партере и на террасах дворца. Анжелика любовалась пейзажем и золотистым крестом, который создавал в лиловато-розовых сумерках уже законченный Большой канал. Вдруг за ее руку ухватилась маленькая ручонка.

– Медама! Медама Плесси!

Она посмотрела вниз и увидела негритенка Наамана, в блестящем голубом костюме, в тюрбане и в пышных штанишках тыквой. В наступающих сумерках виднелись только белки его глаз, которые вращались, как агатовые шары.

– Медама! Твой сына счас умереть! Твой сына счас умереть!

Из-за его акцента она плохо понимала, что он говорит.

– Мессир Флоримон! Все плохое ему. Все плохое. Умереть.

Услышав имя Флоримона, Анжелика все поняла. Она затрясла негритенка за плечо.

– Что случилось? Что случилось! Флоримон? Да говори же!

– Я не знать, медама! Я не знать! Ты страшно для него.

Анжелика побежала к Северному партеру, где за минуту до этого видела аббата Ледигьера.

Он все еще стоял там, возле одной из мраморных ваз с геранями, украшавших края террасы, героически перенося поддразнивания мадам де Граммон и мадам де Монбазон.

– Господин аббат, – закричала запыхавшаяся Анжелика, – где Флоримон?

– Он только что отошел. Он предупредил меня, что ему поручили сбегать на кухню и что он скоро вернется. Вы ведь знаете, что он любит бегать и оказывать услуги.

– Вда! Вда! – подтвердил Нааман энергичными кивками своего тюрбана с султанчиком. – Он сказал: «Я посылаю юный Флоримон на путь ты знает. Теперь не беспокоится. Маленький болтавка теперь молчать».

– Вы слышите: маленький болтун теперь замолчит, – повторила Анжелика, встряхивая теперь уже аббата Ледигьера. – О! Ради всего святого, скажите, куда он пошел?

– Я... Он мне сказал, – начал заикаться тот, – на кухню... что он пройдет по лестнице Дианы, чтобы быстрее...

Нааман, широко открыв рот, завизжал, как пойманная мартышка. Он трагическим жестом поднял обе руки, растопырив пальцы:

– Лестниц Диан! О, все плохой! Все плохой!

Он со всех ног бросился во дворец, за ним побежали аббат Ледигьер и Анжелика. Материнский страх придал Анжелике крылья. Невзирая на тяжелое платье, туфельки на острых каблучках и пажа, вцепившегося в ее манто, она не сбавляла скорости и добежала, когда остальные вступили в переговоры со стражником, стоящим в вестибюле перед апартаментами южного крыла.

– Маленький паж в красном? – спрашивал стражник. – Да, я видел, как он недавно пробежал. Меня это удивило, потому что здесь никто не проходит, с тех пор как сломали Южную лестницу, потому что проводятся работы по расширению.

– Но, но... – бормотал аббат Ледигьер, – раньше... когда мы здесь

жили, мы часто ходили по лестнице Дианы. Мы поднимались, там была галерея, а дальше шла Южная лестница, которая вела на кухню.

– А я говорю, что теперь этого нет. Разрушили целую часть стены, чтобы продолжить крыло. Лестницу Дианы упразднили. На том месте теперь только строительные леса.

– Но Флоримон этого не знал, он этого не знал, – как заведенный твердил аббат.

– Не хотите же вы сказать, что мальчуган поднялся туда? – воскликнул стражник, сопровождая свои слова ругательством. – Я ему даже крикнул, чтобы он остановился, но он летел как стрела!

Но Нааман, аббат Ледигьер и Анжелика уже не слушали его. Перед ними была лестница Дианы, и ее мраморные ступени уходили в такую густую темноту, что о существовании в конце ее строительных лесов невозможно было догадаться. В этот час рабочие уже ушли со стройки. И к этой неожиданной глубокой и темной ловушке побежал Флоримон. Анжелика поднималась на подкашивающихся ногах.

– Подождите, я принесу горящий трут, – закричал стражник. – Вы можете провалиться. Там есть переходные мостки, но надо знать, где они.

Анжелика продвигалась на ощупь среди нагромождения балок и строительного мусора. Ее догнал стражник.

– Стоп! – закричал он. – Смотрите!

В двух шагах от них огниво осветило зияющую пропасть глубиной в два этажа.

– А где же мостки? – продолжил он. – Мостки убрали.

У Анжелики подогнулись колени. Она упала, склонившись над этой черной ямой, поглотившей ее сына.

– Флоримон! – позвала она глухим, каким-то чужим голосом.

Из пропасти на нее веяло запахом пещеры и мокрых камней. В ответ прозвучало только эхо перестраиваемого дворца.

– Флоримон!

Стражник пытался разогнать потемки слабым огоньком огнива.

– Ничего не видно. Если он упал, то лежит там, внизу. Надо бы сходить за лестницей и веревками. Да и за светом. Господин аббат, поддержите ее, а то и она свалится. Ну-ка, мадам. Пойдемте. Вам помогут.

Анжелика, спотыкаясь, спустилась по проклятой лестнице, терзаемая мучительной болью.

«Они убили моего сына... Сыночек мой, моя гордость... Маленький болтун замолчит... Флоримон не знал...»

Стражник и аббат Ледигьер усадили ее на банкетку в темном

вестибюле. Нааман пронзительно вскрикивал, как птицы – предвестники несчастья.

Из перпендикулярного коридора, ведущего на Мраморный двор, вышла служанка с канделябром на шесть свечей.

– Вам плохо, мадам? У меня в кармане есть флакон с нюхательной солью.

– Ее сын свалился со строительных лесов, – объяснил стражник. – Оставайтесь здесь со своими свечами, девушка. Я схожу за помощью.

Но Анжелика вдруг выпрямилась.

– Слушайте! – воскликнула она.

Выражение ее лица заставило замолчать даже Наамана. И тогда стало слышно, что вдалеке кто-то быстро бежит, что повсюду стучат маленькие ножки в туфлях на красных каблучках. И из коридора, откуда только что вышла служанка, показался раскрасневшийся Флоримон, бегущий как выпущенная стрела. Он пробежал бы мимо, даже не заметив их, если бы стражник не успел преградить ему путь алебардой.

– Пустите! Пустите! – закричал Флоримон, отбиваясь. – Я опаздываю передать на кухню поручение месье де Карапера.

– Остановитесь, Флоримон! – воскликнул аббат Ледигьер, пытаясь удержать его дрожащей рукой. – Эта лестница опасна. Вы умрете, если...

Он побледнел и опустился на банкетку рядом с Анжеликой. В момент замешательства возникло опасение, что Флоримон погибнет у них на глазах от чрезмерного желания выполнить данное ему поручение. Стражник снова удержал его, сильной рукой схватив за воротник:

– Спокойно, мальчуган! Ведь говорят же тебе, что там опасно.

– Но будет поздно!

– Никогда не поздно, если рискуешь повстречаться с курносой^[23]. Успокойся, малец, и благодари Пресвятую Деву и своего ангела-хранителя.

Флоримон, еще не отдышавшись, объяснил, что произошло. Он добежал до этого места, когда встретил его светлость герцога Анжуйского, третьего королевского сына восемнадцати месяцев от роду, в жемчужно-золотистом чепчике, в кружевном воротнике и с орденской лентой Святого Людовика на черном бархатном платице. Он сбежал от кормилиц и теперь, как заблудившийся ангелочек, бродил с яблоком в руке по лабиринту своего огромного дворца.

Флоримон, сама обязательность, подхватил на руки толстенького королевского карапуза и вернул его в лоно семьи. Покои дофина, его братьев и сестры находились далеко. В то время как Анжелика без сил склонялась над мрачной пропастью, Флоримон выслушивал благодарности

от взволнованных гувернанток, кормилиц и нянек его светлости. Потом, оставив их делиться радостью, он поспешно отправился выполнять свое поручение.

Анжелика посадила его на колени и прижала к себе. В голове теснились несвязные мысли:

«Если бы и он оставил меня вслед за Кантором, я не смогла бы жить... Исчезло бы все, что связывало меня с тобой, любовь моя. О! когда же ты вернешься, чтобы спасти меня?»

Анжелика не понимала, к кому в тайниках своего взволнованного сердца она обращалась. Она никогда не забудет обманчиво ласковых сумерек Версаля, когда маленькие черные ручонки раба вцепились в ее платье: «Медама, твой сын умрет...»

Она поискала взглядом Наамана. Он исчез. Теперь, когда мессир Флоримон был жив-здоров, он поспешил вернуться к своей хозяйке, к *той*. Конечно, за свою отлучку он поплатится несколькими пощечинами от ее руки в кольцах.

Служанка сходила за вином и бокалами. Анжелика заставила себя выпить, хотя ее горло сжималось от нервных рыданий.

– И вы тоже выпейте, – сказала она. – Выпейте, славный воин. Без вас и вашего огнива мы, возможно, тоже свалились бы в яму.

Стражник залпом выпил протянутый ему бокал.

– Не откажусь, потому что все во мне кипит. Понять не могу, почему убрали мостки. Надо будет сообщить об этом моему капитану, чтобы он сделал замечание руководителю стройки.

Анжелика дала ему и служанке по три золотые монеты.

Крепко держа Флоримона за руку, вместе с аббатом и пажом она вернулась в свои апартаменты, где снова лишилась сил.

«Они хотели убить моего сыночка!»

У нее вдруг возникла мысль.

– Флоримон, кто послал тебя с распоряжением на кухню?

– Месье де Карапер, служитель королевского стола. Я хорошо его знаю.

Молодая женщина провела рукой по влажному лбу.

«Узнаю ли я когда-нибудь правду?»

Она слышала, как в соседней гостиной Морис де Ледигьер тихо рассказывал о происшествии подошедшему Мальбрану Укол Шпаги.

– И этот де Карапер не предупредил тебя, что лестница Дианы разрушена и что по ней давно уже не ходят?

– Нет.

– Он, должно быть, тебя предупредил, но ты просто прослушал?

– Нет, неправда, – обиженно возразил Флоримон, – он даже сказал: «Беги по лестнице Дианы. Ты знаешь эту дорогу. Так ближе до кухни».

«Как узнать, не лжет ли он, чтобы оправдаться?» – подумала Анжелика.

Но наваждение не проходило. «Они хотели убить моего сыночка. Мостки убрали...»

Что делать? Что подумать?

В этот час сомнений и опасности она могла рассчитывать лишь на совет и защиту слуг с небогатым воображением, негрятят и карлика. Ей казалось, что весь мирок Версаля, суевающийся в тени сильных мира сего, нашептывал: «Берегись!» И ей захотелось довериться этой животной интуиции.

– Что же мне делать? – спросила она, взглянув на Мальбрана.

Все-таки это был пожилой и опытный человек. Седина говорила о мудрости, которая накапливалась не один год. После того как аббат Ледигьер восстановил ход событий, кустистые брови Мальбрана оставались нахмуренными.

– Мы должны вернуться в Сен-Клу, мадам. В доме Месье малыш будет в безопасности.

Анжелика усмехнулась с усталым жестом:

– Кто бы мог подумать, что однажды... Но действительно, это так. Думаю, что вы правы.

– Главное, чтобы он ни на шаг не приближался к этому Дюшену.

– Вы полагаете, что все идет оттуда?

– Руку даю на отсечение, что это так. Но пусть он будет уверен: однажды я доберусь до него и изрублю на котлеты!

Флоримон тоже начал понимать, что только что избежал покушения, и преисполнился гордости.

– Это потому, что я сказал королю, что не солгал про месье Дюшена. Пикар, слуга, который показывал королю фрукты, должно быть, меня услышал и пересказал Дюшену.

– Но ведь послал тебя на кухню месье де Карапер.

– Месье де Карапер подчиняется Дюшену. Ах! Он уже боится меня, этот строгий месье Дюшен!

– Когда же ты поймешь, что нельзя болтать направо и налево? – спросила Анжелика. Поначалу она расцеловала его, а теперь едва сдерживалась, чтобы не дать ему пощечину. – Ты представляешь, что мог бы в данную минуту лежать там, внизу, с переломанными руками и

ногами?

– Я умер бы, – философски отвечал Флоримон. – Подумаешь! Это с каждым случается. И я встретился бы там с Кантором. – Он задумался и продолжил: – Но нет, Кантор не умер.

Вошли две служанки, Тереза и Жавотта. Они принесли бальное платье мадам.

– Уведите его, – сказала Анжелика воспитателю. – У меня натянуты нервы. Я не знаю, на каком я свете. Следите за ним и никуда от себя не отпускайте.

Едва только ребенок вышел в сопровождении аббата и Мальбрана, как ей захотелось их вернуть.

«Я схожу с ума. Но если бы только я была уверена...»

Она попросила Терезу налить ей рюмку водки. Но вдруг заколебалась. А если водка отравлена? Но все же она выпила, и ей показалось, что ситуация немного прояснилась.

«Если бы я была уверена, я бы действовала».

На память пришли рассуждения Баркароля. Убрать Дюшена было бы нетрудно. Этим занялся бы Мальбран Укол Шпаги или бандит, которому хорошо заплатят. А если ей удастся подкупить кого-нибудь из свиты мадам де Монтеспан, то она будет хотя бы в курсе, что ей угрожает. Она подумала о Дезёйе, доверенной даме Атенаис. Дезёйе слыла продажной. А сама Анжелика однажды заметила, что девушка плутует в картах.

После второй рюмки водки Анжелика смогла танцевать и улыбаться, но, когда поздно вечером, после легкого ужина у королевы, она вернулась в свои апартаменты, ее страх усилился и стал невыносимым. Ей казалось, что в комнате кто-то есть. Она повернула голову и едва не закричала от ужаса. Из темного угла комнаты на нее пристально смотрели два черных как уголь глаза. Там, словно кошка, подстерегающая мышь, пряталось какое-то существо.

– Баркароль!

Карлик смотрел на нее с напряженным и почти свирепым выражением лица.

– Колдун пришел в Версаль вместе со своей кумушкой, – выдохнул он хрипло. – Ты должна кое-что знать, если дорожишь своей шкурой.

Анжелика пошла за ним через потайную дверь, которую когда-то показал ей Бонтан. У Баркароля не было свечи, он, как зверь, прекрасно видел и в темноте. Анжелика спотыкалась и наталкивалась на стены узкого потайного хода. Она шла согнувшись, нащупывая рукой путь, с

ощущением, что заживо замурована.

– Это здесь, – сказал Баркароль.

Она услышала, как он скребет ногтями, что-то отыскивая в деревянной обшивке.

– Я покажу тебе это, сестричка, потому что ты одна из наших. Но берегись. Что бы ни случилось, что бы ты ни увидела или ни услышала, ты должна молчать.

– Можешь на меня положиться.

– Даже если окажешься свидетельницей преступления? Самого страшного преступления, какое только можно вообразить?

– Я не дрогну.

– Если не устоишь, мы оба умрем.

Раздался едва уловимый щелчок, и в темноте обозначилась светлая полоска приоткрывшейся двери. Анжелика припала глазом к появившейся щелке. Сначала она ничего не поняла. Потом, понемногу, в странном тумане с резким запахом разглядела обстановку комнаты, в которой горели три большие свечи. Затем она услышала пение, похожее на церковное. В комнате двигались какие-то тени. Мужчина с огромным молитвенником в руках, сидя на корточках в нескольких шагах от потайной двери, монотонно бормотал, как пьяный пономарь, раскачиваясь взад и вперед. Из облака воскурений, поднимающихся из каминов, появился человек высокого роста. Анжелика почувствовал, как холодный пот заструился по ее телу.

Никогда в жизни, подумала она, не приходилось ей видеть более страшного человека. Священник, потому что он носил что-то вроде белой ризы, расшитой черными шишками. Очень старый, несмотря на быструю походку. О старости свидетельствовали и какие-то внутренние сбои, проявлявшиеся на одутловатом багровом лице узлами фиолетовых сосудов. Казалось, что восставший из могилы труп, осмелившийся ступить в мир живых, разлагается на глазах. Его голос, словно исходящий из сырой пещеры, срывался старческой дрожью, но вместе с тем в нем звучала удивительная властность. Один глаз с юрким зрачком косил, и казалось, что он за всем следит, все видит и проникает во все тайны.

Анжелика узнала в одной из коленопреклоненных перед ним женщин гадалку Катрин Монвуазен и поняла смысл разыгрывающейся пред ней сцены.

Она в изнеможении отстранилась и оперлась о стену.

Баркароль схватил ее за руку и сильно сжал. Он прошептал:

– Успокойся и ничего не бойся. Они не знают, что ты здесь.

– А дьявол узнает: это ведь нечистая сила, – пролепетала Анжелика, стуча зубами.

– Дьявол ушел. Смотри, церемония заканчивается.

Подошла еще одна женщина и встала на колени. Она приподняла покрывало, и Анжелика узнала мадам де Монтеспан. От изумления она на мгновение позабыла свой страх. Атенаис, такая образованная, такая гордая, с телом богини, как она осмелилась принять участие в этой мрачной пародии на мессу!

Священник протянул ей книгу, на которую маркиза положила свои белые ручки в сверкающих кольцах. Дрожащим голосом ученицы она произнесла молитву:

– Во имя Астораха и Асмодея, князей, ведающих привязанностями: я прошу привязанности короля и монсеньора дофина, да продлится она, да будет королева бесплодна, да покинет король ради меня и ложе ее, и стол ее, да погибнут мои соперницы...

Анжелика с трудом узнавала ее. Женщина, введенная в заблуждение, запутавшаяся из-за своей страсти в хитросплетениях ужасного действия, истинного смысла которого она уже не понимала.

Голубоватые испарения сгустились, смешавшись с резким запахом ладана, потом рассеялись, превратившись в легкие облачка, которые таяли, обволакивая лица и придавая им неясное выражение и бесплотность кошмарного сновидения.

Певчий умолк, закрыл книгу и поднялся. Почесываясь, он ожидал, пока не разойдутся присутствующие.

Прозвучал вопрос, заданный голосом мадам де Монтеспан:

– Сорочку принесли?

– Правда, где сорочка! – воскликнула, поднимаясь с колен Ла Вуазен. – За те деньги, что вы заплатили, мадам, уж мы не посмели бы ее забыть. Это надежное средство, вы мне потом расскажете. Она в корзине у моей дочери. Марго, принеси корзину.

Из тумана возникла девочка лет двенадцати, она поставила корзину на ковер и с бесконечными предосторожностями вынула из нее ночную сорочку из розовой вуали с тончайшей серебряной вышивкой.

– Смотри не прикасайся к ней руками, – предупредила ее мать. – Возьми листья платана, которые я туда положила...

В своем тайнике Анжелика до крови закусала кулак. Она увидела в руках этой вредной девчонки одну из своих любимых сорочек.

– Тереза! – раздался голос.

Подошла служанка Анжелики. На ее смуглом наглom лице застыло

туповатое самодовольное выражение – она сознавала важность своей роли.

– Возьмите это, дочь моя, – сказала Ла Вуазен. – Но осторожно. Постоите, я вам тоже дам листья платана, чтобы держать сорочку, они вас уберегут... Не закрывай корзину, Марго, мы туда и это положим... ты знаешь что.

Она отошла вглубь комнаты и вернулась, держа маленький сверток, завернутый в белую тряпку, на которой расцветали кровавые пятна.

Анжелика зажмурилась, прижав обе руки к груди, чтобы удержать крик ужаса, рвавшийся с ее губ: «Убийцы! Негодяи! Чудовищные убийцы!» Перед ее глазами пылающими буквами вспыхнуло признание Мари-Агнес: «Они пронзили ему сердце длинной иглой...»

У нее не было больше сил на это смотреть. Послышался шум: ризницу приводили в порядок, гасили свечи, раздавался звук передвигаемых серебряных сосудов.

Глухой, замогильный голос священника произнес:

– Смотрите, чтобы часовые не заглянули в корзину.

Ла Вуазен ответила со смешком:

– Не о чем беспокоиться. При всех моих здешних покровителях, стражники мне кланяются, когда я прохожу мимо.

Вдруг наступила тишина. Анжелика открыла глаза. Кругом было темно. Баркароль уже закрыл дверь.

– Мы теперь немало узнали. Да и ты больше просто не выдержишь. Драпаем. Еще застукает эта крыса Бонтан, который всюду вынюхивает по ночам.

Вернувшись в апартаменты Анжелики, он встал на цыпочки, чтобы дотянуться до бутылки сливовой водки, и налил две рюмки.

– Выпей-ка. Ты бледна как полотно. Я-то привычный. Еще бы, я ведь два года служил привратником у Ла Вуазен. Я хорошо ее знаю. Я всех их знаю. О! Она-то неплохая женщина. Она многое умеет, особенно по части хиромантии и физиогномики. Она изучала их с девяти лет. Она мне говорила, что те, что приходят погадать по руке, обычно в конце признаются, что хотели бы от кого-нибудь избавиться. Поначалу она отвечала, что люди, от которых они хотели отделаться, умрут, когда Господь того пожелает. И тогда ей говорили, что она не очень ученая. Теперь она действует иначе. И стала богатой! Ха! Ха!

Баркароль выпил, прищелкнул языком и налил еще.

– Вот эта сорочка меня беспокоит. Она твоя, что ли?

– Да.

– Так я и думал. Я насторожился, когда увидел на этом шабаше

Терезу, твою служанку. Совершенно точно, что Монтеспаниха все так же хочет отправить тебя туда, откуда не возвращаются. Она снова заплатила Ла Вуазен, чтобы та изготовила для тебя одно из ее зелий. Я знаю, что гадалка ездила недавно в Овернь и в Нормандию, чтобы узнать секреты ядов, которые не оставляют следов.

– Теперь я предупреждена и не попадусь в ловушку. И к тому же я знаю, с кем посоветоваться.

Она покорно выпила вторую рюмку.

– А тот, второй священник, кто это? – спросила Анжелика.

– Аббат Гибур. Он из прихода Сен-Марсель в Сен-Дени. Трудится во славу дьявола. Это он обездвигивает младенцев, чтобы пить из них кровь.

Анжелика собралась с силами и тихо сказала:

– Замолчи!

– У Ла Вуазен есть печь, где она сожгла не менее двух тысяч недоношенных или обездвиженных детишек.

– Замолчи!

– Дивный мир, верно, маркиза? И какие прекрасные связи! Ты видела того, кто распевал псалмы, – он сидел как раз возле нас? Это Лезаж, «великий автор» колдуньи. Похоже, что мадам де Ла Рош-Гийон крестная мать его дочери. Ху! Ху! Ху!

– Замолчи! – вне себя закричала Анжелика.

Она схватила с консоли статуэтку и запустила в его сторону. Статуэтка разбилась о стену. Баркароль сделал пируэт и с хохотом бросился к двери. Она слышала, как в коридоре стихает его визгливый смех.

Когда на следующий вечер Тереза вошла в спальню с розовой сорочкой из тонкой вуали, Анжелика сидела в пеньюаре за туалетным столиком. Она поглядывала в зеркало на служанку, которая с предосторожностями разложила сорочку на кровати, потом поправила подушку и отогнула на ночь одеяло.

– Тереза!

– Госпожа маркиза?

– Знаешь, Тереза, я очень довольна твоими услугами.

Девушка вздрогнула и поклонилась с вымученной улыбкой:

– Госпожа маркиза, я очень рада.

– И я хотела бы сделать тебе маленький подарок, ты его вполне заслужила. Ты ведь кокетка, поэтому я подарю тебе ту сорочку, которую ты только что принесла. Возьми ее.

Наступила тишина. Анжелика обернулась. Посеревшее лицо девушки подтверждало страшную догадку.

В порыве гнева Анжелика резко вскочила.

– Бери ее, – глухо повторила она сквозь стиснутые зубы. – Бери!

Она подошла к служанке. Ее глаза сверкали как изумруды.

– Ты не хочешь ее взять? Ты не хочешь ее взять? *А я знаю почему!*
Покажи руки, проклятая!

Растерявшаяся Тереза выронила скомканные листья платана, которые она прятала в руках.

– Листья платана! Листья платана! – завопила Анжелика, топча их каблуками.

Она со всей силы начала хлестать девушку по щекам, раз, другой, третий, так что у той моталась голова при каждом ударе.

– Убирайся! Убирайся! Я тебя выгоняю. Убирайся к дьяволу, своему хозяину!

Прижав руки к щекам, Тереза выскочила из спальни с громкими воплями.

Анжелика осталась одна. Ее била дрожь.

Через некоторое время появилась Жавотта с подносом с легкой закуской на ночь. Она застала Анжелику все так же стоящей посреди комнаты, ее взгляд был устремлен в пустоту.

Служанка молча расставила на ночном столике варенья, булочки из Гонесса и графин с прохладительным напитком.

– Жавотта, – вдруг спросила Анжелика, – ты все еще любишь Давида Шайу?

Девушка покраснела, и ее серые добрые глаза широко раскрылись.

– Мы уже давно не виделись, госпожа маркиза.

– Но ты ведь все еще его любишь, да?

Жавотта вздохнула и опустила голову:

– Да. Но он почти не замечает меня, госпожа маркиза. У него ресторан и шоколадная лавка, он превратился в важного господина. Говорят, он собирается жениться на дочери нотариуса.

– На дочери нотариуса! Зачем ему, дураку, это надо? Ему нужна такая девушка, как ты. Вот ты и выйдешь за него замуж.

– Я для него недостаточно богата, мадам.

– Ты станешь богата, Жавотта. Я дам тебе приданое. Я дам тебе ренту в четыреста ливров. И все приданое. У тебя будут простыни, сорочки из батиста, произведенного в Камбре, камчатные скатерти... Ты станешь такой завидной партией, что этот молодой коммерсант снова очаруется

твоими розовыми щечками и прелестным носиком. Я помню, что он к ним неравнодушен.

Служанка подняла на нее восхищенный взгляд:

– Вы все это сделаете для меня, мадам?

– Да чего только я для тебя не сделаю, Жавотта! Ты давала поесть моим малышам, когда кормилица из Нёйи бросила их умирать голодной смертью.

Она обняла круглые плечи, обтянутые муслиновой косынкой, и ощутила прилив спокойствия от соприкосновения с этим юным телом.

– Но ты осталась умницей, Жавотта?

– Я делала что могла, мадам. И молилась Святой Деве. Но вы ведь знаете... Здесь такие нахальные лакеи и эти добрые господа, которые строят вам глазки. Иногда бывает так трудно... И конечно, случалось, я позволяла себя поцеловать... Но ни разу не согрешила.

Анжелика прижала ее еще крепче, восхищаясь стойкостью этой сироты, заброшенной в огромный развратный Версаль.

– Ты помнишь, Жавотта, тот вечер, – прошептала она, – когда мы переехали в маленький домик на улице Фран-Буржуа? Ах! Как мы радовались! Я подарила Флоримону деревянную лошадку, а малышу Кантору... кажется, волчок.

– Нет, раскрашенные деревянные яйца – одно в другом.

– Правильно. Мы приготовили блинчики. И когда мимо проходил чиновник, выкрикивающий имена недавно умерших, я вылила ему на голову кувшин воды, чтобы он не портил нам праздника своими воплями.

Она тихонько рассмеялась, но ее глаза наполнились слезами.

– К счастью, это была не ты, Жавотта! К счастью, это была не ты! Я бы этого не перенесла. А теперь иди, девочка. Завтра я отправлю тебя в Париж, повстречаешься со своим Давидом Шайу, и скоро вы поженитесь.

– Должна ли я помочь мадам раздеться? – спросила Жавотта, потянувшись к розовой сорочке.

– Нет, не надо. Иди, иди же. Я хочу остаться одна.

Жавотта послушно ушла, бросив украдкой взгляд на бутылку водки, чтобы удостовериться, не уменьшилось ли резко ее содержимое. В последнее время такое бывало часто.

Глава XLVIII

Франсуа Дегре, лейтенант полиции, помощник генерал-лейтенанта господина де Ла Рейни, проживал уже не на Новом мосту, а в одном из современных особняков Сен-Жерменского предместья.

Анжелика постучала в дорожную дверь строгого вида и, перейдя двор, где нетерпеливо били копытами две оседланные лошади, вошла в маленькую приемную. Она прибыла сюда в портшезе, чтобы по дороге ее никто не узнал. Двор отправился во Фландрию провожать Мадам, которая отплывала в Англию, и Анжелика воспользовалась этим. В ответ на приглашение участвовать в проводах она попросила короля освободить ее от путешествия. Влюбленность Людовика XIV дошла до той стадии, когда он готов был согласиться на что угодно, пусть даже и в ущерб собственным интересам. Получив свободу, Анжелика рассчитывала организовать свою защиту.

Стоял долгий весенний вечер, и ласточки вились в небе над Парижем. Умиравший день окрашивал приемную золотыми отблесками. Но безмятежность в природе не внесла успокоения в терзания Анжелики. Ее руки постоянно ощупывали небольшой сверток, лежавший на коленях.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец бывшие перед ней посетители разошлись. Она услышала голоса в вестибюле, потом, через какое-то время, за ней пришел слуга и провел на второй этаж, где находилось полицейское бюро.

Анжелика заранее обдумала, как вести себя со старинным другом, с которым так давно не встречалась. Она пришла под влиянием охватившего ее страха и испытывала желание броситься ему на шею. Но, поразмыслив, решила, что положение маркизы не позволяет ей обнимать человека, который тянет служебную лямку, поддерживая порядок среди отбросов парижского общества. Уместно было держаться со слегка отстраненной вежливостью. Она продумала и свой туалет. Скромный, но дорогой.

Когда Дегре встал из-за длинного рабочего стола, она поняла, что и речи не могло быть о том, чтобы броситься на шею чиновнику в парике, одетому безукоризненно, начиная с прекрасно завязанного шейного платка и кончая пряжками на туфлях. В костюме из шерстяного эпонжа табачного цвета он выглядел немного погрузневшим, но все еще очень красивым мужчиной. Нескладные манеры вечно недоедающего клерка сменило сдержанное поведение, за которым по-прежнему угадывалась сила.

Анжелика протянула ему руку. Он поклонился, не поцеловав руки.

Они сели, и Анжелика тотчас приступила к сути своего визита, чтобы не допустить каких-нибудь слишком личных воспоминаний, которые упрямо возникали.

Она сказала, что одна подруга предупредила ее о готовящемся против нее заговоре и что враги, чтобы ее погубить, обработали сорочку. Не зная, насколько можно доверять такому вздору, она пришла за советом. Дегре быстро развернул пакет. Потом он взял со стола что-то вроде щипцов и развернул сорочку при свете только что зажженных свечей.

– Вы, вероятно, очаровательно в ней выглядите, – заметил он с улыбкой и прежними интонациями.

– Я предпочитаю себя в ней не видеть, – возразила Анжелика.

– С этим, должно быть, не все согласятся.

– В частности, мои враги.

– Я не имел в виду ваших врагов. Эта сорочка кажется совершенно безобидной.

– Но я говорю, что в ней кроется подвох.

– Пустая болтовня! У вашей подруги слишком богатое воображение. Если бы вы сами что-нибудь видели или слышали, тогда другое дело.

– Но я...

Анжелика вовремя осеклась. Она не хотела, чтобы ее вынудили называть имена и вмешивать в это дело любовницу короля. Скандал мог затронуть очень важных персон. Перед ними она оставалась бессильной. И тогда ей показалось, что двор представляет собой замкнутый мир и что полицейским, этим неучам низкого звания, нечего вмешиваться в его драмы, что не им заниматься улаживанием счетов в этом закрытом обществе. Она не права, нарушая это молчаливое соглашение. Нужно защищаться самой или умереть. Одним прекрасным утром в Сен-Клу ей ясно объяснила это Мадам. Но отступить было поздно. У Дегре пробудилось любопытство. Она поняла это по особому блеску его глаз под прикрытыми веками. И она уверенно заявила:

– Ну что ж! В конце концов, возможно, вы и правы. Мои страхи не основаны на чем-то конкретном. Глупо так вести себя.

– Ну уж нет! У нас правило: никогда не пренебрегать даже самым слабым дымком. Иногда колдуньи знают необыкновенные секреты. Они гнусное отродье, и нам не терпится избавиться от них Париж. Я займусь этим миленьким дельцем.

С ловкостью фокусника он сложил и спрятал сорочку. На его губах заиграла неопределенная улыбка.

– У вас когда-то были сложности с Обществом Святых Даров. Ваша бесстыдная жизнь возмутила этих всевластных богомольцев. Они поклялись вас погубить. Но получается, что у вас есть и другие враги?

– Вынуждена признать.

– Выходит, вам не удалось угодить ни Богу, ни черту?

– Вот именно.

– Зная вас, я не удивляюсь. Вы никогда ничего другого и не делали.

Анжелика помрачнела. Она уже отвыкла, чтобы люди ниже ее по социальному положению разговаривали с ней с такой фамильярностью. И она ответила:

– Это мое дело. Все, что я желаю знать, – это не угрожает ли мне опасность и какого характера.

– Желание госпожи маркизы будет исполнено, – заверил Дегре, низко кланяясь.

Через две недели ей доставили в Версаль письмо. Анжелике трудно было освободиться, но при первой возможности она отправилась к Дегре.

– Ну, – спросила она с нетерпением, – все оказалось шуткой?

– Возможно. Но единственное, что можно утверждать, – что это плохая шутка.

Полицейский взял со стола рапорт и прочел:

«Исследовав сорочку, мы установили, что она пропитана не видимым простым глазом неизвестным ядовитым составом, предназначенным воздействовать на самые интимные части тела, который вызывает болезнь, внешне схожую с венерической, распространяющуюся в крови и вызывающую гнойные раны по всей коже. Затем болезнь достигает мозга, провоцируя бред, беспмятство и смерть. Развитие этих симптомов необычайно быстрое, и смерть наступает в короткий промежуток времени, не превышающий десяти дней». Подписано одним из присяжных медиков больницы Бисетр.

Молодая женщина застыла с открытым ртом и вытаращенными глазами.

– Вы хотите сказать, что... – пролепетала она. – Но как вы узнали о действии этого яда? Не хотите же вы сказать, что надели ее на живую женщину?

Дегре жестом показал, что оставляет без внимания эту подробность.

– В Бисетре много сумасшедших, которым нечего терять. Не удивляйтесь. Просто запомните, что смерть одной из этих несчастных подтверждает злонамеренность ваших врагов и показывает, какую судьбу

вам уготовили: вы должны были умереть в короткий срок в позорных и страшных мучениях.

Он выдержал паузу. Анжелика чувствовала себя сраженной. Она не находила слов, да и что можно было сказать? Она машинально поднялась. Дегре обошел стол и встал перед ней:

– Кто из дам ваш враг или кто та колдунья, которой она заплатила?

– Честно говоря, не знаю.

– Вы не правы.

Ее поразили требовательный, непреклонный тон полицейского. Ведь она жертва, а не обвиняемая.

– Господин Дегре, ваша любезность сослужила мне большую службу. Естественно, я оплачу все расходы, связанные с расследованием.

На лице Дегре проступила язвительная улыбка, не затронувшая глаз.

– Я еще не знаю, в какую сумму можно оценить человеческую жизнь и неделю агонии. Я подсчитаю. Но пока вы должны проявить уважение к полиции, мадам. Господин Ла Рейни поручил мне сказать, что он непременно должен вас видеть.

– Я зайду с ним повидаться, как только представится случай.

– Случай уже представился, – заявил Дегре и, сделав два шага, открыл дверь.

Вошел Ла Рейни. Анжелика уже встречалась с генерал-лейтенантом полиции. Она уважала этого чиновника магистрата, о котором говорили как о человеке в высшей степени добропорядочном и наделенном большими способностями. Ему не было и сорока лет. Взгляд выдавал уравновешенность, силу и ясность ума. В складках рта, обрамленного небольшими темными усиками, таилась доброта. Но в своем темном прошлом Анжелика научилась опасаться доброты полицейских. Этого она боялась больше всего. Ла Рейни показался ей более опасным противником, чем Дегре.

Он поцеловал ей руку и услужливо подвел к креслу, с которого она только что встала. Сам он занял место Дегре, который остался стоять, опершись обеими руками о стол и не спуская глаз с молодой женщины.

– Мадам, – сказал чиновник, – я глубоко взволнован этим ужасным покушением, жертвой которого вы едва не стали. Мы приложим все силы, чтобы защитить вас. Если будет необходимо, я доложу королю, чтобы мне предоставили все полномочия.

– Нет! Ради бога, не докучайте королю этой историей.

– На карте ваша жизнь, мадам. Король проявит недовольство, если я не найду ваших врагов. Расскажите, как все случилось.

Едва слышно Анжелика повторила ему те же объяснения, что и Дегре.

– А имя этой персоны, которая вас предупредила?

– Я не могу ее назвать.

– Но нам совершенно необходимо ее допросить.

– Мадам дю Плесси-Бельер не может ее назвать, – сладким голоском заметил Дегре, – потому что ее не существует. Мадам дю Плесси узнала об опасности, лично что-то увидев или услышав. Но она не хочет об этом говорить.

– Но какой вам интерес это скрывать, мадам? – вполне резонно поинтересовался Ла Рейни. – Вы можете быть абсолютно уверены в нашем молчании.

– Я ничего не знаю, господин генерал-лейтенант. И даже не уверена, что смогла бы снова встретиться с персоной, которая меня предупредила. Мне неизвестно, где она проживает...

– Госпожа маркиза лжет, – вмешался Дегре. – У нее даже в горле пересохло.

Он принес поднос с двумя бокалами и бутылкой. Анжелика в полной растерянности взяла бокал, потому что ей действительно требовалось обрести хладнокровие. Не спеша отпила, разглядывая, как переливается на дне золотистая жидкость. Она размышляла. Полицейские терпеливо ждали.

– А я в свою очередь тоже спрошу вас, господин генерал-лейтенант, разве я заинтересована молчать, если бы и вправду что-то знала о том зле, которое мне хотят причинить?

– Вы не хотите говорить о той мерзости, в которой замешаны и в чем себя упрекаете, – жестко ответил Дегре.

– Господин генерал-лейтенант, ваш подчиненный злоупотребляет своими правами. Меня возмущает оказанный мне прием. Я полагаю, что вам известно о моем положении при дворе и об уважении, которое питает ко мне король.

Ла Рейни хранил молчание, и в его взгляде читалось глубокое знание человеческой души. Он тоже ей не верил.

– Так что же вам известно? – спросил он тихо.

– Это должны знать вы! – гневно воскликнула Анжелика.

Она нервно сжала в ладонях бокал и залпом проглотила содержимое. Дегре поспешил налить снова. Несмотря на волнение, Анжелика еще не осмеливалась уйти.

– Меня поражает, господин де Ла Рейни, что вы заступаетесь за своего грубого помощника. Я буду жаловаться королю.

Чиновник глубоко вздохнул:

– Король возложил на меня очень тяжелую задачу, которую я стараюсь исполнять как можно лучше. Утвердить порядок не только в городе, но и во всем королевстве, преследовать преступления, где бы они ни совершались. А здесь совершилось – или, по крайней мере, готовилось – преступление. И я располагаю вескими доказательствами. Я сам побывал в больнице Бисетр. Вы должны нам помочь, мадам, точно так же, как мы готовы помочь вам. Я повторяю: на карту поставлена ваша жизнь.

– Но я же сказала, что меня это мало волнует!

– У вас нет на это права... И еще меньше прав вершить правосудие самостоятельно.

Повисло тяжелое молчание.

– О колдуньях идет слишком много разговоров, – снова заговорил Ла Рейни. – До сих пор я хотел видеть в этих гадалках, или волшебницах, и в тех, кто им помогает, просто шутов, вымогающих деньги у бездельников, приходящих погадать по руке или с какой-нибудь другой подобной чепухой. Но теперь я начинаю подозревать, что всех их нужно называть иначе, и тех *и других*...

И он глухо прошептал:

– Возможно, это убийцы! Отвратительные убийцы!

Анжелика почувствовала холодный пот на висках. Дрожащей рукой отерла лицо. Она бросила на мужчин взволнованный взгляд.

– Говорите же, мадам, – ласково повторил Ла Рейни.

– Нет, я ничего не скажу.

Она замолчала, и Дегре наполнил ее рюмку.

– Не важно, – сурово сказал де Ла Рейни. – Вы не хотите говорить, но другие заговорят. Наступит день, и мы сдернем покровы...

Анжелика закинула голову и разочарованно и зло расхохоталась:

– Вам не удастся этого сделать, господин де Ла Рейни, это невозможно!..

Но спустя много лет наступит день, и де Ла Рейни войдет в кабинет короля и скажет, прикрывая глаза рукой:

– Сир, меня ужасают эти преступления.

Он откроет папку с расследованием того, что история окрестит «Делом о ядах», и там всплывут самые громкие имена Франции, и подножие трона будет запятнано грязью. Беспощадной рукой суровый чиновник сорвет золоченые покровы с жестоких душ и развращенных сердец. Но перед одним именем он все же будет вынужден отступить, перед тем самым именем, которое не назвала сегодня Анжелика, – перед именем мадам де Монтеспан.

И может быть, он тогда вспомнит эту испуганную женщину, прокричавшую с безнадежным смехом: «Невозможно!»

Анжелика, покачиваясь, встала. Этот напиток оказался чрезвычайно крепким, но Дегре ошибся, думая, что он развяжет ей язык. Напиток сделал ее молчаливой и упрямой.

Анжелика оперлась о стол. У нее заплетался язык.

– Макиавелли сказал, господа... Да, Макиавелли сказал: «Если бы люди были хорошими, то ты и сам мог бы быть хорошим и во всем следовать предписаниям Справедливости, но так как люди плохие, то и ты тоже часто должен оказываться плохим...»

Лейтенант полиции и его помощник обменялись взглядами.

– Оставим ее в покое, – сказал вполголоса Ла Рейни.

Он поклонился Анжелике, но она его не видела, так как на нетвердых ногах направлялась к выходу. Ее провожал Дегре. После того как она наткнулась на консоль и уперлась в запертую дверь, он довел ее до темного вестибюля.

– Будьте осторожны на лестнице, не свалитесь со ступенек.

Она уцепилась за перила и повернулась к нему:

– Ваше поведение возмутительно, господин Дегре. Я пришла к вам как к другу, а вы подвергли меня оскорбительному допросу, словно подозреваете в некоем проступке. В чем, скажите?

– В том, что вы покрываете тех, кто ищет вашей смерти. Вы полагаете, что полиция не должна вмешиваться в дела вашего мирка. Кто-то платит служанке, чтобы она подсыпала яд в питье соперницы, или лакею, чтобы он подстерег на углу улицы врага, от которого нужно избавиться.

– И вы подозреваете меня способной на такие дела?

– Если не вы, так «кто-нибудь из вашего же рода», как сказал бы этот славный баснописец Лафонтен, которому вы покровительствуете.

– И вы полагаете, что если я живу среди них, то стану как они?

И мысленно сразу поправилась: «Что я уже стала как они». Разве она не думала подкупить служанку, чтобы шпионить за Монтеспан? Или о том, чтобы послать Мальбрана Укол Шпаги убить Дюшена на выходе из Оперы?

Во взгляде Дегре читалось осуждение. И вдруг она увидела себя его глазами: один ее туалет и украшения стоили целого года жизни семьи ремесленника. Она великолепная маркиза дю Плесси, но, возможно, ее уже затронуло едва уловимое увядание из-за бессонных ночей и лихорадочной возбужденности праздников. У нее воспаленные веки слишком много пьющей женщины; румяна и пудра, которые по привычке накладываются с

каждым днем все гуще, так что они становятся нелепой маской комедиантки; у нее все громче и грубее голос, и чванство для нее стало уже привычным...

Она спустилась по лестнице, крепко сжав губы, чтобы не застонать.

«На помощь, Дегре, друг мой Дегре! На помощь, мое прошлое! На помощь, моя погибшая душа... Богатые меня не пожалеют! Нельзя, чтобы я вот так и ушла, с грузом драгоценностей на пальцах и на шее и со смертельным грузом одиночества на душе...»

В порыве отчаяния она обернулась к полицейскому и едва не споткнулась. Он еле успел ее удержать.

– Вы и впрямь пьяны в доску. Я не позволю вам спускаться ниже. Войдемте в комнату.

Крепко держа за локоть, он заставил ее подняться на несколько ступенек выше и насильно ввел в спальню. Она пробормотала:

– Это вы виноваты, паршивый тупица, вы и ваша сивуха, которую мне подсунули выпить.

Дегре высек огонь и зажег две свечи. Он поднес их к самому лицу Анжелики и с любопытством стал ее разглядывать. Уголки его губ подрагивали, словно он сдерживал непрощеную улыбку. Анжелика, закрыв рот рукой, боролась с неудержимой икотой.

– Что за выражения, маркиза! – вполголоса сказал полицейский. – Значит, мы возвращаемся к прошлому?

Анжелика яростно затрясла головой.

– Не думайте, что на том языке вы меня разговорите, – ответила она в несколько приемов. – Я не произнесу больше ни слова... Ни слова!

Дегре резко поставил подсвечник на консоль, словно воткнул кинжал. Он в волнении заходил по комнате:

– Мне, черт возьми, известно, что вы не скажете ни словечка. Но что же тогда делать?.. Как вас защитить? Пока мы будем искать след, найдем его, расставим ловушки, вас уже отправят в мир иной. Это действительно первое покушение, которому вы подвергаетесь? Должно быть, нет? Так в чем же дело? Что с вами?

– Ой, меня сейчас вырвет, – обессилев, простонала Анжелика.

Полицейский резко ее подхватил и придержал ей голову.

– Давайте! Вам станет легче. Плевать на ковры.

– Нет, – запротестовала она, справившись с позывом.

Она высвободилась и, бледная, с закрытыми глазами, оперлась о стену.

– О! Я хотела бы, чтобы меня вырвало! – повторила она тихо. – Я

хотела бы выbleвать всю свою жизнь. Они желают меня убить? Ладно, пусть убивают. Я хоть смогу уснуть, отдохнуть, больше ни о чем не думать.

– Только не это, – ответил Дегре.

Он свирепо сжал челюсти, подошел, взял ее за руку и сильно встряхнул:

– Вы этого не сделаете, да? Вы не сдадитесь! Ведь вы будете защищаться. Иначе вы погибнете, и вам это хорошо известно.

– Мне на все наплевать!

– Вы просто не имеете права. Именно *вы*. Вы не имеете права умереть. Куда подевалась ваша сила? Куда подевался ваш вкус к сражениям, ясность мысли, ваша жажда жизни и победы? Что вы со всем этим сделали? Неужели вы растеряли при дворе и это?

Он потряс ее, как будто хотел пробудить от тяжелого сна, но она, низко опустив голову, не реагировала. Он отошел на несколько шагов и со злостью посмотрел на нее.

– Черт побери! – выругался он. – Вот что сделали с Маркизой Ангелов. Воистину неплохая работа, есть чем гордиться. Спесивая, упрямая и к тому же еще и...

Ярость Дегре нахлынула на нее как мощный поток. Он принес в ощущение подавленности, в котором она находилась, свежую струю и невыразимое чувство радости. За жестким и корректным чиновником она почувствовала прежнего Дегре. Он неожиданно раскрылся во всем своем остроумии, в крутом характере, с язвительным и независимым умом, присущим только ему.

Еще не успокоившись, он продолжал ходить по комнате, исчезая в темных углах и неожиданно возникая на свету.

– А это? – спросил он, трогая бриллиантовое кольцо и жемчужный сотуар, украшавшие шею и грудь Анжелики. – Разве можно поднять голову, когда на вас навешано столько барахла? Ведь это весит сотню фунтов! Тогда не надо удивляться, что спина сгибается, что ползают на коленях или стелются по полу... Снимайте-ка все это. Не хочу больше этого видеть.

Его ладони легли ей на затылок в поисках застежки кольца, которое он снял и бросил на комод. Он снял подвеску, слегка растрепав ей волосы. Затем он взял ее за руки, по очереди снял все браслеты и бросил их к маленькой сверкающей кучке. Эти действия успокоили его раздражение и даже начали забавлять.

– Клянусь Вечным Отцом, покровителем всех блатных, у меня задатки

парижского бандита. И-и-и, вот барахлишко, ребятки! Вперед, за краденым!

Когда он коснулся ее щеки, вынимая из ушей длинные серьги, она вдохнула запах табака, которым пропахли его сильные ладони. Длинные ресницы Анжелики дрогнули. Она подняла глаза и увидела совсем рядом напряженный взгляд полицейского, в котором отражалось позабытое прошлое. Этот взгляд уводил ее в далекий осенний день, когда в маленьком домике на мосту Нотр-Дам он странным образом сумел спасти ее от отчаяния и оживить надежду. Теплые мужские руки, немного жесткие, долго ласкали ее обнаженные плечи.

– Вот! Так гораздо легче, правда?

Анжелика ощутила неожиданную дрожь, трепет животного, проснувшегося после долгого сна. Его ладони сжались сильнее.

– Я ничем не могу вас защитить, – тихо сказал Дегре глухим голосом, – я только могу попытаться вернуть вам мужество. И думаю, что только я могу это сделать. Как раз на это я способен, если память мне не изменяет.

– Зачем? – устало возразила она.

Она чувствовала себя измученной, и все ей внушало страх.

– Когда-то мы были друзьями. Сейчас мы не узнаем друг друга.

– Можно познакомиться.

Он обхватил ее руками за талию, поднял и сел в кресло, усадив ее на колени, как куклу в широком колоколе длинной юбки.

Ее глаза, устремленные в пустоту и не замечающие ничего вокруг, причиняли ему страдания.

«Ну и дела!» – думал он. Но она была рядом, возникая из небытия, и он снова обретал ее.

Обретал через череду минувших лет. Почему она вернулась? И под наплывом невысказанных чувств он позвал ее:

– Маленькая моя.

Этот возглас пробудил Анжелику, вернул на поверхность. Она вскинула голову и взглянула ему в лицо. Дегре, побежденный нежностью! Обезоруженный Дегре! Немыслимо! Она видела его блестящие черные глаза рядом с собой.

– Только один час, – прошептал он, – ради одной-единственной женщины в своей единственной жизни, – неужели полицейский не может себе этого позволить? Всего один час быть слабым и глупым!

– О-да, – вдруг откликнулась она. – О! прошу вас, пусть будет так.

Она закинула руки ему на шею и прижалась щекой к его щеке:

– Как мне хорошо с вами, Дегре! О! Как хорошо!

– Редкие лакомки пели мне этот припев, – проворчал Дегре. – Лапочки предпочитали других. Но ты ни на кого не похожа!

Он упрямо прижимался к ее теплой щеке, вдыхая с закрытыми глазами тонкий аромат, исходящий от ее кожи, от груди, стиснутой корсажем.

– Так вы меня не забыли, Дегре?

– Разве можно вас забыть?

– Вы ведь начали меня презирать...

– Возможно. И если бы даже и так, что это меняет? Здесь все та же ты, Маркиза Ангелов, в шелках, в атласе, увешанная тяжелыми золотыми побрякушками и бриллиантами.

Анжелика откинула голову назад, словно вновь почувствовала тяжесть своих цепочек. Напряжение не проходило, она тяжело дышала под тяжестью невыплаканных слез. Поднеся руку к жесткому корсету, она пожаловалась:

– Платье тоже тяжелое.

– Мы снимем и его, – успокоил он.

Вокруг нее сомкнулись надежные руки. Кошмар отступил. В эту минуту ее ничто не волновало.

– Нужно изгнать страх, – прошептал Дегре. – Страх влечет за собой поражение, ты не слабее других. Ты можешь все. Что еще может тебя испугать, если ты не побоялась выступить против принца нищих?^[24] Тебе не кажется, что было бы жаль уступить им победу? Стоят ли они таких усилий? Неужели они достойны получить в подарок смерть Маркизы Ангелов? Как бы не так! Я бы очень этому удивился. Они просто подонки в кружевах, ты и сама это знаешь. Нельзя пасовать перед таким сбродом.

Он разговаривал с ней совсем тихо, как с ребенком, которого вразумляют, одной рукой поддерживая ее, а другой методично расстегивая корсет и развязывая ленты юбок. Действовал он с уверенностью опытной горничной, что явно свидетельствовало о разнообразии любовных приключений полицейского Дегре. Вместе с тем создавалось приятное ощущение, что она находится в опытных руках.

Анжелика, на миг очнувшись от оцепенения, даже не успела задуматься, разрешит ли она ему это сделать, как уже оказалась полуобнаженной в его объятиях. Зеркало на стене отражало белизну тела на фоне голубого бархата и кружев, ворохом лежащих у ее ног.

– Вот она, прежняя красавица!

– Так я все еще красива, Дегре?

– Еще красивее, горе мое. Но у тебя холодный носик, глазки печальны и губки сжаты. Их мало целовали.

Дегре коротко поцеловал ее в губы. Он не спешил перейти в атаку, потому что чувствовал, что она сломлена, что неотвязные мучительные мысли мешают ей думать о любви. Но по мере того как она успокаивалась, его ласки становились все смелее. Он радовался, видя, как затравленное выражение сменяется несмелой улыбкой. Под ласками его горячих ладоней тело Анжелики изгибалось, она нежно припала к его плечу.

– Теперь стало получше, да, маркиза? И что же остается, когда спадают прекрасные наряды? Маленькая требовательная кошечка с зелеными глазками. Пухленькая курочка, откормленная на королевских харчах... Ты была когда-то совсем худенькой. Все косточки проступали под кожей... А теперь такая кругленькая. Вся мягонькая... Курочка! Голубка! Ну поворкуй же немножко. Ты ведь сама умираешь от желания.

Дегре оставался прежним Дегре. Под сукном его красивого мундира скрывались, как прежде под обтрепанным плащом, все то же сердце и та же мощная грудь. Его ладони оставались прежними, властными и чуткими. Они умели получить желаемое и, настойчиво этого добиваясь, довели ее почти до беспомощного состояния от нахлынувшего сладострастного наслаждения.

У него оставался все тот же чуть насмешливый, ястребиный взгляд, которым он следил за тем, как она постепенно теряла силы, забавляясь ее беспомощностью, любовной горячностью и признаниями, от которых она покраснела бы в другое время.

Наконец он перенес ее в альков в глубине комнаты, вдали от света свечей, и ее приятно окутал сумрак, прохлада незнакомой постели и безличность лежащего рядом мужского тела. Она провела рукой по поросшей волосками груди, вдохнула позабытый запах и, погрузившись в исступленный восторг, вспомнила, что Дегре был единственным любовником, не проявлявшим ни трепета, ни почтения, и что и сегодня вечером он вновь не проявит никакого почтения. И она, не противясь, уже начинала это ощущать. В силу некоего парадокса, который она не пыталась объяснить, мужчина, порой вызывавший ее возмущение и даже наводящий ужас, как любовник внушал ей полное доверие. Ей было с ним хорошо. Только он обладал неподражаемым мастерством ставить любовь и женщин на подобающее им место. На то прекрасное место, где его любовницы, не презираемые и не обожествляемые, чувствовали себя счастливыми, разделяя любовные утехы и языческие радости, от которых кровь становится горячее, тело живее и голова легче.

Она безудержно отдалась охватившей ее чувственности. Ее подхватил и понес опьяняющий поток. С Дегре можно было позволить себе быть прежней непосредственной Анжеликой. Разрешалось кричать, неистовствовать, говорить что угодно, глупо хохотать или рыдать.

Как истинный повелитель, он знал все способы, как пробудить и усилить у женщины желание и дать ей наслаждение. То он становился требовательным, то поощрял ее. В его объятиях Анжелика потеряла представление о времени. Он отпустил ее только тогда, когда она дошла до изнеможения, опьяненная и умоляющая о пощаде, немного опечаленная и пристыженная, но в глубине души восхищенная своими собственными возможностями.

– Дегре! Дегре! – твердила она хриплым голосом, возбуждавшим его. – Я больше не могу... О! Который теперь час?

– Наверняка очень поздно.

– А что с моим экипажем внизу?

– Мои люди о нем позаботились, конечно.

– Мне нужно уходить.

– Нет. Нужно поспать.

Он прижал ее к себе, отлично понимая, что короткий сон уничтожит последние признаки страха.

– Спи! Спи! Какая ты красивая! Ты можешь все: и любить, и насмехаться над полицейскими... Король Франции у твоих ног... Перед тобой вся жизнь. И ты прекрасно знаешь, что ждет тебя впереди... Ты не посмеешь от этого отказаться. Тебе и самой известно, что ты сильнее всех.

Он говорил и слушал ее ровное легкое дыхание. Она, как ребенок, провалилась в сон. Тогда он немного подвинулся и прижался лбом к ложбинке между ее теплыми упругими грудями.

«Только один час для одной-единственной женщины в твоей единственной жизни, – подумал он, – можешь же ты позволить себе, полицейский, быть влюбленным? Но для тебя было бы лучше, чтобы она была в опасности и чтобы ты отдал за нее свою жизнь. Какой же ты дурак...»

Глава XLIX

– И что же теперь мне делать, Дегре?

– Ты знаешь это не хуже меня.

При первых проблесках зари, когда побледнел свет свечей, он помог ей одеться.

– Что нужно делать? Заплатить служанке, чтобы она подсыпала отраву, заплатить компаньонке, чтобы та шпионила, заплатить лакею, чтобы убил.

– Странные советы вы мне даете, господин полицейский!

Дегре посмотрел ей прямо в глаза. Его лицо выражало непримиримость.

– Потому что ты права, – ответил он. – Правосудие не может проникнуть в тот мир, в котором ты живешь. Слишком высоко для правосудия! И Ла Рейни тоже это знает. Когда к нам обращаются, то это чистая пародия, и нам приходится арестовывать скорее честных людей, таких как этот славный епископ Валанса, советник Мадам, которого пришлось наказать за то, что он оказывал благое влияние на Месье. Но однажды мы доберемся до самых верхов, и тогда правосудие поразит всех. Но теперь час еще не пришел. И вот почему я говорю: ты права. В мире плохих людей нельзя оставаться хорошим. Если надо, то убивай снова и снова. Я не хочу, чтобы погибла ты.

Он удержал ее, пристально глядя поверх белокурой головки.

– Нужно быть как все. Ты наверняка догадываешься, чем можно припугнуть эту женщину. Чего она опасается?

– Откуда вы знаете, что это женщина? – спросила Анжелика с округлившимися от страха глазами.

– Затея с сорочкой – это женское дело. И я не представляю, зачем мужчине потребовалось бы тебя устранять. Конечно, она не одна, но она руководит. И тебе известно, почему она тебя ненавидит, и также известно, чего опасается эта шлюха. Ты должна ей доказать, что ты такая же сильная. Ты должна ее обуздать, показать, что ей придется прекратить свои преступные забавы. Это опасно. Однажды это может обернуться против нее.

– Кажется, у меня есть идея, – ответила Анжелика.

– Молодец!

Он обошел молодую женщину, чтобы закрепить банты на нижней

юбке.

– Вот так вы и превращаетесь в опасных особ, – сказал он с язвительной ухмылкой. – И вот из упрямого мужика делают теленка. Чем еще могу служить госпоже маркизе? Какой еще совет должен ей дать? И какую глупость еще совершить?

Он вертелся вокруг нее с ухватками светского портного, щелчком большого пальца расправляя манто, разглаживая то здесь, то там случайную складку, и его манерные ужимки резко контрастировали с сердитым выражением лица.

– По крайней мере, побереги свою жизнь. Прошу прощения.

Анжелика посмотрела ему прямо в глаза, и он увидел в глубине ее прозрачных зрачков вспыхнувший свет, пробудившуюся непокорную силу.

– Я сберегу свою жизнь, Дегре. Обещаю вам.

– Отлично. Значит, сегодня ночью я не зря потратил время. А теперь ваше кольцо.

Его ловкие руки надели украшение ей на шею и браслеты на запястья.

– И раз! И два! – закончил он, вдевая ей серьги в уши. – Вот мы и надели сбрую на королевскую кобылку.

Не в силах рассердиться, она легонько ударила его веером:

– Несносный полицейский!

Анжелика выпрямилась под грузом роскошных украшений и вновь ощутила себя знатной дамой. Теперь к ней вернулись силы, и она может встретиться с мадам де Монтеспан. Она знала, что при желании ее осанка, походка могут произвести не меньшее впечатление. И на ее стороне любовь короля. Двор поспешно склонился перед ней, потому что все только и думают, чтобы угодить монарху, и мигом позабудут прежнего кумира. Обладательница голубых глаз вынуждена будет их опустить перед сверкающим блеском глаз зеленых.

Анжелика вздернула подбородок и направилась к двери. Дегре удержал ее, тяжело опустив на плечи свои мускулистые смуглые руки.

– А теперь послушай меня, – сказал он. – То, что я тебе скажу, – это очень серьезно, и больше я никогда этого не повторю. Я не хочу тебя больше видеть... Никогда. Я уже сделал для тебя все, что мог. Теперь выпутывайся сама. Ты отказалась от помощи полиции, да это и к лучшему. Тебе неудобно, чтобы я совал свой длинный нос в твои дела, возможно, ты права. Только теперь, когда запахнет паленым, уже не бегай за другом Дегре. Понятно?

Анжелика посмотрела и прочла в его темных глазах те чувства, в которых никогда бы не признался этот загрубевший, но добрый мужчина.

Слегка побледнев, она утвердительно кивнула.

– У меня своя дорога, и, чтобы по ней идти, мне нужна холодная голова, – продолжал Дегре. – Из-за тебя я совершаю глупости. Больше я не хочу тебя видеть. Если когда-нибудь захочешь сделать признания полиции, обращай к господину де Ла Рейни. Он лучше меня умеет обращаться со знатными придворными дамами.

Он нагнулся и поцеловал в губы грубым, злым поцелуем, который постепенно становился страстным. Дегре безнадежно вкушал сладость обожаемых губ.

«На этот раз все кончено. Все ясно, – подумала она. – Прощай, недотепа. Прощай, мой друг!»

Дальше придется действовать в одиночку или умереть. Однако полученная поддержка не пропадет даром.

Советы Дегре запечатлелись в ее сознании огненными письменами. «Держать ее на прицеле».

Случай представился уже на следующий день, когда Анжелика ехала в карете из Парижа в Сен-Жермен. Какой-то фиакр опрокинулся в канаву, и, подъехав поближе, Анжелика узнала в молодой женщине, с нетерпением ожидавшей на вересковом склоне, одну из приближенных мадам де Монтеспан, некую мадемуазель Дезёйе. Анжелика остановила карету и дружески помахала ей рукой.

– Ах, мадам, какая неприятность, – пожаловалась девушка. – Мадам де Монтеспан послала меня со срочным поручением, не терпящим промедления, а я уже полчаса сижу здесь. Этот остолоп-кучер не заметил большого камня посреди дороги...

– Вы ехали в Париж?

– Да... Вернее, по дороге в Париж. На перекрестке Буа-Сек у меня назначена встреча с одной особой, которая должна мне кое-что передать для мадам де Монтеспан. И если я сильно опоздаю, эта персона может уйти. Мадам де Монтеспан будет очень недовольна.

– Так садитесь. Я прикажу развернуть лошадей.

– Как вы добры, мадам!

– Не могу же я бросить вас в таком затруднительном положении. К тому же я рада оказать услугу Атенаис.

Мадемуазель Дезёйе подобрала юбки и почтительно устроилась на краешке банкетки. Она выглядела смущенной и взволнованной. Очень хорошенькая девушка. Во всем ее облике сквозила какая-то смелость, которая возникала у каждого в окружении мадам де Монтеспан. Ее приближенных отличал бойкий язык, ум и хороший вкус. Она лепила из

них светских дам по своему подобию – непринужденных и неразборчивых.

Анжелика исподтишка наблюдала за девушкой. Она еще раньше думала о том, чтобы перетянуть на свою сторону одну из компаньенок своего врага, и в частности как раз эту Дезёйе, одна из слабостей которой была ей известна. Эта девушка оказалась страстной картежницей и к тому же плутовала в игре. Только очень опытный глаз смог бы это заметить. Когда-то среди познаний, полученных во Дворе Чудес, Анжелика узнала и некоторые проделки, бывшие постоянно в ходу в игорных притонах. У нее не возникало сомнений, что мадемуазель Дезёйе ими пользовалась.

– Ах! Вот мы и приехали, – сказала девушка, высунувшись из окна кареты. – Слава богу! Малышка еще здесь.

Она опустила стекло окна, а Анжелика велела кучеру остановиться.

На фоне леса виднелась девочка лет двенадцати, просто одетая и в белом чепце. Она ждала на опушке и, увидев карету, подошла к ней. Девочка протянула мадемуазель Дезёйе пакетик и тихонько обменялась с ней несколькими словами. Потом мадемуазель Дезёйе подала ей кошелек, сквозь петли которого поблескивали золотые монеты. Анжелика на взгляд прикинула его содержимое с точностью до одного экю. Результат заставил ее удивленно поднять брови.

«Что же может находиться в пакетике за такую цену?» – подумала она, разглядывая предмет, который мадемуазель Дезёйе прятала в своей сумочке у пояса. И ей показалось, что она разглядела очертания флакона.

– Мы можем возвращаться, мадам, – произнесла девушка с видимым облегчением, что поручение выполнено.

Пока карета разворачивалась вокруг придорожного креста, Анжелика вновь машинально взглянула на девочку, чей белый чепец четко выделялся на лесной зелени.

«Где же я уже видела эту девчушку?» – с неприятным чувством подумала она.

Она молчала, пока экипаж не устремился вновь по направлению к Сен-Жермен. Время шло, и Анжелика убеждала себя, что должна воспользоваться этой оказией, чтобы подкупить девушку. Неожиданно она вскрикнула.

– Что случилось, мадам? – поинтересовалась мадемуазель Дезёйе.

– Ничего! Ровным счетом ничего! Просто укололась булавкой.

– Могу ли я вам помочь...

– Нет-нет, спасибо, это пустяк.

Анжелика покраснела, а вслед за тем побледнела. Она вдруг вспомнила. В ту зловещую ночь она уже видела при свете двух свечей лицо

этой девочки. Дочь Ла Вуазен, она принесла тогда корзинку.

– Может, я все же могу вам помочь, мадам? – продолжала настаивать девушка.

– Пожалуй, да, если вы поможете мне расслабить юбку.

Компаньонка поспешила помочь. Анжелика с улыбкой поблагодарила ее:

– Вы очень любезны. Вы знаете, я часто восхищалась вашей ловкостью, наблюдая за окружением моей подруги Атенаис... И вашим терпением.

Мадемуазель Дезёйе улыбнулась в ответ. Анжелика подумала, что если эта девушка посвящена в мерзкие замыслы своей хозяйки, то эту маленькую дрянь, должно быть, забавляют расточаемые ей комплименты. Кто знает, возможно, у нее в сумке яд, предназначенный для этой самой мадам дю Плесси-Бельер, которая сейчас так любезно ее подвозит? Судьба часто устраивает такие мрачные шутки. Есть отчего посмеяться втихомолку. Но это дело может немного и подождать!

– Но больше всего меня восхищает, – елеинным голоском продолжила Анжелика, – ваше мастерство в карточной игре. Я следила за вами в прошлый понедельник, когда вы так ловко обыграли герцога де Шольна. Он, бедняга, до сих пор еще не опомнился. Где вы научились так прекрасно жульничать?

Сладкая улыбочка мадемуазель Дезёйе растаяла. Теперь настал ее черед краснеть и бледнеть.

– О чем вы говорите, мадам? – пролепетала она. – Жульничать? Я... но это невозможно. Я никогда бы себе этого не позволила...

– Нет, малышка, только не мне это рассказывай, – ответила Анжелика, умышленно усиливая вульгарность произношения.

Она взяла ее за руку и, перевернув, осторожно притронулась к кончикам ее пальцев:

– Нам известно, для чего нужна такая тонкая кожа на кончиках пальцев. Я видела, как вы ее стираете кусочком кожи кашалота. Это чтобы лучше чувствовать метки на крапленых картах. Совсем маленькие отметинки, распознать которые могут только такие ручки, как ваши. И конечно же, толстые пальцы герцога де Шольна просто не в состоянии почувствовать что-то подозрительное... если только кто-нибудь не поможет ему это заметить.

С девушки слетел весь блеск, перед Анжеликой была мелкая интриганка темного происхождения. Рушились ее честолюбивые планы. Она знала, что при дворе есть лишь две темы, не допускающие шуток,

которые легко могли обернуться трагедией: этикет и карточная игра. Герцог де Шольн и так уже чувствовал себя оскорбленным, ведь его обыграла девица низкого ранга и он должен ей заплатить тысячу ливров. Однако он никогда бы не смирился с позором, что его одурачили. Виновная, если бы ее делишки раскрылись, была бы с позором отослана от двора.

Девушка с мольбой упала на колени на тряский пол кареты. Анжелика попыталась ее удержать.

– Мадам, вы все видели и теперь в вашей власти меня погубить!

– Встаньте. Зачем мне вас губить? Вы очень умело плутуете. Нужно обладать таким зрением, как у меня, чтобы это заметить, и мне кажется, что вы сможете выигрывать еще очень долго... при условии, конечно, что я пока закрою на это глаза.

Девушка то краснела, то бледнела.

– Мадам, чем я могу вам услужить?

Она утратила дерзость, достойную Атенаис, и в голосе зазвучали нотки уроженки предместий.

Анжелика равнодушно смотрела в окно. Девица, плача, рассказала свою жизнь. Она побочный ребенок знатного вельможи, имя которого ей неизвестно, но через подставное лицо он заботился о ее воспитании. Ее мать вначале была горничной, потом содержательницей игорного дома, откуда и взялись ее карточные таланты. Она то обучалась в монастырском пансионе, то постигала особенности жизни в притоне. Ее непосредственный характер, внешняя прелесть и зачатки образованности заинтересовали кое-кого из высшего общества, ее стали продвигать. Атенаис, которую отличало умение распознавать характеры, подобные ее собственному, приблизила ее к себе. Теперь она была при дворе, но не сумела до конца отделаться от некоторых привычек. В том числе не плутовать в карты...

– Вы ведь знаете, что это такое. Да к тому же я не имею права проигрывать, я слишком бедна. Но всякий раз, как я не жульничаю, я проигрываю. Я вся в долгах. Этот мой выигрыш у герцога де Шольна для меня всего лишь передышка. И я не смею попросить у мадам де Монтеспан. Она уже не раз платила за меня, но несколько дней тому назад сказала, что больше не будет этого делать.

– И сколько же вы должны?

Девушка, отведя глаза, назвала цифру. Анжелика бросила ей на колени кошелек. Мадемуазель Дезёйе прикрыла его дрожащей рукой, и на ее лицо стал возвращаться румянец.

– Мадам, – повторила она, – что я могу сделать, чтобы вам услужить?
Анжелика подбородком указала на сумку:

– Покажите, что у вас там?

После продолжительных колебаний Дезёйе протянула ей флакон темного цвета.

– Эта микстура предназначена для меня? – спросила Анжелика после минутных раздумий.

– Мадам, что вы хотите сказать?

– Я полагаю, вам хорошо известно, что ваша хозяйка уже два раза пыталась меня отравить. Почему бы не попробовать и в третий раз? И вы думаете, что я не признала в этой малышке, продавшей вам зелье, дочь гадалки Монвуазен?

Компаньонка с ужасом оглянулась кругом. Наконец она ответила, что ничего не знает. Мадам де Монтеспан просто поручила ей съездить за лекарством, приготовленным гадалкой в строжайшей тайне. Но она больше ничего не знает.

– Ну что ж, теперь постарайтесь все узнать, – жестко сказала Анжелика, – потому что отныне я буду рассчитывать, что вы предупредите меня о грозящих опасностях. Навострите ушки и держите меня в курсе того, что вам удастся узнать.

Она продолжала вертеть в руках склянку. Мадемуазель Дезёйе робко потянулась за ней.

– Нет, оставьте ее мне.

– Мадам, это невозможно. Что скажет моя хозяйка, если я вернусь без флакона? Она возьмется за Ла Вуазен, и что бы я ни объясняла, мое предательство легко обнаружится. Едва она узнает, что я ехала в вашей карете...

– Это правда... Однако мне нужны какие-то конкретные доказательства. Вы должны мне помочь, – продолжила она, впившись ногтями в запястья девушки, – или же, обещаю, я сломаю вашу жизнь. Вас выгонят, смешают с грязью, выкинут отовсюду. И мне будет несложно добиться этого.

Под взглядом разъяренной кошки несчастная мадемуазель Дезёйе в растерянности искала, чем оправдать снисхождение, о котором она просила.

– Мне кажется, что я кое-что знаю...

– Да, и что же вы знаете?

– Средство, за которым я ездила, неопасное, потому что оно предназначено для короля. Госпожа де Монтеспан обращается к Ла Вуазен

и за средством, чтобы приворожить любовника...

– ...которое Дюшен подсыпает в его кубок.

– Так вам все известно, мадам? Это ужасно! Мадам де Монтеспан говорила, что считает вас ведьмой. Я сама это слышала, она была вне себя от ярости. Она сказала Дюшену: «Или эта женщина ведьма, или Ла Вуазен нас обманывает. Возможно, она нас выдала, если та заплатила ей еще больше...» Я знаю, что она говорила о вас. «Это не может больше так продолжаться. С этим пора кончать», – сказала она Дюшену. И это было как раз сегодня утром. Она вызвала его, а нам велела выйти, потому что хотела поговорить в полной тайне. Только...

– Вы подслушивали под дверью?

– Да, мадам.

– И что же вы услышали?

– Вначале я ничего не слышала. Но понемногу моя хозяйка так рассердилась, что начала кричать. И тогда она заявила: «Или эта женщина ведьма, или Ла Вуазен нас обманывает... Все попытки провалились. Словно ее тайно предупреждают. Но кто? Надо с этим покончить. Вы пойдете к Ла Вуазен и скажете ей, что шутки кончились. Я платила ей очень хорошо... Пусть найдет действенное средство, иначе расплачиваться будет она. Но я хочу сама ей написать о своих требованиях, это на нее подействует». Госпожа де Монтеспан села за секретер. Она написала письмо Ла Вуазен и передала его Дюшену: «Вы покажете ей эту записку. Когда она прочтет и убедится в моем крайнем гневе, вы сожжете письмо на свече... И вы не уйдете, пока она не даст вам то, что нужно... Держите, здесь носовой платок, вы знаете чей. Паж, который его подобрал, принес, думая, что это мой. С тех пор как Тереза сбежала, словно за ней черти гнались, я уже не могу подкупить ни одну из ее служанок... Впрочем, у нее мало служанок и нет компаньенок. Странная одинокая женщина. Не знаю, что такого необыкновенного находит в ней король... Кроме красоты, конечно...» Она говорила о вас, мадам.

– Понятно. А когда Дюшен должен встретиться с Ла Вуазен?

– Сегодня вечером.

– Когда и где?

– В полночь. В кабаке «Золотой рог». Это дорога от городской стены к Сен-Дени, довольно пустынное место. Ла Вуазен придет из своего дома в Вильнёве пешком, оттуда недалеко.

– Хорошо, вы были мне полезны. Я постараюсь забыть на какое-то время, что у вас слишком нежные ручки. Вот мы и приехали в Сен-Жермен. Вы выйдете здесь. Не нужно, чтобы нас видели вместе.

Подкрасьтесь и попудритесь. Вы пугаете своей бледностью.

Мадемуазель Дезёйе поспешила нанести румяна на свое перекошенное лицо. Она пробормотала слова благодарности и заверения в преданности, выскочила из кареты и убежала. Ее легкий силуэт в розовом платье растаял в лучах весеннего солнца.

Анжелика задумчиво смотрела ей вслед. Потом она спохватилась, высунулась из окна кареты и крикнула кучеру:

– В Париж!

Глава L

Надев юбку из грубой ткани, казакин из бумазеи и повязав волосы черным атласным платком, как это делают мещанки, Анжелика позвала Мальбрана Укол Шпаги. Еще днем она съездила в Сен-Клу и вызвала его к себе. Флоримона она оставила на попечение аббата де Ледигьера под ненадежной защитой двора Месье, а Мальбрана увезла в Париж.

Мальбран явился в ее покои и застал там просто одетую женщину, которая заговорила с ним голосом мадам дю Плесси-Бельер.

– Мальбран, вы пойдете со мной.

– Как вы оделись, мадам!

– Там, куда я иду, неуместны богатые туалеты. Ваша шпага при вас. Возьмите еще рапиру и пистолет. Потом сходите за лакеем Флипо. Вы подождете меня в переулке за особняком. Я выйду к вам через калитку оранжереи.

– Слушаюсь, мадам.

Немного позже Анжелика, сидя на лошади позади Мальбрана Укол Шпаги, добралась до Сен-Дени. Флипо бежал рядом. Они остановились перед подозрительным кабачком «Три дружка».

– Оставьте лошадь здесь, Мальбран. И дайте кабатчику одно эку, чтобы он присмотрел за лошадей, иначе, вернувшись, мы можем ее не найти. В этих местах часто воруют лошадей.

Выполнив приказ, Мальбран подошел к ней. Он не задавал лишних вопросов и только покусывал седой ус да чертыхался из-за неровной мостовой и непросыхающих, несмотря на солнце, луж и промоин на грязных улочках.

Возможно, округа была немного знакома бывшему вояке-наемнику, который в своей прошлой жизни где только не побывал.

Недалеко оттуда в деревянной нише, выкрашенной в красный цвет, на куче отбросов стояла статуя Отца Вечности, защитника всех говорящих на воровском жаргоне. Флипо весело ему помолился. Здесь он находился в своей среде. В глубине невиданного лабиринта из самана и хлипких камней они нашли принца нищих. Как обычно, безногий восседал на своей деревянной тележке. Подручные обычно переносили его с места на место, когда он проявлял такое желание, на старом стуле, на котором из-под слоев грязи проглядывала прежняя обивка в цветочек. Но Деревянный Зад не

любил перемещаться. В его сумрачном логове даже в ясный день горели масляные коптилки. Здесь Деревянный Зад прекрасно себя чувствовал. Он не любил ни света, ни суеты. К нему нелегко было проникнуть. Перед посетителями двадцать раз возникали какие-то бандитского вида типы, справляясь хриплыми голосами, чего это «буржуа сюда заявились». Флипо отвечал паролем.

Наконец Анжелика оказалась перед принцем нищих. Она принесла ему толстенький кошелек, но Деревянный Зад только презрительно взглянул на него.

– Не очень-то скоро ты явилась, – произнес он. – Не очень-то скоро!

– Ты, кажется, недоволен, Деревянный Зад? А разве я не посылала тебе все необходимое? Разве слуги не приносили тебе жареного молочного поросенка на Новый год и индюшку и три баррика вина на средопостье?

– Слуги! Слуги! Очень нужны мне твои дураки-слуги! Ты что думаешь, когда посылаешь супешник или пошамать тухлого мяса, что я целыми днями набиваю пузо? Да у меня жратвы завались и золотых монеток не переводится. А вот сама-то ты нечасто появляешься. Целыми днями кувыркаешься да красуешься, так, что ли? Вот они, бабы... совсем не умеют уважать.

Обида короля народа, говорящего на воровском жаргоне, была глубока. Он обвинял Анжелику не столько в презрении, сколько в пренебрежении. Он считал вполне нормальным, чтобы знатная придворная дама приходила месить непролазную грязь и рисковала своей жизнью среди бандитов только для того, чтобы поздороваться с ним. И его бы нисколько не удивило, если бы карета короля Франции остановилась перед этой фантазмагорической лачугой, чтобы нанести ему визит. Запросто, как король королю...

Он был принцем нищих и хорошо знал силу своей устрашающей власти.

– Если бы Ла Рейни захотел, могли бы и договориться. Зачем он насылает на нас своих лучников, гонит за нами по пятам всех своих стражников? Он сам-то захотел бы видеть у себя в Версале полицию! Полиция годится для буржуа. Да, для слабоумных. Слабоумные должны быть честными. Надо бы понимать. А нам-то нужно работать. А на что иначе жить? Тюрьма! Тюрьма! Веревка! «Я тя поймаю» и «Я тя запру»! И галеры для воров, и богадельни для побирušек. И чего там еще! Он хочет нас извести, этот несчастный Ла Рейни, вот чего он хочет.

Принц нищих пустился пересказывать свои обиды. Закатились светлые денечки Двора Чудес с той поры, как господин де Ла Рейни стал

лейтенантом полиции и установил фонари в Париже.

– Ну а это кто еще? – спросил он под конец, указывая своей трубкой на Мальбрана Укол Шпаги.

– Друг. Можешь ему доверять. Его зовут Укол Шпаги. Он мне нужен для маленькой комедии. Но ему в одиночку не сыграть. Мне требуются еще трое-четверо...

– ...которые умеют играть в комедии... Шпагой или дубинкой? Таких найти можно.

Анжелика изложила свой план. Есть один человек, у которого назначена встреча с гадалкой Монвуазен. Он принесет ей письмо в придорожный кабак неподалеку от Вильнёва. Надо подождать, пока он не закончит разговор с гадалкой и не выйдет. Ребята подстерегут его снаружи и набросятся...

– И ку-ку! – закончил Деревянный Зад, проводя ладонью по шее.

– Нет. Я не хочу ни крови, ни преступления. Я просто хочу, чтобы этот человек заговорил и во всем признался. Этим займется Мальбран.

Тот подошел с настороженным видом:

– И имя этого человека?

– Дюшен, главный виночерпий. Вы его знаете.

Мальбран удовлетворенно хлопнул себя по груди:

– Это дельце мне по душе. Давненько хотел я сказать ему пару слов.

– Это не все. Мне нужен сообщник в доме Ла Вуазен, кто-нибудь, кто сопровождал бы ее и находился бы там, когда Дюшен передаст ей письмо. Хитрец, легкий на руку, чтобы завладеть бумагой раньше, чем ее сожгут.

– И такого можно сыскать, – повторил Деревянный Зад после некоторого раздумья.

Он велел позвать какого-то Фё-Фолле, бледного малого с огненными волосами, которому не было равных в умении обшарить самые глубокие карманы и спрятать украденное в рукаве. Но рыжие волосы делали его очень заметным, и после неоднократного пребывания в Шатле и на дыбе палача, в результате чего он остался изуродованным и хромым, ему пришлось оставить прибыльное ремесло. Выкрасть письмо под носом целой компании представлялось ему детской игрой.

– Мне необходимо завладеть этим письмом, – настойчиво повторила Анжелика. – Я заплачу за него золотом.

Попасть к Ла Вуазен и сопровождать ее на тайную встречу не представляло для воров сложной задачи. Для этого у них имелись сообщники в самом доме гадалки. Они сразу назвали ее лакея Ле Пикара и

Козака, любовника ее дочери. Через них они собирались устроить так, чтобы Фё-Фолле нес в этот вечер факел или ее сумку. Хотя гадалка и поднялась в более высокие слои общества, но она продолжала сохранять связи с воровским миром. Она понимала, что ей выгодно быть союзницей принца нищих. При случае она ему «кое-что подбрасывала».

– И чтоб она не пронюхала, что ли? – спросил Деревянный Зад, бросив на Анжелику заговорщицкий взгляд. – У нас не предают, иначе смерть. Нам не нужны ненадежные братья.

Он выпрямил свое огромное туловище, затянутое в военный камзол с золотыми бренденбурами. Принц нищих опирался на волосатые кулаки и был похож на гориллу, как позой, так и выражением шишковатого лица и страшным взглядом.

– Власть бродяг вечна, – прорычал он. – Ты никогда нас не сломишь! Наша власть прорастает из мостовых этого города.

Анжелика теснее закуталась в накидку. Она почувствовала, что бледнеет. В дымном свете масляных ламп лицо принца нищих под шляпой со страусовыми перьями показалось ей отмеченным печатью проклятия. Она видела склоненные к ней красные морды, бородатые рожи, среди которых выделялась мертвенная маска рыжего Фё-Фолле.

Она знала большинство задир, которых Деревянный Зад велел позвать своим охранникам: среди них были Пион, неисправимый забуддыга, испанец по прозвищу Крысиная Смерть и еще несколько других, чьи имена она уже позабыла. Пришел и новичок, его кликали Черепом, потому что за богохульство Общество Святых Даров отрезало ему губы. Но Анжелика держалась спокойно, потому что знала правила игры, позволявшие общаться с этим мерзким миром.

Воры не прощали предателей, но и своих не предавали. Преуспевающие или в нищете, «братишки» и «сестрички», доказавшие верность и принесшие когда-то клятву нищих воровскому миру Парижа, навсегда получали право на их помощь. Бедные могли рассчитывать на постоянную миску супа, а если им удавалось разбогатеть, к их услугам были ножи братьев.

И эти связи не прерывались. Доказательством служил Баркароль. И Деревянный Зад не отказывался помочь. Нет, Анжелика боялась не их. Жестокость этих зубастых волков страшила ее куда меньше, чем жестокость некоторых утонченных людей, а вонючие лохмотья вызывали меньшее отвращение, чем изысканные наряды, скрывающие отвратительную подлость. Но когда она слушала громогласный голос принца нищих, в ней пробудились тяжелые воспоминания при звуках этой

окаянной трубы. Анжелика испытывала головокружение, как от смертельного падения. Ей казалось, что ее сбросили с придворных высот в бездонное отчаяние ада.

«Мне надо почаще сюда приходить», – подумала она.

Ей казалось, что в складках ее мантии навсегда сохранится неистребимый запах нищеты ее прошлого. Неизгладимая тайна. Духи всего мира, бриллианты всего мира, вся слава короля не смогут их уничтожить.

Уходя, Анжелика оглянулась на дворец принца нищих, чьи кривые крыши и разваливающиеся арки вырисовывались на багровеющем вечернем небе. Может быть, перед ней возникло видение других сумерек, которые увидит через несколько лет Ла Рейни, сидя верхом на лошади на той же самой площади в окружении вооруженных солдат? Трупы бродяг устилают землю по всему причудливому кварталу со старыми телегами, лачугами, покинутыми монастырями. Долгое время недоступный квартал Фобур-Сен-Дени, взятый приступом во время решительного и жестокого сражения. В присутствии принца нищих герольд, протрубив в трубу, развернет свой пергамент и зачитает:

– Слушайте все, воры и бродяги, прячущиеся там. От имени короля объявляется, что всех, кто сдастся, ожидает помилование. Но дюжина вышедших последними, будет повешена.

Ужасный торг. Никто не желает оказаться среди дюжины последних. Как туча тараканов, укрыватели краденого, перебежчики и бродячие солдаты, немощные и ложные калеки, ложные пилигримы и бродяги, распутники и припадочные, негодяи и хитрецы, гадалки и колдуньи, колдуны и заклинатели духов, мошенники и подмастерья, грабители и злодеи, бывшие узники и беглецы, бандиты и разбойники спасались бегством и растворялись в наступающих сумерках.

Деревянный Зад, человек-обрубок, орал в своем логове в полном одиночестве. Один из солдат ударом шпаги пронзил ему горло.

Так в один кровавый вечер 1680 года в Париже прекратил свое существование Двор Чудес, символ борьбы короля Франции против принца нищих.

Вернувшись домой, Анжелика села перед секретером. Посещение Фобур-Сен-Дени подействовало на нее сильнее, чем мысль о событиях, которые должны были развернуться сегодня ночью близ коллегиальной церкви в Вильнёве. Все подробности уже оговорены, и оставалось только ждать, стараясь ни о чем не думать. Около десяти часов к ней пришел Мальбран Укол Шпаги. Он надел маску серого «волка» и закутался в

темно-серый плащ. Анжелика разговаривала с ним шепотом, словно кто-то мог их услышать в тишине роскошной спальни, где совсем недавно она разделяла любовь с Ракоци.

– Вам известно не хуже меня, что именно я хочу получить от Дюшена. Поэтому я вас и выбрала. Пусть он откроет планы той, что его послала, пусть назовет имена тех, кто может мне навредить... Но главное, мне нужно письмо. Наблюдайте через окно кабачка. И если он попытается избавиться от письма до того, как Фё-Фолле сумеет им завладеть, врывайтесь вместе со своими людьми. Постарайтесь также заполучить микстуру и яды, которые ему передаст Ла Вуазен...

Анжелика ждала.

В два часа ночи раздался отдаленный стук маленькой потайной двери, через которую Мальбран Укол Шпаги уходил из особняка, потом по плитам вестибюля прозвучали тяжелые шаги солдата.

Он вошел и при свете свечей положил перед ней на столик какие-то вещи. Анжелика рассмотрела носовой платок, флакон, кожаный мешочек и маленький квадратик белой бумаги: письмо.

Ее охватило чувство безудержного торжества, одновременно она отметила, что письмо написано рукой мадам де Монтеспан. Страшное, неопровержимое доказательство:

«Вы меня абманули, – писала благородная маркиза своим красивым четким почерком, но с чудовищной орфографией, потому что образование ее было весьма поверхностным. – Эта особа все еще жива, и король привязывается к ней с кажиным днем все больше... Ваши посулы не стоят моих денег. На сиводня больше 1000 экю... за зелья которые не приносят не любви не смерти... Знаете што я магу падарвать к вам даверия и весь двор перистанит вас принимать... Вручити што нада присланаму. На этот рас нада штоба сработала...»

– Великолепно! Великолепно! – воскликнула Анжелика, едва справляясь с волнением.

Она расхохоталась и сама не узнала своего смеха.

– Ха! Ха! На этот раз надо, чтобы сработало, да, моя дорогая Атенаис. А я уже сработала. Грош вам цена, когда у меня в руках такое оружие.

Внизу страницы имелось красное пятно, которое быстро становилось коричневым, но, когда Анжелика приложила к нему палец, оно оказалось еще влажным. И она вопросительно взглянула на Мальбрана.

– А ее посланец? Дюшен? Что вы с ним сделали? – спросила она глухо. – Где он?

Мальбран Укол Шпаги отвел глаза:

– По правде сказать, если течение сильное, то он где-нибудь ниже по течению, недалеко от моста Гренель.

– Мальбран, что вы наделали! Я ведь вам говорила, что не хочу крови.

– Пришлось избавиться от этой вонючей падали, – ответил мужчина, опустив голову.

И вдруг он посмотрел ей прямо в упор. Его темно-карие глаза странно контрастировали с длинными седыми волосами.

– Послушайте, мадам, – сказал он, наклоняясь к ней, – послушайте меня. Вам покажется странным то, что вы услышите от такого распутника и никчемного задубелого старика, как я. Но я привязался к этому малышу, вашему сыну. Вот так уж случилось. У меня все было в жизни, много бесполезного, да и плохие дела тоже. И для меня, и для других. Я только одно и умею делать – владеть оружием, потому что часто им пользовался. Но я никогда не умел набивать свой кошель, нет, никогда не умел. Проходят годы, кости начинают ныть, и мадам де Шуази, которая знакома с моей теткой, святой женщиной, с моей набожной сестрой и моим братом-каноником, сказала мне: «Мальбран, шалопай вы эдакий, что вы скажете, если получите крышу над головой и миску еды за то, что будете обучать владению оружием двух маленьких богатых господ?» И я подумал: «Почему бы и нет? Дай немного отдохнуть своим старым ранам, Мальбран». И я поступил к вам на службу, мадам, к вам и к вашим детям. Дети... Может быть, у меня и есть дети. И даже вполне вероятно. Но, признаюсь, они меня никогда не интересовали. Но вот Флоримон – это другое дело. Вы, наверное, не знаете, мадам, но этот ребенок родился со шпагой в руке. Он держит меч, как сам святой архангел Михаил. И когда я, старый бретер, вижу такой дар владения оружием, с такой гениальностью, с такой силой... ну, вы понимаете! Тогда... Вот тогда я понял, что жизнь прошла мимо и что я один-одинешенек на всем белом свете, мадам. И в этом малыше я увидел своего сына, который, может быть, где-то и есть у меня, но которого я никогда не узнаю и никогда не научу владеть оружием. Есть что-то такое, о чем и не подозреваешь и что вдруг в тебе пробуждается.

Он наклонился к ней еще ниже, обдавая своим едким дыханием заядлого курильщика трубки.

– А этот Дюшен хотел убить его, нашего Флоримона.

Анжелика побледнела и закрыла глаза.

– Потому что раньше нельзя было сказать наверняка. Но теперь-то это точно. Он это признал, он это проорал, когда ему поджаривали ноги.

«Конечно, я хотел избавиться от этого маленького негодяя, – вопил он, – он хотел погубить меня в глазах короля, он возбуждал подозрения! Он разрушал наши замыслы. Госпожа де Монтеспан грозилась меня прогнать, если я с этим не справлюсь».

– Так, значит, правда, что он подсыпал порошок в питье короля?

– Это фаворитка ему велела. Все истинная правда. И что он угрожал Флоримону его убить, если тот не перестанет доносить на него. И это он подсыпал яд в предназначавшийся вам шербет. И что Монтеспаниха встречалась с Ла Вуазен, чтобы найти способ вас погубить. Карапер был их сообщником. Это он послал мальчика на кухню через то крыло дворца, где шла стройка. «Пятнадцать туазов высоты, – закричал я ему, – пятнадцать туазов до каменного пола и в полной темноте! Ну так вот, гад, получай, раз ты покусился на жизнь ребенка!..»

Мальбран Укол Шпаги замолк и вытер вспотевший лоб. Он разгорячился. Потом украдкой взглянул на Анжелику, сидевшую с застывшим лицом.

– Пришлось избавиться от этой вонючей падали, – повторил он тише. – В любом случае его уже здорово отделали. И что бы получилось, останься он в живых? Еще один злобный враг. Поверьте, их и так уже хватает. Когда начинаешь такое, то надо идти до конца, мадам.

– Я знаю.

– И остальные парни думали так же. Чего тут гадать – один конец. Они добрые товарищи и славно справились с работой. Рыжий Фё-Фолле договорился с лакеем гадалки, что его наймут нести факел. Лакей сказал ей, что он глухонемой идиот. И она не выгнала его во время разговора. Ее это устраивало. Она иногда говорила, что не любит ходить одна на тайные встречи. Глухонемой парень, но при случае может пустить в дело нож, это то, что ей нужно, сказала она лакею. Короче, Фё-Фолле ей подошел и она взяла его с собой. А мы стерегли снаружи. В какой-то момент я увидел, что что-то не ладится между Дюшеном и Ла Вуазен. Это когда они не могли найти письмо. Ну, тогда и мы вступили в игру. Ла Вуазен удрала без лишних слов. Фё-Фолле прикинулся ради смеха, что защищает ее. Ну а потом мы занялись мужиком. Трудненько... Упрямец. И вот что мы из него вытянули, применив должные меры: этот носовой платок, флакон, кожаный мешочек, в котором, кажется, находится волшебный порошок, ну и еще некоторые признания, о которых я вам уже рассказал...

– Ладно.

Анжелика встала, подошла к секретеру, вынула шкатулку и достала оттуда кошелек с золотыми монетами.

– Это вам, Мальбран. Вы оказали мне большую услугу.

– Я никогда не отказываюсь от эсю. Спасибо, мадам. Но поверите ли вы мне, если я скажу, что как-нибудь и сам сделал бы это даром. Маленький аббат тоже это знает. Мы подумали: что же делать? Вы ведь в жизни одна-одинешенька, верно? И вы правильно сделали, что доверились мне.

Анжелика опустила голову. Пришел черед оплачивать соучастие, покупать молчание, которое должно длиться всю жизнь. Между нею и этим авантюристом всегда будет стоять предсмертный крик Дюшена и звук всплеска от тела, сброшенного в Сену.

– Мое молчание? Я храню его для многих людей, которые заслуживают этого куда меньше, чем вы. Даже на дне бутылки я не нахожу забвения тому, что очень хотел бы забыть. Это похоронено под камнем. Вот и все.

– Спасибо, Мальбран. Завтра я снова пошлю вас в Фобур-Сен-Дени с обещанными деньгами. А потом вы вернетесь в Сен-Клу. Я хочу, чтобы Флоримон оставался под вашим присмотром. А теперь ступайте. Отдыхайте.

Мужчина красиво раскланялся на мушкетерский манер, как он умел это делать. Остатки дворянского воспитания смешивались с угрюмой небрежностью, которую он приобрел в кабаках и на дуэлях за время своего бесприютного существования. Неудавшийся воин, веселый собутыльник, не замечающий, как бегут годы, живущий шпагой и стаканом вина, не очень порядочный человек, но и не бандит, словом, ленивый человек – вот во что он превратился за прожитые годы. Что в нем оставалось? Да ничего! Но он прекрасно знал, чего именно не хотел лишиться в конце своей жизни: общения с мальчиком, который смотрел на него темно-зелеными глазенками и просил: «Мальбран, покажи, как это?» – и еще покровительства этой красивой дамы, которая не выказывала ни презрения, ни панибратства, а оставалась такой, что перед ней мужчина чувствовал себя мужчиной, а не слугой.

Прежде чем повернуть ручку двери и уйти, он посмотрел на нее со смешанным чувством восхищения и страха. Нет, он ее не боялся. Скорее, наоборот. Он опасался за нее. Он боялся, что она проявит слабость. Есть такие шлюхи, что глазом не моргнув идут по трупам. Он знал таких. Да вот, например, хотя бы та, другая. Но эта из другого теста, хотя и умеет за себя постоять.

Он увидел, что, убрав в шкатулку принесенные им вещи и письмо, она надела манто.

- Куда вы идете, мадам?
 - Мне нужно сходить в одно место.
 - Это опасно. Прошу у госпожи маркизы позволения ее проводить.
- Она показала знаком, что согласна.

Снаружи было темно, еще темнее, чем раньше, потому что уже догорали большие толстые свечи, так называемые пятичасовые, и фонари тоже были погашены.

Анжелика шла недолго. Через некоторое время она остановилась и взялась за бронзовый молоток на высоких воротах на улице Керональ. Когда заспанный швейцарец выглянул в зарешеченное окошечко своей будки, она спросила господина де Ла Рейни.

Глава LI

Король еще не вышел по окончании мессы, когда Анжелика смешалась с толпой придворных, ожидавших государя в гостиной Меркурия в Версале, куда они прибыли накануне. Анжелика надеялась, что во время переезда двора из Сен-Жермена в Версаль ее отсутствие пройдет незамеченным. Она вовремя прибыла в Версаль, и на ее тщательно подкрашенном лице не было заметно следов усталости и ночных переживаний. У нее появилась необыкновенная выносливость светских женщин, подобная выносливости артисток, потому что им тоже необходимо быстро менять роль. Такая выносливость позволяет женщине, разбитой бессонной ночью и четырьмя часами тряски в карете, легко превращаться в даму с прекрасным цветом лица, слегка подведенными глазами и сияющей улыбкой. Анжелика раскланивалась направо и налево, расспрашивая о тех и о других. Все рассказывали о прелестях путешествия во Фландрию, откуда Мадам отправилась с визитом в Англию к своему брату Карлу II. Некоторые болтуны с удивлением отмечали, что Анжелика не участвовала в этом путешествии. Говорили также, что Мадам скоро вернется и что переговоры проходят очень успешно. Прелестная пухленькая бретонка, мадемуазель де Керуай, которую принцесса взяла с собой, должна была послужить серьезным политическим доводом для убеждения юного Карла II не заключать тройственного союза, а протянуть дружескую руку своему зятю Людовику XIV. Злые языки напоминали, что если у мадемуазель де Керуай красивое личико, то не всем понравятся ее пышные формы. Но Мадам хорошо знала вкусы английского монарха, которого, похоже, мало пленяло изящество. Скорее, он отдавал предпочтение чему-то более существенному, чем сантименты.

Появились служители королевского стола. Они несли на эмалевых подносах четыре вазы с засахаренными фруктами и три – со свежими фруктами. Это называлось «закуска во время королевской охоты».

Анжелика услышала, что один из служителей выразил удивление по поводу отсутствия главного виночерпия.

Она отошла от толпы и оперлась на одно из окон Большой галереи. Стояла прекрасная погода. В версальских садах звенели птичьи голоса, и Анжелика вспомнила то первое утро, когда она смотрела вместе с Баркарорем, как просыпается день над Версалем, где каждый чувствует себя более одиноким и уязвимым, чем в любом другом месте на всей

земле!

Анжелика выпрямилась и решительно пересекла Большую галерею, направляясь в южное крыло. Пройдя через анфиладу комнат, она достигла апартаментов, выходящих окнами на партеры.

Мадам де Монтеспан сидела за туалетным столиком в будуаре. Когда-то Анжелика наблюдала, как рождается прекрасная роспись этой комнаты под кистью ее брата, художника Гонтрана. Сейчас фрейлины болтали и суетились вокруг фаворитки. При появлении Анжелики они смолкли.

– Здравствуйте, дорогая Атенаис! – игриво поздоровалась Анжелика.

Фаворитка, сидевшая на табурете, обитом шелковым броше, обернулась всем корпусом.

– О! – произнесла она. – Что это на вас нашло, дорогая?

Уже некоторое время обе они перестали соблюдать вооруженное перемирие. Даже на публике они отказались от притворной вежливости. Взгляд голубых глаз Атенаис де Монтеспан пронзил соперницу. Совершенно очевидно, что эта неожиданная любезность скрывала нечто чрезвычайное.

Анжелика села, раскинув юбки на маленьком диванчике, обитом той же тканью, что и табурет. Из того же шелка была и утренняя накидка Атенаис. Прекрасная мебель, но Анжелика подумала, что голубые букеты плохо сочетаются с большими камышами зеленого золота, покрывавшими стены.

– У меня есть для вас интересные новости.

– Действительно?

Мадемуазель Дезёйе побледнела. Большой черепаховый гребень, украшенный жемчугом, который она держала над белокурыми волосами своей хозяйки, задрожал в ее руках. Остальные девицы с любопытством переглядывались. Мадам де Монтеспан вновь повернулась к зеркалу.

– Мы вас слушаем, – сухо проронила она.

– Вас слишком много. Вполне достаточно, чтобы услышали меня только вы.

– Вы хотите, чтобы я удалила этих дам? Это невозможно.

– Может быть, но так было бы лучше.

Мадам де Монтеспан быстро обернулась. Должно быть, она заметила в лице Анжелики что-то такое, чего никак не ожидала, потому что в ее голосе прозвучала неуверенность.

– Я еще не накрашена и не причесана, а король будет меня ждать, чтобы идти на прогулку по саду.

– Об этом не беспокойтесь! Я буду вас причесывать, а вы в это время

попудритесь, – сказала, поднимаясь, Анжелика.

Она услужливо встала позади мадам де Монтеспан и умело приподняла тяжелую шевелюру цвета спелой пшеницы.

– Я сделаю вам прическу по последней моде Бине, уверена, она вам очень пойдет. Дайте-ка мне вот это, милочка, – сказала она, со сладкой улыбкой беря гребень из рук неподвижно застывшей мадемуазель Дезёйе.

Атенаис удалила фрейлин:

– Ступайте, сударыни!

Анжелика медленными движениями расправила роскошные волосы, источавшие тонкий аромат, и гребнем разделила их надвое. Затем она ловко скрутила толстую косу, отливавшую чистым золотом, и уложила ее на макушке головы Атенаис. Какая красота! Ее собственные волосы, казалось, потемнели рядом с такой шевелюрой. Наверное, у Люцифера, когда он еще пребывал на небесах, были такие же волосы.

– Передайте, пожалуйста, шпильки.

Мадам де Монтеспан разглядывала в зеркале соперницу, все такую же красивую, но красивую опасной красотой, потому что она была более редкой, чем ее собственная красота. Ровный цвет лица, без всяких изъянов, ни прыщиков, ни проступающих мелких сосудов. Она всегда выглядела так, словно напудрена, и цвет ее правильного носика не менялся под воздействием тонких вин или горячего рагу. Этот цвет лица, который мог бы ее обезобразить, стал ее преимуществом и прекрасно оттенял зеленые глаза, как золото – драгоценные камни. Ее волосы, может быть менее светлые, ложились свободными волнами с богатыми живыми оттенками, словно мех какого-то зверя.

«Каждый мужчина, глядя на эти волосы, испытывает желание их погладить», – подумала Атенаис, наливаясь ревностью.

Анжелика перехватила в зеркале враждебный взгляд. Не отрывая глаз от Атенаис, она наклонилась и вполголоса сказала:

– Месье Дюшен, главный виночерпий короля, умер сегодня ночью. Его убили.

Она наблюдала, как мадам де Монтеспан едва заметно вздрогнула, но сохранила свое надменное и невозмутимое выражение лица.

– Да ну! А мне никто еще не сообщил эту новость.

– Никто еще и не знает этой новости. Она известна только мне. Вам интересно узнать, как это случилось?

Она разделила оставшиеся волосы на легкие блестящие пряди и принялась накручивать их одну за другой на палочку слоновой кости.

– Он выходил от гадалки Монвуазен, которой передал послание и от

которой получил маленький мешочек и флакончик. Но этого никто никогда не узнает... если только вы сами не захотите. Будьте внимательны, дорогая, вы криво наложили помаду.

– Какая же вы дрянь! – воскликнула Монтеспан, сжав зубы. – Шлюха! Гадина!.. Вы посмели... Вы опустились до этого!

– А вы?

Анжелика швырнула гребень и палочку на туалетный столик. Ее руки вцепились в покатые белые плечи, которые так любил целовать король. Охваченная безудержным порывом ярости, она вонзила в них ногти.

– А вы? Что вы осмелились сделать! Вы хотели убить моего сына...

Тяжело дыша, обе впились взглядом в отображение в венецианском зеркале.

– Вы хотели меня погубить мучительным и позорным образом!.. Вы призывали на меня дьявольскую порчу! Но дьявол оборотился против вас. Слушайте внимательно. Дюшен мертв. Он уже ничего не расскажет. Никто никогда не узнает, с кем он встречался этой ночью, зачем он приходил туда и от кого письмо, которое он передал Ла Вуазен.

Госпожа де Монтеспан вдруг обмякла.

– Письмо, – спросила она изменившимся голосом, – он сжег письмо?..

– Нет!

И Анжелика вполголоса произнесла:

– «Эта особа все еще жива, и король с каждым днем привязывается к ней все больше. Ваши посулы не стоят тех денег, что я вам уже заплатила... К этому дню более тысячи экю за средства, которые не вызывают ни любви, ни смерти...»

Атенаис покрылась смертельной бледностью. Но, подчиняясь яростной силе, она высокомерно вырвалась из цепкой хватки Анжелики:

– Отпустите меня, фурия!.. Вы же меня прикончите.

Анжелика снова взяла в руки гребень. Мадам де Монтеспан схватила пуховку и начала обильно пудрить пострадавшее декольте.

– Что я должна сделать, чтобы вы вернули мне это письмо?

– Я никогда вам его не верну, – отвечала Анжелика. – Вы же не считаете меня полной дурой? Это письмо и кое-какие безделушки, о которых я вам уже говорила, находятся в руках высокого чиновника городской управы. Вы уж извините меня, если я не назову его имени. Но знайте, что он часто видится с королем... Не будете ли вы столь любезны передать мне шпильки с жемчужинами, чтобы я заколола ваш шиньон?

Госпожа де Монтеспан передала их.

– В день моей смерти, – продолжила Анжелика, – едва только грустная

весть о внезапной и необъяснимой кончине госпожи дю Плесси-Бельер достигнет ушей этого чиновника, он явится к королю и вручит ему названные предметы и письмо, которые я ему передала. Я нисколько не сомневаюсь, что его величество легко узнает ваш почерк и вашу изумительную орфографию...

Фаворитка перестала притворяться. Она задыхалась, ее грудь вздымалась от судорожных вдохов. Дрожащими руками она открывала баночки и флаконы и как попало накладывала краску на виски, на щеки и на веки.

– А если я не поддамся на ваш шантаж, – вдруг закричала она, – если я предпочту все поставить на карту, но видеть вас... *мертвой*?!

Она выпрямилась, сжав кулаки и пылая ненавистью.

– Мертвой, – повторила она, – для меня важно только это. Видеть вас мертвой! Потому что, живая, вы отнимете у меня короля. Или вами завладеет король, что одно и то же. Он безумно вас желает. Ваши замашки увертывающейся кокетки будоражат ему кровь, заставляют терять голову. Я уже ничего для него не значу. Он скоро возненавидит меня, потому что хочет на моем месте видеть вас, вот здесь, в этих покоях, которые он приготовил для меня. Потому что – живая вы или мертвая – моя опала уже не подлежит сомнению... Тогда пусть уж лучше вы умрете, пусть вы умрете!..

Перед этой вспышкой Анжелика сохраняла полное спокойствие.

– Между временной немилостью, а вполне возможно, что король будет испытывать из-за этого некоторое сожаление, что оставит вам надежду – кто знает? – вновь завоевать его, и тем отвращением, которое вы будете ему внушать, когда он узнает о ваших преступлениях, и ссылкой или пожизненным заключением существует огромная разница. И я уверена, что представительница рода Мортемаров сумеет сделать правильный выбор.

Атенаис заломила руки в ярости и бессилии.

– Надежда вновь завоевать его, – повторила она. – Нет. Если уж вы подчините его своей власти, то это на всю жизнь. Я в этом уверена. Вы не знаете его так, как я. Я повелевала его чувствами. А вы повелеваете его сердцем. И поверьте мне, это кое-что значит – повелевать сердцем почти бессердечного мужчины.

Она взглянула на соперницу, словно видела ее впервые, и вдруг разглядела за ее опасной безмятежной красотой некое оружие, о котором раньше не подозревала. И у этой гордячки вырвались неожиданные слова:

– Я бессильна.

Анжелика холодно пожала плечами:

– Не стройте из себя жертву, Атенаис. Вам это совсем не к лицу. Лучше сядьте, чтобы я закончила вашу прическу.

Мадам де Монтеспан снова вскочила, как разъяренная кошка:

– Не прикасайтесь ко мне! Я боюсь вас!

– Вы не правы. Прическа очень вам идет, но было бы жаль оставлять локоны с одной стороны, а с другой – пряди.

На пределе нервов Атенаис, как служанке, швырнула ей гребень:

– Кончайте. И поспешите.

Анжелика намотала на палец длинный золотистый локон и плавным движением спустила его вдоль шеи, чтобы он лежал на отливающей перламутром груди по вырезу корсажа. Она проверила в зеркале результат и встретила с потрясенным взглядом своего врага. Усмирена! Но надолго ли?

– Оставьте мне короля, – вдруг попросила Атенаис глухим голосом, – оставьте мне короля. Вы ведь его не любите.

– А вы?

– Я? Он мой. Я рождена быть королевой.

Анжелика накрутила еще два локона, а на висок уложила легкую прядь, более светлую, чем все остальные, похожую на бледную шелковую полоску. И Бине не сделал бы лучше.

– Дорогая Атенаис, – ответила она наконец, – вы напрасно взываете к моим добрым чувствам. У меня их нет по отношению к вам. Я предложила сделку. Или вы оставляете меня в покое, прекращаете покушаться на мою жизнь, и тогда можете рассчитывать на мое молчание в том, что касается ваших сношений с гадалкой и дьяволом. Или же вы продолжаете меня преследовать, и тогда пеняйте на себя за те громы, которые вас уничтожат. И не думайте, что вам удастся что-то изменить, пытаясь навредить мне как-нибудь иначе: подкапываясь под мою репутацию или подрывая ко мне доверие, создавая вокруг меня тысячи помех, ведя мелкую тайную войну, чтобы сделать мою жизнь невыносимой. Я всегда узнаю, откуда ветер дует, и, поверьте, не стану ждать смерти, чтобы от вас избавиться... Вы говорите, что король меня любит? Поразмыслите, в какой гнев он впадет, когда узнает, что вы пытались меня убить. Высокий чиновник, хранитель моих секретов, лично исследовал ночную сорочку, которую вы мне послали. Он засвидетельствует перед королем, какие неприятности мне готовились. И еще совет, дорогая. Вы прекрасно причесаны, но покрашены из рук вон плохо. Это просто катастрофа. На вашем месте я начала бы все сначала.

Анжелика вышла, а обеспокоенные компаньонки вошли и с опаской окружили свою хозяйку, сидящую за туалетным столиком.

– Вы плачете, мадам?

– Ну да, идиотки! Вы что, не видите, как я покрашена?

Глотая рыдания, мадам де Монтеспан созерцала в зеркале свое лицо в красных, белых и черных потеках. Из ее груди вырвался тяжелый вздох.

– Эта дрянь права, – прошептала она. – Полная катастрофа. Нужно все начинать сначала.

Во время королевской прогулки ни от кого не ускользнуло новое выражение лица мадам дю Плесси-Бельер. Она излучала сияние, а в манере высоко держать голову чувствовалась почти устрашающая сила. То впечатление, которое недавно создано у мадам де Монтеспан, передалось всем окружающим. Никто больше не заблуждался. Эта маленькая маркиза – спору нет, красавица – скрывалась под разными масками. Следовало признать очевидное и быть ко всему готовым. Те, кто рассчитывал легко добиться ее милостей, поняли, что это не Лавальер.

А те, кто рассчитывал, что энергичная мадам де Монтеспан сумеет удалить «провинциалку», почувствовали, что их вера поколебалась под высокомерным взглядом, которым наградила их Анжелика, и при виде ее улыбки, обращенной к королю. Поведение монарха завершило их поражение. Король уже не скрывался. Он глаз с нее не сводил.

Мадам де Монтеспан не было видно. Никто не выражал удивления, напротив, все находили вполне естественным, что Анжелика с королем шли рядом по аллее Минервы вплоть до боскета Колоннады, а потом через портики белого мрамора возвращались во дворец, любуясь красотами аллеи Воды.

Во дворце король приказал позвать молодую женщину в свой рабочий кабинет: это случалось и раньше, когда он нуждался в ее мнении по какому-нибудь коммерческому вопросу, который обсуждался с министрами. Но в этот раз Анжелика оказалась в пустом кабинете, и едва только она вошла, как дверь вновь закрылась, а король подошел и обнял ее.

– Красавица, – сказал он, – я больше не выдержу! Когда вы прекратите мои страдания? Сегодня утром вы совершенно покорили меня и полностью околдовали. Я видел только вас. Вы для меня как солнце, как недостижимая звезда, как свежий родник, к которому я никак не могу припасть. И вот вы здесь. Вы окружаете меня своим светом, ароматом своих духов, а я не смею до вас дотронуться. Почему? Откуда такая жестокость?

Он сжал ее, горя желанием, которое не мог уже сдерживать и которое

перерастало в раздражение.

– Не думайте, что вам удастся долго мною играть. В один прекрасный день вы все равно уступите. Если надо, я прибегну к силе. Или вы полагаете, что моя сила не победит вас?

Она чувствовала, что его стальные мускулы охотника готовы ее раздавить, расплющить о твердый как камень торс.

– Вы сделаете меня своим врагом.

– Я в этом не уверен. Я ошибался, думая, что ваше сердце пробудится, если я выкажу себя терпеливым. Вы совсем не сентиментальны. Вы хотите сначала узнать своего господина, прежде чем привязаться к нему. Вы станете ему преданной, потому что он сделал вас своей. Только проникнув в ваше тело, я смогу проникнуть и в ваше сердце.

И тихо, словно жалуясь, он произнес:

– Ах! Тайны вашего тела сводят меня с ума.

Анжелика задрожала. Ее охватило томное головокружение. «И я тоже больше не вытерплю», – подумала она, испытывая непонятную слабость.

– Когда вы будете моей, – продолжил король, – когда я возьму вас добром или силой, то, уверен, вы уже никогда меня не оставите, потому что мы созданы быть вместе и царить над миром, как Адам и Ева.

– Мадам де Монтеспан тоже выражает подобную уверенность, – заметила Анжелика с бледной улыбкой.

– Мадам де Монтеспан! Что такое она воображает? Что она взяла власть надо мной? Или она думает, что я слепой? Или что мне неизвестно ее злое сердце, низкопробные интриги, ее безмерная надоедливая гордыня. Я принимаю ее такой, как она есть: красивая... и иногда забавная. Неужели она вас пугает? Так знайте, что я смету любого, кто вам неуютен. Если вы сегодня попросите меня удалить мадам де Монтеспан, завтра она покинет дворец.

Анжелика притворилась, что не принимает этого всерьез.

– Сир, меня страшит такая чрезмерная власть.

– Вам нечего бояться. Я вручаю вам свой скипетр. И знаю, что он будет в надежных руках. Смотрите, вам вновь удалось отвлечь меня, успокоить горячность и подчиниться вашему благоразумному выбору дня и часа, когда вы снизойдете до меня. Однако не думаете ли вы, что мы могли бы договориться?

Теперь, держа ее за руки, он говорил просительным тоном.

– Да, я тоже так считаю, сир.

– Значит, вы позволите, моя красавица, повести вас однажды на Цитеру, на остров любви... Однажды... Обещайте.

Уступая его поцелуям, она выдохнула:

– Обещаю.

Наступит день, и она, преклонив колени, скажет: «Вот я...» И прижмется лбом к его королевским рукам. Она чувствовала, что это мгновение неизбежно приближается, и теперь, когда опасность, угрожавшая ее жизни, была устранена, это ожидание предстоящей любви поочередно наполняло ее то страхом, то торжеством. Случится ли это завтра? Или позже? Ответ зависел только от нее одной, но она выжидала, словно предоставляя выбор судьбе.

И судьба вмешалась. Ужасное событие, погрузившее французский двор в траур и поразившее народ, ускорило капитуляцию Анжелики.

Она провела три дня в Париже, занимаясь делами с господином Кольбером. В тот вечер она задержалась у министра и поздно возвращалась домой.

Перед особняком Ботрейи в голубых сумерках июньской безлунной ночи топтался какой-то нищий. Когда он подошел к карете, она узнала Сухаря.

– Поезжай в Сен-Клу! Поезжай в Сен-Клу! – прокричал он своим хриплым голосом.

Она хотела открыть дверцу кареты, но он вновь захлопнул ее.

– Поезжай в Сен-Клу! Я ж говорю. Там такое происходит... Я как раз оттуда, на телеге продавца уксуса... Там такое веселье начнется нынче ночью! Поезжай же.

– Но я не приглашена в Сен-Клу, дядюшка Сухарь.

– Туда пришел и еще кое-кто, и тоже без приглашения, но уже там. Камард... ^[25] Да и праздник в ее честь. Поезжай же посмотреть...

Анжелика вдруг подумала о Флоримоне и похолодела:

– Что случилось? Что ты знаешь?

Но старый бродяга, бормоча что-то себе под нос, уже удалялся.

Анжелика, теряя голову и вся во власти неясных предчувствий, крикнула кучеру, чтобы он скакал в Сен-Клу. Новый кучер, ранее служивший у герцогини де Шеврёз, был куда большим философом, чем его предшественник. Однако и он удивился и заметил, что без эскорта ехать по лесу в такой час опасно. Не выходя из кареты, Анжелика велела разбудить трех лакеев и мажордома Роже. Когда они вооружились и вскочили на коней, окружив карету, процессия двинулась в направлении ворот Сент-Оноре.

Глава LII

В темном парке, еще не остывшем после жаркого дня, раздавался пронзительный стрекот цикад. Он болезненно подействовал на натянутые нервы Анжелики. В этом непрерывном протяжном звуке чудилось что-то безумное и жестокое. Она заткнула уши. На повороте аллеи неожиданно показался загородный дом принца Орлеанского, за освещенными окнами которого сновали слуги с факелами. Многочисленные кареты стояли прямо на газонах. Двери дома оставались распахнутыми.

Действительно, что-то происходило, но это никак не напоминало праздник.

Анжелика, охваченная дрожью, выскочила из кареты и побежала в дом. Никто не подошел к ней, чтобы принять манто или узнать, что привело ее в такой поздний час. Однако в вестибюле толпился народ. Присутствующие сохраняли озабоченный вид и разговаривали приглушенными голосами. Анжелика заметила проходившую мимо мадам де Гордон-Гакслей.

– Что происходит? – громко окликнула ее Анжелика.

Шотландка сделала неопределенный испуганный жест.

– Мадам умирает, – ответила она.

И исчезла за портьерой.

Анжелика схватила за руку пробежавшего мимо лакея:

– Мадам умирает? Но этого не может быть! Еще вчера она была в полном здравии. Я видела, как она танцевала в Версале.

– Увы! Еще и сегодня в четыре часа дня ее высочество смеялась и весело беседовала с гостями. А потом она выпила чашку воды с цикорием, и ей тотчас стало плохо.

В будуаре госпожа Деборд, горничная принцессы, лежа на диване, нюхала соли. Она с трудом приходила в себя после обморока.

– Несчастливая женщина, это уже шестой обморок за сегодняшний день, – сказала мадам де Гамаш.

– Но что с ней? Она тоже выпила этой воды с цикорием?

– Нет, но это она приготовила воду и теперь считает себя виновной в этом ужасном происшествии.

Мадам Деборд пришла в себя. И тут же у нее начался настоящий истерический припадок.

– Успокойтесь, – умоляла ее мадам де Гамаш, – вы ни в чем не

виноваты. Подумайте, вы приготовили эту воду, а принесла воду я в личной чашке принцессы.

Но несчастная горничная ничего не хотела слышать и, жалобно стелая, раскачивалась из стороны в сторону:

– Мадам умирает, Мадам умирает...

– Так говорится, но посетили ли Мадам медики?

– Она со всеми уже виделась, – простонала Деборд. – Король прислал своего собственного лекаря. Все, все они там. Все там. Там и Мадемуазель, и Месье там. Королева...

– О! Пощадите, – прервала ее мадам де Гамаш на грани нервного срыва.

Между тем появился Месье, который вышел из апартаментов Мадам в сопровождении пылающей негодованием мадемуазель де Монпансье.

– Кузен, пора понять, что Мадам умирает и что пора уже обратиться к Богу...

– Но у нее есть свой исповедник, – вяло возразил Филипп Орлеанский.

Он со скучающим видом поправил складку на галстук. Совершенно очевидно, что из всех присутствующих он оставался наиболее равнодушным. Но в силу своего характера он не мог противиться энергии Великой Мадемуазель и был вынужден ее выслушивать. Та раздраженно пожала плечами:

– Ее исповедник! Меня бы очень расстроило, если бы мне пришлось предстать перед Богом, напутствуемой таким ничтожеством. Ее исповедник! Он годится только на то, чтобы красоваться в карете, чтобы народ видел, что у нее есть исповедник. Вам известно не хуже меня, что этот капуцин славится лишь своей бородой, самой красивой во всем королевстве. И ничем больше... Но смерть... Размышляли ли вы когда-нибудь, кузен, над тем, что значит «умереть»?

Месье, нервно вздохнув, устался на свои ногти.

– Ну так вот, знайте, что и вас, вас тоже это не минует! – воскликнула Великая Мадемуазель, заливаясь слезами. – И будет ли тогда у вас желание заниматься ногтями? Ах! Моя дорогая бедняжка, – простонала она и, заметив Анжелику, подозвала ее к себе жестом отчаяния.

Она без сил опустилась на банкетку.

– Если бы вы знали, какое тягостное зрелище – вся эта толпа людей, которые толкуются вокруг Мадам, болтая и сплетничая, словно в ожидании начала комедии! И ее исповедник, который только и умеет, что поглаживать бороду и говорить банальности...

– Успокойтесь, кузина, – примирительно сказал Филипп

Орлеанский. – Подумаем, где бы найти подобающую особу, которая могла бы служить Мадам опорой до самой последней минуты? А! я знаю такого: это аббат Боссюэ. Мадам иногда с ним беседовала, это воспитатель дофина. Мы пошлем за ним.

Он тотчас распорядился, чтобы за аббатом Боссюэ послали курьера.

– Но время сейчас не терпит. Кто знает, будет ли Мадам еще жива, когда появится месье Боссюэ. А нет ли кого-нибудь в Сен-Клу?

– Вы просто неугомонны, честное слово!

Одна из фрейлин рекомендовала преподобного отца Фёйе, каноника церкви Сен-Клу, известного своими достоинствами.

– И своим дурным характером, – возразил брат короля сухим тоном. – Зовите его, если угодно, но я удаляюсь. Впрочем, я и так уже простился с Мадам.

Он развернулся на высоких каблуках и в сопровождении свиты направился к лестнице. Флоримон, находившийся там же, заметил мать и подошел поцеловать ей руку.

– Какое грустное событие, правда, матушка? – спросил он чопорно. – Мадам отравили.

– Флоримон, умоляю, прекрати повсюду подозревать отравления.

– Но это так, именно так, ее отравили. Об этом все говорят, да я и сам был там. Месье хотел ехать в Париж, и мы спустились вместе с ним во двор. В этот момент мы повстречались с только что приехавшей герцогиней Мекленбургской. Месье поздоровался с ней, и вместе они направились к Мадам, которая шла ей навстречу. Вот тогда-то мадам Гордон и подала ей чашку ледяной воды с цикорием, которую Мадам всегда пила в этот час. Едва она выпила, как схватилась за бок и воскликнула: «Ах! Боль в боку! Ах! Какая боль! Нет сил терпеть!» Сначала она покраснела, а потом стала совсем бледной. Она сказала: «Отнесите меня, я сейчас упаду...» Она шла согнувшись. Я сам видел.

– Паж прав, – поддакнула одна из молоденьких фрейлин принцессы Генриетты. – Как только Мадам положили в постель, она сказала нам, что уверена, что ее отравили, и попросила противоядия. Первый камердинер Месье принес ей змеиный порошок, но боли оставались такими же ужасными и даже усилились. Это наверняка страшный и неизвестный яд.

– Ах! Не говорите глупостей, – прервала ее Великая Мадемуазель. – Кому нужна смерть такой очаровательной молодой женщины? У Мадам и врагов-то не было.

Они умолкли, но каждый продолжал об этом думать, и в первую очередь сама мадемуазель де Монпансье. У всех на устах было одно и то

же имя – имя собственного мужа жертвы, вернее, его удаленного фаворита. Мадемуазель нервно обмахивалась веером, потом она устремилась навстречу отцу Фёйе, которого провели в гостиную.

– Без моего вмешательства, господин аббат, несчастная принцесса отошла бы в мир иной как еретичка. Пойдемте, я провожу вас.

Мадам де Гамаш стала тихонько объяснять, почему Месье не любит отца Фёйе. Это прямой и суровый церковник, к которому вполне применимы строки одного из псалмов: «Я без смущения повторял Твои заповеди перед королями». Однажды во время поста его пригласили на небольшую трапезу к Филиппу Орлеанскому. Брат короля взял сдобный сухарик и спросил у него: «Это ведь не нарушит поста, правда?» – «Съешьте хоть целого быка, но оставайтесь христианином», – ответил каноник.

Молодая фрейлина прыснула со смеху. В этот момент гул голосов из покоев принцессы заставил дам встрепенуться и принять подобающее моменту выражение лица.

Продолжая разговор с медиками, появился король. За ним шла королева, сморкаясь в платочек, потом следовали графиня де Суассон, мадемуазель де Лавальер, мадам де Монтеспан и мадемуазель де Монпансье.

Проходя через гостиную, король заметил Анжелику. Он обернулся и, не обращая внимания на прикованные к ним взгляды, увлек ее в оконную нишу.

– Сир, неужели действительно нет больше надежды? Лекари...

– Лекари часами твердили, что это несерьезное недомогание, а потом вдруг потеряли голову и уже не знали, что делать. Я постарался вернуть их к действительности. Я не врач, но сразу предложил им не менее тридцати лекарств: они ответили, что надо ждать. Это настоящие ослы, – заключил он, бросив мрачный взгляд в направлении лекарей в островерхих колпаках, собравшихся в кучку и ведущих тихие переговоры.

– Но как такое могло случиться? Мадам казалась совершенно здоровой. Она вернулась из Англии такой счастливой.

Король, не отвечая, посмотрел на нее долгим взглядом, и она прочла в его глазах страшное подозрение, которое не переставало его мучить. Не найдя слов утешения, Анжелика опустила голову. Ей хотелось взять его за руку, но она не посмела.

– Я желал бы попросить вас об услуге, Анжелика, – прошептал он. – Оставайтесь здесь до конца... До самого конца, а затем приезжайте сообщить мне об этом в Версаль. Вы приедете, не откажете? Вы мне

нужны... дорогая.

– Я приеду, сир.

Людовик XIV тяжело вздохнул:

– Сейчас я должен уйти. Государям не полагается видеть смерть. Таково правило. Когда наступит мой час и я буду умирать, моя семья покинет дворец и я останусь один... Меня успокаивает, что возле Мадам находится этот достопочтенный священник, месье Фёйе. Сейчас не время успокоительных светских разговоров придворных исповедников. А! Вот и епископ Кондом и Боссюэ. Их присутствие поддержит Мадам.

Он пошел навстречу прелату и немного поговорил с ним. Потом королевская семья удалилась, и Боссюэ вошел в спальню умирающей. Было слышно, как на улице хлопали дверцы карет и нетерпеливо били копытом лошади.

Анжелика села на банкетку, намереваясь ждать. Флоримон в возбуждении носился повсюду, как это бывает с детьми, причастными к драме, которая их не затрагивает. Он сообщил матери, что Месье уже лег и заснул сном праведника. Незадолго до полуночи мадам де Лафайет, находившаяся возле принцессы, пришла сказать, что Мадам узнала о присутствии Анжелики в Сен-Клу и желает ее видеть.

Спальню заполняли придворные, но появление отца Фёйе и аббата Боссюэ внесло должную благопристойность. Теперь разговаривали тихо. Оба священника, сидевшие возле изголовья кровати, удалились, чтобы уступить место Анжелике. Сначала ей показалось, что на постели лежит какая-то незнакомка, – настолько перемены, происшедшие с Мадам, сделали ее неузнаваемой. Через раскрытый ворот и из рукавов ночной сорочки проглядывало восковое тело, страшно исхудавшее за несколько часов и похожее теперь на скелет. Выступили скулы, нос заострился. Темные круги окружали огромные, запавшие от жестоких мучений глаза.

– Как вы страдаете, Мадам! – едва слышно произнесла Анжелика. – Как тяжело видеть ваши мучения!

– Спасибо, что вы мне это говорите. А то все твердят, что я преувеличиваю тяжесть своего состояния. Но если бы я не была христианкой, то убила бы себя – так велики мои мучения.

Она с трудом вздохнула и продолжала:

– Но это хорошо, что я страдаю, иначе мне нечего было бы представить Создателю, кроме моей бессмысленной жизни. Мадам дю Плесси, я счастлива, что вы пришли. Я помню об услуге, которую вы мне оказали, и о долге перед вами. Я привезла из Англии...

Она сделала знак подойти господину де Монтегю, английскому послу. Принцесса заговорила с ним по-английски, и Анжелика поняла, что она поручила ему вручить маркизе три тысячи пистолей, которые она у нее одолжила.

Англичанин выглядел глубоко подавленным. Он знал, в какое отчаяние впадет его государь, Карл II, когда узнает о смерти своей сестры, своей нежно любимой маленькой Нинетты. Он счел своим долгом спросить у умирающей, не подозревает ли она какого-нибудь преступного замысла, потому что уловил в разговорах слово «яд», которое звучит почти одинаково в обоих языках. Но тут вмешался отец Фёйе:

– Мадам, не осуждайте никого и воспринимайте свою смерть как жертву Создателю.

Принцесса движением век выразила согласие и долго молчала, не открывая глаз. Анжелика хотела удалиться, но ледяная рука Генриетты слабо удерживала ее ладонь, и она не решалась высвободиться. Мадам вновь открыла глаза. Ее темно-синие зрачки словно вылиняли, но она неотрывно, с напряженным вниманием смотрела на склоненное над ней лицо Анжелики.

– Ко мне приходил король, – сказала она. – Вместе с королевой, мадам де Суассон, мадемуазель де Лавальер и мадам де Монтеспан...

– Да.

Мадам замолкла. Но все так же пристально смотрела на нее. Анжелика вдруг подумала, что Мадам когда-то любила короля. Флирт зашел так далеко, что влюбленные придумали сделать ширмой одну из фрейлин Мадам, дабы королева-мать, которая была в то время еще жива, ничего не заподозрила. Этой фрейлиной оказалась не кто иная, как Луиза де Лавальер. Остальное уже известно. Благородной принцессе нашли замену в лице скромной фрейлины. Слишком гордая, она плакала тайком в объятиях своей лучшей подруги, мадам де Монтеспан... которая в свою очередь заняла это место. И вот теперь она увидела возле своего изголовья короля, его жену и трех любовниц – двух прежних и новую – в ретроспективе своей честолюбивой мечты о любви, тщетно ожидаемой и обреченной на оскорбительное поражение.

– Да, – вновь ласково повторила Анжелика.

И она грустно улыбнулась. Принцесса Генриетта отличалась несомненными достоинствами. А ее недостатки не выглядели пошлыми, и она всегда казалась грациозной, пылкой и умной. Слишком умной. И вот она умирала в окружении врагов и людей, совершенно к ней безразличных.

Ее взгляд затуманился. Она произнесла едва различимо:

– Ради него я хотела бы, чтобы он полюбил вас... вас... потому что...

Она не смогла закончить и сделала слабый жест. Ее рука упала на одеяло. Анжелика отошла от кровати. Она вышла из спальни, села на банкетку в вестибюле и вновь стала ждать, пытаясь молиться. Около двух часов ночи аббат Боссюэ на мгновение вышел из спальни принцессы и сел в отдалении, чтобы немного передохнуть. Слуга принес ему чашку шоколада.

Флоримон, как ласточка, стремглав подлетел к Анжелике и сообщил ей, что у мадам началась предсмертная икота. Услышав это, Боссюэ отставил свою чашку и вернулся к изголовью кающейся.

Потом вышла мадам де Гордон-Гакслей, восклицая:

– Мадам умерла!

Анжелика, исполняя обещание, данное королю, тотчас собралась ехать в Версаль. Она хотела увезти и Флоримона, чтобы вырвать его из похоронной суматохи, но нашла его на сундуке при входе держащим за ручку девочку лет девяти.

– Это младшая Мадемуазель, – объяснил он. – Никто не обращает на нее внимания, поэтому я должен оставаться при ней. Пока еще она не понимает, что ее мама умерла. Умерла, конечно, принцесса, но для нее это мама, верно? И когда она поймет, то будет плакать. Я должен остаться, чтобы утешить ее.

Анжелика похвалила сына, потрепав по спутанным волосам. Хорошему вассалу полагается вместе со своим господином делить все тяготы и поддерживать его в горестную минуту. Да и сама она ведь тоже ехала к королю. Со слезами на глазах она расцеловала маленькую принцессу. Казалось, ребенка и впрямь не очень расстроила потеря матери, которую она едва знала и которая никогда ею не занималась.

Кареты придворных уже неслись в Версаль. Анжелика, пустив лошадь вскачь, обогнала их. Глубокой ночью она доскакала до дворца. Ее ввели в кабинет, где сидел бодрствующий король.

– Что?

– Все кончено, сир, Мадам умерла.

Король склонил голову, скрывая бушевавшие в нем чувства.

– Вы думаете, что ее отравили? – наконец спросил он.

Анжелика сделала неопределенный жест.

– Все так думают, – продолжил король. – Но у вас здравая голова, скажите, каково ваше мнение?

– Мадам уже давно боялась, что ее отравят. Она мне жаловалась.

– Она подозревала? А кого она боялась? Она называла имя?
– Она знала, что шевалье де Лоррен ее ненавидит и никогда не простит своего изгнания.

– А кто еще? Говорите... Говорите же! Если не скажете вы, то кто же скажет мне это прямо в лицо?

– Мадам говорила, что Месье часто угрожал ей в минуты гнева.

Король глубоко вздохнул.

– Если мой брат... – прошептал он. Потом он поднял голову. – Я приказал доставить Мореля, распорядителя замка Сен-Клу. Думаю, он явится с минуты на минуту. А, я слышу шаги. Это, вероятно, они. Я хотел бы, чтобы вы присутствовали при нашем разговоре. Спрячьтесь за этой занавеской.

Анжелика скользнула за портьеру. Дверь отворилась, и Бонтан и лейтенант гвардейцев ввели названного Мореля. Человек с жесткими чертами лица, вопреки подчеркнутой профессиональной услужливости, он обладал и некоторым высокомерием. Несмотря на свое положение арестованного, он сохранял полное хладнокровие. Король знаком показал камердинеру остаться. Лейтенант вышел.

– Посмотрите на меня, – серьезно сказал король Морелю. – Можете считать, что сохраните свою жизнь, если будете откровенны.

– Сир, я скажу чистую правду.

– Помните свое обещание: если обманете, то вам здесь же уготована казнь... От вас зависит, покинете вы дворец живым или мертвым.

– Сир, – спокойно продолжал Морель, – после ваших святых слов я был бы круглым дураком, если бы посмел солгать.

– Ладно... Теперь отвечайте. Мадам отравили?

– Да, сир.

– Кто ее отравил?

– Маркиз д'Эффия и я.

Король кашлянул.

– Кто поручил вам это страшное дело и кто дал вам яд?

– Шевалье де Лоррен инициатор и главное орудие этого покушения. Это он послал нам из Рима венецианские пилюли, которые подготовил я, а д'Эффия бросил в чашку с питьем ее королевского высочества.

Король неожиданно понизил голос:

– А мой брат... – он постарался овладеть своим голосом, – мой брат знал о заговоре?

– Нет, сир.

– Можете вы подтвердить это клятвенно?

– Сир, клянусь в этом перед Богом, перед которым я виноват... Месье не был посвящен в тайну... Мы не могли на него полагаться... Он погубил бы нас.

Людовик XIV выпрямился:

– Мне важно было это узнать... Убирайтесь, презренный, я оставляю вам жизнь, но покиньте мое королевство и запомните, что если впредь вы вновь окажетесь в его пределах, то будете казнены!

Морель покинул кабинет в сопровождении Бонтана. Король вышел из-за рабочего стола:

– Анжелика!

Она восприняла его крик как крик раненого, который с трудом стоит на ногах.

– Анжелика, ангел мой...

– Я здесь.

– Какой ужас, – прошептал он, – какие подлые и неверные души!

Но он не все еще знает. Наступит день, и правда откроется до конца. «Однажды мы сдернем покровы», – сказал Ла Рейни. И король в полном одиночестве погрузится в это море позора и немыслимых преступлений.

– Не оставляйте меня одного.

– Я здесь!

– Вокруг меня нет никого, кому я мог бы довериться.

– Я здесь...

Кажется, он наконец услышал ее. Король поднял голову и долго смотрел на нее с неммым вопросом.

– Правда? Анжелика, вы не оставите меня?

– Нет.

– Вы будете моим другом... Вы будете моей?

Она кивнула головой: «Да». Подняв руку, она очень ласково коснулась его щеки и виска.

– Правда? – повторил он. – О! Это как...

Он подыскивал слово, чтобы выразить свое восхищение. Свет нарождающегося дня окрасил розовым края занавесей.

– Это как заря... Обещание жизни, силы... которую вы мне даруете после этой ужасной ночи, когда к нам вторглась смерть. О! Сердце мое... Вы будете моей! Моей! Я буду обладать этим сокровищем...

Он сжал ее в страстном порыве. Она ощутила, что ей передается его отважная сила, и вслед за ним она прониклась уверенностью, что их союз сделает их непобедимыми перед всем миром. Враги разбегутся, пропадут призраки. В конце долгой борьбы на их истерзанные души снизошел

неожиданный и животворный покой.

Бонтан уже несколько раз стучал в дверь.

– Сир, час наступил.

Анжелика высвободилась из сильных объятий, не желавших ее отпускать.

– Сир, час наступил, – повторила она.

– Да. Надо вновь становиться королем. Но я боюсь, что, если я вас отпущу, вы вновь ускользнете.

Она покачала головой с грустной и усталой полуулыбкой. Из-за этой изнурительной ночи ее веки слегка отяжелели, а прическа растрепалась, как у утомленной возлюбленной.

– Я люблю вас, – сказал король глухим голосом. – О! Мой ангел, я люблю вас, не покидайте меня!

После обычной церемонии пробуждения короля придворные, как всегда, отправились на утреннюю мессу. Король с непроницаемым выражением лица занял свое место. Слышались сдержанные рыдания. Аббат Боссюэ медленно поднялся на кафедру. В золотистом свете, льющемся через оконные витражи, все смотрели на его поднятое кверху серьезное лицо и высокую фигуру в черной мантии и кружевном стихаре.

Он выдержал долгую паузу, потом его рука тяжело опустилась, и в то же время громкий голос мощно взлетел под своды королевской часовни:

– О, злосчастная ночь! О, страшная ночь, когда как удар грома разнеслась весть: *Мадам умирает! Мадам умерла!..* Как полевой цветок, Мадам угасла за один день. Вы видели, какой красотой цвела она утром, а вечером она уже увяла... Какая поспешность! Все свершилось за девять часов... О, суета сует...

Глава LIII

В бассейне, среди колышущихся шлюпок, рядом с двумя маленькими английскими кораблями, неаполитанской фелюкой и бискайской галерой, покачивался большой корабль на якоре, подобный бабочке на зеленом ковре.

Это был военный фрегат в миниатюре, с маленькими бронзовыми пушечками, корпус которого, разукрашенный королевскими лилиями, букетами, раковинами и морскими божествами, отливал золотом. Снасти были из розового или ярко-красного шелка, навесы и тенты – из узорчатого шелка и парчи с золотыми и серебряными кистями. На такелаже и на синих и золотых мачтах в веселом разноцветном танце развевались штандарты, вымпелы, знамена и флажки, на которых повсюду виднелись золотые и серебряные королевские гербы и вензеля.

Сегодня Людовик XIV торжественно представлял двору это сокровище, эту яркую игрушку. Шагнув на ступеньку деревянной позолоченной лестницы, он обернулся к дамам. Кто же будет выбран для первой поездки к полям Трианона? Бледно-голубой атласный костюм короля вполне соответствовал прекрасному летнему дню. Людовик улыбнулся и протянул руку Анжелике. На глазах всего двора она поднялась по ступеням и устроилась под парчовым шлюпочным тентом. Король сел возле нее. После этого расселись приглашенные на большой корабль. Мадам де Монтеспан среди них не было. Она возглавляла – честь, которая не ввела ее в заблуждение и заставила побледнеть от злости, – группу придворных, размещенных на галере. Королева находилась на неаполитанской фелюге. Остальные придворные расселись на шлюпках. На барже, обитой узорчатым шелком в красную и белую полосу, разместились королевские музыканты.

И под звуки скрипок и гобоев маленькая флотилия неспешно заскользила по гладкой поверхности Большого канала. Путешествие оказалось слишком коротким. В этот жаркий летний день присутствующие наслаждались свежестью, идущей от воды. На бездонном синем небе начали появляться тяжелые серые тучи.

– Собирается дождь, – заметила Анжелика, стараясь банальными фразами заглушить смутное предчувствие.

– Вы боитесь кораблекрушения? – спросил король, внимательно за ней наблюдавший.

– Возможно...

Общество высадилось на зеленые лужайки, где были раскинуты шатры и расставлено угощение. Начались танцы, разговоры, игры. Во время партии в прятки Анжелике завязали глаза, и господин де Сент-Эньян закружил ее, чтобы она перестала ориентироваться. Когда он ее отпустил и тотчас убежал на цыпочках, царившая кругом тишина показалась ей необычной.

– Не оставляйте меня одну! – со смехом закричала Анжелика.

Она немного подождала, прислушиваясь к окружающим звукам. Шаги приближались. Чья-то рука сняла с глаз повязку.

– О! – выдохнула она, пораженная.

Анжелика находилась уже не на лугу, где веселились придворные, чей смех долетал теперь издалека, а на опушке грабовой рощи. На вершине холма, образованного тремя цветочными террасами, возвышался незнакомый дворец.

Небольшой, выстроенный из белого фаянса с перистилем из розового мрамора, он выделялся на фоне зелени акаций, опьяняющий аромат которых плавал в разогретом воздухе.

– Это Трианон, – сказал король.

Он один находился возле нее на лужайке. Король обнял Анжелику за талию, и они медленно поднялись к домику.

– Этот час настал, ведь правда, Анжелика? – очень тихо спросил король. – Пора нам обрести друг друга.

Его голос прерывался, и она чувствовала, как дрожат его властные пальцы на ее талии. Король так никогда и не избавился от своей робости в отношениях с женщинами. В решительный момент его охватывал страх.

– Моя дивная любовь! Дивная любовь!..

Анжелика уже не противилась. Маленький дворец звал в свое тихое уединение. Не было сил сопротивляться той воле, что влекла ее. Ничто не могло разрушить окружающую их таинственность, созданную из цветов, уединения и полумрака.

За ними закрылись стеклянные двери. Комната, обитая парчой, представляла собой образец изящного вкуса. В своем смущении Анжелика заметила только, что все это восхитительно и что в алькове стоит большая кровать с поднятым пологом.

– Мне страшно, – прошептала она.

– Ничего не бойтесь, любовь моя.

Опустив голову на его плечо, она позволила поцеловать себя в губы, расстегнуть корсаж и обнажить нежную округлость груди, позволила

насладиться прикосновением к теплому обнаженному телу. Он нежно увлекал ее, сам взволнованный и словно пораженный силой своего желания.

– Иди же, иди сюда! – еле слышно умолял он.

Его чувственность оказалась стихийной и инстинктивной. Неудержимый поток, буря влекли его к желанной женщине. Этот слепой порыв мужчины не мог не волновать в сравнении с обычной невозмутимостью монарха.

Анжелика, стоя возле кровати, открыла глаза. Король, не раздумывая, предался ей, а она чувствовала себя сильной, вооруженной материнскими чувствами и опытом. Она готова была принять его в свои объятия и ласками успокоить невысказанное терзание этого сильного мужского тела. Но это длилось лишь одно мгновение. Вдруг она напряглась, зрачки ее глаз, устремленных в сгущавшийся полумрак, расширились.

– Гроза, – пробормотала она.

Послышался отдаленный раскат грома. Король пытался понять ее смятение.

– Это не страшно. Чего вы боитесь?

Но в его объятиях лежало теперь напряженное непокорное тело. Она вырвалась, подбежала к окну и приложила пылающий лоб к прохладному стеклу.

– Что опять случилось? – спросил король.

Его голос дрожал от сдержанного гнева.

– На этот раз дело не в целомудрии. Ваша нерешительность говорит о раздвоенности, которую я давно уже подозревал. Между нами стоит другой мужчина!

– Да.

– Кто он? – прорычал король.

Она обернулась, изменившись до неузнаваемости, сжав кулаки. Ее зеленые глаза сверкали, как карбункулы.

– Жоффрей де Пейрак, мой супруг, которого вы заживо сожгли на Гревской площади! – Анжелика медленно закрыла лицо руками. Приоткрытым ртом она ловила воздух. – Жоффрей де Пейрак, – повторила она.

У нее подкосились ноги, и она упала на колени, тихо произнося что-то несвязное.

– Что вы сделали с этим певцом, с этим гением, с этим великим хромым сумасшедшим, под безобидной чарующей силой которого находилась вся Тулуза! И как могу я позабыть Тулузу! Там поют и

проклинают. Там бросают цветы и провозглашают анафему. Тулуза, самый суровый и самый нежный город – город Жоффрея де Пейрака, которого вы заживо сожгли на Гревской площади!..

Перед ней неотступно стояло это видение: в зимних сумерках огромный красный цветок затухающего костра. Только огонь и темнота сохранились в ее памяти. Она непроизвольно коротко всхлипнула, в глазах появилась угрюмость.

– Его пепел развеяли по ветру над Сеной, у его сыновей нет имени, его замки сровняли с землей, друзья отвернулись от него, а враги позабыли. Ничего не осталось от Отеля Веселой Науки, где протекала такая счастливая жизнь. Вы все у него отняли... Но не все получили! Вы не получите меня – меня, его жену...

На улице пошел дождь. Гроза накрыла все окружающее неожиданной темнотой, исхлестанной порывами ветра.

– Возможно, вы уже все позабыли, – продолжила Анжелика вполголоса. – Что значит один человек для столь могущественного монарха, как вы? Пыль, пепел, унесенный Сеной. Но я помню и никогда не забуду. Я приехала в Лувр умолять вас, но вы оттолкнули меня. Вы знали, что он невиновен, но вы хотели его осудить. Потому что вы боялись его влияния на Лангедок. Потому что он был богаче вас! Потому что он не ползал униженно у ваших ног. Вы подкупили судей, чтобы приговор был обвинительным. Вы приказали убить единственного свидетеля, который мог его спасти. Вы позволили его пытать. Вы дали ему погибнуть. А я... Вы оставили меня с двумя детьми в забвении и нищете... Как могу я все это забыть!^[26]

Она всхлипывала без слез, вновь переживая ужасы, не имеющие названия, горести, не поддающиеся забвению. В своем пышном платье она выглядела столь же жалкой и обезумевшей, как нищая Анжелика среди обитателей парижского дна.

Король, стоя в нескольких шагах от нее, казался пораженным громом.

Проходили бесконечные минуты. Заговорить? Или молчать? Ни слова, ни молчание не могли стереть прошлого. Тяжело, с глухим шумом обвала прошлое возводило между ними непреодолимую стену.

Солнце вновь появилось в окне, и король бросил короткий взгляд в сад. Размеренным шагом он подошел к стулу, на котором оставил свою шляпу, и надел ее. Затем он повернулся к неподвижно стоящей Анжелике:

– Пойдемте, мадам. Двор ждет нас.

И так как она не двигалась, он повторил настойчивее:

– Пойдемте. Не нужно задерживаться. Мы слишком много друг другу

сказали.

Молодая женщина покачала головой:

– Нет, не слишком много. Это необходимо было высказать.

Анжелика чувствовала себя разбитой, но сделала над собой усилие, чтобы соответствовать достойному внешнему виду короля. Она встала, подошла к зеркалу, привела в порядок прическу и платье. Внутри ее образовалась пустота.

Под перистилем из розового мрамора они прошли рядом и все же совсем чужие, навсегда разведенные судьбой.

Глава LIV

«Что-то теперь будет?» – думала Анжелика.

День шел своим чередом. Возвращение в Версаль после неожиданной грозы. Бал, малый ужин, карточная игра. Анжелику мучили вопросы. Должна ли она удалиться, бежать или ждать решения короля? Он не может не отреагировать. Но когда и каким образом? Наступило утро, и опять потекли различные увеселения. Король не появлялся. Он работал. Анжелику окружало всеобщее внимание. Накануне их одновременное с королем исчезновение не прошло незамеченным и всеми было расценено как многозначительное событие. Госпожа де Монтеспан покинула Версаль, чтобы скрыть свою ярость. В ожидании непосредственной опасности Анжелика позабыла об угрозах со стороны соперницы. Если король подвергнет ее опале, что будет с Флоримоном и с Шарлем Анри?

Она села за карточный стол и за один час проиграла тысячу пистолей. Это невезение показалось ей символом той неразберихи, которую сама она создала вокруг себя. Отвергнув любовь короля, она потеряла все выигрышные карты, отказалась от всех козырей. Тысяча пистолей!.. Вот куда завело ее это глупое пристрастие жить с игральными костями в руке. Она не испытывала никакой страсти к игре, но при дворе и дня не проходило, чтобы ей не приходилось принять участие в партии. Вот так понемногу людей и вынуждают выпрашивать милостей или должностей, чтобы пополнить вечно пустой кошелек! Одно обязательство за другим ведет к разорению и новому обогащению, к закладу драгоценностей, чтобы принять участие в путешествии, и к их выкупу, чтобы блистать на балу, прикидывать выгоды от тех или других доходных должностей, писать прошения.

Лучше вызвать в себе презрение к придворной жизни, раз ей нужно покинуть Версаль. В этом она была теперь совершенно уверена! Это ее последние часы в Версале!..

Стоя перед окном Большой галереи, она вспоминала то первое утро, когда рядом с Баркаролем любовалась пробуждающимся парком Версаля, королевой которого могла бы стать, – Версаля и его фонтанов, аллей, беседок, мира его статуй и боскетов, убежища прелестных праздников. Там, в конце Королевской аллеи, вырисовывались на горизонте мачты, паруса и снасти малой флотилии, которая среди полей и лесов Иль-де-Франс служила, кажется, таинственным призывом к далеким сказочным

путешествиям...

Бонтан нашел ее погруженной в эти мечты. Он шепнул, что король хочет ее видеть и ждет. *Час пробил.*

Король, как обычно, казался спокойным. Когда Анжелика вошла, на его лице не проступило и следа волнения. Однако он знал, что сейчас разыграется сцена, исход которой будет для него решающим. Никогда еще он не жаждал так страстно победы. И никогда еще не был заранее так убежден в безнадежном поражении. «Она уйдет, – думал он, – и мое сердце покроется пеплом».

– Мадам, – громко произнес король, когда она села, – вы выдвинули против меня жестокие и несправедливые обвинения. Я провел часть ночи и сегодняшний день, пересматривая досье этого уже забытого процесса. Я приказал принести мне все относящиеся к нему документы. Действительно, некоторые подробности уже стерлись в моей памяти, но само дело я хорошо помню. Как большинство решительных поступков, которые я вынужден был совершить в начале своего правления, это дело навсегда запечатлелось в моей памяти. Оно располагается на той шахматной доске, на которой я разыгрывал тогда очень трудную партию, и ставкой в ней являлась моя корона и власть...

– Мой муж никогда не угрожал вашей короне и вашей власти. Только зависть...

– Не начинайте вновь выдвигать мне разные несправедливые обвинения, – произнес он тихо, но тоном, от которого она похолодела. – И немедленно прекратим ссору и установим исходные данные. Да, я утверждаю, что граф де Пейрак угрожал моей короне и моей власти, будучи одним из самых крупных вассалов. Ибо крупные вассалы были и все еще остаются моими злейшими врагами. Вы ведь не дуручка, Анжелика. И нет такой страсти, которая могла бы полностью лишить вас здравого смысла. Я говорю это не ради оправдания, я говорю о причинах, чтобы у вас возникло правильное суждение. Вы должны ясно представлять, что тогда происходило: ужасные волнения во всем королевстве до и после моего совершеннолетия, война, в которой внутренние волнения лишили Францию тысячи преимуществ. Принц крови, брат моего отца, Гастон Орлеанский во главе моих врагов! Великий человек, принц Конде, объединившись с Гастоном Орлеанским, вызвал крамолу в государстве. Члены парламента бунтуют против своего короля. При моем дворе очень мало бескорыстно верных придворных. В результате даже самые внешне покорные мои подданные оказывались такими же ненадежными, как и мятежники. Безоговорочную поддержку я встречал только со стороны моей

матери, повсеместно презираемой и оклеветанной, и всеми ненавидимого кардинала Мазарини. И к тому же оба они иностранцы. Кардинал, как вам известно, – итальянец. Моя мать в своем сердце и в своих привычках всю жизнь оставалась испанкой. Даже самые благонамеренные французы плохо переносят их образ жизни. Легко догадаться, как относились к этому злонамеренные. И среди всей этой смуты я, ребенок, обремененный непосильной властью, понимающий, что слишком слаб и что со всех сторон грозит опасность.

– Вы уже не были ребенком, когда приказали арестовать моего мужа.

– Помилуйте, оставьте этот упрямый вид! Неужели, подобно всем женщинам, вы не способны рассмотреть проблему в целом? Как бы ни были для вас тяжелы последствия ареста и смерть графа де Пейрака, это всего лишь мелкий эпизод на огромном полотне мятежа и борьбы, о которых я вам говорю...

– Так как граф де Пейрак был моим супругом, то согласитесь, что его судьба мне представляется более значимой деталью, чем вся совокупность вашей картины.

– Истории безразлично мнение мадам де Пейрак, – с иронией заметил король, – а моя картина совпадает с картиной всемирной истории.

– Мадам де Пейрак безразлична всемирная история, – ожесточенно возразила взбешенная Анжелика.

Король посмотрел на напряженную позу Анжелики, на ее лицо с пылающими от возмущения щеками и грустно улыбнулся:

– Однажды вечером, еще не так давно и в этой самой комнате, вы вложили свои руки в мои и повторили старую клятву вассалов королю Франции. За этими словами, которые я столько раз слышал, последовало обычное предательство и отход. Богатые вельможи всегда будут готовы поднять голову, возобновить требования, отвернуться от властелина, которого считают по отношению к себе слишком суровым. Вот почему я держу их всех в Версале, на глазах. Это позволяет вовремя заметить нарыв и вскрыть его. У меня уже нет никаких иллюзий. Даже в отношении вас. Несмотря на влечение, которое я к вам испытываю, я всегда чувствовал в вас какое-то упрямство и холодность. Значит, это действительно существует.

После непродолжительного раздумья король заговорил снова:

– Я не буду стараться внушить вам жалость к маленькому затравленному королю-ребенку, каким я тогда был. Но это именно так. И тогда я поклялся, что буду внушать страх и послушание. Между моим тогдашним бессилием и моей сегодняшней силой пролегал долгий и

извилистый путь. Я видел, как мой парламент поднимает против меня войско и Тюренн становится во главе его, как герцог де Бофор и принц Конде организуют Фронду, как герцогиня де Шеврёз прилагает все силы, чтобы привести в Париж иностранные армии австрийского эрцгерцога и герцога Лотарингского. Я видел, как Конде, ставший моим спасителем, вслед за тем удалился, хлопнув дверью и изрекая подлые угрозы. Мазарини приказал его арестовать. Тогда герцогиня де Лонгвиль, его сестра, подняла Нормандию, а принцесса Конде – Гиень, в то время как герцогиня де Шеврёз на этот раз приглашала испанцев завоевать всю Францию. Я видел, как мой премьер-министр, потерпев поражение, бежал, как французы сражались друг с другом под стенами Парижа, а моя кузина, Великая Мадемуазель, стреляла по моим войскам из пушки Бастилии. Оставьте мне хотя бы смягчающие обстоятельства, учитывая, что я вырос в школе повсеместного недоверия и предательства. Конечно, я умею забывать, когда это нужно, но только не уроки такого горького опыта!

Анжелика не перебивала, сложив руки и глядя в пространство. Он чувствовал, что она от него отдалилась, и это отступничество было для него чувствительнее, чем все испытанные ранее. Между тем она едва слышно спросила:

– Почему вы оправдываетесь? Зачем?

Людовик XIV с достоинством посмотрел на нее:

– Ради своей репутации! Ваше недостоверное представление о руководивших мною мотивах заставило нарисовать оскорбительный и ложный портрет короля. Король, злоупотребляющий своей властью ради удовлетворения самых низменных чувств, недостойн священного титула, полученного им непосредственно от Бога и от его великих предков. Разрушить жизнь человека исключительно из зависти является постыдным поступком, несовместимым с положением настоящего государя. Но действовать в уверенности, что осуждение одного-единственного человека спасет от беспорядков измученный народ, который и так уже слишком многое перенес, – это мудрый поступок.

– Чем мой муж хоть когда-то угрожал порядку в вашем королевстве?

– Самим фактом своего существования.

– Самим фактом своего существования?

– Да поймите же меня! Я достиг наконец совершеннолетия – совершеннолетия королей, – которое не похоже на то совершеннолетие, когда частные лица начинают свободно вести свои дела. Мне было пятнадцать лет! Я полностью осознал только величие возложенного на меня бремени, не имея возможности хорошенько узнать свои собственные

силы. Я подбадривал себя, говоря, что возведен на трон и спасен ради того, чтобы творить добро, но не имел к этому возможности. И они были мне даны. Моим первым взрослым поступком был арест кардинала Реца. Так я начал хозяйничать в своем доме. За несколько лет я разрушил судьбы тех, кто так долго разрушал мою. Моего дядю Гастона Орлеанского я отправил в Труа. Других простил, и среди них Бофора и Ларошфуко. Принц Конде отправился к испанцам. Я заочно приговорил его к смерти. Во время моей свадьбы испанцы выговаривали ему прощение. Я согласился. Прошло время. Меня призывали другие заботы: с одной стороны, суперинтендант Фуко все больше влезал в мои дела, с другой – напряженность в отношениях с провинцией Аквитания, долгое время соперничавшей с Иль-де-Франс. Тогда там царили вы, моя любимая. Все говорили о прелестях Тулузы и рассказывали, что ваша красота возрождает образ прекрасной Элеоноры Аквитанской. Я успел заметить, что эта провинция жила иначе и казалась иноземной. Жестоко подавленная Крестовым походом против альбигойцев, затем долгое время остававшаяся под властью англичан и почти полностью охваченная ересью, она еще с трудом переносила вынужденное подчинение французской короне. Уже сам титул графа Тулузского делал этого феодала опасным, даже не принимая во внимание личные качества этого человека. Ну а к тому же нельзя забывать, какой человек носил этот титул! Глубочайшей образованности, эксцентричного и привлекательного характера, богатый, влиятельный и ученый. Я увидел его, и мной овладело беспокойство. Да, он был богаче меня, а этого я не мог допустить, ибо в наше время могущество строится на деньгах и рано или поздно его могущество стало бы меряться с моим.

С той поры мной владело одно стремление: сломить эту силу, возраставшую в стороне от меня, – силу, которая создавала рядом другое государство, а может, и королевство. Поверьте, если я скажу, что поначалу я не намеревался ополчаться на человека, я только желал уменьшить прерогативы графа, ослабить его власть. Но, внимательно изучая ситуацию, я обнаружил слабое место в жизни графа де Пейрака, которое позволяло мне разрешить одновременно и другую сложную задачу. У вашего мужа был враг. Я так и не смог разобраться почему, но Фуке, всесильный Фуке также поклялся его погубить.

Анжелика заламывала руки, слушая короля. Она страдала до глубины души, вновь переживая прошлое, разбившее ее безоблачное счастье. Она готова была объяснить королю причину ненависти Фуке, но что теперь это меняло! Разговоры не в состоянии восстановить разрушенное. Она несколько раз покачала головой. На висках выступил пот.

– Я причиняю вам боль, моя любимая, моя бедная любимая, – вполголоса сказал король.

Он замолчал, удрученный тяжестью судьбы, которая сначала сделала их врагами, а потом свела на пороге вспыхнувшей страсти. Он тяжело вздохнул.

– С этого момента я поручил дело Фуке, – продолжал он. – Я был убежден, что он справится. И он справился. Он, пронира, сумел воспользоваться обвинением архиепископа Тулузского. Признаюсь, я с интересом наблюдал за методами суперинтенданта. У него тоже были деньги и влияние. Он тоже полагал себя почти хозяином страны. Терпение! Придет и его черед, и позднее я с удовольствием применю против него те самые косвенные методы, которыми он пользовался до этого, уничтожая моих врагов. Перечитывая теперь документы этого процесса, я лучше понял суть вашего возмущения. Вы говорили об убийстве одного из свидетелей защиты, преподобного отца Киршнера. Увы! Так и было. Всё находилось в руках Фуке и его агентов. Фуке жаждал смерти графа де Пейрака. Но он зашел слишком далеко. Когда он арестовал графа, я вмешался...

Король ненадолго задумался.

– Вы явились в Лувр умолять меня. Это я тоже помню. Так же как я помню тот день, когда впервые увидел вас в Сен-Жан-де-Люз, ослепительную в вашем золотом платье. Не считайте меня таким забывчивым. У меня неплохая память на лица, а ваши глаза не из тех, которые легко забыть. Когда через несколько лет вы снова явились в Версале, я вас тотчас узнал. Я всегда знал, кто вы. Но вы явились об руку с вашим вторым мужем, маркизом дю Плесси-Бельер. Казалось, вам не хотелось слышать хоть какой-то намек на ваше прошлое. И я решил откликнуться на ваше желание, даровав вам прощение, о котором вы меня просили. Или я ошибался?

– Нет, сир. И я благодарю вас, – тихо ответила Анжелика.

– Должен ли я думать, что уже в тот день вы вынашивали в душе проект утонченной жестокой мести? Заставить меня расплачиваться сердечными терзаниями, теми, от которых страдаю я сегодня и от которых из-за короля вы страдали раньше?

– Нет, сир, нет, не считайте меня способной на подобную низость, к тому же такую бесполезную, – заверила его Анжелика. На ее лице вновь появился румянец.

Король еле заметно улыбнулся:

– Узнаю вас в этом восклицании. Действительно, месть бесплодна, а

вы не та женщина, чтобы растрачивать свои силы на бесполезные вещи. Но все же вы добились своего: я стократно истерзан, стократно наказан.

Анжелика отвела глаза.

– Я бессильна против судьбы, – сказала она слабым голосом. – Я хотела бы – да, признаюсь, – я хотела бы забыть. Я так любила жизнь. Я была слишком молода, чтобы связывать свою жизнь с казненным супругом. Будущее мне улыбалось и влекло тысячей соблазнов. Но прошли годы, и я заметила, что ничего не могу поделать, что никогда не переступлю через этот факт. *Он был моим супругом!* Я любила его всем своим существом, сердцем и душой, а вы сожгли его живьем на Гревской площади.

– Нет! – сказал король сдержанно.

– Он сгорел в жарком огне, – с отчаянием повторила Анжелика. – Хотите вы того или нет. Всю свою жизнь я буду слышать треск костра, пожравшего его по вашему приказу.

– Нет, – прозвучал голос Людовика, словно удар тростью по деревянной доске.

На этот раз она его услышала и посмотрела в испуге.

– Нет, – повторил король в третий раз на одном дыхании. – Его не сожгли. Это не его пожрал огонь в конце января тысяча шестьсот шестьдесят первого года, а труп повешенного, которым его подменили. По моему приказу, – подчеркнул он, – *по моему приказу*, в последний момент графу Жоффрею де Пейраку была отменена позорная казнь. Я сам лично проинформировал палача о своих планах, а также объяснил конкретные действия, чтобы сохранить все в строгом секрете, потому что в мои планы не входило публичное помилование. Я решил спасти Жоффрея де Пейрака, но приговорил графа Тулузы. Тайный характер моего замысла создавал массу трудностей. Наконец сошлись на плане, который основывался на особом положении одной лавчонки на Гревской площади. Этот кабачок имел подвал, сообщавшийся подземным ходом с Сенной. Утром казни мои агенты в масках заняли там места и принесли труп, облаченный в белый балахон. Через некоторое время на площадь прибыл кортеж. Палач ввел приговоренного на несколько минут в кабачок под предлогом, что необходимо дать ему подкрепляющее средство, и толпа не смогла увидеть подмены. В то время как огонь уничтожал безвестный труп в капюшоне, графа де Пейрака провели по подземному ходу до реки, где его ожидала лодка.

Так, значит, слухи, предчувствия, легенда, окружившая со временем

смерть графа де Пейрака, неожиданные признания колбасника с Гревской площади, надежды и смутные мечты Анжелики – все это имело основания... Глядя на ее побледневшее, застывшее лицо, король нахмурился:

– Но этим я не сказал, что он жив. Не поддавайтесь этой надежде, мадам. Граф мертв, без сомнения мертв, но он умер не при тех обстоятельствах, в которых вы меня обвиняете. Я даже сказал бы, что он умер по своей вине. Я даровал ему жизнь, но не свободу. Мушкетерам поручили отвезти его в крепость, где он находился бы в заключении. Но во время путешествия, ночью, он удрал с баржи. Безумная неосторожность! Слишком слабый, чтобы бороться с течением, он утонул, и его тело, выброшенное рекой, было найдено через несколько дней.

Вот бумаги, подтверждающие все мною сказанное. Рапорты лейтенантов мушкетеров, и среди них и тот, в котором говорится о побеге и опознании тела... Боже! Не смотрите на меня с таким потрясенным видом. Мог ли я думать, что вы все еще так сильно его любите? Нельзя любить мужчину, так давно умершего. Вот таковы женщины. Всегда цепляются за несбыточные мечты! Вы думали когда-нибудь, сколько лет прошло? Если бы вы встретили его сегодня, то просто не узнали бы его, как и он не узнал бы вас. Вы стали совершенно другой женщиной, как и он стал бы другим мужчиной. Я и представить не мог, что вы так безрассудны.

– Любовь всегда безрассудна, сир. Могу ли я попросить вас о милости? Доверьте мне эти бумаги, где говорится о его заключении и о побеге.

– Что вы хотите с ними сделать?

– Спокойно перечитать, чтобы успокоить мое сердце.

– Вы не поймаете меня... У вас в голове какое-нибудь новое безумие. Послушайте хорошенько: я вам запрещаю, вы слышите меня? *Я вам запрещаю* покидать Париж вплоть до моего нового приказа, иначе вы навлечете на себя мой гнев.

Анжелика опустила голову. Она, как сокровище, прижала бумаги к сердцу.

– Но вы позволите мне их изучить, сир? Я обязуюсь вернуть их через несколько дней.

– Ладно. В конце концов, берите. Это ваше право, поскольку я сам ознакомил вас с ними. Может быть, их чтение заставит вас понять, что нельзя оживить прошлое. Смотрите в будущее – это более правильное занятие. Вы поплачете, повздыхаете и придете в себя... может быть.

Возможно, этот кризис окажется для вас спасительным.

Казалось, она не слышала, и ее длинные ресницы бросали на щеки тень.

– Вы настоящая женщина! – прошептал он. – С этими детскими выходками и упрямством влюбленных, и с этой силой любви, бездонной, как океан. Увы! Почему вы созданы не для меня! Идите мечтать, моя бесценная. Прощайте. Теперь оставьте меня.

Анжелика встала и вышла, забыв сделать реверанс и не заметив, что он тоже поднялся, протянув было к ней руки. На его губах замер беззвучный призыв:

– Анжелика!

Она прошла через парк, погруженный в сумерки. Чтобы успокоить волнение, ей требовалось движение. Она шла, прижав бумаги к сердцу, разговаривая вполголоса, и все встречные пары, гулявшие в желтоватом свете аллей, считали ее помешанной или пьяной. Но это не мешало им любезно раскланиваться с мадам дю Плесси-Бельер, новой фавориткой. Анжелика не видела ни их, ни деревьев, ни статуй, ни цветов. Она быстро шла в поисках тишины и одиночества. В маленьком боскете, где водяные пузыри расцветали, как кувшинки, на темной поверхности бассейна, она наконец остановилась. Она запыхалась, потому что ее сердце билось неровно.

Анжелика опустилась на мраморную скамью. Ей хотелось прочитать документы, полученные от короля, но было уже темно. Глубоко задумавшись, она сидела неподвижно.

Женский инстинкт, глубоко таящийся в сердце, пробудил в ней *уверенность*. Раз он не умер на костре, значит он жив! Если судьба чудесным образом спасла его от огня, то только для того, чтобы вернуть его Анжелике, а не для того, чтобы подло отнять у него жизнь через несколько дней. В это она не могла поверить. Где-то в огромном мире, в какой-то точке неизвестной земли, *он* существует, *он* ждет ее, и пусть ей придется пройти по всему пути окровавленными ногами, она будет его искать и найдет. Ее разлучили с ним, но жизнь еще не кончена. Наступит день, когда, измученная, она соединится с ним наконец, когда она упадет в слезах ему на грудь и они снова будут вместе. Она не представляла ни его лица, ни его голоса, забыла даже его имя, но сквозь темноту и забвение она простирала к нему руки. И, подняв глаза к потемневшему небу, на фоне которого вершины больших деревьев шевелились, как водоросли, увлекаемые течением ночи, она закричала в порыве безумной радости и

восторга: «Он не умер. *Он не умер!*»

Об авторе

Симона Шанжо родилась 17 декабря 1921 года в Тулоне. Очень рано у девочки пробудилась страсть к литературному творчеству и к истории. «Ты сможешь писать книги для детей», – сказала ей мать. «Нет, я буду писать для взрослых!» – возразила шестилетняя писательница. Еще в отрочестве Симона публиковала рассказы и статьи в различных журналах. Ее первая, написанная в девятнадцать лет книга «В стране, которую видят мои глаза изнутри» была напечатана под псевдонимом Жоэль Дантерн, и критики приветствовали появление многообещающего автора. Во время войны она в одиночку дважды объехала Францию на велосипеде, чтобы описать красоту страны пером и кистью. Несколько раз ее задерживали, но, обнаружив рисунки акварелью, отпускали. Столкнувшись с немецкими пограничниками, храбрая девушка демонстративно нарушила границу, ступив одной ногой на территорию Испании, чтобы «ощутить почву свободной страны». Позднее впечатления от этих патриотически окрашенных путешествий лягут в основу приключений Анжелики.

Вторая ее книга «Мастер-Куки» – детектив, действие которого разворачивалось в Индокитае, – стала бестселлером, а Жоэль Дантерн – признанным автором книг для юношества. Она продолжала писать приключенческие романы, не оставляя журналистской работы, а также создавала сценарии фильмов («Спешащие на помощь», «Женщина в красном» и др.). Она основала журнал «Франция 47», где напечатала свой первый роман с продолжением («*Le Caillou d'Or*»).

Получив премию «Ларигоди» за «Дозор невинных мучеников», она отправилась в качестве внештатного корреспондента в Африку и участвовала в нескольких гуманитарных миссиях в Конго, в том числе в экспедиции, помогавшей населению справиться с эпидемией сонной болезни, а также в строительстве собора Св. Анны. Здесь, в африканской глуши, она встретила мужчину своей жизни – геолога Всеволода Голубинова. Симона вышла за него замуж и сопровождала мужа в его странствиях. Они вместе путешествовали в дебрях Майомбе и Чада.

Всеволод Голубинов родился в 1903 году в России в дворянской семье, вырос в Средней Азии и Персии, где его отец был губернатором Исфахана. Когда разразилась революция, ему было пятнадцать, он покинул Севастополь перед приходом армии большевиков. Всеволод закончил высшую инженерную школу в Нанси, стал геологоразведчиком, много

путешествовал по Африке и Азии. Хотя он и не имел французского гражданства, но во время войны примкнул к генералу де Голлю и был заочно приговорен к смертной казни правительством Виши.

В Африке Симона пишет репортажи и два романа: «Дело Лимба» и «Белая женщина из Кермалы», которые печатались с продолжением в журналах. А когда по возвращении во Францию Всеволоду Голубинову не удастся найти работу, супруги начинают зарабатывать себе на жизнь совместным написанием научных статей под псевдонимом Анн и Серж Голон или Серж Голон. Они также создают книги о полной приключений жизни Сержа Голона («Гиганты из озера», «Сердце хищников» и несколько повестей, оставшихся неопубликованными). В 1952 году выходит последняя книга под псевдонимом Серж Голон, она называлась «Переполах в Чаде». Затем Симона, вдохновленная семнадцатым веком – осмеянной и практически вышедшей из моды эпохой истории Франции, – начинает в Версале работу над «Анжеликой» – «практически бесконечным проектом неопределенного жанра». «Я решила написать нечто особенное, порывающее с тем, что довлело в ту пору над людьми. С гнетом условностей, с религиозными запретами. Здесь было над чем подумать...» В версальской библиотеке Анн и Серж свели воедино исторические данные, связанные с этим громадным замыслом (правда, в ту пору Анн Голон еще казалось, что все уложится в один большой том). «Анжелика» была опубликована в Германии в 1956 году под псевдонимом Анн Голон, а затем в 1957-м во Франции под псевдонимом Анн и Серж Голон – французский литературный агент и издатель решили ввести мужское имя, чтобы все выглядело «более серьезно». В 1958 году «Анжелика» была напечатана в США. Там автором значилась Сержанна Голон. Во всех этих странах книга имела огромный успех.

В 1959 году супруги Голон вместе с детьми переехали в Швейцарию в Кран-Монтану. Всеволод несколько раз побывал в Африке с геологическими партиями, а в 1961 году переключился на исследования, связанные с живописью. Он работал над изобретением новых красок, которые меняют оттенок в зависимости от дневного света. Он был поглощен своим научным проектом вплоть до самой смерти в 1972 году. Исключение составил только 1966 год, когда он сопровождал жену, которую исторические изыскания увлекли в Новый Свет (в США и Новую Францию^[27]).

«Анжелика» победоносно шествовала по миру. Восемь книг уже были переведены на разные языки, а во Франции был снят фильм «Анжелика» (режиссер Бернар Бордери), за которым последовало еще четыре, свободно

интерпретировавшие содержание серии романов. В 1985 году выходом тринадцатого тома завершилась публикация «Анжелики», однако остальные тома серии уже давно почти полностью исчезли с книжных прилавков во Франции и франкофонных странах. А между тем серия с успехом продавалась повсюду – от Японии до Италии – суммарными тиражами до 10 миллионов экземпляров в год, в то время как Анн Голон жила в стесненных обстоятельствах, пытаясь через суд вернуть себе авторские права. В России об авторах «Анжелики» ходили разные легенды. Журналисты писали, что «Анжелика» – это роман, написанный в XIX веке, другие сообщали, что Серж Голон погиб, сражаясь за революцию, третьи объявляли себя наследниками Анн и Сержа Голон и публиковали «продолжения» романа при попустительстве французских издателей. И вот после долгих судебных разбирательств в 2005 году Анн Голон вернула себе права, придав своему проекту новое дыхание.

Все эти годы она работала над продолжением истории. В то же время в прежних французских изданиях «Анжелики» были обнаружены сокращения и поправки, сделанные прежними издателями в обход автора. Анн Голон принялась заново пересматривать книги серии, чтобы вернуть текст к первоначальному варианту. Кроме того, она начала добавлять новые сюжетные линии, которые прежде не удалось развить (например, Фронда, преследование целительниц или закулисные события при заключении Пиренейского договора...), и новые элементы, предвещающие развитие событий. Несколько томов этой расширенной версии «Анжелики» уже вышли в свет в ряде стран.

Анн Голон, как и ее героиня, каждый раз возрождается из пепла: недавно на экраны кинотеатров вышел новый фильм «Анжелика» (режиссер Ариэль Зейтун), а в книжных магазинах появились новые издания «Анжелики» (выпускаются и книги в старом варианте, и пересмотренные и дополненные автором романы). Это масштабный амбициозный проект, но для храброго сердца нет ничего невозможного. «Я поставила себе срок десять лет, а потом посмотрим!..» – скромно заметила она в недавно написанном очерке.

Ныне Анн Голон является одним из самых читаемых французских авторов в мире. Созданные ее воображением легендарные персонажи – Анжелика Маркиза Ангелов и Жоффрей де Пейрак – стали неотъемлемой частью массовой культуры, а серия книг о них – своего рода литературной классикой. И хотя автор по-прежнему считает, что она, будучи обычной женщиной, «просто написала ту книгу, которую должна была написать», история ее жизни и ее литературный дар свидетельствуют о том, что и она

сама сродни своей героине.

Надин Голубинофф

notes

Примечания

Короля Людовика XIII называли Справедливым, а не Благочестивым или Целомудренным. Людовик XIII (1601–1643) Справедливый – король Франции и Наварры Вероятно, старая дева путает Juste (справедливый) и Chaste (благочестивый). *(Здесь и далее, кроме специально помеч. случаев, примеч. перев.)*

Капитулы, или синдики, были на юго-западе эквивалентом мэров в центральных районах Франции, но с более диктаторскими полномочиями. *(Примеч. авт.)*

Здесь и далее перев. Вас. Гиппиуса.

4

Эстокада — прямой перпендикулярный (к поражаемой поверхности) удар рапирой, шпагой, эспадроном при фехтовании.

Гильоширование – нанесение узора или гравировки сеткой из волнистых линий.

Здесь и далее песенка в переводе М. Квятковской.

В то время один ливр стоил приблизительно 1300 евро. Люди, проигрывающие такие суммы, тогда не были редкостью. *(Примеч. авт.)*

Зеленое золото – сплав золота с серебром; *розовое золото* – сплав золота с медью.

9

Исторический факт.

10

Здесь: в последнюю минуту (лат.).

Поцады! Поцады!

Плутовка, чертовка.

Есть единый Бог. Мохаммед – пророк Его и Али – визирь Его!

Перевод К. Арсеновой.

20 млрд франков в современном исчислении. *(Примеч. авт.)*

Здесь: всяких прочих (ит.).

Чертовка, дьяволица.

Ослица.

Здесь: для данного случая(лат.).

Так мадам де Севинье называет в своих письмах мадам де Монтеспан.

Второе посольство прибыло во Францию в 1770 г.

4 миллиона франков.

23

Со смертью.

См.: «Анжелика. Путь в Версаль».

Смерть (*жарг.*).

См.: «Анжелика – Маркиза Ангелов».

Новая Франция – так назывались французские владения в Северной Америке; в разное время туда входили современные канадские провинции Квебек, Онтарио и часть берегов Великих Озер.